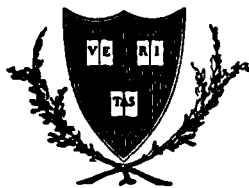

CT 385,5

Harvard College Library

THE GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

Class of 1887

From a Contribution to the
Fine Arts Endowment Fund of 1924.

I 321.

«ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»

«ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ»

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. " pt. 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДАЛОВЪ.

1862. "

41
6

1886 J

СР 37.5.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
RICHARD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. 28 декабря, 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

I.

О РАДОСТЯХЪ И УДОВОЛЬСТВІЯХЪ.

Въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій люди постоянно ищутъ удовольствій и радостей; но, при всѣхъ усиліяхъ, не могутъ найти радости полной и совершенной, невозмущаемой и неомрачаемой никакими скорбями, всегда новой и пріятной, постоянной и непреходящей. А между тѣмъ, кто не пожелалъ бы себѣ именно такой радости?

Особенная и, по видимому, рѣшительно непреодолимая трудность найти постоянную и неизмѣнную радость заключается въ томъ, что и окружающая насъ природа, и прирожденная намъ немощь и безсиліе, а болѣе всего прирожденная намъ склонность къ преступленію и пороку служатъ для насъ неисчерпаемымъ источникомъ печалей и скорбей, дѣлаютъ то, что всѣ наши земныя радости и удовольствія или слѣдуютъ за скорбями, или идутъ вмѣстѣ съ ними, или же ведутъ къ величайшимъ скорбямъ и печалямъ....

Вотъ земледѣлецъ смотритъ на зеленѣющіе всходы своихъ полей; прекрасный видъ ихъ ласкаетъ его взоръ, радуется сердце. Но къ этой радости уже незамѣтно примѣшивается и печаль отъ опасенія и страха, какъ

бы неблагоприятный дождь или неумѣренный зной не уничтожилъ всѣхъ трудовъ его и не оставилъ его съ семействомъ въ жертву нищетѣ и голоду.

Вотъ отецъ и мать съ любовію и восторгомъ смотрятъ, какъ играетъ и веселится ихъ младенецъ, какъ онъ обращается къ нимъ то съ дѣтскимъ лепетомъ, то съ улыбкой, то со взоромъ, въ которомъ такъ невыразимо пріятно, такъ восхитительно для очей и сердца сіяетъ душа ангелоподобная, не омраченная никакою страстію и преступленіемъ. Но и къ этой радости какъ часто и какъ много примѣшивается тайныхъ, не всегда высказываемыхъ словомъ, но всегда тяжелыхъ и тревожныхъ для сердца, заботъ и опасеній! «Что-то будетъ съ нимъ въ послѣдствіи, — часто думаютъ заботливые родители, глядя на свое играющее и забавляющее ихъ дитя, — долгая ли жизнь суждена ему, или смерть преждевременно похититъ ихъ сокровище и радость? Счастіе и благоденствіе или страданія и бѣдствія, богатство и довольство или нищета и бѣдность, вниманіе и уваженіе или же холодность и равнодушіе людей ожидаютъ его въ жизни? Какимъ путемъ пойдетъ онъ въ жизни, когда не станетъ ихъ самихъ? Кто тогда предостранитъ его отъ опасностей, отъ увлеченій и заблужденій, подастъ благоразумный совѣтъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, утѣшитъ въ горѣ и несчастіи?..» Правда, бываютъ родители, которые своихъ дѣтей предоставляютъ заботамъ и попеченію чужихъ людей, а свою жизнь всецѣло отдаютъ забавамъ и удовольствіямъ свѣта, и которыхъ поэтому, — какъ по крайней мѣрѣ можно думать и предполагать, — никогда не беспокоятъ и не волнуютъ подобныя тяжелыя и тревожныя заботы и помышленія. Но за то, какъ доказываютъ безчислен-

ные опыты жизни, они и не находят истинных радостей тамъ, гдѣ ищутъ, и лишаютъ себя тѣхъ невинныхъ и чистыхъ радостей, которыми наслаждаются добрые родители, и въ послѣдствіи терпятъ тысячи жесточайшихъ скорбей и огорченій со стороны своихъ же дѣтей, воспитаніемъ которыхъ они такъ пренебрегали!..

Вотъ человѣкъ, цѣлюю своей жизни поставившій пріобрѣтеніе и умноженіе своего богатства. Его дѣла идутъ успѣшно: его состояніе, блестящее и прекрасное въ настоящемъ, обѣщаетъ ему еще большія надежды въ будущемъ. Но, при этихъ надеждахъ, среди великолѣпія и роскоши, во время самыхъ наслажденій всѣми благами міра, какъ часто возмущаютъ его душу самыя тяжкія заботы и опасенія, какъ бы внезапно не разстроились его дѣла, какъ бы непредвидѣнное бѣдствіе не разрушило вѣхъ его расчетовъ и ожиданій!..

Вотъ человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій искреннему и чистосердечному изысканію истины въ области науки и знанія. Онъ, сколько могъ, сколько достало ему времени и силъ, постарался узнать ученіе мудрецовъ древняго и новаго міра; онъ глубоко изучилъ исторію народовъ; онъ основательно и подробно знаетъ множество важнѣйшихъ открытій и изысканій въ области природы. Невѣдомыя для многихъ другихъ, но ему хорошо знакомы и высоко цѣнимы имъ удовольствія и наслажденія, которыя онъ почерпаетъ въ созерцаніи предметовъ человѣческой мудрости, часто волнуютъ его душу и сердце, часто уединенный кабинетъ его занятій дѣлаютъ для него свѣтлѣе и пріятнѣе самыхъ пышныхъ и великолѣпныхъ чертоговъ, его безмолвную бесѣду съ самимъ собою или съ книгою, — которая для другихъ такъ скучна, — дѣлаютъ для него столь занимательною и

приятною, что онъ не сравнить съ нею никакихъ развлеченій и удовольствій свѣта, никакихъ остроумныхъ, блестящихъ, игривыхъ и веселыхъ разговоровъ свѣтскаго общества. Но и онъ, среди своихъ духовныхъ удовольствій и наслажденій, какъ часто испытываетъ печали и скорби! Какъ часто надъ нимъ во всей силѣ исполняются слова древняго мудреца израильскаго: *приложи разумъ, приложи бользнь* (Еккл. 1, 18). Какъ часто закрадывается въ его душу сомнѣнiе въ томъ, что онъ считалъ несомнѣннымъ и вѣрнымъ, какъ часто это сомнѣнiе вполне подтверждается и переходитъ въ истинную несомнѣнную, въ крайне тяжелую и прискорбную для сердца увѣренность, что всѣ его труды понесены напрасно, что онъ даромъ потерялъ и время и силы, что всѣ его убѣжденiя, которыя считалъ онъ зрѣлымъ плодомъ своихъ занятiй, самую лучшую наградою для себя, своею несомнѣнною заслугою предъ обществомъ и наукой — не болѣе, какъ жалкое заблужденiе, мечта, призракъ!...

Такъ, во всей области природы, на всѣхъ путяхъ человѣческой жизни и дѣятельности наряду съ утѣшенiями и радостями идутъ огорченiя и печали. Но есть и такiя удовольствiя и радости, которыя сами по себѣ, по существу своему, — не что иное, какъ начало или источникъ жесточайшихъ скорбей и печалей. Таковы всѣ радости, всѣ наслажденiя и удовольствiя порочныя и законопреступныя. Упоевая и восторгая человекъ на нѣсколько часовъ, а иногда только на нѣсколько мгновенiй, онъ потомъ на цѣлые годъ и даже на всю жизнь повергаютъ его въ бездну горя и печали.

Таковы, на примѣръ, грубыя, чувственныя удовольствiя жизни развратной, за которыми слѣдуютъ долгие

дни и года сътованія и плача, стenanій отъ разстроенаго здоровья, стenanій отъ упрековъ совѣсти, ничѣмъ ненаполнимая пустота сердца и души, пресыщенной чувствениостью до отвращенія и потерявшей вкусъ къ наслажденіямъ высокимъ и благороднымъ, горькое сознаніе своего ничтожества и бесполезности въ быту общественномъ и домашнемъ, горькое воспоминаніе о прошедшей жизни, положительно вредной и губительной и для самаго развращеннаго и для другихъ, имъ обольщенныхъ и униженныхъ, поверженныхъ во всѣ ужасы ада, въ бездну порока, — ничего утѣшительнаго въ настоящемъ, — ничего свѣтлаго и отраднаго въ будущемъ!.. Сколько печалей и огорченій, удвоиваемыхъ и утроиваемыхъ мыслию, что они вполне заслужены, что они — достойное и справедливое воздаяніе безумію и распутству! Какая бездна скорбей за каплю ничтожныхъ и минутныхъ удовольствій!...

Много ли удовольствій и истинныхъ радостей можетъ доставить человѣку и жизнь роскошная и расточительная, постоянно проводимая въ пиршествахъ и забавахъ, въ кругу беззаботнаго и празднаго, веселаго и разгульнаго общества? Кому неизвѣстно, что эта жизнь, сама по себѣ, по существу своему, не иное что, какъ постоянная смѣна опьяненія, духовнаго или тѣлеснаго, или же того и другаго вмѣстѣ, пустотою души, томленіемъ, тоской и скукой, вызывающей желаніе новаго упоенія, за которымъ опять слѣдуетъ еще бѣльшая пустота души, еще бѣльшее утомленіе и изнеможеніе всѣхъ силъ тѣла и духа? Что—она, какъ не бесполезная трата средствъ жизни, часто собранныхъ великимъ трудомъ и заботой, кровью и потомъ другихъ? И что же наконецъ прибрѣтается столь дорогою цѣною? Безчисленные болѣзни,

преждевременная старость, угрызения совѣсти, а иногда и крайняя нищета со всѣми ея гибельными послѣдствіями, тѣмъ болѣе тяжкими и ощутительными, чѣмъ роскошнѣе и необузданнѣе была прежняя жизнь, тѣмъ болѣе ужасными и несносными, что къ нимъ присоединяется общее презрѣніе, безчисленныя насмѣшки надъ человекомъ, который самъ себя добровольно повергъ изъ состоянія счастливаго и почтеннаго въ самое презрѣнное и низкое...

Но мы напрасно старались бы изобразить все множество скорбей и страданій, производимыхъ порочными наклонностями.—Какихъ золъ не производило и не производитъ желаніе мщенія? Какихъ чудовищныхъ происковъ, обмановъ, распрей и раздоровъ не пораждаеть ненасытимое честолюбіе? Сколько ужасныхъ бѣдствій человечеству принесла и приносить страсть къ несправедному пріобрѣтенію! А между тѣмъ, какъ много горечи въ самомъ удовольствіи, почерпаемомъ въ удовлетвореніи втихъ страстей! Какъ часто удовлетворенное чувство мщенія боится само себя,—боится мщенія еще болѣе грознаго и жестокаго! Какихъ тайныхъ терзаній, опасеній, сомнѣній и страха не испытываетъ душа честолюбца или корыстолюбца при мысли о томъ, что другіе тѣми же средствами, какія употреблены ими, могутъ отнять у нихъ честь и богатство, что зависть однихъ и мщеніе другихъ, которые обижены ими, ждуть только удобной минуты, счастливаго случая, малѣйшей оплошности съ ихъ стороны, чтобы низвергнуть ихъ и съ избыткомъ отплатить имъ за всѣ обиды и притѣсненія!.. Подлинно, всѣ грѣховныя привычки и страсти — неисчерпаемый источникъ бѣдствій и страданій, горя и печали и для тѣхъ, которые слѣпо повинуются внуше-

ниязъ своихъ страстей, и для ближнихъ ихъ, и для всего человечества. Онъ, разрушая между людьми взаимную довѣренность и уваженіе, миръ и согласіе, производитъ между ними раздоръ и брань;—вооружая одного противъ другаго, онъ дѣлають людей другъ для друга виновниками бѣдствій и страданій, оскорбленій и огорченій, а иногда даже убійствъ и кровопролитій!...

Но если ни природа видимая, при всей многочисленности и разнообразіи своихъ предметовъ и явленій, ни жизнь и дѣятельность человѣческая, — ни слава, ни богатство, ни наука, ни искусство, ни родственная любовь и привязанность, если не только пороки и страсти, которыя справедливо наказываются страданіями виѣшними и внутренними, но и болѣе или менѣе правильная, честная и добросовѣстная жизнь и дѣятельность не дають намъ радостей неизмѣнныхъ и постоянныхъ: то ужели исканіе постоянной и прочной радости на землѣ — трудъ напрасный и потому неразумный и безцѣльный?...

Нѣтъ. если духъ нашъ не можетъ найти полной и всецѣлой радости и удовольствія въ предметахъ земныхъ; то значить, что эти предметы ничего болѣе не могутъ дать ему, какъ только мимолетныя и преходящія, хотя бы въ тоже время чистыя и невинныя, радости; значить, что всѣ радости и удовольствія, почерпаемыя въ земныхъ предметахъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему началу или источнику, — также, какъ онъ, тлѣны и преходящи. Если, дагѣе, въ собственной жизни и дѣятельности, въ нашихъ познаніяхъ и мудрости, въ наукѣ и искусствѣ, мы не можемъ найти радости и удовольствія полного и всецѣлаго, постоянного и непреходящаго: то не ясно ли отсюда, что стремленія на-

шей природы только тогда и могут быть удовлетворены, когда предметом их будетъ что либо гораздо высшее и ей самой и всего, окружающаго ее. міра—нѣчто необъятное и безконечное? Если земныя радости не могутъ радовать ее постоянно, а между тѣмъ желаніе радостей въ ней неизмѣнно и непреходяще: то нужно ей найти неисчерпаемый источникъ радости, нужно ей имѣть радость всегда новую и пріятную, постоянную и непреходящую.

Эту неизмѣнную и непреходящую радость, всегда довольную для того, чтобы удовлетворить безсмертнымъ желаніямъ нашего духа, возвѣщаетъ намъ св. Апостолъ, когда говорить: *радуйтесь всегда о Господь, и какъ реку: радуйтесь* (Филип. 4, 4). Итакъ предметомъ радости всегдашней и постоянной, по ученію Апостола, долженъ быть Богъ, какъ существо высочайшее и безконечное, какъ источникъ жизни и блаженства. Это ученіе, возвѣщаемое божественнымъ откровеніемъ, легко принимается и здравымъ, непредубѣжденнымъ разумомъ человѣка, потому что и естественное человѣческое мышленіе, при правильномъ понятіи о Богѣ, какъ существѣ всесовершенномъ и безконечномъ, не можетъ не признавать Его источникомъ блага и счастья, блаженства и радости.

Но чтобы Богъ былъ для насъ предметомъ радости, для этого непремѣнно нужно, чтобы Онъ самъ даровалъ намъ радость въ Немъ самомъ и научилъ насъ радоваться достойнымъ Его образомъ, — необходимо признать, что святую радость о Богѣ человѣкъ не можетъ имѣть безъ воли Божіей, безъ благодати Божіей. Естественная человѣческая мудрость можетъ сказать намъ, что Богъ самъ по Себѣ есть источникъ радости и блажен-

ства: но она не может научить насъ, какъ почерпнуть блаженство и радость въ сѣмъ неисчерпаемомъ Источникѣ.

Конечно, и эта мудрость можетъ сказать намъ много утѣшительнаго о Богѣ, можетъ сказать, напримѣръ, что Онъ есть нашъ Промыслитель, охраняющій нашу жизнь и бытіе въ каждую минуту, что всё, окружающее насъ, дары и благодѣтельные силы природы суть выраженіе Его благодати и милосердія къ намъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ не признать, что есть величайшее средостѣіе между Богомъ, высочайшей святостію и правосудіемъ, и человѣкомъ, никогда не чуждымъ грѣха и преступленія, что по этому самому для человѣка, при помощи однихъ его естественныхъ силъ, нѣтъ ни малѣйшей надежды войти въ ближайшее общеніе съ Богомъ, источникомъ радости и блаженства. Что сказать о тѣхъ ученіяхъ человѣческой премудрости, которыя проповѣдуютъ чудовищное всебогіе, — къ сожалѣнію и нынѣ мы не мало найдемъ такихъ проповѣдниковъ древнѣйшаго изъ заблужденій — что сказать объ ученіи, которое весь міръ и человѣка, и добро и зло, и благоденствіе и несчастіе, и горе и радость, и жизнь и смерть, — все представляетъ не инымъ чѣмъ, какъ раскрытіемъ или развитіемъ существа и жизни Божіей? Какъ бы ни было хитро сплетено такое ученіе, какимъ бы мнимо-возвышеннымъ языкомъ человѣческой премудрости оно ни выражалось, какъ бы широко и глубоко, остроумно и блестяще оно ни было развиваемо, какими бы внѣшними признаками истинности и достовѣрности оно ни облекалось, сколько бы ни старалось оно примирить очевидныя противорѣчія, которыя находятся въ немъ и, можно сказать, состав-

ляют его основу и сущность, сколько бы ни опиралось оно на свои знаменитые авторитеты учености и знания, — оно во всяком случаѣ ничтожно и жалко, ложно и богохульно, и никогда не можетъ быть для человѣка источникомъ истинныхъ радостей и утѣшеній....

Такъ, мы можемъ почерпнуть радость и блаженство въ Богѣ только въ томъ случаѣ, если Онъ самъ низойдетъ къ намъ, самъ разрушить то средостѣніе, которое отдѣляетъ насъ отъ Него, самъ призоветъ насъ изъ тмы въ чудный свѣтъ свой (1 Петр. 2, 9), самъ дастъ намъ радость и утѣшеніе. И Онъ снизшелъ намъ, какъ только возможно снизойти, Онъ соединился съ нами чрезъ своего еднороднаго Сына, принявшаго естество наше. *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14), и вмѣстѣ съ этимъ Оно стало для насъ и *путемъ* (Іоан. 14, 6), ведущимъ къ Богу, и *свѣтомъ* (Лук. 2, 32), озаряющимъ насъ, и *миромъ нашимъ* (Ефес. 2, 14), разрушающимъ средостѣніе между нами и Богомъ, такъ, что, при всецѣльномъ посредствѣ Его, и Богъ съ величайшимъ благоволеніемъ и любовію приемлетъ прибѣгающаго къ Нему человѣка, и человѣкъ получаетъ возможность войти въ столь близкое общеніе съ Богомъ, что въ Немъ самомъ можетъ почерпнуть блаженство и радость сколько захочетъ, сколько можетъ вмѣстить. Посему-то и великій Апостолъ языковъ, указывая намъ предметъ истинной и постоянной радости въ Богѣ, свидѣтельствуешь, что эта радость по началу и происхожденію своему есть даръ божественный, даръ или плодъ благодати Святаго Духа, даруемый намъ ради безконечныхъ заслугъ Иисуса Христа: *плодъ духовный есть любви, радость* (Гал. 5, 22).

Какъ могущественна и несокрушима можетъ быть эта

святая радость о Богѣ, даруемая Господомъ Иисусомъ Христомъ, — показываетъ намъ примѣръ тѣхъ, которые негнѣстно, съ полною вѣрою и упованіемъ, прибѣгали къ сему Источнику утѣшенія и радости. Въ всемогущую, побѣдоносную силу, способную улаждать и облегчать самыя величайшія скорби и лишенія, самыя высокія и трудныя подвиги христіанскаго самоотверженія, показываетъ примѣръ св. апостоловъ, которые радовались въ страданіяхъ (Кол. 1, 24), которые *идящу радуящеся отъ лица собора іудейскаго: яко за имя Господа Іисуса слободышася безчестіе пріяти* (Дѣян. 5, 41). Ея чудную, побѣдоносную силу показываетъ примѣръ св. мучениковъ, которые съ величайшимъ мужествомъ, спокойствіемъ и терпѣніемъ переносили самыя жестокия внѣшнія страданія, находя для себя ободреніе и утѣшеніе во внутреннемъ дѣйствіи благодати Божіей на ихъ чистыя и святыя души. Ея неоторимую силу показываетъ примѣръ святыхъ подвижниковъ и пустынножителей, которые въ глубинѣ пещеръ и горныхъ ущелій, въ непроходимыхъ лѣсахъ и безлюдныхъ пустыняхъ находили, по благодати Божіей, такое духовное утѣшеніе, которое и пустыню дѣлало для нихъ раемъ, которое было для нихъ дороже всѣхъ радостей и удовольствій, всѣхъ наслажденій и утѣшеній міра. — Принимая въ жизнь великихъ подвижниковъ христіанства, мы видимъ, что эта святая радость часто восходила въ нихъ на степенъ величайшаго духовнаго восторга и восхищенія, видимъ, что благодать Божія часто давала имъ на землѣ предвкушать блаженство небесное въ такомъ изобиліи, что они какъ бы переносились въ жизнь будущаго вѣка; оставивъ все земное, были, подобно Апостолу, восхищаемы на небо (2 Кор. 12, 1—5).

Само собою очевидно, что такая высокая христианская радость есть необыкновенный, чрезвычайный дар божественной благодати, по временамъ ниспосылаемой некоторымъ великимъ избранныкамъ, и притомъ не по ихъ желанію, но единственно по изволенію Божию, сообразно съ особенными цѣлями премудрости и благодати Божіей. Потому и говорить объ этомъ высокомъ духовномъ состояніи на языкѣ человѣческомъ и вполнѣ изъяснить его не возможно, по свидѣтельству самихъ же святыхъ мужей, испытавшихъ это чудное состояніе.

Но есть святая утѣшенія, есть чисто-духовныя радости, которыя, по благодати Божіей, могутъ быть и дѣйствительно бывають доступны каждому христианину, или вущему истинно по христиански, — по духу Вѣры, въ общеніи съ своимъ Спасителемъ и Богомъ. И при свѣтѣ откровенія божественнаго, мы можемъ видѣть, каковы эти радости и утѣшенія христианской жизни, которая для многихъ, вовсе не испытавшихъ ее, кажется унылою и печальною, лишенною всякихъ радостей и утѣшеній.

Прежде всего для истиннаго христианина все вообще ученіе Христова, все откровеніе божественное есть источникъ истинной радости, есть утѣшеніе самое высокое и сильное, есть *сватисіе*—*есть блазая* и отрадная, восхитительная и вощагѣнная для сердца! *Духъ Господень на Мя*, говорилъ о Себѣ и своемъ ученіи Христосъ — Спаситель, *Блюже ради помава Мя благословити ни щимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцама: проповѣдати пламеннымъ отпущеніе, и слѣплымъ прозрѣніе: отпустити сокрушенныя во отраду: проповѣдати люто Господне пріятно* (Лук. 4, 18—19). И подлинно, для сердца вѣрующаго и любящаго что можетъ быть отраднѣе

и утѣшительнѣе того, о чемъ возбѣщаетъ намъ Господь Христосъ въ своемъ Евангеліи? Что можетъ быть утѣшительнѣе и отраднѣе ученія о искупленіи человечества страданіями и смертію едиnorodнаго Сына Божія, о примиреніи насъ съ Богомъ, о избавленіи насъ отъ грѣха и проклятія, отъ смерти и ада? Что можетъ быть отраднѣе и возжелѣннѣе божественнаго обитованія о воскресеніи нашего тѣла, о будущей безбогѣемной, вѣчно-блаженной и безсмертной жизни, о вѣчномъ царствованіи во славу съ Богомъ, о причастіи Божественнаго естества? И одне размышленіе объ этихъ божественныхъ истинахъ можетъ если не потребить и уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить и обезсилить все множество неизбѣжныхъ на землѣ скорбей и печалей, если не даровать намъ радость всегда одинаково сильную и живую, то дать бодрость духа, мужество и благодушіе въ самыхъ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. И чѣмъ болѣе размышляетъ человекъ объ этихъ божественныхъ истинахъ, чѣмъ болѣе принимаетъ въ нихъ умомъ и сердцемъ, тѣмъ болѣе отрываетъ въ нихъ жизни и свѣта, тѣмъ болѣе находитъ въ нихъ покой и миръ, счастье и радость. И эта радость нигода и ни гдѣ не можетъ быть отнята и похищена у насъ, если только мы сами у себя не похитимъ ее, если, въ шумѣ суеты, всецѣло погрузившись въ земное, не забудемъ о небесномъ ученіи Евангелія.

Духовная радость, почерпаемая въ созерцаніи истины Христовой вѣры, какъ и всякая вообще сильная радость, часто не удерживается въ сердцѣ одного человека, но изливается въ его словѣ и сообщается другимъ, способнымъ принять ее и наслаждаться ею, — и въ такомъ случаѣ она, подобно пламени, распространяясь болѣе и

болѣе, дѣлается еще живѣе и пламеннѣе, сильнѣе и дѣйственнѣе. Посему-то и св. Апостолъ желалъ и́ногда насладиться святою радостію о Вѣрѣ не одинъ, но вмѣстѣ съ другими вѣрующими, желалъ *соутѣмлялся* вмѣстѣ съ ними *вѣрою общею* (Рим. 1, 12). — И кто, руководимый духомъ истинной Вѣры, не найдетъ людей, вполне ему сочувствующихъ въ духѣ христіанскаго единомыслія и любви?... Но если и нѣтъ съ нимъ такихъ людей, — онъ и тогда можетъ испытывать это утѣшеніе общею вѣрою вмѣстѣ съ другими! Онъ найдетъ это высокое утѣшеніе въ той увѣренности, въ томъ сознаніи, что онъ вѣруетъ такъ, какъ училъ Іисусъ Христосъ, какъ проповѣдывали апостолы, какъ учили отцы Церкви и вселенскіе соборы, какъ исповѣдывали св. мученики и исповѣдники, какъ исповѣдала и исповѣдуетъ православная, вселенская Церковь. Онъ найдетъ эту святую радость въ той увѣренности, что его образъ мыслей — не мысли того или другаго земнаго мудреца, всегда болѣе или менѣе одностороннія, не чуждыя ошибокъ и заблужденій, хотя иногда и прикрытыя именемъ ученія Христа; но истина полная и совершенная, всеобъемлющая и всесторонняя, проливающая чудный свѣтъ на всю жизнь и бытіе человѣка, самымъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ путемъ ведущая къ жизни и блаженству.... Подлинно, если въ самыхъ истинахъ нашей Вѣры — непочерпаемый источникъ высокихъ духовныхъ утѣшеній для сердца христіанскаго: то и въ сознаніи, что мы исповѣдуемъ Вѣру такъ, какъ учитъ Церковь, — спасительно и богоугодно, — источникъ новыхъ высокихъ радостей для христіанина!

Впрочемъ, чтобы во всей полнотѣ и обширности воспользоваться тѣми святыми радостями и утѣшеніями,

которыя такъ изобильно подаютъ намъ Вѣра и Церковь, нужно не только знать истины Вѣры, не только принадлежать къ Церкви по одному имени православнаго христіанина, но и по жизни и дѣятельности, вполне сообразной съ ученіемъ Вѣры и Церкви. Для этого потребуются отъ насъ нѣкотораго рода жертвы, потребуется усиленная борьба съ своими грѣховными наклонностями и привычками, подвиги самоотверженія, слезы покаянія. Но ужели мы не понесемъ этихъ подвиговъ, когда намъ несомнѣнно извѣстно, что они должны быть залогомъ радости постоянной и неизмѣнной, съменемъ, которое должно принести намъ обильный плодъ духовныхъ утѣшеній, по слову Пророка: *слюзи́и слезами, радостию пожнутъ* (Псал. 125, 5)? Если иныя, по дѣтскому легкомыслію, предаются удовольствіямъ, которыя потомъ отравляютъ и наполняютъ огорченіями и страданіями всю ихъ жизнь: то не-благодарумнѣ ли и не достойнѣ ли человѣка истинно мудраго и разсудительнаго перенести нѣкоторыя, преходящія и кратковременныя печали и лишенія, которыми на всю временную и вѣчную жизнь можно приобрѣсти себѣ утѣшенія и радости постоянныя и неизмѣнныя? *Покайтесь: приблизити бо царство небесное* (Матѣ, 4, 17), — вотъ начало проповѣди христіанской, вотъ первое слово Того, Кто самъ есть источникъ радости и блаженства для міра ангельскаго и человѣческаго. Ужели мы не послѣдуемъ Его призыванію? Ужели безконечную радость не захочемъ получить за столь малую цѣну?...

А между тѣмъ, и не испытавшій радостей и утѣшеній жизни истинно-христіанской, при свѣтѣ откровенія божественнаго, можетъ видѣть, къ какимъ великимъ и обильнымъ и въ тоже время неизмѣннымъ и постояннымъ ра-

достягъ ведетъ скорбный вначалъ путь христіанскаго самоисправленія и самоотверженія. Что приобретаетъ тотъ, кто истинно раскаявается во грѣхахъ, разстается съ своими страстями и начинаетъ жить для Бога, по закону евангельскому? Онъ приобретаетъ первѣе всего отпущеніе своихъ грѣховъ, духовный миръ съ своею совѣстію и съ Богомъ, несомнѣнную надежду на милосердіе Божіе, онъ видитъ въ себѣ не преступника, по суду вѣчной правды Божіей, подлежащаго вѣчной казни, но оправданнаго и помилованнаго ради крестныхъ заслугъ едиnorodнаго Сына Божія; онъ видитъ въ себѣ начало новой жизни и опытно дознаетъ, что Господь Іисусъ подлинно пришелъ для того, чтобы дать плѣннымъ свободу, отпустить сокрушенныхъ во отраду. Онъ въ молитвѣ своей съ полнымъ дерзновеніемъ сердца, въ которомъ уже возгарается духовный огонь любви къ Богу, обращается къ Нему, не какъ рабъ съ трепетомъ, сомнѣніемъ и страхомъ, но какъ сынъ съ живымъ упованіемъ, съ глубочайшею вѣрою, съ совершенной преданностію въ волю Отца небеснаго, съ несомнѣнною увѣренностію, что исполненіе и даже неисполненіе его прошеній должно послужить ему во благо и спасеніе, такъ какъ то и другое исходитъ отъ Того, Кто любитъ насъ безпредѣльно совершеннѣе, безпредѣльно нѣжнѣе и пламеннѣе нашихъ отцевъ и матерей, Кто всѣмъ хочетъ спастися, всѣмъ готовъ даровать вѣчную жизнь и блаженство, и къ этой высочайшей цѣли направляетъ всѣ свои дѣйствія въ откошеніи ко всѣмъ людямъ. А такимъ образомъ всю жизнь истиннаго христіанина проникаетъ и одушевляетъ та живая надежда вѣчныхъ благъ, та святая радость спасенія, о возвращеніи которой нѣкогда молился Богу Царь-Пророкъ: *всегдашю ми радость спасенія твоего* (Псал. 50, 14). — И эта ра-

дость непостоянна, не преходяща и неостыждаема, если только мы сами у себя не отнимем ее новыми грѣхопадениями и забвеніемъ Бога, если отъ пути спасенія опять не уклонимся на нуть погибели. Отъ насъ всегда зависитъ удержать при себѣ или, вѣрнѣе, въ самихъ себѣ эту святую радость; а благодать Божія всегда готова даровать намъ ее. Отъ насъ зависитъ постояннаго вѣрностию Богу и Его закону постоянно возвышать эту святую радость даже до живаго предвнушенія на землѣ небесныхъ благъ: но отъ насъ же зависитъ постепеннымъ охлажденіемъ любви нашей къ Богу не только ослабить и уменьшить, но и совершенно уничтожить въ себѣ живую радость спасенія, совершенно потерять всякое расположеніе и вкусъ къ наслажденію этою возвышенною и святою радостію, — какъ и сбывали нѣкогда нѣкоторые люди, по свидѣтельству Пророка: *позрамниши радость-вылосе человека* (Юил. 1; 12)....

Истинно, тотъ истинно блаженъ и счастливъ, кто, пребывая вѣрнымъ ученію Христову, еще здѣсь предвкушаетъ дара небеснаго и силы грядущаго вѣка, — духовной радости жизни истинно-христіанской. — Возвышались болѣе и болѣе отъ чувственнаго къ духовному, отъ преходящности къ трѣнному и преходящему къ любви Божіей, они сами себя устрояютъ въ живой, нерукотворенный храмъ живаго Бога, по свидѣтельству самаго Іисуса Христа: *аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ, а Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему придетъ, и обитаетъ у него съвѣрнѣе* (Іоан. 14, 23). Видимымъ залогомъ этого божественнаго обитованія служатъ для него причащеніе тѣла и крови Господней въ таинствѣ Евхаристіи. Сколько духовныхъ радостей, сколько святыхъ утѣшеній для христіанина заключаетъ въ себѣ и

одна мысль о томъ, что здѣсь онъ таинственно, но тѣмъ же менѣе истинно и существенно, соединяется съ своимъ Господомъ, по неложному обитованію Его: *омы мою плоть, и пий мию кровь, во Милъ пребываетъ, и Авъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Какъ невыразимо радостна и восхитительна для сердца христіанина та увѣренность, что въ немъ самомъ есть источникъ вѣчной жизни или, точнѣе, самосушая, безначальная и безконечная жизнь, что въ немъ Тотъ, безъ Кого и самое небо не имѣло бы радости и блаженства, Кто силою и дѣйствіемъ своей благодати, однимъ мановеніемъ своей Божественной воли, однимъ взоромъ своего снисхожденія и благоволенія къ любящимъ Его можетъ даровать имъ радость столь сильную и могущественную, что ея никакая сила и власть земная не могутъ отнять у нихъ и уничтожить: *узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возметъ отъ васъ* (Іоанн. 16, 22)... Но можно ли слабымъ словомъ человѣческимъ изобразить всю полноту, все обиліе духовныхъ, благодатныхъ утѣшеній и радостей, которыя истинный христіанинъ можетъ найти въ приискреннемъ общеніи съ своимъ Спасителемъ и Богомъ? Можно ли горстію исчерпать море? Можно ли взоромъ человѣческимъ объять все пространство неба и проникнуть въ неизмѣримую глубину его?..

Не усиливаясь исчерпать неисчерпаемое и постигнуть непостижимое, мы можемъ, однакожъ, при свѣтѣ ученія божественнаго, видѣть то отношеніе, какое духовныя, святая радости христіанства имѣютъ къ нашимъ радостямъ и удовольствіямъ земнымъ.

Нѣтъ нужды говорить здѣсь о томъ, что эти святая радости никогда и никакимъ образомъ не могутъ унизиться и быть вмѣстѣ съ радостями и удовольствіями пороч-

ными, низкими и законопреступными. Тъ и другія до того противоположны между собою, что между ними не можетъ быть ни малѣйшаго согласія, а напротивъ возможна только самая упорная и ожесточенная борьба. Эта борьба можетъ быть болѣе или менѣе продолжительна, можетъ не прекращаться даже во всю земную жизнь человека, но конецъ ея всегда одинъ: или торжество духовныхъ радостей и утѣшеній христіанства, переходящее наконецъ въ блаженство и радость неба, или же совершенное преобладаніе низкихъ и порочныхъ удовольствій, переходящее въ вѣчное горе и плачъ!...

Обратимъ вниманіе на то благотворное вліяніе, какое святія радости и утѣшенія христіанскія имѣютъ на наши земныя радости невинныя, чистыя и законныя. Христіанство вообще есть снисхожденіе Бога къ падшему и удалившемуся отъ Него человечеству, дивное приближеніе безпредѣльнаго и безконечнаго къ конечному и ограниченному, всемогущаго къ немощному, вѣчноблаженнаго и вседозвольнаго къ несчастному и страждущему, не могущему найти себѣ полной и непреходящей радости и утѣшенія ни въ чемъ, даже въ самыхъ законныхъ и невинныхъ, не возмущающихъ совѣсти, удовольствіяхъ и радостяхъ земныхъ. И если въ этомъ чудномъ снисхожденіи Бога къ человечеству сила Божія обнаруживается въ немощахъ человѣческихъ (2 Кор. 12, 9) такъ, что даже скорбь прелагаетъ въ радость, страданія и болѣзни растворяетъ величайшимъ утѣшеніемъ: то не естественно ли ей возвышать и усиливать всякую чистую, непротивную ученію Христа-Спасителя земную радость и утѣшеніе, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ она есть одна и та же сила Божія, оскудѣвающая восполняющая и немощная врачующая?

Если жизнь истиннаго христiанина тѣснѣйшимъ образомъ соединена съ Божественною жизнью самаго Иисуса Христа: то, по самому этому единенiю вѣрующихъ съ своимъ Господомъ, источникомъ радости и блаженства, всѣ земныя чистыя радости должны имѣть въ жизни истинно-вѣрующихъ отпечатокъ духовнаго, вѣчнаго и божественнаго. Такъ, въ жизни истиннаго христiанина и земныя радости и удовольствiя имѣютъ иной, возвышенный, духовный и небесный характеръ, получаютъ новую силу, озаряются инымъ, небеснымъ свѣтомъ и, прiятныя по самой природѣ своей, онѣ дѣлаются еще болѣе отрадными и живительными для сердца по дѣйствию божественной благодати.

Такъ, много радостей, много чистыхъ и невидимыхъ утѣшенiй, по самой природѣ своей, заключаетъ въ себѣ нѣжная, живая и искренняя любовь матери къ своему младенцу. Но когда эта любовь освящается любовью къ Спасителю и озаряется небеснымъ свѣтомъ Евангелiя, тогда она получаетъ новую силу и жизнь и дѣлается источникомъ наслажденiй, каковыхъ не можетъ дать матери природа. Мать — христiанка видитъ въ своемъ младенцѣ не просто невинное дитя, получившее отъ нея свою жизнь, питаемое и хранимое ею, но и существо, возрожденное въ таинствѣ крещенiя въ новую, небесную, благодатную жизнь, существо, въ которомъ таинственно и благодатно обитаетъ самъ Господь-Спаситель, надъ которымъ бодрствуетъ несравненно равноснѣже, нежели сама мать, небесный ангель-хранитель. При этомъ чудномъ свѣтѣ, каковой ученiе Христово проливаетъ на жизнь младенца, — мать, истинно проникнутая духомъ Евангелiя, не удвоитъ ли своихъ заботъ о своемъ дитяти, и не найдетъ ли въ этихъ заботахъ такихъ удовольствiй

и утѣшеній, предъ которыми, какъ тѣнь и призракъ, ничтожны всѣ удовольствія и забавы свѣта? Но здѣсь еще не исчерпывается вся полнота ея материнскихъ радостей и утѣшеній: она въ будущемъ готовитъ себѣ, въ лицѣ своего дитяти, новый источникъ чистыхъ и святыхъ утѣшеній. Ея нѣжная и пламенная любовь, усиливаемая и укрѣпляемая ученіемъ Христовымъ, находящая величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы посѣвовать сѣмяна этого божественнаго ученія въ душѣ и сердцѣ своего дитяти, чтобы неутомимо бодрствовать надъ его дѣвственною чистотою и незлобіемъ, въ послѣдствіи сама же наслаждается плодами своихъ трудовъ. Ибо сколько радостей и утѣшеній должна испытывать мать, когда видитъ, что духъ Вѣры, духъ Христовъ руководитъ ея сыномъ или дочерью во всей ихъ жизни и дѣятельности, когда уже наслаждается ихъ сознательною любовію и уваженіемъ, когда видитъ, что чистота и цѣломудріе, любовь къ истинѣ и правдѣ, которыя она уверяла въ ихъ сердцѣ, побѣдоносно отражаютъ всѣ искушенія и обольщенія свѣта, всѣ приманки чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій, всѣ внушенія холоднаго и бездушнаго невѣрія! И какъ чудно здѣсь, по силѣ и дѣйствию благодати Христовой, чистыя и невинныя радости ведутъ къ другимъ радостямъ, дѣлаются началомъ другихъ, еще большихъ и сильнѣйшихъ, утѣшеній духовныхъ! Какъ чудно здѣсь свѣтлое настоящее ведетъ къ болѣе свѣтлому и радостному будущему, а когда приходитъ послѣднее, то оно получаетъ новую, живительную для сердца силу въ воспоминаніи прошедшаго, въ воспоминаніи тѣхъ чистыхъ радостей, которыми наслаждалась мать еще при колыбели своего младенца!

Много удовольствій и радостей доставляетъ человѣку

искренняя и глубокая любовь супружеская. Но освятите эту любовь любовію ко Спасителю, освятите учением Его взаимныя отношенія супруговъ, и тогда утѣшенія и удовольствія супружеской жизни дѣлаются и болѣе сильными и живыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чистыми, благородными, достойными христіанина. — Что такое брачный союзъ по ученію христіанскому? Это образъ таинственнаго союза Иисуса Христа съ своею Церковію, союза вѣчнаго, никогда нерасторжимаго, основаннаго на той божественной любви, по которой небесный Женихъ предалъ самаго Себя на муки и страданія ради возлюбленной своей Невѣсты, — на той любви, по которой Церковь вѣчно пребываетъ вѣрною своему небесному Жениху, всегда готовою для Него на самыя жестокія гоненія и смерть, — на той любви, по которой Господь даруетъ своей Церкви всѣ дары божественной благодати, а Церковь всѣ свои желанія и помышленія, всю свою жизнь и радость полагаетъ въ единомъ Господѣ. — Когда по этому высокому образу и примѣру устроится и располагается жизнь христіанскихъ супруговъ, тогда не должна ли она для нихъ быть источникомъ высокихъ удовольствій и радостей? Что такое будетъ для нихъ въ такомъ случаѣ любовь и вѣрность супружеская, какъ не высокая и неприкосновенная святыня. — обязанность не только въ отношеніи другъ къ другу, но и къ своему Богу и Спасителю? Жить другъ для друга, заботиться о взаимномъ спокойствіи и счастіи, другъ другу содѣйствовать во всемъ добромъ и полезномъ, другъ другу повѣрять свои мысли и чувства, другъ съ другомъ дѣлить горе и радость — всѣ эти обязанности супружеской жизни, внушаемая самою природою и всегда бывающія источникомъ невинныхъ радостей для супруговъ, соединенныхъ взаимною любовію, — для супруговъ

христіанскихъ дѣлаются богѣ высокими и пріятными отъ той мысли, что вѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей другъ къ другу они подражаютъ Иисусу Христу и Его святой Церкви, благоугождаютъ своему Господу, что, живя другъ для друга по закону евангельскому, они тѣмъ самымъ живутъ и для Бога!... О, еслибъ эта свѣтлая истина христіанства всегда руководила жизнію христіанскихъ супруговъ! О, еслибъ союзъ ихъ всегда былъ живымъ образомъ союза Иисуса Христа съ своею Церковію! Тогда жизнь супружеская подлинно всегда была бы источникомъ самыхъ высокихъ радостей и утѣшеній, покоя и счастья, котораго теперь многіе напрасно въ ней ищутъ! .

Много удовольствій и радостей въ изобиліи и богатствѣ, приобретенномъ честными и правыми путями. Но истинный христіанинъ, кромѣ земныхъ и чувственныхъ удовольствій, которыя въ богатствѣ умѣеть находить и изыскивать, съумѣеть открыть въ немъ источникъ утѣшеній и удовольствій духовныхъ, самыхъ высокихъ и благородныхъ. Употребляя свое богатство по закону Евангелія, на пользу своихъ ближнихъ, онъ приобретаетъ себѣ тысячи благословеній отъ тѣхъ, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ, найдетъ неисощимый источникъ утѣшеній въ той мысли, что жизнь его не есть одно пустое, бесполезное препровожденіе времени, безъ смысла и значенія, не есть бесполезная трата силъ и средствъ, которыя должны служить къ достиженію высокихъ и благороднѣйшихъ цѣлей, — что, напротивъ, она обильнѣйшій источникъ многихъ благъ и для отдѣльныхъ лицъ, и для всего общества, — что онъ своимъ богатствомъ содѣйствовалъ распространенію добрыхъ и полезныхъ знаній, далъ возможность людямъ темнымъ просвѣщаться свѣтомъ наукъ и въ лицѣ ихъ приготовить для обще-

ства дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ, — что благоразумнымъ употребленіемъ богатства онъ многихъ поощрилъ къ доброму и честному труду и предохранилъ отъ праздности и тунеядства; многихъ, извлекиши изъ нищеты, вмѣстѣ съ тѣмъ извлекъ изъ бездны погибели и разврата. Но самое высокое утѣшеніе онъ найдетъ въ той божественной истинѣ, что своимъ богатствомъ онъ послужилъ своему Господу и Спасителю, который, по безпредѣльной благодати и снисхожденію къ намъ, благоволяетъ считать Себя должникомъ нашимъ, какъ бы непременно обязаннымъ даровать намъ всѣ безконечныя блага, если только мы съ своей стороны земныя и тѣлесныя блага, Имъ же данныя, свободно, по побужденію любящаго и милующаго сердца, употребляемъ во благо нашихъ ближнихъ: *приидите благословеніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ слагенія міра... Поможете сотвористе единому силъ братій моихъ монашихъ, Милъ сотвористе* (Матѣ. 25, 34, 40)!

Не будемъ умножать примѣровъ. И указанныхъ вполне довольно для того, чтобъ видѣть, какъ жизнь истинно-христіанская, — сама по себѣ неисчерпаемый источникъ высокихъ и святыхъ утѣшеній и радостей, — въ то же время земнымъ, чистымъ и невиннымъ радостямъ даетъ особенную силу и жизнь, сообщаетъ имъ продолжительность и долговѣчность, какой сами по себѣ онѣ не имѣютъ и не могутъ имѣть. Подлинно «благодать, — какъ говоритъ одинъ изъ пастырей Церкви, — превращаетъ въ безцѣнное сокровище все, въ чему ни воснется въ человѣкѣ, ей преданномъ⁽¹⁾».

© Набоковъ.

(1) Преем. Филар., митр. моск., въ словѣ на день Пятидесятницы.

II.

ЛЖЕНСКО-ДОРОВСКИЯ ДЕКРЕТАЛИИ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ПАПСКОЙ СИСТЕМЫ.

Въ десятомъ вѣкѣ дѣлается извѣстнымъ въ исторіи каноническій сборникъ, который почти повсюду принято называть «Лженсдоровскими Декреталиями». Быстро распространяется онъ по всему западу и приобретаетъ всеобщее довѣріе и уваженіе; имъ начинаютъ пользоваться, на него ссылаются, какъ на сборникъ вполне подлинный и достовѣрный, галльскіе и германскіе епископы, западные соборы и даже папы⁽¹⁾. Въ немъ никто не предполагаетъ ни малѣйшаго подлога, а потому послѣдующіе составители каноническихъ сборниковъ, какъ: Бурхардъ, Ива Карнутакий и особенно Граціанъ безъ всякаго опасенія пользуются имъ при составленіи собственныхъ сборниковъ. Вошедши въ составъ Граціанова декрета, который, какъ извѣстно, съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго вѣка былъ на западѣ въ употребленіи рѣшительно вездѣ: и въ школахъ, и въ судахъ, и въ церкви. Лженсдоровскія Декреталии слились, такъ

(1) См. Kirchenrecht Valters § 89.

сказать, съ общимъ каноническимъ правомъ западной церкви и до четырнадцатаго вѣка всѣми безусловно и рѣшительно принимались за подлинныя декретація римскихъ епископовъ первыхъ вѣковъ, собранныя Исидоромъ, архіепископомъ севильскимъ. Упадокъ въ то время всѣхъ наукъ вообще и совершенное отсутствіе исторической критики — вотъ въ чемъ заключается объясненіе этого явленія. Самые свѣтлыя личности того времени, какъ наприм. Беда Достопочтенный, Алкуинъ, Гликамаръ, Гербертъ и другіе, при отсутствіи исторической критики, не могли отличить подлиннаго отъ подложнаго, такъ какъ въ то время появлялось много сочиненій подъ ложными именами, составленныхъ не только еретиками, но и истинно вѣрующими, и часто съ добрыми цѣлями: не имѣя напр. актовъ какого нибудь мученика, чтобы читать ихъ во дни его памяти, ни мало не затруднялись сами составлять ихъ (1).

Съ четырнадцатаго вѣка вѣра въ подлинность этихъ декретацій мало по малу стала ослабѣвать. Въ первый разъ мысль объ ихъ подложности была высказана, впрочемъ, въ довольно общихъ выраженіяхъ, оксфордскимъ профессоромъ Джономъ Виглесомъ (+1384) (2). Въ этомъ же вѣкѣ подлинность ихъ подвергалъ сомнѣнію и Марсилій Петавій, но выражалъ свое сомнѣніе также общо и неопредѣленно. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ была открыта подложность нѣкоторыхъ частныхъ статей гленисдоровскаго сборника. Латеранскій каноникъ Лаврентій Вала доказалъ подложность дарственной грамоты Кон-

(1) Fleury, Discours sur l'histoire de l'Eglise. Discours 3.

(2) Decretales epistolae, commentum ont. sunt apocrypha et seducant a Christi fide; at clerici sunt stulti, qui student eis. Blusco cap. 5. p. 20. Ballerini de antiquis. collection. p. 4. c. 6. § 1. n. 2.

стантина Великаго, и притомъ съ такою ясностью, что послѣ него уже никто не осмѣливался защищать ея подлинность, а Николай Кузскій (впоследствии кардиналъ) (+ 1468)—подложность тѣхъ произведеній, которыя выдавались у Лжеисидора подъ именами Климента и Анаклета (1). Въ шестнадцатомъ вѣкѣ лжеисидоровскій сборникъ въ первый разъ былъ изданъ въ полномъ своемъ составѣ Мерлингомъ, и тогда-то о подложности его заговорили въ своихъ произведеніяхъ очень многіе изъ германскихъ и французскихъ католическихъ богослововъ, какъ напр. Ерасмъ, Кассандръ, Дюмуленъ, Ле-Комтъ и др. (2), но всѣхъ ихъ превзошли въ этомъ отношеніи магдебургскіе цензуриаторы (3). Вся составленная ими церковная исторія имѣла цѣль полемическую, была направлена къ тому, чтобы показать полную несостоятельность тогдашняго положенія римской церкви, которое основывалось главнымъ образомъ на Лжеисидоровскихъ Декреталяхъ. На защиту Декреталій противъ цензуриаторовъ выступилъ въ 1572 году іезуитъ Францъ Туррианъ, или Торресъ (4), но попытка его была совершенно безуспѣшна и неудачна какъ потому, что подлинности Декреталій тогда уже не совсѣмъ довѣряли сами римскіе кардиналы, напр. Бароній, Белларминъ, Дучей и Сириондъ и даже іезуиты, такъ и потому, что онъ вызвалъ противъ себя опроверженіе со стороны

(1) De concord. cathol. lib. 3, cap. 2.

(2) Kircher, de emendator. Gratiani p. 26 et sq.

(3) Этимъ именемъ называется общество протестантскихъ богослововъ, составившее въ 16 вѣкѣ въ Магдебургѣ церковную исторію, которая для большей удобства изложена по столбчатымъ или цензурированнымъ отсюда и названіе цензуриаторовъ.

(4) Franc. Turrianus advocatus Magdeburgenses censuratos pro epistolis decretalibus pontificum Apostolicorum.

знаменитаго протестантскаго проповѣдника Давида Блонделя. Блондель въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Pseudoisidorus et Turrianus variantes», написалъ на Турриана съ такою же ѣдкостью, какъ и учестію, обличилъ несостоятельность его труда и въ первый разъ указалъ тѣ источники, изъ которыхъ Лжеисидоръ бралъ матеріалъ для своихъ декреталій. Напрасно послѣ этого старались поддерживать и защищать мнѣніе Турриана францисканецъ Боавенура Мальвазіа (1) и кардиналъ d'Агуйта (2) въ своемъ сборникѣ испанскихъ соборовъ. Сама римская церковь съ этого времени признала Декреталіи подложными и усилѣніе ихъ божескою начати подвергать ихъ разбору еще болѣе строгому, чѣмъ самый разборъ Блонделя. Братъ нашъ Балсеринъ, католическихъ свидѣтелей въ Верровѣ, жившихъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, мы справедливо можемъ назвать весьма достойными продолжателями дѣла Блонделя ими доказана подложность такихъ статей Лжеисидорскихъ Декреталій, которыя самимъ Блонделемъ приняты были еще за подлинныя (3). Познакомивъ по возможности съ этими декреталіями и показать, какое значеніе имѣ-

(1) Его сочиненіе озаглаивается такъ: Nuntius veritatis David. — Mondello missus 1633 f.

(2) Concil. Hispan. Dissertat. ecclia. T. 1.

(3) Можно было бы вести исторію Лжеисидорскихъ Декреталій и дальше до нашего времени, потому что мнѣ протестантскій еще до сихъ поръ занимается извѣдываніемъ объ этомъ сборникѣ, но мы не драгеемъ этого, потому что послѣдніе исследователи весь свой историческій и критическій матеріалъ замѣщаютъ изъ сочиненій Блонделя и Балсеринъ и только подложность этого матеріала подъ своимъ личнымъ взглядомъ и приспособляютъ къ своимъ субъективнымъ цѣлямъ. Оттого-то мы и выводимъ у нихъ разницу въ видѣхъ только частностями, о которыхъ такія образцы еще до сихъ поръ не сказано рѣшительнаго и окончательнаго слова.

ли въ исторіи развитія папской системы — составляетъ задачу настоящей статьи (1).

Для ббльшей послбдовательности и раздбльности, мы сначала займемся самымъ сборникомъ, и скажемъ о его внбшнемъ составб, содержаніи, цбми, мбстб и времени его составленія и самомъ его составителб, а потомъ покажемъ и то значеніе, какое онъ имблъ въ исторіи развитія папства.

ВНБШНІЙ СОСТАВЪ ЛЖЕНСИДОРОВСКИХЪ ДЕКРЕТАЛІЙ.

Въ древности существовало на западб много болбе или менбе обширныхъ каноническихъ сборниковъ, изъ которыхъ были наиболбе распространены и пользовались особеннымъ уваженіемъ два: римскій и испанскій. Сборникъ римскій былъ составленъ около 510 года римскимъ монахомъ Діонисіемъ Малымъ (Exiguus) и содержалъ въ себб правила четырехъ вселенскихъ и шести помбстныхъ соборовъ, принимаемыхъ и нашею церк-

(1) Стоитъ ли заниматься этими декреталями, когда онб уже самою римскою церковію признаны подложными, а слбдовательно не составляютъ и для нея ни малбйшаго авторитета? Всб подлоги, огбвбщая мы на этотъ вопросъ, подъ стбню которыхъ возрасла папская власть, теперь открыты, но ученіе, содержащееся въ нихъ и практическіе выводы, сдбланные изъ этого ученія, до сихъ поръ остаются во всей силб. Слбдовательно вліаніе ихъ простирается еще и на настоящее время, и такимъ образомъ ознакомленіе съ ними можетъ сдблать для насъ весьма выгодною несостоятельность дбствующихъ до нихъ постановленій дриской церкви и современнаго положенія папы со стороны его духовной власти. Знакомство это уважетъ намъ, что и эти декреталямъ составляютъ одно изъ оснований, на которыхъ выдвигается папство и что онб съ своей стороны также нбтъ. не превосходить ложнаго и недравильнаго пониманія и перетолкованія нбсть свята. Писанія и многаго другаго, чбмъ обыкновенно стараются доказать законность и справедливость папства.

вію, а равно и соборовъ африканскихъ, пятьдесятъ правилъ апостольскихъ и декреталий римскихъ епископовъ отъ Сириція († 373) до Анастасія II († 473). Сборникъ испанскій, приписываемый Исидору, архіепископу севильскому, принадлежалъ по своему началу ко второй четверти седьмаго вѣка (его происхожденіе относятъ ко времени между 633 и 636 г.) и заключалъ въ себѣ кромѣ того, что было въ сборникѣ римскомъ, опредѣленія соборовъ испанскихъ и галльскихъ. Этотъ-то испанскій сборникъ и составляетъ основаніе сборника, извѣстнаго подъ именемъ Ажесидоровскихъ Декреталій; только въ послѣдній привнесено много новаго, чего не было въ сборникѣ испанскомъ.

Испанскій сборникъ имѣетъ только двѣ части, а ажесидоровскій состоитъ изъ трехъ частей: въ немъ прежде опредѣленія Глкѣйскаго собора, которыми начинается сборникъ испанскій, излагается еще цѣлый рядъ папскихъ декреталій (1). Первой части ажесидоровскаго сборника предшествуетъ нѣсколько вступительныхъ статей: письмо Аврелія къ папѣ Дамасу съ просьбою передать ему нѣкоторыя древнія декреталии и отвѣтъ папы Дамаса; краткій перечень соборовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, съ обозначеніемъ поводовъ, по которымъ они были собраны, времени и мѣста ихъ собраній, а также и числа отцовъ, на нихъ присутствовавшихъ; описаніе порядка празднованія соборовъ. взятое изъ опредѣленій четвертаго толедскаго собора и передѣланное примѣнительно къ франкскимъ обы-

(1) Такое раздѣленіе имѣетъ самый древній манускриптъ Ажесидоровскихъ Декреталій, который въ недавнее время перевезенъ въ Парижъ; описанъ же онъ Маллеринами ч. 3. гл. 4. § 51: Gallandius de vetustis saxonum collectionibus dissertationum sylloge. T. 1. p. 342 sqq.

часть, и предисловіе отъ имени Исидора Грѣшника (Pescator), заимствованное отчасти изъ испанскаго сборника.

Первая часть начинается правилами апостольскими въ числѣ пятидесяти, какъ онѣ помѣщены у Діонисія; за ними слѣдуетъ пятьдесятъ девять подложныхъ декретовъ и посланій папъ первыхъ четырехъ вѣковъ, начиная съ Климента до Мельхіада (отъ 77 до 313) ⁽¹⁾, и за тѣмъ трактатъ о первенствующей церкви и соборѣ никейскомъ (de primitiva ecclesia et Sinodo Nicuena), который, на томъ основаніи, что онъ стоитъ непосредственно послѣ декреталій Мельхіада, былъ принятъ Граціаномъ также за декреталію этого папы ⁽²⁾. Оканчивается первая часть дарственной грамотою Константина великаго на имя папы Сильвестра. Вторая часть не содержитъ въ себѣ ничего собственно лжеисидоровскаго; послѣ предисловія, которое заимствовано частью изъ предисловія испанскаго сборника, частью изъ галльскаго кеснельскаго (Quesnelle) сборника пятаго или шестаго вѣка, въ этой части излагаются, помѣщенные въ испанскомъ сборникѣ, опредѣленія соборовъ—первыхъ четырехъ вселенскихъ и помѣстныхъ: греческихъ, африканскихъ, галльскихъ и испанскихъ. Третья часть начинается опять отрывкомъ изъ предисловія испанскаго сборника, за тѣмъ слѣдуютъ дѣянія папы Сильвестра (с. 335), декреты и посланія его преемниковъ на папѣ

⁽¹⁾ Вотъ имена папъ, декреталіи которыхъ помѣщены въ этой части лжеисидоровскаго сборника: Климентъ, Анаклетъ, Евразъ, Александръ I, Сикстъ, Телесфоръ, Гигинъ, Цій I, Аликита Сотеръ, Елевасій, Викторъ I, Зефиринъ, Каллистъ I, Урбанъ I, Понтианъ, Антонъ, Фабианъ, Корнелій, Люцій, Стефанъ, Сикстъ II, Діонисій, Феликсъ, Евтихианъ. Гай или Кай, Марцеллинъ, Маркеллъ I, Елевсій и Мельхіадъ.

⁽²⁾ Baluz. de antiquis collection. p. 3. c. 6. n. 19. p. 547.

скомъ престолѣ до Григорія 2 (+ 731), между которыми тридцать пять декреталій подвезшихъ (1). Этими и оканчивается собственно лжеисидоровскій сборникъ; правда, во многихъ спискахъ его есть еще нѣсколько прибавленій, но они, по общему мнѣнію новѣйшихъ изсѣдователей этого сборника, прибавлены къ нему уже въ послѣдствіи времени.

ИХЪ СОДЕРЖАНІЕ.

Этому разнообразію внѣшняго состава лжеисидоровскаго сборника вполне соответствуетъ и разнообразіе его содержанія. Вообще нужно сказать, что кругъ предметовъ, которыхъ касается Лжеисидоръ, гораздо обширнѣе и богаче круга предметовъ испанскаго сборника. Въ Лжеисидоровскихъ Декреталіяхъ можно встрѣтить и догматическія объясненія, и литургическія предписанія, и пастырскія наставленія, и каноническія постановленія. Въ частности въ нихъ говорится и о таинствахъ: крещенія, муропомазанія, причащенія, священствъ, бракъ и елеосвященія, о постахъ, праздникъ Пасхи, обрѣтеніи св. животворящаго креста, перенесеніи мощей св. апостоловъ, о святомъ мурѣ и святой водѣ, объ освященіи церквей, о благословеніи земныхъ плодовъ, о священныхъ сосудахъ и украшеніяхъ, о священническихъ облаченіяхъ, о церковномъ имуществѣ, о хореписко-

(1) Здѣсь помѣщены декреталіи слѣдующихъ папъ: Сильвестра, Марка, Юлія, Либерія, Феликса, Дамаса, Сиріи, Анастасія, Платонія, Зосимы, Бонифація I, Целестина, Сиеста II, Льва, Марія, Симплиція, Фашуса, Геласія, Анастасія, Симпха, Ормиды, Іоанна, Феликса III, Бонифація II, Іоанна, Ассинта, Сильверія, Виконта, Целасія, Григорія I, Виталиана и Григорія II.

насъ, свидѣнія и діалогамъ; многія декреталіи касаются личныхъ дѣлъ или содержатъ общія нравственныя и религіозныя наставленія. Указать же опредѣленно содержаніе каждой декреталіи порознь очень трудно и едва ли возможно, потому что почти каждая изъ нихъ говоритъ не объ одномъ опредѣленномъ предметѣ, а о многихъ и различныхъ. Но при этомъ множество и разнообразіи предметовъ, которыми занимаются декреталіи, особенно выдаются два главныхъ предмета, на которыхъ преимущественно останавливается авторъ сборника, и о которыхъ говоритъ очень часто и очень много: онъ преимущественно старается оградить епископовъ и прочихъ членовъ клира отъ различныхъ доносовъ на нихъ и обвиненій, всевозможно затруднить эти доносы и обвиненія и выставить всю высоту папской власти, которая, по этимъ декреталіямъ, въ дѣлахъ епископскихъ неограниченна. Билій, каноникъ нельскій, одинъ изъ воздвигшихъ ученыхъ римской церкви, употребившій всевозможныя усилія и старанія защитить подлинность декреталій, когда уже всѣ ученые отказались защищать ихъ, замѣчаетъ, что «большая часть этихъ папскихъ посланій насюютя владычества римской церкви, огражденія епископовъ и прочихъ членовъ клира отъ обидъ, обвиненій и низложеній, и наконецъ апелляцій, съ которыми должно обращаться къ апостольскому престолу». Такъ же характеризуетъ главное содержаніе ихъ и Флёрі: «главнымъ предметомъ этихъ декреталій», говоритъ онъ, «служатъ обвиненія епископовъ. Нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая не говорила бы объ этомъ и не давала правилъ, затрудняющихъ эти обвиненія» (Низъ. Essai. I. 44 в. 22).

**ПОДЛОЖНОСТЬ И ПОВРЕЖДЕННОСТЬ ТѢХЪ СТАТЕЙ ЛЖЕИСИДОРОВСКАГО
СБОРНИКА, КОТОРЫХЪ ВЪЗТЬ ВЪ СБОРНИКЪ ИСПАНСКОМЪ.**

Мы замѣтили уже, что въ лжеисидоровскомъ сборникѣ заключается очень много лишняго въ сравненіи съ сборникомъ испанскимъ, послужившимъ для него основаніемъ. При внимательномъ изслѣдованіи подложность этихъ излишнихъ статей дѣлается очевидною, и, такъ сказать, очевидною до того, что не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могло случиться, что Евсеій, Іеронимъ и др. съ такою подробностію знавшіе творенія св. отцевъ и пастырей Церкви первыхъ вѣковъ, и такъ тщательно старавшіеся объ ихъ сохраненіи и распространеніи, ничего не знали объ этихъ декреталяхъ? А ни одинъ изъ нихъ, нигдѣ и ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего знакомства съ ними. Мало того, — Діонисій Малый, человекъ весьма образованный, житель Рима, употреблявшій такъ много трудовъ и усилій, чтобы собрать папскія декреталя и дѣйствительно не мало собравшій ихъ въ своемъ каноническомъ сборникѣ, излагаетъ декреталя папъ, начиная съ Сириція, но не приводитъ ни одной изъ временъ болѣе раннихъ. Съ другой стороны, нѣкоторые папы и прежде появленія лжеисидоровскаго сборника старались увеличить и расширить права и власть своего престола, и однако, для подтвержденія и подкрѣпленія своихъ притязаній, никогда не пользовались декреталями, встречающимися у Лжеисидора. Многія изъ этихъ декреталій адресованы, какъ видно изъ ихъ надписаній, къ епископамъ различныхъ и часто весьма отдаленныхъ церквей, иныя ко всѣмъ членамъ какой нибудь церкви или ко всѣмъ ея предстоятелямъ, слѣдовательно онѣ были разсыяны по всему міру и должны были суще-

ствовать въ различныхъ, отдаленныхъ странахъ вселенной; какъ же могли онѣ при этомъ пропасть совершенно безъ всякаго слѣда и безъ всякаго упоминанія, или быть совершенно неизвѣстными до девятаго вѣка, если бы только онѣ дѣйствительно когда нибудь и гдѣ нибудь существовали? А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ никто не упоминаетъ объ нихъ, никто не приводитъ ихъ, никто не ссылается на нихъ прежде девятаго вѣка. Такимъ образомъ по внѣшнимъ признакамъ подложность декреталій вѣроятна; обратимся теперь къ признакамъ внутреннимъ.

Въ этихъ декреталіяхъ встрѣчается много анахронизмовъ, которые ясно показываютъ, что онѣ не принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которымъ приписываются у Лжеисидора. Въ нихъ папы первыхъ вѣковъ говорятъ о томъ, чего въ ихъ время вовсе не существовало, а напротивъ вовсе не упоминаютъ о томъ, что было всего обыкновеннѣе въ ихъ время и что весьма близко касалось ихъ собственныхъ интересовъ. Такъ въ посланіяхъ папъ втораго и третьаго вѣка нѣтъ ни слова о гоненіяхъ на христіанъ, о спорахъ, безпорядкахъ и ересяхъ, такъ часто волновавшихъ тогда Церковь. Отношенія государства къ Церкви представляются въ нихъ вовсе не такими, каковы они были, сколько извѣстно изъ исторіи, въ эти времена. Наприм. папа Зефиринъ, жившій въ началѣ третьаго вѣка (+ 218), слѣдовательно еще подъ владычествомъ языческихъ государей, говоритъ, что изгнаніе епископовъ въ то время было воспрещено повелѣніемъ императоровъ (*per praescripta imperatorum*). Папа Анаклетъ, по церковному преданію, умершій около 100 года, у Лжеисидора говоритъ о патріархахъ, примасахъ, митрополитахъ и архіепископахъ—о такихъ должностяхъ и званіяхъ, которыя были учреждены спустя нѣсколько сто-

лѣтѣ. Въ послѣдніи папѣ Мельхіада сообщаются свѣдѣнія объ опредѣленіи Іерусалимскаго собора, который былъ созванъ спустя 11 лѣтъ послѣ его смерти. Папа Викторъ († 402) представляется разсуждающимъ о времени празднованія пасхи съ Неофиломъ, епископомъ александрийскимъ, между тѣмъ какъ Неофилъ жилъ почти двумя столѣтіями позже его († 383). Мѣста священнаго Ісуса-ніа, приводимыя въ декреталіяхъ папъ первыхъ вѣковъ, приводятся по исправленному латинскому переводу Библии, который, какъ извѣстно, сдѣланъ только въ концѣ четвертаго столѣтія блаженнымъ Іеронимомъ. Не рѣдко можно встрѣчать въ декреталіяхъ, что какою нибудь папа или только ссылается, или приводитъ даже цѣлыя мѣста изъ писаній отцовъ Церкви, жившихъ послѣ него и вообще изъ сочиненій позднѣйшихъ. Притомъ этого служатъ выдержки изъ «Breviarium Alogiciano» (1), который по своему происхожденію безспорно принадлежитъ къ восточному вѣку, между тѣмъ какъ мѣста изъ него постоянно приводятся папами первыхъ четырехъ вѣковъ. А мѣста изъ твореній св. отцовъ, напр. Григорія великаго, Амвросія и др., приводимыя въ декреталіяхъ, или вовсе не встрѣчаются въ писаніяхъ отеческихъ, или же если и встрѣчаются, то принадлежать вовсе не тѣмъ отцамъ, которымъ здѣсь приписываются. Время, по общему сознанію, не можетъ не оказывать влияния на слогъ писателей, такъ что съ перваго взгляда можно отличить писателей, между которыми разность на цѣлое столѣтіе. А между тѣмъ въ Іезекииловскомъ сборникѣ приведенія писателей, отстоявшихъ другъ

(1) Такъ называется сборникъ законовъ, составленный въ шестомъ вѣкѣ собственно для германцевъ.

отъ друга на два, на три столѣтія и болѣе, совершенно слѣдны между собою по слогу. Что касается до языка, которымъ написаны декретали, то онъ, по общему признанію, очень грубъ, наполненъ варваризмами и слишкомъ далекъ отъ своей первоначальной чистоты и изящества. По мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, онъ вполнѣ сходенъ съ варварскимъ языкомъ произведеній 8 и 9 вѣковъ, такъ что и на этомъ основаніи мы должны предположить, что декретали составлены не ранѣе весьмаго вѣка. Послѣ всего этого мы можемъ сказать словами архіепископа де-Марпа: «вѣрно и совершенно несомнѣнно, что почти все посланія, предшествующія времени Сирмиція, равно какъ и многія изъ послѣднихъ, приписываемыхъ напамъ позднѣйшимъ Анастасіемъ II, подложны и вымышлены въ послѣдствіи времени» (1).

Но этимъ вопросъ о подложности не исчерпывается еще вполнѣ. Если декретали подложны, — то гдѣ онѣ написаны: самимъ ли составителемъ сборника, или вѣтъ имъ откуда нибудь уже готовыми? Исслѣдованія знаменитыхъ и многоученыхъ критиковъ приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что нѣкоторыя подложныя статьи, вошедшія въ составъ Амеисидоровскаго сборника, существовали уже прежде него и по невѣдѣстью были даже включены въ нѣкоторые частные сборники. Вотъ эти статьи: 1) два письма Климента римскаго къ Іанову, брату Господню. Они были переведены съ греческаго еще Руфимомъ (2), въ четвертомъ вѣкѣ, слѣдовательно служили для Амеисидора уже готовымъ матеріаломъ, и

(1) De concord. lib. 7. c. 20. p. 269.

(2) Biever, de collect. canon. eccles. Græcæ p. 72.

онъ не преминулъ воспользоваться имъ. впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. необходимыми для тѣхъ плановъ и цѣлей. какія онъ имѣлъ въ виду.

2) Дарственная грамота Константина великаго папѣ Сильвестру. въ которой говорится, что императоръ оставилъ Римъ исключительно съ тою цѣлію, чтобы предоставить его въ полную власть папѣ. Аббатъ Лаврентій Валя открылъ какъ подложность этой грамоты. такъ и время ея происхожденія; по его мнѣнію она составлена при дарованіи папамъ экзархатства равенскаго для того. чтобы показать древность происхожденія свѣтской власти папѣ (1). О ней упоминаетъ папа Адрианъ I въ своемъ посланіи къ Карлу великому въ 777 году (2). 3) Различныя постановленія и опредѣленія папы Сильвестра. равно какъ его посланіе къ собору никейскому и посланіе никейскаго собора къ собору римскому вымышлены въ шестомъ вѣкѣ во времена папы Симмаха. Ко времени того же папы принадлежатъ и дѣянія папъ: Марцеллина, Либерія и Сивста. 4) Письмо папы Дамаса къ Иерониму и отвѣтъ на него Иеронима, посланіе Льва великаго къ епископамъ Германіи «*de privilegio episcoporum sive presbyterorum*» и довольно большой отрывокъ. прибавленный къ письму Григорія 1-го къ Секундину. Статьи эти всѣми безъ исключенія протестантскими и католическими изслѣдователями, признаются существовавшими ранѣе Лжеисидоровскаго сборника (3). Все

(1) Laur. Vala de falso credita et ementita Constantini donatione.

(2) Cod. Carolin. epist. 49.

(3) Показаніе свое мы основываемъ на безспорно вѣрныхъ данныхъ братьевъ Баллервиновъ. Baller. pars. 2. cap. 6 и 7 (Galland. I. 1, p. 394—494). Спитлеръ впрочемъ считаетъ еще нѣсколько статей, встрѣчающихся у Лжеисидора, существовавшими ранѣе Лжеисидоровскаго сборника. Таковы, по его мнѣнію: посланіе архіепископа Стефана и

же остальное, что содержится въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ, — разумѣемъ то, чего нѣтъ въ сборникѣ испанскомъ, — хотя также существовало до появленія этихъ декреталій, а не вымышлено самимъ Лжеисидоромъ, но въ нихъ оно въ первый разъ приписано папамъ первыхъ вѣковъ, а не тѣмъ лицамъ, которымъ оно дѣйствительно принадлежало. Не входя въ подробности касательно того, что откуда взято Лжеисидоромъ, какъ потому, что это очень подробно и обстоятельно раскрыто во многихъ произведеніяхъ ⁽¹⁾, такъ и потому, что вопросъ этотъ считается положительно рѣшеннымъ и не вызываетъ противъ себя никакихъ возраженій и никакихъ споровъ, ограничиваясь только указаніемъ тѣхъ источниковъ, откуда брагъ Лжеисидоръ матеріалъ для своихъ декреталій. Вотъ эти источники: церковно-историческіе труды Руфина ⁽²⁾, такъ называемая «*historia tripartita*» ⁽³⁾ Кассиодора, «*liber pontificalis*» — старинный сборникъ преданій, касающихся жизни различныхъ

трехъ африканскихъ соборовъ къ папѣ Дамасу, отвѣтъ къ нимъ Дамаса и посланіе Дамаса къ нумидійскимъ епископамъ. Но этого матеріала еще нельзя принимать за несомнѣнно вѣрное и безошибочное.

(1) Желающимъ узнать это дѣло подробнѣе, указываемъ на превосходную книгу Кнута: *de fontibus et consilio pseudoisidorianae collectionis*, также на сочиненіе Блонделя: *Pseudoisidorus et Turrianus varulantes*, и братьевъ Баллеринновъ: *de antiq. coll. concil.*; послѣднее сочиненіе можно найти у Галландія: *de vet. saecul. collect. dissert. syll.* T. I.

(2) Руфинъ, жившій въ 4 вѣкѣ, перевелъ на латинскій языкъ девять книгъ исторій Евсевія Памфила и продолжалъ его до 395 года.

(3) *Historia ecclesiastica, quam tripartitam vocant*, представляетъ собою сокращеніе церковной исторіи Сократа, Созомена и Феодорита. Изъ нее напр. заимствовано, встрѣчающееся въ декреталіяхъ Юлія и Маркелла, правило, что никакой областной соборъ не долженъ быть созываемъ безъ папскаго соизволенія. Только у Кассиодора это говорится относительно къ области, патріархомъ которой считался папа, а въ декреталіяхъ это распространяется на всю церковь.

пань (1), декреталии папъ 7 вѣка, творенія св. отцевъ, постановленія мѣстныхъ соборовъ, упомянутой уже нами «*Breviarium Alogicianum*» и различными другими части римскаго права (2); многое наконецъ взято Лжеисидоромъ и изъ современной ему литературы. Заимствуя изъ этихъ источниковъ свой матеріалъ, Лжеисидоръ или составлялъ изъ него цѣлыя подлежащія декреталии, выдавая ихъ за произведенія папъ первыхъ вѣковъ, или же бралъ подлинныя наскія декреталии, дѣйствительно принадлежащія тѣмъ лицамъ, которымъ онѣ приписывались, и искажалъ ихъ то совершенною передѣлкою, то различными вставками, пропусками и прибавленіями изъ произведетей позднѣйшихъ. Такимъ образомъ весь лжеисидоровскій сборникъ, за исключеніемъ той части, которая заимствована изъ сборника исмаилскаго и оставлена въ немъ безъ перемѣны, состоитъ съ одной стороны изъ подлежащихъ статей, которыя существовали ранѣе его, а съ другой изъ подлежащихъ статей, составленныхъ самимъ Лжеисидоромъ, но изъ матеріала подлиннаго, только позднѣйшаго (3).

(1) Краткія замѣчанія о различныхъ паняхъ, которыя содержатся въ этой книгѣ, очень часто встрѣчаются въ декреталияхъ, имъ приписываемыхъ. Иногда и вся декреталия содержитъ въ себѣ только одну біографію, напр. посланіе Анастасія къ епископамъ бургонскимъ. Объ отношеніи лжеисидоровскихъ декреталий къ *liber pontificalis* см. *Origines de l'Eglise Romaine* T. 1. p. 327.

(2) Sfrörer: *Untersuchung über Alter, Ursprung und Zweck der Decretalen*.

(3) Основываясь на этомъ послѣднемъ выводѣ, защитники Лжеисидора признаютъ его сборникъ книгою хорошою и полезною.—Съ этою мыслию можно согласиться, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были восстановлены или исправлены тѣ мѣста, которыя были приведены на память, или съ испорченныхъ рукописей, и чтобы книгѣ этой былъ данъ истинный видъ, т. е. содержаніе ея не выдавалось бы за мысли папъ первыхъ вѣковъ, а за мысли тѣхъ лицъ, у кого оно дѣй-

цѣль, съ какою составлены Лжеисидоровскіи Декреталии.

Вопросъ о цѣли Лжеисидоровскаго сборника былъ рѣшаемъ очень различно. По мнѣнію, которое нѣкогда было общимъ, или по крайней мѣрѣ самымъ распространеннымъ, и представителемъ котораго служить Фаброній, исключительною и единственною цѣлію Лжеисидоровскаго сборника считается возвышеніе власти и значенія римскаго епископа. Въ настоящее время, когда вопросъ о Лжеисидоровскомъ сборникѣ выискивается гораздо болѣе, чѣмъ во времена Фабронія, это предположеніе утратило почти все свое значеніе, хотя впрочемъ

отвѣтственно замѣшвано. А это—то условіе и невыполнимо. 1) Источники, которыми пользовался Лжеисидоръ, не всѣ одинаково хороши и истинны. 2) Что замѣшвано Лжеисидоромъ изъ источниковъ истинныхъ, то имъ искажено, а что не искажено, то взято изъ такихъ книгъ и сочиненій, которыя вовсе не имѣютъ общаго и большого значенія, какъ произведенія частныхъ лицъ и при томъ принадлежащія къ временамъ позднѣйшимъ, когда папы, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ и собственныхъ злоупотребленій, занимали уже болѣе высокое и видное мѣсто, чѣмъ какое они занимали въ началѣ и какое они должны бы занимать по своимъ истиннымъ правамъ. Слѣдовательно, если указать дѣйствительные источники Лжеисидоровскаго сборника, то самому сборнику нельзя будетъ приписать большого достоинства. А къ исправленію и восстановленію некоторыхъ мѣстъ Лжеисидоровскаго сборника не можетъ быть и рѣчи; послѣ этихъ исправленій сборникъ необходимо долженъ совершенно утратить свой истинный видъ и характеръ, потому что Лжеисидоръ истиннымъ отрывкамъ, встрѣчающимся въ его сборникѣ, сообщалъ совершенно другой смыслъ и характеръ, чѣмъ тотъ, который они имѣли у своихъ дѣйствительныхъ авторовъ. «Недовольствуясь тѣмъ, что переищаля истину съ ложью, говоритъ Патръ Кустантъ о Лжеисидорѣ, «онъ и самую истину, что еще безчестнѣе, осквернилъ, то извѣщая, то дополняя или сокращая» (Constant. Praefatio ad coll. epistol. Rom. Pontif. p. 123). Такимъ образомъ Лжеисидоровскій сборникъ, не смотря на то, что содержаніе его не вымышлено, а взято изъ дѣйствительныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться ни когда хорошимъ и полезнымъ.

еще и до сихъ поръ по временамъ находятся. горячіе приверженцы его, каковъ напр. Тейнеръ ⁽¹⁾, а въ новѣйшее время Эллendorфъ. Не принимающіе этого предположенія такъ же расходятся между собою при опредѣленіи цѣли лжеисидоровскаго сборника. Одни предполагаютъ, что онъ составленъ съ цѣлію уменьшить и ограничить власть митрополитовъ. Епископы, по словамъ Спитлера ⁽²⁾, котораго можно считать представителемъ этого мнѣнія, увидѣли, что митрополитъ, если только онъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ свѣтскимъ владѣтелемъ страны и его дворомъ, можетъ угнетать и притѣснять епископовъ, находящихся въ его области и слѣдовательно подъ его ближайшимъ начальствомъ, а потому имъ совершенно естественно было желать, чтобы власть, которая находилась въ рукахъ митрополитовъ, была перенесена на отдаленнаго папу. Этотъ послѣдній, при всемъ своемъ полномъ властіи, очевидно по самой отдаленности не могъ оказывать такого отяготительнаго вліянія на нихъ. По другому взгляду, въ своей сущности высказанному еще въ 17 вѣкѣ кардиналомъ Бона и въ 18—Констансомъ Ценни. въ новѣйшее же время подъ перомъ знаменитаго Мелера ⁽³⁾ получившему полное и окончательное развитіе, — весь сборникъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ *fraus rīa*. Сочинитель жилъ, какъ предполагаетъ Мелеръ, въ тяжелыя и стѣснительныя времена; политическія смуты влекли за собою смуты церковныя, а владычествія внуковъ Карла великаго были для церкви очень тяжелымъ бременемъ. Епископы были произвольно низлагаемы и постановляемы, духовенство

(1) См. его соч. de Pseudoisidoriana canonum collectione. 1826 г.

(2) Spittler, Geschichte des canonischen Rechts.

(3) См. Tübinger theologische Quartalschrift, Jahrg. 1829. Heft. 3. S. 477.

вообще было унижено, въ церковныхъ судахъ не было правосудія, потому что епископы, бывшіе судьями, боялись малѣйшаго прекословія свѣтскимъ властителямъ; справедливость, порядокъ и нравственность, казалось, готовы были исчезнуть совершенно. Всѣ мѣры, которыя предпринимались церковію для устранения подобныхъ беспорядковъ, были совершенно бесполезны, а потому очень вѣроятно, что какой-нибудь усердный вѣрующій пришелъ къ мысли, что онъ можетъ помочь своему времени, если приведетъ мнѣнія папъ первыхъ вѣковъ о томъ, что въ его время было преимущественно въ униженіи, потому что эти мнѣнія пастырей первыхъ вѣковъ необходимо должно было принять съ полнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. Но такъ какъ отъ папъ первыхъ вѣковъ не осталось никакихъ письменныхъ произведеній, то онъ и заимствовалъ все, что ему было нужно, изъ сочиненій позднѣйшихъ, приписать все это папамъ первыхъ вѣковъ. При этомъ главною цѣлію его было огражденіе и восстановленіе правъ церкви, потому что только въ этомъ онъ видѣлъ основаніе для лучшаго порядка дѣлъ. Вслѣдствіе этого онъ много говоритъ о правахъ церкви, о ея независимости отъ государства; а такъ какъ онъ предвидѣлъ, что церковныя права не могутъ быть охраняемы и поддерживаемы епископами, подпавшими подъ власть и самоуправство государей, то поэтому онъ и распространяется о священномъ уваженіи къ римскому престолу, который могъ быть лучшимъ охранителемъ и защитникомъ церковныхъ правъ и который дѣйствительно былъ имъ въ опаснѣйшія времена. На преимущества этого престола, которыя на самомъ дѣлѣ были приобретаемы имъ съ теченіемъ времени, онъ указываетъ какъ на коренныя и первоначальныя

его права. Этому престолу, по его мнѣнію, должно было предоставлять рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ, особенно трудныхъ или сомнительныхъ дѣлъ, потому что только отъ него одного можно было ожидать рѣшенія безпристрастнаго, только у него одного епископы могли находить справедливость въ своихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ ихъ ближайшіе начальники, архіепископы и областныя соборы, не всегда рѣшали, или даже не всегда имѣли возможность рѣшать дѣла справедливо. Но не довольствуясь только однимъ этимъ дѣланіемъ, Лжеисидоръ говоритъ о многомъ другомъ, говоритъ о чемъ казалось ему нужнымъ и полезнымъ для своего времени. Отсюда-то и возникли различныя, находящіяся въ сборникѣ, литургическія предписанія, догматическія объясненія, пастырскія поставленія и ин. др. То же предположеніе поддерживается и Вальтеръ, говоря, что цѣль, которую имѣлъ Лжеисидоръ, состояла, какъ видно изъ словъ его предисловія ⁽¹⁾, подтвержденныхъ и весьма содержаніемъ сборника, въ томъ, чтобы соединить въ одномъ собраніи всю церковную дисциплину для духовенства и народа. Весьма естественно, что онъ болѣе пространенъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о церковномъ порядкѣ, такъ какъ онъ-то тогда и былъ болѣе всего въ преобращеніи и опасности.

Не отвергая совершенно и рѣшительно ни одного изъ приведенныхъ нами предположеній, мы должны однако замѣтить, что каждое изъ нихъ болѣе или менѣе страдаетъ односторонностію и не обнимаетъ собою всего

(1) Вотъ эти слова: *Quatenus ecclesiastici ordinis disciplina in unum a nobis cōacta atque digesta et auctori praesules puteris instituantur regulis et obediētes ecclesiae ministri vel populi spiritualibus imbuantur exemplis et non inobstanti hominum practibus decipiantur.*

было возстановленіе церковнаго порядка и благоустройства вообще, но почти постоянная рѣчь въ сборникѣхъ объ епископахъ, — именно изъ 90 подложныхъ статей по крайней мѣрѣ въ 70 говорится объ епископахъ — заставляеть предполагать, что сборникѣ главнымъ образомъ составленъ въ пользу епископовъ, т. е, для того, чтобы оградить ихъ отъ различныхъ притѣсненій, незаконнаго, и въ то же время слишкомъ отяготительнаго вліянія на нихъ со стороны свѣтской власти. Но такъ какъ епископы подпали этому вліянію чрезъ митрополитовъ, то очевидно, что стремились къ первому, Ажеисидоръ долженъ былъ въ зависимости отъ этого стараться и объ уменьшеніи власти самихъ митрополитовъ. А самымъ вѣрнымъ средствомъ какъ къ тому, такъ и къ другому, представлялось ему возвышеніе папской власти. Поэтому, хотя мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ Ажеисидоровскаго сборника дѣйствительно встрѣчаемъ признаніе за римскимъ престоломъ первенства, основаннаго будто бы на преимуществѣ Петра предъ другими апостолами, но это первенство папы выставляется тамъ собственно въ пользу епископовъ. Такъ «*sedes Romana*» въ декреталіяхъ называется ⁽¹⁾: «*caput*», «*cardo*», «*mater*», «*arx omnium ecclesiarum*», говорится, что этому престолу поручено попеченіе о всей Церкви, и что каждый долженъ подчиняться ея правиламъ и опредѣленіямъ. Но какъ мало соглашается Ажеисидоръ чрезъ признаніе римскаго первенства уступить что нибудь изъ правъ епископскихъ, это показываетъ почти каждая декреталія. Такъ напр. во 2 декреталіи Евареста епископы на-

(1) 2 и 3 декр. Анаклета, 1 декр. Александра, 1 декр. Діонисія, Каллиста, Пія и друг.

зываются «*legati Dei, qui Christi vice funguntur*», и которых каждый должен слушаться; въ декретахъ Урбана говорится: «*in episcopis Dominum veneremini*»; въ первой декреталии Мельхиада мы встрѣчаемъ слѣдующее: «Богъ избралъ епископовъ какъ бы своими очами, восхотѣлъ, чтобы они были столпами Церкви и даровалъ имъ власть вязать и рѣшить». Анагметъ пишетъ: «святенство получило свое начало отъ Петра, потому что онъ первый былъ поставленъ первосвященникомъ Церкви Христовой; прочіе же апостолы воспріимли одинаковую съ нимъ честь и власть, и уже сами восхотѣли, чтобы онъ былъ первымъ изъ нихъ; — мѣсто ихъ заняли епископы и кто слушаетъ послѣднихъ, слушаетъ самаго Бога» (1). Все это ясно показываетъ, что Аженсидоръ возвышеніе папы считалъ только необходимымъ условіемъ возвышенія епископовъ, и старался объ этомъ возвышеніи только какъ о средствѣ возвышенія самихъ епископовъ.

Теперь обратимъ вниманіе на то, какимъ путемъ идетъ онъ къ своей главной цѣли, т. е. къ освобожденію епископовъ отъ мірскаго вліянія. Для этого онъ прежде всего безусловно отвергаетъ вмѣшательство мірскаго суда въ дѣла епископскія. Всякій судъ надъ епископомъ предъ «*judicium publicum*» положительно воспрещается (2). Мірское начальство безъ папскаго соизволенія не имѣетъ права составлять соборы и осуждать какого

(1) A Petro sacerdotalis coepit ordo, quia ipsi primo pontificatus in ecclesia Christi datus est; ceteri vero apostoli cum eodem pari consortio honorem et potestatem acceperunt, ipsamque principem eorum esse voluerunt, — in locum eorum successerunt episcopi, quos qui recipit, Deum recipit.

(2) Перв. декр. Александра, втор. декр. Марцеллина, ат. декр. Феллиса и др.

бы то ни было епископа (1). Никакой епископъ не долженъ быть судимъ также предъ «*judicium peregrinum, quia indignum est ut ab externis judicentur, qui provinciales et a se electos debent habere iudices*» (2). Судить епископа можетъ только духовный судъ, и на этомъ духовномъ судѣ мірскія лица не могутъ быть ни обвинителями, ни свидѣтелями противъ епископа, или вообще какого нибудь члена клира. Фабіанъ съ своимъ декретомъ сопоставляетъ слова такъ: «*saeculares et mali homines*», Понтіанъ — такъ: «*gravi homines et saeculares*». «*Reges*» и «*potentes*» не должны имѣть никакого вліянія на эти духовные суды, не должны давать имъ никакихъ приказаній, иначе всѣ опредѣленія этихъ судилищъ лишаются всего своего значенія и не должны быть приводимы въ исполненіе (3). Напротивъ суду епископскому могутъ подлежать и дѣла мірскаго (*causae saeculares*), такъ что каждый угнетаемый можетъ безпрепятственно обращаться къ духовному суду.

Особенно интересно опредѣляются въ декретахъ отношенія епископовъ къ митрополитамъ и областнымъ соборамъ. Лжеисидоръ, хотя и признаетъ существовавшее въ его время устройство іерархіи, но вводитъ еще новую степень, посредствующую между митрополитами и папою, — степень примасовъ, викаріевъ апостольскаго престола; этимъ примасамъ подлежатъ всѣ важныя и трудныя дѣла, встрѣчающіяся въ духовныхъ судахъ, имъ должны быть приносимы аппеляціи на рѣшенія митрополитовъ и областныхъ соборовъ и они пользуются всѣмъ

(1) Втор. декр. Маркелла, пера. и втор. декр. Понтіана, пер. декр. Зефирива.

(2) Декр. Гигина и др.

(3) Перв. декр. Каллиста, втор. декр. Сикста.

ни правами и преимуществами самого папы въ известной области, если только область эта слишком удалена отъ Рима, — словомъ сказать, примасы должны быть въ своей области тѣмъ, чѣмъ былъ митрополитъ карфагенскій въ Африкѣ. Черезъ это онъ такъ искусно ослабляетъ власть митрополитовъ и областныхъ соборовъ, такъ ограничиваетъ ихъ вліяніе, что епископы, не смотря на всѣ свои проступки и на все свое недостоинство, не имѣютъ ни малѣйшей нужды опасаться ни тѣхъ, ни другихъ. Мѣсто, куда должны приноситься доносы на епископовъ и гдѣ должны разбираться епископскія дѣла — это областной соборъ, подь предсѣдательствомъ митрополита. Всѣ опредѣленія одного митрополита, не подтвержденныя областнымъ соборомъ, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, но самыя опредѣленія областного собора тогда только дѣйствительны, когда онъ созванъ «законно», т. е. «auctoritate sedis apostolicae»; если же это условіе не выполнено, т. е. если онъ созванъ безъ папскаго повелѣнія или, по крайней мѣрѣ, созволенія, то всѣ его опредѣленія не имѣютъ никакой силы (1). Самыя обвиненія епископовъ на законномъ соборѣ, которому единственно и принадлежитъ право судить епископовъ, у Лжеисидора очень затруднены, — чтобы не сказать, сдѣланы совершенно невозможными. Въ декретахъ папъ Фабіана и Стефана говорится, что апостолы и ихъ преемники постановили, чтобы епископы не подлежали обвиненіямъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы обвиненія эти были до нельзя затруднительны (2). На этомъ основаніи мірянамъ совершенно за-

(1) Это довольно подробно развивается въ посланіи папы Юлія къ восточнымъ епископамъ.

(2) Втор. декр. Фабіана и втор. Стефана: Idcirco statuerunt apostoli

прещается, какъ мы уже замѣтили, быть доносчиками на епископовъ или ихъ обвинителями, а низшимъ лицамъ изъ духовенства за жалобу на епископа угрожается отлученіемъ и безчестіемъ (1). Изъ лицъ же высшаго духовенства, т. е. епископовъ, обвинителемъ какого нибудь епископа можетъ быть только тотъ, кто занимаетъ въ іерархическомъ порядкѣ мѣсто высшее, чѣмъ обвиняемый. О томъ, кто именно не можетъ быть обвинителемъ епископовъ, говорится въ декретахъ весьма часто и говорится притомъ такъ, что, строго придерживаясь этого, обвинять епископовъ могутъ очень и очень не многіе. Для примѣра укажемъ на вторую декреталію Евареста, въ которой говорится, что если найдутся обвинители епископовъ, то церковные судьи должны выслушивать ихъ не прежде, какъ разузнаютъ о намѣреніи, достовѣрности, основательности и справедливости обвиненія, и изъ этого увидятъ, по ревности ли къ Богу, или по враждѣ, ненависти, или другой какой нибудь страсти дѣлается обвиненіе (2).

Изъ всего этого видно, что составитель Лжеисидоровскаго сборника всѣми мѣрами предотвращаетъ самую возможность суда надъ епископами; но если бы кому нибудь удалось наконецъ получить эту возможность, то такому лицу Лжеисидоръ представляетъ бездну новыхъ препятствій и затрудненій. Когда епископъ обвиняется лицомъ, имѣющимъ на это полное

eorumque successores, ne accusarentur episcopi, aut si aliter fieri non possit, perdifficilis eorum fieret accusatio.

(1) Втор. декр. Юлія, декр. Сильвестра, втор. декр. Стефана.

(2) *Si qui sunt accusatores episcoporum, non oportet eos a iudicibus ecclesiae audiri, antequam eorum discutatur aestimationis suspicio vel opinio, qua intentione, qua fide, qua temeritate, qua conscientia, quove merito, si pro Deo aut inimicitia vel odio, aut cupiditate ista sumpserit nec ne.*

право, въ такомъ случаѣ обвиняемый, если только онъ находитъ, что его судьи—«suspecti» или «infern», т. е. говоря по правдѣ, если онъ боится осужденія, можетъ прежде суда апеллировать римскому епископу (1). Для того, чтобы осудить какого нибудь епископа, кромѣ обвинителей, нужны еще свидѣтели. Свидѣтелями имѣютъ право быть только такія лица, которыя могутъ быть обвинителями, но обвиняемому позволяется отстранять тѣхъ изъ нихъ, которыя кажутся ему по чему нибудь опасными или подозрительными (2). Для составленія же окончательнаго приговора нужно не менѣе 72 свидѣтелей (3). Во время самаго суда подсудимый, «si se prae-gravari viderit», также можетъ апеллировать римскому престолу (4). Наконецъ, если бы случилось почти невозможное, т. е. если бы сверхъ всякаго ожиданія соборъ осудилъ епископа, то и тогда этотъ послѣдній получить въ декреталяхъ новое оружіе для собственной защиты, въ неограниченномъ правѣ апеллировать римскому престолу и послѣ соборнаго опредѣленія, такъ какъ безъ вѣдома и согласія папы отнюдь нельзя произносить окончательнаго приговора о дѣлахъ епископскихъ. Епископы должны апеллировать въ Римъ, *ut a sede apostolica, sicut semper fuit, pie fulciantur, defendantur et liberentur* (5), — *ut inde accipiant tuitionem et liberationem, unde acceperunt informationem et consecrationem* (6); ап-

(1) Трет. декр. Фабиана, втор. Кориндія, пер. и вт. Феликса, втор. Юлія и др.; въ нѣкоторыхъ декреталяхъ, напр. въ пер. Зезиріана, обвиняемому дается право самому избирать для себя 12 судей.

(2) Перв. декр. Феликса, вт. Каллиста, перв. Юлія и др.

(3) Перв. декр. Зезиріана.

(4) Втор. декр. Евтихіана.

(5) Втор. декр. Сикста I, перв. Сикста II, втор. Юлія.

(6) Перв. декр. Марколла. Мы съ намѣреніемъ остановили вниманіе

пелирующаго же епископа никто не может подвергнуть запрещенію или лишенію должности (1). Наконецъ съ особенною силою Лжеисидоръ возстаетъ противъ тѣхъ, которые низлагаютъ епископовъ и особенно завладѣвають ихъ имуществами и доходами, не имѣя ни на то, ни на другое ни малѣйшаго права (2).

Самое предисловіе лжеисидоровскихъ декреталій также можетъ подтверждать наше мнѣніе, что онѣ составлены съ цѣлію оградить и освободить епископовъ отъ различныхъ притѣсненій и обвиненій. Хотя составитель ихъ и говоритъ въ началѣ предисловія, что онѣ собраны въ одно цѣлое правила св. отцевъ, соборовъ и папъ для того, чтобы ими удобнѣе можно было пользоваться всѣмъ и каждому, духовенству и мірянамъ, и даже властямъ гражданскимъ, но тотчасъ же обращается къ обвиненіямъ епископовъ и вообще духовенства (3), гово-

на словахъ: *vestreg fuit*. Дѣйствительно, и прежде появленія лжеисидоровскихъ декреталій всѣ дѣла, извѣстныя подъ именемъ *causae majores*, были рѣшаемы римскимъ престоломъ, но тогда подъ этимъ именемъ разумѣлись дѣла сомнительныя и трудныя сами по себѣ, независимо отъ того, чьи были эти дѣла. А Лжеисидоръ напротивъ, при опредѣленіи того, какія дѣла должны быть признаваемы за *causae majores*, обращаетъ вниманіе на самое лицо, котораго касается дѣло и въ кругъ дѣлъ важныхъ включаетъ всѣ дѣла епископовъ, хотя бы онѣ не представляли ни малѣйшей трудности, не возбуждали никакого сомнѣнія.

(1) Втор. декр. Феликса.

(2) Декр. Урбана, втор. Фабиана, втор. Сикста, втор. Феликса, втор. Юлія.

(3) Вотъ самыя слова предисловія: «*Multi enim pravitate et cupiditate depressi, accusantes sacerdotes oppresserunt..... Multi ergo idcirco alios accusant, ut se per illos excusent aut eorum bonis ditentur..... Nullus enim, qui suis rebus est spoliatus aut a sede propria vi aut terrore pulsus, antequam omnia sibi ablata ei legibus restituantur, et ipse pacifico diu suis ruatur honoribus sedique proprie regulariter restitutus ejus multo tempore libere potiatur honore, juxta canonicam accusari, vocari, judicari, aut damnari institutionem non potest..... Similiter accusatores et accusati ones, quas*

рить объ этомъ довольно подробно, такъ что Баллерины, на основаніи одного только предисловія, выводятъ слѣдующее заключеніе: *Quibus omnibus palam significat, se ea potissimum mente collectionem confecisse, ut episcopis, qui accusabantur, prospiceret* (1).

Мѣсто ихъ происхожденія.

Въ основаніе лжеисидоровскихъ декреталій положеиъ сборникъ испанскій, приписываемый Исидору, архіепископу севильскому. Вслѣдствіе этого первоначально, смѣшивая между собою оба эти сборника, считали Испанію мѣстомъ происхожденія и самыхъ декреталій; вообще думали, что Риккульфъ, архіепископъ майнцскій, получилъ изъ Испаніи лжеисидоровскій сборникъ и распространилъ его по всей франкской монархіи (2). Но позднѣйшія изслѣдованія показали, что дѣло это было не совсѣмъ такъ. Не Риккульфъ, а Рахюиъ, еп. страсбургскій, дѣйствительно получилъ изъ Испаніи списокъ каноническаго сборника, а Риккульфъ, которому Рахюиъ представилъ его, какъ своему ближайшему начальнику, распространилъ этотъ сборникъ по Галліи; но это былъ списокъ настоящаго, подлиннаго испанскаго сборника, а не подложнаго лжеисидоровскаго (3). Въ Испаніи никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ ни одного ману-

seculi leges prohibent, canonica funditus repellit auctoritas. Synodorum vero congregandarum auctoritas apostolicæ sedi privata commissa est potestate, nec ullam synodum ratam esse legitimus, quæ ejus non fuerit auctoritate congregata vel facta.

(1) Baller. loc. cit. P. 3. c. 6. § 3.

(2) См. соч. Гийямара Реймсака противъ своего племянника Гийямара Лаонскаго, сар. 24. Opp. ed. Sirmond. T. 2. 476.

(3) Grandidier, Histoire de l'église de Strasbourg. t. 1. p. 315.

скрипта лжеисидоровскихъ декреталій, и онѣ сдѣлались известными тамъ только со времени своего напечатанія: въ практикѣ же постоянно и прежде и послѣ этого употреблялся подлинный испанскій сборникъ (¹). Такимъ образомъ мнѣніе объ испанскомъ происхожденіи лжеисидоровскаго сборника, очевидно, не вѣрно. Всего вѣроятнѣе, что сборникъ произошелъ тамъ, гдѣ имъ прежде всего стали пользоваться, а такимъ мѣстомъ была франкская монархія. Предположеніе это въ первый разъ было высказано еще Блонделемъ и Баллеринами и съ тѣхъ поръ постоянно подтверждалось новыми и новыми доказательствами. Ахенскій соборъ 836 года первый воспользовался лжеисидоровскимъ сборникомъ въ своихъ опредѣленіяхъ объ освященіи елѣя (²), и вообще франкскіе епископы прежде всѣхъ стали употреблять его (³). Манускриптовъ этого сборника больше всего во Франціи, — сравнительно очень не много въ Германіи и Италиі, но всѣ безъ исключенія эти манускрипты носятъ на себѣ явные слѣды франко-германскаго происхожденія: въ нихъ очень часто встрѣчаются такіа слова и выраженія, которыя были въ употребленіи только въ официальномъ языкѣ франко-германцевъ, такъ напр. *missi* вмѣсто *legati*, *comites* вмѣсто *domini feudales*, а также слова: *venire*, *habere*, *modernus*, *custodire* (⁴). Самый испанскій сборникъ, который положенъ въ основаніе лжеисидоровскихъ декреталій, не чисто испанскій, а съ

(¹) De la serna Santander, *Præfatio historico-critica in veram et genuinam collectionem canonum ecclesiae Hispanae*. § 144. 145.

(²) Втор. декрет. Фабиана къ восточнымъ епископамъ. См. 8 прав. ахенскаго собора.

(³) Baller. loc. citat p. 54.

(⁴) Blondel. loc. cit. p. 461 и 200. *Vasserschleben, Beiträge zur Geschichte der falschen Decretalen* p. 52.

тѣми измѣненіями и дополненіями, съ какими онъ употреблялся въ Галліи (¹). Источники, которыми пользовался Лжеисидоръ для составленія своего сборника, были извѣстны и обращались преимущественно въ франкской монархіи, таковы: постановленія галльскихъ соборовъ, *Wregiarium Alaricianum* и кесельскій каноническій сборникъ VI вѣка (²). Содержание лжеисидоровскаго сборника и цѣль, которую имѣлъ въ виду его составитель,—защитить епископовъ отъ притѣсненій со стороны свѣтской власти, также говорятъ о галльскомъ происхожденіи этого сборника: по свидѣтельству исторіи (³), епископы нигдѣ не терпѣли такихъ притѣсненій со стороны свѣтской власти и митрополитовъ и нигдѣ не подпадали такъ часто обвиненіямъ, какъ во франкской монархіи. Наконецъ выдержки, встрѣчающіяся въ декреталяхъ, изъ писемъ Бонифація къ различнымъ лицамъ, равно какъ и изъ писемъ различныхъ лицъ къ Бонифацію, указываютъ частіе, что онѣ составлены въ одной изъ тѣхъ областей Германіи, которая въ то время входила въ составъ франкской монархіи, такъ какъ только въ этихъ областяхъ Германіи и знали объ этихъ письмахъ (⁴). Можно даже опредѣленно назвать одну изъ этихъ областей, а именно: Майнцъ, или иначе Моунтию, мѣстомъ происхожденія лжеисидоровскаго сборника, если только обратить вниманіе на связь это-

(¹) Въ Галліи въ этотъ сборникъ включены опредѣленія 13 голландскаго собора и статья: *Ordo de celebrando concilio* передѣлана сообразно съ галльскими обычаями. Что именно этотъ дополненный и измѣненный сборникъ употребленъ Лжеисидоромъ,—смотри *Valter Kirchrecht*, p. 191. *Baller. loc. cit.* p. 3. c. 4, § 4 и 5, n. 12.

(²) *Knust, loc. cit.* p. 9. *Vasserschleben loc. cit.* p. 29. *Richter, Kirchenrecht* § 70.

(³) *Freiburger Zeitschrift*. Bd. XVII. Heft 2.

(⁴) *Knust, ibid. Vasserschleben ibid. Richter ibid.*

го сборника съ сборникомъ Бенедикта Левита, майнцаго діакона. Не смотря на все сходство этихъ двухъ сборниковъ, нельзя однакоже сказать, что Бенедиктъ Левитъ списалъ у Лжеисидора, — онъ только пользовался его матеріалами и его источниками. Изъ собственнаго признанія Бенедикта Левита (1), мы знаемъ, что онъ всѣ свои матеріалы бралъ изъ майнцаго архива, — слѣдовательно, тамъ же онъ нашелъ и тѣ источники, которыми пользовался Лжеисидоръ.

Не смотря однако на всѣ свидѣтельства въ пользу франксаго происхожденія лжеисидоровскаго сборника, лица, считающія исключительною цѣлю его возвышеніе папской власти, думаютъ, что онъ составленъ не въ Галліи, а въ Италиі. Въ подтвержденіе этой мысли они говорятъ, что *liber pontificalis*, изъ которой такъ много заимствовалъ Лжеисидоръ, не была извѣстна нигдѣ, кромѣ Италиі. Основаніе несправедливое; ибо извѣстно, что еще въ VIII вѣкѣ существовали галльскіе списки этой книги, и что около этого же времени ею пользовался Беда Достопочтенный въ Англіи, а во времена Карла великаго она нигдѣ уже не была рѣдкостью (2). Ссылаются еще на то, что папа Адрианъ I въ своемъ посланіи къ Карлу великому приводитъ дарственную грамоту Константина великаго, которая помѣщена у Лжеисидора и которая въ то время не была еще извѣстна въ другихъ мѣстахъ. Но мы видѣли, что дарственная грамота Константина великаго существовала ранѣе лжеисидоровскаго сборника, а слѣдовательно папа Адрианъ имѣлъ полную возможность при-

(1) Смotr. 52 и 53 стр. его сборника.

(2) Knust. I. c. p. 7 и 8, Kunstmann, die Canonen-sammlung des Remedius von Thur p. 5—7.

водить ее. Впрочемъ мы не оспариваемъ того, что она, быть можетъ, была составлена въ Италіи, даже въ самомъ Римѣ; но это ничего еще не говоритъ объ итальянскомъ происхожденіи всего лжеисидоровскаго сборника. Напротивъ, мы находимъ въ исторіи свидѣтельства, которыя прямо опровергаютъ такое происхожденіе лжеисидоровскихъ декреталій. Папа Левъ 4 въ 850 году ⁽¹⁾ и самъ Николай 1-й въ началѣ своего папства, въ 860 году, перечисляя правила, которыми руководствовалась римская церковь, упоминаютъ постановленія и опредѣленія только тѣхъ папъ, св. отцевъ и соборовъ, которые помѣщены въ сборникѣ діонисіевскомъ, умноженномъ въ осьмомъ вѣкѣ папою Адрианомъ 1-мъ, который обыкновенно называется «*codex canonum*», а о томъ, что есть у Лжеисидора, эти папы не говорятъ ни слова. Подозрѣвать ихъ въ намѣренномъ молчаніи о постановленіяхъ и правилахъ, встрѣчающихся въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, какъ потому, что подлинность лжеисидоровскаго сборника не была ни кѣмъ заподозрѣна до четырнадцатаго вѣка, такъ и потому, что тотъ же папа Николай, нисколько не стѣсняясь, въ 863 году приводитъ ихъ, какъ подлинныя и вполне истинныя. Значить, единственною причиною этого молчанія двухъ папъ о лжеисидоровскихъ декреталіяхъ было совершенное не-

(1) Вотъ какія правила перечисляетъ этотъ папа въ посланіи къ британскимъ епископамъ: «*Canones Apostolorum, Nicaenorum, Ancyranorum, Neocesariensium, Gangreusium, Antiochensium, Laodicensium, Chalcedonensium, Africanensium et cum illis regulae praesulum Romanorum Sylvestri, Siricii, Innocentii, Zosimi, Coelestini, Leonis, Gelasii, Hilarii, Symmachi, Simplicii. Isti omnino sunt, per quos judicant episcopi simul et clerici judicantur.* Mansi T. XIV. стр. 884. Тоже самое перечисляетъ и папа Николай I. см. Mansi T. XV. стр. 374.

знаніе ихъ. Между тѣмъ, какъ въ это же самое время, въ Галліи онѣ были уже извѣстны и прилагались къ дѣлу.

ВРЕМЯ ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Вопросъ о времени происхожденія лжеисидоровскихъ декреталій рѣшался такъ же разнообразно. Тѣ, которые цѣлю Лжеисидора почитаютъ только возвышеніе папы, думаютъ, что сборникъ лжеисидоровскій составленъ въ восьмомъ вѣкѣ, во времена Карла великаго. Бенедиктъ Левитъ заимствовалъ для своего сборника матеріалы изъ майнцскихъ архивовъ, изъ различныхъ произведеній, какъ подлинныхъ, такъ и подложныхъ, собранныхъ тамъ Риккульфомъ, архіепископомъ майнцскимъ, жившимъ въ концѣ восьмага вѣка. А такъ какъ сборникъ Бенедикта Левита, составленный около половины девятаго вѣка, въ очень многомъ сходенъ съ сборникомъ лжеисидоровскимъ; то на этомъ основаніи подъ произведеніями, собранными Риккульфомъ, они и разумѣютъ лжеисидоровскія декреталіи, ссылаясь, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на свидѣтельство Гинкмара ⁽¹⁾, по словамъ котораго книга посланій, собранныхъ Исидоромъ Риккульфомъ, сохранена и распространена по галльскимъ областямъ. Но доказано, что Гинкмаръ смѣшивалъ здѣсь лжеисидоровскій сборникъ съ подлиннымъ сборникомъ испанскимъ и слѣдовательно ошибался ⁽²⁾, а что касается до сходства между сборниками Лжеисидоро-

⁽¹⁾ Opp. ed. Sirmund. T. 2. p. 453.

⁽²⁾ Henrich Denzinger eclogae et epiorisis eorum, quae recentioribus criticis de Pseudoisidorianis Decretalibus statuta sunt. § 1. n. 8. стр. 8.

дора и Бенедикта Левита, то оно таково, что говорить о знакомствѣ Бенедикта Левита только съ источниками и приготовительными работами Лжеисидора, а отнюдь не съ самымъ сборникомъ въ его полномъ и законченномъ видѣ. Противъ этого мнѣнія ясно и неоспоримо говорить то, что лжеисидоровскія декреталии не были употребляемы ни на одномъ соборѣ, ими не пользовался ни одинъ епископъ, отрывковъ изъ нихъ не встрѣчается ни въ одномъ частномъ сборникѣ этого времени (т. е. правленія карловинговъ)—обстоятельство въ высшей степени странное и даже не объяснимое, если декреталии были составлены современникомъ Карла великаго (1). Самое содержаніе всего сборника, равно какъ и цѣль, съ какою онъ составленъ, также вовсе не подходятъ къ временамъ Карла великаго и къ существовавшимъ въ его время взаимнымъ отношеніямъ церкви и государства. Въ декреталияхъ постоянно говорится о различныхъ неурядицахъ и притѣсненіяхъ духовенства со стороны свѣтской власти. Въ многочисленныхъ постановленіяхъ, касающихся обвиненій и доносовъ на епископовъ, явно проглядываетъ стремленіе составителя оградить ихъ отъ всякаго осужденія, — это указываетъ на время преслѣдованій и опасности для епископовъ; безпрестанно встрѣчающіяся въ нихъ жалобы на расхищеніе церковнаго имущества, постоянные протесты противъ насильства свѣтской власти, оппозиція епископовъ противъ областныхъ соборовъ—все это, безъ сомнѣнія, было вызвано положеніемъ церкви въ то время, когда составлены эти декреталии. Но церковь во времена Карла великаго,

(1) Gelele, Theologische Quartalschrift. 1847 г. Heft. 4, S. 616.

какъ свидѣтельствуемъ исторія, была вовсе не въ такомъ положеніи (1).

Другое предположеніе, относящее происхожденіе декреталій къ девятому вѣку, ко временамъ Людовика благочестиваго, даже частиѣе, — ко времени его борьбы съ собственными сыновьями, заключаетъ въ себѣ всѣ признаки истинности и совершенно удобно можетъ быть соглашено и съ содержаніемъ сборника и съ его цѣлю. По этому мнѣнію лжеисидоровскій сборникъ составленъ не позже 857 года, потому что соборъ въ Шьерзи (Shiersi) въ этомъ году прямо и рѣшительно пользовался этимъ сборникомъ, цитую подложныя декреталии папъ: Анаклетъ, Урбана и Люція (2), но и не ранѣе 829 года, такъ какъ Лжеисидоръ беретъ постановленіе бывшаго въ этомъ году шестаго парижскаго собора о корепископахъ и влагаетъ его въ уста папъ: Урбана и Іоанна II (3). Но этотъ, довольно большой промежутокъ времени, въ который, по мнѣнію большинства, были составлены лжеисидоровскія декреталии, Вассершлебенъ совершенно основательно ограничиваетъ двумя сопредѣльными годами 835 и 836-мъ. Въ этомъ послѣднемъ году ахенскій соборъ (4) уже заимствуетъ изъ лжеисидоровскихъ декреталій, именно изъ втораго посланія Фабіана, постановленіе объ освященіи елѣя (5), а бывшій въ 835 году соборъ въ Диденгофенъ, на которомъ низложено нѣсколько епископовъ, представлялъ самый

(1) Vasserschleben loc. cit. S. 55.

(2) Mansi T. XV. p. 127. Valtor, Kirchenrecht § 97.

(3) Это было уже опредѣленно и рѣшительно высказано Блонделемъ и Баллеринами.

(4) Ахенск. соб. правило 8.

(5) Вассершлебенъ, loc. cit. p. 50 и слѣд.

лучшій и самый настоятельный случай измѣнить декретали для того, чтобы имѣть въ нихъ оружіе противъ государя и его соборовъ (1). Справедливость этого мнѣнія подтверждается тогдашнею исторіею.

Людовикъ благочестивый, извѣстный своею склонностію къ подвигамъ благочестія и къ жизни иноческой, вздумалъ еще при жизни раздѣлить свои владѣнія между своими сыновьями. Старшаго сына Лотаря онъ назначилъ своимъ помощникомъ и соправителемъ, Пипина сдѣлалъ королемъ аквитанскимъ, а Людовика, называемаго въ исторіи германскимъ, — королемъ баварскимъ. По смерти супруги своей Издегерды, умершей въ 818 году, Людовикъ благочестивый все болѣе и болѣе предавался своему влеченію къ жизни монашеской, но придворные, успѣвшіе извлекать выгоды изъ его слабости и мягкосердія, старались всячески привязать его къ міру и для этого убѣдили его вступить въ новый бракъ съ Юдиною, дочерью баварскаго князя Вельфа. Сыновья Людовика благочестиваго отъ перваго брака естественно не могли быть довольны этимъ новымъ супружествомъ своего отца, особенно когда Юдиной родила сына — Карла, впоследствии извѣстнаго подъ именемъ лысаго, которому Людовикъ благочестивый также хотѣлъ назначить особый удѣлъ, равный удѣламъ своихъ сыновей отъ перваго брака. Тогда образовались двѣ партіи: придворная, державшая сторону Юдиной, и партія сыновей Людовика, — преимущественно Лотаря, состоявшая изъ даровитыхъ людей того времени какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Къ этой послѣдней партіи принадлежали, между прочими: аббаты — Вага, Хил-

(1) Ibidem. p. 64—70.

дуинъ, Элизахаръ, епископы—Агобардъ лѳонскій, Эббо реймскій, Иесса амбиенскій, Отгаръ майнцскій и др., которые рѣшились воспользоваться этимъ несогласіемъ какъ для того, чтобы снова достигнуть прежняго вліянія и участія въ управленіи дѣлами, такъ и для того, чтобы вообще пріобрѣсти поболѣе власти, значенія, и съ этою цѣлю употребляли всякаго рода интриги, коварство, подлогъ, даже открытое насиліе. Въ 832 году эти приверженцы сыновей Людовика благочестиваго привлекли на свою сторону папу Григорія IV-го и заставили его вмѣшаться въ дѣло, какъ будто бы для посредничества и примиренія, въ сущности же для того, чтобы воспользоваться его авторитетомъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей, или, сказать вѣрнѣе, для того, чтобы злоупотреблять имъ. Какъ мало эти епископы думали о своемъ подчиненіи папѣ — это показываютъ ихъ споры объ иконахъ въ 825 году и сочиненіе Агобарда *de imaginibus* (1). Когда Людовикъ чрезъ своихъ пословъ производилъ изслѣдованіе дѣла папы Пасхалиса въ 823 году, то епископы отнюдь не говорили, что государь не имѣетъ права судить папу и что слѣдовательно судъ его не дѣйствителенъ; но теперь въ 833 году аббатъ Вала передалъ папѣ Григорію IV, испуганному сопротивленіемъ германскихъ епископовъ, стоявшихъ на сторонѣ придворныхъ и самаго Людовика благочестиваго; нѣсколько папскихъ постановленій, въ которыхъ было высказано правило, что папы судятъ всѣхъ, а сами не подлежатъ никакому суду, кромѣ Божескаго, а Агобардъ въ своемъ сочиненіи: «*de comparatione utriusque regiminis*», составленномъ около этого же вре-

(1) Опп. 1. р. 221.

мени, говорить, что папа имѣеть право и власть рѣшить споръ между Людовикомъ и его сыновьями. Такое противорѣчіе собственныхъ произведеній и поступковъ этихъ епископовъ ясно показываетъ, что если они и признавали за папою высшую и неограниченную власть, предъ которою должны смиряться даже земные владыки, то признавали ее только потому, что надѣялись чрезъ это скорѣе и вѣрнѣе достигнуть собственныхъ выгодъ и видовъ, короче, признавали ее, какъ средство для извѣстной собственной цѣли. Вотъ какъ говорить объ этомъ Nithard l. I, ad ann. 833: «для исполненія своихъ замысловъ они слишкомъ много приписываютъ Григорію, первосвященнику верховнаго римскаго престола, чтобы, пользуясь его авторитетомъ, свободнѣе можно было совершать все, что хотѣли» (1), и Astron ann. 833: «къ папѣ Григорію они обращались подтѣмъ предлогомъ, будто бы онъ одинъ могъ и долженъ былъ примирить отца съ дѣтьми, но впоследствии открылась истина (2).» Совершенно иначе смотрѣли на дѣло германскіе епископы, приверженцы Людовика благочестиваго. Собравшись на сеймъ въ Вормсъ, они напоминали папѣ о присягѣ въ вѣрности, которую онъ давалъ императору, объ его обязанностяхъ и призваніи, о несправедливости его притязаній быть судьей императора и признавали его самаго достойнымъ за это осужденія. Мало того: они опредѣлили отлучить папу, если только онъ осмѣлится съ своей стороны произне-

(1) *Insuper autem et Gregorium Romanae summae sedis pontificem, ut ejus auctoritate liberius, quod cupiebant, perficere possent, magnis precibus in supplementum suae voluntatis assumunt.*

(2) *Gregorium papam adviarunt, sub ornatu quasi qui patri solus filios reconciliare deberet et posset; rei tamen veritas postea claruit.*

сти отлученіе на императора. Извѣстно, чѣмъ окончилось это семейное несогласіе Людовика благочестиваго. Императоръ былъ побѣжденъ своими сыновьями и долженъ былъ подчиниться въ Компьени, 833 года, по совѣту епископа реймскаго, унижительному церковному покаянію, открыто признать приписанныя ему преступленія и сложить оружіе. Весьма характеристично донесеніе епископовъ о низложеніи императора Людовика (1); здѣсь епископы называются намѣстниками Христа, власть которыхъ такова, что все связанное ими на землѣ будетъ связано и на небѣ, и говорится, что императоръ низлагается «*juxta divinum consilium et ecclesiasticam auctoritatem*» и на него положено «*per judicium sacerdotale*» церковное покаяніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ возвышеніе папской власти и авторитета и подчиненіе папѣ епископовъ, было избрано самими епископами только средствомъ къ своему собственному возвышенію, къ освобожденію изъ подъ гнета свѣтской власти и къ уравненію духовной власти съ мірскою во всѣхъ правахъ, а это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы нашли въ лжеисидоровскомъ сборникѣ: и тамъ таже цѣль и тѣже средства для ея достиженія.

Слѣдя далѣе за ходомъ событій разсматриваемаго нами времени, мы увидимъ въ нихъ полное и удовлетворительное объясненіе и всего остальнаго, что мы встречаемъ въ лжеисидоровскомъ сборникѣ. Послѣ униженія императора мысли лучшихъ сыновей его: Людовика германскаго и Пипина перемѣнились; они перешли на сторону своего отца, и при ихъ помощи Людовикъ благочести-

(1) Pertz. Legg. T. 1. p. 366. Seqq.

вый снова приобрѣлъ верховную власть. Тогда начался судъ надъ епископами, принадлежавшими къ противной партіи: одни изъ нихъ были низложены и подверглись изгнанію, какъ напр. Эббо, епископъ реймскій, Агобардъ лионскій, Варфоломей нарбоискій. Плія труаскій и др.; иные были подвергнуты различнымъ болѣе легкимъ и снисходительнымъ наказаніямъ: къ числу послѣднихъ принадлежалъ между прочими и Отгаръ архіепископъ майнцскій. Судили всѣхъ этихъ епископовъ обыкновенно на областныхъ соборахъ, на которыхъ председательствовали митрополиты; на этихъ же соборахъ составлялись и окончательные приговоры: такъ напр. Эббо реймскій былъ судимъ на соборѣ въ Диденгофенѣ въ 835 году и на немъ же низложенъ, впрочемъ уже послѣ того, какъ самъ письменно призналъ себя недостойнымъ епископства. Послѣ этого подсудимымъ очень естественно было желать ослабленія власти этихъ опасныхъ для нихъ судилищъ, а такое стремленіе мы ясно видимъ и въ сборникѣ Лжеисидора; отсюда-то встрѣчающееся тамъ раздѣленіе соборовъ на законные, т. е. составленные съ папскаго разрѣшенія или согласія, и не законные; отсюда-то простирающееся чуть не до безконечности предоставленное епископамъ право удалять обвинителей, судей и свидѣтелей, отсюда же наконецъ неограниченное право апелляцій къ римскому престолу, который черезъ это по своей власти поставленъ выше соборовъ. Такимъ образомъ соборъ въ Диденгофенѣ въ мартѣ 835 года послужилъ ближайшимъ поводомъ къ составленію лжеисидоровскаго сборника. Въ доказательство того, что сборникъ этотъ составленъ дѣйствительно послѣ диденгофскаго собора, можно указать какъ на то, что на него ни разу не сослался су-

димый и низложенный на этомъ соборъ Эббо, епископъ реймскій, между тѣмъ какъ въ немъ онъ могъ бы найти для себя очень крѣпкую защиту, такъ особенно на то, что въ одной изъ подложныхъ декреталій, именно въ декреталии папы Александра находится, по видимому, ясное указаніе на обстоятельства низложенія самаго Эббо. «Если у подобныхъ людей, говорится въ этой декреталии, было бы исторгнуто признаніе угрозами, обманомъ, насиліемъ или надеждою освобожденія, то мы не считаемъ этого безчестіемъ для нихъ и не ставимъ имъ этого въ вину». Это какъ нельзя лучше подходит къ обстоятельствамъ, въ которыя былъ поставленъ Эббо и, по видимому, имѣетъ цѣлю отнять всякое значеніе и сдѣлать не дѣйствительнымъ собственное признаніе Эббо (1).

ИХЪ ПИСАТЕЛЬ ИЛИ ПРАВИЛЬНѢЕ СОСТАВИТЕЛЬ.

Предъидущее изслѣдованіе о времени происхожденія лжеисидоровскаго сборника показываетъ, что составителя этого сборника нужно искать между лицами, принадлежавшими къ партіи сыновей Людовика благочестиваго, или даже частнѣе одного Лотаря (2). Но кого имен-

(1) *Freiburger Zeitschrift*, S. 261. ff.

(2) Не считаемъ нужнымъ опровергать то мнѣніе, что составителемъ лжеисидоровскихъ декреталій былъ Исидоръ, архіепископъ севильскій, какъ потому, что мнѣніе это уже отжившее, такъ и потому, что оно опровергается всѣми предъидущими изслѣдованіями: о подложности этихъ декреталій, мѣстѣ и времени ихъ происхожденія. Замѣтимъ только, что оно существовало въ первое время послѣ появленія декреталій и основывалось частію на томъ, что въ началѣ предисловія этого сборника стоитъ имя Исидора Peccator'a, а слово Peccator имѣли обыкновеніе прибавлять къ своему имени въ знакъ смиренія только епископы (см. напр. Соб. Трул. *Andreas peccator Philipp, episcopus* (*Harduin Comc.*

но изъ нихъ нужно признать составителемъ его?—положительно отвѣчать на это нельзя за недостаткомъ вполне достовѣрныхъ свѣдѣній. Впрочемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно, если не съ достовѣрностію, то, по крайней мѣрѣ, съ вѣроятностію составителемъ разбираемаго сборника считать Отгара, архіепископа майнцакаго. Во всѣхъ спискахъ и редакціяхъ лжеисидоровскихъ декреталій видны отпечатокъ ревности, внушенной, по видимому, духомъ сословнымъ и даже личнымъ интересомъ. Онъ слишкомъ уже увеличиваетъ препятствія къ обвиненію епископовъ и очень много старается объ ихъ безопасности; видно, что онъ самъ страдалъ, потому что, только испытавъ несправедливость и притѣсненіе, можно имѣть такое сильное опасеніе и предубѣжденіе, и такъ много недовѣрчивости и осмотрительности. Это вполне согласно съ обстоятельствами жизни Отгара: онъ былъ епископомъ, принадлежалъ къ партіи Лотаря, а потому, когда противная партія одержала верхъ, ему грозила опасность быть низложеннымъ и изгнаннымъ, подобно нѣкоторымъ изъ епископовъ, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ партіи. Правда, самъ онъ не подвергся подобной участи, но опасность рано или поздно подвергнуться ей для него еще не миновала совершенно, а потому въ немъ естественно, чѣмъ во всѣхъ другихъ уже низложенныхъ епископахъ, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ партіи, могло родиться желаніе предотвратить эту опасность, устранить даже самую возможность осужденія, низложенія и изгнанія. Притомъ Майнцъ по нѣкоторымъ при-

1. 3), — частію на томъ, что свѣщивали между собою два сборника: восточный испанскій—исидоровскій и лжеисидоровскій.

знакамъ есть мѣсто происхожденія лжеисидоровскихъ декреталій, а житель Майнца и къ тому-же епископъ въ партіи Лотаря былъ одинъ—Отгаръ. Сверхъ того въ различныхъ декреталіяхъ Лжеисидора проглядываютъ нѣкоторыя частныя стремленія, которыя вполнѣ идутъ къ Отгару и заключаютъ въ себѣ новое доказательство тождества Лжеисидора и Отгара. Въ этихъ декреталіяхъ очень часто говорится о примасахъ или викаріяхъ апостольскаго престола, какъ посредствующей между папою и митрополитами іерархической степени. Примасамъ усвоится рѣшеніе «causae majores et negotia episcoporum»; къ нимъ прежде всего нужно апеллировать на опредѣленія митрополитовъ и соборовъ, они должны вообще во имя папы (если только этотъ слишкомъ отдаленъ) пользоваться всѣми его преимуществами. А если мы прослѣдимъ исторію каведры майнской или иначе могуштинской съ ея основанія до времени Отгара (1), то увидимъ, что стремленіе къ подобной власти какъ нельзя болѣе приличествовало Отгару. Бонифаций, прозванный германскимъ апостоломъ въ награду за свое усердіе, труды и подвиги при распространеніи христіанства между германцами, получилъ отъ папы Захаріи престолъ майнцскій со всѣми правами только что описанными нами; ему были подчинены, кромѣ нѣсколькихъ уже существовавшихъ прежде церквей, всѣ обращенные имъ въ христіанство германскіе народы, и всѣ вновь основанныя имъ самимъ церкви. Послѣ смерти Бонифация, хотя власть и могущество, принадлежавшія ему лично, и не перешли къ его преемникамъ, однако.

(1) Исторію майнской каведры мы заимствуемъ у Герберера. *Freiburger Zeitschrift*. S. 233—238.

не смотря на это и на постоянный выдѣлъ изъ подъ власти его преемниковъ церквей, нѣкогда подвластныхъ ему ⁽¹⁾, майнцская кафедра все таки еще долго удерживала за собою первое мѣсто среди кафедръ Франкской имперіи. Поэтому у преемниковъ Бонифація легко могла возникнуть мысль возстановить и поддержать то значеніе и власть, которую пользовался лично Бонифацій, а для этого необходимо было, чтобы подъ властію майнцской кафедры состояло десять или одиннадцать другихъ епископскихъ кафедръ, находящихся и въ гражданскомъ отношеніи подъ властію одного же владѣтеля. Это-то стремленіе къ возстановленію той власти майнцскихъ епископовъ, которая нѣкогда принадлежала Бонифацію, равно какъ и желаніе сохранить неприкосновенность своей церковной области и побудило Отгара стать на сторону Лотаря, когда Людовикъ благочестивый отдалъ своему сыну отъ втораго брака — Карлу льсому Альзацию, Свевію и часть Бургундіи, входившія въ составъ майнцской церковной области, и содѣйствовать Лотарю въ достиженіи господства надъ всѣми владѣніями Карла великаго. Такимъ образомъ стремленія Отгара къ приобрѣтенію для майнцскихъ епископовъ права примасовъ совершенно подходятъ къ установленію этой новой іерархической степени Лжеисидоромъ и ручаются за тождество этихъ двухъ лицъ.

Но вотъ что представляется съ перваго взгляда довольно непонятнымъ: Отгаръ былъ самъ архіепископомъ и слѣдовательно пользовался всѣми правами митрополита, а между тѣмъ декреталии такъ неблагопріят-

(1) Blasco, De collectione canonum Isidori Peccatoris, comment. apud Galland.

но отзываются о митрополитахъ, такъ ослабляютъ ихъ власть и значеніе. Для примиренія этого видимаго противорѣчія нужно сказать, что Отгаръ поступалъ такъ потому, что не только желалъ и всѣми силами домогался приматства, но и считалъ себя имѣющимъ всѣ права на эту степень (1). Кто, по опредѣленію декреталій, имѣлъ право на степень примаса? Папа Анигита въ своемъ посланіи къ епископамъ Галліи говоритъ, что примасами должны называться только тѣ епископы, предшественники которыхъ были возведены въ это достоинство самими апостолами или ихъ непосредственными преемниками, — или же, если будетъ вновь обращенъ въ христіанство цѣлый народъ и будетъ имѣть у себя столько епископовъ, что представится необходимость поставить одного изъ нихъ главнымъ, то этотъ главный епископъ пользуется именемъ и правами примаса. А Анаглетъ (2) прибавляетъ, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ городъ, епископъ котораго возводится въ примасы, долженъ быть извѣстнымъ и знаменитымъ городомъ уже прежде пришествія Христова. По этому опредѣленію, Отгаръ дѣйствительно имѣлъ полное право быть примасомъ. Бонифацій, его предшественникъ на майнцкомъ престолѣ, былъ и первымъ распространителемъ христіанства въ Германіи и главнымъ между всѣми германскими епископами. Что касается до Майнца, или иначе Могунтіи, то весьма многіе производятъ имя Могунтіи отъ Магонтія, сына Геркулесова, или отъ Магона, сына Іафета, или же, наконецъ, отъ Маговъ Треверскихъ. Извѣстно, что нѣкто Другъ далъ это имя

(1) *Vasserschleben S. 65.*

(2) *Anacleti op. 2.*

городу предъ временемъ пришествія Иисуса Христа (1); слѣдовательно и съ этой стороны Отгаръ, какъ архіепископъ майнцскій, могъ быть примасомъ.

Представляется также довольно страннымъ и то обстоятельство, что этотъ сборникъ былъ гораздо болѣе извѣстенъ въ Галліи, чѣмъ въ Германіи. Имъ вовсе не пользовались и какъ будто даже вовсе не знали о немъ германскіе составители каноническихъ сборниковъ, какъ напримѣръ: Регино — фонъ Прюмъ и Бурхардъ Вормскій (2). Но для этого можно найти вполне удовлетворительное объясненіе въ тогдашней исторіи. Майнцъ принадлежалъ къ числу германскихъ областей, которыя входили въ составъ франкской имперіи; поэтому онъ былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ чисто франкскими областями, чѣмъ съ чисто германскими. Притомъ же всѣ епископы германскихъ областей принадлежали къ партіи противной, были приверженцами Людовика благочестиваго, и слѣдовательно не раздѣляли образа мыслей Отгара, не могли сочувствовать ему и пользоваться его произведеніемъ. Впрочемъ это было только сначала, а съ теченіемъ времени лжеисидоровскія декреталіи вошли и въ Германію въ такое же, если еще не въ большее употребленіе, чѣмъ въ самой Галліи.

ЗНАЧЕНІЕ ДЕКРЕТАЛІЙ ВЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ПАПСКОЙ СИСТЕМЫ.

Вопросъ о значеніи лжеисидоровскаго сборника въ исторіи развитія папской системы (3) рѣшается такъ же

(1) Heinrich Denzinger l. c. pag. 14.

(2) Kunstmann, in der Neuen Zion 1848 № 55. S. 284.

(3) Хотя Лжеисидоръ возвышеніе власти и авторитета папы избралъ

неодинаково: одни приписываютъ ему слишкомъ большое и важное значеніе, другіе отнимаютъ у него почти всякое значеніе. По мнѣнію первыхъ декреталии положили собою начало новому каноническому праву западной церкви, извративъ право, существовавшее дотолѣ; по мнѣнію послѣднихъ (къ нимъ принадлежатъ, кромѣ новѣйшихъ католическихъ изслѣдователей, нѣкоторые и изъ протестантовъ) декреталии не ввели ровно ничего новаго: все, предписываемое ими, уже существовало ранѣе ихъ. Которое изъ этихъ двухъ мнѣній вѣрнѣе? Говоря безпристрастно, каждое изъ нихъ, не смотря на ихъ прямую противоположность, имѣетъ свою долю справедливости, потому что поборники ихъ смотрятъ на предметъ съ различныхъ сторонъ. Если сравнивать правила, заключенныя въ лжеисидоровскомъ сборникѣ, съ тѣми правилами и законами, которыми восточная церковь постоянно до настоящаго времени руководствуется и которые были установлены святыми вселенскими и помѣстными соборами, а такъ же и святыми отцами первыхъ вѣковъ; то должно сказать, что первыя совершенно не согласны съ послѣдними. Это-то и имѣютъ въ виду приверженцы перваго мнѣнія, приписывающіе декреталиямъ введеніе совершенно новаго порядка вещей, и въ этомъ отношеніи они совершенно справедливы. Но, если тѣ же самыя декреталии сопоставить съ различными произведеніями западной литературы, начиная съ седьмага вѣка; то окажется, что декреталии составляютъ только повтореніе того, что уже было высказано прежде ихъ появленія, и что можетъ быть уже

только средствомъ для достиженія предположенной цѣли, но не дѣль, какъ видно изъ исторіи, лжеисидоровскія декреталии никому не принесли столько пользы, какъ кажутся.

прилагалось къ дѣлу, — это и имѣють въ виду приверженцы втораго мнѣнія, утверждающіе, что декретали не ввели ничего новаго, и съ этой стороны они не совершенно не правы. Въ самомъ дѣлѣ, Лжеисидоръ, какъ мы уже замѣтили, не самъ сочинялъ содержаніе для своихъ декреталій, а заимствовалъ его изъ различныхъ источниковъ, — значитъ оно существовало уже ранѣе его. Известно также, что лжеисидоровскія декретали распространились очень быстро, — въ теченіе одного столѣтія со времени своего появленія онѣ обобщились на всемъ Западѣ и вошли въ составъ другихъ каноническихъ сборниковъ, повсюду были приняты безъ малѣйшаго прекословія и нигдѣ не возникло ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ подлинности. Не явный ли это знакъ, что онѣ вполнѣ соответствовали понятіямъ, убѣжденіямъ и желаніямъ своего времени, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи не производили никакого рѣшительнаго измѣненія, а только уясняли, существовавшія уже, стремленія людей, давали имъ направленіе и укрѣпляли ихъ? Но всѣ эти понятія, убѣжденія и стремленія, въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ въ первый разъ возведены въ общія церковныя правила, будто бы сохранившіяся отъ первыхъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи декретали, какъ правила древней Церкви, будучи совершенно противоположны подлиннымъ и дѣйствительнымъ ея правиламъ, естественно составили собою новое каноническое право западной церкви.

Нельзя рѣшительно сказать, что было бы съ нами безъ лжеисидоровскихъ декретарій. т. е., достигло-ли бы оно безъ нихъ той степени силы и могущества, на которой мы видимъ его въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ; но можно положительно сказать, что де-

креталии сообщили собою освященіе тому положенію папъ, которымъ они пользовались въ девятомъ вѣкѣ и которое выработалось различными случайностями и злоупотребленіями. Людямъ того времени, говоритъ Луденъ ⁽¹⁾, при всей ихъ расположенности къ папамъ, могло показаться страннымъ: какимъ образомъ папы постепенно достигли такого огромнаго значенія и такой всеобъемлющей власти, а лжеисидоровскій сборникъ представляетъ подобное господство папъ существовавшимъ во всѣ времена и такимъ образомъ устраняетъ всѣ подобныя недоумѣнія и сомнѣнія. Что же касается до самихъ папъ, то этотъ сборникъ, долго принимаемый всѣми, а слѣдовательно и ими, за подлинный, не могъ не надмѣвать ихъ, представляя всѣ ихъ притязанія законными, и не поощрять къ большимъ и большимъ, въ сущности дѣла несправедливымъ и незаконнымъ, а по правиламъ этого сборника совершенно справедливымъ и законнымъ притязаніямъ и требованіямъ. И дѣйствительно, исторія дальнѣйшаго времени доказываетъ, что папы впоследствии постоянно ссылались на этотъ сборникъ, какъ на основаніе всѣхъ своихъ правъ и имъ старались оправдывать всѣ свои дѣйствія. Обратимся въ частности къ главнымъ положеніямъ лжеисидоровскихъ декреталій касательно отношеній папы къ Церкви и ея предстоятелямъ — епископамъ, чтобы видѣть, что собственно новаго сдѣлано этими декреталіями въ пользу папъ, сравнительно съ подлинными правилами древней Церкви

Въ декреталіяхъ, приписываемыхъ папамъ Маркеллу

(1) Luden, allg. Gesch. der Völker und Staaten der Mittelalters Th. 2. В. 2, с. 10. 3. 208.

и Юлію (¹); изъ которыхъ первый жилъ въ концѣ третьяго († 296), а послѣдній около половины († 336) четвертаго вѣка, излагается правило, по которому никакой областный соборъ не долженъ быть созываемъ безъ папскаго разрѣшенія или соизволенія, иначе онъ считается незаконнымъ, и всѣ его постановленія недѣйствительными. Но откуда и съ какого времени возникла такая огромная власть папы относительно соборовъ? Всякій, знающій исторію, безъ сомнѣнія не найдетъ ничего подобнаго не только въ три первые вѣка, но и въ вѣка послѣдующіе до девятаго. Такъ, напримѣръ, при составленіи всѣхъ соборовъ, о которыхъ упоминается у Тертуліана, Кипріяна и Евсевія, нельзя находить ни малѣйшихъ слѣдовъ папскаго разрѣшенія или соизволенія, а равно и утвержденія постановленных на соборахъ правилъ. О папскомъ согласіи вовсе нѣтъ рѣчи также и на тѣхъ трехъ областныхъ соборахъ, которые собирались въ Александріи противъ Арія, прежде собора вселенскаго. Когда первый вселенскій соборъ (²) постановлялъ, чтобы дважды въ годъ были созываемы областные соборы, ужели онъ имѣлъ въ виду, чтобы каждый разъ посылали въ Римъ за полученіемъ папскаго разрѣшенія или согласія? При подобномъ условіи для церквей, находившихся въ отдаленныхъ странахъ Азіи и Африки, не было бы естественной возможности исполнять это правило вселенскаго собора. Но мы знаемъ, что оно глубоко проникло въ жизнь Церкви и вошло въ обыкновенный порядокъ; только гоненія и преслѣдованія иногда заставляли отступать отъ этого порядка,

(¹) Marc. ep. 1. ad Maxent. Iulii, ep. 2 ad episcop. orient.

(²) Первый вселенскій соборъ, правило 5.

но какъ скоро представлялась хоть малѣйшая возможность, порядокъ этотъ тотчасъ же возстановлялся. Съ того же времени, когда вошло въ практику указанное нами правило лжеисидоровскихъ декреталій объ областныхъ соборахъ, не было въ западной церкви ни одного собора, на которомъ бы не присутствовали папскіе послы, какъ представители самаго папы, въ лицѣ ихъ давшаго созволеніе и разрѣшеніе, а такой порядокъ дѣлъ, сопряженный съ различными трудностями и неудобствами, скоро и совершенно вывелъ обыкновеніе созывать областные соборы (1). Въ доказательство того, что папы дѣйствительно употребляли это правило лжеисидоровскихъ декреталій въ свою пользу, мы можемъ указать на слѣдующій случай. Генрихъ IV во время извѣстнаго спора своего съ Григоріемъ VII осудилъ и низложилъ этого папу въ Вормсѣ, на соборѣ, составленномъ изъ германскихъ епископовъ. Но папа тотчасъ же по полученіи отъ Генриха IV посланія, въ которомъ послѣдній требовалъ, чтобы Григорій оставилъ римскій престолъ, теперь уже не законно имъ занимаемый, объявилъ самый соборъ вормскій незаконнымъ и всѣ его постановленія не дѣйствительными, ссылаясь на лжеисидоровскія декреталіи, по которымъ только тѣ соборы законны, которые созваны съ папскаго созволенія (2).

Далѣе, въ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ каждому не только епископу, но священнику, и даже вообще всякому вѣрующему усвоится право апеллировать папѣ на рѣшеніе областного собора, хотя бы и законнаго, если только онъ находитъ это рѣшеніе почему нибудь

(1) Fleury Discours sur l'histoire eccles. 4.

(2) Веберъ, Всеобщ. Ист. т. 2. § 230.

не справедливымъ. Кажется, составителю декреталій это было особенно близко къ сердцу, судя потому, что онъ говоритъ объ аппелляціяхъ отъ лица девяти различныхъ папъ: Анаклета, двухъ Сикстовъ, Фабіана, Корнилія, Виктора, Зефиріана, Маркелла и Юлія ⁽¹⁾. Но св. Кипріанъ, современникъ Фабіана и Корнилія, прямо и рѣшительно противился аппелляціямъ ⁽²⁾, и во времена блаженнаго Августина церковь африканская еще не принимала ихъ, какъ это видно изъ посланія, которое было писано отъ имени африканскаго собора 426 года къ папѣ Целестину. Вообще, безъ особенной нужды обращаться къ суду другой церкви, искать оправданія въ своемъ дѣлѣ у другаго епископа ⁽³⁾, считалось, въ продолженіи осьми вѣковъ, и въ самой западной церкви противузаконнымъ, бродяжническимъ обманомъ, и запрещено было правилами карфагенскаго собора, который осуждалъ переносившихъ свое дѣло на судъ римской церкви ⁽⁴⁾. Но съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ употребленіе декреталіи, аппелляціи стали распространяться больше и больше, и встрѣчаться во всей латинской церкви. Извѣстны жалобы Ивы Шарпугскаго и св. Бер

⁽¹⁾ Церв. декр. Анаклета, втор. Сикста I, пер. Сикста II, пер. Виктора, пер. Зефиріана, втор. Марк., втор. Юлія.

⁽²⁾ Вотъ что напр. писалъ св. Кипріанъ папѣ Стефану: «принадлежащій къ моей (карф.) церкви, послѣ моего суда и рѣшенія дѣла, не имѣютъ права переносить дѣло къ римской или другимъ церквамъ (Epiст. 55)».

⁽³⁾ Правда, можно указать на примѣры св. Аванасія и Златоуста, но видимо противорѣчившіе этому, потому что эти св. отцы въ несчастныхъ обстоятельствахъ обращались къ римскому епископу. Но въ этомъ обращеніи ихъ отнюдь нельзя видѣть съ ихъ стороны признанія надъ собою власти папы; оно было не болѣе, какъ обращеніе равнаго, который терпѣлъ бѣдствіа, къ равному же, который былъ силенъ и могущественъ.

⁽⁴⁾ Карф. соб. пр. 32, 37.

гарда на злоупотребленія, происходившія отъ апелляцій и достигшія въ ихъ время своего высшаго развитія. Они доказывали, что правило, по которому каждый и при всякомъ случаѣ могъ апеллировать папѣ, совершенно подрывало всякій порядокъ: дурные священники и вообще всѣ виновные въ чемъ нибудь чрезъ это избѣгали исправленія; папѣ часто представляли дѣло въ совершенно превратномъ и искаженномъ видѣ и этимъ побуждали его ниспровергать совершенно справедливыя рѣшенія соборовъ. Сами епископы, боясь различныхъ затрудненій и слишкомъ большой продолжительности дѣла, лучше соглашались терпѣть различные безпорядки, которымъ не могли воспрепятствовать сами собою (1).

Что же касается до дѣлъ епископскихъ, то декретами предоставляють право окончательно судить епископовъ и постановлять рѣшительные приговоры по ихъ дѣламъ папѣ, а не областнымъ соборамъ (2). По ихъ словамъ областной соборъ, хотя бы и находилъ подсудимаго епископа достойнымъ низложенія, все такъ низложить его самъ собою не можетъ, а долженъ непременно представлять на волю папы. И вотъ едва только Іжеисидоровскій сборникъ сдѣлался извѣстнымъ, папа Николай I тотчасъ же не преминулъ воспользоваться этимъ его правиломъ. Когда Ротадъ, епископъ суассонскій, низложенный на областномъ соборѣ, обратился съ жалобою къ папѣ, то послѣдній въ своемъ письмѣ къ галльскимъ епископамъ говорилъ, что не должно низлагать епископовъ «*contra tot et tanta decretalia*», разумѣя

(1) Fleury, Discours 4, p. 116.

(2) Перв. декр. Елевѣрія, перв. Виктора, перв. Юлія, перв. Зезерива, перв. Сикста III, перв. Маркелла и др.

лжеисидоровскія декретами, безъ папскаго утвержде-
нія, и упрекаль ихъ за то, что въ этомъ случаѣ они
поступили вопреки «*diversorum sedis apostolicae praesu-
lum decreta*». Но по правиламъ соборовъ: Никейскаго I,
Антиохійскаго и Сардикійскаго, судъ надъ епископами
принадлежалъ единственно и исключительно соборамъ,
и примѣровъ подобнаго порядка дѣлъ можно найти очень
много. Не перечисляя всѣхъ ихъ, мы укажемъ только
на болѣе замѣчательный. Павелъ Самосатскій, епископъ
антиохійскій, былъ судимъ и низложенъ на соборѣ во-
сточными епископами безъ всякаго участія папы. Со-
боръ удовольствовался только тѣмъ, что увѣдомилъ папу
соборнымъ посланіемъ объ этомъ низложеніи, какъ о
дѣлѣ уже оконченномъ, и папа на это вовсе не жало-
вался. Вообще нужно сказать, что въ исторіи первыхъ
осьми вѣковъ христіанства встрѣчаются очень часто по-
вѣствованія о судахъ надъ епископами и объ ихъ низ-
ложеніи, но то и другое тамъ обыкновенно приписы-
вается соборамъ, которые всегда были судилищами
всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Только при совершенномъ не-
знаніи исторіи можно утверждать, что для осужденія
какого нибудь епископа необходимо было послать его
въ Римъ, или же призывать на соборъ, на которомъ
производилось его дѣло, представителей папы. Съ чет-
вертаго вѣка было безчисленное множество церквей въ
Греціи, Азій, Сиріи и Африкѣ, не говоря уже о запа-
дѣ, и большая часть епископовъ были бѣдны до того,
что не имѣли средствъ предпринимать и не далекихъ
путешествій; даже сами императоры изъ уваженія къ
ихъ бѣдности освобождали ихъ отъ присутствованія на
вселенскихъ соборахъ. Какимъ же образомъ можно было
требовать, чтобы они являлись въ Римъ и не только

они сами, а и ихъ обвинители, и свидѣтели, по большей части еще болѣе бѣдные? Очевидно, что это — вещь совершенно невозможная, и несостоятельность подобнаго порядка дѣлъ вполнѣ открылась, когда папы вдумали приложить это лжеисидоровское правило къ практикѣ. Григорій VII, совершенно увѣренный въ томъ, что онъ полновластный и верховный судья всѣхъ епископовъ, постоянно вызывалъ ихъ въ Римъ изъ глубины Германіи, Франціи и Англіи. Епископы принуждены были оставлять свои церкви на цѣлые года, чтобы съ большими издержками являться въ Римъ и защищаться противъ обвинителей, которые часто туда или вовсе не являлись, или прибывали гораздо позже. Часто также епископы, будучи призываемы въ Римъ на судъ, не повиновались, отчасти потому, что не могли предпринимать такого далекаго путешествія по болѣзни, или по бѣдности, или же по какимъ нибудь другимъ причинамъ. а отчасти потому, что, сознавая себя виновными, опасались осужденія. Они не обращали ни малѣйшаго вниманія на папскія угрозы и если папа рѣшался назначить имъ преемника, то они защищались вооруженною рукою. Справедливо однако, что въ рѣдкихъ случаяхъ явнаго насилія и вопіющей несправедливости епископы, осужденные на соборахъ, могли обращаться къ папѣ, какъ это постановлено соборомъ сардикійскимъ. Но нужно помнить, что соборъ сардикійскій былъ помѣстнымъ соборомъ западной церкви и что имъ постановлено относить на разсмотрѣніе римскаго епископа сомнительные случаи западныхъ епархій, а не цѣлой вселенской Церкви, подобно тому, какъ опредѣлено 6 прав. I всел. соб. относить сомнительныя и неудоборазрѣшимыя дѣла восточной церкви къ антиох. и александр. епископамъ.

Впрочемъ и по смыслу правилъ собора сардинійскаго папа, посылая-ли на соборъ своихъ представителей или нѣтъ, во всякомъ случаѣ долженъ былъ производить изслѣдованіе различныхъ обвиненій и рѣшать дѣла тамъ, гдѣ жили подсудимые. Св. Кипріанъ въ посланіи своемъ къ папѣ Корнелію ⁽¹⁾ по дѣлу Фортуната прямо говоритъ: «нами опредѣлено, чтобы каждый виновный былъ судимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе. Не слѣдуетъ тѣмъ, которые подчинены намъ, обращаться за судомъ къ другимъ и производить между епископами разьединеніе, напротивъ того они должны вести дѣло тамъ, гдѣ могутъ имѣть и обвинителей и свидѣтелей».

Приписывая папамъ окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, касающихся епископовъ, лжеисидоровскія декреталии вмѣстѣ съ тѣмъ приписываютъ имъ же учрежденіе новыхъ епископскихъ кафедръ и перемѣщеніе епископовъ съ одной кафедры на другую. Но въ продолженіе осьми вѣковъ, предшествующихъ появленію лжеисидоровскаго сборника, въ Церкви существовать совершенно иной порядокъ. Тамъ всѣ подобныя дѣла рѣшались областными соборами, а отнюдь не римскимъ епископомъ. Такъ въ кодексѣ африканскомъ мы находимъ положительное правило, по которому учрежденіе новыхъ епископскихъ кафедръ есть дѣло областного собора ⁽²⁾, и правило это, сколько извѣстно, постоянно прилагалось къ дѣлу и въ самой западной церкви. Когда напр. блаженный Августинъ вознамѣрился учредить новую епископскую кафедру въ Фуссадѣ, то онъ обратился не къ римскому епископу, а къ первому въ об-

(1) Cyprian. epist. 39.

(2) Codex Eccles. Afr. can. 98.

ласти епископу нумидійскому, такъ какъ правилами постановлено было ничего не предпринимать безъ согласія перваго епископа области. Римскій епископъ зналъ объ учрежденіи этой новой катедры и однако же нисколько не протестовалъ, что оно сдѣлано безъ его согласія. А что подобный порядокъ сохранялся до самаго девятаго вѣка, это видно изъ учрежденія въ осьмомъ вѣкѣ новой епископской катедры въ Лаонѣ, во Франціи, которое было сдѣлано безъ всякаго согласія папы, единственно, какъ говоритъ Гинемаръ ⁽¹⁾, «авторитетомъ собора африканскаго», т. е. сообразно съ тѣмъ порядкомъ, какому предписывало слѣдовать при учрежденіи новыхъ епископскихъ катедръ указанное выше правило африканскаго кодекса. Но такъ было, по замѣчанію Флѣри ⁽²⁾, только до тѣхъ поръ, пока не явились лжеисидоровскія декреталии, которыя приписывали одному папѣ право учреждать новыя епископскія катедры, и тѣмъ производили много безпорядковъ и неудовольствій. Что же касается до перемѣщенія епископовъ съ одной катедры на другую, то, по древнимъ правиламъ, если оно и дозволялось, то только въ случаѣ необходимости и какой нибудь крайней и настоятельной нужды, или же еще въ томъ случаѣ, когда церковь отъ этого перемѣщенія могла ожидать особенной пользы. Такъ соборъ халкидонскій двадцатымъ своимъ правиломъ, запрещая вообще переходъ епископовъ съ одной катедры на другую, исключаетъ однако тѣ случаи, когда епископы, оставляя свою катедру, переходили на другую по нуждѣ. А 18 правило антиохійскаго со-

(1) Hincmar. Opp. p. 89.

(2) Fleuri Discours 4 p. 121.

бора говорить и о томъ, что самая власть перемѣщать епископовъ принадлежитъ областнымъ соборамъ. Если какой нибудь епископъ, говорится тамъ, не можетъ занять назначенной ему кафедры не по своей винѣ, но или по непринятію его народомъ, или по другой какой нибудь причинѣ, отъ него не зависящей, то онъ да участвуетъ и въ чести и въ служеніи епископства, только ни мало не вмѣшиваясь въ дѣла церкви, гдѣ пребываетъ, и ожидаетъ, что опредѣлитъ о немъ совершенный соборъ той области, по представленіи къ нему дѣла; значить, соборъ имѣетъ право опредѣлить о немъ то или другое: оставить его на той же кафедрѣ, или перемѣстить на другую. А правила собора сардикійскаго и св. Василія великаго прямо и рѣшительно усваиваютъ власть дѣлать перемѣщеніе епископовъ, если уже оно необходимо, областнымъ соборамъ ⁽¹⁾. Для удостовѣренія же въ томъ, что этотъ порядокъ соблюдался въ дѣйствительности, т. е. что епископы были перемѣщаемы только по нуждѣ и то областными соборами, нужно обратиться къ исторіи. Евсевій ⁽²⁾, Сократъ ⁽³⁾ и Феодоритъ ⁽⁴⁾ описываютъ нѣсколько епископскихъ перемѣщеній, изъ которыхъ всѣ сдѣланы были по какимъ нибудь уважительныхъ причинамъ, сдѣланы властію областныхъ соборовъ, и только два или три съ согласія папы, какъ перваго или главнаго епископа той области, гдѣ находились кафедры перемѣщаемыхъ епископовъ. Двѣнадцатое правило шестнадцатаго толедскаго собора, бывшаго въ 693 году, и капитуляріи королей

⁽¹⁾ Сард. соб. прав. 1. Вас. Вел. посл. 193.

⁽²⁾ Церк. Ист. Евсев. кн. 6. гл. 2. кн. 7. гл. 32.

⁽³⁾ Церк. Ист. Сокр. кн. 7. глав. 36.

⁽⁴⁾ Церк. Ист. Феодор. кн. 5. гл. 4 и 8.

франкскихъ убѣждаютъ насъ, что перемѣщеніе епископовъ зависѣло отъ областныхъ соборовъ на западѣ еще и въ седьмомъ вѣкѣ. Со времени же появленія лжеисидоровскихъ декреталій, которыя усвояютъ право перемѣщенія епископовъ одному папѣ ⁽¹⁾, эти перемѣщенія начали дѣлаться очень часто, безъ всякой необходимости, по различнымъ интригамъ и проискамъ, и папы осуждали только тѣ изъ нихъ, которыя дѣлались безъ ихъ разрѣшенія, какъ это видно изъ писемъ Иннокентія III, утверждавшаго, на основаніи этихъ декреталій, что перемѣщеніе епископовъ по праву божественному принадлежитъ власти апостольскаго престола ⁽²⁾.

Вотъ въ общихъ чертахъ всѣ главныя положенія лжеисидоровскихъ декреталій, опредѣляющія отношенія папъ къ церкви и епископамъ. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ тому, что эти декреталии, поставляя папу выше областныхъ соборовъ, необходимо должны были способствовать централизациі власти надъ всею западною церковію въ лицѣ одного папы, и что папы дѣйствительно при помощи ихъ успѣли возвести свои первоначальныя, т. е. просто епископскія и патріаршескія права, въ нѣкоторый видъ церковной монархіи, существующей еще и до настоящаго времени.

⁽¹⁾ Втор. декр. Евареста, шев. декр. Каллиста.

⁽²⁾ Innocent. gesta n. 43. epist. 50 et 51.

III.

ИЦЪЛЕНІЯ, СОВЕРШИВШІЯСЯ

ВЪ ЗАДОНСКОМЪ МОНАСТЫРЬ ПРІ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ СВАТІТЪЛЯ ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ДЛЕЦКАГО (¹).

VII.

В Воронежской губерніи, землянскаго уѣзда, села Дегтеваго, государственная крестьянка, дѣвица Стефанида Феодорова, по прозванію Черныхъ, 19 лѣтъ отъ рода, подъ присягою показала, что она съ 1857 года не владѣла обѣими ногами. Онѣ были сведены. Не могла она ничѣмъ заниматься, лежала на боку, такъ принимала и пищу.

По объясненію ея матери, крестьянки Анны Егоровой, показавшей также подъ присягою, болѣзнь ея дочери началась 8 ноября 1857 года ударомъ въ поясницу, на которой и по сіе время находится шишка. Отъ чего она сдѣлась скорченною, надъ колѣнами жилы были сведены, и недугъ ея дочери такъ былъ мучителенъ, что она цѣлый годъ кричала во весь голосъ, лежала на одномъ правомъ боку, и крикомъ своимъ не давала покоя всему семейству.

(¹) См. Хр. Чт. декабр. кн. 1861 г. отд. III.

Отец Стефаниды Θεодоръ Черныхъ привезъ ее въ задонскій монастырь въ августъ мѣсяцѣ, и 14 числа, послѣ литургіи и благодарнаго молебна, съ помощію чужой женщины принесъ ее къ ракъ мощей святителя Тихона. Она Стефанида приложилась къ мощамъ святителя Тихона, и тѣми же вынесена была на рукахъ изъ церкви и положена на траву на монастырскомъ дворѣ. Когда спустили ее съ рукъ, она почувствовала свободное движеніе ногъ, встала съ помощію сторонней женщины, и при пособіи палки стала ходить. Въ настоящее время она Стефанида при пособіи палки ходить въ сельскій свой храмъ къ богослуженію, чего прежде не могла дѣлать.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать и бабка исцѣлѣвшей и, за отсутствіемъ отца, восемь человѣкъ сосѣдей.

VIII.

Воронежской губерніи, новохоперскаго уѣзда, села Артюшкина, помѣщика Сергѣя Николаева Доломанова временно обязанная дворовая дѣвица, Татіана Андреева Оболенская, 49 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала, что она Оболенская съ малолѣтства находилась въ услуженіи у господъ, занималась мытьемъ бѣлья и ѣзжала всегда съ господами по дорогамъ, и до 40 лѣтняго возраста была здорова.

Лѣтъ 9 тому назадъ, однажды, въ осеннее время, она ѣздила съ своею госпожею (нынѣ умершею) въ село Тихвинское, отстоящее отъ села Артюшкина на 40 верстѣ. Пробывши тамъ около мѣсяца, они возвратились уже зимою.

На возвратномъ пути, въ лѣтнемъ экипажѣ и въ лѣт-

немъ платъ, она Оболенская до такой степени простудилась, а болѣе застудила ноги, что по прїѣздѣ домой другими снята была съ экипажа. Съ сего времени у ней сдѣлалось сильное онѣменение въ ногахъ, съ присо-вокупленіемъ къ сему припадочныхъ конвульсій въ каждое новолуніе и полнолуніе, и продолжалась сія болѣзнь въ одинаковой мѣрѣ до 11 августа 1861 года. Чувствуя нестерпимую болѣзнь, она много разъ прибѣгала къ медицинскимъ пособіямъ, но ни сколько не получила отъ нихъ облегченія.

Въ августъ мѣсяцъ 1861 года, она Оболенская, по случаю открытія мощей святителя Тихона въ городѣ Задонскѣ, ѣздила туда съ матерью своею, дворовою женщиною того же помѣщика, Марѳею Григорьевою, для поклоненія мощамъ святителя Тихона. Во дворъ монастырскій она была внесена матерью и двумя женщинами, — діаконицею тогожъ села Анастасією Вязовою и новохоперскою мѣщанкою Евдокією Богдановою. А въ церковь, по причинѣ тѣсноты отъ множества народа, была внесена и поднесена къ ракъ святителя Тихона двумя неизвѣстными ей женщинами. 11 августа въ пятницу, она Оболенская, съ полнымъ упованіемъ на мощь святителя Тихона, приложилась къ ракъ, и тутъ же почувствовала во всемъ тѣлѣ, особенно въ ногахъ, такое облегченіе, что въ тоже время, съ самою малѣйшею помощію другихъ, вышла на своихъ ногахъ изъ церкви, и одна, безъ поддержки другихъ, долго стояла на монастырскомъ дворѣ. Въ каковомъ состояніи здоровья она Оболенская находится и доселѣ.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою мать исцѣлѣвшей и двѣ упоминаемыя въ семъ описаніи женщины.

IX.

Тульской губерніи и уѣзда сельца Воловникова временно обязаннѣй г-на Хрущева крестьянинъ, Климентъ Онисимовъ, отецъ Аграфены, получившей испѣленіе по молитвенному ходатайству святителя Тихона, отъ роду 46-ти лѣтъ, подъ присягою показалъ, что дочь его Аграфена въ дѣтскомъ возрастѣ чувствовала головную боль. Вскорѣ по выходѣ въ замужество, когда ей исполнилось уже 17 ть лѣтъ, неизвѣстно отъ чего, начались съ нею припадки бѣснованія, которымъ она подвергалась часто, по услышаніи благовѣста къ литургіи, хотя и оставалась въ своемъ домѣ. Когда же приходила въ церковь къ литургіи, то предъ чтеніемъ святаго Евангелія, падала на полъ, билась, страннымъ голосомъ выла и рыдала, не произнося никакихъ внятныхъ словъ, не открывая глазъ, и не слыша унимающихъ и уговаривающихъ ее. Животъ ея въ это время раздувался и дѣлался твердымъ, какъ камень. Въ такомъ положеніи она выводима была изъ церкви, и могла быть въ оной только уже по окончаніи богослуженія, когда приходила въ чувство. По возвращеніи изъ церкви въ домъ, она Аграфена цѣлый день лежала въ сильномъ изнеможеніи. На другой день, хотя и могла ходить и что либо дѣлать, но чувствовала себя очень слабою. Таковымъ же болѣзненнымъ припадкамъ, хотя и не столь продолжительнымъ и изнурительнымъ, она подвергалась и во время молебствія, совершаемаго причтомъ въ домѣ ихъ.

Около 8-ми лѣтъ была она одержима такою болѣзнію. Услышавши о времени открытія мощей святителя Тихона, Аграфена съ мужемъ своимъ Аванасіемъ Васильевымъ рѣшилась идти въ Задонскъ, оттуда возвратилась здоровою, и, спустя недѣлю, отправилась съ сво-

имъ мужемъ по его промышленности въ Москву, гдѣ мужъ ея и прежде живалъ, и она съ нимъ временно бывала, а болѣе жила въ своемъ семействѣ, въ сельцѣ Воловниковѣ. Изъ Москвы мужъ Аграфены отъ 26 сентября писалъ, что она въ настоящее время совершенно здорова.

Къ сему свекровь ея, жившая съ Аграфеною въ одномъ домѣ, Анна Елисеева, присовокупила, что по возвращеніи изъ Задонска, когда по обыкновенію брали въ свой домъ изъ церкви святыхъ иконы, Аграфена съ дядями своими ходила за оными въ церковь, и какъ въ церкви, такъ и въ домѣ при отправленіи службы была совершенно здорова.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили, сверхъ свекрови Аграфены, трое дядей ея и тетка и 6 человекъ сосѣдей

Х.

Города Тулы, дочь оружейника, дѣвица Евдокія Васильева Рудакова, 21 года отъ роду, подъ присягою показала, что она со дня рожденія до 11-ти лѣтняго возраста была здорова. Не упомнить, въ какомъ году, осенью, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, она Евдокія ходила къ двоюродной своей теткѣ, мѣщанкѣ Александрѣ Никитиной Подовинниковой, и ночевала у ней. На другой день, часовъ въ 8-мь утра, съ другою дѣвицею, двумя годами старшею ея, Анною Моисеевою, шла домой. Она Евдокія нечаянно споткнулась, упала на землю, выбранилась, и сама никакъ не могла встать, мгновенно лишившись владѣнія въ рукахъ и ногахъ. Спутница ея Анна притащила ее домой. Послѣ сего Евдокія лежала въ постелѣ шесть недѣль,

не владѣя ни руками. ни ногами. Она отвезена была въ больницу и три мѣсяца была лечима. но исцѣленія не получила. Впрочемъ. въ первыя шесть лѣтъ она чувствовала себя лучше. нежели въ послѣдніе четыре года. Въ эти послѣдніе годы она не могла пройти и нѣскольکو сажень, на каждомъ шагѣ падала, и сама не могла вставать и руками что либо дѣлать.

По прїѣздѣ въ Задонскъ, когда она прїобщена была святыхъ Таинъ и, послѣ обѣдни, принесена была на мѣсто могилы святителя Тихона, молилась предъ находящимся на памятникѣ образомъ Матери Божіей, получила свободное владѣніе въ рукахъ и ногахъ, такъ что отъ мѣста могилы сама, безъ всякаго пособія, дошла до дома, въ которомъ она остановилась по прїѣздѣ изъ Тулы. Въ этомъ домѣ она жила десять дней и ходила въ церковь безъ всякой поддержки. Въ пути изъ Задонска до Тулы она выѣзжала изъ тарантаса также безъ всякой поддержки, а когда вѣзала, была поддерживаема.

Въ настоящее время она руками владѣть довольно хорошо, хотя и не въ состояніи дѣлать что либо трудное и тяжелое, напримѣръ, носить дрова, поднять чугунъ съ пола или съ высоты снять, чувствуя какую то онемѣлость въ локтяхъ, но прядеть, чулки вязеть, комнаты мететь и прочее, а въ ногахъ чувствуетъ еще какую то слабость.—по комнатѣ ходить безъ поддержки, но далеко еще ходить не можетъ, и остается въ полномъ упованіи на милость Божію и на молитвенное ходатайство святителя Тихона. продолжая молитвы предъ его иконою, которою благословилъ ее митрополитъ Исидоръ.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мать исцѣлѣвшей, дядя и крестный отецъ ея, упоми-

наемая въ семь показаніи Анна и 9-ть человекъ сосѣдей.

XI.

Орловской губерніи, елецкаго уѣзда деревни Боевки государственная крестьянка, двѣица Надежда Тимоѣева Боева, отъ роду 27 лѣтъ, подъ присягою показала: въ какомъ состояніи было ея здоровье до семилѣтняго возраста, она не помнитъ. Восьмой годъ своей жизни она провела въ постели, чувствовала болѣзнь во всемъ тѣлѣ и колотье во всѣхъ членахъ, руками и ногами не могла дѣйствовать. Въ это время у ней образовались спереди и сзади горбы. На девятомъ году ея жизни, родители ея возили ее въ Задонскъ и носили въ пещеру, гдѣ почивали мощи святителя Тихона. Когда ея приложили къ гробницѣ Святителя, она мгновенно получила владѣніе руками и ногами и ощутила нѣкоторую легкость во всемъ тѣлѣ; начала, хотя и съ трудомъ, ходить; горбы же продолжали увеличиваться, такъ что она съ трудомъ могла дышать.

Въ такомъ состояніи ея здоровье находилось до 11-го числа августа 1861 года. Сего числа она на своихъ ногахъ, съ помощію палки, пришла въ городъ Задонскъ и, предъ начатіемъ всеобщаго бдѣнія, взошла на монастырскій дворъ. Въ ту же минуту почувствовала она сильную слабость во всемъ тѣлѣ, такъ что не могла двигаться. На другой день, въ субботу, съ ней сдѣлались корчи. чрезвычайное расслабленіе во всемъ тѣлѣ, разодрало ей ротъ, и ей казалось, что глаза ея выкатились изъ своихъ мѣстъ. Затѣмъ она впала въ совершенное безпамятство.

Въ это время она была на монастырскомъ дворѣ и

ей представилось, что звѣзды на небѣ блистаютъ особеннымъ свѣтомъ, и въ тѣлѣ было какое-то особенное пріятное ощущеніе, и что ей кто-то (но кто именно, того не помнить и вообразить не можетъ) далъ икону малую въ золотомъ окладѣ, но что на той иконѣ было изображено, того припомнить не можетъ. Все это представлялось ей одной, окружающіе же ее сего не видали. Послѣ сего она опамятавалась и почувствовала нѣкоторое облегченіе во всемъ тѣлѣ, но ходить не могла.

Въ воскресенье, 13-го августа, предъ началомъ литургіи, она принесена была въ соборную церковь, гдѣ находились мощи Святителя.

Когда святыя мощи понесли въ олтарь, она видѣла ясно, что святитель Тихонъ, какъ онъ изображается на иконѣ, приблизился къ ней, и наклонясь къ ней, взялъ ее подъ мышку правой руки, поставилъ ее на ноги, при чемъ она укрѣпилась всѣмъ тѣломъ и могла сама подойти къ причастію святыхъ Таинъ.

Въ настоящее время горбъ у нея спереди въ половину того, какъ былъ прежде; горбъ сзади также значительно уменьшился, станъ почти совсѣмъ выпрямился и ея ростъ нѣсколько увеличился, дыханіе свободно, ходить безпрепятственно и во всемъ тѣлѣ чувствуетъ легкость и крѣпость.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: отецъ и мать исцѣлѣвшей и 22 человекъ сосѣдей.

XII.

Орловской губерніи и тогожъ уѣзда села Философова ратницкая жена Александра Ивановна, отъ роду 40 лѣтъ, подъ присягою показала, что дочь ея Аграфена

Пахомова Мазнева, жена временно-обязаннаго крестьянина г. Шенигъ, Емельяна Егорова Мазнева, дѣйствительно была одержима болѣзнію года три, сначала сильною головою болью, а потомъ сведеніемъ рукъ и ногъ, такъ что она не могла ходить, а ползала. И кормили и поили ее другіе, носили на рукахъ, куда слѣдовало, и была она Аграфена одержима бѣснованіемъ. Въ 1860 году свозили ее въ городъ Ливны и она почувствовала тамъ облегченіе.

Въ 1861 году, къ открытію святыхъ мощей святителя Тихона, привозили ее въ городъ Задонскъ. По сказанію матери, когда подвозили ее къ Задонску, она разорвала на себѣ все платье и бѣлье. Въ припадкахъ бѣснованія она получала необыкновенную силу. Въ дорогѣ къ Задонску рвалась къ рѣкѣ, чтобы утопиться, будучи возбуждаема къ сему какою то силою. Между тяжкими и продолжительными припадками, Аграфена творила молитву съ крестнымъ знаменіемъ. И это облегчало нѣсколько ея страданія. Въ припадкахъ она просила окружающихъ держать ее и раскрывала ихъ помыслы.

Когда приложили ее къ гробницѣ святителя Тихона, бѣснованія кончились, и она Аграфена получила свободное движеніе въ рукахъ и ногахъ, и можетъ сама ходить при помощи костыля.

Въ настоящее время она ушла опять въ городъ Ливны и доселѣ тамъ живетъ.

Справедливость показанія подъ присягою подтвердили: мужъ Аграфены, двѣ сестры ея и священникъ села Философова съ діакономъ по священству.

ЗАМѢТКИ ПО ДѢЛУ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

1. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РЯЖСКАГО ГОРОДСКАГО ДУХОВЕНСТВА И СЕЛЬСКИХЪ СВАЩЕННИКОВЪ ЭТОГО УѢЗДА, СОСТОЯВШИХЪ ВЪ БЛАГОЧИНІИ ПРОТОІЕРЕЯ ГАРЕТОВСКАГО, ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІИ (1).

Священная воля Благочестивѣйшаго Монарха, Всемилостивѣйше обратившаго вниманіе на дѣло народнаго образованія, и архипастырское приглашеніе Высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Смарагда во многихъ изъ нашихъ іереевъ возбудили особенную ревность къ образованію дѣтей своихъ прихожанъ, сопровождающуюся по-часту истинно пастырскимъ самоотверженіемъ. И не дѣтей только образовываютъ наши смиренные служители олтара Господня, но и взрослыхъ, назидая сихъ послѣднихъ въ воскресно-праздничные дни, а иногда и въ дни простые. Въ такомъ общественномъ народномъ образованіи приняли участіе діаконы и даже причетники. Имена нѣкоторыхъ изъ сихъ смиренныхъ труженниковъ, посвящающихъ въ православномъ русскомъ народѣ сѣмена вѣры и доброй нравственности, заявленны уже предъ міромъ въ повременныхъ духовныхъ изданіяхъ (2); а имена прочихъ усердныхъ ревнителей народнаго образованія покажутся въ настоящей лѣтописи

(1) Сообщено означеннымъ благочиннымъ.

(2) Въ Странникѣ 1860 и 1861 и въ Христ. Чтеніи 1861 г.

ряжскихъ училищъ, источниками для которой будутъ подробныя донесенія благочиннаго епархіальному архіерею.

1. *Приходское училище* издавна существовало и теперь существуетъ въ *г. Рязскѣ*. Съ 11-го марта 1857 года обученіемъ мальчиковъ, которыхъ въ настоящее время 89 человекъ, занимается соборный протоіерей Василий Гаретовскій, получая за свои труды весьма малое вознагражденіе отъ бѣднаго градскаго общества. Предметы занятій для законоучителя опредѣлены программой, утвержденною министерствомъ народнаго просвѣщенія: это — краткій катихизисъ и краткая свящ. исторія. Но, принимая во вниманіе, что большая часть мальчиковъ ограничиваютъ свое образованіе только приходскимъ училищемъ, законоучитель не ограничивается однимъ этимъ руководствомъ, какъ, съ одной стороны, слишкомъ уже краткимъ, а съ другой — не ведаѣ доступнымъ понятію обучающихся; но, по возможности, восполняетъ недостающее въ руководствѣ, подраздѣляя весь курсъ законоученія, въ видѣ простыхъ объясненій и приспособленныхъ къ дѣтскимъ понятіямъ рассказовъ, на три отдѣла, и сообщая ученикамъ а) основныя христіанскія понятія и ученіе объ особенно важныхъ молитвахъ; б) рассказы изъ свящ. исторіи ветхаго и новаго завета, и в) объясненія Символа Вѣры, молитвы Господней и десяти заповѣдей, по руководству православнаго катихизиса.

2. Тотъ же протоіерей В. Гаретовскій, въ слѣдствіе распоряженія г. командира рязанскаго баталіона внутренней стражи, по предварительномъ сношеніи съ мѣстнымъ инвалиднымъ начальникомъ, открылъ, 14-го мая 1861 года, *воскресно-праздничную школу для обученія* вч. I. Отд. III.

кону Божію нижнихъ воинскихъ чиновъ рязской инвалидной команды. Школа помѣщается въ особомъ домѣ, гдѣ инвалидная команда имѣеть свои обычныя собранія. Всѣхъ нижнихъ чиновъ 125 человекъ. Обучение производится съ 8-ми часовъ утра безъ всякаго вознагражденія; а чтобы не произошло остановки въ семь обученій, протоіереемъ приглашенъ, для сотрудничества въ семь дѣлъ, соборный священникъ Михаилъ Красавцевъ. Особыхъ средствъ учебныхъ не дано; но слушатели, какъ возрастные, поучаются изустно, съ полнымъ усердіемъ и любовію внимая душеспасительнымъ истинамъ вѣры, въ чемъ прекрасный примѣръ подаетъ имъ добрый ихъ начальникъ г. штабсъ-капитанъ Миндалевъ, который, по происхожденію изъ духовнаго званія и по истинно христіанскому направленію, почти постоянно посѣщаетъ воскресно-праздничную школу и, вмѣстѣ съ своими подначальными, съ примѣрнымъ усердіемъ поучается въ законѣ Божіемъ. Предметъ занятій составляютъ объясненія—а) дневныхъ евангельскихъ чтеній съ извлеченіемъ изъ нихъ христіанскаго назиданія, особенно примѣнительно къ воинскому званію; б) необходимыхъ для всякаго православнаго христіанина молитвъ; в) Символа вѣры, молитвы Господней и десяти заповѣдей, и г) христіанскаго богослуженія вообще и особенно литургіи; кромѣ того, предлагаются простыя разказы изъ свящ. исторіи, и прочитываются простыя и назидательныя статьи изъ повременныхъ духовныхъ изданій.

3. Тотъ же протоіей В. Гаретовскій, по предварительному соглашенію съ г. командиромъ 1-го баталіона сибирскаго гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича

Старшаго полка, подполковником Сологубовъ, принявъ на себя. при сотрудничествѣ соборнаго священника М. Красавцева, должность законоучителя *въ юнкерской школѣ*, находящейся при семь баталіонѣ, расположенномъ на квартирѣ въ г. Рязскѣ. Обученіе закону Божію юнкерской команды, производящееся по пятницамъ каждаго недѣльно съ 9-ти до 10¹2, и даже до 11-ти часовъ утра, начато 13-го октября 1861 года. Причемъ протоіерей Гаретовскій обратился къ своимъ слушателямъ съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ слѣдующее:

«Мм. Гг.! Священная воля Благочестивѣйшаго Монарха, указавшая православнымъ іереямъ прямую ихъ обязанность обучать высокимъ правиламъ вѣры, кромѣ своихъ прихожанъ, и нижнихъ воинскихъ чиновъ, расположенныхъ въ квартирахъ отдѣльно отъ полковыхъ штабовъ (1), указала и мнѣ пріятную обязанность поучаться съ вами въ законъ Господнемъ.»

«Цѣль нашихъ занятій указана тою же Высочайшею волею: это—распространеніе между нижними воинскими чинами познанія вѣры, безъ котораго всякое иное образованіе не можетъ принести пользы (2). Цѣль высокая и святая, которая притомъ, можетъ быть выполнена не кѣмъ другимъ, какъ именно православнымъ духовенствомъ.»

«Васъ, мм. гг., съ своей стороны, прошу и умоляю словами божественнаго Писанія: *стойте въ вѣрѣ* православной (1 Кор. 16, 13), *тверди, непоступни бывайте; блюдитесь, да никтоже будетъ васъ прельщая философію*

(1) Приказъ г. военнаго министра отъ 24-го апрѣля 1861 г. № 80-й.

(2) Тамъ же.

и тщетною лестію по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу (Колос. 2, 8); и въ наученія страха и различна не прилажайтеся (Евр. 13, 9).»

Затѣмъ, обращаясь къ самимъ занятіямъ, законоучитель, предваривъ своихъ слушателей, что не будетъ обременять ихъ строго— систематическою формою, но станетъ ихъ занимать дружески—отеческими бесѣдами *о единомъ на потребу* (Лук. 10, 42) для всякаго православнаго христіанина, обозначилъ и кругъ своихъ занятій, въ составъ которыхъ должны взойти: а) раскрытіе первыхъ основныхъ христіанскихъ началъ и объясненіе молитвъ, необходимыхъ для всякаго христіанина (основное богословіе и молитвословіе); б) православно-катихизическое ученіе; и в) священная исторія.

4 и 5. При томъ-же 1-мъ баталіонѣ сибирскаго гренадерскаго полка есть еще двѣ школы: а) *ротная* и б) *для обученія артиллерійской команды*. По соглашенію съ г. баталіоннымъ командиромъ, преподаваніе закона Божія артиллерійской командѣ приняли на себя священники: соборный—Николай Зерцевъ и покровскій—Ипполитъ Соловьевъ; и занимаются съ 9-ти до 10½ часовъ утра въ каждую среду. А въ ротной школѣ законоучителями состоятъ священники: тройцкій — Алексій Волковъ и николаевскій—Косма Павловъ, преподающіе законъ Божій въ каждый понедѣльникъ съ 9-ти до 10½ часовъ утра.

6. *Школа грамотности въ домъ соборнаго дьячка Алексея Арханелова*. Примерно исправный въ своей должности по церкви, сей клирикъ, съ января 1861 года завелъ въ своемъ домѣ школу для обученія грамотѣ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей, чтобы, съ одной стороны, не тратить по-напрасну времени, а съ другой—

имѣть хотя малую поддержку для провормленія своего семейства, состоящаго изъ 7-ми душъ. Учащихся въ настоящее время 10 мальчиковъ, родители которыхъ вознаграждаютъ, по своему усердію, трудящагося въ обученіи ихъ дѣтей. Предметы занятій: чтеніе, письмо, молитвы, краткій катихизисъ, священная исторія и счетность.

7. *Школа для обученія грамотъ дѣтей государственными крестьянъ природной Ямской слободы.* Она открыта, 10 октября 1861 года, Николаевской г. Рязска церкви священникомъ Космою Павловымъ, къ приходу котораго принадлежитъ Ямская слобода. Училище помещается въ церковной караулкѣ, гдѣ обучаются въ настоящее время 15 мальчиковъ чтенію, письму, молитвамъ, а также краткому катихизису и священной исторіи.

Этимъ заканчивается дѣтопись градскихъ училищъ. Обращаемся теперь къ училищамъ сельскимъ.

8. Приступая къ описанію сельскихъ школъ грамотности, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемъ, прежде всего, вниманіе свое на *училищъ въ домъ священника села Васильевки Семена Аполлонова.* Не смотря на бѣдность прихода, состоящаго изъ 400 душъ мужскаго пола, большое семейство (изъ 7 душъ), и скудость средствъ жизни, онъ съ 1 апрѣля 1861 года въ собственномъ домѣ открылъ безмездную школу грамотности для обученія дѣтей обоюго пола государственныхъ и временно обязанныхъ прихожанъ. Учащихся, въ настоящее время, 25 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Само собой понятно, что дѣти сіи крайне стѣснили скромное жилище своего пастыря: но сей послѣдній, взявшись за доброе дѣло, не возвращается вспять и не унываетъ

духомъ, свято исполняя священную волю правительства и тѣмъ наглядно свидѣтельствуя, что духовенству не чужды интересы простаго народа и его образованіе. Предметомъ занятій служатъ: чтеніе, письмо, объясненіе молитвъ, краткій катихизисъ и священная исторія, а также ариѳметика и въ особенности счетность. Жена о. Аполлонова къ святому дѣлу народнаго образованія не остается равнодушною: она, съ своей стороны, также приноситъ посильную лепту, занимаясь съ учащимися въ отсутствіе своего супруга, и особенно обращая вниманіе на обученіе дѣвочекъ руководѣльямъ, начиная съ простаго шитья, къ чему тѣмъ болѣе прилагаетъ усердія, что, вмѣстѣ съ дѣвочками, обучаются и ея двѣ маленькія дочери.

За тѣмъ обращаютъ на себя вниманіе училища въ селахъ:

9. *Бюлодеевъ*. Училище сіе открыто еще въ 1845 году священникомъ (нынѣ и благочиннымъ) Михаиломъ Колкомбовымъ въ его домѣ, гдѣ и нынѣ помѣщается, для обученія приходскихъ государственныхъ крестьянскихъ дѣтей чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису, св. исторіи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію. Въ теченіи полутора года со времени открытія школы обученіе производилось безмездно, и, кромѣ того, наставникъ самъ снабжалъ учащихся книжками, бумагой и прочими учебными средствами, которыя потомъ стало доставлять министерство государственныхъ имуществъ, принявшее подъ свое попеченіе школу, которая отселѣ стала называться селско-приходскимъ училищемъ, и положившее о. Колкомбову, какъ наставнику, извѣстное вознагражденіе. Въ теченіи всего занятія съ 1845 года по настоящее время

обучено 200 мальчиковъ и 2 дѣвочки, а нынѣ учащихся 63 мальчика.

10—12. *Покровскомъ*. Въ семь селѣ открыты, въ послѣднее время, три школы грамотности, для обученія дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ. Одна изъ сихъ школъ открыта 10 сентября 1861 года старшимъ священникомъ Іоанномъ Хитровымъ, и помѣщается въ его домѣ, гдѣ собралось учащихся въ началѣ 10 мальчиковъ, а нынѣ число это возросло до 20 учениковъ. Другая школа, открытая 10 же сентября, помѣщается въ домѣ младшаго священника Николая Сабчакова, у котораго обучаются 10 мальчиковъ, а третья открыта 20 числа того же сентября діакономъ Іоанномъ Добролюбовымъ въ его домѣ, гдѣ обучаются 5 мальчиковъ и 2 дѣвочки. Обученіе во всѣхъ трехъ школахъ чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису и свящ. исторіи производится безмездно; а учебныя средства, за исключеніемъ книжекъ букваря, котораго 50 экземпляровъ пожертвовалъ церковный староста, помѣщикъ, губернской секретарь Петръ Ив. Яковлевъ, доставляютъ ученикамъ ихъ родители.

13. *Кевсинь*. Здѣсь училище существуетъ съ 15 ноября 1860 года. Оно открыто священникомъ Петромъ Смирновымъ въ его домѣ, гдѣ обучаются 26 мальчиковъ изъ государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ. Обученіе чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису и свящ. исторіи священникъ производитъ самъ безъ всякаго вознагражденія, а равно и учебныя средства доставляетъ для учащихся самъ наставникъ, и, кромѣ того, довольно количество книжекъ пожертвовано г. редакторомъ-издателемъ «Домашней Бесѣды» Аскоченскимъ.

14. *Детлямоэ.* Священникъ сего села Феодоръ Пригоменовъ, въ особо отведенномъ отъ прихожанъ домѣ, съ 13-го декабря 1860 года безмездно обучаетъ чтенію, письму и закону Божию 35-ть мальчиковъ изъ государственныхъ крестьянъ.

15. *Подвисломъ.* Въ семь селъ съ 1-го ноября 1859 года обученіе приходскихъ государственныхъ мальчиковъ производитъ дьячекъ Иванъ Теологовъ, который, по желанію матери, уволенъ изъ высшаго отдѣленія духовнаго училища для поступленія на мѣсто умершаго своего отца и вмѣстѣ для прокормленія оставшихся сиротъ. Учащихся бываетъ ежегодно отъ 10 до 15 мальчиковъ, обученіе которыхъ чтенію, письму, закону Божию и ариметикѣ производится съ небольшимъ вознагражденіемъ отъ ихъ родителей.

16. *Поплевинь.* Престарѣлый сего села священникъ Павелъ Стрекаловъ, подвигнутый примѣромъ другихъ іереевъ, съ 1 октября 1861 года въ своемъ домѣ собралъ 5 мальчиковъ изъ приходскихъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ и обучаетъ безмездно чтенію, письму и закону Божию, при помощи сына своего, исключеннаго по болѣзни изъ средняго отдѣленія духовнаго училища, Романа Стрекалова.

17 и 18. *Нагайскомъ и, прихода сего села, въ деревнѣ Лобковъ Хуторъ.* Добрый и всѣми уважаемый приходскій священникъ Савва Пальмовъ, не смотря на то, что приходъ его состоитъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ разныхъ владѣльцевъ, успѣлъ, наконецъ, собрать въ своемъ домѣ 11-ть мальчиковъ и 1 дѣвочку, которыхъ и обучаетъ безмездно съ 22-го октября 1860 года чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису, свящ. исторіи и ариметикѣ. А въ прошломъ 1861 г.

о. Пальмовъ открылъ, 1-го октября, другую еще школу въ деревнѣ своего прихода—Лобковъ-Хуторъ, для обученія дѣтей временно-обязанныхъ крестьянъ, которыхъ и обучаетъ закону Божию, а равно чтенію и письму. при сотрудничествѣ особаго помощника, даннаго сельскимъ обществомъ.

19. *Урково*. Съ 12-го марта 1860 года мѣстный священникъ Феодоръ Феоктистовъ въ собственномъ домѣ безмездно обучаетъ 15-ть мальчиковъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ чтенію, письму, закону Божию и ариметикѣ, и на свой счетъ доставляетъ учащимся всѣ учебныя средства.

20. *Сергеево*. Приходскій священникъ Андрей Тихомировъ, по поступленіи своемъ на мѣсто въ 1844 году, немедленно обратилъ вниманіе на воспитаніе дѣтей прихожанъ своихъ. Не успѣвъ въ самомъ селѣ, гдѣ живутъ крестьяне разныхъ владѣльцевъ, образовать школу для обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, онъ обратилъ вниманіе на селцо Желтухино, и тамъ, при вотчинной конторѣ книгъ Волконскихъ, завелъ школу, въ которой, при пособіи даннаго сею конторою помощника, и началъ обученіе крестьянскихъ мальчиковъ чтенію, письму, молитвамъ, краткому катихизису, свящ. исторіи, ариметикѣ и церковному пѣнію. Съ 1844 года по настоящее время обучено болѣе 150 мальчиковъ; теперь же обучается 30.

21. *Алмазово*. Здѣсь открыта 8-го октября 1861 года школа грамотности въ домѣ священника Андрея Липилова, который обучаетъ безмездно собравшихся на первый разъ 7 мальчиковъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, начавъ обученіе съ чтенія и письма и съ объясненія молитвъ.

Такимъ образомъ, всѣ священники г. Рязска, пригородныхъ слободъ и 13-ти селъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ градскаго благочиннаго, протоіерея Гаретовскаго, приняли живое участіе въ святомъ дѣлѣ народнаго образованія, и не священники одни, но діаконы и даже причетники, такъ что теперь въ вѣдомствѣ рязскаго благочиннаго состоитъ 28 вседневныхъ школъ, въ которыхъ обучается 811 учениковъ и 76 дѣвочекъ. Кромѣ того, всѣ священники, какъ градскіе, такъ слободскіе и сельскіе, завели при своихъ церквахъ воскресно-праздничныя школы (1) для обученія истинамъ вѣры и правиламъ христіанской жизни взрослыхъ прихожанъ своихъ обоюго пола, которые и поучаются въ законѣ Господнемъ въ числѣ 950-ти мужскаго и 315 душъ женскаго пола.

Заключимъ свою лѣтопись рязскихъ училищъ искреннимъ благожеланіемъ: да благословитъ Господь Богъ, единый Источникъ премудрости и разума, благое и святое дѣло сіе, и да «отвергаетъ душу и сердце, уста и умъ дѣтямъ и ихъ родителямъ, во еже разумѣти и прияти наказаніе, и спѣшно навмѣнуги преподаваемая имъ божественная писанія и вся душеполезная ученія, во славу святаго имени Господня, и въ пользу и созиданіе святѣй, соборнѣй и апостольской церкви» (2)!

2. Школа грамотности въ селѣ Кирехоти Ярославской губерніи (3).

6-го ноября 1861 г. священникомъ села Кирехоти

(1) Школъ сихъ 18-ть, кромѣ 2-хъ, о которыхъ выше сказано, т. е. воскресной школы при рязскомъ уѣздномъ училищѣ, и воскресно-праздничной школы для рязской инвалидной команды.

(2) См. чинъ благословенія отроковъ учиться идущихъ.

(3) Сообщено изъ села Кирехоти.

Федоръ Розовъ послѣ литургіи открыта школа въ собственномъ домѣ, и на первый разъ явилось учиться 6 мальчиковъ и 2 дѣвочки; потомъ вскорѣ школа эта переведена въ село Красное, принадлежащее помѣщику Димосѣену Вас-чу *Васильеву*. Почтенный владѣлецъ уступилъ подѣ школу довольно обширную комнату, назначилъ прислугу топить печь и наблюдать за чистотой, даетъ каждому поступающему ученику по экземпляру азбуки, прописи и по книжкѣ для чтенія, доставляетъ бумагу, перья, чернила и карандаши, устроилъ на свой счетъ столы, скамьи и черную классную доску. Обученіемъ дѣтей занимается бесплатно священникъ Розовъ. Въ школѣ—16 ноября было уже 9 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ, и есть надежда, что число учениковъ и ученицъ удвоится или утроится въ непродолжительномъ времени. Преподаваніе священникъ производитъ по методѣ Золотова.—«Жаль только», пишетъ сообщившій эту замѣтку, «что *знагары*, обучавшіе прежде дѣтей, видя опасность лишиться дохода за обученіе ихъ, распускаютъ въ народѣ разные нелѣпыя слухи, напри-мѣръ, что поступившіе въ школу должны пробыть въ ней не меньше 5—6 лѣтъ, что потомъ ихъ потребуютъ въ Ярославль или ушлютъ куда нибудь въ другое мѣсто на службу; нѣкоторыхъ смущаетъ даже бесплатное обученіе ихъ дѣтей и они думаютъ, что съ нихъ послѣ взыщутъ вдвое!?... Вообще новость дѣла представляетъ довольно препятствій.» Приходъ Кирехотскій состоитъ изъ 480 мужскаго и 600 женскаго пола.

НОВЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ ПАПЫ

КЪ УТВЕРЖДЕНІЮ ВЛАСТИ ЕГО НАДЪ ВОСТОЧНОЮ ЦЕРКОВІЮ.

Чѣмъ болѣе, при современномъ положеніи дѣлъ, въ западной Европѣ колеблется вѣковое зданіе римскаго главенства, тѣмъ съ большимъ усердіемъ приверженцы римской курии и ея незаконныхъ притязаній на едино-властительство въ Церкви Христовой стараются о томъ, чтобы въ другихъ частяхъ христіанскаго міра найти новыя опоры для папской системы. Иадавна уже востокъ былъ для ревностныхъ пропагандистовъ папской власти ареною, на которой они тѣми или другими средствами усиливались пріобрѣтать новыхъ прозелитовъ, отторгая этихъ послѣднихъ отъ православной церкви. Римскіе миссіонеры дѣйствовали, и донинѣ нерѣдко дѣйствуютъ съ успѣхомъ на простыя сердца восточныхъ христіанъ, мало знакомыхъ съ богословскими тонкостями и съ значеніемъ того шага, который они совершали, допуская вовлечь себя въ разставленные кругомъ нихъ сѣти папизма. Этотъ успѣхъ, которымъ такимъ образомъ часто увѣнчивалась дѣятельность римскихъ миссіонеровъ въ нѣдрахъ восточной церкви, внушилъ нынѣ римскому двору мысль еще болѣе усилить свою дѣятельность учрежденіемъ особой конгрегаціи для дѣлъ римской пропаганды въ православной церкви. Особую буллою отъ 6-го января (новаго стиля) 1862 года римскій пер-

восвященникъ обнародовалъ предъ лицомъ христіанскаго міра объ этихъ новыхъ своихъ завоевательныхъ замыслахъ, предметомъ которыхъ наша восточная православная церковь.

Выразивъ сначала обычныя притязанія римскаго престола на управление всею вселенскою Церковію, указавъ на протіекающее отсюда право и обязанность папы заботиться о благосостояніи и духовномъ преуспѣяніи церквей не только западнаго, но и восточнаго вѣроисповѣданія, Пій IX-й старается доказать, что постояннымъ предметомъ пастырской заботливости его предшественниковъ на римскомъ престолѣ было сохраненіе вѣры и исправленіе церковныхъ недостатковъ, проявившихся будто бы въ восточной церкви. Уничтоженіе такъ называемой «восточной схизмы» (т. е. водчиненіе православной церкви игу папскаго единовластительства) было всегдашнимъ предметомъ заботъ и усилій его предшественниковъ. Выражая готовность и желаніе свое шествовать въ этомъ отношеніи по стопамъ прежнихъ римскихъ первосвященниковъ. Пій IX-й высказываетъ, что онъ не только не стремится къ уничтоженію чина богослуженія и обрядовъ нашей церкви, но напротивъ *предписываетъ* сохраненіе этихъ послѣднихъ во всѣхъ восточныхъ церквахъ.

Конгрегачія римской пропаганды, состоящая изъ известнаго числа кардиналовъ и другихъ прелатовъ римскаго двора, была издавна органомъ этихъ усилій распространять власть римскаго епископа въ нѣдрахъ православной Церкви.

Но послушаемъ собственныя слова папы о стремленіяхъ и новыхъ мѣрахъ его по отношенію къ востоку:

«Съ первыхъ дней нашего первосвященства», говорится въ новой буллѣ Пія IX-го, «мы обратили взоры свои на востокъ. и пламенно молились благому и милосердому Богу объ утвержденіи въ вѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ единеніи съ апостольскимъ престоломъ (т. е. съ римскою церковью), о возвращеніи въ нихъ познанія Бога и Иисуса Христа, дабы они могли своими добрыми дѣлами проложить себѣ путь къ вѣчному спасенію. Мы просили также Бога о томъ, чтобы Онъ возвратилъ въ ту колыбель, въ которой нѣтъ спасенія, (т. е. въ лоно римской церкви) тѣхъ восточныхъ христіанъ, которые отъ нея отчуждены. Мы питаемъ упованіе, что милосердый Богъ благоволитъ принять наши смиренныя и горячія молитвы. Мы живо тронуты нынѣшнимъ положеніемъ католиковъ на востокѣ. и видимъ притомъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ изчезли препятствія къ свободному общенію вѣрующихъ съ Римомъ; вотъ почему мы понимаемъ, что наше апостольское призваніе возлагаетъ на насъ обязанность посвящать нашу отеческую заботливость и усугубленныя усилія наши на духовное благо востока.

«Итакъ, мы поручили комиссіи, составленной изъ кардиналовъ, избранныхъ конгрегаціею пропаганды, и изъ предатовъ нашего двора, заботу о присканіи мѣръ потребныхъ для большаго духовнаго преуспѣянія востока. Комиссія приняла съ одной стороны во вниманіе важность и сложность потребностей востока и необходимость отдѣльнаго разсмотрѣнія восточныхъ дѣлъ по причинѣ различія языковъ, обрядовъ и дисциплины; она имѣла съ другой стороны въ виду многочисленность занятій, подлежащихъ нынѣ вѣдомству обіцей конгрегаціи пропаганды, вслѣдствіе чуднаго распространенія нашей

святой вѣры въ сѣверной Америкѣ, въ восточной Индіи, въ Китаѣ, въ Австраліи и даже въ Европѣ, — равно какъ проистекающее отсюда увеличеніе числа епископскихъ кафедръ, апостольскихъ и миссіонерскихъ викариатствъ. На основаніи всего этого коммисія легко убѣдилась въ необходимости усилить конгрегацию пропаганды для удовлетворенія современныхъ потребностей востока. Кардиналы и прелаты, составлявшіе коммисію, предложили намъ поэтому помочь такому положенію дѣлъ учрежденіемъ спеціальной и постоянной конгрегациі съ исключительнымъ назначеніемъ заботиться обо всемъ, что касается до обрядовъ, церковной дисциплины и исправленія богослужебныхъ книгъ восточныхъ церквей.

«Вотъ почему мы, будучи въ высшей степени озабочены духовнымъ благомъ восточныхъ христіанъ и будучи притомъ готовы на всякое предпріятіе для этой цѣли, согласно съ указаніемъ нашихъ достопочтенныхъ братьевъ, кардиналовъ св. римской церкви, учреждаемъ нынѣшними своими апостольскими опредѣленіями постоянную конгрегацию для спеціального завѣдыванія дѣлами пропаганды въ восточныхъ церквяхъ. Новая конгрегация, по усмотрѣнію кардинала-префекта пропаганды, составитъ изъ достаточнаго числа кардиналовъ и будетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ совѣтниковъ и своего секретаря. Мы созвали въ Римъ нѣсколько духовныхъ лицъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ языкахъ и дѣлахъ востока, такъ какъ ихъ содѣйствіе можетъ принести большую пользу новой конгрегациі, особенно по части вопросовъ, касающихся до обрядовъ, дисциплины и исправленія книгъ.

«Конгрегация эта будетъ носить названіе «конгрегациі

пропаганды для дѣлъ восточнаго обряда» (Congregation de la Propagande pour les affaires du rite oriental) и будетъ пользоваться печатію пропаганды»....

Далѣе, папа поименно перечисляетъ членовъ новой конгрегации, дѣлаетъ нѣкоторыя частнѣйшія опредѣленія о кругѣ ихъ обязанностей и заключаетъ свою буллу желаніемъ успѣха этому новому учрежденію.

Какъ намъ, членамъ православной церкви, смотрѣть на эти, столь близко касающіяся насъ, дѣйствія римской куріи, которыми Пій IX-й начинаеть новый 1862-й годъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Конечно, всякій истинный христіанинъ, всякій, кто дѣйствительно, а не по имени только, преданъ дѣлу вѣры и спасенія, не можетъ не желать отъ всей души, чтобы прекратилась та вѣковая вражда, которая отдѣляетъ западную церковь отъ восточной. Но, сознавая всю важность этой благой цѣли и сочувствуя ей вполне, гдѣ бы и когда бы она ни выражалась, православный христіанинъ не можетъ, однако, безъ грусти видѣть, что римская курія до нынѣ не хочетъ для этой цѣли употреблять другія средства, кромѣ *подчиненія* иновѣрцевъ своему незаконному владычеству. Учреждая новую конгрегацию для сближенія и соединенія съ собою восточныхъ христіанъ, римская церковь не имѣетъ въ виду путемъ мирныхъ, законныхъ сношеній съ востокомъ содѣйствовать скорѣйшему и *безпристрастному* рѣшенію тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ грустное раздѣленіе двухъ главныхъ частей христіанскаго міра; нѣтъ, папскій абсолютизмъ требуетъ другаго образа дѣйствій: новая конгрегация пойдетъ по стопамъ прежнихъ римскихъ пропагандистовъ, и будетъ стараться — не о законномъ примиреніи и воссоединеніи церквей — а о не-

законномъ отторженіи отъ восточной церкви тѣхъ чадъ ея, которыя по слабости въ вѣрѣ, по житейскимъ расчетамъ или простому неразумію будутъ увлечены органами усиленной римской пропаганды. Что же? Не страшиться ли намъ будущихъ успѣховъ этой новой конгрегациі? Нѣтъ; если въ насъ жива и дѣйствена вѣра въ непреложность нашего святаго православія, если съ мыслію о правотѣ св. нашей церкви и объ ошибочности началъ папства соединено убѣжденіе, что самъ Господь присущъ обществу истинно вѣрующихъ и хранить его благодатію Святаго Духа, — то намъ нечего страшиться за православную церковь, хотя бы папа учредилъ еще десятокъ конгрегаций для подчиненія восточной церкви своему престолу. Но, не питая страха или сомнѣній, недостойныхъ истинно вѣрующаго, мы не должны, однако, оставаться безпечными: новыя стремленія римской пропаганды распространять свое вліяніе и усилить дѣятельность свою въ нѣдрахъ восточной церкви должны побуждать насъ къ новой бдительности и къ новымъ усиліямъ для охраненія слабыхъ въ вѣрѣ. Всякій истинный христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ признать своею прямою обязанностию, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей, содѣйствовать тому, чтобы св. сѣмя святой нашей вѣры болѣе и болѣе оживлялось и укрѣплялось въ членахъ православной нашей церкви: въ исполненіи этой обязанности будетъ заключаться лучшее средство къ противодѣйствию усиливающейся нынѣ пропагандѣ римской курии.

Окончѣнъ.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Высочайшими грамотами отъ 19 и 24 сент. 1861 г. Всемилостивѣйше сопричислены: пр. епископъ бывшій кавказскій *Ипатій* къ ордену св. Анны 1-й ст., и пр. *Евсевій*, ексархъ Грузіи, къ ордену св. Александра Невскаго.

— Государь Императоръ въ 21-й день ноября Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о назначеніи архимандрита абхазской архіерейской кафедрѣ, *Александра*, на вакансію епископа абхазскаго.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за отлично-усердную службу и заслуги по духовному вѣдомству 1) протоіерею преображенскаго всей гвардіи собора *Василію Сицилинскому* митру; 2) настоятелю Херсонскаго монастыря, игумену *Евгенію* золотой наперсный крестъ, украшенный брилліантами; 3) священнику Ягтинской церкви, Таврической губерніи, благочинному *Василію Сердюкову* золотой наперсный крестъ; 4) законоучителю и преподавателю психологій и логики въ Александровскомъ лицѣѣ, священнику *Алексѣю Строкину* наперсный крестъ съ драгоценными украшеніями. и 5) мануфактуръ совѣтнику, по-

томственному почетному гражданину, Ивану *Гучколу* орденъ св. Анны 2-й степ.

— Определеніями Св. Синода назначены почетными блюстителями по хозяйственной части: 1) отъ 19-го октября—3-й гильдіи купецъ Иванъ *Курбатовъ* при псковской семинаріи и тамошнемъ духовномъ училищѣ; и 2) отъ 3-го ноября, архангельскій градскій голова, 1-й гильдіи купецъ, Егоръ *Плотниковъ* при архангельской семинаріи и состоящемъ при немъ духовномъ училищѣ.

— Определеніями Св. Синода отъ 2, 13-го и 14-го ноября положено преподавать благословеніе Св. Синода почетнымъ блюстителямъ по хозяйственной части: 1) при солигаличскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, коллежскому секретарю Димитрію *Куряеву*, за сдѣланныя имъ въ пользу означеннаго училища пожертвованія на сумму до 161 руб. сер.; 2) при тамбовской семинаріи, почетному потомственному гражданину города Козлова, Ивану *Рогову*, за пожертвованіе имъ въ пользу означенной семинаріи 500 руб. сер.; 3) при орловской семинаріи, потомственному почетному гражданину, елецкому 1-й гильдіи купцу, Сергѣю *Русанову*, за пожертвованіе имъ въ пользу означенной семинаріи 600 руб. сер.; 4) при саратовской семинаріи, ростовскому 1-й гильдіи купцу, Павлу *Кохусу*, за изъявленную имъ готовность ежегодно жертвовать по 200 руб. на содержание 4-хъ воспитанниковъ той семинаріи; отъ ^{25 октября}_{23 ноября} нижеслѣдующимъ лицамъ за усердіе ихъ къ храмамъ Божиимъ и пожертвованія въ пользу церквей: по *московской* епархіи — помѣщицѣ подольскаго уѣзда села Александрова, тайной совѣтницѣ Надеждѣ *Арсеньевой*; по *тверской* епархіи: крестьянину корчевскаго уѣзда деревни Подъелья, Филиппу *Болшакову*; по *владимір-*

ской епархіи: муромскому 2-й гильдіи купцу Ивану *Гаврилову*; по томской епархіи: томскимъ мѣщанамъ Петру *Кикренину* и Василию *Влифанову*; по калужской епархіи: вдовѣ Вѣрѣ *Черновой*, за исправленіе ею церкви въ селѣ Грибозовѣ калужскаго уѣзда; отъ ^{30 октября}_{13 ноября} керчь-еникольскому градоначальнику, контрь-адмиралу Александру *Спицину* и тамошнему потомственному почетному гражданину Ивану *Митрову*, за оказанное ими усердіе при устройствѣ въ г. Керчи, въ бывшемъ зданіи керченскаго музеума, церкви во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, выраженное со стороны перваго собраніемъ пожертвованій болѣе 2660 руб., а со стороны послѣдняго приношеніемъ въ пользу церкви разныхъ вещей на сумму 1787 руб. сер.; отъ ^{23 октября}_{16 ноября} по с. петербургской епархіи: церковному старостѣ купцу Алексѣю *Поталовскому*; по московской: московскому 3-й гильдіи купцу Ивану *Надеждину*; по псковской: настоятелю третьекласснаго Іоанна-Богословскаго Крыпецкаго монастыря, игумену *Анатолю*, отъ ^{17 ноября}_{4 декабря} протоіерею г. Глазова преображенскаго собора Іосифу *Стефанову*, за отличноревностные и полезные труды его по званію миссіонера и за распорядительность въ исполненіи порученій по должности благочиннаго, положено преподать благословеніе Св. Синода, о чемъ и выдать ему установленную грамоту; отъ 25 ноября, казаку села Андрейковичъ, черниговской губерніи, Гавриилу *Заецу*, за устройство имъ на свой счетъ и на своей землѣ отдѣльнаго и приличнаго дома для сельской школы, съ двумя помѣщеніями для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ употребленіемъ на это болѣе 150 руб.; отъ ^{27 ноября}_{27 декабря}, гвардіи ротмистру Захарію *Зотову*, за сдѣланное имъ въ церковь села Колгомы. с. петербургской епархіи, пожертвованіе веща-

ки и деньгами, всего на сумму 781 руб. сер.; отъ 29 ноября, женѣ пономаря села Истова, рязанской губерніи, *Маріи Архиповой*, за обученіе ея съ 1838 г. до 200 мальчиковъ и болѣе 50 дѣвочекъ и за открытіе въ прошломъ году въ собственномъ домѣ школы для обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей обоюго пола, въ которой въ настоящее время обучаются 17 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ; отъ 12/11 декабря, зарайскому купцу *Василію Варитину*, за сдѣланное имъ благочестивое приношеніе въ церковь московскаго успенскаго собора серебряной, вызолоченной ризы на икону владимірской Божіей Матери.

— Определеніемъ Св. Синода отъ 17 ноября положено: выдать женѣ пономаря Кондушкаго погоста, олонечной губерніи, *Евдокии Зотиковой* 80 руб. сер. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ въ награду за обученіе ея въ женской школѣ до 80 дѣвочекъ, распространеніе, посредствомъ этой школы, грамотности и развитіе въ дѣтяхъ религіознаго чувства, оказывающее благотворное вліяніе даже на ихъ родителей и другихъ прихожанъ погоста.

— Определеніемъ Св. Синода 4-го дек. положено: для исправленія въ будущемъ 1862 году чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія въ С. Петербургѣ, назначить ректоровъ семинарій: рязанской—настоятеля рязанскаго спасскаго второкласснаго монастыря, архимандрита *Ювеналія*, и кишиневской—настоятеля заштатнаго курковскаго рождества-богородичнаго монастыря, имѣющаго лично степень настоятеля первокласснаго монастыря, архимандрита *Митрофана*.

— Государь Императоръ, ^{18-го ноября} _{2-го декабря} Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленія Св. Синода объ учреж-

деніи женской общины въ г. Мокшанъ, съ укрѣпленіемъ за сею общиною земли, жертвуемой въ пользу оной, и о переименованіи влахернской женской общины, московской епархіи, въ общежительный 3-классный монастырь.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу кавалерской думы ордена св. Владиміра, Всемилоствѣннѣе соизволилъ пожаловать въ 22-й день сентября минувшаго года кавалерами сего ордена 4-й степени, за 35 лѣтнюю, въ классныхъ чинахъ, безпорочную службу чиновниковъ православнаго вѣдомства—коллежскихъ совѣтниковъ: 1. учителя минской семинаріи *Иларіона Домброво-Поржецкаю*; 2. члена общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ, синодскаго казначея *Константина Платонова*; 3. секретаря с.петербургской консисторіи надворнаго совѣтника *Михаила Верещанина*; 4. журналиста духовно-учебнаго управленія, коллежскаго ассесора, *Александра Курлина*; титулярныхъ совѣтниковъ: 5. архиваріуса казужской консисторіи, *Θому Вышгородскию*; 6. бывшаго столоначальника владимірской консисторіи, *Петра Иродікова*; 7. столоначальника рязанской консисторіи, *Матвея Соколова*; коллежскихъ секретарей: столоначальниковъ духовныхъ правленій: 8. суздальскаго—*Александра Вилорадова*; 9. углецискаго—*Павла Казанскаю*; 10. мензелинскаго—*Ивана Жукови*; 11. канцелярскаго чиновника переславскаго духовнаго правленія, губернскаго секретаря *Василія Серіевскаю*.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Могилевской губерніи въ мстиславскомъ уѣздѣ, въ семи верстахъ отъ уѣзднаго города Мстиславля стоитъ уединенно мужескій Успенскій, воссоединенный третьеклассный монастырь, извѣстный подъ названіемъ Пустыньскаго.

Получивъ начало свое при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ Казиміровичѣ, монастырь этотъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія поступилъ во владѣніе монаховъ базилианскаго ордена, и въ недра православной церкви возвращенъ уже во время бывшаго общаго воссоединенія униатовъ.

Въ этомъ монастырѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ драгоценный памятникъ и твердый оплотъ православія въ бѣлорусскомъ краѣ, святая, чудотворная икона Божіей Матери, явившаяся, по преданію, въ незапамятныя времена на источникѣ при этомъ монастырѣ, и самый этотъ источникъ, признаваемый отъ народа повсемѣстно цѣльбоноснымъ. Къ этой святинѣ питаютъ глубокое благоговѣніе не только православные, по временамъ десятками тысячъ стекающіеся въ Пустыньскій монастырь на богомолье изъ разныхъ городовъ и селеній, близкихъ и отдаленныхъ, но и лица римско-католическаго исповѣданія, и даже лютеране.

Не смотря, однакожъ, на эту достопримѣчательность

святой обители Пустынской и значительное стеченіе въ нее народа, обитель эта находится въ настоящее время въ разоренномъ положеніи. Главная каменная церковь, въ алтарѣ которой, на горнемъ мѣстѣ находится чудотворная икона, требуетъ безотлагательнаго устройства новой крыши, новаго пола, новаго иконостаса, исправленія осыпавшейся по стѣнамъ штукатурки и окраски ихъ снаружи и внутри. Точно также и другая церковь деревянная, на мѣстѣ самаго цѣльбоноснаго источника, на коемъ явилась эта святая икона, совершенно ветха и требуетъ совершенной перестройки. Монастырь не имѣетъ также въ настоящее время ни теплой церкви, ни колокольни, ни каменной ограды. Самыя келіи для монастырской братіи въ высшей степени неудобны и недостаточны, а особенно нѣтъ помѣщенія для степающихся въ монастырь богомольцевъ.

Причина такой крайней бѣдности и разстроеннаго положенія Пустынскаго Успенскаго монастыря заключается въ томъ, что онъ долгое время находился подъ управленіемъ ксендзовъ-базиліановъ, которые не заботились о его поддержаніи. Возвращенный нынѣ въ нѣдра православія, монастырь этотъ и доселѣ остается въ крайне разоренномъ состояніи, не имѣя средствъ поддерживать себя соотвѣтственно своему положенію. Бесплодная почва земли, постоянные неурожаи, положеніе монастыря въ возсоединенномъ краю, несуществованіе православнаго купечества и вообще лицъ, которыя могли бы поддерживать его своими приношеніями, крайняя бѣдность простаго народа, который по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ не имѣетъ даже мякинаго хлѣба для пропитанія своего — лишаютъ монастырь возможности выйти изъ этого бѣдственнаго и разстроеннаго положенія и

въ настоящее время, не смотря на благоговѣнное вниманіе къ заключающейся въ немъ святынь мѣстныхъ богомольцевъ.

Столь несчастное положеніе Пустынскаго Успенскаго монастыря побудило настоятеля онаго монастыря игумена Анатолія, испросивъ разрѣшеніе мѣстнаго архіепастыря высокопреосвященнѣйшаго Евсевія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго, на сборъ добротныхъ подаяній, обратиться, съ упованіемъ на помощь Божию, къ благотворительности православныхъ чадъ россійской церкви, (готовыхъ поддерживать святыню своими посильными приношеніями), и всемирно просить, оказать ему, игумену Анатолію, содѣйствіе къ успѣшному совершенію предпринятаго имъ дѣла, какъ собственными посильными приношеніями, такъ и приглашеніемъ къ пожертвованію лицъ, извѣстныхъ своею готовностію къ дѣламъ богоугоднымъ.

Всякая лепта усердія будетъ великимъ благодѣяніемъ для святой обители и послужитъ средствомъ къ поддержанію этого памятника древняго православія въ странѣ возсоединенной. Приношенія Христолюбивыхъ благотворителей приняты будутъ Пустынскою обителью съ искреннею благодарностію, а имена ихъ со всѣми ихъ ближними и сродниками живыми и преставльшимися ко Господу будутъ поминаемы при совершеніи безкровной жертвы и на молитвенныхъ возношеніяхъ предъ чудотворнымъ ликомъ Пресвятыя Богородицы дотоль, пока будетъ существовать Пустынская обитель.

Всѣ пожертванія могутъ быть адресуемы въ губернскій городъ Могилевъ, на имя высокопреосвященнѣйшаго Евсевія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго, или въ могилевскую духовную кон-

систерію для передачи въ Пустыньскій Успенскій монастырь. При семъ покорнѣйше просятъ сообщать и имена благотворителей съ ихъ ближними и сродниками живыми и преставльшимися ко Господу для внесенія ихъ въ церковный синодикъ Пустыньскаго монастыря на вѣчное поминованіе.

I.

СЛОВО

ГОВОРЕННОЕ, ВО ОСВЯЩЕНІИ ЦЕРКВИ, ВО ИМЯ ПРЕДОБНАГО СЕРГІЯ, РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА, УСТРОЕННОЙ ВЪ ЗДАНІИ АРЕСТАВТСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ РОТЫ—ВЪ
ПРОСЛАВЪ, 40 ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА ⁽¹⁾.

Благодареніе Господу Богу! Еще градъ нашъ обрѣтаетъ мѣсто святое; еще на единомъ алтарѣ станеть приноситься за насъ безкровная жертва.

Но почто алтарь сей воздвигнуть тамъ, гдѣ рука правосудія указала быть узилицу рабовъ невключимыхъ, гдѣ человечество представляется на низшей степени бытія своего, со всѣми оттѣнками нравственнаго безобразія своего?

Не приближайся сьмо. иззуй сапоги отъ нозъ твоихъ: мѣсто бо, на немъже ты стоиши, земля свята есть (Исх. 3, 5), — сказано было нѣкогда вѣрному въ домъ Божиємъ Моисею. Какъ же дерзнуть приблизиться къ святилицу сему люди жестоковѣйни, необрѣзанныи ушесы и сердцемъ?

При взглядѣ на такое совмѣщеніе святыни Господней и сонма беззаконнующихъ, не остается ли ревнителю

⁽¹⁾ Преосвященнѣйшимъ Ниломъ, епископомъ ярославскимъ и ростовскимъ.

благочестія воскликнуть съ Апостоломъ: *кое общеніе съ-ту ко тьмѣ? Кое же согласіе Христови съ Веліаромъ* (2 Кор. 6. 14. 15)?

Такъ, братіе, свѣтъ не имѣеть ничего общаго съ тьмою, равно какъ и Христось съ Веліаромъ. Но тамъ-то и потребно сіяніе свѣта, гдѣ густая тьма покрываетъ очи; тамъ наипаче и необходимо содѣйствіе Христовой благодати, гдѣ великая обнаруживается немощь: ибо не здравые, но болящіе имѣють нужду во врачѣ. А гдѣ еще искать немоществующихъ душею, ежели не среди обитателей дома сего?

Грѣшники, зашедшіе въ глубину золь и не радящіе о спасеніи своемъ, жалкія жертвы обольщенія и соблазна, мучимыя памятію прошедшаго и страхомъ будущаго, невѣжды, не познавшіе Бога и путей Господнихъ неразумѣвающіе, какъ тѣни нѣвія, не престануть переходить по храминамъ симъ, смѣняясь лишь подобными себѣ.

И для нихъ-то святилище сіе есть истая врачевница, мѣсто прибѣжища въ отчужденіи отъ свѣта; мѣсто утвержденія на камени вѣры, послѣ претерпѣнныхъ ими крушеній непорочности и чистоты; мѣсто успокоенія въ Богъ, среди обуревающихъ ихъ помысловъ.

О. сколько сладостныхъ ощущеній вливаетъ въ душу одна мысль о семъ! Какое обширное поприще представляется тутъ для служителя Слова, стоящаго на стражбѣ дома Господня!

Книга Апостольскихъ Дѣяній повѣствуетъ, что въ пребываніе св. апостола Павла въ Аѳинахъ, *раздражашеся духъ ево въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сушь градъ* (Дѣян. 17, 16). Не съ инаковымъ расположеніемъ духа и ревностный пастырь станеть взирать на человѣковъ сихъ.

Чѣмъ скуднѣе вѣдѣніе ихъ, тѣмъ щедрѣйшею рукою онъ будетъ посылать божественныя сѣмена; чѣмъ грубѣе ихъ чувство, тѣмъ больше возвыситъ онъ, яко трубу, гласъ свой *проповѣдать цѣльбу* (Іоил. 2, 16), не яко сладкогласный пѣснопѣвецъ, но яко власть имѣяй;— чѣмъ порочнѣе въ нихъ сердца, тѣмъ сильнѣе въ поученіи его возгорится огонь.

Не думайте, слушатели, чтобъ все это могло остаться безъ плода: глаголь Божій не возвращается тощъ; тамъ и является съ неизбѣжностью спасающая благодать, гдѣ умножается грѣхъ.

Да и по естественному ходу дѣлъ человѣческихъ, мы вправѣ ожидать сего. Какъ ни велика въ низшихъ звѣніяхъ общества склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ; какъ ни мало извѣстны имъ высшія духовныя радости и наслажденія, почерпаемая изъ источника Вѣры и христіанскаго благочестія: при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобъ простой народъ хотѣлъ коснѣть въ невѣжествѣ своемъ; чтобъ мысль объ улучшеніи себя, о спасеніи души своей, не занимала его.

Кто утверждаетъ это, тотъ вѣрно не обращалъ довольнаго на предметъ сей вниманія.

Гдѣ мудрый и добрый наставникъ не имѣлъ ревностнѣйшихъ послѣдователей изъ народа? Въ какихъ нравственныхъ перемянахъ, когда либо происходившихъ на землѣ, не принималъ ближайшаго участія низшій классъ людей? Въ какой градъ, или въ какую весъ вступалъ съ словомъ благовѣстія божественныя вѣры наша Начальникъ, чтобы народы не тѣснились къ Нему, не обдержали Его отвсюду? Увлекаемые жаждою ученія, забывали они голодь и жажду и стремились. какъ нѣкій величественный потокъ, за Иисусомъ въ пустыню.

Все это доказываетъ, что и на низшей степени бытія своего человѣкъ находится въ связи съ истинною человѣческою природою; искра огня божественнаго, гнетомая въ немъ отъ юности его громадою чувственности, никогда не доходитъ до исчезновенія. Напротивъ, часто бываетъ достаточно одного благопріятнаго дуновенія для воспламененія оной.

Благій и мудрый совѣтъ, поданный въ минуты безомовія страстей, тяжкіе и неожиданные удары судьбы, испытанная обманчивость человѣческихъ надеждъ — не разъ уже сыновъ противленія содѣлывали чадами благопокорливыми, ходящихъ въ суетѣ ума приводили въ послушаніе Христово.

Будетъ и храмъ сей свидѣтелемъ такового возрожденія. Вознесетъ и въ немъ вѣніамъ чистыхъ молитвъ о содѣянныхъ лютыхъ, прольются предъ престоломъ милосердія горькія слезы покаянія, воздадутся нечестные обѣты, прочее время живота своего, безъ порока переходить, служить Богу духомъ и истиною. И кто знаетъ, можетъ быть и сіи, нынѣ предстоящіе здѣсь узники, многихъ изъ насъ варяютъ въ царствіи Божіемъ?

По приказанію римскаго прокуратора Пилата избито было во время жертвоприношенія множество галилеянъ, въ намѣреніи, ужаснымъ примѣромъ, отвратить бунтъ. Пришедшіе изъ Галилеи принесли ко Иисусу вѣсть о печальномъ событіи и въ отвѣтъ услышали отъ Господа: *мыслите ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйшии паче всѣхъ Галилеянъ бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетесь, вси такожде погибнете. Или они осемнадесяте, на нивѣже паде столпъ Силоамскій, и побыихъ, мыслите ли, яко тѣи должнѣйшии бяху паче всѣхъ жи-*

сущихъ во Иерусалимъ? Ни, малою вамъ: но аще не покается, вси таможде погибете (Лук. 13, 1).

Вотъ прямая точка зрѣнія, съ которой надлежитъ смотрѣть на подобныя явленія, на всѣ виды постигающей человѣковъ злосчастной доли.

Злоключеніе ближняго для человѣка-грѣшника есть отголосокъ наступающей и готовой разразиться надъ головою его грозы. Судьбами Бога Промыслителя этому гласу предоставлено возбуждать насъ къ испытанію дѣлъ своихъ, къ размышленію, аще есть путь неправды въ насъ.

Но сколько грѣшенъ тотъ, кто предъ очами нашими испытываетъ точило гнѣва Господня; какъ тяжело преступленіе его и въ какой мѣрѣ должны отягчать его бѣдствія жизни,—(ежели только званіемъ не обязуемся къ тому) не принадлежитъ къ суду нашему: Божій судъ есть на то. Паче же всего, да запечатлѣются печатію безмолвія уста наши во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законы гражданскіе караютъ повинныхъ предъ ними; между тѣмъ какъ тысячи другихъ, гораздо большихъ преступниковъ противъ вѣры и нравственности, остаются не наказанными единственно потому, что ихъ вопіющія къ небу грѣхи не принадлежатъ къ гражданскому суду.

Ежели кто, при взглядѣ на таковыхъ, потому только лучшимъ себя считаетъ, что испиваемая ими горькая чаша мимо его проходитъ, тотъ жалокъ въ ослѣпленіи своемъ; судія оный стократъ мудрѣе бы поступилъ, обративъ приговоръ осужденія на самаго себя: «подобныя мнѣ человѣки влачатъ бѣдственно жизнь свою за нарушеніе законовъ гражданскихъ, чего же ожидать въ будущности мнѣ, преступнику законовъ божественныхъ?»

Такъ, братіе, всё мы должны стоять на стражѣ спасенія своего, страха ради не человѣческаго, но паче Божія: всѣмъ бо явиться подобаетъ на судилище Христово.

О если бы страхъ оный всажденъ былъ отъ юности въ сердца сихъ узниковъ, какъ далеки были бы они отъ той участи, въ которой нынѣ видимъ мы ихъ! Но прошедшее для насъ и для нихъ невозвратно, — а будущее въ волѣ каждаго. Каждый, сколь ни велико было бы его развращеніе, можетъ, и каждый обязанъ, употребить остатки дней своихъ на омытіе слезами покаянія грѣховъ и беззаконій своихъ, на искорененіе злыхъ навыковъ воли, влекущихъ за собою вѣчный позоръ и осужденіе, на содѣланіе себя другомъ человѣчества, полезнымъ членомъ общества.

Но къ симъ кто доволенъ, аще не Ты, Святый Израилевъ, исправиши сердца наши (Солун. 3)? Ты убо молю, Господи Боже нашъ: *да будутъ очи твои отверсты на градъ сей день и ночь* (3 Цар. 8, 29); да услышиши всяку молитву рабовъ твоихъ, еюже помолятся на мѣстѣ семь, и сотвориши и помилуеши и утвердиши въ путѣхъ заповѣдей твоихъ къ славѣ святаго имени своего, къ торжеству Церкви твоея, къ радости и утѣшенію Благочестивѣйшаго Государя нашего и всѣхъ сыновъ державы Его. Аминь.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ ЗАПАДНЫХЪ ХРИСТИАНСКИХЪ ВЪРОИСПОВѢДАНІЙ.

(ЛЕКЦІА, ЧИТАНАЯ ВЪ СВѢТСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО
ПРОСВѢЩЕНІА).

*Върую во едину, святую, соборную
и апостольскую Церковь (Симв. Вѣры).*

Милостивые государи и государыни!

Въ то отдаленное отъ насъ время, когда ученіе Божественнаго нашего Учителя и Искупителя было проповѣдуемо во весь міръ святыми Его учениками и апостолами, всякій, желавшій отъ суетныхъ челоѳческихъ мудростей перейти на путь истины и спасенія, могъ безъ особеннаго труда найти этотъ путь и съ полнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинности принимаемыхъ имъ живительныхъ словесъ содѣвать свое спасеніе въ страхѣ Божіемъ. Юная Церковь Христова сіяла тогда полнымъ свѣтомъ совершавшихся въ ней видимыхъ чудесныхъ знаменій присутствія Божественнаго Духа: даромъ языковъ и истолкованія языковъ, даромъ пророчества, чудеснаго исцѣленія больныхъ и т. д.; поэтому ни хитро-сплетенія языческихъ философовъ, ни суетность идолопоклонства, ни наконецъ суемудріе еретиковъ не могли возбуждать въ истинныхъ членахъ Церкви сомнѣнія въ

истинности и спасительности избраннаго ими пути. По премудрому устройенію Божественной Главы Церкви нужно было путемъ чудесъ доставить христіанству входъ въ очерствѣлыя сердца іудеевъ и язычниковъ, и потому — пока св. Вѣра наша была подобна нѣжному растенію, только что насажденному и неукоренившемуся еще, — Господь обильно орошалъ ее благодатными водами видимыхъ чудесъ. Подобно тому, какъ заботливый садовникъ часто поливаетъ молодое, еще не окрѣпшее дерево, но потомъ мало по малу прекращаетъ это поливаніе, коль скоро дерево, укрѣпившись, въ немъ болѣе не нуждается, — такъ поступилъ Господь по отношенію къ святой своей Церкви: когда *вѣщаніе апостоловъ во всю землю изыде и въ концѣ вселенныя славоу ихъ*, тогда видимыя, чудесныя знаменія присутствія Святаго Духа становились постепенно излишними для дальнѣйшаго насажденія евангельскаго благовѣстія, и потому стали оскудѣвать въ Церкви Господней. Тѣмъ не менѣе и во времена послѣдующія, — въ приснопамятномъ періодѣ вселенскихъ соборовъ, — истинная Церковь, среди возникавшихъ постепенно ересей, все еще очевиднымъ для всякаго образомъ — даже по внѣшнему своему объему, по силѣ и успѣху своей проповѣди, — свидѣтельствовала предъ лицомъ всего свѣта о значеніи своемъ, какъ истинной Церкви Христовой.

Если мы, м. г., отъ этихъ отдаленныхъ временъ обратимся къ *современному* намъ состоянію христіанскихъ обществъ, то какое отличное отъ тогдашняго зрѣлище представится нашимъ взорамъ! Мы встрѣчаемъ въ христіанскомъ мірѣ многочисленныя, другъ другу враждебныя, религіозныя общества и вѣроученія, изъ которыхъ каждое себѣ собственно приписываетъ названіе истин-

ной Христовой Церкви, сохранившей во всей полнотѣ и чистотѣ истинное ученіе Спасителя и благодатные дары Его животворящаго Духа. — Гдѣ же теперь въ числѣ этихъ столь разнообразныхъ и многочисленныхъ обществъ найти то, которое по праву усвоитъ себѣ наименованіе истинной Церкви? Гдѣ человѣку, нелицемѣрно и искренно ищущему своего спасенія, найти путь, на которомъ Самъ Господь руководитъ чадъ своихъ къ горнему отечеству, и на которомъ животворящій Духъ Господень присутствуетъ — не мнимо—но истинно и дѣйствительно, по обѣтованію Божию, Утѣшителемъ и Наставникомъ на всяку истину? — Вотъ вопросъ, который естественно можетъ возникнуть въ душѣ каждаго, знакомаго сколько нибудь съ многообразіемъ современныхъ намъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и съ тѣмъ, часто весьма заманчивымъ, блескомъ, которымъ многія изъ нихъ окружены.

Но касается ли этотъ вопросъ собственно насъ, христіанъ православныхъ? Пусть на западѣ Европы, при постоянной текучести религіозныхъ идей, при непрерывномъ возникновеніи новыхъ сектъ и исповѣданій и взаимномъ ихъ столкновеніи, рождаются во многихъ душахъ сомнѣнія, которыя вызываютъ на то, чтобы испытующимъ взоромъ сопоставлять и сравнивать догматическія разности и ихъ относительное значеніе;—а у насъ? Ужели православному христіанину можно усомниться въ истинности и чистотѣ той Церкви, въ лонѣ которой содѣвали свое спасеніе его предки въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, — Церкви, заявившей святость свою сонмомъ многочисленныхъ отечественныхъ нашихъ подвижниковъ и великихъ святителей, — Церкви, столь тѣсно связанной съ историческимъ бытомъ нашего оте-

чества. что отдѣленіе ихъ другъ отъ друга представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ?

Да, скажемъ, было дѣйствительно время, когда отчужденность нашего отечества отъ всего западно-христіанскаго міра дѣлала излишнимъ всякое сравнительное испытаніе истинъ Вѣры, когда русскій человѣкъ, довольный своимъ, не зналъ и не желалъ чужаго. Но перемѣнились времена; настало новое время для Россіи, время сближенія ея съ образованнымъ западомъ. Открылось для насъ новое поле, дотошъ невѣдомое и чуждое намъ, поле современной образованности, блестящей, громкой, заманчивой и благотворной въ умственномъ, промышленномъ и житейскомъ отношеніи; но, увы, вмѣстѣ нерѣдко гибельной и тлетворной по своимъ плодамъ. Мы увидѣли около себя у другихъ народовъ, предупредившихъ насъ по цивилизаціи и умственному развитію, много такого, что составляло и составляетъ достойный образецъ для подражанія, и стараемся по мѣрѣ возможности усвоить себѣ все то, что тамъ является намъ усовершенствованнымъ и выработаннымъ многолѣтними трудами и усиліями. Что же? Не естественно ли придти къ заключенію, что если, какъ мы видимъ, науки, произведенія искусствъ и промышленности, условія и организація общественной жизни, словомъ сказать, почти все, относящееся къ жизни и быту народовъ, на западѣ является въ формахъ болѣе развитыхъ и усовершенствованныхъ, чѣмъ у насъ,—то ужели Вѣра составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе? Ужели она одна — въ противоположность всему прочему — является у насъ болѣе чистою, святою и совершенною, чѣмъ у опередившихъ насъ въ историческомъ отношеніи народовъ? Вопросъ этотъ легко можетъ рождаться

у многихъ, не знающихъ основательно православія, при взглядѣ на самое состояніе нѣкоторыхъ главныхъ, существующихъ на западѣ, христіанскихъ обществъ.

Посмотрите наприм. на римскую церковь: вамъ представится громада пышнаго, по видимому хорошо организованнаго и оживленнаго во всѣхъ частяхъ своихъ цѣлаго; вы увидите общество, которое какъ будто всею своею исторіею говоритъ вамъ: «я столпъ и утвержденіе истины; меня врата адава не могли одолѣть; твердо и неизблемо устояла я въ теченіи всѣхъ христіанскихъ вѣковъ»,—устояла какъ скала въ то время, когда около меня повсюду, на колеблющихся волнахъ всемірныхъ движеній, падали, возникали, и снова рушились религиозныя и политическія зданія! И даже нынѣ, когда великія событія, совершающіяся на западѣ, по видимому потрясаютъ зданіе римскаго папства въ самыхъ его основахъ, римскій католикъ однако съ самоувѣренностію укажетъ вамъ на исторію, и скажетъ, что церковь западная неоднократно подвергалась такимъ же, если еще не ббльшимъ, потрясеніямъ,—и тѣмъ не мѣнѣ побѣдоносно выходила изъ борьбы. Мало того: «посмотрите», скажетъ дагѣ римская церковь. «посмотрите на успѣхъ моихъ миссій, постепенно ведущихъ меня ко всемірному владычеству; посмотрите на внѣшній блескъ и благолѣпіе мое; взгляните на многочисленность моихъ знаменитыхъ богословскихъ свѣтилъ,—и скажите потомъ сами, не ясно ли все это свидѣтельствуеетъ о томъ, что на мнѣ печать Святаго Духа, на мнѣ помазаніе отъ Святаго, въ моемъ собственномъ ложѣ путь, истина и животъ!»

Взглянемъ за тѣмъ на общество протестантовъ, — и опять многочисленны и приманчивы черты, на первый

разъ представляющіяся нашимъ взорамъ. Правда, мы уже не видимъ той округленности, того единства, которыя поражаютъ и привлекаютъ къ себѣ при взглядѣ на папство; но за то—какое движеніе, какая дѣятельность, какіе ясные, по видимому, признаки жизни! «У насъ», скажутъ протестанты, «все кипитъ, все дышетъ и развивается». «Посмотрите», скажутъ они далѣе, «на наши университеты съ ихъ цвѣтущими богословскими факультетами; посмотрите на наши библейскія общества, на наше проповѣдничество, наше миссіонерство, на многостороннее богатство нашей богословской литературы; какъ громко, какъ ясно все это свидѣтельствуеетъ о внутренней жизни нашихъ религіозныхъ обществъ; какъ очевидно, что у насъ собственно истина, у насъ сила Христа Спасителя и Духъ Его».

Дѣйствительно, скажемъ съ своей стороны, и у тѣхъ и у другихъ много привлекательнаго; много такого, что объясняетъ намъ, почему люди, сужденія которыхъ основываются на одномъ поверхностномъ преимуществѣ внешнихъ, часто случайныхъ, свойствъ и обстоятельствъ, могутъ увлечься и, тайно или явно, оставить православную вѣру своихъ предковъ, чтобы вступить въ общество латинянъ или протестантовъ. Но для того, чтобы отдать извѣстному церковному обществу дѣйствительное предпочтеніе, достаточно ли судить о немъ по внѣшнему блеску его болѣе или менѣе заманчивой наружности? Другими словами: можетъ ли преимущество миссіонерской, литературной или проповѣднической дѣятельности служить признакомъ дѣйствительнаго преимущества извѣстной церкви, — вотъ вопросъ, который тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что обыкновенно люди останавливаются на этихъ именно пред-

метахъ, какъ болѣе ясныхъ и ошутительныхъ для каждаго, и по нимъ готовы — безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій — склониться тайно или явно на сторону того общества, у котораго эта собственно сторона болѣе развита, болѣе благовидна. На рѣшеніи этого вопроса я потому теперь позволю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе.

Господь учредилъ Церковь свою собственно для того, чтобы она, будучи тѣломъ Его, тѣснѣйшимъ образомъ съ Нимъ соединеннымъ, продолжала дѣло Его на землѣ; поэтому въ собственной своей жизни и дѣятельности Онъ даровалъ ей на всѣ грядущіе вѣка образецъ того, какъ она должна вести себя въ извѣстныхъ случаяхъ, на что собственно она должна обращать свое вниманіе, и къ какимъ цѣлямъ она должна стремиться. Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить, на сколько внѣшній блескъ и земныя преимущества могутъ служить признакомъ истинно вѣрной своему дѣлу Церкви, нѣтъ лучшаго и болѣе надежнаго средства, какъ обратиться къ самому Господу Иисусу. Что же мы тогда видимъ? Рожденный отъ бѣдной и незнатной Матери, безъ какого либо высокаго, научнаго образованія, Господь въ теченіи всей своей земной жизни оставался чуждымъ всякому внѣшнему блеску и велеглѣию. Правда, Господь творилъ чудеса; были случаи (какъ наприм. послѣ нагорной бесѣды и при вшествіи Его въ Іерусалимъ), когда Его окружала и внѣшняя слава, когда народъ іудейскій хотѣлъ поставить Его царемъ земнымъ, или восклицалъ: осанна, сыну Давидову. Но придавалъ ли самъ Господь какое либо особенное значеніе этой внѣшней славы? Нѣтъ, мы знаемъ, напротивъ, что, когда іудеи просили у Него знаменій внѣшнихъ, Онъ отвѣтилъ имъ:

родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, знаменіе же не дастся ему; знаемъ и то, что Господь избѣгалъ внѣшнихъ, суетныхъ почестей, имѣлъ преимущественно общеніе съ мытарами и грѣшниками. и избралъ великихъ учениковъ и апостоловъ своихъ изъ числа людей необразованныхъ, бѣдныхъ и занимавшихся презрѣннымъ ремесломъ. Внѣшняя слава и мірскія преимущества не составляли, слѣдовательно, существеннаго признака истиннаго Посредника Бога и человѣковъ; на какомъ же основаніи станемъ по нимъ судить объ относительномъ превосходствѣ той или другой изъ церквей, которыя называютъ себя невѣстами Христовыми, продолжающими дѣло Его на землѣ? Неосновательность подобныхъ сужденій особенно ясно обнаружится, если обратимъ вниманіе на то, какъ самъ Господь судилъ о значеніи общества своихъ послѣдователей. *Царство мое ижесть отъ міра сего,* говоритъ Господь, давая тѣмъ разумѣть, что оно должно быть выше мірскихъ выгодъ и почестей. *Блаженн есте, егда поносятъ въ, и рекуть всякъ золь зло на въ лжуще Мене ради; радуйтеса и веселитеса, яко жзда ваша многа на небесахъ.* И дѣйствительно, безславна была доля первыхъ великихъ провозвѣстниковъ Евангелія, когда они, жертвуя всѣмъ для прославленія имени Распятаго, терпѣли гоненія и поношенія отъ іудеевъ и язычниковъ, когда имя ихъ проносили *яко зло,* и среди непрерывныхъ клеветъ и поруганій, подвергали ихъ жестокимъ истязаніямъ и позорной смерти ради Того; *о Немъже живемъ, движемся и есмы!* Не было въ Церкви Христовой, среди тяжкихъ гоненій, ни великихъ ораторовъ, ни образованныхъ по стихіямъ міра сего ученыхъ,— и тѣмъ не менѣ Церковь (по сознанію *есть* нынѣшнихъ христіанскихъ обществъ) была истин-

нымъ тѣломъ Христовымъ, чуждымъ, правда, міру и блеску его, но оживленнымъ внутренно и дѣйственно могущественнымъ дыханіемъ Божественнаго Духа; она была осынена живительною благодатію Христовою, и ни преданія человѣческія, ни стихіи міра сего, ни философія не имѣли для нея значенія. Наступили потомъ, по устроенію невидимой Главы Церкви, времена болѣе благопріятныя для внѣшней славы невѣсты Христовой, времена Златоустовъ, Ананасіевъ и Василиевъ Великихъ; Церковь Божія восторжествовала въ римской имперіи надъ тьмою языческихъ суевѣрій, стала усвоить себѣ и благолѣпіе внѣшнихъ обрядовъ, стала раскрывать святыя истины богопреданной Вѣры въ формахъ научныхъ и по правиламъ ораторскаго искусства. Но значить ли это, что она — вслѣдствіе подобной, болѣе благопріятной внѣшней обстановки — сдѣлалась болѣе прежняго чистою и святою? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, не скажетъ этого никто, ни изъ единовѣрцевъ нашихъ, ни изъ иновѣрцевъ. Церковь Христова, *столпъ и утвержденіе истины*, была тою же — по внутренней силѣ и достоинству — и въ то время, когда она среди жестокихъ гоненій лишена была и учено-образованныхъ пастырей и великихъ ораторовъ и внѣшней славы въ глазахъ суетно превозносившихся своею мудростію язычниковъ, и въ то время, когда она, возсѣдая на императорскомъ престолѣ въ лицѣ Константина Великаго и его преемниковъ, усвоила себѣ всѣ внѣшнія выгоды господства, блеска и науки. Образованный и краснорѣчивый Павелъ ничѣмъ существенно не превосходствовалъ въ лицѣ апостоловъ предъ простымъ и необразованнымъ рыбакомъ Петромъ; почему же? Потому, что по объѣванію Господню имъ одинаково низпосланъ былъ Духъ Святой, который на-

ставлялъ ихъ на всяку истину такъ, что устами ихъ говорилъ Самъ Духъ истины. Очевидно, что такимъ образомъ собственныя ихъ болѣе или менѣе недостаточно развитыя способности и личное ихъ образованіе не могло имѣть никакого вліянія на истинность и святость ихъ ученія и основанныхъ ими церквей; Духъ Святой совершалъ дѣло Христово чрезъ нихъ такъ, что личныя качества ихъ не могли ни совершенствомъ своимъ увѣличить, ни недостатками своими умалять силу и дѣятельность благодати въ Церкви.

Но Божественный руководитель, Духъ Святой, по тому же непреложному обѣтованію Господню, не оставилъ Церкви и послѣ смерти первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія : *да будетъ съ вами въ всякъ*, сказалъ о Немъ Господь своимъ ученикамъ, да останется, т. е. Духъ Святой въ обществѣ чадъ Божіихъ до кончины вѣка тѣмъ же живоноснымъ и дѣятельнымъ руководителемъ къ горнему отечеству, какимъ Онъ явится къ вамъ скоро послѣ моего отшествія отъ васъ, — да останется тѣмъ же, не смотря на всѣ внѣшніе перевороты и болѣе или менѣе благоприятныя обстоятельства, такъ, чтобы Церковь мою и *врата ада* не могли одолѣть. Что же? Ужели послѣ этого скажемъ, что достоинство или святость Церкви зависитъ отъ степени внѣшнихъ преимуществъ, которыми она окружена? Ужели скажемъ, что превосходство литературной, проповѣднической или ученой дѣятельности можетъ быть принято во вниманіе при сужденіи о внутреннемъ превосходствѣ того или другаго христіанскаго общества? Ужели наконецъ въ частности мы, м. гт., сопоставляя и сравнивая между собою нынѣ существующія христіанскія церкви, должны обратиться къ этимъ внѣшнимъ преимуществамъ и по нимъ

произносить свое сужденіе? Нѣтъ, Духъ Святый, *идъже* *лощеть*, *дышетъ*, и *сила Божія въ немощехъ совершается*, а потому челоуѣческія власти и науки здѣсь не могутъ быть приняты во вниманіе.

Итакъ, пусть латиняне и протестанты превозносятся своими богословскими системами, своимъ проповѣдничествомъ и количествомъ своихъ знаменитыхъ ученыхъ! Намъ же нужно для сужденія о томъ, гдѣ истинная Церковь, найти другіе признаки, болѣе соотвѣтствующіе сущности и значенію Церкви.

Но гдѣ же эти признаки? На чемъ остановиться, если вышнія преимущества сами по себѣ не могутъ имѣть никакого вѣса?—Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно: если истинной Церкви Господь даровалъ обѣтованіе, что Духъ Святый будетъ съ нею въ вѣкъ, что Онъ будетъ всегдашнимъ живительнымъ ея началомъ, имѣющимъ во всѣ времена предохранять ее отъ заблужденій, — то стало быть и нынѣ мы должны признать истинною Церковью ту, которая еще хранить въ себѣ безцѣнный даръ божественной благодати, не погасила въ себѣ Духа истины и не отогнала отъ себя Его живоноснаго руководства. Эта истина сама по себѣ такъ ясна, что съ нею не можетъ не согласиться каждый христіанинъ, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ; но по видимому мы этимъ не приблизились къ рѣшенію своего вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время, когда присутствіе Святаго Духа уже рѣдко обнаруживается видимымъ, вышне-осязательнымъ образомъ, — какъ было въ Церкви первенствующей, — по чемъ намъ съ достовѣрностію узнать, въ какомъ собственнo изъ нынѣшнихъ обществъ христіанскихъ обитаетъ благодатная сила Всесвятаго Духа? Сказать ли съ

православными, что она у насъ,—сказать ли съ панистами и со строгими лютеранами, что она въ церкви латинской или въ обществѣ лютеранъ,—согласится ли наконецъ съ большинствомъ протестантовъ въ томъ, что Духъ Святой дѣйствуетъ своею благодатию во всѣхъ христіанскихъ обществахъ, созидавая повсюду изъ истинныхъ поклонниковъ Божіихъ духовное, невидимое стадо Христово?

Для рѣшенія этого вопроса обратимся не къ хитросплетеніямъ философствующаго по стихіямъ міра сего разума и не къ обыкновенному человѣческому смыслу. Нѣтъ, мы обратимся къ самому слову Божію,—истинному и сильнѣйшему орудію для разрѣшенія всѣхъ недоумѣній въ дѣлѣ Вѣры и спасенія,—и посмотримъ, не можемъ ли мы при свѣтѣ самаго откровенія Божія извлечь что нибудь для себя въ настоящемъ случаѣ.

Не гашайте Духа Святаго Божія; арані даръ Божій, живущій въ тебѣ.... Этими и подобными изреченіями св. апостолы прежде всего удостовѣряютъ насъ въ томъ, что благодать Святаго Духа нигдѣ не дѣйствуетъ непреодолимо, и что такимъ образомъ, какъ мы уже заиѣтили, отъ нашего собственнаго содѣйствія и соучастія зависитъ сохранить Его спасительное руководство. Духъ Святой, дарованный на всегда истинной Церкви, отступается слѣдовательно отъ тѣхъ частей Церкви, которыя сами не соблюдаютъ *условія*, необходимыхъ для сохраненія въ себѣ божественнаго дара благодати. Далеѣ, обращаясь къ вопросу о томъ, какими именно слѣдствіями, какими наиболѣе ясными и ощутительными плодами обнаруживается присутствіе Святаго Духа, мы видимъ, что Спаситель собственными своими изреченіями не оставляетъ въ этомъ отношеніи мѣста **никакимъ**

недоумѣнiямъ: *Я умолю Отца, говорить Онъ, и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами въ вѣкъ, Духа истины, котораго миръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его; а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ и въ васъ будетъ. И этотъ Утѣшитель, продолжаетъ далѣе Господь свою бесѣду, научить васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я юво-рилъ вамъ* (Юан. 14. 16. 17. 26). Итакъ Духъ Божiй есть *Духъ истины*, и ближайшею цѣлю Его пребыванiя въ обществѣ вѣрующихъ есть *неизмѣнное сохраненiе истиннаго, преданнаго Спасителемъ ученiя!* Не очевидно ли, что ближайшимъ внѣшнимъ выраженiемъ и плодомъ сохраненiя Святаго Духа въ извѣстномъ обществѣ должно быть неизмѣнное сохраненiе божественной истины въ ея первоначальной, ничѣмъ не омраченной чистотѣ? Такимъ образомъ. подобно тому. какъ мы о разныхъ частныхъ лицахъ можемъ сказать. имѣютъ ли они въ себѣ Духа Божiя или нѣтъ. смотря потому, исполняютъ ли они тѣ *условія*, которыя необходимы для сохраненiя въ себѣ дара благодати, и обнаруживаютъ ли они тѣ *плоды*, которые не могутъ не пронестекать при дѣйстви-тельномъ присутствii въ насъ Святаго Духа,—такъ точно, по тѣмъ же признакамъ, можемъ судить безошибочно о томъ, какое изъ именуемыхъ себя христианскими обществъ дѣйствительно составляетъ собою истинное царствiе Божiе на землѣ. Но если, какъ мы видѣли, сохраненiе чистаго, истиннаго ученiя Христова есть собственно *плодъ* пребыванiя Духа Божiя въ извѣстной Церкви, то остается еще нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, соблюденiе какого именно условiя необходимо со стороны того или другаго христианскаго общества для сохраненiя въ себѣ непогрѣшимаго руководства Духа Бо-

жія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правой. богопреданной Вѣры. Прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ многозначительныя слова Спасителя, обращенныя къ ученикамъ во время послѣдней бесѣды Его съ ними предъ крестными страданіями. *Заповѣдь новую даю вамъ, сказать Господь въ эти важныя и торжественныя минуты. да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* ⁽¹⁾. Да, тѣснѣйшая, всѣхъ объединяющая любовь, какъ отраженіе той безконечной божественной любви, которая составляетъ самое, такъ сказать, существо Божіе, которая послужила источникомъ домостроительства нашего спасенія, и нынѣ еще неразрывными и непостижимыми узами соединяетъ Христа Спасителя съ Его таинственнымъ тѣломъ. Церковью. — вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ признакъ истинныхъ учениковъ Христовыхъ. вотъ *условіе* для сохраненія въ извѣстномъ обществѣ вѣрующихъ живительнаго руководства Святаго Духа! Итакъ, если извѣстное общество *приско противится Духу Святому*, т. е. вмѣсто того, чтобы хранить и възрѣвать въ себѣ главное свойство учениковъ Христовыхъ. любовь, увлеклось гордостью, корнемъ всякаго зла, и такимъ образомъ *съ судъ впаде діаволь*. — то оно ятимъ погашаетъ въ себѣ свое живительное духовное начало, и скоро само начинаетъ обнаруживать плачевныя слѣдствія подобной перемѣны. — въ искаженіи чистаго, богопреданнаго ученія Вѣры. Церкви своей Господь даровалъ свою силу для того, чтобы она совершала и продолжала дѣло Его

(1) Срав. ниже: *Какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ любви моеи.... Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.*

на землѣ; поэтому она также, какъ и самъ Господь, должна быть проникнута всецѣлою любовію, должна вслѣдствіе этого переносить безропотно тѣ же страданія и лишенія. должна устоять въ тѣхъ же искушеніяхъ, какимъ подвергся Господь, должна употреблять дарованную ей благодатную силу Господню для того, чтобы служить. быть всѣмъ слугою, а не повелѣвать, и сохраняя свойственную ей духовную власть въ лицѣ пастырей своихъ, не владычествовать въ духѣ гордаго міра; — только подѣ этимъ условіемъ извѣстное церковное общество можетъ пребывать во внутреннемъ общеніи съ Главою Церкви и съ животворящимъ Его Духомъ.

Посмотримъ теперь на римскую церковь. и предложимъ себѣ вопросъ: исполнила ли она этотъ долгъ свой, устояла ли она противъ искушенія впасть въ гордость и самоувѣніе? Нѣтъ, скажемъ въ отвѣтъ прямо и рѣшительно; вся исторія римской церкви, равно какъ весь внѣшній ея бытъ, громко и ясно свидѣтельствуетъ для всякаго свободнаго отъ предубѣжденій человѣка. что она не устояла. Она употребляла ввѣренные ей дары благодати не на безкорыстное служеніе, а на то, чтобы оградить себя отъ временныхъ нуждъ, чтобы приобрести внѣшнія выгоды и тѣнную славу. Посмотрите на римскихъ первосвященниковъ, на ихъ внѣшній блескъ, роскошь и гражданскую силу; можно ли въ нихъ узнать Того, чей образъ, во всей его простотѣ и во всемъ величій, должны носить на себѣ всѣ, совершающіе дѣло Его на землѣ?

«Но», скажутъ намъ, «эти недостатки могутъ служить къ обвиненію римскихъ первосвященниковъ, а не самой церкви латинской». «Положимъ», скажутъ. «на римскомъ престолѣ возсѣдали нерѣдко люди недостой-

ные своего высокаго призванія; однако можетъ ли это служить укоромъ самой церкви, которая тѣмъ не менѣе можетъ быть также истинна и свята, какъ она была по началу»? Да, скажемъ въ отвѣтъ, было дѣйствительно время, когда развивавшаяся уже въ римскихъ первосвященникахъ гордость, противная любви и смиренію христіанскому, отчуждала ихъ самихъ отъ животворящаго Духа истины ⁽¹⁾, не отчуждая еще церкви западной: но наступило за тѣмъ и другое время, когда обуявшая западныхъ епископовъ гордость овладѣла всею подчиненною имъ церковью, такъ что она стала усвоить одной себѣ права, принадлежащія всей Христовой Церкви, когда она по отношенію къ восточнымъ своимъ братіямъ совершила какъ бы нравственное братоубійство, и вмѣстѣ съ тѣмъ—своевольнымъ измѣненіемъ неизмѣннаго и вселенскаго образца Вѣры — положила начало дальнѣйшимъ своимъ уклоненіямъ отъ истины.

Римская церковь была поставлена какъ бы на высокую гору съ видомъ на весь западный христіанскій міръ; но—она отпала отъ божественнаго плана, и является нынѣ предъ нашими взорами подъ видомъ царства земнаго съ внѣшнимъ блескомъ, съ мірскими правами и преимуществами, а вмѣстѣ съ тѣмъ — съ про-

⁽¹⁾ Такъ напр. папа Гонорій, еще задолго до отпаденія западной церкви отъ вселенскаго единства, впалъ въ ересь моноелитовъ; сама древняя западная церковь не усомнилась осудить его, какъ еретика; такимъ образомъ сама западная церковь осудила въ лицѣ Гонорія непогрѣшимую папскую, какъ ученіе ложное. 6-й вселенскій соборъ прямо приписываетъ посланіямъ Гонорія еретическій смыслъ и анатематствуетъ самаго Гонорія. «Мы опредѣлили», говорятъ отцы собора, «чтобы Гонорій, который былъ папою древняго Рима, былъ преданъ анаеміи и отлученъ отъ святой, католической Церкви Божіей»... и т. д. (Смотр. подробности объ этомъ предметѣ. Дух. Бес. за 1859 г. статью: «Ультрамонтанизмъ, осуждаемый самими папами»).

твными Богу средствами для достиженія своихъ цѣлей. Иславиль истинный духъ и характеръ Церкви, замѣнивъ живительное руководство Святаго Духа человѣческимъ авторитетомъ папы, какъ «непогрѣшимой» якобы главы Церкви, римская церковь не могла уже болѣе сохранять вѣрное ей божественное ученіе отъ искаженій и каростовъ человѣческихъ; обуяла ее похоть гордости житейской и побуждала ее къ тому, чтобы святотатственною рукою посягать на то ученіе, отъ котораго ни *едина іота* не можетъ погибнуть въ истинной Церкви, *дождеже* *всѣ* *будутъ*. И вотъ является постепенно ученіе объ исхожденіи Святаго Духа не только отъ Бога Отца, но и отъ Бога Сына, ученіе объ опрѣснокахъ, вмѣсто кваснаго хлѣба при совершеніи таинства Евхаристіи, приобщеніе мірянъ подъ однимъ видомъ хлѣба, ученіе о безбрачїи духовенства, объ индульгенціяхъ и чистилищѣ, многочисленныя болѣе мелкія отступленія отъ истинно древняго ученія, частію догматическія, частію обрядовыя, и наконецъ въ новѣйшее время, какъ вѣнецъ всего выработаннаго папскою «непогрѣшимостію», ученіе о непорочномъ зачатїи Божіей Матери.

Ужели же мы, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, можемъ отдать предпочтеніе истинности обществу, которое само столь очевиднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о своемъ растлѣніи? Не долженъ ли напротивъ всякій, не обольщенный блескомъ вѣнчиковъ преимуществъ, но желающій въ столь важномъ дѣлѣ основать свои убѣжденія на тщательномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи, дойти до отверженія римскаго ученія, искусно, правда, прикрывающаго свои недостатки, но тѣмъ не менѣе искаженнаго почти во всемъ своемъ составѣ?

И вотъ мы дѣйствительно и видимъ, что еще во вре-

мена ослѣпавшаго толпу блеска внѣшней славы и могущества римской церкви стали являться люди, которые во имя божественной истины вооружались словомъ и дѣломъ противъ незаконно наложенныхъ на западъ оковъ римскаго первосвященника; во имя Евангелія возвышались голосъ свой противъ Рима вальденсы, альбигенсы, виглефиты, гусситы и другія возникавшія постепенно въ нѣдрахъ западнаго общества сѣкты. Всѣ онѣ свидѣтельствовали о внутреннемъ растлѣннн римскаго христіанства.

Наконецъ въ XVI-мъ вѣкѣ совершилась давно подготавливавшаяся на западѣ реформація: явилась новая, обширная, донынѣ существующая отрасль христіанскихъ вѣроисповѣданій, извѣстныхъ подъ именемъ *протестантскихъ*. Наученные горькимъ опытомъ временъ минувшихъ, протестанты вознамѣрились съ большею отчетливостію и съ безпристрастіемъ освободить христіанство отъ всѣхъ наростовъ человѣческихъ, омрачавшихъ истину подъ фирмою мнимой непогрѣшимости папъ. Они поставили себѣ цѣлюю возстановить апостольское ученіе въ его первобытной, ничѣмъ не омраченной, чистотѣ, и на мѣстѣ средневѣковыхъ сводовъ схоластическихъ системъ воздвигнуть зданіе новое и истинно святое.

Если бы протестанты остались вѣрными этой цѣли и для осуществленія ея избрали законныя и дѣйствительныя средства, то безъ сомнѣнія и зданіе, воздвигнутое ими, было бы зданіемъ Христовымъ и истинно богоугоднымъ сосудомъ животворящаго Духа. Но къ несчастію — такова мысль человѣческая и историческій ходъ ея измѣненій: одна крайность вызываетъ другую, одно злоупотребленіе — другое противоположное. Забывая

слова Писанія: *еще не Господь созиждетъ домъ, еще трудится зиждущи*, реформаторы XVI го вѣка не позаботились о томъ, чтобы на мѣсто отверженнаго ими римскаго христіанства найти на началахъ завѣщанной Спасителемъ объединяющей любви — единый источникъ живота и истины, Вселенскую Церковь, и съ нею соединиться для утоленія жаждавшихъ на западѣ *воды жи-выи*. Въмѣсто этого они рѣшились путемъ собственныхъ изслѣдованій возсоздать христіанство; они возмечтали безъ внѣшняго посредства освященнаго самимъ Господомъ церковнаго авторитета и безъ руководства богопризванныхъ пастырей усвоить себѣ божественную истину и дары благодати при посредствѣ одного свящ. Писанія, и съ суетною надеждою на *непосредственное* озареніе и освященіе свыше каждаго частнаго лица. Слѣдствіемъ этого было неизбѣжно то, что протестантство не только не возстановило христіанства въ его чистотѣ, но напротивъ вдалось въ новыя, еще большія заблужденія. Духъ гордости и самомиѣнія, обуявшій римскую церковь и бывшій виною ея паденія, воцарился съ самаго начала и на почвѣ протестантизма, и утвердился тамъ — еще при жизни Лютера и Кальвина — направленіе, противное христіанскому смиренію и положившее собою основу развившемуся у протестантовъ въ послѣдствіи рационализму и безбожію.

Каждый, кто съ безпристрастнымъ вниманіемъ остановится на нынѣшнемъ состояніи протестантскихъ вѣроученій, не можетъ не видѣть, что, при всемъ кажущемся блескѣ богословской и проповѣднической дѣятельности, протестантамъ недостаетъ того, безъ чего никакое общество не можетъ быть признано истинно-законнымъ преемникомъ апостольскихъ церквей. Въмѣсто един-

ства, основаннаго на смиренномъ подчиненіи ума въ послушаніе Вѣры и на нераздѣльномъ отъ истиннаго христіанства духѣ братскаго единенія и любви, — мы видимъ въ протестантствѣ безконечное разнообразіе и разногласіе религіозныхъ убѣжденій, утвердившееся на началахъ ничѣмъ не обуздываемой свободы человѣческой мысли. вмѣсто апостольскаго преемства пастырей церкви и неприкосновенности богодарованныхъ имъ правъ, мы у протестантовъ встрѣчаемъ опять новый плодъ той же гордости, того же губительнаго для христіанства самомнѣнія — въ ученіи *о всеобщемъ священствѣ*, подрывающемъ собою всѣ основы богоучрежденнаго церковнаго порядка, точно также какъ ученіе протестантское *о свободѣ совѣсти и мысли* колеблетъ всѣ опоры и все содержаніе богодарованной истины.

Возможно-ли теперь человѣку, искренно ищущему своего спасенія, найти для души своей надлежащее успокоеніе въ иѣдрахъ такого общества, въ которомъ каждое частное лице предоставлено водительство своихъ собственныхъ, болѣе или менѣе шаткихъ и ошибочныхъ убѣжденій, и кругомъ себя — вмѣсто неизблемо прочнаго. всегда и повсюду одинакаго божественнаго авторитета — въ дѣлахъ вѣры встрѣчаетъ безконечно разнообразныя и взаимно противорѣчивыя мнѣнія своихъ богослововъ и религіозныхъ партій? Нѣтъ, благочестивая и не омраченная предубѣжденіями душа христіанина равно лишена истиннаго, религіознаго успокоенія и подъ гнетомъ незаконнаго папскаго деспотизма, и подъ кровомъ протестантской, мнимо евангельской свободы! И дѣйствительно, обращаясь къ опыту нашихъ дней и останавливаясь вниманіемъ на нынѣшнемъ состояніи западно-христіанскихъ обществъ, мы увидимъ полное под-

твержденіе истинности словъ нашихъ. Римская церковь по видимому еще процвѣтаетъ; посредствомъ чуждыхъ духу церкви конкордатовъ или договоровъ съ гражданскими властями ⁽¹⁾ она приобретаетъ себѣ новыя, небывалыя прежде права; но какъ мало религиозное состояніе чадъ ея соотвѣтствуетъ собою этой блестящей и для многихъ заманчивой наружности! Грубое суевѣріе и самое крайнее невѣжество, нерѣдко нарочито поддерживаемое самимъ духовенствомъ, идетъ повсюду у папистовъ рука объ руку съ самымъ рѣшительнымъ и холодящимъ душу невѣріемъ и безбожіемъ, и даже тамъ, гдѣ усиліями болѣе благонамѣренныхъ римскихъ священниковъ и миссіонеровъ въ народѣ поддерживается вѣра и благочестіе—эта вѣра и это благочестіе принимаютъ видъ безотчетной привязанности къ внѣшней обрядности, или поддерживаютъ и развиваютъ стремленія, чуждыя духу Рима и его первосвященника (каковы на пр. стремленія галликанскія и неокатолическія ⁽²⁾).

⁽¹⁾ Такіе конкордаты заключены въ теченіи послѣдняго десятилѣтія между римскимъ дворомъ и разными католическими державами Запада. Въ нихъ предоставляется римской церкви право значительнаго вмѣшательства во внутреннія административныя и гражданскія дѣла правительствъ. Конкордаты эти служатъ яснымъ выраженіемъ того, какъ мало еще римская курія расположена отказаться отъ средневѣковыхъ ультрамонтанскихъ притязаній своихъ на вмѣшательство въ гражданскія дѣла.

⁽²⁾ Было бы неудобно здѣсь подробнѣе раскрывать и подтверждать фактами представленный мною весьма сжатый очеркъ современнаго состоянія римско-католической церкви. Считаю однако долгомъ своимъ присовокупить, что сдѣланное мною изображеніе состоянія римской церкви во снѣхъ частяхъ своихъ можетъ быть подтверждено несомнѣнно вѣрными корреспонденціями, свидѣтельствами и описаніями разныхъ иностранныхъ богословскихъ журналовъ. (Смолр. наприм. Allgemeine Kirchliche Zeitschrift v. Schenkel за прошедшій годъ, въ 8-и кн. «Kirchliche Mittheilungen aus Frankreich» и ин. др.)

И что послѣ этого сказать о протестантахъ? Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ современною намъ протестантско-богословскою литературою, можетъ по отзывамъ самихъ протестантовъ судить о томъ, до какого владычества въ душахъ протестантскихъ христіанъ достигъ особенно нѣсколько времени тому назадъ съ одной стороны холодный и равнодушный ко всему священному индифферентизмъ съ его неизбежными плодами, рационализмомъ и безбожіемъ (1), съ другой—у простаго народа фанатизмъ, увлекающій его какъ беззащитный, колеблемый вѣтромъ, тростникъ во слѣдъ разнообразныхъ, часто нелѣпыхъ и гибельныхъ заблуждений (2).

(1) См. напр. въ подтвержденіе этой мысли—Христ. Чт. за 1861 г. кн. 1-я статья: «Нѣсколько словъ о современномъ религіозномъ состояніи протестантской Германіи на основаніи свидѣтельствъ объ этомъ самихъ протестантовъ».

(2) Во время моихъ путешествій по западной Европѣ (въ 1858-мъ и 1860-мъ г.) я многократно имѣлъ случай лично убѣждаться въ томъ, какими невѣроятнымъ успѣхомъ нынѣ увѣличиваются миссіонерскія дѣла разныхъ, возникшихъ въ новѣйшее время, сектъ, особенно шведенборгіанъ, мормоновъ и баптистовъ. Несмотря на рѣшительную нелѣпость ученія, распространяемаго подобными сектами (особенно мормонами), онѣ успѣваютъ однако толпами привлекать къ себѣ протестантовъ, особенно изъ низшихъ классовъ общества. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго раза это явленіе, оно однако—по собственному сознанію многихъ образованныхъ протестантовъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ этомъ предметѣ,—составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе отсутствія у протестантовъ богоучрежденнаго церковнаго авторитета. Предоставленный самому себѣ, безъ довѣрія къ своимъ пасторамъ, необлеченный никакими священными саномъ и притомъ вѣчно другъ другу противорѣчающимъ въ ученіи, бѣдный протестантскій народъ напрасно ищетъ около себя пищи, удовлетворительной для его религіознаго чувства; онъ стоитъ одиноко съ Библіею въ рукахъ, но безъ надлежащаго руководства, безъ умѣнья пользоваться надлежащимъ образомъ этою святою книгою,—онъ остается жертвою разныхъ мучительныхъ недоумѣній, и наконецъ лег-

Когда теперь отъ этой грустной картины обратимъ взоры свои на свою собственную церковь, то какимъ сладостнымъ чувствомъ благодаренія Всевышнему невольно наполняется сердце наше при мысли о томъ, что истинная, ничѣмъ не омраченная Вѣра и руководимая Духомъ Божиимъ апостольская Церковь, — это ничѣмъ не оцѣнимое благо, котораго мы напрасно стали бы искать на образованномъ западѣ. сохранилось во всей своей цѣлости и неповрежденности на востокѣ, колыбели христіанства, и служить наилучшимъ залогомъ благоволенія къ намъ небеснаго Отца и высокаго, предначертаннаго нашему отечеству, назначенія. Пусть каждый съ строгимъ безпристрастіемъ испытуетъ Церковь нашу по ея ученію, характеру и постановленіямъ, — и онъ легко убѣдится въ ея истинности и апостольскомъ достоинствѣ.

Ив. Осмининъ.

но становится добычею первого Лоррена, являющагося къ нему съ проповѣдью о наступленіи послѣднихъ дней и о начинающемся въ Америкѣ тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИМВОЛОВЪ,

БЫВШИХЪ ВЪ ЦЕРКВИ ДО НИКЕЙСКАГО СОВОРА.

Православная Церковь на ефесскомъ вселенскомъ соборѣ (въ 431 г.) опредѣлила принимать всегда и вездѣ символъ никеопареградскій, какъ неизмѣнное правило Вѣры. Но какъ *единъ Господь Іисусъ Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8), такъ и *вѣра* Христова всегда *едина* (Евр. 4, 5). Церковь какъ научилась ей отъ своего Божественнаго Основателя и св. апостоловъ Его, такъ и должна содержать ее свято и неизмѣнно до кончины міра. Поэтому и никейскій символъ заключаетъ въ себѣ не новое какое нибудь ученіе, но то самое, которое церковь исповѣдывала отъ начала, ибо «одно это ученіе» говоритъ древній учитель церкви, «несомнѣнно истинно (1)». Но гдѣ естественнѣе можетъ обнаруживаться постоянное единство Вѣры, которую содержитъ православная Церковь, какъ не въ единствѣ ея исповѣданій? Потому, что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ истинности никеопареградскаго символа, какъ не существенное сходство его съ древними символами, бывшими въ Церкви прежде него? Въ нихъ мы можемъ видѣть свидѣтельства, что отцы никейскаго собора заповѣдали намъ не новую вѣру, какъ говорятъ враги

(1) Tertul. de praescr. haer.

Православія, но ту, которую сами получили отъ предковъ, которую исповѣдывали мученики и свидѣтельствовали исповѣдники. Но чтобы свидѣтельству древнихъ символовъ дать полную силу убѣжденія и доказательности, необходимо показать, что они подлинно передаютъ намъ голосъ Церкви апостольской, возвѣщаютъ ту Вѣру, которую открылъ Іисусъ Христосъ и проповѣдывали апостолы, и что дѣйствительно могутъ служить правиломъ Вѣры, по которому должно судить о православіи того или другаго ученія, правовѣрїи того или другаго лица. Посему мы покажемъ сначала происхожденіе символовъ и значеніе ихъ въ Церкви, а затѣмъ представимъ дошедшіе до насъ древніе символы и покажемъ согласіе ихъ съ никейскимъ.

«Символь вѣры есть въ краткихъ, но точныхъ словахъ изложеніе всего того, во что должны вѣровать христіане» ⁽¹⁾. Въ этомъ смыслѣ слово *символь* ми въ первый разъ встрѣчаемъ у св. Кипріана ⁽²⁾. Въ древности самымъ употребительнымъ названіемъ символа было: *проповѣдь апостольская, τὸ ἀποστολικὸν κήρυγμα*—преданіе апостольское, ἡ παράδοσις ἀποστολική ⁽³⁾. Оно встрѣ-

⁽¹⁾ Простр. Хр. Катихиз.

⁽²⁾ Epist. ad. Magnes.

⁽³⁾ Другія наименованія символа, встрѣчающіяся у церковныхъ писателей, слѣдующія: *правило*—*κανὼν*, *regula*, *formula*, или *правило вѣры*—*κανὼν τῆς πίστεως*—*regula, formula fidei* (Irin. de haer. lib. 1. c. 2. 19. Tertul. de praescr haer. c. XIII. de vel. virg. c. 1. contr. Prax. c. VIII. Novatian de S. Trin. c. 1. Hier. epist. l. IV. ad. Marcell. Patres, conc. Ant. 1. Kuseb. H. Eccl. lib. VII. c. 30). Вѣра церковная, преданіе вѣры (*traditio fidei*) Ruet. Hist. Conc. T. 1. p. 132). Св. ученіе, τὸ ἄγιον μυστήριον—св. Писаніе (*γραφή, ἡ ἀγια γραφή*) (Bing. Orig. Eccl. lib. 10. c. 3. § 4.

чается у самых древних учителей, какъ то: у св. Игнатія Богоносца, св. Ириней (¹), Тертуллиана (²), Оригена (³), Кирилла Александрійскаго (⁴). Наименованіе сіе даетъ поводъ думать, что символъ происхожденіемъ своимъ обязанъ самимъ апостоламъ. Это предположеніе подтверждается 1) обстоятельствами первобытной Церкви, 2) нѣкоторыми мѣстами Писанія и 3) наконецъ постояннымъ согласнымъ свидѣтельствомъ древнихъ церковныхъ писателей.

1. Разсматривая обстоятельства, въ какихъ была поставлена первобытная Церковь Христова, нельзя не замѣтить, что символъ, какъ краткое, но точное и ясное, выраженіе и опредѣленіе всей сущности Вѣры Христовой, былъ необходимъ въ высшей степени а) какъ для всей Церкви вообще, б) такъ въ особенности для ея пастырей.

а) Всякой, кто принималъ Вѣру Христову и дѣлался членомъ православной Церкви, необходимо долженъ былъ знать, въ чемъ состоитъ эта Вѣра; но какъ Церковь могла научить всѣхъ истинной Вѣрѣ? Сообщать всѣмъ и каждому точное и подробное раскрытіе всѣхъ своихъ догматовъ, при быстромъ распространеніи христіанства, очевидно не было возможности, тѣмъ болѣе, что изъ обращавшихся къ христіанству «не всѣ», какъ пишетъ Кириллъ Іерусалимскій, «были способны къ подробному изученію догматовъ Вѣры. — однихъ останавливало не-

р. 67). Св. Кириланъ называетъ символъ таинствомъ вѣры (Tert. ad Quirina. lib. III. c. 50); св. Иларій «голосомъ своей совѣсти» (lib. XII. de Trin).

(¹) Iren. adv. haer. lib. 1. c. 19. etc.

(²) De praescr. haer. c. 2.

(³) De princ. in probm.

(⁴) De rect. f. ad. Reg.

вѣжество, другимъ занятія и заботы препятствовали при-
обрѣтать познанія, необходимыя для этого» (1). Между
тѣмъ всё имѣли нужду въ краткомъ и точномъ изло-
женіи Вѣры, которое въ немногихъ словахъ предавало
бы всю сущность ея, и въ которомъ каждый здраво-
мыслящій могъ усвоить себѣ всю Вѣру и безъ много-
труднаго и разнообразнаго образованія. Церковь, за-
ботящаяся о всемі необходимомъ для своихъ сыновъ,
изъ опасенія, чтобы кто изъ нихъ, по незнанію Вѣры,
не погубилъ своей души, должна была всю сущность
Вѣры изобразить кратко и точно въ символѣ. Подобныя
опасенія были весьма естественны: въ то время съ од-
ной стороны мудрованія лжеименнаго разума, вознося-
щагося на разумъ Божій, *проповѣдывали ино Евангеліе*
(Гал. 1, 7. 8), извращая истинную Вѣру, съ дру-
гой было въ силѣ іудейство съ его *преданіями стар-*
цевъ, и язычество съ своимъ поэтическимъ многобожі-
емъ. Новыя понятія христіанства соприкасались съ об-
ветшалыми мнѣніями іудейства и язычества и утончен-
ными умствованіями философіи. Умы, еще не твердые
въ христіанствѣ, легко могли увлечься чуждыми пред-
ставленіями и подчинить христіанскія вѣрованія преда-
ніямъ раввиновъ и философіи; умы, зараженные іудей-
скимъ суевѣріемъ, или проникнутые понятіями совре-
менной философіи, и въ нѣдра откровенія могли прино-
сить свои заблужденія. Открыть былъ обширный входъ
заблужденіямъ, ересямъ и расколамъ; чтобы заградить
его, — нужно было начертать для вѣрующихъ точное и
неизмѣнное *правдо Вѣры* (*χρηστὴ πίστις*), которымъ они
могли бы повѣрять предлагаемыя имъ мнѣнія другихъ

(1) Огласит. поуч. 5-е.
Ч. I. Отд. II.

и начало тревожить умы благочестивыхъ; — на предстоятеля Церкви лежалъ священный долгъ наблюдать за чистотою Вѣры; они должны были повѣрять, православно ли вновь явившееся мнѣніе или нѣтъ? Но чѣмъ они могли опредѣлять истинность или ошибочность новаго ученія? На что они могли опираться при оцѣнкѣ его? Для нихъ опять необходимо было правило или символъ Вѣры, который служилъ бы пробнымъ камнемъ чистоты ученія, преподаваемаго въ Церкви. Эта необходимость явилась еще при апостолахъ: потому что еще при жизни ихъ появились ложные толки объ основныхъ истинахъ Вѣры. Посему-то всѣ изслѣдователи о символахъ, даже и тѣ, которые не допускаютъ происхожденія ихъ отъ апостоловъ, принимаютъ за несомнѣнное, что «основное ученіе проповѣди апостольской отъ начала заключено и точно выражено въ символѣ (1)».

2. Сами апостолы въ своихъ посланіяхъ оставили намъ слѣды, по которымъ можно заключать, что еще при жизни ихъ въ Церкви существовали уже извѣстнаго рода *исповѣданія Вѣры* или *символы*. Между множествомъ мѣстъ, въ которыхъ св. отцы и другіе толкователи св. Писанія находятъ указанія на символъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе четыре текста, въ которыхъ яснѣе прочихъ говорится объ этомъ:

а) Ап. Петръ въ 1-мъ своемъ посланіи пишетъ: *насъ спасаетъ крещеніе, не плотскія отложеніе скверны, но совѣсти благи вопрошеніе у Бога* (3, 21). Въ словахъ: *совѣсти благи вопрошеніе у Бога*, очевидно онъ говорить объ обѣтахъ крещенія (2), или о тѣхъ вопросахъ, кото-

(1) Guerike Allg. symb. T. 1. Absch. § 3. p. 15

(2) Хр. Чт. 1822. с. VI. стр. 177.

рые дѣлались приступающему къ этому таинству. Такъ понимаютъ это мѣсто св. Амвросій (1) и бл. Августинъ (2), иначе и нельзя понимать его (3). Если же Апостолъ говорить здѣсь о вопросахъ крещенія, то здѣсь нужно видѣть и указаніе на символъ Вѣры; потому что, по единоголасному свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей древности, крещаемые въ засвидѣтельствованіе чистоты своей вѣры обыкновенно читали символъ (4). Нельзя удивляться, что Апостолъ исповѣданіе Вѣры, которое не носило еще въ то время одного опредѣленнаго имени, называетъ «вопрошеніемъ совѣсти благи». Св. Иларій въ IV вѣкѣ, когда символъ имѣлъ уже опредѣленные имена, называетъ его: «голосомъ своей совѣсти» (5).

б) Другое указаніе на символъ можно находить въ посланіи къ римлянамъ, гдѣ св. Павелъ, разсуждая о дарѣ пророчества, заповѣдуетъ пользоваться имъ по мѣрѣ вѣры, — *κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως* (12, 6). Извѣстно, что въ св. Писаніи слово пророчество часто имѣетъ значеніе «изъясненія, толкованія, учительства», и даръ пророчества «даръ учительства, даръ изъясненія богооткровенныхъ истинъ». (6) Съ другой стороны слово

(1) Ambros. exp. simb. Curv. compl. Patrolog. T. XVII. p. 1155. 17.

(2) August. Tract. VIII. in. Ioan.

(3) Это мѣсто съ подлинника: *συνείδησις ἀγαθῆς ὑπερβύτια τίς Θεοῦ*, — въ русскомъ переводѣ новаго Завіта передается: «объщаніе Богу доброй совѣсти.» Но выраженіе — *τίς Θεοῦ* наставляетъ искать здѣсь другаго смысла, особенно когда извѣстно, что слово: *συνείδησις* значить «не совѣсть» только, но и *сознаніе, засвидѣтельствованіе* (Слов. Грек. Росс. Ивашк.) Принимая послѣднее значеніе, выраженіе: *вопрошеніе у Бога совѣсти благи*, можно передать такъ: «вопрошеніе добраго сознанія о Богѣ», или, что тоже, «вопрошеніе истинной вѣры въ Бога».

(4) Bing. orig. Eccl. lib. XI. et Neand. Allg. Geschicht. Chr. p. 827.

(5) de Trin. lib. XII.

(6) Быт. 20, 7. Исх. 7, 1. Зап. на кн. Быт. стр. 164.

«мѣра» (*ἀναλογία*), которое Гезихій почитаетъ подобозначущимъ слову: «*κανὼν*» употребляется въ смыслѣ опредѣленіе, постановленіе ⁽¹⁾, а потому выраженіе *ἀναλογία τῆς πίστεως*, *мѣра вѣры*, можно считать тождественнымъ съ выраженіемъ *κανὼν τῆς πίστεως*, подъ которымъ св. отцы разумѣютъ символъ ⁽²⁾. Посему должно принять, что Апостолъ, въ разсматриваемомъ мѣстѣ, дѣйствительно разсуждаетъ о дарѣ учительства, и подъ мѣрою Вѣры ⁽³⁾ разумѣетъ правило или опредѣленіе Вѣры ⁽⁴⁾. Если бы онъ говорилъ о дарѣ предсказывать будущее, то не опредѣлялъ бы его никакою мѣрою, такъ какъ здѣсь все зависитъ отъ воли Божіей, сообщающей человѣку даръ прозрѣнія и открывающей ему будущее. Но когда рѣчь идетъ о дарѣ учительства, весьма естественно, что Апостолъ повелѣваетъ пользоваться имъ *по мѣрѣ Вѣры* т. е. сообразно съ тѣмъ опредѣленіемъ Вѣры ⁽⁵⁾, какое соблюдается въ Церкви, или, какъ выражается одинъ изъ древнихъ писателей, при объясненіи этого мѣста, «не говорить ничего лишняго, чего нѣтъ въ символѣ» ⁽⁶⁾.

с) Многіе толковники находятъ указаніе на символъ

⁽¹⁾ Tholuk Auslegung. an. Rom. XII, 6. p. 483.

⁽²⁾ Iren. de haer. I. 7. c. 19. Tert. de praescr. haer. c. XIII. de virg. vel. c. 1. Evseb. H. Ecclia. I. VII. c. 30.

⁽³⁾ Нѣкоторые (Nimeier. diss. de simb. Apost. § 19) разумѣютъ здѣсь вѣру, какую имѣетъ то или другое лице, (вѣру субъективную), и говорятъ, что чѣмъ чище вѣра, тѣмъ православнѣе будетъ и ученіе, и чѣмъ у кого пламеннѣе вѣра, тѣмъ съ большею ревностію онъ будетъ преподавать. Но соразмѣрность учительства съ такою вѣрою такъ естественна, что и безъ особаго повелѣнія апостольскаго она существуетъ въ каждомъ лицѣ, даже существуетъ необходимо.

⁽⁴⁾ Corn. a Lapide comm. ad. h. l. p. 164.

⁽⁵⁾ Tholuk. Auslegung an Rom XII. 6 p. 483.

⁽⁶⁾ Ut nihil extra regulam fidei loquamur. Anselm.

въ словахъ того же апостола къ Тимофею: *исповѣдалъ доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтели*. Такъ св. Златоустъ прямо говоритъ ⁽¹⁾, что «Апостолъ напоминаетъ здѣсь Тимофею о томъ исповѣданіи, какое тотъ дѣлалъ при св. крещеніи, и словами: *емлися за вѣчную жизнь*, указываетъ на 12-й членъ символа вѣры». Св. Амвросій и бл. Теофилактъ раздѣляютъ мнѣніе Златоуста; другіе писатели ищутъ только иныхъ случаевъ, при которыхъ могло быть высказано это исповѣданіе ⁽²⁾, но всѣ единодушно согласны, что св. Апостолъ упоминаетъ здѣсь объ исповѣданіи Вѣры (символѣ), бывшемъ въ тогдашней Церкви.

d) Наконецъ самое ясное указаніе на символъ дѣлаетъ тотъ же учитель языковъ во второмъ посланіи своемъ къ Тимофею, убѣждая *образъ имѣть (ἰκοτόπισιν) здравыхъ словесъ, иже слышалъ отъ него въ старѣ и любви лже о Христѣ Исусѣ (1, 13)*. Здѣсь подъ образомъ здравыхъ словесъ нельзя разумѣть всего христіанскаго ученія, преподаваннаго Апостоломъ, или вообще Вѣры Христовой ⁽³⁾; но, съ большею справедливостію, должно думать ⁽⁴⁾, что св. Апостолъ этими словами указываетъ на нѣкоторый особый родъ изложенія Вѣры, правило вѣрованія — символъ ⁽⁵⁾. Если бы Апостолъ разумѣлъ здѣсь вообще Вѣру, то что побудило бы его сказать: *образъ имѣй здравыхъ словесъ*; онъ естественнѣе написалъ

⁽¹⁾ Hom. VII. in epist. ad Tim. p. 650. c. edit. Montfauc.

⁽²⁾ Corn. a Lapide com. in. h. l. p. 762.º

⁽³⁾ Corn. a Lapide ad h. l. p. 776.

⁽⁴⁾ Nimeler. diss. de simb. Apost. § XIX.

⁽⁵⁾ Нимейеръ въ разсужденіи своемъ о символѣ апостольскомъ (§ 19) прямо говоритъ: «здѣсь нужно разумѣть символъ или изложеніе главныхъ членовъ христіанской вѣры, съ которыми, какъ неизмѣняемымъ правиломъ, всегда должно сообразоваться въ ученіи».

бы: сохрани здравыя словеса, или, какъ выражается въ слѣдующемъ за тѣмъ стихъ: доброе завѣщаніе соблюди. Но учитель языковъ повелѣваетъ имѣть образъ здравыхъ словесъ, и тѣмъ явно отличаетъ этотъ образъ отъ самыхъ словесъ и заставляетъ предполагать въ немъ точное и ясное изображеніе ⁽¹⁾ всего христіанскаго ученія, какое представляетъ символъ. Василій великій называетъ символъ Григорія Чудотворца *ὑποτύπωσις τῆς πίστεως*; ⁽²⁾, а потому и у св. Апостола подъ выраженіемъ: *ὑποτύπωσις ὑμῶν τῶν λόγων* можно разумѣть символъ Вѣры. Св. Златоустъ въ бесѣдѣ на это мѣсто спрашиваетъ у самаго Апостола: «что онъ желаетъ выразить этими словами»? и отъ лица его отвѣчаетъ: «здѣсь св. Апостолъ какъ бы такъ говорилъ Тимоею: я даю тебѣ нѣкоторое правило (*κανόνα*), первообразъ (*ἀρχέτυπον*) и опредѣленіе (*ἄρος*) Вѣры; держись его, и если возникнутъ недоразумѣнія о Вѣрѣ, сообразуйся съ нимъ и принимай его за образецъ.» ⁽³⁾. Всѣ имена, какія Златоустъ влагааетъ въ уста св. Апостола, учителями Церкви даются символу; ему же приписывается и то значеніе, которое по словамъ сладкоглаголиваго учителя долженъ имѣть образъ здравыхъ словесъ. Явный знакъ, что св. Златоустъ разсматриваемыя нами слова Апостола относились къ символу. Весьма вѣроятно даже, что самое обыкновенное названіе символа:

⁽¹⁾ Слово *ὑποτύπωσις* — образъ, которое стоитъ въ подлинникѣ, значить живое представленіе въ образѣ, образецъ, начертаніе (Согн. а. Lar. сомм. ad h. l. p. 778). Квинтилианъ этимъ словомъ называетъ риторическую фигуру, которая въ краткихъ словахъ изображаетъ предметъ такъ живо, что какъ бы поставяетъ его предъ глазами. Instit. lib. IX.

⁽²⁾ Epist. ad Neoces. op. T. 3. p. 131. ed. Par. 1638.

⁽³⁾ In 2 ep. ad Timoth. l. 13. Hom. III. p. 672.

образецъ Вѣры (*formula fidei*) заимствовано изъ этикъ словъ Апостола, и тѣмъ болѣе, что оно особенно употребительно у латинскихъ писателей, которые читали въ своей библіи: *format habe sanorum verborum*. Такимъ образомъ указанія, находимыя на символъ въ самыхъ писаніяхъ св. апостоловъ, увѣряютъ насъ, что онъ при нихъ еще явился въ Церкви. Но если онъ былъ во время апостоловъ, то отъ кого могъ произойти, какъ не отъ нихъ самихъ? Кто лучше ихъ могъ опредѣлить сущность проповѣдуемой ими Вѣры, исчислить основныя ея истины? Должно съ полною достовѣрностію заключить, что они сами были творцами символа, и что отъ нихъ св. Церковь получила это правило своей Вѣры (1).

(1) Отвергающіе апостольское происхожденіе символа говорятъ: «символъ составленъ отцами изъ нѣсколькихъ св. Писаній для отличенія и посправленія заблужденій гностиковъ, симонитовъ, енозеевъ и другихъ» (*Vasquez. Exerc. historico-crit. ad annales Baron. ad. an. 44. p. 17. p. 476*); въ немъ искуснѣйшіе богословы (т. е. св. отцы) съ самаго начала заключали сущность апостольскаго ученія. (*Gueric. allg. symbol. Th. 11. Abschn. 1 §. 12 p. 85*). Но что явилось прежде, — символъ или св. Писаніе? Св. Златоустъ (*Вестн. 1 на 1-е посл. къ Тимѣ. и 40-я на 1-е посл. къ Кор.*) пишетъ, что св. ап. Павелъ въ 1-мъ посланіи къ Коринтянамъ и 1-мъ и 2-мъ къ Тимоюею упоминаетъ уже о символѣ; значитъ, церковь коринтская и ефесская, прежде посланій Апостола, имѣли уже исповѣданіе Вѣры. Св. Игнатій Богоносецъ и св. Иринеи ясно уже указываютъ на исповѣданіе Вѣры; но въ это время не былъ еще опредѣленъ весь составъ св. кодекса, и всѣ книги еще не получили общезнаменности. Какъ же св. отцы могли выбрать символъ изъ нѣсколькихъ св. Писаній? «Символъ составленъ для отличенія и посправленія еретическихъ заблужденій?» Но развѣ не во времена самихъ апостоловъ появились уже первые плевеи ложнаго ученія? Развѣ не предъ глазами первыхъ служителей Слова Божія Симонъ волхвъ и Керинееъ распространяли свои ереси? Апостолы предохраняютъ уже вѣрующіихъ отъ прельщеній философіи (гностиковъ), указываютъ на ученіе *никлаитско*. Получая божественныя откровенія, будучи исполнены Святаго Духа, могли ли они предоставить другимъ лицамъ, чуждымъ виднымъ благодатнымъ даровъ, составленіе такого правила Вѣры? Но

Подтвержденіе на это можно находить у непосредственныхъ учениковъ св. благовѣстниковъ, мужей апостольскихъ, которые говорятъ уже весьма ясно и опредѣленно объ исповѣданіяхъ Вѣры. Діонисій Ареопагитъ пишетъ (1), что «оглашенный дѣлаетъ троекратное исповѣданіе Вѣры,» подь которымъ, по увѣренію св. Григорія Двоеслова, «нужно разумѣть троекратное чтеніе символа, составленнаго апостолами» (2). Іоаннъ Богословъ, послѣдній изъ апостоловъ, переселился въ горнія обители ок. 105, а у св. Игнатія Богоносца, ученика его, встрѣчается уже свидѣтельство (ок. 107 г.) объ апостольскомъ происхожденіи символа Вѣры. Онъ, какъ повѣствуетъ Евсевій, идя на смерть въ Римъ, въ азійскихъ церквахъ «убѣждалъ твердо держать апостольское преданіе и счесть за необходимое утвердить его письмен-

допустимъ на время, что «символъ составленъ не апостолами, а искуснѣйшими богословами (подь которыми нужно разумѣть св. отцевъ) съ самаго начала». Кто же были сіи отцы? Отцы ли современные апостоламъ и жившіе съ ними, или преемники апостоловъ и мужей апостольскихъ? Первые не могли быть составителями символа, потому что при жизни апостоловъ, они сами, своею властію опредѣляли въ Церкви все нужное, сами рѣшали всякое недоумѣніе, возникавшее среди вѣрующихъ, и указывали истинный образъ дѣйствования, не только касательно Вѣры, но даже и внѣшняго богослуженія (Дѣян. 15, 2 и сл.); тѣмъ болѣе правдо Вѣры, выраженіе сущности всей проповѣди апостольской не могло образоваться безъ участія самихъ апостоловъ. Преемники апостоловъ и мужей апостольскихъ не могли быть составителями символа, потому что не только писатели современные имъ, или очень близкіе къ нимъ временамъ ясно и опредѣленно говорятъ уже, что символъ произошелъ отъ апостоловъ, но это же «свидѣтельству ютъ какъ бы едиными устами и прочіе отцы и учителя Церкви» (Nieseier. *ibid.* § 187). Рядъ этихъ свидѣтельствъ, начинаясь со времени апостоловъ, доходитъ до самаго позднѣйшаго времени.

(1) Hier. Eccl. c. 2.

(2) Not. in Lib. sacrament. S. Greg. Papae. Hug. Menard, T. III. par. 1. p. 384.

нымъ свидѣтельствомъ» (1). Здѣсь «подъ апостольскимъ преданіемъ» нельзя разумѣть всего вообще преданнаго апостолами, но можно видѣть указаніе на символъ: потому что преданія апостольскія никогда не были собраны въ одинъ составъ, и значить св. Игнатій не могъ утвердить ихъ письменнымъ свидѣтельствомъ; между тѣмъ извѣстно, что въ первые вѣка «преданіемъ апостольскимъ» называли символъ Вѣры (2), который былъ въ каждой церкви, слѣдовательно легко могъ быть изложенъ на бумагѣ и утвержденъ подписью св. Игнатія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что св. мужъ приписываетъ символу великую важность, называя его, «полнымъ познаніемъ о Христѣ» и говоря, что «кто знаетъ символъ, и вѣруетъ свято всему, что содержитсяъ въ немъ, тотъ можетъ питать несомнѣнную и безошибочную надежду получить блаженство» (3). Естественно, что при такомъ высокомъ взглядѣ на значеніе символа, св. Игнатій долженъ былъ позаботиться о неповрежденности его, и съ этою цѣлію могъ утвердить истинный символъ собственноручнымъ подписомъ. Самый близкій преемникъ мужей (4) апостольскихъ св. Ириней, ученикъ св. Поликарпа (ум. 147), ясно выражается, что «Церковь, разсыпанная по всей земли, получила отъ апостоловъ Вѣру, которая исповѣдуется въ символѣ» (5), и приводя самый символъ, прямо называетъ его «древнимъ преданіемъ Апостоловъ» (6). Вслѣдъ за нимъ Тертуліанъ, древнѣй-

(1) Euseb. Hist. Eccl. Lib. III. c. XXXI. p. 114. edit. Aug. Taur. 1746.

(2) Jren. Contr. haer. Lib. 1. c. 11. Tert. de vel. virg. de praeser. haer. Bur. Alex. 1. Lib. de recta fide ad Reginas.

(3) Nimeier. diss. de simb. Ap. § 157.

(4) Usser. diss. 11. c. 14—20.

(5) Jren. contr. haer. Lib. 1. c. 10.

(6) Ibid. L. III. c. IV.

пій изъ латинскихъ писателей, признаеть символь «правиломъ Вѣры, установленнымъ отъ Исуса Христа, которое Церковь получила отъ апостоловъ» ⁽¹⁾, «отъ начала Евангелія прежде даже самыхъ первыхъ еретиковъ» ⁽²⁾. Это доказательство апостольскаго происхожденія символа, которое представляютъ намъ свидѣтельства писателей первыхъ двухъ вѣковъ, должно стоять выше всякаго сомнѣнія, какъ потому, что лица, которые высказали его, близки ко временамъ апостольскимъ, такъ и потому, что они жили въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ. Одинъ въ Аѳинахъ ⁽³⁾, другой былъ пастыремъ церкви въ Антиохіи ⁽⁴⁾, въ Сиріи ⁽⁵⁾, третій былъ представителемъ церкви въ Галліи, въ Лионѣ ⁽⁶⁾, четвертый писалъ въ Африкѣ, въ Карфагенѣ ⁽⁷⁾. Въ третьемъ вѣкѣ апостольское происхожденіе символа засвидѣтельствовано соборомъ антиохійскимъ, на которомъ осужденъ Павелъ Самосатскій и отлученъ отъ церкви именно за отступленіе «отъ правила Вѣры (символа), полученнаго Церковію отъ апостоловъ, и хранившагося въ постоянномъ ея преданіи» ⁽⁸⁾. Вскорѣ послѣ этого собора и не задолго до никейскаго, св. Луціанъ называетъ символъ «апостольскимъ и евангельскимъ преданіемъ» ⁽⁹⁾. Въ четвертомъ вѣкѣ св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ, что символъ— «вѣра святая, апостоль-

(1) De praescr. haer. c. XIII.

(2) Tertul. adv. Prax. c. 11.

(3) Du Pin Bibl. novo. T. I. p. 34. Euseb. H. Eccl. Lib. III. c. 4.

(4) Euseb. Hist. Eccl. L. III. c. 36.

(5) In not. ad. Cass. de incarn. Domini. Lib. IV. c. III. p. 744.

(6) Cave sub nom. Irenei.

(7) Idem sub nom. Tertull.

(8) Ruet. conc. illustr. T. I. p. 899.

(9) Hilar. de sinod. p. 107.

ская, преданная намъ для исповѣданія» (1), а славный защитникъ никейскаго символа, св. Афанасій пишетъ, что въ немъ заключена та самая Вѣра, которую отъ начала сами апостолы предали Церкви для исповѣданія (2). Іоаннъ Златоустъ то влагаеть исповѣданіе Вѣры въ уста Тимоеею (3), то въ различныхъ мѣстахъ посланій апостола Павла видитъ указанія на символъ (4). Амвросій Медиоланскій символъ называетъ «ключемъ, которымъ запирается дьявольская тьма, приходитъ свѣтъ Христовъ, и отверзаются сокрытые грѣхи совѣсти, чтобы просіяли дѣла правды.» Этотъ ключъ, пишетъ онъ, «твердъ и многоцѣненъ и составленъ общимъ стараніемъ 12 апостоловъ, которые, какъ искусные художники, сдѣлали его, чтобы вѣрные могли имъ заградить для себя входъ въ адъ и отверзать небо» (5). Эту же самую мысль блаженный Іеронимъ выражаетъ ясно и положительно, говоря, что «символъ вѣры и надежды нашей предалъ намъ отъ апостоловъ» (6); св. Кассіанъ замѣчаетъ, что «самъ Богъ учредилъ символъ чрезъ нихъ, какъ чрезъ своихъ священниковъ и служителей» (7). Такъ идетъ непрерывный рядъ свидѣтельствъ объ апостольскомъ происхожденіи символа отъ Игнатія и Діонисія, мужей апостольскихъ, до Кассіана, жившаго во времена ефесскаго собора (ум. ок. 430 г.) (8), на которомъ окончательно утверждена неизмѣняемость ни-

(1) Catech. XIX.

(2) Epist ad Iov.

(3) Ad 1 Tim. Hom. III. p. 612.

(4) Ad 1 Corinth. Hom. XL. c. XV. v. 29.

(5) Hom. de jejun. Heliae serm. XXXIX.

(6) Epist. ad Pammach.

(7) De Incarn. Domini contr. Nest. Lib VI. c. 6.

(8) Genn. de vir. illustr. c. 59.

геоцареградскаго символа. Церковь, въ лицѣ своихъ учителей, проповѣдывала эту истину при началѣ своего образованія, хранила ее и тогда, когда явилась въ полномъ составѣ своей церковности. Ибо какъ тѣ, которые жили непосредственно послѣ апостоловъ, признавали, что символъ имѣеть апостольское происхождение, такъ то же утверждали и тѣ, при которыхъ совершилось окончательное утверженіе его.

Но, доказывая несомнѣнность происхожденія символа отъ апостоловъ, мы не утверждаемъ, что они дали для всей Церкви одинъ опредѣленный символъ; напротивъ, вѣроятнѣе думать, что каждый изъ нихъ въ основанной имъ церкви оставлялъ свой символъ.

1. Апостолы могли дать всей Церкви одинъ общій символъ, только составивши его вмѣстѣ на общемъ соборѣ. Слѣдя за апостольскою исторіею, можно замѣтить два обстоятельства, благоприятствующія этому. Они могли составить символъ на соборѣ или вдругъ по сошествіи Святаго Духа, или по смерти Іакова Заведеева предъ окончательнымъ своимъ разсѣяніемъ на всемірную проповѣдь. Но если апостолы въ то же самое время, какъ только получили даръ Святаго Духа, сложили символъ Вѣры, какъ образецъ и неизмѣнное правило будущей своей проповѣди; то какъ объяснить молчаніе объ этомъ событіи св. Луки, который съ подробностію описываетъ все предшествовавшее и послѣдующее сошествію Святаго Духа, говоритъ о совѣтѣ апостоловъ касательно избранія Матеія (Дѣян. 1, 21—26), повѣствуетъ о назначеніи діаконовъ (6, 1—6), объ общеніи имѣній между вѣрными (2, 44), и ни слова не пишетъ о такомъ важномъ предметѣ, какъ составленіе символа Вѣры, которымъ опредѣляется сущность хри-

стіанства? Не слѣдуетъ ли изъ этого молчанія св. Евангелиста съ бѣльшею вѣроятностію заключать, что не было и самаго событія? Съ другой стороны, если апостолы при самомъ началѣ своей проповѣди составили символъ на соборѣ, то откуда явилось нѣкоторое различіе, по внѣшнему виду, между символами, бывшими въ той или другой церкви? Извѣстно, съ какимъ стараніемъ вѣрующіе хранили боговдохновенныя писанія апостоловъ: никто, кромѣ еретиковъ, не осмѣливался измѣнять въ нихъ что нибудь: отчего же одинъ символъ подвергся измѣненіямъ? Церковь свято блюла писанія каждаго изъ апостоловъ; не естественно предполагать, чтобы она рѣшилась дѣлать распространенія и поясненія въ символъ, составленномъ на апостольскомъ соборѣ. «Напротивъ, если видна такая разность въ многихъ словахъ символа, кратко содержимаго въ той или другой церкви, то никакъ нельзя утверждать, что символъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ въ наше время (въ римской церкви), составленъ по общему согласію апостоловъ» (1), вдругъ ли по сошествіи на нихъ Святаго Духа, или предъ окончательнымъ разсѣяніемъ ихъ на всемірную проповѣдь. Самое древнее свидѣтельство о происхожденіи такъ называемаго апостольскаго символа встрѣчается у Руфина, который пишетъ, что «апостолы, по смерти Іакова намѣреваясь итти, по заповѣди Господа, на проповѣдь Евангелія, каждый къ особому народу, прежде разлуки между собою, вмѣстѣ составили символъ, какъ образецъ (погмац) своей будущей проповѣди, чтобы вдаль другъ отъ друга случайно не предложить будущимъ вѣрующимъ

(1) Euseb. Expl. simb. op. T. IX. p. 780.

различнаго ученія» (1). Но Руфинъ, передавая сіе сказаніе, самъ же сознается, что заимствовалъ это не изъ очень достовѣрнаго источника, — по сказанію (tradunt majores). Въ послѣдствіи времени къ этому общему преданію прибавлены были еще нѣкоторыя подробности, именно, будто символъ потому и называется симъ именемъ, потому и состоитъ изъ 12 членовъ, что не только составленъ апостолами, но будто даже каждый изъ членовъ его принадлежитъ особому апостолу (2). Мнѣніе

(1) Eupros. symb. p. 17. ad Calc. Cyprian. ed. Oxen. 1682.

(2) Эта мысль въ первый разъ встрѣчается въ рѣчи, (de Temp. et symb. ad Catech. germ. CXV) ложно приписываемой Августину. Въ ней говорится, что «Петръ саввалъ: вѣрую въ Бога Отца Вседержителя; *Иоаннъ*: Творца неба и земли; *Иаковъ*: вѣрую и въ Господа Иисуса Христа, Сына Его Единороднаго, Господа нашего; *Андрей*: зачатого отъ Духа Святаго и рожденнаго отъ Маріи Дѣвы; *Филиппъ*: страдавшаго при Понтійскомъ Пилатѣ, распятаго, умершаго и погребеннаго; *Теома*: сошедшаго во адъ и воскресшаго въ третій день изъ мертвыхъ; *Варволомей*: восшедшаго на небеса, и сѣдшаго одесную Отца Всемогущаго; *Матвей*: грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ; *Иаковъ Алфеевъ*: вѣрую въ Духа Святаго и св. Церковь Каеолическую; *Симонъ Зилотъ*: общеніе святыхъ и оставленіе грѣховъ; *Иуда Иаковлевъ*: воскресеніе плоти; *Матей* заключилъ: жизнь вѣчную, аминь.» Впрочемъ не всегда приписывали каждый членъ одному и тому же Апостолу (Duguid. ration. div. offic. sat. 4. c. 50). Не смотря на неосновательность этого мнѣнія, его держались крѣпко въ эпоху упадка науки, и нѣкоторые ученые за противорѣчіе ему предъ икквизиціею едва не заплатили жизнью. Такъ напр. Лаврентій Ватта (Watch. de Hbr. symb. lib. 1. c. 11. p. 92) за одно сомнѣніе въ томъ, что каждый членъ символа составленъ особымъ апостоломъ, осужденъ былъ на сожженіе, и одно только бѣгство спасло несчастнаго отъ смерти. Вразѣ Роттердамскій долженъ былъ оправдываться предъ богословскимъ факультетомъ парижскаго университета (ibid. p. 93) въ томъ, что осмѣлился сказать, «будто мысль о происхожденіи каждаго члена символа отъ особаго апостола изобрѣтена живописцами или другимъ кѣмъ, съ намѣреніемъ облегчить чрезъ это память оглашенныхъ при заучиваніи символа и сдѣлать болѣе извѣстными имена апостоловъ. (Eupros. symb. op. T. IX. p. 712).

сіе основывается главнымъ образомъ на невѣрномъ производствѣ слова символъ (1).

2. Но хотя св. апостолы не передали Церкви одного опредѣленнаго символа Вѣры, тѣмъ не менѣе символъ имѣеть отъ нихъ свое происхожденіе. Каждый изъ нихъ, полагая основаніе Христовой Церкви въ извѣстномъ мѣстѣ, при своемъ удаленіи отъ нея, завѣщавалъ ей краткое изображеніе всей сущности преподаваннаго имъ ученія, неизмѣнное правило Вѣры, руководство для послѣдующихъ поколѣній. Церкви хранили «этотъ драгоценный залогъ своей вѣры и надежды (2)», ограждались имъ отъ еретиковъ, держались его въ преподаваніи истиннаго ученія. Въ самыхъ же символахъ, дошедшихъ до насъ отъ древности, можно найти доказательство и подтвержденіе такому положенію. Нельзя не замѣтить между ними удивительнаго согласія не

(1) Тѣ, которые держатся этого мнѣнія, утверждаютъ: апостолы потому назвали составленное ими исповѣданіе символомъ, что каждый изъ нихъ принесъ въ него отъ себя особую часть, какъ бы на духовное пиршество, которое устроили общими силами; но извѣстно, что эта часть, которую приносилъ каждый изъ вкладчиковъ, по гречески называлась *βῆλος*, а самое пиршество *σύμβολον* (Ippoc. de sumpt. Trinit. Greg. Magn. lib. sacr). Такое производство слова символъ не вѣрно, потому что слово *σύμβολον* значитъ не «складчина, снесеніе,» но собственно «знакъ, признакъ,» иногда «законъ, постановленіе, присяга, взаимный договоръ.» Греческое же слово, соответствующее латинскому *collatio*, а русскому *складчина*, есть не *σύμβολον*, но *συμβολή*, и употребляется въ этомъ значеніи какъ въ церковномъ языкѣ, такъ и у писателей свѣтскихъ. Въ правилѣ 55 Лаодикійскаго Собора пишется: «не подобаетъ освященнымъ намъ причетникамъ, слагаяся (т.е. *συμβολή*), дѣлать пиршества, ниже ѣрїанамъ.» (Русск. корич. стр. 377). Поэтому имя символа, производимое отъ *συμβολή*, будетъ болѣе приличествовать, по своему составу, древнимъ вечерамъ любви, нежели исповѣданію Вѣры.

(2) Hieron. ad. Pammach. epist.

только по содержанию, порядку членовъ, но даже и въ самыхъ выраженіяхъ, которыми очень часто тождественны; но вмѣстѣ нельзя не видѣть и некотораго различія въ изложеніи того или другаго члена. Ихъ согласіе указываетъ на единство ихъ первоначальнаго источника. Ибо какъ иначе объяснить себѣ, что «церкви въ Германіи, Иберіи, у Кельтовъ, на востоцѣ въ Ливіи и по всей вселенной⁽¹⁾», передавали въ символахъ свою Вѣру почти одинаковымъ образомъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что онѣ не получили одного опредѣленнаго символа, — если, согласно съ свидѣтельствомъ Тертуліана⁽²⁾, не допустить, что «апостолами въ насажденныхъ имъ церквахъ поставлены пресвитеровъ и епископовъ; которыхъ не только научали Вѣрѣ, но давали имъ краткое изложеніе всей сущности преподаваемаго ученія, оставили нравно Вѣру», которое предавали имъ для поповѣданія и для наученія другихъ? Различіе же, каковое встрѣчается въ древнихъ символахъ разныхъ церквей, доказываетъ, что апостолы не вездѣ оставляли одинъ и тотъ же символъ, но что всякій изъ нихъ основанной имъ церкви давалъ, какъ священное наслѣдіе послѣ себя, свое особое повѣданіе Вѣры. Инаяго слово истины въ той или другой церкви, каждый выражалъ его по своему, у каждаго одно и тоже ученіе получало нѣсколько особый видъ; но они не могли далеко разойтись въ этомъ другъ съ другомъ, потому что все они проповѣдывали *одну веру, одно крещеніе* (Еф. 4, 5), все повиновались водительство одного и того же Духа, и все они учили только тому, что сами слышали отъ

(1) Jren. adv. haer. lib. 1. c. 10.

(2) Tertul. de praescr. adv. haer. c. III.

своего Божественнаго Наставника. «Они хотя и были творцами символа Вѣры (*antores regulae fidei*), говорить Тертуллианъ, но дѣйствовали не самопроизвольно, а только то, что сами получили отъ Христа, точно и вѣрно определеннымъ для народовъ⁽¹⁾, такъ что первый краевой угольный камень символа Вѣры положилъ самъ Иисусъ Христосъ, и *каждое можетъ положить основанія ваче лежащая*. Онъ, посылая своихъ учениковъ на всемирную проповѣдь, говорилъ имъ: *идите научите все языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. Въ этихъ словахъ Спасителя изображена вся сущность нашей Вѣры, исповѣданіе Святой Троицы; въ нихъ можно видѣть и самый первый и самый простой видъ символа. Апостолы, вѣрные своему небесному Наставнику, во всѣхъ символахъ, какіе давали церквамъ, развивали и уясняли одно это первообразное, простое исповѣданіе нашей Вѣры. При такомъ ходѣ обстоятельствъ не удивительно, что во всѣхъ церквахъ символы являются одинаковыми по содержанию, и очень сходными по формѣ; не удивительно, что Петръ въ Римѣ оставилъ образецъ Вѣры согласный съ тѣмъ, который Іоаннъ предалъ церквамъ малоазійскимъ.

Противъ такого производства символовъ могутъ сказать: «очень близкое сходство ихъ и различіе доказываетъ, что первоначально былъ данъ одинъ символъ, который церкви заимствовали одна отъ другой, и въ послѣдствіи по случаю явившихся ересей дѣлали къ нему тѣ или другія прибавленія». Но исторія не представляетъ свидѣтельствъ, чтобы церкви, основанныя апостолами, заимствовали символъ одна отъ другой:

(1) Tert. *ibid.* c. IV.

а) многія церкви, удаленныя другъ отъ друга великимъ пространствомъ, основаны апостолами вѣдугъ въ одно и тоже время. Когда св. Павелъ проповѣдывалъ Евангеліе на островахъ Архипелага, тогда св. Андрей насадилъ св. Вѣру у Синовъ, а св. Вареоломей въ Индіи. Вновь устроенныя церкви не могли быть безъ символа и получали его отъ своихъ основателей прежде, нежели имѣли какое нибудь сношеніе съ другими церквами. б) Св. отцы указываютъ на символы разныхъ церквей, какъ на происшедшіе непосредственно отъ апостоловъ; такъ Кириллъ Іерусалимскій называетъ свой символъ апостольскимъ, преданнымъ для исповѣданія (1), св. Амвросій Медиоланскій говоритъ тоже самое о римскомъ (2), а св. Кассіанъ пишетъ о символѣ церкви антиохійской (3). в) Наконецъ, символъ одной церкви не всегда былъ извѣстенъ членамъ другой, какъ можно заключать изъ того, что когда Евсевій на нинейскомъ соборѣ, въ защиту своего православія, привелъ символъ своей несарійской церкви, прочіе отцы собора находятъ нужнымъ еще рассмотреть его; но если бы этотъ символъ былъ извѣстенъ отцамъ, предстоятелямъ другихъ церквей, ни Евсевию не было бы нужно привести его, ни имъ — рассматривать, одному довольно было бы указать, и другіе тотчасъ бы узнали, что и онъ исповѣдуетъ одну съ ними Вѣру. Эта неизвѣстность символа одной церкви для другой, это указаніе на различныя символы, какъ на подлинно апостольскіе, это, наконецъ, одновременное явленіе ихъ въ различныхъ странахъ вселенной ясно показываютъ, что церкви не заимство-

(1) Отглас. 5.

(2) Epist. LXXXI. ad Siric.

(3) De Incarn. Domini lib. VI. c. 6.

вали символы другъ отъ друга, но получали ихъ отъ своихъ основателей. Въ опровержаніе той мысли, что предостоятелі церкви по случаю появившихся ересей сами дѣлали тѣ или другія прибавленія къ символу, довольно припомнить слова св. Афанасія великаго, который пишетъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ предостоятелі церкви «обращались къ преданію апостольскому, кранившемуся въ церкви, и въ этомъ обильномъ источникѣ истины почерпали живую воду истиннаго ученія, которою погашали споры, зажигаемые еретиками» (1). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «св. апостолы, предавая церкви краткое изложеніе сущности проповѣдуемой ими вѣры въ символѣ, налагали истинный смыслъ символа и заповѣдывали церкви свято и некачѣнно хранить его» (2). Это апостольское объясненіе хранилось въ церковномъ преданіи, въ которомъ отцы и находили указаніе, какъ нужно понимать то или другое выраженіе символа: слѣдуя этому указанію, они дѣлали поясненія, но весьма рѣдко вносили ихъ въ символы, и гдѣ дѣлали это, всегда дѣлали такъ, что всякое прибавленіе легко могло быть отдѣлено отъ первоначальнаго вида символа. Съ другой стороны эти пояснительныя выраженія заимствовались отъ апостольскаго преданія, и слѣдовательно не могутъ служить возраженіемъ противъ апостольскаго происхожденія символовъ даже и въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ. Одни и тѣ же Христовы благовѣстники, преданіе Церкви символъ отъ начала, являлись и въ послѣдствіи его истолкователями; отъ нихъ онъ произошелъ первоначально,

(1) Epist. ad Jov. de Fide. Theod. H. eccl. 1. IV. c. 3.

(2) Nimeier. diss. de symb. Apost. § 42.

отъ нихъ же получаль и прибавленія. Но если символъ отъ апостоловъ получить свое начало, то можно ли сомнѣваться въ истинности ученія, которое въ немъ излагается?

Отсюда отыскивается высокое значеніе символа въ Церкви: выражая истинное Христово ученіе, онъ долженъ быть признанъ правиломъ Вѣры, по которому нужно судить о православіи; такое значеніе онъ всегда и имѣлъ въ Церкви, какъ показываютъ сіе 1) многообразныя свидѣтельства древнихъ св. отцовъ и учителей, и 2) древняя практика самой Церкви.

1. Св. отцы Церкви показали а) словомъ и б) дѣломъ, какую важность имѣлъ символъ Вѣры въ ихъ время. а) Они учили, что въ символѣ, въ немногихъ словахъ (1) представляется вся сущность христіанства, заключено таинство (*summa totius misterii*) обоихъ завѣтовъ, вѣчнаго и новаго, и сила всего закона (2); они видѣли въ немъ «полное и краткое изображеніе всего, что съ большою подробностію раскрывается во всѣхъ книгахъ св. Писанія. «Что тамъ», пишетъ препод. Кассіанъ, «Богъ чрезъ своихъ служителей, пророковъ, евангелистовъ и апостоловъ отырылъ съ великою подробностію и въ обильномъ разнообразіи, то же самое и въ символѣ заключилъ съ величайшею краткостію, также чрезъ своихъ служителей, — св. апостоловъ» (3). Признавая, что въ символѣ есть все, что только необходимо знать человѣку о Богѣ и людяхъ, Тертуліанъ поставилъ его крайнимъ предѣломъ человѣческаго вѣ-

(1) Кирил. Іерус. оглас. 5.

(2) Orig. *lib. VI. in epist. ad Rom.* IX, 28.

(3) Cass. *de incar. Dom.* *lib. VI, c. 4. p. 747.*

денія, имъ опредѣляетъ полноту христіанскихъ познаній, такъ что, говоритъ онъ: «ничего не знать, промѣ его (понимая это въ обширномъ смыслѣ), значить все знать», — nihil ultra scire, omnia scire est ⁽¹⁾. Это сознаніе важности символа весьма часто выражалось въ самыхъ названіяхъ, которыя давали ему св. отцы и учителя Церкви. Они называли его *правиломъ веры*, *κανὼν πίστεως* — *regula fidei* ⁽²⁾, опредѣленіемъ вѣры, *ἄρτος πίστεως* — *portus fidei* ⁽³⁾, а не рѣдко прилагали къ нему даже имя самой Вѣры (*πίστις*) ⁽⁴⁾. Названіе символа *канономъ Вѣры* прямо поставляло его наравнѣ съ св. Писаніемъ, книги котораго извѣстны подъ именемъ каноническихъ: оттого-то позже имя самаго св. Писанія (*γραφή* или *ἡ βύβλος γραφῆ*) употреблялось для означенія символа ⁽⁵⁾; а наименованіе — *опредѣленіемъ Вѣры* (*ἄρτος*) указываетъ, что символъ имѣлъ такое же значеніе въ Церкви, какое она усвоила опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, которыя

(1) Въ словахъ Тертуліана выражается высшій степень важности символа; само собою разумѣется, что икъ нельзя понимать въ тѣсномъ смыслѣ: здѣсь разумѣется подробное и отчетливое познаніе всего содержанія символа. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать икъ истиннаго, а убѣжденіе его — общинъ убѣжденіемъ всѣхъ христіанъ; икъ можно заключать икъ слѣдующаго обстоятельства: Юліанъ, запрещаая христіанамъ науки, съ насмѣшкою говорилъ: науки имъ не нужны, потому что они въ одномъ символѣ (*πίστις*) заключаютъ всю мудрость и полноту своего ученія (Socr. lib. III. c. 1). Хитрый гонитель христіанъ, очевидно, злобно превращаетъ истинный смыслъ христіанскаго убѣжденія, подобно тому, какъ извращалъ ученіе христіанъ о евангельской нищетѣ, смиреніи и пр., но икъ здѣсь въ основаніи лежала истина, которую искажалъ богоотступникъ, такъ и тамъ нужно допустить то же.

(2) Iren adv. haer. lib. 1. cap. 19. Tertul. de praescr. haer. CXIII. contr. Prax. c. 1. de vel. virg. c. 1. Hier. epist. ad Pammach.

(3) Socr. lib. II. c. 39. p. 147.

(4) Iir. Hier. Coch. V. Iren. adv. haer. Lib. 1. c. X. Bost. II, Соб. пр. 1.

(5) Bing. orig. Eccl. lib. X. c. III. § 4. p. 64.

называла также *этимъ именемъ* (¹). Такимъ образомъ самыя названія, которыя давались символамъ (²), показываютъ, что Церковь считала его неизмѣннымъ правиломъ: Вѣры, обязательнымъ для всѣхъ. Древнѣе отцы и писатели церковные и прямо свидѣльствуютъ объ этомъ. Св. Иринеи писалъ, что «Церковь, разсѣянная по всему міру, тщательно блюла единство символа (³), и потому тотъ, кто желалъ быть православнымъ, долженъ былъ твердо и неизмѣнно содержать это правило, которому научился при крещеніи (⁴)? Тертуліанъ говорилъ, что «никому не позволялось ничего вводить въ символъ или принимать введенное другими, потому что и сами оставители символа, св. апостолы, высказали въ немъ не свое ученіе, но то, которое получили отъ Христа (⁵). Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что символъ долженъ быть всегда однимъ непоколебимъ и неизмѣнимъ (*immobilis et incommutabilis*) (⁶). Церковь почитала его «основаніемъ всѣхъ догматовъ и особенно твер-

(¹) Такъ слово *брос*, которое въ русской церковной передаткѣ *Адама*, названо опредѣленія халкидонскаго собора «о двухъ естествахъ Господа нашего Иисуса Христа»; VI вселенскаго о двухъ воляхъ и дѣяствіяхъ въ одномъ лицѣ Господа Иисуса и VII—о иконопочитаніи. Канонами же называются всѣ правила св. апостоловъ и св. соборовъ. Символу давали это имя даже самыя еретики. Novat. lib. de Trin. c. 1.

(²) Слово *καὶ* по употребленію на языкѣ церковныхъ писателей значить неизмѣнное правило, недопускающее ни прибавленія, ни убавленія; что не имѣетъ этихъ свойствъ, говоритъ Златоустъ, то не можетъ быть названо и *καὶ* (бес. XII. на Филип. III, 16) тоже говоритъ и Василий В. (adv. Евлом. lib. 1); и многіе другіе отцы и учителя церкви (См. Svic. Thes. Eccl. S. h. o. n. 1). *Ὅρος* имѣетъ тоже самое значеніе, потому что по Зонару—*ὄρος ἡ τύπος καὶ ὁ καὶ* *ἰσχυρὰ τ. е. брос* называется образъ и правило (ad XIX. Can. conc. Nic. I, an. ibid.

(³) Iren lib. 1. c. X.

(⁴) Idem. citatus a. Nimeier. diss. de simb. Apost. § IV. et LX.

(⁵) Tertul. de praescr. haer. c. IV.

(⁶) Idem. de vel. virg. c. 1.

дѣлать основаніемъ (*solidum fundamentum*) догмата о св. Троицѣ» (1), а потому не только не позволялось дѣлать въ немъ никакихъ измѣненій или прибавленій, но даже никто изъ православныхъ не осмѣливался дѣлать противу него какихъ либо возраженій или высказывать со- мнѣнія. *Haec regula nullas habet apud nos quaestiones*, писалъ Тертуліанъ, *nisi quas haeretici inferunt, et quae haereticos faciunt* (2). Всякое ученіе, не согласное съ сим- воломъ, осуждалось какъ ересь (3), а лицо, предлагав- шее это ученіе или принимавшее его, ослучалось отъ Церкви, какъ еретическую, и потому пастыри Церк- ви убѣждали вѣрныкъ хранить символъ неизмѣненнымъ. «Храни символъ, со всею заботливостію», учить огла- щеннаго св. Кириллъ Іерусалимскій, «свато и неизмѣнно, и всякаго, кто бы ни сталъ измѣнить его, хотя бы это дѣлалъ я самъ, считай чуждымъ истинной Вѣры и до- стойнымъ анаемы» (4). Накопецъ Церковь нашла нуж- нымъ утвердить положительнымъ правиломъ то, что дѣлалось издревле по одному уваженію къ символу. Второй вселенскій соборъ однимъ изъ своихъ правилъ (5) опредѣлилъ, «да не отмѣняется символъ вѣры 318 от- цевъ, бывшихъ въ Никее, въ Вмѣннѣ, но да пребы- ваетъ непреложенъ». в) Пастыри Церкви, въ чемъ убѣж- дали другихъ словомъ, то сами исполняли дѣломъ: про- повѣдуя другимъ, что символъ есть правило Вѣры, сами своими дѣйствіями показывали, что дѣйствительно счи- таютъ его такимъ. Многие изъ нихъ писали, въ защиту

(1) Григ. Наз. сл. 40.

(2) *De praescr. haer.* c. IV.

(3) *Epiph. in. ascogat.*

(4) Оглас. 3.

(5) Прав. 1.

истинным, отрогнѣ обличеніи на ереси, и при этомъ въ основаніе всего полагали символъ Вѣры. Св. Иринея, опровергая ереси, бывшія при немъ и прежде него, главнымъ признакомъ православія поставляетъ согласіе всѣхъ церквей, и въ доказательство единства Вѣры ихъ указываетъ на сходство ихъ символа, содержаніе котораго передаетъ въ началѣ своего сочиненія ⁽¹⁾. Тертуліанъ начинаеть опроверженіе ереси Праксея также изложеніемъ содержанія символа Вѣры ⁽²⁾, съ тѣмъ, чтобы показавъ, какъ далеко стоитъ заблужденіе отъ истины, тѣмъ самымъ уже обличить лжеумудрствованія еретика. Св. Кассіанъ, поразивъ Несторія доказательствами изъ св. Писанія; въ заключеніе показываетъ противорѣчіе его символу, и этимъ отступленіемъ еретика отъ древняго символа доказываетъ отчужденіе его отъ общей Вѣры всей Церкви ⁽³⁾. Другіе пастыри, излагая ученіе православной Вѣры, исходнымъ началомъ своего богословствованія полагали символъ, выражая чрезъ это, что видятъ въ немъ образецъ, съ которымъ долженъ сообразоваться христіанскій богословъ во всѣхъ разсужденіяхъ своихъ о Вѣрѣ. Но, признавая его такимъ, учителя Церкви естественно должны были заботиться о его неповрежденности и неизмѣняемости; и потому-то символы всѣхъ церквей, (по свидѣтельству Иринея, который родившись на востокѣ и будучи пастыремъ Церкви на западѣ, самъ лично могъ убѣдиться въ истинѣ), были сходны между собою. Евсевій кесарійскій, приводитъ символъ своей кесарійской церкви на никейскомъ

(1) Lib. 1. c. X.

(2) Гл. 1.

(3) De Incarn. Domini. Lib. VI. c. 4.

соборъ, говоритъ, что онъ получилъ его отъ своихъ предшественниковъ епископовъ (1); значитъ, они были это многоцѣнное наслѣдіе, оставленное Церкви отъ св. апостоловъ, и имъ нужно приписать то, что оно осталось не расхищеннымъ отъ еретиковъ. Но особенный примѣръ этой пастырской ревности въ сохраненіи символа неизмѣннымъ показалъ собою св. Леанасій великій, который, защищая въ никейскомъ символѣ православіе, соглашался скорѣе потерять и потерпѣть все, — изгнаніе изъ отечества, лишеніе пастырскаго престола, поношеніе, узы и темницу, чѣмъ допустить измѣненіе въ символѣ.

11. Но слова и дѣйствія того или другаго пастыря были только отображеніемъ того, чему сами они научались въ Церкви и что видѣли въ ея практикѣ. Они потому считали символъ правиломъ Вѣры, потому заботились о его цѣлости и неизмѣняемости, что и Церковь дѣлала тоже самое. Она выразила это въ томъ употребленіи, какое назначала символу, требуя отъ каждаго вступающаго въ нее, при крещеніи, исповѣданія символа, который она предлагала и какъ правило своей Вѣры, и какъ обязательство для новокрещеннаго. Принимая въ нѣдра свои новаго сына Вѣры, она, какъ нѣжная мать, въ символѣ возвѣщала ему все, что Отецъ небесный сдѣлалъ для него ради его спасенія, указывала все, чего онъ можетъ надѣяться, пребывая въ домѣ любвеобильнаго Отца, раскрывала предъ нимъ всѣ таинства божественнаго домостроительства и предлагала ученіе о будущей участи ожидающей человѣка. Со стороны крещаемаго, исповѣдывавшаго символъ, съ

(1) Socr. Hist. Eccl. Lib. 1. c. VII, p. 24.

этимъ устно произнесеннымъ исповѣданіемъ Вѣры соединился родъ нравственнаго обязательства. Человѣкъ, приступающій къ купели крещенія, исходитъ изъ области тьмы и освобождается отъ служенія сатаны, котораго онъ былъ рабомъ, и переходитъ въ царство Бога и Христа и при этомъ торжественно отрывается отъ прежняго своего владыки и сочетается Господу; онъ клянется торжественно предъ епископомъ и предъ всею Церковію (1), что оставляетъ діавола и все служеніе его и даетъ обѣтъ вѣровать во Христа «яко царя и Бога». Ясно, что на его исповѣданіе Церковь смотрѣла какъ на обязательство, «какъ на присягу, по которой онъ клянется жить и сражаться какъ воинъ Бога и Христа (2)»; символъ былъ для крещаемого, по выраженію св. Амвросія, «печатію сердца и таинствомъ христіанскаго воинствованія за Христа.» Такимъ образомъ символъ въ таинствѣ крещенія, писалъ одинъ учитель Церкви, представляетъ родъ договора между Богомъ и человекомъ, который предлагала св. Церковь «не ради Господа, не потому, чтобы въ Немъ можно сомнѣваться, но для насъ, чтобы насъ обязать вѣровать (3)». «Когда

(1) Neand. Allg. Gesch. d. Chr. 1. B. 1. Absch. s. 527.

(2) Tert. de cor. milit. c. 3.

(3) Petr. Chris. Hom. in simb. Петръ Хрисологъ, знаменитый писатель V вѣка, говоритъ: «символъ, что словомъ *символъ* называютъ взаимный договоръ между двумя сторонами, который важностію своей обязательной силы обезопасиваетъ договаривавшихся отъ измѣны и обмана. Такое значеніе въ Церквахъ имѣетъ символъ Вѣры. Возражать: естественно ли представлять видъ договора между Богомъ и человекомъ? Но если религія есть союзъ Бога съ человекомъ, то весьма естественно исповѣданіе вѣры, въ которомъ излагается ея сущность, представлять условіе этого союза, и договоромъ между обѣими сторонами. Оно предлагается не ради Бога, но ради насъ; не потому, чтобы въ Немъ можно было сомнѣваться, но чтобы насъ заставить вѣровать.» Меш. XLII. Exp. simb. Apost. Вѣролѣтіе всего принять, что именно въ этомъ смы-

еретикъ», говорить блаж. Иеронимъ, «оставляетъ наставника, научившаго Церковь Вѣрѣ, онъ забываетъ за вѣтъ свой съ Богомъ, изображаемый въ символѣ Вѣры, который онъ при крещеніи обязывался хранить постоянно (¹)». Но если символъ, по понятіямъ учителей Церкви, былъ выраженіемъ того и вѣчнаго и неизмѣннаго завѣта, въ который Богу угодно было призвать человѣка; то онъ по сему самому долженъ являться неизмѣннымъ правиломъ Вѣры, обязательнымъ для всѣхъ. Дѣйствительно, Церковь требовала, чтобы лице, обязавшееся быть ея членомъ, приняло содержимый ею символъ и слѣдовало ему въ ученіи, не только сохраняя его буквально, но и понимая его не иначе, какъ согласно съ нею. Пастырь дотошъ и признавался пастыремъ, пока ученіе его было согласно съ ученіемъ символа, и вѣрный считался такимъ только тогда, когда, исповѣдуя символъ, вѣровалъ согласно съ Церковію. Церковь отлучала отъ себя, какъ еретиковъ, всѣхъ тѣхъ, которые отвергали символъ, измѣняли его или давали ему другой смыслъ. Евсевій приводитъ отрывокъ изъ одного древняго автора, который говоритъ, что «папа Викторъ отлучилъ отъ Церкви артемонистовъ, послѣдователей Θεодота, за то, что, почитая Иисуса Христа простымъ человѣкомъ, они не принимали символа Вѣры (²)». Таже участь постигла, по свидѣтельству того же историка, и Павла Самосатскаго, ко-

слѣ Церковь свое исповѣданіе и называетъ символомъ, а не изъ подражанія язычникамъ (Petr. king. Hist. simb. Apost. c. 1. § 6. p. 8.), или воинскому знаку (Neand. Allg. Gesch. 1. Abth. 1. B. стр. 327), какъ утверждаютъ некоторые.

(¹) Contr. Lucipt.

(²) Hist. Eccl. Lib. VII. c. 29. p. 314.

торый, возобновивъ ересь Артемона, осмѣлился дать другой смыслъ слову единосущный—*ὁμοούσιος*, находившемуся въ древнемъ исповѣданіи антиохійской церкви. Отцы собора антиохійскаго (265 г.), лишивъ его архіерейства, отлучили отъ Церкви за то, какъ выражаются они въ своемъ опредѣленіи, что «онъ отступилъ отъ символа Церкви (¹)». «Вѣра символа, пипеть св. Кассіанъ въ опроверженіе Несторія, приводитъ къ священству, дѣлаетъ первосвященникомъ и возноситъ на верхъ пресвитерства (патріаршество). Отвергнувъ эту Вѣру, человѣкъ теряетъ и все то, что приобрѣлъ чрезъ нее, ибо таинство священства утверждается истиннымъ исповѣданіемъ символа (²).

Итакъ Церковь никому не позволяла измѣнять или перетолковывать своего символа, обязывала хранить его и самихъ епископовъ и поражала анаемую за отступленіе отъ него; этимъ, ясное всякаго опредѣленія, она выражала ту мысль, что символъ былъ для нея непоколебимымъ и непремѣняемымъ правиломъ Вѣры (*καὶὼν*, погша). Если же такъ; то гдѣ, какъ не въ этомъ правилѣ искать пробнаго камня, которымъ можно испытывать, согласно ли извѣстное ученіе съ Вѣрою Церкви? То одно исповѣданіе должно быть признано истиннымъ, которое, будучи сравнено съ символами древней Церкви, окажется согласнымъ съ ними. И если съ ними согласенъ символъ никейскій, то это должно служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что ученіе, предлагаемое въ немъ, выражаетъ Вѣру древней Церкви, которую она исповѣдывала отъ самаго начала.

(¹) Euseb. H. Eccl. Lib. VII. c. 29.

(²) De Incarn. Domini Lib. VII. c. IV.

Такимъ образомъ для доказательства истинности никейскаго символа, должно показать согласіе его съ древними символами, бывшими въ Церкви до никейскаго собора, и чтобъ видѣть это согласіе, необходимо обратиться къ самимъ символамъ.

(Окончаніе будетъ).

III.

ИСЦѢЛЕНІЯ, СОВЕРШИВШІЯСЯ

ВЪ ЗАДОНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ ПРИ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ СВА-
ТЯ ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ЕЛЕЦКАГО

XIII.

Тамбовской губерніи, козловскаго уѣзда, деревни Иловайскихъ Двориковъ, временно-обязанный помѣщикъ М. П. Попова, крестьянинъ — Матѳей Дмитріевъ Поляковъ, имѣющій отъ роду 30-ть лѣтъ, въ 1855 году получилъ ломоту въ рукахъ и въ ногахъ. «Отъ чего эта болѣзнь привлючилась мнѣ, говорилъ онъ при показаніи, я не замѣтилъ; а думаю, что отъ худаго одѣянія въ холодное время». Впослѣдствіи времени болѣзнь его усилилась и приняла такой злокачественный характеръ, что съ правой стороны на плечѣ и рукѣ, также на лбу открылись раны, изъ которыхъ текла матерія. Тогда онъ лишился возможности носить платье и работать. Оставалось для него еще одно утѣшеніе: онъ могъ пока ходить. Но вслѣдствіе потери соковъ отъ ранъ силы его постепенно упали, такъ что онъ едва держался на ногахъ во время ходьбы, а послѣднія двѣ недѣли передъ исцѣленіемъ лежалъ уже въ постелѣ. Такимъ образомъ болѣзнь Полякова длилась шесть лѣтъ и надежды на благополучный исходъ ея не было.

Какъ же онъ получилъ исцѣленіе? Здѣсь мы приведемъ его собственный рассказъ, въ устахъ неграмотнаго имѣющій особую красоту и убѣдительность: «имѣя, говорилъ Поляковъ, живую вѣру и упованіе на помощь святителя Тихона, прославленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ, принялъ я твердое намѣреніе идти въ городъ Задонскъ на поклоненіе его святымъ и чудотворнымъ мощамъ. На первый день я, съ большимъ трудомъ, прошелъ 7 верстъ; во второй день и третій, чувствуя уже нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, я могъ проходить верстъ по 30-ти, а по близости къ Задонску, молитвами угодника Божія, *речи на тѣлѣ моемъ засохли, и я сталъ совсѣмъ здоровъ*. Въ настоящее время, хотя и чувствую малую боль въ однихъ ногахъ, впрочемъ силы есть, и я работаю. Все сказанное могутъ подтвердить родственники мои сосѣди». Такъ заключилъ показаніе свое исцѣленный Матеей Поляковъ.

И дѣйствительно, съ призываніемъ имени Божія подъ присягою, рассказъ о семъ чудотвореніи подтвердили: родной братъ его Θεодосій, двоюродный братъ ихъ Иванъ Созоновъ и 4 человека крестьянъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Всѣ эти лица не были непосредственными зрителями исцѣленія, и потому свидѣтельствовали только о послѣдствіяхъ чуда, т. е. что Матеей Поляковъ только по прибытіи изъ Задонска сталъ здоровъ и началъ работать.

XIV.

Тамбовской губерніи, липецкаго уѣзда, бутырской волости, села Сселоко, дочь государственнаго крестьянина Стефана Діомидова Двуреченскаго — дѣвица Анна, 20-ти лѣтъ, показала подъ присягою слѣдующее о своей

болѣзни и чудесномъ исцѣленіи у мощей святителя Тихона:

«Въ 1859 году, будучи совершенно здоровою, я, вскорѣ послѣ праздника Рождества Христова, а именно — въ послѣднихъ числахъ декабря, занимаясь пражей, почувствовала въ себѣ боль. Началась она тяготою въ плечахъ, затѣмъ открылись ломота, слабость во всѣхъ членахъ тѣла и душевная тоска», отчего она, какъ говорили при показаніяхъ родные и знакомые, постоянно была печальна. Въ такомъ состояніи больная находилась до послѣднихъ чиселъ іюня истекшаго 1861 года. «А въ началѣ іюля, говорила она, занимаясь въ полѣ жатвой ржи, я почувствовала лихорадку, которая вскорѣ обратилась въ припадки бѣснованія. Эти припадки, по мнѣ, повторялись со мною ежедневно, и притомъ по нѣскольку разъ въ сутки, особенно при напоминаніи мнѣ о чемъ нибудь священномъ. Что со мною было во время самыхъ припадковъ, о томъ я ничего не помнила, по причинѣ совершенной потери чувствъ и памяти». Родители же ея: отецъ, Стефанъ Діомидовъ, 58-ми лѣтній старецъ, мать Параскева Ѳомина, старица 63-хъ лѣтъ, братья ея и знакомые этому семейству, изобразили единогласно въ ужасной картинѣ состояніе ея во время припадковъ. «Бѣсноватая, говорили они, кричала во весь голосъ и на всѣ голоса, въ неистовствѣ рвала и вырывала волосы на своей головѣ, щипала тѣло, грызла руки, подвергалась корчамъ и кривляніямъ, тряслась всѣмъ тѣломъ, ругалась надъ святынею, поносила безъ разбора всѣхъ родныхъ. Тѣло свое въ безчувственномъ состояніи она такъ безжалостно всегда грызла и щипала, что съ него не сходили пятна и раны. Мы, кто видѣлъ это, старались изъ жалости удерж-

живать ее отъ поврежденія себя; но у ней въ то время дѣйствовала такая сила, что двумъ или тремъ здоровымъ мущинамъ трудно было одолѣть ее. По прекращеніи припадковъ, возвратившись къ сознанию, больная чувствовала сильную тоску, крайнее оскуднѣніе силъ, боль во всѣхъ членахъ, и зрѣлице язвъ, собственной рукою нанесенныхъ себѣ, увеличивало тяготу ея сердца.

«Услышавъ о скоромъ открытіи мощей святаго Тихона задонскаго, такъ говорила Анна Двуреченская о своемъ исцѣленіи, я просила у него помощи и дала обѣтъ быть въ Задонскѣ при самомъ открытіи. Я ничего не помню, какъ меня отправили изъ дому, что со мной дѣлалось на дорогѣ, какъ меня привезли въ Задонскъ, какъ я прикладывалась къ ракъ святителя Тихона; въ продолженіи всего этого времени я находилась въ безчувственномъ состояніи (объ этомъ разсказали мнѣ послѣ)». Можно по этому судить, въ какомъ страдальческомъ недугѣ была бѣсноватая и какъ сильно и всецѣло обладалъ ею духъ тьмы! Но при ней въ путешествіи были ея отецъ съ матерью и родной 26-лѣтній братъ Прокопій Степановъ. Недостатокъ ея разсказовъ они пополнили слѣдующими обстоятельствами. «По ея желанію, мы, говорилъ отецъ, повезли страждущую въ Задонскъ, дня за четыре до открытія святыхъ мощей. На пути все время она была въ безчувственномъ состояніи, и въ припадкахъ бѣснованія играла пѣсни, прыгала, обнаруживая такую силу, что я съ женою и съ сыномъ, будучи въ силахъ, едва могли держать ее на повозкѣ. По прибытіи въ Задонскъ, еще до открытія святыхъ мощей, мы съ 9-го числа августа, ежедневно, значить нѣсколько разъ, прикладывали больную къ ракъ святаго Тихона, но выносили ее всякій разъ па-

завъ въ безчувственномъ состояніи, виѣ себя, съ припадками бѣснованія». Соображеніе сихъ обстоятельствъ со временемъ исцѣленія бѣсноватой приводитъ неволью къ той мысли, что святитель, такъ сказать, нацѣленно удерживалъ цѣлебную свою силу до дня торжественнаго открытія святыхъ мощей его, чтобы мы въ нетлѣнномъ тѣлѣ его, какъ бы очами, узрѣли источникъ, изъ котораго исходитъ обильный даръ чудотвореній. Ибо исцѣленіе бѣсноватой послѣдовало 13-го августа, въ день открытія святыхъ мощей и во время самаго крестнаго хода съ ними. Обстоятельство это такъ поразительно, что мы рѣшились привести его со всѣми подробностями.

Во время крестнаго хода со святыми мощами вокругъ монастыря, отецъ бѣсноватой, мать и братъ стояли въ толпѣ народа на монастырскомъ дворѣ, окруживъ больную и бдительно наблюдая за нею. Въ виду ихъ болящая Анна, очнувшись, пришла къ сознанию впервые послѣ отправленія изъ своего дома, и, возложивъ на себя крестное знаменіе, устремила глаза къ мощамъ святителя, несомымъ въ воздушномъ пространствѣ, на значительной высотѣ. Въ этотъ моментъ она увидѣла парящимъ надъ главою святителя Тихона, въ воздухѣ, юношу, съ открытыми русыми волосами, въ бѣломъ, длиннаго покроя, одѣяніи, опоясаннымъ чернымъ поясомъ. Взоры и руки его, въ молитвенномъ состояніи, простерты были къ небу. Но видъ его былъ печаленъ и мраченъ. Въ порывахъ восторга, Анна просила окружающихъ ее, особенно отца, мать и брата, взглянуть на видѣнное, они искали его глазами, но ничего не увидѣли. Когда святые мощи пронесли мимо того мѣста, гдѣ стояла въ народѣ страждущая, предъ глазами Анны дивное видѣніе еще повторилось, только лице

юноши на этотъ разъ сіяло неизреченною радостію. Когда спрашивали у ней: «чему можно уподобить это видѣніе»?—Она отвѣчала: «по моему мнѣнію, оно похоже на изображение святыхъ ангеловъ или святыхъ угодниковъ Божіихъ, представляемыхъ на иконахъ въ молитвенномъ видѣ».

Исслѣдованіе сего чудотворенія происходило 29-го сентября прошлаго 1861 года. Въ заключеніе показанія исцѣленная сказала: «я вышла изъ Задонска, благодаря Бога и святителя Тихона, совершенно здоровою, какъ и теперь себя чувствую. Препреданной тоски и припадковъ бѣснованія съ тѣхъ поръ со мною не бываетъ». Отецъ, припоминая дальнѣйшія обстоятельства тяжкихъ страданій, съ своей стороны присовокупилъ, что послѣ видѣнія дочь его неоднократно прикладывалась къ святымъ мощамъ, но всегда была въ чувствѣ, и припадки бѣснованія не обнаруживались; изъ Задонска везена была совершенно здоровою и теперь никакой боли не чувствуетъ.

Объ обстоятельствахъ славнаго изцѣленія Анны Двуреченской засвидѣтельствовали подъ присягою, кромѣ упомянутыхъ въ самомъ событіи лицъ, родной братъ ея (старшій Прокофія) Михайлъ Степановъ Двуреченскій, волостный голова Дмитрій Андреевъ и 11 человекъ крестьянъ—односельцевъ, которые знали объ ея болѣзни до отправления въ Задонскъ, и по возвращеніи Анны домой вполне убѣдились въ совершенномъ ея исцѣленіи. «Какъ она освободилась отъ прежней болѣзни, сказали они въ одинъ голосъ, мы не знаемъ, только въ настоящее время она находится совершенно здоровою,— за что, какъ слышимъ, и сама она и ея родные благодарятъ Бога и святаго отца нашего Тихона».

XV.

Тамбовской губерніи, города Козлова, приписная мѣщанка, дѣвица Евдокія Никитина Пушкина, 52-хъ лѣтъ, по мѣсту рожденія своего, жила до 16-ти лѣтняго возраста въ козловскомъ уѣздѣ, въ селѣ Хмѣлевой Слободѣ, при родителяхъ (нынѣ уже умершихъ), которые были однодворцы. Потомъ, не чувствуя призванія къ семейной жизни, она, съ благословенія родителей, въ Хмѣлевѣ же поселилась въ особой, уединенной келліи, въ сообществѣ другихъ благочестивыхъ женъ, въ уединеніи искавшихъ себѣ спасенія. Въ Хмѣлевѣ, какъ и вездѣ по селамъ, богослуженія совершались только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Желая ежедневно присутствовать при богослуженіи, Евдокія, по смерти родителей, въ 1836 году, перешла на постоянное жительство въ городъ Козловъ, приписалась въ мѣщанство, и вмѣстѣ съ племянницею Параскевою Пушкиной, поселилась тамъ въ купленной ею хижинѣ, вблизи соборной церкви. Она была всегда совершенно здорова, а съ 1848 года, отъ испуга ли, по случаю бывшихъ въ томъ году въ Козловѣ страшныхъ пожаровъ, или отъ другой какой причины, — она начала чувствовать біеніе сердца, сопровождавшееся истомою души. По началу болѣзни была не такъ сильна и припадки не часто повторялись, но впоследствии, особенно съ 1850 года, болѣзнь, усилившись, сдѣлалась столь невыносима, что Евдокія, отъ сильной тоски, теряла привязанность къ жизни и просила у Бога смерти. Въ послѣднее время припадки стали повторяться противу прежняго чаще, дня черезъ три и даже менѣе. Въ сильной тоскѣ больная никѣмъ и ничѣмъ не была довольна, изъ постоянно ласковой дѣлалась ка-

призною, ко всему придиралась, и жившая съ нею племянница, безъ всякой причины, терпѣла отъ ней огорченія. Болѣзненные припадки обыкновенно прекращались сильною отрыжкой.

Въ началѣ августа прошлаго 1861 года, услышавъ о скоромъ открытіи мощей святителя Тихона, котораго и прежде благоговѣнно чтילה, не разъ, ради памяти его, бывала въ Задонскъ и служила при его гробѣ панихиды, — Евдокія, какъ сама говорила, укрѣпившись вѣрою въ мощное ходатайство святителя Тихона предъ Богомъ, и вполне уповая получить по его молитвамъ исцѣленіе, отправилась за 10 сутокъ до открытія святыхъ мощей въ городъ Задонскъ, одна пѣшкомъ. Въ дорогѣ она провела 4 дня, и пришла въ Задонскъ 7 августа вечеромъ. Съ самаго выхода изъ Козлова, горя усердіемъ поклониться и облобызать святыхъ мощи Тихона, она не чувствовала біенія сердца, но мысли самаго мрачнаго свойства давили ея душу, какъ бы извнѣ нападаая на нее, и отрыжка, не прекращаясь во всю дорогу, мучила больную.

Прибывши въ Задонскъ, она, изъ благоговѣнія къ святителю, чтобы достойно коснуться святаго его тѣла и очистить чудотворной силѣ доступъ къ своей душѣ, поговѣла и 12-го числа въ богородицкомъ монастырѣ причастилась святыхъ таинъ. Сильное желаніе ея приложиться съ святымъ мощамъ, въ самый день открытія ихъ, не исполнилось, по причинѣ многолюдства и тѣсноты народа. Въ среду же, 16-го августа, по окончаніи литургіи, которую совершалъ Сергій, епископъ курскій, она виѣстъ съ другими поклонниками приблизилась къ ракъ святителя Тихона, и едва коснулась устами святыхъ мощей, въ тотъ же моментъ ощутила въ

себѣ внезапную перемену: отрыжка, и въ Задонскѣ томившая ее, прекратилась, духъ унынія исчезъ, мысли сдѣлались свѣтлыми, чувства отрады, сладости и довольства охватили ея душу и тѣло. Выразивъ такія мысли, Евдокія прибавила: «впрочемъ, я не могу пересказать со всею точностію, что такое во мнѣ произошло и долго ли я находилась въ такомъ блаженномъ состояніи. Я была тогда внѣ себя отъ радости. Очнувшись же, я, какъ умѣла, благодарила святаго Тихона, моего благодатнаго врача и молитвенника. Болѣзненные припадки съ тѣхъ поръ со мною не повторялись, и въ настоящее время, благодаря Бога и великаго Его угодника святителя Тихона, я совершенно здорова, какъ душою, такъ и тѣломъ. Клянусь Богомъ, Котораго я призывала въ клятвенномъ обѣщаніи, напередъ сего показанія данномъ, что все показанное мною есть суцая правда и жи ни тѣни тутъ нѣтъ».

Евдокія Пушкина сперва тайла о своемъ чудесномъ исцѣленіи, но потомъ открыла о немъ въ Задонскѣ двумъ іеромонахамъ. Въ Козловѣ, согласно съ повѣствованіемъ въ Задонскѣ, она сдѣлала точное и подробное его описаніе, подтвердивъ присягою истинность его въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Жившая съ нею болѣе 25-ти лѣтъ родная племянница Параскева Иванова Пушкина, имѣющая отъ роду 40 лѣтъ, съ своей стороны показала какъ о ея болѣзни и припадкахъ до путешествія въ Задонскъ, такъ и о возвратѣ къ ней совершеннаго спокойствія и здоровья по пришествіи обратно въ городъ Козловъ.

XVI.

Тамбовской губерніи, усманскаго уѣзда, Пятницкой

слободы, государственнаго крестьянина Дмитрія Ильина Свиридова жена Анастасія Евдокимова, 23-хъ лѣтъ отъ роду, получила въ Задонскѣ, не задолго до открытія святыхъ мощей Тихона, исцѣленіе, достойное примѣчанія.

Особенно — горестныя обстоятельства жизни, не всякимъ случающіяся, воспитали въ Анастасіи Евдокимовой отвращеніе отъ всего земнаго, холодность къ ближнимъ, даже къ роднымъ, невниманіе къ домашнему быту. Скрывая отъ другихъ такое мрачное состояніе души, она думала своими силами выйти изъ него. Но когда собственныя усилія не произвели въ ней желаемой перемѣны: она откровенно объявила о своемъ душевномъ разстройствѣ матери своей, при ней жившей, Евдокіи Никитиной Васильевой, и своему мужу Дмитрію Свиридову, имѣвшему къ ней добрыя отношенія. Они, съ общаго соглашенія, отслужили въ своемъ домѣ молебное пѣніе Божіей Матери, заступницѣ скорбящихъ.

Въ началѣ ноября 1860 года, въ жизни Анастасіи замѣтили перемѣну къ худшему. Прежняя только холодность души перешла въ сильную ненависть ко всему и ко всѣмъ, кромѣ сына, полуторогового малютки, котораго она не переставала еще любить изъ жалости къ его возрасту. Сверхъ того въ болящей открылись нестерпимая тоска, бессонница, отвращеніе отъ пищи. Страхъ охватилъ душу, мрачныя представленія, принимающія ясность внѣшнихъ видѣній, тревожили ее и внутренній голосъ неотступно и утвердительно предрекалъ ей и сыну вѣчную погибель. Во все время этого искушенія, она искала помощи почти въ непрестанной, днемъ и по ночамъ совершаемой молитвѣ, а по-

томъ впала въ отчаяніе и совсѣмъ бросила молиться, считая себя отверженною Богомъ. Въ ночь на 6-е декабря того же года, въ ней обнаружилась совершенная потеря разсудка. Къ изумленію и ужасу родныхъ, она начала говорить странныя рѣчи. будто она уже въ другомъ мірѣ, гдѣ небо низко, свѣтъ мраченъ, — гдѣ все: земля, воздухъ и прочее — нечисты, осквернены духомъ злобы, и самые люди въ этомъ призрачномъ мірѣ казались ей злыми привидѣніями. Больная не признавала ни родныхъ, ни мужа, на всѣхъ бросалась, дралась и кричала: «за что вы лишили меня христіанской чистой земли? Возвратите меня въ мой родной христіанскій мірѣ, къ моимъ кровнымъ братьямъ христіанамъ», и тому подобное.

Въ слѣдующемъ 1861 году, чрезъ недѣлю послѣ праздника Богоявленія Господня, умеръ ея сынъ. Это усугубило ужасныя душевныя страданія Анастасіи. Ей представилось, что сына отравила, непріязненная сила и увлекла его съ собою на вѣчныя мученія. Въ отчаяніи, она, изодравъ на себѣ платье, бѣгала по улицамъ, уходила иногда въ сосѣднія селенія и неистово кричала. Домашніе вынужденными нашлись держать ее на привязи. Всѣ сподручныя мѣры приняты были къ исцѣленію несчастной, но ни что не помогало; умопомѣшательство (назовемъ такъ это состояніе) усиливалось, и болѣзнь во всѣхъ перемѣнахъ своихъ продолжалась такимъ образомъ—почти цѣлый годъ.

Въ томъ же 1861 году, дней за двадцать до праздника живоначалной Троицы, Анастасія, въ крайнемъ изнеможеніи силъ, уснула и видѣла сонъ, будто стоитъ она у мощей святителя Тихона задонскаго и хочетъ рукою поднять покровъ, коимъ покрыты святыя мощи

его; голосъ невидимый запрещаетъ ей касаться покрыва; святитель же мягкосердо сказалъ: «пустъ откроеть». Въ тотъ же моментъ она проснулась, надежда на одинъ шагъ озарила ея душу и она почувствовала желаніе идти въ Задонскъ къ святителю Тихону. Но едва успѣла заявить о семъ матери, какъ невѣріе и отчаяніе опять овладѣли ею и какая-то противная сила непреоборимо отвлекала ее отъ исполненія благодатной мысли. Мать же, ухватившись за эту мысль, какъ за якорь спасенія, увѣрила потерянную дочь свою, что святитель Тихонъ непременно возвратитъ ей христіанскую землю, и успѣла расположить ее, послѣ большихъ усилій, къ путешествію въ Задонскъ. Особенныхъ трудовъ стоило матери—довести ее до Задонска, но и для дочери, по ея болѣзни, не легко было это путешествіе. Полное отсутствіе разсудка, крайнее изнеможеніе физическихъ силъ, одышка и давленіе въ груди невыразимо затрудняли движеніе болящей.

За двѣ недѣли до праздника Святыя Троицы, пришли они въ Задонскъ, и не заходя никуда, прямо вошли въ церковь, въ которой тогда подъ спудомъ покоились святыя мощи угодника Божія Тихона. Руководимая матерью, больная приблизилась къ надгробію, на которомъ былъ изображенъ образъ святителя. Лишь только она коснулась къ образу устами, въ тоже мгновеніе ее озарила — было надежда благодатнаго избавленія; но мрачное отчаяніе, какъ бы препираясь, вытѣснило это свѣтлое и животворное чувство души. Въ такомъ состояніи духа она и вышла изъ церкви. Мать повела ее въ погребальную пещеру задонскаго монастыря, въ которой погребены тѣла подвижниковъ, въ Бозѣ почившихъ: схимонаха Митрофана, іеросхимонаховъ: Агапита, Назана-

ила и Авраамія, затворника Георгія, блаженнаго Антонія (Алексѣевича), также стариць: Евѳиміи (Григорьевны Поповой), Матрены (Наумовны) и другихъ. Тамъ больная поспѣшно приложилась къ образу Архистратига Михаила, и вдругъ въ ея душѣ и въ чувствахъ мгновенно все измѣнилось; она совершенно пришла въ себя и, въ неизъяснимой радости, вскрикнула: «ахъ! вотъ здѣсь наша-то родная, христіанская, чистая земля! Вотъ наши кровные братья—христіане,—нашъ свѣтъ! А вотъ и моя родная матушка!» Съ этими словами она поклонилась матери до земли, какъ бы здороваясь съ нею при неожиданномъ свиданіи послѣ долгой разлуки. *Разсудокъ къ ней возвратился, сознание вошло въ свои предѣлы, и больная Анастасія Бодокимова совершенно исцѣлилась, сделавшись какъ бы инымъ новымъ человекомъ.* Въ чувствованіяхъ благодарности, съ полною вѣрою, горячимъ усердіемъ и радостными слезами начала она молиться Богу и потомъ прикладывалась къ изображеніямъ на внутреннихъ стѣнахъ погребальной пещеры (часовни). Вечеромъ того же дня она исповѣдалась, и, по должномъ церковномъ приготовленіи, на другой день была удостоена причастія святыхъ таинъ.

Получивъ исцѣленіе, Анастасія, въ сердечной радости, очень скоро шла и поспѣшно возвратилась въ домъ свой. На пути, въ одномъ селеніи, она опять подверглась — было испытанію. Остановившись для ночлега, она не могла заснуть до глубокой ночи, и такъ около полуночи опять почувствовала страхъ, мысли снова взволновались отчаяніемъ; ей показалось, что она низвергается въ прежнюю бездну и привидѣнія засыпаютъ ее землею. Анастасія разбудила мать свою, которая, оградивъ ее крестнымъ знаменіемъ, внушила ей самой креститься и

мысленно читать молитву. Послѣ этого Анастасія нѣсколько забылась, и въ этомъ состояніи, полусонномъ и полубоддрственномъ, увидѣла свѣтъ, подобный полуденному блеску солнца, и архангела Михаила вблизи стоящимъ, который сказалъ ей: «не бойся, теперь все прошло». Очнувшись, она начала вслухъ матери радостно благодарить св. угодника Божія Тихона и Михаила, архистратига небесныхъ силъ. «Съ того времени, какъ показала мать исцѣленной, свидѣтельница болѣзней и чуда, съ того времени, за молитвами великаго угодника Божія и чудотворца Тихона, также покровительствомъ архангела Михаила, она, благодаря Бога, находится по прежнему въ здоровомъ умѣ, безпрепятственно ходитъ къ богослуженію въ церковь, молится дома, благоговѣнно читъ святыню, ко всѣмъ ближнимъ питаетъ любовь и ревностно заботится о домашнемъ хозяйствѣ».

Бывши во второй разъ въ Задонскѣ, при самомъ уже открытіи святыхъ мощей святителя Тихона, Анастасія Свиридова о чудесномъ своемъ исцѣленіи — сама повѣдала духовному начальству, по распоряженію котораго это событіе въ то же время было записано и потомъ подвергнуто законному обследованію. Всѣ лица, по сему дѣлу спрошенныя, заявили свои личныя наблюденія согласно съ показаніями исцѣленной и истинность всего событія засвидѣтельствовали подъ присягою: сама исцѣленная, мать ея Евдокія Васильева, мужъ Димитрій Свиридовъ, свекоръ Илья Свиридовъ и пять человекъ ея сосѣдей по мѣстожительству.

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО,

ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВЪ НЕГО И ЕГО ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Сужденіе Маколей объ одномъ литературномъ приемѣ, господствующемъ въ современной русской журналистикѣ. Статья: «Одна изъ Каствъ» въ 6 № Библиотеки для Чтенія прошлаго года; нѣсколько отрывковъ изъ нея: чего хотѣлось г. Пютровскому и чего онъ на самомъ дѣлѣ достигаетъ? Почему мы обратили вниманіе на эту статью? Пренебреженіе къ духовенству въ образованныхъ классахъ и въ литературѣ: какъ и вследствие какихъ причинъ оно образовалось? Рабская переимчивость русскихъ относительно западныхъ одеждъ и другихъ внѣшнихъ явленій тамошней жизни; французское вольнодумство конца прошлаго вѣка—отображеніе отъ духовенства и мужества, его бѣдность, его пресмыкательство; крайняя недостаточность духовнаго воспитанія до графа Сперанскаго и множество недостатковъ въ теперешнемъ порядкѣ нашего образованія—въ слѣдствіе недостаточности матеріальныхъ средствъ: виновато ли здѣсь само духовенство и средство поправить дѣло; французскіе обычаи высшаго класса и беллетристика отечественная, распространяющая презрѣніе высшихъ классовъ по среднимъ образованнымъ. Перерожденіе презрѣнія въ ненависть къ духовенству и къ содержимому имъ ученію; обстоятельства содѣйствовавшія такому перерожденію: рабское отношеніе русскаго развитія къ западному, и русской мысли къ западной и слѣдствія этого для духовенства,—обстоятельство измѣняющее и объясняющее такое отношеніе; юность въ свѣтской литературѣ о неестественности и безжизненности подобнаго отношенія. Модная современная философія; ея возможная польза въ будущемъ и дѣйствительный вредъ въ настоящемъ; объясненіе торжества реальной или матеріалистической философіи. Условія, необходимыя для безпристрастныхъ сужденій объ отечественномъ духовенствѣ: первое условіе—историческое знакомство съ его судьбами въ древней Россіи; цивилизаторская дѣятельность духовенства до Петра Великаго; сужденія объ этомъ п. С. Соловьева и Павлова; произошло ли наше духовенство реформамъ и шло ли оно противъ прогресса жизни?

«Онъ полагалъ», писалъ Маколей о Гораціѣ Вальпогѣ, «что онъ видитъ далеко внутрь людей; но мы на-

ходимся вынужденными быть совершенно иного мнѣнія. Мы не думаемъ, чтобы онъ имѣлъ способность различать болѣе тонкіе оттѣнки характера. Онъ употребляетъ однако приемъ, который, какъ онъ ни летокъ и ни пошлъ, доставляетъ тѣмъ, которые его употребляютъ, въ глазахъ 99 человекъ изъ 100, репутацію проникательности. Онъ насмѣялся надъ всеми, придавалъ любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читалъ каждого человека на выворотъ... Такимъ образомъ всякій можетъ съ небольшою проникательностію и съ небольшимъ трудомъ быть почитаемъ великимъ судьей характеровъ — людьми, хорошее мнѣніе которыхъ ничего не стбитъ. Говорятъ, что торопливый и жадный Неллеръ имѣлъ обыкновеніе отправлять дамъ, съ которыхъ снималъ портреты, какъ скоро набросалъ ихъ лица; и потомъ рисовалъ фигуру и руки съ своей горничной. Такимъ же образомъ обрисовывалъ Вальполь умы другихъ. Онъ копировалъ съ натуры только тѣ яркія и очевидныя особенности, которыя не могли ускользнуть отъ самаго поверхностнаго наблюденія. *Остальное полотно безпечнымъ и размахистымъ образомъ онъ покрывалъ чертами дурака и плута, смѣшанными въ такой пропорціи, въ какой угодно было небу...* Однимъ словомъ, если вѣрить этому прозорливому судѣй человеческой природы — Англія имѣла въ его время мало смысла и вовсе не имѣла добродѣтелей, за исключеніемъ того, что изъ смысла и добродѣтелей было раздѣлено между самимъ Гораціемъ Вальполемъ, лордомъ Вальдгравомъ (пріятелемъ Вальполя) и маршаломъ Конвей (самымъ короткимъ и въ сущности единственнымъ другомъ, къ которому Горацій по видимому былъ искренно привязанъ) (1).

(1) Сочин. Макол. въ рус. перев. т. 2. стр. 224—228.

Сужденія великихъ писателей производятъ какое-то отрезвляющее дѣйствіе, и намъ бы хотѣлось отъ души, чтобы русскіе читатели современной русской литературы заучили на память и вспоминали при разрѣзываніи каждой новой книжки русскаго журнала приведенныя нами слова Маколея. Самыя худшія черты писемъ Вальполя повторяются въ современной нашей литературѣ— и большею частію безъ его достоинствъ. Кого, въ самомъ дѣлѣ, не обзывали въ нашей журналистикѣ дуракомъ или развратникомъ, или тираномъ? Лицъ давно жившихъ и современныхъ—Петра Великаго и Державина, Карамзина и Хомякова, Гизо и Гегеля, Сперанскаго и Молиарни, Погодина и Н. Аксакова, Юрковича и Срезневскаго, чиновниковъ разнообразныхъ вѣдомствъ, директоровъ разнообразныхъ компаній,—всѣхъ и все ругаетъ такъ, или иначе современная русская печать. Русскіе журналы — одинъ предъ другимъ—какъ какое нибудь новѣйшее изобрѣтеніе, употребляютъ, подобно Горацию Вальполю, *приемъ, который, какъ онъ ни пошлъ и ни лезокъ, доставляетъ тѣмъ, которые его употребляютъ, въ глазахъ 99 человекъ изъ 100 репутацію проицательности.* Они насмѣхаются надъ всѣми, придаютъ любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читаютъ каждыя целовька на выворотъ... *Однимъ словомъ, если вѣрить нашимъ журналистамъ, этимъ прозорливымъ судьямъ человеческой природы и правдивымъ цѣнителямъ человѣческихъ дѣлъ, то Россія въ настоящее время имѣетъ мало смысла и вовсе не имѣетъ добродѣтелей, кромѣ того, сколько смысла и добродѣтелей раздѣлено между пишущею и печатающею братіею.* Это направленіе современныхъ умовъ—каррикатурить личности и положеніе дѣлъ, направленіе называемое современными журналами *облич-*

тельнымимъ, въ существѣ дѣла, одолжено своимъ появленіемъ желанію пишущей братіи—безъ труда прослыть за людей особенно пронизательныхъ, видящихъ дальше. чѣмъ другіе, и потому имѣющихъ право смѣяться надъ всѣми и все представлять на выворотъ — по своему. Чѣмъ чище опичканный грязью образъ историческаго, или современнаго дѣятеля, чѣмъ громче его имя, чѣмъ многочисленнѣе то, или другое обруганное сословіе. чѣмъ важнѣе опошленное вѣрованіе, или учрежденіе, тѣмъ большая слава достается у 99 изъ 100 читателей смѣлому литератору. Блескъ литературной извѣстности усиливается въ прямой пропорціи съ крайностію, одно-сторонностію и недобросовѣстностію ея взглядовъ и сужденій.—Положеніе дѣлъ безнравственное и ненормальное, конечно имѣющее себѣ оправданіе во многихъ темныхъ сторонахъ русской жизни и не могущее не принести нѣкоторой пользы, но положеніе уже въ силу своей ненормальности — недолговѣчно!...

Отечественное духовенство не могло набѣгнуть той участи, которую въ литературной области стали сперва испытывать другія сословія. Редакція журнала нашего имѣла уже случай обратить вниманіе читателей на странную выходку Отечеств. Записокъ противъ духовенства русскаго, гдѣ смѣлость и рѣшительность приговоровъ равняются лишь невѣжеству автора относително разсматриваемаго имъ сословія. Одновременно почти съ Отеч. Записками другой русской журналъ напечаталъ статью въ томъ же родѣ подъ заглавіемъ: «*Одна изъ Кастъ*». Еще за нѣскольکو времени до ея прочтенія насъ предупредила молва о ней; «вотъ, говорили намъ. статья, такъ статья! Какъ здѣсь мѣтко осмѣяно русское духовенство! Сколько святой правды тутъ!» Прочитали

статью и нашли ее съ точки зрѣнія, указанной Маколеемъ, дѣйствительно замѣчательною, а автора *ироничательнымъ*; потому что еще больше смѣяться надъ всѣмъ святымъ, еще больше представить дѣло на-выворотъ, придать нѣсколькимъ частнымъ случаямъ преступлений болѣе худшее и болѣе обширное толкованіе, словомъ, больше ругаться, чѣмъ какъ наругался надъ духовенствомъ г. Піотровскій, едва ли возможно. Это верхъ недобросовѣстности съ одной стороны и завѣжества съ другой, и коротенькій отзывъ Отеч. Записокъ о духовенствѣ можетъ показаться искренней и задушевною лестію друга другу въ сравненіи съ 11 осмущающими 6-й книжки «Библиотеки для Чтенія». Точно также относится знаніе русскаго духовенства у безыменнаго лѣтописца Отеч. Записокъ ко знанію его г. И. Піотровскимъ. И если противъ сужденій перваго мы считали нужнымъ дѣлать свои замѣтки, поправки и опроверженія, то дикость и нелѣпость утвержденій г. Піотровскаго совершенно освобождаютъ насъ отъ подобнаго труда. Его статью можно было бы всю перепечатать, ничего не поправляя и ничего не замѣчая противъ нее, и всякій, болѣе или менѣе знакомый съ духовенствомъ русскимъ, только повторилъ бы эпиграфъ, предпосланннй Горациемъ Вальполемъ своему Catalogue of Royal and Noble Authors: «Dove diavolo, messer Ludovico, avete pigliate tante coglionerie (1)?» Но довольно стыда для Библиотеки для Чтенія, помѣстившей на своихъ страницахъ «столько вздору» и издающейся еще подъ редакціею извѣстнѣйшаго русскаго романиста, долженствовавшего бы знать быть русскаго духовенства, и перепеча-

(1) «Эхъ, мистеръ Людовикъ, откуда вы набрали это столько вздору?»

тывать статьи мы не расположены, за исключеніем нѣсколькихъ отрывковъ, могущихъ дать понятіе читателямъ о направленіи и правдивости автора.

Объ основныхъ воззрѣніяхъ автора могутъ дать понятіе слѣдующія почти начальныя строки его статьи:

«Большая часть», пишетъ онъ, «нашихъ взглядовъ на общественныя отношенія находится на первой степени развитія, сохраняясь подъ эгидой народнаго почтенія. Даже въ литературѣ, между такъ называемыми авторитетами, представителями какой нибудь отрасли современной науки, встрѣчаются люди съ взглядами *теологическими*. Этой участи подвергаются преимущественно отвлеченныя понятія о нравственномъ, духовномъ и т. д. Такъ напр. по мнѣнію П. Г. Рѣдгина «воспитаніе непременно должно быть христіанское. Сущность же христіанскаго воспитанія состоитъ въ томъ, что оно постоянно обращаетъ вниманіе на истинное отношеніе человѣка къ Богу, какъ къ своему первообразу... что оно признаетъ грѣховность человѣческаго рода, чувственность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія (*sic!*)⁽¹⁾, превращенія его животной природы въ духовную». Это говоритъ болѣе или менѣе извѣстный почтенный профессоръ-юристъ, и этоже са-

(1) Это проищеское *sic* поставлено самимъ авторомъ. Недоужвіе его касательно возрожденія и превращенія животной природы въ луковичу не отягчается новостію; оно въ первый разъ высказано было Никодимомъ самому Іисусу Христу: *Какъ можетъ человекъ родиться будучи старъ? Неужели онъ можетъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться? Іисусъ отвѣчалъ: истинно истинно говорю тебѣ, если кто не родится отъ воды и Духа; то не можетъ войти въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть; а рожденное отъ Духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должны сами родиться снова (Іоан. 3, 4—7).*

мое на тысячу ладовъ можно услышать отъ всякаго старообрядца».... «Всякій знаетъ причину отдѣленія людей, считаемихъ нами старообрядцами (жизнь которыхъ по отношенію къ нашему времени сдѣлалась нелѣпою), отъ общихъ интересовъ. Это та каста, которой тогда казалось, что современная имъ тогдашняя *жизнь* была порочна и безнравственна; понятія ея были теологическія: цѣль жизни любовь и служеніе Промыслу».

Для насъ не имѣютъ большой важности подобныя убѣжденія г. Піотровскаго: всякій воленъ думать, какъ ему угодно, и за свои убѣжденія каждый, гдѣ слѣдуетъ, будетъ отвѣчать самъ. Но клеветать на кого бы то ни было, представлять дѣло другихъ въ превратномъ видѣ — это уже безнравственно и нечестно. А именно такого свойства всѣ почти фактическія показанія г. Піотровскаго относительно духовенства православнаго, или, какъ онъ выражается, относительно «*касты старообрядцевъ*», или (другое заимствованное имъ названіе) относительно «*темнаго царства*». Какъ образчики такого рода показаній, мы приведемъ своимъ читателямъ разсужденія г. Піотровскаго о приходскихъ русскихъ священникахъ и о томъ, какъ они исправляютъ требы.

«Кромѣ поповъ невидимокъ у старообрядцевъ есть еще попы *явные*, на послѣднихъ держится вся каста. Они исполняютъ всѣ требы и, такъ сказать, служатъ связью съ одной стороны прихожанъ съ хранимымъ старообрядческимъ ученіемъ, съ другой связію — богатыхъ мірянъ старообрядцевъ съ епископами и попечителями. Получая сами значительную сумму за требы, они большую часть (?!) ея принуждены бываютъ отнести къ «начальству». Такъ, напримѣръ, отбывая и получая об-

ратно метрическія книги, явные попы обязаны въ силу обычая представлять при этомъ всѣмъ извѣстные, по выраженію Гоголя, документы за подписью Хованскаго».

«*Св. крещеніе* младенцевъ описываемою кастою совершается по большей части за разъ надъ нѣсколькими новорожденными. Каста вообще не торопится совершать требы и держится пословицы: «гуртомъ дешево», конечно по отношенію ко времени, а не къ получаемымъ за потребу деньгамъ. Бываетъ такъ, что въ сутки крестятъ младенцевъ по *тридцати*, по *сорока*, а другой разъ и по *пятидесяти*. Происходитъ это обыкновенно такимъ образомъ: переписутъ младенцевъ и кумовъ на записку, потомъ загоняютъ всѣхъ въ придѣлъ, гдѣ поставлены купели съ водою по числу подлежащихъ крещенію, а дьячекъ, или кто другой положить начало и начнеть каждаго младенца окунать. А священника весьма часто и видомъ не видать и слухомъ не слышать.... Онъ явится къ такъ называемому *пополненію крещенія*: поставятъ среди церкви купель, поютъ, читаютъ, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждаго младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ накладываетъ въ это время на младенца руку. Такимъ крещеніемъ остаются всѣ довольны: «батюшка, моль, самъ крестилъ».

«Не лучше бываетъ съ *исповѣдью*. Народу набьется видимо не видимо. Выйдетъ дьячекъ; залѣзетъ въ олтарь, сядетъ тамъ на стулъ, а въ дверяхъ поставитъ столикъ. Народъ лѣзетъ къ нему съ просьбой о запискѣ. Потомъ поставятъ напой, выйдетъ опять дьячекъ и начнеть грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять: —идеть исповѣдь; а тамъ вый-

дети священники, прочтут отпуск и делу конец.... После исповеди надо брать записки от священника для причастия: *дело законное*.... надо знать, кто был на исповеди. Разъ входитъ отецъ Пахомій въ монастырскую часовню, а часовня биткомъ набита, человекъ пятьсотъ было. Исповѣдь кончилась. Вышелъ дячекъ. Началась раздача записокъ. Дячекъ не всѣмъ ихъ раздаетъ, а по выбору, кто больше дастъ,—другимъ просто отказываетъ.... Далъ тѣмъ, кто побогаче, а другихъ обдѣляетъ, а у него рвутъ записки; зашумѣли. Онъ пытался, пытался да и улизнулъ на хоры. Считается оттуда: «что, молъ, взяли?» и началъ сбрасывать записки—забавляется. А внизу чуть не до драки дошло, одинъ у другаго отнимаютъ, ругаются, но жаловаться не могутъ: у дячка всегда найдется отговорка: «не исповѣдывались молъ».

«Свадебъ по одиночкѣ въ глуши не вѣнчаютъ, а пригоняютъ къ разу. Былъ крайній (?) день передъ постомъ. И вотъ пріѣхало въ церковь *двадцать свадебъ*. Народу набралось гибель; любопытно было посмотреть, какъ будутъ вмѣстѣ двадцать свадебъ вѣнчаться. Десять было изъ Москвы, десять деревенскихъ, а назначилъ имъ попъ съѣзжаться ровно въ двѣнадцать часовъ: всѣ, само собой разумѣется, спѣшили. Ровно въ 12-ть часовъ часовня была полна ждущими брака и смотрѣльщиками—дело любопытное—двадцать свадебъ! Ждутъ попа часъ, ждутъ его два, и вечеръ на дворѣ — нѣтъ попа. Изнемогли всѣ. Отправились искать попа самые богатые; кое какъ добились до священника,—добились, да такъ и ахнули: лежитъ онъ, какъ спознъ мертвецки-размертвецки пьянъ, и какъ они къ нему ни пристава-ли, какъ ни умасливали его—*«нельзя»*, едва выговари-

ваетъ. Люди-то все были молодые, терпѣть имъ не въ мочь: въ прибавокъ понимаютъ, что *внѣчаніе наше одна проформа, только бы было*. Окружили его, нѣкоторые на колѣни стали, давай его молить, да умаливать. — Батюшка, будь отецъ родной, обвинчай, *никакиль денегъ не пожалемъ*, сдѣлай божескую милость! «не могу, да не могу!» Не погуби душъ нашихъ, только ко грѣху приведешь.... Ну хоть какъ нибудь!» Водой начали его обливать. Наконецъ къ часамъ десяти ввели пьянаго попа въ часовню, началось внѣчаніе»....

«Священники для того, чтобы распространить свое могущество, не только въ одномъ своемъ приходѣ, но и далѣе въ деревняхъ, *благословляютъ* простыхъ иноковъ исповѣдывать и приобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ нерѣдко случается, что и простые міряне старикки причащаютъ: — «Батюшка такой-то благословиль!» Это самое святое правило. Иноки, отправленные по деревнямъ для сбора подавій, при всякой возможности стараются услужить ихъ благословившему. Они сочиняютъ цѣлыя легенды о святости своего протектора. Въ свою очередь священникъ, поддерживая чрезъ подобныя личности проповѣдуемое ученіе, старается благословлять людей, могущихъ ему пригодиться и болѣе или менѣе извѣстныхъ мастерствомъ рассказывать и сочинять. А потому и немудрено, что выбранные умѣютъ ловко пользоваться обстоятельствами и въ данную минуту кстати рассказать не бывалый случай про покровительствующаго имъ попа... Къ этимъ извѣстіямъ прибавляются рассказы о видѣніяхъ, о чудесахъ, явленныхъ образахъ, и всякій только крестится и проклинаетъ другія касты и религіи. Старообрядчество, или вѣрнѣй, наше «*темное царство*» сильнѣе и сильнѣе пу

скаеть свои корни. Народъ валить въ церковь къ прославленному попу, и бываютъ случаи, особенно послѣ общей исповѣди, что попу всѣ въ руки деньги суютъ *чуть не до драки*.... А у явленныхъ образовъ, не потухая, теплятся лампады и сторають въ сутки десятки сотенъ (?!) свѣчь. При этомъ попечители получаютъ дохода отъ свѣчнаго сбора каждый годъ копѣйки четыре лишнія; а это, нужно сознаться, зависитъ не столько отъ жадности поповъ, сколько отъ боязни представить въ будущій годъ свѣчнагобору меньше, что по правиламъ касты не дозволяется: хоть копѣйкой, а должно быть каждый годъ въ приходѣ больше прошлагодняго. Это фактъ очень любопытный....»

«Каста эта», пишетъ авторъ, «еще долго будетъ жить, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренить въ массѣ людей сознанія ея нелѣпости. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени!»

Мы окончили свои выписки изъ статьи Піотровскаго, и спрашиваемъ тебя, вся честная, добросовѣстная, читающая Россія, духовная и свѣтская: что это — факты дѣйствительные, или, говоря языкомъ Піотровскаго, «*legends изъ свѣтлаго царства*» литературнаго творчества?.. Гдѣ это, въ какихъ приходахъ гуртомъ крестятъ по 30, 40, а иногда по 50 младенцевъ? Гдѣ это за тѣмъ для 40, 50 младенцевъ считаютъ нужнымъ ставить 40, или 50 купелей; автору по видимому неизвѣстно, что въ одной купели можно крестить многихъ младенцевъ, какъ въ одной рѣкѣ крестились тысячи вдругъ. Гдѣ это совершается таинство крещенія такимъ образомъ, что «загонять всѣхъ въ придѣлъ, и дьячекъ или другой кто положить начало и начнетъ каждаго младенца окунасть, а священника весьма часто и видомъ не видать

и слыкомъ не слыкать.... что священникъ явится къ тагъ называемому *пополненію крещенія*, что когда онъ явится, поставятъ уже среди церкви купель, поютъ, читаютъ, какъ слѣдуетъ; потомъ поставятъ каждаго младенца по колѣни въ воду, поддерживаютъ, а священникъ наладываетъ въ это время на младенца руку», гдѣ, спрашиваемъ, г. Піотровскій видалъ подобный образъ совершенія крещенія? Онъ излагаетъ такія диковинки, что право невольно думаешь, ужъ не описываетъ ли онъ православнаго крещенія по воспоминаніямъ, сохранившимся у него о своемъ собственномъ крещеніи, и что онъ послѣ того, какъ самъ крещенъ былъ, уже ни раза не видалъ совершенія этого таинства. Гдѣ это за тѣмъ исповѣдываютъ въ Россіи дьячки, гдѣ это таинство покаянія совершается такъ, что «поставятъ напой, выйдетъ дьячекъ и начнетъ грѣхи перебирать, прочтетъ правило, велитъ за собой повторять (правило, или грѣхи?...), идетъ исповѣдь, а тамъ выйдетъ священникъ, прочтетъ отпущкъ и дѣлу конецъ»? Если г. Піотровскій православный, въ такомъ случаѣ къ дьячкамъ никогда онъ пусть не ходитъ на исповѣдь, они не имѣютъ на это права, да кромѣ того, ему легче будетъ найти священника для исповѣди своей, чѣмъ дьячка, который бы взялся это сдѣлать. Въ какой это подмосковной глуши свадьбы вѣчаютъ не по одиначкѣ, и гдѣ это было, что въ крайній день передъ постомъ вѣчалъ священникъ двадцать свадебъ—вдругъ, да притомъ еще въ часовнѣ? Гдѣ это въ православной Россіи «священники благословляютъ простыхъ иноковъ исповѣдывать и приобщать св. тайнамъ, а по деревнямъ не рѣдко случается, что и простые міряне старики приобщаютъ?» И гдѣ это иноки, отпран-

ленные съ такими цѣлями, сочиняють легенды о святости своего протектора и рассказываютъ о совершенныхъ имъ чудесахъ? Гдѣ это въ Россіи бываетъ *общая исповѣдь*, послѣ которой *попу все въ руки суютъ деньги, чуть не до драки*? Истинно чудныя исторіи рассказываетъ г. Піотровскій; а еще въ своей же статьѣ нападаетъ на легенды и разные вымыслы. Вѣдь подобнымъ выдумкамъ могутъ повѣрить только тѣ, которые или до того озлоблены противъ духовенства, что, какъ французскіе судьи во времена терроризма, не повѣряютъ заводимыхъ обвиненій, а прямо подписываютъ преступнику прекращеніе существованія, или которые послѣ того, какъ сами лишь были крещены, никогда не присутствовали при совершеніи крещенія, и не только никогда не исповѣдывались и не вѣнчались, а и не видали, какъ это совершается надъ другими... Вы, г. Піотровскій, ратуете за свои идеи, вы глумитесь надъ христіанствомъ; все это пусть такъ; можетъ быть ваши идеи и хороши, можетъ быть вашему невѣрію предстоитъ слава — смѣнить собою христіанство, а вамъ—сдѣлаться *апостоломъ новой вѣры*: но помните, что вы замедляете, портите свое дѣло, мѣшаете ему, отнимаете силу у своихъ идей, смѣшивая ихъ съ вымыслами своей фантазіи. Вѣдь вы даете знать, что ваши идеи далеко не такъ цѣнны сами по себѣ, чтобы постоять за себя своимъ внутреннимъ достоинствомъ, когда для утвержденія ихъ въ умахъ читателей считаете нужнымъ прибѣгать къ недобросовѣстнымъ и клеветливымъ описаніямъ сословія, держащагося противоположныхъ вашимъ убѣжденій. Мы не можемъ сказать, что бы вся ваша статья состояла изъ однихъ ложныхъ показаній; здѣсь попадаются свѣдѣнія и истинныя; тѣмъ

хуже и для этихъ свѣдѣній, что вы соединили ихъ съ прямо-недѣльными показаніями. Преступленія противъ своихъ обязанностей, встрѣчающіяся въ каждомъ сословіи, вы возводите въ общія преступленія всего духовенства русскаго; пороки, существующіе въ расколѣ, вы различно относите къ православному духовенству (1); то, что есть худаго въ нашемъ духовенствѣ, вы преувеличили, то, что есть хорошаго, скрыли, приписали пороки и преступленія несуществующіе, и въ результатѣ вышли не люди дѣйствительные, а миеологическія чудовища. «Темнаго вашего царства,» какъ вы его описали, нѣтъ на нашей планетѣ, и все, что непредубѣжденный читатель можетъ вынести изъ вашей статьи, такъ это понятіе о фанатической приверженности вашей къ новымъ идеямъ, въ силу которой вы, какъ нѣкогда испанскіе инквизиторы, готовы приписать людямъ не-

(1) Напримѣръ, говоря объ епископахъ очевидно православной господствующей Церкви, вотъ что говоритъ г. Піотровскій: «рассмотримъ кто иногда попадаетъ во епископа. Жилъ на Руси попъ Егоръ, по большей части, въ кельѣ у матери Пульхеріи и началъ пить запоемъ. Попечители видятъ, что дѣло плохо, препоручили его Стефану Трифонову, который только тѣмъ и занимался, что съ бѣглыми попами по Россіи развѣзжалъ. Поѣхалъ Степанъ съ Егоромъ, провѣдалъ, что у попа деньги есть — и спровадилъ Егора въ прорубь, а самъ уѣхалъ въ Бѣлые Криницы, попровалъ на добытыя деньги... и воротился въ Россію... епископомъ Софроніемъ» (стр. 11). Случай, очевидно, изъ исторіи раскольниковъ, а между тѣмъ авторъ «Одной изъ Кастъ» этимъ случаемъ подкрѣпляетъ свои сужденія и другой случай, касающійся нашихъ православныхъ епископовъ. Это можно объяснить или незнаніемъ различія между раскольниками и господствующей въ Россіи православной Церковію, или же намѣреннымъ искаженіемъ дѣла для краснаго ли слова, или съ другими болѣе серьезными цѣлями; во всякомъ случаѣ подобная манера сужденій г. Піотровскаго походитъ на то, если бы кто нибудь, говоря объ ученыхъ съ дипломами лекаряхъ, вздумалъ для большаго опозоренія ихъ смѣшать съ ними и ихъ практикой деревенскихъ знахарей и знахарокъ и ихъ леченіе лихорадки напр. крѣпкой водкой, сулемой, и т. д.

согласнымъ съ вашими убѣжденіями всевозможные пороки и преступленія. Но неужели здѣсь есть терпимость, гуманность и добросовѣстность, требуемая отъ всякаго человѣка и христіанствомъ и новымъ знаніемъ? Нельзя ли къ вамъ, г. Піотровскій, и ко многимъ, разсуждающимъ и устно и печатно о религіи и духовенствѣ, отнести словъ Маколея о французскомъ невѣрїи въ эпоху первой французской революціи? «Новое невѣріе отличалось такою же нетерпимостію, какъ и древнее суевѣріе. Показать почтеніе къ религіи значило навлечь на себя подозрѣніе въ непреданности новымъ идеямъ. Не безъ неминуемой опасности священникъ могъ тогда крестить младенца, совершить бракосочетаніе или отправиться для исповѣди умирающаго... Церкви были заперты; колокола безмолвствовали; алтари разграблены, серебряныя распятія расплавлены. Шуты, одѣтые въ ризы и стихари, танцовали карманьолу предъ дверями самаго конвента. Бюстъ Марата смѣнилъ собою статуи христіанскихъ мучениковъ. Одна развратная женщина, помѣщенная на горнемъ мѣстѣ въ алтарѣ церкви Notre Dame, принимала поклоненіе тысячъ народа, восклицавшаго, что наконецъ эти готическіе своды храма въ первый разъ огласились звуками истины» (1). Конечно, многіе изъ дѣяній французскихъ революціонеровъ требуютъ большаго простора для своего совершенія, чѣмъ просторъ—печатно врать и клеветать, но судя по силѣ ненависти, какая наполняла вашу грудь при писаніи вашей статьи, вы, г. Піотровскій, не прочь были бы создать вмѣсто христіанскаго новое богослуженіе, а православное духовенство просто сразу же уничтожить. Вы съ

(1) *Essays and Reviews*. Ed. Tauchnitz, Leipzig. tom. 4 pg. 139.

грустію и отчаяніемъ пишете: «каста долго еще будетъ жечь, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ знанія и науки не укоренить въ массѣ людей сознанія ея нелѣпости. И сколько лѣтъ пройдетъ до того времени!» Такъ вотъ и чувствуется послѣ этихъ словъ ваше недовысказанное желаніе, чтобы будущій русскій историкъ могъ повторить слова Маколея, примѣняя ихъ къ Россіи: «пастырей, вѣрныхъ своимъ началамъ, убивали десятками безъ суда и слѣдствія, топили, разстрѣливали, вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Тысячи бѣжали изъ отечества искать убѣжища подъ сѣнью вражескихъ алтарей (¹).» Но довольно о г. Піотровскомъ... Бываютъ выходки возмутительныя и недобросовѣстныя, но г. Піотровскій зашелъ ужъ такъ далеко, что дальше идти едвали можно. Для подобныхъ статей самымъ лучшимъ отвѣтомъ могло бы быть молчаніе или пренебреженіе къ нимъ, или же единодушныя адреса, такъ часто употребляемыя въ Англіи противъ разнаго рода памфлетовъ; и мы остановились на ней не потому, чтобы она сама заслуживала этого, а потому, что она выражаетъ собою—конечно въ самыхъ дикихъ утрированныхъ формахъ—почти общее настроеніе такъ называемаго образованнаго общества относительно церкви и духовенства, настроеніе, подъ которое авторъ лишь поддѣмывался. На этомъ предметѣ мы остановимся подольше.

Откуда и какъ образовалось въ образованномъ русскомъ сословіи, представителемъ мнѣній котораго служить литература, то пренебреженіе, часто переходящее въ болѣе сильное и положительное чувство къ церкви и духовенству—въ ненависть? Вопросъ жизненный и ве-

(¹) Тамъ страница.

ликой важности, отъ обстоятельнаго рѣшенія коего можетъ быть зависѣть будетъ и измѣненіе ихъ взаимныхъ отношеній, а это въ свою очередь могло бы повести къ другимъ самымъ существеннымъ для православной Россіи результатамъ. На первый взглядъ вопросъ этотъ можетъ показаться вопросомъ сколько пустымъ, столько же и неудоборазрѣшимымъ. Трудность его рѣшенія мы признаемъ и сознаемъ сами, и не съ цѣлію окончательно рѣшить, а лишь поднять его, мы поставили такой вопросъ. Но что это не пустой вопросъ для обѣихъ сторонъ, для презираемой и презирающей, для позорящей и позоримой, для ненавидящей и ненавидимой, — для доказательства этого достаточно сказать, что онѣ поставлены исторіей жить и дѣйствовать въ одномъ государствѣ, и это отсутствіе взаимнаго уваженія и довѣрія препятствуетъ согласному и единодушному дѣйствованію къ общимъ пользамъ.

Сознаемся, что мы принимаемся за объясненіе причинъ весьма сложныхъ — весьма сложной болѣзни. Легче было бы несравненно объяснить недовѣріе умныхъ людей и ненависть толпы къ духовенству католическому — въ началѣ XVI — въ Германіи, или въ концѣ XVIII вѣка во Франціи; тамъ духовенство своимъ деспотизмомъ, своими насиліями, своимъ корыстолюбіемъ, возставило противъ себя общественное мнѣніе; положеніе нашего духовенства, въ эпохи наибольшаго его могущества, не представляло подобныхъ побужденій къ презрѣнію или ненависти. Гдѣ же причина такого грустнаго разъединенія и недовѣрія? — Последній вліятельный дѣятель изъ среды духовенства, дѣятель гениальный, съ душой суровой и сильной, былъ Никонъ патріархъ; онъ заключилъ собою эпоху, когда духовенство было въ

Россіи почти единственнымъ грамотнымъ и сколько нибудь образованнымъ сословіемъ, онъ палъ въ борьбѣ съ невѣжествомъ однихъ и коварствомъ другихъ, милость царская оставила своего любимца. За Алексѣемъ Михайловичемъ слѣдовалъ преобразователь Россіи. Реформа Петра образовала въ Россіи классъ людей образованныхъ по чужестранному, по нѣмецки, по французски, только ужъ не по русски — и въ полномъ отчужденіи отъ вліяній церкви и духовенства. На западѣ, гдѣ получали образованіе тогдашніе русскіе, было много уже посѣяно ненависти и недовѣрія къ церкви римской и ея клиру самую церковь и ея клиромъ; не имѣя собственныхъ историческихъ причинъ ненавидѣть свое духовенство, наши образованные русскіе переносили съ запада одни слѣдствія — т. е. холодность, пренебреженіе и ненависть къ всему, походившему на клиръ и церковные уставы. А между тѣмъ самымъ естественнымъ образомъ это, болѣвшее чужою болѣзнію, общество образованное имѣло вліяніе при дворѣ и въ провинціяхъ, потому что оно было образованнѣе. За немногими исключеніями эта образованность ограничивалась одною виѣшнею переимчивостію французскихъ манеръ обращенія и париковъ, нѣмецкихъ кафтановъ, западныхъ баловъ или ассамблей, а въ отношеніи къ вѣрѣ и церкви вольнодумствомъ самаго дешеваго сорта — протестантскимъ нарушеніемъ православныхъ постовъ и насмѣшками надъ виѣшними сторонами религіи. Чувство пренебреженія къ духовенству зараждалось, какъ къ словію исторически поставленному стоять за народную вѣру противъ западныхъ обычаевъ, удержавшему прежнія формы одеждъ и т. д. Вольномысліе французскихъ энциклопедистовъ прошлаго столѣтія это виѣшнее — чис-

то пренебреженіе къ духовенству русскому сдѣлало болѣе внутреннимъ. Въ это время все, что блестяло, что было болѣе образовано, что потому имѣло общественное вліяніе, научилось уже презирать духовенство, не какъ защитника постовъ и православныхъ старыхъ обрядовъ и обычаевъ, а какъ представителя вѣрованій, противоположныхъ совершенно убѣжденіямъ, довольно поверхностно усвоеннымъ сословіемъ, писавшимъ и объяснявшимся по французски, и всѣми, ползавшими около этого сословія. Но какъ усвоеніе французскихъ энциклопедическихъ воззрѣній, такъ и пренебреженіе къ духовенству одинаково были не глубоки и ограничивались притомъ тѣснымъ кругомъ.

Въ ту пору, когда во Франціи, Испаніи и Португаліи подъ вліяніемъ новыхъ идей, враждебныхъ іезуитскому и іерархическому порядку, отбирались отъ іезуитовъ имущества, въ ту-же пору и у насъ отобраны отъ нашихъ церквей и монастырей ихъ крестьяне и съ землями, и потомъ и тѣ и другія розданы придворнымъ ползунамъ. Церковь страдательно покорилась этой мѣрѣ, хотя не безъ жертвъ и протестовъ съ своей стороны. Но эта мѣра вмѣсто того, чтобы возвысить духовенство въ мнѣніи образованныхъ людей уже за одно выказанное имъ страдательное терпѣніе и самоотверженіе, лишь унизила его еще глубже. Духовенство, пользовавшееся до той поры богатыми (даже больше, чѣмъ нужно бы) средствами къ жизни, теперь, за нѣкоторыми исключеніями, было предано на жертву судьбѣ и благотворительности народа и помѣщиковъ. Изъ довольно независимаго сословія оно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ зависимыхъ; изъ довольно богатаго — нищенствующимъ. Многіе монастыри разрушились и были

оставлены; многія церкви остались безъ средствъ и разрушились, а которыя были цокрѣпче построены, тѣ до сихъ поръ стоятъ въ древнихъ городахъ Россіи, какъ памятники другой эпохи жизни русской, приписанныя къ другимъ церквамъ. Нищенство — отличная причина съ одной стороны къ невѣжеству нищенствующихъ, побужденіе къ униженію и ласкательству предъ богатыми и сильными, а для богатыхъ и сильныхъ, которые въ ту пору не слишкомъ были научены признавать за челоуѣка лицо, не одѣтое въ парикъ да въ золото, это же нищенство съ его послѣдствіями — невѣжествомъ и занскывающимъ раболѣпствомъ — было новымъ поводомъ презирать нищенствующихъ, невѣжественныхъ и раболѣпныхъ духовныхъ. Какую жалкую роль — нищаго по-
V
прошайки занимало духовенство не только предъ вельможами, не только предъ болѣе или менѣе состоятельными помѣщиками, но и предъ ихъ управителями, которыми бывали по большей части нѣмцы или чухонцы, и предъ своими бурмистрами мужиками, для сужденія объ этомъ очень много имѣетъ данныхъ современное поколѣніе сельскаго духовенства и крестьянства. И лѣсъ для постройки дома, и дрова для отопленія, и земля для пропитанія, все это зависѣло отъ капрла помѣщика, или управляющаго, или бурмистра; ловкіе духовные, умѣвшіе вкрадываться — не безъ измѣны иногда своей вѣрѣ и своему служенію — могли жить хорошо; но горе было лицамъ сколько нибудь самостоятельнымъ и сколько нибудь уважавшимъ вѣру, которой были они служителями, когда они осмѣливались возвышать свой голосъ въ виду самыхъ явныхъ несправедливостей или самыхъ ужасныхъ жестокостей помѣщика или управляющаго. Мудрено ли, что голосъ живой проповѣди, без-

страшно каравшей нѣкогда народныя пороки, безтрепетно провозглашавшей правду, милость и судъ и возбуждавшей къ проповѣдникамъ уваженіе, смогла въ духовенствѣ, и что оно въ самыхъ лучшихъ своихъ представителяхъ—начало прибѣгать къ риторическому щегольству въ проповѣдяхъ, избѣгая дѣла, а въ массѣ — напросто разушилось проповѣдывать. Въ какой мѣрѣ необезпеченность служителей вѣры препятствуетъ имъ честно служить вѣрѣ, объ этомъ лучше всего можно судить по священникамъ англійскихъ конгрегационалистовъ ⁽¹⁾ и по шотландскому клиру. «Въ Шотландіи», замѣчаетъ Единбургское Обзорѣніе, «все такъ подстроено, что священники вполне зависятъ отъ предрасудковъ и суевѣрій ихъ паствы; принужденная дойти до такого уровня, шотландская церковь чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше насчитываетъ между своими служителями лицъ изъ высоко образованныхъ классовъ общества; она въ значительной степени отдалена отъ общенія съ собою высшіе классы;—даже крайне-отвлеченное направленіе шотландскаго проповѣдничества и склонность къ антиноміямъ одолжены своимъ происхожденіемъ этой зависимости клира шотландскаго отъ общины. Въ Шотландіи крайняя рѣдкость—проповѣдникъ, который бы осмѣлился съ кафедры возвѣститъ горячее осужденіе тѣмъ величайшимъ поруганіямъ нравственнаго закона, къ которымъ такъ склонны оба пола въ этой странѣ. Самое шотландское богословіе слишкомъ

⁽¹⁾ Объ англійскихъ диссидентскихъ священникахъ и низшей степени ихъ образованія сравнительно съ образованіемъ богатаго епископальнаго клира можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статьи: «Состояніе христіанскаго міра въ текущемъ году», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» за 1861 г. (стр. 440—502).

уже поддѣлывается подъ народный вкусъ; обычай и предрасудки народные въ чувствительной степени усиливаютъ высокую важность, принадлежащую истинамъ и законамъ христіанства... Самую надежную гарантію противъ крайностей народнаго фанатизма и нетерпимости составляетъ образованное духовенство, съ независямымъ внѣшнимъ положеніемъ, у котораго терпимость основывается на убѣжденіи и которое всецѣло предано служенію церкви, не управляемой предрасудками низшихъ классовъ» (1)... Правительство не могло не замѣтить страннаго положенія, въ которое оно само же поставило духовенство; двѣ мѣры нѣсколько облегчили его внѣшнее положеніе: это распоряженіе, чтобы каждая церковь имѣла *указную пропорцію* земли и потомъ выдача жалованья сельскимъ духовнымъ, мимоходомъ замѣтимъ, недостаточнаго и скуднаго. Последняя мѣра простирается кромѣ того не на всѣ губерніи. Но зло легче прививается, чѣмъ истребляется: злыя послѣдствія нищенства духовенства, имѣвшаго между прочимъ въ результатъ усиленіе презрѣнія къ нему, продолжаются, а слѣдствія добрыхъ, облегчительныхъ мѣръ едва едва проявляются.

Вѣдность духовенства другимъ, еще болѣе прямымъ образомъ, содѣйствовала усиленію пренебреженія къ духовенству въ образованныхъ классахъ русскаго народа. До Петра великаго народное образованіе вообще, и образованіе духовное въ частности были предоставлены частной инициативѣ частныхъ лицъ. О послѣднемъ заботились архіереи епархіальные. Такъ въ 1706 г. новгородскій митрополитъ Іовъ призвалъ въ Новгородъ

(1) The Edinburgh Review. 1861. № 231. p. p. 208—209.

Лихудовъ и открылъ въ своемъ домѣ школу для обученія дѣтей славянскому и греческому языкамъ. Въ заботахъ своихъ о просвѣщеніи Петръ великій указами 1714 и 1716 годовъ повелѣлъ учредить «*цифирныя школы*» при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ для поповскихъ и причетническихъ дѣтей. Но потомъ постановленіями регламента повелѣно было всякому епископу имѣть въ домѣ или при домѣ своемъ школу для дѣтей священническихъ и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ и соединить съ ними цифирныя школы, гдѣ онѣ были открыты (1). Епископамъ представлено было приглашать учителей, отгуда кто можетъ, и обезпечить ихъ со стороны средствъ жизни. Въ такомъ положеніи оставалось духовное просвѣщеніе довольно долгое время — въ Великороссіи, и о скудости его можно судить по александроневской школѣ — съ 1721 г. и александроневской славено-греко-латинской семинаріи (2). До 1732 г. вое какъ содержалась семинарія на монастырскій счетъ, потомъ изъ вотчинныхъ монастырскихъ доходовъ повелѣно было выдавать 1607 р. и 42 четверти хлѣба. Послѣ кратковременнаго возвращенія духовенству церковныхъ имуществъ, церковныя имѣнія были въ 1764 году окончательно отобраны (3)

(1) *Резл. Еписк. дѣла*: пункты 9, 10. *Полн. Собр. Зак. Сен. ука.* 17 окт. 1723.

(2) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ александроневской школѣ и семинаріи находятся въ «*Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи*» Иларіона Чистовича (стр. 4—25).

(3) Ростовскій митрополитъ Арсеній Маціевичъ, въ своемъ протестѣ Святѣйшему Синоду отъ 6 марта 1763 года, жалуется на предложенное отобраніе церковныхъ имѣній въ казну и продолжаетъ: «а между тѣмъ духовенству нужны школы и академіи, какъ въ давности было въ Греціи и теперь есть на Западѣ, то есть, по знатнымъ вѣстамъ, въ царствующихъ градѣхъ, на государственномъ содержаніи; знаемъ бо

15*

отъ церкви и на содержаніе всѣхъ духовныхъ училищъ положено было сперва 40,000 р. ⁽¹⁾, а потомъ—съ 1784 г. 77,431 р. 27½ к. — Императоръ Павелъ возвысилъ этотъ окладъ до 180,000. Императоръ Александръ въ 1807 г. возвысилъ до 360,000. По причинѣ скудости средствъ мѣры усовершенствованія духовныхъ училищъ не могли быть обширными, а иныя были просто неосуществимы ⁽²⁾. Уровень просвѣщенія не могъ такъ быстро подниматься въ духовенствѣ, какъ онъ поднимался въ другихъ ослловіяхъ высшихъ, которымъ правительство доставляло болѣе щедрыя пособія, и которыя сами, владѣя большими имѣніями, были несравненно богаче. На духовныя училища, какъ мы сказали, отпускалось до 1808 г. 360,000 р. ассигн.; между тѣмъ въ томъ же году комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія плана объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ, признавалъ необходимымъ для академій, семинарій и низшихъ училищъ въ 36 тогдашнихъ епархіяхъ сумму болѣе чѣмъ въ четверо болѣе, именно 1,669,450 р. ⁽³⁾.—Духо-

всѣ, яко ученіе свѣтъ есть, а неученіе тьма. Но какъ свѣтъ, отъ начала орудіемъ всюду разсѣянный и колеблющійся, приведетъ въ нормальное состояніе тьмъ, что сосредоточенъ въ одномъ солнцѣ: такъ и свѣту духовнаго просвѣщенія, т. е. академіямъ, не надлежитъ быть по грязи и болотамъ, но по знатнымъ царствующимъ городамъ, какъ то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно и въ точность прочесть, повелѣваетъ академіи быть при Синодѣ на государственномъ содержаніи... А при архіереяхъ быть школамъ для священническихъ дѣтей... Нужно усилить проповѣдь слова Божія, потому что жатва многа, а дѣлателей мало... Число церквей умалется, а не умножается; инвалидами наполнены и наполняютъ монастыри, и только одни монастыри, какъ будто для нихъ только служили и за нихъ только сражались инвалиды. Газета Дель. № 15; статья И. Чистовича: Арсеній Маціевичъ.

(1) Высочайш. указъ 11 авг. 1768.

(2) Исторія С.-Петербур. Д. Ак. стр. 163.

(3) Тамже стр. 173—178.

венство изъ передоваго сословія пошло въ отсталое, и въ какой мѣрѣ оно еще отстало бы, трудно и представить, если бы блаженной памяти графъ Сперанскій, самъ произшедшій изъ духовнаго сословія, не вывелъ его изъ рабства невѣжеству и нищетѣ, воспользовавшись для просвѣщенія его тѣми скудными источниками, которые еще оставались въ распоряженіи церкви. Мы имѣемъ здѣсь въ виду его знаменитый проектъ о содержаніи духовныхъ училищъ на счетъ прибыли отъ продажи церковныхъ свѣчей. Что было бы безъ этого проекта, до какой степени дошло бы невѣжество духовенства, мы затруднимся и опредѣлить; намъ, какъ болгарамъ, пожалуй пришлось бы брать въ священнослужители грамотныхъ грековъ. Умножились приходскія и уѣздныя училища, преобразовались и увеличились въ числѣ семинаріи, образовались по новой методѣ духовныя академіи; мы на время опять сравнялись съ образованными русскими сословіями; но, увы, что въ проектѣ было хорошо, то въ осуществленіи впоследствии встрѣтило большія затрудненія. Нѣтъ добра, въ которое бы обстоятельства или человѣческая воля не прибавили значительной доли зла. Церквей много, особенно въ городахъ, приходы сельскіе слишкомъ разбросаны или слишкомъ бѣдны, свѣчная продажа служила до той поры средствомъ къ ремонту и содержанію церквей и къ благоуукрашенію ихъ; и духовенство русское было поставлено въ необходимость—не всю свѣчную прибыль представлять на содержаніе духовныхъ училищъ. Съ начала еще, когда и любовь къ просвѣщенію не такъ сильна была въ духовенствѣ, когда семинаріи были не такъ многочисленны, когда еще составъ наставниковъ въ духовныхъ училищахъ не былъ

такъ великъ, свѣчная прибыль еще была достаточна для удовлетворенія нуждъ духовно-учебныхъ заведеній; но въ послѣднюю пору, когда проценты съ накопившихся въ ту пору учебныхъ капиталовъ уменьшились, а потребности жизни удвоились или утроились по цѣнности, и процентовъ и свѣчныхъ сборовъ едва достаетъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Нужно на мѣсто ветхихъ строить новыя зданія, поправлять разваливающіяся, а денегъ нѣтъ; нужно завести болѣе строгій нравственный надзоръ за дѣтми сельскихъ священниковъ и причетниковъ, поставленныхъ на квартиры къ мѣщанамъ или къ солдатамъ въ разныхъ мѣстахъ города, а установить его нѣтъ средствъ; нужно усилить учебныя пособія, увеличить жалованье наставникамъ, чтобы они не выходили изъ духовно-училищной службы и всецѣло на всю жизнь посвящали себя своему дѣлу, — недостатки духовныхъ училищъ слишкомъ бросаются въ глаза, но средствъ, именно матеріальныхъ средствъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ не представляетъ нынѣшній порядокъ сбора и представленія свѣчныхъ суммъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія университеты едва ли были лучше въ какомъ бы то ни было отношеніи академій, гимназій-семинарій; съ тѣхъ поръ въ полстолѣтія много утекло воды. Правительство гражданское, отобравши имѣнія у духовенства, оставило его на его собственные средства. Съ 1808 г. по 1816 казна государственная отпускала еще по 2,000,000 руб. на духовно-учебныя заведенія; но это временное пособіе отъ казны, дававшееся до увеличенія собственныхъ духовно-учебныхъ суммъ, пресѣлось въ 1816 году (*). Уро-

(*) *Исторія С. Пет. Д. Акад.* см. стр. 178.

вень просвѣщенія въ духовенствѣ не могъ такъ прогрессивно подниматься, какъ онъ поднимался въ свѣтскихъ училищахъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше получавшихъ поощреній. Профессоръ университета получаетъ теперь содержаніе около 1500: профессоръ академіи около 850; не знаемъ, сколько ассигнуется на библіотеки университетовъ, а на академическую—всего идетъ 571 р. 40 коп. вмѣстѣ и съ физическимъ кабинетомъ. Свѣтскому образованному міру — большинству его неизвѣстны всѣ эти обстоятельства и всѣ эти причины недостаточности нашего образованія; ему извѣстны только слѣдствія причинъ, только дурныя внѣшнія манеры духовенства, незнаніе иностранныхъ языковъ, тѣсный кругъ свѣденій по предметамъ общаго образованія, нѣкоторые пороки, и оно ставитъ себя въ положеніе пренебреженія къ намъ. Въ какой бы формѣ ни являлось это пренебреженіе къ духовенству, въ формѣ ли обиднаго сожалѣнія, какъ выказалъ его г. Чернышевскій, предложивши своими книгами доучить бывшаго профессора академіи г. Юркевича, или въ холодномъ пренебреженіи ко всѣмъ произведеніямъ духовной литературы, или въ намѣренномъ искаженіи всѣхъ дѣлъ духовенства или по меньшей мѣрѣ въ прохожденіи ихъ свѣтскою литературою молчаливымъ, — источникъ его между прочимъ скрывается въ убѣжденіи свѣтскаго образованнаго сословія, что духовенство мало знаетъ, что оно менѣе цивилизовано, что не способно вслѣдствіе недостатковъ своего образованія идти на ряду съ вѣкомъ. Въ какой мѣрѣ въ существенныхъ сторонахъ образованія духовенство отстало отъ другихъ сословій, и кто больше дѣлалъ и дѣлаетъ для развитія народнаго, — объ этомъ мы скажемъ

послѣ, а теперь перейдемъ къ другимъ причинамъ уже не пренебреженія только, а нѣкоторой довольно желчной ненависти къ духовенству въ образованныхъ сословіяхъ вообще и въ литературѣ въ особенности.

Мы сказали уже, какое вліяніе имѣла французская энциклопедическая философія на воззрѣнія нашего образованнаго, главнымъ образомъ, придворнаго класса и на его отношенія къ духовенству. Французская революція нѣсколько просвѣтила глаза нашимъ обезьянствовавшимъ энциклопедистамъ насчетъ послѣдствій боготворимыхъ ими воззрѣній; слѣдовавшій за тѣмъ 1812 годъ порвалъ въ сердцахъ франкофиловъ тѣ философскія симпатіи, которыя они только для моды и питали, — философскія воззрѣнія были оставлены, но языкъ французскій, но французскіе обычаи отвоевывали все больше и больше плѣнниковъ себѣ. Французская литература была больше литературой русскаго образованнаго сословія, чѣмъ русская; въ русскомъ образованномъ обществѣ не рѣдкость были лица, не могущія объясняться по русски, а писать еще меньшее количество умѣло, хотя эти лица и писали и говорили по французски хорошо. Духовенство и воспитывалось и жило далеко не по французски; французскій языкъ знали немногіе, и знали какъ-то по своему, т. е. знаніе знавшимъ давало возможность читать книги французскія и заставляло затыкать уши при малѣйшемъ покушеніи съ ихъ стороны сказать какую нибудь французскую фразу; одежда на духовенствѣ осталась старая національная; языки греческій и латинскій, здравый смыслъ не могли замѣнить въ глазахъ свѣтскихъ людей незнанія послѣдняго французскаго романа или послѣдней парижской сцены. Между тѣмъ

и русская баллетристика вторила тѣмъ же воззрѣнiямъ высшихъ классовъ; начиная съ романовъ Нарѣжнаго и комедiй Фонъ-Визина до настоящаго времени, за немногими исключенiями, выводимый на сцену театра или въ повѣсти семинаристъ непременно лице глупое, съ безобразными манерами, съ дикимъ произношенiемъ, — лицо окаррикатуренное; то, что въ верхнихъ слояхъ общества утверждалось на основанiи фальшивыхъ воззрѣнiй на достоинство человѣка образованнаго, то въ среднихъ классахъ восплотывалось баллетристикою.

Но все еще пренебреженiе къ семинаристамъ и духовенству не восходило до пренебреженiя къ содержанию ими ученiю. Этимъ мы уже обязаны позднѣйшему періоду развитiя русской литературы. Цивилизацiя меньше развитая, когда она встрѣчается и приходитъ въ соприкосновенiе съ цивилизацiею болѣе развитою, страдательно покоряется послѣдней и рабски изумляется въ ней каждой частности. Здѣсь же первая, по мѣткому выраженiю Вѣкля, способна *просматривать золото и подбирать ржавчину!* Въ такомъ отношенiи въ среднiе вѣка находилась цивилизацiя западная къ древне-классической, въ такомъ отношенiи находится теперь цивилизацiя турецкая къ христіанской; именно въ такомъ же положенiи была и находится доселѣ русская жизнь къ западно-европейской. Реформой Петра великаго поставленная въ соприкосновенiе съ западною Европою, Россiя начала перенимать именно внѣшнее, и нерѣдко внѣшнее или непрilожимое или даже дурное; начавши съ бюрократiи, съ централизацiи, съ кастановъ, съ париковъ, съ ассамблей, съ созданiя роскошныхъ палатъ, она потомъ перенесла къ себѣ для поэзи сперва классическіе образцы, потомъ романтическіе. Но внѣшнее

какъ скоро переимается, такъ же скоро и даетъ чувствовать свою несостоятельность; парики оставлены, кафтаны и мундиры нѣсколько разъ измѣнились. Несравненно дольше продолжается, точно также какъ довольно поздно воспринимается, внутреннее содержаніе высшей цивилизаціи низшею; послѣднія степени первой туго и какъ то странно входятъ въ жизнь второй. Въ этомъ случаѣ позже всего развивается и труднѣе всего усвоится философія, которая составляетъ высшее самопознаніе цивилизаціею самой себя. Раньше всего литература воспринимающей цивилизаціи обнаруживаетъ свою самостоятельность въ поэзіи; позже всѣхъ въ философіи. Законъ этотъ имѣлъ полную свою силу и въ нашемъ литературномъ развитіи. Поэтовъ мы имѣемъ уже нѣсколько вполне самостоятельныхъ и народныхъ, и ни одного самостоятельнаго философа. Настоящее современное пожеланіе Россіи, требующее уже народности и самостоятельности творчества и отъ живописцевъ и отъ поэтовъ, въ отношеніи къ философствованію находится въ состояніи рабской покорности западу. Еще живо то поколѣніе, которое запомнить господство у насъ Шеллинговой философіи; Гегелева философія, не принимаемая теперь въ цѣломъ, снабдила многія науки своими началами, на которыхъ онъ до сей поры у насъ созидаются; новѣйшая такъ называемая *индуктивная*, или материалистическая германская философія по праву можетъ считать себя неограниченной властительницей русской мысли, по крайней мѣрѣ большинства молодаго поколѣнія. Общее, что мы замѣчаемъ въ царствованіе каждаго изъ трехъ смѣнившихся преемственно неограниченныхъ монарховъ нашей мысли съ сопутствовавшими имъ учеными историками, геоло-

гами и т. д.,—это то, что подвластные имъ русскіе образованные люди никогда не задавали себѣ труда отнестись къ нимъ самостоятельно и свободно, а напротивъ по ихъ указанію калечили и увѣчили все, враждебное ихъ ученію. Мы уже довольно близко подошли къ выясненію своей мысли касательно происхожденія ненависти къ духовенству и церкви и остальное можемъ договорить словами Хомякова: «Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполне согласными съ историческими показаніями священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Тоже самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы далеко еще не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также мы не достигли и полнаго разумѣнія свещ. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны явиться: но только смѣлымъ допущеніемъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются. Многое, что считалось противнымъ Закону Божию, теперь допущено и безвредно. Папское богословіе запрещало землѣ вѣряться, а мы всѣ повторяемъ за Галилеемъ: *ea se tamquam veritas*, и знаемъ, что движеніе планеты не уничтожаетъ священнаго Писанія; но недѣльный приговоръ духовныхъ судей былъ повторяемъ нерѣдко невѣрующими прошлаго и нынѣшняго столѣтія, и нерѣдко увлекалъ

слабые умы къ безвѣрiю. Опасна не свобода наукъ: она необходима столько же для ихъ успѣха, сколько для достоинства вѣры; а опасно нѣмецкое суевѣрiе въ необходимость наукъ на каждомъ шагу ихъ развитiя. Это суевѣрiе, вредное для науки и еще вреднѣйшее для религiи, должно быть устранено изъ всякаго преподаванiя; но какъ устранить ошибку, къ которой склонны преподаватели по своему ремеслу, а ученики по молодости, довѣрчивости и по самой любви къ наукѣ? Средство просто. Семейство и общество должно имѣть свободный доступъ въ училища, особенно высшiя. Суевѣрiе въ наукѣ и безвѣрiе въ религiи не распространятся и не устоятъ предъ надзоромъ общества вѣрующаго (ибо таково еще большинство), общества уже знакомаго съ наукою, и для котораго она не имѣетъ ни соблазна новизны, какъ для учениковъ, ни соблазна ремесленности, какъ для преподавателей» (1). Это «нѣмецкое суевѣрiе въ необходимость и неизмѣнимость науки и ея выводовъ на всякой данной степени ея развитiя», это рабское отношенiе русскаго образованнаго ума къ западному съ одной стороны и его вовсе ужъ не рабское, даже мало деликатное, а чисто деспотическое и доктринерское отношенiе къ вѣрованiямъ русскаго народа и къ складу русскаго жизни, первѣе всего должны были коснуться са-

(1) Газета «День» № 1. Отъ души радуемся, что наконецъ и среди свѣтской литературы нашелся самостоятельный органъ, честно и прямо ратующiй и прогнавъ рабства русской мысли вообще, и противъ материалистическихъ воззрѣнiй въ особенности, органъ, несчитающiй ниже своихъ высокихъ задачъ — говорить о духовенствѣ и семинаристахъ съ сочувствiемъ. Не смотря на единодушное почти порицанiе новой газеты прежними журналами, мы все таки считаемъ ее лучшимъ и самымъ жизненно-либеральнымъ периодическимъ изданiемъ, и охотно рекомендуемъ ее своимъ читателямъ.

мысль ярлык и вышуклыкъ сторонъ русской жизни, прямо противоположныхъ ихъ рабски принятымъ иноземнымъ воззрѣніямъ. Виднѣе всѣхъ, можетъ быть, другіе особенностей русской жизни зрится русское духовенство, съ своимъ кодексомъ ученій, правилъ, и кромѣ того составляющее какъ бы замкнутую касту, такъ что его нельзя не замѣтить всякому усердствующему поклоннику той или другой западной теоріи, и посылному распространителю ея. Духовенство кромѣ того, составляя организованное сообразно съ своимъ ученіемъ сословіе, представляя нѣкоторымъ образомъ твердыню — оплотъ противъ новыхъ ученій, который защищать примется пожалуй все необразованное наше простонародье, естественнымъ образомъ вызываетъ на себя вниманіе нашихъ передовыхъ мыслителей, на него обращаютъ и серьезные и холостые запы клеветы и оскоты, и профессоръ съ кафедры и публицистъ въ бѣглой статейкѣ, Піотровскій въ «Одной изъ кастъ», Антоновичъ въ «Старыхъ и новыхъ философахъ». Безсмысленныя нападенія, неудобствемаго даже отвѣта со стороны осаждаемыхъ, вызываетъ злобу у нападающихъ и новыя, болѣе уже ожесточенныя нападенія. Болѣе робкіе изъ за угла и мимоходомъ, болѣе ретивые прямо бросаются на духовенство и содержимое имъ святое ученіе. Вотъ, напримеръ, г. Піотровскій, основавшійся на одной изъ теорій — на теоріи Конта о трехъ степеняхъ развитія каждаго народа: *теологической* или вымыщенной (?), *метафизической* или отвлеченной, и *научной* или положительной, основавшійся на этой теоріи еще не проверенной, которую можетъ стать послѣ завтра же смѣнить другая теорія, и укрѣпившись за ней, какъ за твердымъ фортомъ, съ усердіемъ дисциплинированнаго

рядоваго, сыплетъ холостыя залпы сперва по христіанскому ученію за то, что оно, видите, какъ ученіе теологическое, «постоянно обращаетъ вниманіе на отношеніе чело­вѣка къ Богу, какъ своему первообразу.... что оно признаетъ грѣшность чело­вѣческаго рода, чувствительность его первой природы и необходимость спасенія, возрожденія (sic), превращенія животной природы въ духовную»; потомъ — по духовенству за то, что оно «проповѣдуетъ, какъ цѣль жизни, любовь и служеніе Промыслу.» Нанадеіе безсильное, это конечно сознавалъ и самъ авторъ; но многіе развѣ назовутъ въ самомъ дѣлѣ дурнымъ ученіе, которое, какъ нелѣпое, выставилъ Пютровскій; и онъ уже потомъ въ пользу ученія Конта начинаетъ клеветать на духовенство. Но г. автору этому, какъ и всѣмъ другимъ, не мѣшало бы помнить, что между старообрядцами, равно какъ и между людьми держащимися ко­выль «научныхъ или положительныхъ» воззрѣній, могутъ быть и хорошіе и дурные люди, и что дурной не порочитъ ученія, содержаемаго имъ, и что христіанское ученіе не такого рода вещь, чтобы истина его зависѣла отъ качества лицъ, содержащихъ его, точно также, какъ истина ученія Конта не зависитъ отъ того, что г. Пютровскій, вѣрующій ему, не совсѣмъ честно и добросовѣстно говорить о русскомъ духовенствѣ. Вообще если только вѣрно то, что у насъ образованный «человѣкъ отрывается такъ сказать отъ почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей землѣ» (1), всецѣло покоряя весь запасъ своей собственной душевной энергіи той или другой, попавшейся ему въ руки книгѣ, Бюккля или Милля, Конта или Шопенгауера, то для

(1) Слова Хомякова. Тамъ же.

всѣхъ дружить внигъ, для всей русской жизни, для самаго откровенія и для проповѣдующаго его духовенства не можетъ быть никакого другаго отношенія, какъ отношеніе невниманія, презрѣнія, ненависти или злобы. Только лице свободное и самостоятельное можетъ быть въ дружбѣ и пріязни со многими и многими оказывать вниманіе и услуги: настоящій рабъ даже двумъ господамъ не можетъ работать. О русской жизни съ какихъ бы точекъ зрѣнія не судили, кромѣ точки зрѣнія самостоятельной, съ точки ли зрѣнія Гегелевской философіи, Бюхнеровской ли, Миллевской ли, всегда она во всѣхъ своихъ сторонахъ, и въ духовенствѣ между прочимъ, пошатнется безобразной и требующей страшной ломки, а въ случаѣ ея безмолвнаго и стойкаго сопротивленія, заслуживающаго пренебреженія, ненависти, или чего нибудь похожаго на эти чувства.

Этотъ прогрессъ въ закрѣпленіи между русскою мыслию и западною отношеній раба къ господину начался довольно давно, и первые законоположенники такого порядка (сваливъ вину воть въ этомъ на другихъ!) были выписанные изъ за моря для насильственно цивилизуемой Россіи — профессора разныхъ академій, университетовъ, училищъ. Потомъ ихъ насажденіе утверждали и похваляли посланные за границу особенно даровитые и прилежные, много обѣщавшіе воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, занимавшіе по возвращеніи профессорскія мѣста; чѣмъ даровитѣе были лица, тѣмъ больше они усилвали въ данномъ направленіи. Между тѣмъ, какъ эти ученые наставники переносили и пересаживали теоріи западныя со всею ихъ точностію и равняющеюся точности неприложимостію и враждебностію началамъ русской жизни, подспорьемъ имъ въ ихъ по-

лезныхъ трудахъ послужило издавна укоренившееся убѣжденіе въ русскомъ образованномъ сословіи — проводить, какъ необходимую принадлежность порядочнаго воспитанія, знаніе новѣйшихъ языковъ — французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, значительно облегчавшее для самыхъ посредственныхъ головъ усвоеніе уроковъ и послѣднихъ выводовъ западной жизни и науки. «Преподаваніе языковъ живыхъ раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и расслабляетъ; другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится французскому и другимъ европейскимъ языкамъ, приобретаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломаныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, приобретаетъ знаніе не языковъ, но самихъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы русскій человѣкъ превосходно владѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знанія многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы русскій совершенно разнакомился со всѣми живыми особенностями роднаго нарѣчія» (1). Человѣкъ *мноязычный* столько же проигрываетъ относительно самодѣтельности мышленія и самостоятельнаго усвоенія чужихъ мѣній, сколько выигрываетъ относительно многознанія и многочитанія. И можетъ быть достаточно одной этой особенності воспитанія нашихъ образованныхъ юношей и дѣвицъ, чтобы понять, насколько мы еще успѣемъ въ работѣ предъ западнымъ развитіемъ и насколько съумѣемъ отрѣшиться отъ способности мыслить свободно о пред-

(1) Замѣтка Хомякова. Тамъ же.

нестать, подлежащихъ разсмотрѣнію и обсужденію, если подобный порядокъ воспитанія будетъ еще продолжаться. Вкусъ къ иноземнымъ произведеніямъ у насъ въ Россіи развился тѣмъ быстрѣе, чѣмъ бѣднѣе была наша отечественная литература, и чѣмъ строже и подозрительнѣе была русская цензура. «Если выраженіе мыслей въ отечествѣ затруднено и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и мысль молодого возраста предается вполне и безъ защиты влиянію чужеземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ по общему мнѣнію.... Иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности русской, вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя по общему мнѣнію заслуживаютъ наибольшей похвалы и особеннаго поощренія. Для русскаго взгляда иностранца на общество, на государство, на вѣру превратенъ: несправленные добросовѣстною критикою русской мысли слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы; а между тѣмъ при оскудѣніи отечественнаго слова, русской читатель поневолѣ долженъ пробавляться произведеніями заграничными (1).» Иностранная литература незамѣтно ставила уже русскихъ читателей на чуждую русской жизни и исторіи точку зрѣнія на русскую жизнь и ея явленія. Русское образованное общество долго бы еще читало и восхищалось преемственно любимыми писателями — мадамъ Жанлисъ, Бальзакомъ, Дюма и Сю, Полемъ Февалемъ и Жоржъ-Сандомъ, и соотвѣтствовавшими имъ учеными, если бы нѣсколько свободныхъ гениальныхъ поэтовъ не привлекли его вниманія къ русской печати и

(1) Дель, № 1; ст. Хомякова.

не заставили его допустить, что иногда и на русском языке попадаются порядочныя вещи, стоящія прочтенія, если бы за тѣмъ произведенія Вальтеръ Скотта, Диккенса, Теккерея и другихъ англійскихъ писателей не показали фальши французскихъ рассказчиковъ и худости тамошнихъ ученыхъ и если бы наконецъ наша отечественная письменность не сдѣлалась богаче и разнообразнѣе, вмѣстѣ съ облегченіемъ цензурныхъ правилъ.

Но уже привыкшая не трудясь судить и рядить все западными умами, русская литература въ короткій срокъ не могла пріучиться къ самостоятельности воззрѣній. Долго стѣсняемая и останавливаемая русская мысль вырвалась наконецъ на просторъ и, почувявъ себя на свободѣ, пустилась бѣжать уже безъ оглядки— по пути прогресса, готовая мигомъ насадить на родинѣ все доброе, что есть на западѣ, воспринять за одинъ разъ все выводы науки и жизни западной, и разомъ истребить въ народѣ все кажущееся злымъ и худымъ, забывая, что передовыя страны запада далеко не такъ быстро бѣжали по тому пути, который привелъ ихъ къ теперашнему совершенству, что «въ Англїи на примѣръ никогда не было и нѣтъ теперь легкомысленнаго отношенія къ прошедшему, что она напротивъ съ почтеніемъ смотритъ на прожитое ею. Оставляя одно и переходя къ другому, она медлитъ, и только исчерпавъ, изживъ всю жизнь одной исторической минуты, переходитъ она какъ будто не охотно, какъ будто съ сожалѣніемъ къ другой. Это есть высшая добросовѣстность прогресса. Вотъ почему сдѣлавъ шагъ впередъ, она не дѣлаетъ шага назадъ. Залогъ этого постоянного хода впередъ въ непрерывной связи съ прошедшимъ... А мы разорвали нашу связь съ прошедшимъ, снялись съ корня, и вотъ причина

бъглаго и вѣтренаго хода нашей литературной и всаческой дѣятельности. Мы было прильнули къ чужому самостоятельному развитію, но, лишившись всякой своей почвы, своего дна, такъ сказать, — мы ничего и чужаго удержатъ въ себѣ, какъ въ рѣшетѣ, не можемъ. Все бѣжитъ сквозь; ничего не остается; или лучше постоянно остается пустота... Литература наша (говоря вообще) мчится съ необыкновенною быстротой: она *ѣдетъ на легкѣ*. На легкѣ и не мудрено мчаться. Есть залогъ, что она не все будетъ скакать на легкѣ, что *будетъ авось* въ ней влажа поважнѣе и потяжелѣе кучи иностранныхъ и переводныхъ этикетовъ, объявленій и оглавленій, которыя большею частію составляютъ весь грузъ ея. Пусть уже себѣ скачетъ скорѣе! пусть проскачетъ весь путь, какой проскакать она можетъ, стараясь догнать западъ: пусть догонитъ и попробуетъ опередить западъ, оставаясь на западной дорогѣ... Авось доскачетъ она до того, что и шагу ступить будетъ нельзя, потому что не будетъ знать, куда же дальше идти... Авось пойметъ она, что такое отношеніе къ истинѣ, къ просвѣщенію ложно, что самый путь ея ошибоченъ, потому что не свой, что каждый народъ своимъ радіусомъ доходитъ къ центру, что даже готовую мысль надо пережимать своимъ умомъ, что жить *чужимъ умомъ* значитъ отказаться отъ *себя*, что, однимъ словомъ, для всякой духовной человѣческой дѣятельности необходима самобытность. Авось пойметъ это наша литература, доскакавъ по прежней чужой дорогѣ до предѣла и не зная, куда идти дальше, — пойметъ и выйдетъ на другую, новую для ней, но самобытную дорогу. А пока обратимся къ нашей литературѣ — какъ она есть и къ ея скачущему во весь опоръ прогрессу.

Постараемся разсмотрѣть дѣло по ближе. И такъ эта быстрота смѣны явленій, это бѣгомъ совершающееся развитіе имѣеть еще мало въ себѣ утѣшительнаго, доказывая только отсутствіе почвы, отсутствіе того вѣса, который умѣряеть движеніе и дѣлаеть каждый шагъ прочнымъ и полезнымъ. Наивныя слова: «какъ быстро мы идемъ вперед!» очень смѣшны. Съ другой стороны иначе и быть не можетъ, какъ скоро литература оторвалась отъ самаго ея начала, отъ союза съ народомъ, который одинъ даетъ значеніе дѣлу, степенность и силу. Въ то же время литература наша на бѣгу отдѣляется легко и отъ разныхъ ошибочныхъ увлеченій... Мы высказали и повторяемъ наше желаніе, а вмѣстѣ и надежду, что въ своемъ вѣтrenomъ движеніи литература наша добѣжитъ до того предѣла, съ котораго начнется для нея серьезная дѣльная дѣятельность. Пусть же быстрѣе смѣняются ея оттѣнки и видоизмѣненія, быстрѣе именно для того, чтобы пришла скорѣе та дѣятельность, гдѣ будетъ все глубже исчерпываться, завѣшиваться и давать прочные плоды». Это было писано покойнымъ К. Аксаковымъ еще въ концѣ 1859 г., но замѣтки, справедливыя для того времени, не утратили ни мало справедливости и въ 1862 г. — два года спустя. Наша литература свѣтская вообще еще не перебрала всѣхъ оттѣнковъ и видоизмѣненій западнаго развитія, не добѣжала еще до своего урочнаго предѣла, и для нея еще не настало время самостоятельнаго и зрѣлаго обсужденія своихъ собственныхъ явленій — безъ предварительныхъ предубѣжденій въ пользу тѣхъ, или другихъ западныхъ воззрѣній. По крайней мѣрѣ въ объявленіи объ изданіи журнала «Время» въ 1862 г. Редакція почти слово въ слово повторила приговоръ надъ русской ли-

тературой, произнесенный въ 1859 г. Аксаковымъ; она тоже обвиняетъ русскую мысль въ отчужденіи отъ родной почвы, въ пареніи въ воздухъ, въ страданіи по идеямъ, чуждымъ намъ и въ лицемѣрномъ болѣзни чуждыми болѣзнями. Ту же самую мысль на нѣсколько родовъ и ладовъ повторяютъ почти все русскіе свѣтскіе журналы, особенно часто Русскій Вѣстникъ и еще чаще День. «Въ то время», пишетъ наприм. послѣдняя газета, «какъ наша литература (по крайней мѣрѣ въ лицѣ значительной части своихъ представителей), отрѣшившись отъ чернорабочаго труда, требуемаго суровыми задачами современной дѣйствительности, облегчившись отъ груза исторіи, — убѣгаетъ далеко впередъ или въ сторону отъ дороги, на просторъ отвлеченности, гдѣ безъ помѣхи и препятствій создаетъ разные воздушные замки, — исторія продолжаетъ свое дѣло, создавая изъ историческаго матеріала разныя, не отвлеченныя, но практически-жизненныя, не рѣдко уродливыя явленія. Литература становится и рѣшаетъ не существующіе вопросы, переживаетъ сотый, или двухсотый фазисъ своего ускореннаго отвлеченнаго развитія... Такое направленіе литературы легко объясняется разными историческими причинами, но, какъ бы то ни было, въ то время, когда мы заняты мечтами несбыточными, или осуществимыми чрезъ тысячи лѣтъ, — у насъ предъ глазами не замѣтно вырастаютъ крупныя явленія, и готовы возникнуть важныя государственныя мѣры (1)»... «Странное, напримѣръ, мѣсто занимаетъ въ нашей столичной жизни и въ литературѣ тотъ громадный, социальный переворотъ, который извѣстенъ у насъ подъ

(1) День № 11.

скромнымъ названіемъ «крестьянскаго вопроса», или «крестьянскаго дѣла». Совершаясь въ дѣйствительной, а не въ отвлеченной средѣ, охватывая съѣтку своихъ могучихъ корней всѣ слои нашей исторической почвы, проникая во всѣ изгибы нашего общественнаго быта, онъ тѣмъ не менѣе въ области тѣхъ отвлеченныхъ, до-сужихъ, призрачныхъ интересовъ, которыми живетъ, по большей части, и пробавляется наше столичное общество, а съ нимъ и наша литература, представляется какимъ-то жесткимъ, постороннимъ тѣломъ, упорно не разлагающимся, не уступающимъ никакимъ усиліямъ химиковъ-теоретиковъ.... Въ немъ, въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ есть та грубость дѣйствительности, та дикость и сырость самородка, полнаго внутренней органической силы, которая ставятъ въ неловкое къ нему отношеніе нашихъ прогрессистовъ, доктринеровъ и либераловъ» (1). «Большая часть изъ нихъ и невѣжды и деспоты. Невѣжды они потому, что не знаютъ и не хотятъ знать органической силы того матеріала, изъ котораго они думаютъ строить свое либеральное зданіе. Предъ ними сосна и береза, которымъ они велитъ быть мраморомъ, а такъ какъ это невозможно, то они и красятъ дерево подъ мраморъ! Предъ ними гранитъ, они воображаютъ его палиссандромъ и красятъ подъ дерево.... Они деспоты потому, что истинный либерализмъ долженъ состоять въ признаніи правъ самой жизни, слѣдовательно въ смиренномъ отношеніи къ требованіямъ ея, въ искреннемъ стремленіи понять ея часто темный, неразгаданный языкъ, въ уваженіи, наконецъ, къ историческимъ началамъ русскаго народа, — а всего

(1) Дель № 10.

этого и не замѣчается у нашихъ псевдо-либераловъ. Они деспоты потому, что считаютъ весьма извинительнымъ для своихъ либеральныхъ насажденій безпощадно терзать землю деспотическимъ заступомъ и лопатой (1).» Такимъ образомъ совершенно справедливо мы замѣтили, что литература наша, выигравъ относительно богатства и разнообразія, по прежнему занимается вопросами непрактическими, отвлеченными, не своими, и своимъ рѣшаетъ, какъ диктуютъ ей западные экономисты, философы и публицисты. Единственно, что она успѣла выиграть въ этомъ случаѣ, это то, что она наконецъ понимаетъ, что рабствуетъ, что ея вѣщанія широкія и диктаторскія, волнуя лихорадочно умы, не ведутъ ни къ чему доброму. Но отъ сознанія глупости до исправленія еще очень длинный путь; и этотъ путь еще особенно длиненъ для тѣхъ сторонъ рабства, которыя касаются болѣе внутреннихъ сторонъ жизни, касаются нравственнаго міросозерцанія; здѣсь рабство долго можетъ продолжаться, не давая даже знать о себѣ, долго еще могутъ лелѣться теоріи и доктринерски предлагаться прежде, чѣмъ онѣ заявятъ свою неприложимость и свой вредъ. Акціонерныя компании разныхъ родовъ, введенныя по указанію литературы и открывшія свою дѣятельность подъ ея хвалебно-торжественный хоръ, успѣли уже показать, на сколько онѣ приложимы и полезны въ русской землѣ, потому что это дѣло слишкомъ вѣдшее и скоро можетъ проявить свою несостоятельность. Не такова судьба философскихъ теорій; онѣ долго могутъ проповѣдываться и выдаваться литературою, какъ непреложныя, годныя для всѣхъ

(1) Дель № 11.

странъ и народовъ, системы мировоззрѣнія и нравственной дѣятельности, которыхъ истинность придаетъ уже имъ обязательность, которыхъ непринятіе означаетъ невѣжество не принимающихъ, которыя, говоря языкомъ современной литературы, суть послѣднія слова науки, — прежде, чѣмъ жизнь заявитъ свои права и ложность этихъ истинныхъ теорій. Мы уже слишкомъ близко подошли опять къ основному предмету своихъ разсужденій, удалившись отъ него по необходимости и для большаго разъясненія дѣла. Наша литература со всѣмъ усердіемъ переноситъ политическія, социалистическія, отвлеченно-философскія теоріи, историческія, геологическія, и на бѣду въ каждой почти теоріи видитъ стороны, принятіе которыхъ должно ставить ее можетъ быть больше, чѣмъ къ другимъ сословіямъ, въ оппозицію сословію духовному и къ проповѣдуемому имъ ученію. Отдаваясь беззавѣтно западной наукѣ, какъ не отдаются сами западные писатели и читатели, — о цѣлыхъ народахъ уже и не говоримъ, — наши публицисты и журналисты нѣтъ-нѣтъ да и прихватятъ стороной или прямо въ лобъ духовенство и христіанскія вѣрованія. Они не ждутъ, что теоріи могутъ оказаться ложными, а противное имъ ученіе вѣры истиннымъ; безотчетно вѣруя сами и на вѣру принимая слова своихъ учителей, они вооружаются противъ всякой вѣры религіозной. «Вся эта теологія — вздоръ», говорятъ они, порожденіе невѣжества, — а проповѣдывающая ее каста — это настоящее *«темное царство»*. Мы естествоиспытатели, мы проповѣдуемъ послѣднія слова западной науки, а противники наши мраколюбцы, дармоѣды, и для насъ и для блага Россіи, о которомъ болѣютъ наши сердца день и ночь, это самые опасные, потому что

крѣпко организованные, противники. Они, правда, молчать, когда мы даже и Бога отвергаемъ и человѣческую душу, — народъ, значить, смиренный, — они даже надѣются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ примирить насъ съ собой, т. е. безбожіе съ христіанскими вѣрованіями, доктрины, основанныя на эгоизмѣ, съ евангельскимъ ученіемъ о самоотверженіи и любви, — что же, пусть занимаются этимъ полезнымъ дѣломъ, успѣхъ будетъ, конечно, такой же, какой имѣли искатели философскаго камня. Но все-таки эта сила страшна, это молчаніе едва ли не знакъ молчаливаго упорства, съ какимъ держится это сословіе своихъ стародавнихъ вѣрованій, да еще омрачаетъ ими народъ, закрывая отъ него всѣ лучи научныхъ рѣшеній, безъ устали проводимыхъ нами въ русскій народъ для его блага. Это самая ненавистная каста съ самымъ антипрогрессивнымъ ученіемъ о какомъ-то возрожденіи, о какомъ-то *впаденіи*, о какомъ-то *преращеніи чувственной природы въ духовную*, которая притомъ ставитъ человѣка *въ ближайшее отношеніе къ Богу, какъ своему преобразу*, проповѣдуетъ *служеніе Промыслу и любовь еще*. Последнія слова европейской науки не таковы». А пожалуй, гг. литераторы, что и таковы, только европейскую мысль не нужно опредѣлять по тѣмъ книжкамъ, которыя вамъ случилось пріобрѣсти и прочитать, чтобы потомъ безусловно подчиниться ихъ воззрѣніямъ, а если брать даже европейскую литературу во всей ея сложности, и не мѣрять ее тѣми наркотическими, словесными произведеніями, которыми тамошніе писатели пробуютъ возбуждать притупленный вкусъ публики. Мы укажемъ примѣръ. Вотъ напр. въ русскомъ журналѣ читаешь восторженные похвалы «Исторіи англійской цивилизаціи» Бокля; подумаешь, что это по-

слѣднее слово западной европейской исторической науки, что противъ Боккля даже не протестовалъ тамъ никто; а посмотрѣли бы хоть въ тѣ же англійскіе журналы, напр. въ Единбургское Обзоріе, одинъ изъ лучшихъ умѣренно-либеральныхъ англійскихъ журналовъ, и вы увидѣли бы, что Англія далеко не такъ восторженно относится къ произведенію Боккля, какъ отнеслись наши русскіе журналисты потому только, что онъ излагаетъ исторію цивилизаціи съ самой модной для насъ русскихъ — положительной точки зрѣнія и подобно русскимъ презрительно говоритъ о вѣрѣ Христовой и о духовенствѣ, что тамъ противъ этого *последняго слова* исторической науки раздалась еще болѣе *последнія слова*, что тамъ нашъ авторитетъ изобличается и въ односторонности, и въ искаженіи историческихъ фактовъ, и во многихъ другихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ противъ науки и истины. Много раздавалось въ мірѣ подобныхъ послѣднихъ словъ науки; когда-то была послѣднимъ словомъ философія Канта, когда-то была философія Шеллинга, потомъ долгое время считалась философія Гегеля, а Куно Фишеръ ⁽¹⁾ и до сей поры считаетъ ее послѣдней, самой полной философскою системою; потомъ вошла въ моду положительная, или матеріалистическая философія Бюхнера и Шопенгауера; и если бы на основаніи каждой изъ этихъ философій люди, считавшіе ихъ истинными, также рабски относились къ нимъ и деспотически къ другимъ и къ явленіямъ дѣйствительности, то наступила бы въ самой философій поразастоя, а жизнь и ея формы приходилось бы ломать

(1) Три вступительныя лекціи изъ Исторіи Новой Философіи. Переводъ Соляникова. С. П. Б. 1861 г. стран. 3.

при каждом таком новомъ послѣднемъ словѣ. Жизнь потому она и жизнь, что въ ней одно смѣняется другимъ не потому, чтобы первое было безусловно ложно, а послѣднее безусловно истинно; а потому, что послѣднее показываетъ недостаточность, или фальшу въ первомъ,—какъ въ свою очередь и въ немъ самомъ окажется фальша и ложь при послѣдующемъ поворотѣ жизни, или сознанія: одно Евангеліе, одна святая Церковь пребываютъ среди круговорота земной жизни неподвижными, неизмѣнными съ кодексомъ истинъ—вѣчныхъ, не старѣющихъ, которымъ самыя страшныя уклоненія человѣческаго разума или воли лишь придаютъ новый блескъ, новую силу и новое торжество. «Въ этомъ отношеніи мнѣ представляется», пишетъ Самаринъ, котораго за его статью: *О Матеріализмѣ*, такъ осмѣяли нѣкоторые русскіе журналы, — «въ будущемъ огромная польза отъ строго послѣдовательнаго матеріализма. Я уже не говорю о томъ, что онъ призванъ покончить со всѣми попытками на чемъ нибудь утвердить идею нравственности (понятіе долга, чувство человѣческаго достоинства и т. под.) въ православіи (разумѣя подъ этимъ словомъ не одну доктрину, но Церковь, какъ живой организмъ), что противъ него не устоитъ ни безцвѣтный, безкостый, дряблый гуманизмъ, ни социализмъ со всѣми его бреднями и полумистинами, но для нашего положительнаго, религіознаго сознанія онъ, мнѣ кажется, имѣетъ особенную важность. Матеріализмъ—это острая кислота, которая обмоетъ тусклый ликъ православія и возвратитъ ему блескъ и чистоту» (1). Мы русскіе въ короткую пору столько же переѣли западныхъ

(1) Дель № 2.

философскихъ, историческихъ и всяческихъ теорій, сколько китайцы не переѣли англійскаго опіума, и быть можетъ болѣзненно расположены уже время отъ времени перемѣнять теоретиковъ для возбужденія и усиливать приемы, чтобы не было скучно. Матеріалистическая философская система, безспорно правящаяся больше всѣхъ другихъ русскому юношеству, одна изъ самыхъ наркотическихъ одуряющихъ теорій. Мудрено ли, что за ней бѣгаетъ наше скучающее, современное образованное, особенно молодое, общество?

Надѣмся, что мы довольно уяснили возникновеніе, переходныя степени, и настоящее возбужденное состояніе презрѣнія образованныхъ классовъ общества къ духовенству, показавъ, какъ сперва изъ-за париковъ, да изъ-за кафтановъ, потомъ изъ-за французскихъ энциклопедистовъ, потомъ изъ-за нашей невольной бѣдности и нищеты съ ихъ послѣдствіями, потомъ изъ-за разныхъ иноземныхъ теорій и воззрѣній, и наконецъ изъ-за общепринятой почти матеріалистической философіи насъ презирали, насъ бѣгали, насъ наконецъ стали ненавидѣть. Послѣдняя причина еще слишкомъ близка къ намъ, чтобы не остановиться на ней нѣсколько долѣе. Философія эта также нова, какъ нова знаменитая поэма Лукреція, и ея эпиграфомъ можетъ быть стихъ этого эпикурейца: *arctis Religionum animos podis exsolvere pergo* ⁽¹⁾. Она не слишкомъ-то много льститъ человѣческой гордости—въ нашъ гордый самолюбивый вѣкъ, чтобы этою стороною завлекать умы общества. Принимая ее, вы должны отказаться отъ того, что ваша жизнь есть художественная драма, слагаю-

(1) «Я иду освободить души отъ тѣсныхъ цѣпей религіозныхъ».

щався нѣтъ взаимодѣйствія верховной правящей силы и личной вашей свободы, что вы — живое ередоточіе, къ которому извѣстными образомъ относится все окружающее, надобно вычеркнуть понятіе добра и зла, предназначенія и долга, совершенствованія и упадка, оставить всѣ привычки, которыя только въ этихъ понятіяхъ и находятъ себѣ оправданіе, напримѣръ — допрашивать свою совѣсть, судить себя и другихъ, вообще порицать и хвалить что бы то ни было;... не очевидно ли, что въ этомъ *святомъ царствѣ* новой науки или положительности вы должны были бы немедленно задохнуться; въ немъ нѣтъ возможности ни думать, ни дѣйствовать, ни чувствовать, ни говорить по человѣчески. Какъ же объяснить себѣ то явленіе, что такая безотрадная философема находитъ себѣ и самоотверженныхъ проповѣдниковъ и честныхъ ратоборцевъ, что ей слѣдуетъ большинство, чѣмъ объяснить ея громадныя успѣхи? Подобный же вопросъ задавалъ себѣ г. Самаринъ и отвѣтъ его на него — отвѣтъ не полный, но очень меткій. Вотъ онъ: «мнѣ кажется, что вся сила материализма не въ немъ, а внѣ его, въ томъ, что онъ отвергаетъ; онъ силенъ воодѣйствіемъ на него отрицаемой силы. Эта зависимость утверждаемаго отъ отрицаемаго ясно и наглядно выражается въ приемахъ материализмовъ, въ ихъ тонѣ и во всемъ ихъ личномъ образѣ. Вы чувствуете, что все ихъ одушевленіе, весь пафосъ ихъ, вся сила и увлекательность ихъ есть одушевленіе, пафосъ, сила и увлекательность борьбы. Они потому только не падаютъ, что обѣими руками обхватили своего врага, впились въ него когтями и закусали въ него зубы; не будь его, они не въ состояніи были бы удержаться на ногахъ. Все, что въ нихъ есть

сочувствующаго, жгучаго, и обаятельнаго, есть только блескъ того солнца, противъ котораго они вопиють, какъ дивари верховьевъ Нила. Но это послѣдніе лучи свѣтила для нихъ заходящаго. Скоро будетъ темно и холодно, скоро все замретъ, посохнетъ и съжигтся. Прослѣдите вліяніе учениі въ живыхъ образахъ преемственно развивающихся его поколѣній, и вы согласитесь со мною. Возьмите для примѣра хоть нашу Москву. У насъ еще въ свѣжей памяти типы старшихъ учителей Г и В; отъ нихъ пошли N и N, а вѣдь ужъ послѣдніе выродились въ такихъ, на которыхъ сами учителя смотреть теперь съ тоскливымъ изумленіемъ — смотреть и видѣть, яко се не добро. Скажите, когда же это кончится? Близка ли реакція; или надобно ожидать еще худшаго? Вотъ что тяжело и грустно. Ученіе развивается своимъ порядкомъ, по своимъ законамъ, но люди изнашиваются и портятся; пропадаетъ безвозвратно кровь и мозгъ цѣлыхъ поколѣній. По поводу чужихъ, я невольно вспомнилъ о своихъ. Возьмите Бюхнера и N N, забудьте, что за первымъ есть богатая, ученая подготовка, а второй неучъ, проповѣдующій въ невѣжественномъ обществѣ, у обоихъ одна общая черта. Главное побужденіе, главная двигательная пружина ихъ дѣятельности — это наслажденіе тою нестерпимою досадою, которую они въ силахъ причинять казеннымъ законоучителямъ, педагогамъ, блюстителемъ всякаго рода благоустройства и т. п. Сами они ничего не любятъ, или лучше, любятъ свою мысль, какъ палку, которою можно больно бить другихъ, любятъ въ ней ту бессильную злобу, которую она противъ себя возбуждаетъ. Это свойство мелкихъ и жиденькихъ, почему-либо промислившихъ натуръ. Книга Бюхнера вызвала ропотъ досады и не-

годованія. Въ этомъ ропотъ значительная доля страха. Нѣмецкіе Theologen, Schulgelehrten переглянулись съ безпокойствомъ: того и гляди, кафедра, паства, акциденція, Богъ, совѣсть, добро и зло, кормленіе, затверженныя учебники, все это вывалится у нихъ изъ рукъ и разлетится въ дребезги. И страшно и досадно до нелзя. А ему только это и нужно: тутъ-то онъ и торжествуетъ. Онъ прислушивается къ оглушительному ропоту и какая-то сладострастная дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ его жиламъ. Но вотъ онъ собрался говорить, послушайте: «Такъ, вотъ что, добрые люди! Вы спрашиваете: куда же дѣваться съ вашимъ Богомъ, съ вашею совѣстью, съ вашею нравственною свободою, съ откровеніемъ, и т. п. Вы спрашиваете: нельзя ли всей этой ветоши отвести хоть какой нибудь уголокъ въ безконечномъ Reich der Natur. Такъ знайте же, друзья мои: нѣтъ этому мѣста нигдѣ, все занято червями, инфузоріями и мокрицами; да по правдѣ сказать, съ чего вы и взяли, что дѣло науки гладить васъ по шерsti, да потакать вашимъ бреднямъ, да усыпить васъ дѣтскими сказками? Случно вамъ, тяжело, больно, душа рвется на части.... Ага! Намъ то и любо!» Вотъ его отвѣтъ на отзывы о его книгѣ, и въ этихъ строкахъ онъ вылился весь, обнаружилась до послѣднихъ изгибовъ эта эгоистическая натура. Какъ все это намъ знакомо! Кажется, читаясь нѣмецкую книгу, а точно писано по нашему, по русски».... (1). Изъ этого, довольно длиннаго отрывка, приведеннаго нами, читатели могутъ видѣть, что г. Самаринъ производить торжество матеріализма изъ силы спиритуализма, отвергаемаго имъ, изъ досады и ропота,

(1) Дель № 2.

какіе онъ возбуждаетъ въ людяхъ солидныхъ и занимающихъ тѣ или другія должности, основанныя на спиритуалистическихъ воззрѣніяхъ. Едва ли здѣсь все сказано, что можно сказать въ объясненіе этого явленія. Вообще производить то или другое историческое направленіе изъ одной причины—дѣло остроумное, но едва ли справедливое; всякое крупное явленіе, въ томъ числѣ и торжество матеріализма, имѣетъ слишкомъ сложныя причины, изъ которыхъ каждая въ извѣстной мѣрѣ участвовала въ произведеніи его. Нашъ журналъ уже высказалъ свой взглядъ на ходъ и повороты западно-европейской жизни ⁽¹⁾. Не повторяя того, что сказано было нами прежде, мы скажемъ только, что сначала XVI вѣка жизнь западнаго христіанскаго міра слѣдовала преимущественно реальному направленію, улучшенію удобствъ частной, семейной, общественной, политической, международной, вообще внѣшней жизни, что жизнь, значить, уже раньше носила сама въ себѣ сѣмена этой теоріи, которая служить лишь ея сознаніемъ и освященіемъ; положительность теоріи вызвана была положительностію западнаго развитія, такъ что умы встрѣтили ее, какъ нѣчто родное. Ребяческій развратъ двора Людовиковъ XIV и XV и регентовъ еще ранѣе самой жизнью отвергалъ всякіе нравственные принципы, которые потомъ въ *Systeme de la Nature* отвергнуты были неизвѣстнымъ ея составителемъ теоретически, или что потомъ философски отвергали д'Аламберъ, Дидро и застольная дружина барона Гольбаха. Точно также реальное, но уже болѣе сознательное на-

(1) См. статью: «Въ воспоминаніе 19 февраля». Христ. Чт. 1861 г. Май.

правление XIX вѣка съ своими уже организованными, болѣе широкими улучшениями государственными, частными, въ торговлѣ, въ промышленности, въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ — произвело и дало торжество теоріи философскаго реализма. И какъ всякое направленіе начинаетъ уже переставать въ жизни, какъ скоро оно сознается философскимъ манеромъ и возводится въ теорію; такъ точно будетъ, надѣмся, и съ философіей матеріалистической. Мы—русскіе, при перенятіи съ запада образованія, взяли именно его реальную сторону; мы заимствовали усовершенствованія военныя, административныя, торговыя, промышленныя, усовершенствованія въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ, удобства жизни и предметы роскоши. Наше образованное общество раньше еще сдѣлалось матеріалистическимъ, положительнымъ: мудрено ли, что теорія положительности, реализма нашла отзывъ въ сердцахъ его. Она освящаетъ и возводитъ въ систему тѣ правила жизни, которымъ слѣдовали мы доселѣ: а это не можетъ не быть пріятно для принимающихъ теорію, хотя можетъ быть опасно для самихъ правилъ; потому что въ тиши—подъ рукой можно еще слѣдовать этимъ правиламъ, но приведенныя въ систему они имѣютъ очень неуклюжій видъ, какой получили, по суду Шлоссера (1), правила

(1) Шлоссеръ во 2 томѣ исторіи XVIII столѣтія пишетъ о Системѣ Природы слѣдующее: «достоверно, что это сухое сокращеніе врачевой доктрины, мертвящей фантазію и чувство, задано было Гольблахомъ и его друзьями. Книга эта вышла въ 1770 г. и своимъ успѣхомъ обязана преимущественно оппозиционному духу и прелесть, какую имѣетъ для толпы все тайное и замрещенное; написана же она вяло и дурно. Въ сущности Система Природы только возводитъ въ теорію безразличными ученія и правила, которые съ самаго основанія міра господствовали въ богатыхъ, знатныхъ и веселыхъ кругахъ. Недавнѣе, эти

французской аристократіи, когда *Система Природы* возвела ихъ въ философскую теорію. Здѣсь уже видны и пошлость и односторонность правилъ,—и непослѣдовательность теоретиковъ: вотъ почему возведеніе какого нибудь направленія жизненнаго въ философскую законченную теорію есть уже граница его развитію и поворотъ къ другому направленію. Это одно прибавленіе къ объясненію торжества матеріалистической философіи на западѣ и у насъ. Другое, — что также нѣсколько объясняетъ успѣхъ матеріалистовъ, — это ихъ непослѣдовательность. Они не прочь отъ принятія и проповѣданія высокихъ нравственныхъ правилъ, хотя эти послѣднія не вытекаютъ изъ ихъ теоріи; не прочь, напримеръ, говорить объ эмансипаціи негровъ, женщинъ, о гражданской свободѣ, о правахъ личности, — о правилахъ, уничтожаемыхъ ихъ теоріею, но принимаемыхъ ими потому, что правила эти имѣютъ современный интересъ ⁽¹⁾. Такъ поступалъ нѣкогда и Вольтеръ, напад-

люди, которые осмѣивали весь свѣтъ, сдѣлались сами свѣтлы. Навѣстко, что правила, которыхъ держится каждый въ свѣтѣ, которыхъ и нынѣ инстинктивно прилагаются къ жизни, каждый по возможности старается прикрыть одеждой софистики и ужаснется, когда тѣ же самыя правила высказываются въ трактатахъ или въ обществахъ знатныхъ гулякъ. Эти умные люди поступили очень неразсчитливо, составивъ систему правилъ, которыхъ держится всякій: правила эти въ системѣ имѣютъ очень неуклюжій видъ и сами разрушаютъ себя. Въ этой книгѣ, опровергающей саму себя, совершенно отвергается и провозглашается обольщеніемъ—всякій матеріализмъ и идеализмъ. Природа въ ней — машина; нравственность — предрассудокъ, привычка или инстинктъ».

(1) Въ какой мѣрѣ эти ученія не вяжутся съ непослѣдовательнымъ матеріализмомъ, это очень мѣтко объясняетъ Самаринъ въ указанной уже нами статьѣ. «Только при двухъ условіяхъ», пишетъ онъ, «матеріалистическое направленіе можетъ быть дѣйствительно опасно: при грубомъ на него гоненіи и при слабости въ обличеніи его непослѣдовательностей. Этихъ непослѣдовательностей и теперь ужъ не обе-

давший на догматическую сторону христианства и за-
щищавший некоторыя нравственныя правила его. Осо-
бенное господство этой безотрадной философіи между
молодежью—и заграничной и нашею—объясняется имен-
но этимъ принаровленіемъ ея проповѣдниковъ къ со-
временному вкусу, къ моднымъ современнымъ вопро-
самъ, къ либерализму ⁽¹⁾. Кромѣ того воображеніе у

решься. Разверните любую книжку любого изъ модныхъ журналовъ.
Однѣ и тотъ же борзойисецъ, на одной и той же страницѣ, объ-
яснятъ вамъ, что такъ называемый духъ и матерія одно и то же, что
мы употребляемъ слово духъ для обозначенія тѣхъ явленій, обуслов-
ленныхъ законами вещественной необходимости, которыхъ мы еще
окончательно не успѣли изслѣдовать въсами и шѣроу, и онъ же при-
ходитъ въ негодованіе при одной мысли о тѣлесныхъ наказаніяхъ;
другой скажетъ вамъ, что у женщины меньше мозга, чѣмъ у мужчины,
и вслѣдъ за тѣмъ вышется въ ряды воборниковъ равноправности
прекраснаго пола и его эмансипациі; третьему положительно извѣстно,
что между обезьяною и негромъ существуетъ только количественная,
а не качественная разница, что обезьяна гораздо ближе къ негру,
чѣмъ негръ къ англо-саксонцу, и онъ же, разумѣется, отъ всей души
прокликаетъ рабство и южные штаты и т. д. и т. д.... Единственный
во весь миръ послѣдовательный и стройный матеріалистъ — это без-
словесное животное.»

⁽¹⁾ Шюссеръ именно этимъ объясняетъ успѣхъ сочиненій Ла-Мет-
три, де'Прада, д'Аргу, д'Аржана, Эльвесіуса и другихъ энциклопеди-
стовъ XVIII вѣка. Объ Эльвесіусѣ онъ пишетъ, напримѣръ, слѣдую-
щее: «для насъ еще понятно, что парижское общество вельщиковъ,
утопавшихъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ у барона Гольбаха, могло
надѣяться подобныя книги; но печальной чертой этой эпохи надобно
признать то, что человѣкъ съ характеромъ Эльвесіуса, человѣкъ доб-
рый и щедрый, могъ искать и найти удовлетвореніе своему самолюбію
въ книгѣ «О Душѣ»—въ этой системѣ эгоизма. Чтобы объяснить себѣ
это, надобно припомнить, что тогда считалось благороднымъ дѣломъ—
выказывать свободный образъ мыслей среди всеобщаго рабства,—
независимость духа среди всеобщаго рабства,—дерзость, среди всеоб-
щаго лицемерія. Тогда считалось дѣломъ достойнымъ благороднаго
человѣка, при всякомъ случаѣ осмѣивать систему, насильственно под-
держиваемую полиціей и безчеловѣчными судами, школами, правитель-
ствомъ, духовенствомъ, записными учеными и хитрыми софистами.
Эльвесіусъ, какъ свѣтскій человѣкъ, хотѣлъ приобрести славу въ свѣтѣ,

молодости такъ живо, здоровье такъ свѣжо, и эти два преимущества юношескаго возраста способны накинуть поэтическій покровъ на мертвый скелетъ; а разсудокъ между тѣмъ такъ слабъ еще, и не привыкъ къ серьезному, послѣдовательному разбору чужихъ мнѣній и можетъ остановиться на полдорогѣ, не выведши всѣхъ слѣдствій изъ теоріи и не замѣтивъ противорѣчій въ ней, что юноша можетъ считать лишь то принадлежащимъ къ этой теоріи, что высказано, хотя бы многое и было намѣренно скрыто, а другое насильственно приставлено къ ней. Но когда блеснетъ сѣдина въ волосахъ и вѣки сморщась почернѣютъ у этихъ юношей, когда воображеніе поослабѣетъ и не будетъ способно украсить безобразнаго, когда разсудокъ наконецъ терпѣливо доберется до послѣднихъ заключеній, подразумѣваемыхъ этою теоріей; вотъ тогда обыкновенно и у насъ и за границей наступаетъ пора тоски, пора сознанія, въ какой мѣрѣ отравляетъ эта теорія лучшія и

и мы не будемъ удивляться тому, что онъ достигъ ее своею сухою и грустною книгою — «О Духѣ». Всѣ нѣмецкіе князья, князьице притязанія на образованность, русскіе вельможи, всѣ прославившіеся на войнѣ пруссаки, шведская королева сдѣлали сочиненіе Элъвесиуса своею настольною книгою. Итальянцы были въ восторгѣ отъ книги; въ Германіи одновременно вышло два изданія ея. Книга нравилась всѣмъ единственно своимъ содержаніемъ, потому что изложеніе ея чрезвычайно сухо. Вся она проповѣдуетъ матеріализмъ — самый крайній. По отношенію къ правамъ того времени, она съ одной стороны раскрываетъ всю испорченность и безнравственность великосайтскихъ кружковъ, среди которыхъ обращался авторъ, а съ другой показываетъ среди испорченности истинную любовь къ людямъ и живое умственное движеніе во всѣхъ лучшихъ людяхъ тогдашняго времени, показывая энтузіазмъ къ прогрессу человечества, одушевлявшій поколѣніе, для котораго писались подобныя книги». Эта длинная выдержка, кромѣ торжества матеріализма, многое и другое можетъ объяснить въ нашей общественной и литературной жизни...

самыя живучія силы въ человѣкѣ, тогда либералы и материалисты становятся людьми степенными, благочестивыми, бесѣдамъ съ Волтеромъ или съ Бюккеромъ или книжкамъ модныхъ журналовъ предпочитаютъ домашнюю бесѣду съ людьми благочестивыми или полуофициальную бесѣду съ священникомъ. Поворотъ бываетъ крутъ, и потому не всегда искрененъ и твердъ. Тогда-то нерѣдко образуются старики-ханжи, благочестивые по внѣшности и мало вѣрующіе внутренно, потому что тайныя силы души уже отравлены. Избави насъ Богъ отъ этихъ ханжей, хотя годовъ черезъ 30, когда дѣта, недуги и житейскія неурядицы произведутъ надлежащія превращенія въ убѣжденіяхъ, ихъ будетъ не мало у насъ. Это еще одно прибавленіе къ объясненію г. Самарина. Наконецъ не можемъ вслѣдъ за Хомяковымъ не прибавить въ заключеніе, что въ послѣднее время наша литература, такъ усердно проводящая материалистическія теоріи, приняла нѣсколько коммерческій, ремесленный характеръ. Люди проповѣдуютъ безотрадную философію, надѣваются надъ самыми святыми вѣрованіями и убѣжденіями, вооружаются противъ духовенства, каррикатурятъ все не потому, чтобы ихъ убѣжденія были таковы, по крайней мѣрѣ тогда, когда они начали литературную свою дѣятельность, а потому, что на это мода, что расчетливый редакторъ приказываетъ или проситъ, (что одно и то же для лицъ, изъ печатнаго слова сдѣлавшихъ промыселъ, дающій средства къ жизни) коснуться дѣла съ самой модной стороны и какъ можно покраснорѣчивѣе и посильнѣе, потому что редакціи стали тѣми же модными магазинами, которые пришлось бы закрыть, если бы въ нихъ производить хотъ очень теплыя и удобныя платья,

но не имѣющія интереса новости и не бросающіяся въ глаза особенною яркостію красокъ или особеннымъ оригинальнымъ покровомъ. По крайней мѣрѣ на такія мысли навелъ насъ г. Пістровскій, недостаточно знающій православное духовенство, его бытъ и его подвиги на пользу народную, чтобы судить объ немъ, и между тѣмъ согласно съ современнымъ вкусомъ, съ пренебреженіемъ и злобной ненавистью отнесшійся къ нему.

Защищая духовенство, мы какъ нельзя больше далеки отъ непризнанія въ немъ темныхъ явленій, или отъ непризнанія за обществомъ или литературою права судить о немъ и его дѣлахъ. Духовенство, какъ и всѣ другія сословія государства, должно подлежать общественному и печатному суду; оно даже нуждается въ этомъ судѣ,—можетъ быть, болѣе, чѣмъ другія сословія, сообразно большей важности тѣхъ великихъ интересовъ народа, которые находятся подъ его смотрѣніемъ; въ этомъ общественномъ судѣ оно можетъ найти для себя поощреніе, возбужденіе, совѣты, внушенія, можетъ найти энергію и для усиленія добра въ себѣ и для искорененія зла въ своей средѣ и въ другихъ. Но чтобы судъ былъ честенъ и чуждъ предубѣждений, для этого необходимо историческое знакомство съ его судьбами, знаніе его положенія, его матеріальныхъ средствъ, знакомство съ совершенствами и недостатками его воспитанія, съ его устройствомъ, для этого наконецъ необходимо не пропускать намѣренно или по невниманію его послѣднихъ усилій на пользу бѣдныхъ сельскихъ населеній Россіи. Писанье о духовенствѣ по слухамъ, безъ изученія его, можетъ противъ воли повести писателя къ клеветамъ на него и сочиненію нелѣпостей, къ каррикатурному описанію его устройства, его пове-

денія, въ которомъ оно, какъ, напримѣръ, въ статьѣ Пюотровскаго, не узнаеть себя и которое потому совершенно безплодно пройдетъ для него, возбудивъ лишь неправильное воззрѣніе на него въ лицахъ—тоже мало знакомыхъ съ нимъ.

Сказавши о томъ, что для сужденія о духовенствѣ и для избѣжанія осужденія его необходимо историческое знакомство съ его судьбами, мы не намѣрены, однакожь, въ настоящей статьѣ подробно касаться историческихъ услугъ его цивилизаціи Россіи; это потребовало бы больше мѣста для себя, чѣмъ сколько можемъ удѣлить въ настоящей статьѣ. Все, что мы намѣрены сдѣлать, это будетъ самый бѣглый очеркъ того значенія, какое оно въ разные времена занимало въ общественномъ развитіи отечества. Но здѣсь мы гораздо полезнѣе считаемъ говорить не своими, а словами извѣстнаго нашего историка. «Общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознають обязанность жертвовать своимъ частнымъ интересомъ обществу. Первоначальное, естественное общество человѣческое—семейство—уже основано на жертвѣ: отецъ и мать перестаютъ жить для себя и живутъ для существъ отъ нихъ рожденныхъ. Общество тѣмъ сильнѣе, чѣмъ члены общества яснѣе сознають, что основа общества есть жертва. Греція была наверху своего могущества, когда за нее умиралъ Леонидъ, Римъ, когда за него умиралъ Децій. Но если основа общества есть жертва, если общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе сознаеть эту основу, то понятно, какъ могущественно должна была въ средніе вѣка содѣйствовать укрѣпленію обществъ новоевропейскихъ христіанская религія, проповѣдующая Великую Жертву, принесенную за міръ.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 л. послѣ основанія русскаго государства, религіи христіанская провозглашена была господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала русское общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ часто увлекался къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости, которая съ неудержимою силою влекла къ паденію, помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны и велики были нравственные подвиги лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ со страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики были лишения, которымъ они подвергали себя во имя природы нравственной. На встрѣчу богатырю, гордому своей вещественной силой, выходилъ другой богатырь, опоченный нравственной силой, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію, выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей юное общество было на сторонѣ втораго, потому что хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать съ себя свой желѣзный панцырь и просить для себя другаго — мантию монашеской.... Въ монастыри сбывала Европа среднихъ вѣковъ избытокъ безпокойныхъ, неутомонныхъ силъ. Таково же, (между прочимъ), было общественное значе-

нѣ и нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подѣль городовъ и острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мражѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственности. Отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходило нравственное назиданіе, не словомъ только, но и дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительное, болѣе благотворное. И общество древне русское спасалось тѣмъ, что внимало этой проповѣди.... И на востокѣ и на западѣ общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру, охраняли при этомъ силу не мириться съ зломъ, сохраняли способность покаяніа— признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣанія; общество поддерживалось тѣмъ, что силы нравственныя и матеріальныя уравнивались, что противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подѣль рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силъ нравственной, подвижника духовнаго.... Не странно послѣ этого, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ полѣ мы различаемъ двухъ монаховъ“.... Таковы сужденія специалиста (1) о вліяніи вѣры Христовой и ея служителей на общественный бытъ древней Россіи. Нравственный элементъ, связывавшій и скрѣплявшій общественный союзъ древней Россіи,—вотъ первое, что внесла вѣра Христова въ юную Россію, и вотъ

(1) С. Соловьева.

самая внутренняя, самая прочная услуга, оказанная проповѣдниками вѣры и служителями церкви дѣлу отечественной цивилизаціи. Но это слишкомъ ужъ глубокое и слишкомъ внутреннее пониманіе цивилизаторской дѣятельности отечественнаго духовенства. Взглянемъ на это дѣло попроще и попонятнѣе для нашихъ читателей.

Россія современная относительно древней Россіи не то, что нынѣшняя Шотландія относительно Шотландіи XIII или XIV в. Если милліона три русскаго народонаселенія, вслѣдствіе особенныхъ условій жизни своей, созданныхъ реформой Петра, ушли далеко отъ своихъ прежнихъ обычаевъ, то остальная, значительнѣйшая часть русскаго народа едва ли значительно разнится отъ своихъ древнихъ предковъ, такъ что мѣсто, какое занимало отечественное духовенство въ древнюю эпоху русской жизни, въ существѣ дѣла остается тѣмъ же доселѣ. Было время, когда единственно-грамотное сословіе было духовенство, когда единственная литература была духовная, когда все, что доставляетъ народу знаніе,—выходило изъ духовенства, когда ни гимназій, ни университетовъ и вообще свѣтскихъ училищъ не существовало, и когда единственными распространителями грамотности были монастыри или школы при архіерейскихъ домахъ. Тогда самую организованную отрасль управленія русскаго была отрасль администраціи церковной. „Во всѣхъ епархіяхъ удѣльно-вѣчевой Россіи“, мы приводимъ слова другаго русскаго ученаго, „было значительное количество монастырей; многіе изъ нихъ владѣли богатствами, нѣкоторые славились своею ученостію и чистотою жизни спасавшихся въ нихъ иноковъ. Духовенство древней до-Монгольской Руси имѣло значеніе политическое, оно выѣшивалось въ качествѣ

миротворца въ усобицы, опираясь въ своихъ дѣйствіяхъ на свѣтскую власть; всячески старалось поддержать ее; наконецъ представляя собою твердое цѣлое, значительно содѣйствовало соединенію разрозненныхъ племенъ въ одну народность. Замѣтимъ также, что древнѣйшая наша церковь была въ свое время единственнымъ проводникомъ просвѣщенія.... Обученіе сосредоточивалось въ рукахъ духовенства. Въ то время существовали одиѣ монастырскія школы, мужскія и женскія (при женскихъ обителяхъ). Все духовенство было грамотное. Между людьми свѣтскими, даже князьями и боярами, грамотность была менѣе распространена.... Духовенство, особенно черное, не только дѣломъ, своимъ житіемъ, но и словомъ старалось поучать паству. Отъ отдаленной эпохи, о которой идетъ рѣчь, уцѣлѣли замѣчательные памятники письменности: богословскія сочиненія; слова епископа новгородскаго Луки Жидята, митрополита Иларіона, игумена Кіево-Печерскаго Феодосія; Кирилла, епископа туровскаго; посланія митрополита Никнобра къ Владиміру Мономаху, инока Кирилла къ Нифонту, Симеона къ Поликарпу, и послѣдняго къ Акиндину; наломники (напр. игумена Даниїла); сказанія; житія; областныя лѣтописи, прототипомъ которымъ служила лѣтопись преподобнаго Нестора⁽¹⁾. При этомъ обилии произведеній духовной литературы почтенный ученый упоминаетъ лишь о трехъ свѣтскихъ, о сочиненіи князя (завѣщаніе Владиміра Мономаха дѣтямъ), о сочиненіи Даниїла Заточника и объ одномъ повѣстическомъ произведеніи (Слово о полку Игоревѣ). Въ эту пору духо-

(1) См. въ Приложеніяхъ къ Мѣсяцеслову за 1862 г. статью г. Павлова: Тысячелѣтіе Россіи, стр. 12. 15.

рекетство было въ Россіи то же, что европейскіе колонисты на дѣйствительно—вновь открытомъ островѣ; только влияние его на Россію было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе духовные, какъ современники, говорившіе однимъ языкомъ съ окружающимъ его народомъ, могли находить довѣрія къ себѣ и средствъ къ дѣйствованію на другихъ, и чѣмъ удобнѣе, какъ единовѣрные съ крѣпками; они могли переносить изъ Византіи на русскую землю плоды исторической жизни. Въ это время, когда не было ни баловъ, ни театровъ, ни другихъ позднехъ общественныхъ развлеченій, сословія сближались между собою только во время церковныхъ церемоній, при торжественныхъ богослуженіяхъ, и духовенство было нѣкоторымъ образомъ связующимъ звѣномъ князя съ народомъ, бояръ съ земствомъ; тогда жители отдаленныхъ предѣловъ сходились и обмѣнивались мыслями у угодниковъ кіевскихъ или новгородскихъ. Тогдашнее духовенство шло иногда вслѣдъ, а иногда впереди княжескихъ ратей, на завоеваніе изычествующихъ племенъ вѣрѣ христіанской и на распространеніе между ними болѣе кроткихъ, болѣе цивилизованныхъ нравовъ христіанскихъ, и подлѣ острожковъ, строившихся для распространенія русской власти на покоренныя племена, воздвигало церкви и монастыри для распространенія на нихъ нравственной власти, поддерживавшей организмъ общественный и устанавливавшей добрыя отношенія родителей къ дѣтямъ, подчиненныхъ къ начальникамъ и указывавшей на зависимость всѣхъ и каждаго отъ общаго нравственнаго Міроправителя. Въ ту пору, когда никакіе почти положительные законы не защищали сильного отъ притѣсненій слабого, когда не были отъ правительства выдаваемы мѣры и вѣсы и люди торго-

вые могли сколько угодно обличать и обличать, нравственные законы, проповѣдуемые духовенствомъ, замѣняли для Россіи почти все письменное законодательство, и къ духовенству, какъ основно образованному, обращались люди съ разборомъ своихъ жалобъ и обидъ: оно своими пастырскимъ словомъ вооружалось противъ лихоимства купцовъ и жестокости сильныхъ. Въ ту пору, когда еще не было типографій и самый Гуттенбергъ еще не далъ миру въ своемъ изобрѣтеніи могущественнѣйшаго рычага цивилизаціи, духовныя лица сами описывали прежде переведенныя богослужебныя книги и творенія отеческія, вновь переводили, сами назидались и назидали другихъ. Они же оставили бытописаніе родины на память и поученіе потомкамъ и положили первые вѣдья въ отечественную исторію, такъ что безъ ихъ трудовъ мы не имѣли бы теперь науки историческаго самопознанія, столь необходимой для сознательнаго развитія народной цивилизаціи. Памятниками признательности древней Россіи къ своимъ первымъ цивилизаторамъ оставались во множествѣ до поздняго времени и отчасти еще остаются доселѣ богатые помѣстья въ пользу монастырей и церквей, разныя льготы духовенству, а памятниками прямой заботливости духовенства о благосостояніи народномъ—посланія разныхъ русскихъ іерарховъ къ народу и священникамъ.

Такое широкое участіе духовенства въ цивилизаціи древней Россіи съ малыми видоизмѣненіями и съ несомнѣнными сокращеніями продолжалось до самой реформы Петра. «Въ періодъ отъ монгольскаго нашествія до Петра великаго, какъ и прежде, духовенство играло значительную политическую роль; митрополиты» «вмѣстѣ

лше» за «опальныхъ» предъ государями; по приглаше-
 нію засѣдали вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ въ
 боярской и великой земской думѣ, являлись посредни-
 ками въ борьбѣ разныхъ партій,—придворныхъ и по-
 литическихъ; черное духовенство также принимало учас-
 тіе въ борьбѣ партій, особенно въ смутныя времена;
 имя патриарка, отца перваго царя изъ дома Романо-
 выхъ, на всѣхъ грамотахъ писалось рядомъ съ госу-
 даревымъ... Духовенство въ Московскомъ государствѣ
 было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ. Только при
 монастыряхъ и церквахъ существовали школы. Вліяніе
 Церкви на общество въ старину было огромное» (1).
 Развитіе русской цивилизаціи въ прогрессивномъ поряд-
 кѣ было замедлено грубой татарщиной. Сколько неопѣ-
 ненныхъ услугъ поддержанію народнаго духа оказывало
 духовенство въ эти тяжелыя времена поработенія Рос-
 сии татарами, когда у русскихъ людей, начиная съ бо-
 ярь и князей до послѣдняго холода, не оставалось ни-
 какихъ утѣшеній и ободреній, кромѣ утѣшеній и обо-
 дражіи вѣры, когда самой нужной добродѣтелью было
 для всѣхъ христіанское терпѣніе, а самымъ нерѣдкимъ
 явленіемъ смерть за вѣру и родину съ надеждой на
 страдальческій вѣнецъ, когда «татарскіе ханы, надѣясь
 смѣнить расположеніе русскаго духовенства, глубоко
 уважаемаго въ народѣ, освободили его отъ дани» и ми-
 лостиво выслушивали его ходатайство за угнетенныхъ
 и обиженныхъ! Потомъ, когда параллельно съ распаде-
 ніемъ татаръ на отдѣльныя орды и царства, начало со-
 вершаться объединеніе русскихъ областей и княжествъ
 около Москвы, имѣвшее въ результатѣ сверженіе мон-

(1) Слово П. Павлова. Тамъ же; стр. 43. 44.

гольского ига, духовенство, еще болѣе усилившее въ смутное время свое вліяніе на общество, усердно помогало необходимой въ то время политической централизаціи Россіи. Политика Іоанна Калиты—объединить Русь опиралась на православное духовенство, въ особенности на митрополита, вооруженнаго правомъ церковнаго за-прещенія противъ враговъ первопрестольной Москвы. Троицко-Сергіева лавра со времени своего основателя благословляетъ каждую попытку преемниковъ Калиты—собрать около себя Русь, и первая побѣда надъ татарами, не могшая освободить Россіи, но давшая уже почувствовать имъ силу *сбранной* Россіи, была одержана съ благословенія преподобнаго Сергія и въ сообществѣ съ двумя иноками. Духовенство, больше всѣхъ сословіѣ взысканное благорасположеніемъ хановъ, не измѣнило своему долгу — относительно единоплеменныхъ единовѣрцевъ и, ненавидя *поганыхъ* поработителей, всегда возбуждало противъ нихъ князей и народъ. Имя протопопа Сильвестра неразрывно связано съ обращеніемъ Іоанна Грознаго отъ безпорядочнаго образа жизни и со всѣми мудрыми мѣрами первыхъ лѣтъ его царствованія, точно также, какъ имя митрополита Филиппа, пострадавшаго вслѣдствіе своего заступничества за опальныхъ бояръ, — съ концемъ его царствованія. За тѣмъ въ стоявшую монгольскаго ига эпоху междуцарствія, когда безпорядки грозили государству либеллю, когда всевозможныя партіи и шайки ободьщали, обманывали другъ друга, чтобы пожинуться и пожить на счетъ другихъ, когда алчность казановъ, заповорожскихъ и донскихъ, стремленіе поляковъ, а отчасти и шведовъ увеличить свою государственную область на счетъ Россіи, происки іезуитовъ, ненависть къ Россіи татаръ казанскихъ и астраханскихъ, агоизмъ

разныхъ честолюбцевъ и невѣжество и грубость народа — дѣлали спасеніе невозможнымъ, — сперва грамоты Гермогена, потомъ краснорѣчивыя воззванія архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына образумили лучшую патриотическую часть населенія и повели чрезъ Миліина и Пожарскаго Россію къ спасенію. Поляки, находившіеся въ Москвѣ, стали принуждать патріарха Гермогена запретить низовому ополченію походъ. Твердый старецъ не посмотрѣлъ на угрозы враговъ и вмѣсто запрещенія посылаетъ благословеніе: Гермогенъ принесъ себя въ жертву за спасеніе родины: голодная насильственная смерть его была высокимъ актомъ служенія духовенства независимости и счастью Русской земли. Затѣмъ слѣдуютъ безцѣнныя услуги патріарха Филарета по руководству сына своего царя Михаила въ залеченіи явъ отечества послѣ междуцарствія, и патріарха Никона по руководству Алексея Михайловича. Литература, архитектура, скульптура, музыка и живопись по прежнему развивались или духовенствомъ или въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ ему, въ церквахъ и монастыряхъ. Новгородскій—Софійскій, Московскіе—Успенскій и Архангельскій—соборы и много другихъ церквей и монастырей сохранились до нашего времени почти единственными памятниками архитектуры и живописи того времени. Терема бояръ, саковыя дворцы до Іоанна III не отличались особенною художественностію; все развитіе, какое дѣлали до Петра великаго строительное, орнаментальное и живописное искусство, сдѣлано было въ монастыряхъ или церквахъ: глазъ древняго русскаго человека только въ святыхъ мѣстахъ видѣлъ что-то лучшее, высшее его бѣдной, деревянной хаты, только здѣсь онъ встрѣчалъ произве-

деніе живописи и только здѣсь онъ слыхалъ пѣніе болѣе искусственное, чѣмъ простонародное. Училищами грамотности и въ періодъ Московскій были училища духовныя, чтеніемъ—чтеніе духовное; златоструи, златоусты, патерики, прологи, четь-миinei, палеи, лѣтописныя сборники и своды, и большая часть историческихъ записокъ принадлежать духовенству или лицамъ, воспитавшимся у него. Все, что есть самаго высшаго и благороднѣйшаго въ цивилизаціи вообще, всѣмъ тѣмъ допетровская русская цивилизаціа одолжена духовенству. Прогрессъ умственный, художественный, какой тогда былъ, совершался при большемъ, чѣмъ со стороны другихъ сословій, участіи духовенства.

Русское духовенство кромѣ того никогда не старалось, какъ западное, поддерживать стараго порядка потому только, что онъ былъ выгоднѣе, не вооружалось противъ нововведеній и новыхъ идей своето правительства. Все благое находило въ немъ поддержку и ободреніе, было ли это уничтоженіе мѣстничества, изданіе писцовыхъ книгъ, составленіе стоглава, защита нѣмцевъ отъ самовольной расправы новгородцевъ, уничтоженіе разьединенія Россіи и противодѣйствіе оставшимся отъ удѣльно-вѣчевой Россіи воспоминаніямъ о старинѣ. Когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича защитники старины въ разныхъ мѣстахъ возстали противъ нововведеній и тогдашняго прогресса жизни, когда старовѣры религиозныя и гражданскіе, идеалъ которыхъ былъ одинъ и тотъ же—*старина*, дружно подавали другъ другу руки къ войнѣ противъ общаго врага—наступавшаго новаго порядка вещей, духовенство не затруднилось приняться за очищеніе своихъ богослужебныхъ книгъ отъ ошибокъ и ис-

каженій, хотя огромное количество православныхъ грозило отдѣлиться отъ общенія съ нимъ, и всѣми своими симпатіями стало за новый порядокъ — противъ религіозныхъ и политическихъ старообрядцевъ. На этомъ пунктѣ отечественная цивилизація — еще получила со стороны духовенства жертву — астраханскаго митрополита Іосифа, замученнаго религіознымъ и политическимъ старовѣромъ и разбойникомъ Васькой Усомъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы надѣемся показать, что духовенство и въ самую прогрессивную часть отечественной исторіи, начавшуюся съ Петра великаго, не измѣняло своему древнему характеру и не покидало своей цивилизаторской дѣятельности, и что оно теперь больше, чѣмъ когда нибудь и чѣмъ какое нибудь другое слово, дѣлаетъ для успѣховъ народнаго развитія.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Конференція с. петербургской духовной академіи, не получивъ до настоящаго времени сочиненій на преміи покойнаго высокопреосвященнѣйшаго митрополита Григорія о православіи церкви российской и о церквяхъ римско-католической и лютеранской, представленіе которыхъ назначено было къ 1-му января 1862 года. снѣмъ объявляетъ, что съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита новгородскаго и с. петербургскаго, для представленія означенныхъ сочиненій вновь назначенъ срокъ къ 1-му октября 1863 года тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ былъ въ прошедшемъ году, именно:

Высокопреосвященнѣйшій Григорій, митрополитъ новгородскій и с. петербургскій, донесъ Святѣйшему Синоду, что онъ находитъ весьма нужнымъ, чтобы были доказаны и даны во всеобщее въ Россіи свѣдѣніе три предмета, слѣдующіе: 1) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко была доказана Словомъ Божиимъ, опредѣленіями св. соборовъ и свидѣтельствами св. отцевъ церкви истина православной Церкви; при чемъ всякій безпристрастный и разсудительный могъ бы видѣть, что именно она есть истинно православная Христова Церковь; 2) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано, что патріархъ западной церкви, или папа, не есть глава, или власти-

тель всей Христовой Церкви. Доказательства должны быть заимствованы из Слова Божія, опредѣлений св. соборовъ и свидѣтельствъ св. отцевъ Церкви восточной и западной, съ яснымъ, обстоятельнымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какія въ наше время паписты употребляютъ для доказательства влѣстительства папы во всей Христовой Церкви; 3) чтобы твердо, обстоятельно, ясно, но всевозможно кратко было доказано Словомъ Божиимъ и церковною исторіею православіе православной Церкви для лютеранъ, съ твердымъ, обстоятельнымъ, яснымъ, но всевозможно краткимъ опроверженіемъ доказательствъ, какими лютеранство защищаетъ свои мнѣнія. Каждый изъ сихъ трехъ предметовъ долженъ быть обработанъ особо. Желѣющіе принять на себя обработать который либо изъ сихъ трехъ предметовъ имѣютъ представить свои сочиненія: лица, находящіяся въ с. петербургскомъ учебномъ округѣ, въ конференцію с. петербургской духовной академіи, а лица, находящіяся въ другихъ учебныхъ округахъ, въ конференціи духовныхъ академій своихъ округовъ. Академическія конференціи, разсмотрѣвъ присланныя имъ сочиненія безъ замедленія и опредѣливъ, которое изъ нихъ лучше и заслуживаетъ преміи, пересылаютъ всѣ, разсмотрѣныя ими, сочиненія для окончательнаго рѣшенія въ конференцію с. петербургской духовной академіи. Сочинители за каждое лучшее изъ сихъ трехъ сочиненій получаютъ премію. Каждое сочиненіе будетъ напечатано особо подъ именемъ сочинителя и съ выдачею ему ста экземпляровъ изъ напечатаннаго числа. При чемъ преосвященный митрополитъ представилъ три тысячи пять сотъ рублей серебромъ (3,500 р. с.), какъ въ награду авто-

рамъ означенныхъ сочиненій, такъ и въ обезпеченіе напечатанія оныхъ.

Академическая конференція постановила слѣдующія правила для представленія означенныхъ сочиненій:

1) Сочиненія могутъ быть представлены въ академическую конференцію съ подписью имени автора, или такъ, какъ обыкновенно представляются писанными на конкурсъ сочиненія, авторы которыхъ имѣютъ остаться неизвѣстными до присужденія, т. е., съ какимъ нибудь девизомъ на сочиненіи и съ тѣмъ же девизомъ на особомъ запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ означеніе имени и мѣста жительства автора.

2) Для разсмотрѣнія сочиненій въ с. петербургской академической конференціи имѣеть быть составленъ въ свое время особый комитетъ изъ членовъ конференціи, преимущественно знаемыхъ съ предметами означенныхъ сочиненій.

3) По окончаніи сего порученія, къ ерону, назначенному академическою конференціею, комитетъ представить мнѣніе свое въ конференцію, которая въ экстренномъ общемъ собраніи выслушаетъ докладъ комитета и сдѣлаетъ заключеніе касательно присужденія премій сочинителямъ.

4) Заключеніе свое конференція представить высокопреосвященнѣйшему митрополиту новгородскому и с. петербургскому на архиепископское усмотрѣніе и съ его утвержденія приступить намъ къ напечатанію сочиненій, такъ и выдачѣ премій сочинителямъ.

5) Въ случаѣ одобренія сочиненія, если оно было представлено съ девизомъ, конвертъ съ означеніемъ имени автора разпечатается въ собраніи академической конференціи, и на заглавномъ листѣ сочиненія, при

печатаніи, будетъ означена, вмѣстѣ съ именемъ автора, и награда, которой оно удостоено.

6) Изъ напечатанныхъ экземпляровъ, которыхъ количество опредѣляется назначенною для того суммою, по выдачѣ изъ нихъ ста экземпляровъ каждому сочинителю, остальные имѣютъ быть обращены въ продажу, и вырученныя за нихъ деньги, равно и проценты, могущіе составиться на хранящійся до того времени капиталъ, присоединятся къ суммѣ, собранной по случаю пятидесятилѣтняго юбилея с. петербургской духовной академіи и назначенной на преміи за лучшія ученныя и учебныя сочиненія по другимъ отраслямъ духовнаго образованія.

7) Въ случаѣ, если къ назначенному сроку не будутъ представлены вполнѣ удовлетворительныя и заслуживающія премій сочиненія по всѣмъ тремъ указаннымъ предметамъ, или даже ни по одному изъ нихъ, академическая конференція имѣетъ вновь объявить конкурсъ для представленія таковыхъ сочиненій на тѣхъ же основаніяхъ.

8) Изъ сочиненій, не удостоенныхъ преміи, представленныя съ подписью автора имѣютъ быть возвращены по принадлежности, иныя (болѣе удовлетворительныя) съ указаніемъ исправленій, которыя могутъ быть въ нихъ сдѣланы, и объ авторахъ ихъ будетъ опубликовано въ духовныхъ журналахъ и доведено до свѣдѣнія высшаго начальства; а другія (менѣе удовлетворительныя) безъ указанія такихъ исправленій; представленныя же съ девизомъ не возвращаются, и конверты съ означеніемъ имени автора сжигаются неразпечатанными.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить духовника Ея Величества, королевы нидерландской Анны Павловны, протоіерея Арсенія *Судакова* къ ордену св. Анны 2-й степени, а священнику при церкви Шемокмеды Николосу *Іесеву Готмидге*, участвовавшему въ іюнь и августъ 1861 г. въ дѣлахъ противъ горцевъ въ Бзыбскомъ отрядѣ, пожаловать орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.

— Определеніями Св. Синода, отъ 20 октября и 20 декабря минувшаго года, положено за усердіе къ дѣлу народнаго образованія преподавать благословеніе Святѣйшаго Синода слѣдующимъ лицамъ тобольской епархіи: тюменскаго округа, села Билевскаго священнику *Андрею Церову*; ялуторовскаго округа священникамъ: села Моброусовскаго *Шермукову*, Казацкаго *Попову* и Тересокскаго *Блосину*; тарскаго округа, женѣ священника села Такмытскаго *Александрѣ Серебренниковой*; курганскаго округа, села Черновскаго введенской церкви дьячку *Евграфу Пырѣву*, благочинному *Андріанову*, діакону *Кыштымову*, дьячку *Костылеву*, и пономарю *Сентяшеву*; ишимскаго округа, села Доктинскаго священнику *Калущину* и села Истошнинскаго *Лепехину*; петропавловскаго округа, женѣ священника станицы Лебязжевской *Лани-*

кой; березовскаго округа, священнику миссіонерской церкви Петру *Попову*, и владимірской епархіи діакону симоновской церкви во Владимірѣ Якову *Садикову*.

— Опреждѣніемъ Св. Синода 18-го января положено: преосвященнѣйшаго *Арсенія*, митрополита кievскаго, духовника *Ихъ Императорскихъ Величествъ*, главнаго священника гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, протопресвитера *Василія Ворисовича Важанова*, и главнаго священника арміи и флотовъ, протопресвитера *Василія Ивановича Кутисевича*, въ уваженіе просвѣщенной ревности ихъ по Вѣрѣ православной и благотворнаго вліянія ихъ на распространеніе духовнаго просвѣщенія въ отечествѣ, назначить почетными членами конференціи с. петербургской духовной академіи.

— Опреждѣніемъ Св. Синода отъ 30-го января разрѣшено изданіе калужскихъ епархіальныхъ вѣдомостей по представленной преосвященнымъ Григоріемъ, епископомъ калужскимъ, програмѣ.

— По распоряженіямъ г. оберъ-прокурора Св. Синода кандидатъ с. петербургской духовной академіи *Егоръ Тощъ* утвержденъ въ должности лектора вѣтскаго языка при рижской семинаріи; экстраординарному профессору кievской духовной академіи *Василію Павлицкому* поручено преподаваніе нѣмецкаго языка при означенной академіи; бывший ректоръ галичскаго духовнаго училища *Петръ Смирновъ* опредѣленъ профессоромъ въ кievскую семинарію; исправлявшій должность смотрителя мариупольскаго духовнаго училища надворный совѣтникъ *Евѣймъ Ильясевичъ* утвержденъ въ должности смотрителя сего училища; воспитанники кievской духовной академіи *Михаилъ Смирновъ*, *Хрисанъ Бочковский* и *Александръ Глывоскій* опредѣлены наставниками въ кiev-

пинеvскую семинарію; профессоръ подольской семинаріи Корнелій *Введенскій* перемѣщенъ на службу въ тифлисскую семинарію, на мѣсто его опредѣленъ воспитаникъ кievской академіи Василій *Позняковъ*; профессоръ пензенской семинаріи Николай *Благодаруновъ* перемѣщенъ на службу въ московскую семинарію.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго 2-го декабря 1861 года штата канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, переименовываются: начальники отдѣленій, статскіе совѣтники: *Воскресенскій* и *Барсовъ* и надворный совѣтникъ *Ланинъ*—старшими чиновниками; столоначальники: старшій, коллежскій совѣтникъ *Адамовичъ* и младшіе: коллежскіе ассесоры, *Керскій* и *Михайловъ* и титулярный совѣтникъ *Щуровскій*—помощниками старшихъ чиновниковъ; старшіе помощники столоначальниковъ, титулярные совѣтники: *Хвостовъ* и *Саметскій*, коллежскій секретарь *Касаткинъ* и губернский секретарь *Бомословскій*—младшими чиновниками; канцелярскіе чиновники, коллежскіе секретари, *Опришковъ*, *Кокوشкинъ*, *Казанкинъ*, *Паишъ*, *Трушталевскій*, *Ивановъ* и *Соловьевъ*, губернский секретарь *Плаховъ*, коллежскій регистраторъ *Григорьевъ*, и канцелярскіе служители: *Базилевскій* и *Силкинъ*—чиновниками для письма. Назначаются: старшій столоначальникъ коллежскій совѣтникъ *Шуклинъ*—эксекуторомъ, казначеемъ и архиваріусомъ; старшій помощникъ столоначальника коллежскій ассесоръ *Михайловъ*—журналистомъ, старшій помощникъ столоначальника коллежскій ассесоръ *Боголюбскій*—помощникомъ эксекутора и младшій помощникъ столоначальника коллежскій регистраторъ *Дунаевъ*—чиновникомъ по дѣламъ юрисконсульта. Оставлены за штатомъ: архиваріусъ статскій совѣтникъ *Шеншинъ*, эксекуторъ и казначей

надворный совѣтникъ *Гарсе* и младшій помощникъ епископальнаго коллежскій секретарь *Крестиницъ*. Перевѣщаются: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Сергеевскій* — старшимъ чиновникомъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода; канцелярскій чиновникъ синодальной канцеляріи коллежскій секретарь *Павловъ* — чиновникомъ для письма въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода.

— Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію чрезвычайнаго и полномочнаго посла нашего при императорѣ французовъ, генераль-адъютанта графа Киселева, объ отличномъ усердіи и дѣятельности протоіерея Юсифа *Васильева* по сооруженію православной церкви въ Парижѣ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему изъ кабинета Его Величества наперсный крестъ, украшенный брилліантами.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

VI.

ФАНАТИЗМЪ И ИНДИФФЕРЕНТИЗМЪ.

Гдѣ нѣтъ любви истинно-христіанской, сообразной съ закономъ евангельскимъ и примѣромъ Христа-Спасителя, съ ученіемъ и духомъ истинно Христовой и апостольской, православно-вселенской Церкви, тамъ и христіанская ревность по Вѣрѣ, качество самое высокое и достойное христіанина, часто теряетъ свой евангельскій характеръ, и изъ силы, зиждущей счастье и благоденствіе человѣчества, измѣняется въ силу погибельную и разрушительную. Такъ бываетъ, между прочимъ, тамъ, гдѣ ревностію по Вѣрѣ руководитъ не столько желаніе славы Божіей и спасенія ближнихъ, растворяемое кротостію любви христіанской, сколько желаніе покорить другихъ во что бы то ни стало своему вѣрованію и убѣжденію, безъ разбора средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Такая, недостойная христіанина, ревность обыкновенно называется *фанатизмомъ* или *изувѣрствомъ*.

Общая и главная причина этого явления, какъ сказали мы, есть удаление отъ Духа и учения Христова, во всей своей чистотѣ и цѣлости сохраняющагося только въ Церкви правлано-вселенской. Поэтому и дѣйствія фанатизма ни гдѣ не проявляются съ такою силою, какъ въ тѣхъ обществахъ христіанскихъ (очевидно, здѣсь и рѣчи не можетъ быть о изычникахъ или поклонникахъ лжепророка, какъ совершенно чуждыхъ учения Христова), которые отступили отъ единенія съ Церковію вселенскою. Но особенно, какъ свидѣтельствуетъ исторія, фанатизмъ съ ужасною силою проявился въ церкви римской, послѣ отдѣленія ея отъ Церкви православной; онъ проявляется въ ней и доселѣ, такъ что вся исторія этой церкви, за исключеніемъ немногихъ лицъ, стоявшихъ выше другихъ по своему нравственно-христіанскому характеру, есть исторія проявленій фанатизма, прикрываемаго священнымъ и высокимъ именемъ христіанской ревности по Вѣрѣ. Этотъ фанатизмъ былъ естественнымъ, можно даже сказать, неизбежнымъ явленіемъ, какъ скоро къ ученію Евангелія, къ ученію любви и самоотверженія, присоединилось чисто человеческое ученіе узкаго эгоизма, самолюбія и своекорыстія, какъ скоро отъ cadaго требовали столь же пламенной, если еще не бѣльшей, чѣмъ о славѣ Божіей, ревности о земной славѣ, земныхъ выгодахъ и преимуществахъ римскаго первосвященника, который могъ свою власть, свое значеніе, свой мнимо-непогрѣшимый авторитетъ употреблять для достиженія цѣлей противохристіанскихъ. свои прихоти и желанія провозглашать закономъ столь же святымъ и высокимъ, какъ и Божественный законъ Евангелія, и слѣпое повиновеніе своей волѣ — необходимымъ для cadaго условіемъ истиннаго благоутюжде-

нѣ Богу, достиженія спасенія и блаженства, который именовъ Христовымъ хотѣлъ основать на землѣ земное царство, по образу древняго языческаго Рима, всемірное, облеченное безграничною властію надъ всѣми другими царями и царствами!... И какъ ужасно фанатизмъ проявилъ себя въ церкви римской, какими страшными послѣдствіями онъ ознаменовалъ себя въ ней какъ въ отношеніи къ Вѣрѣ и Церкви, такъ и въ отношеніи къ обыкновенной, общечеловѣческой жизни! Какое человѣческое сердце не содрогнется при одномъ воспоминаніи ужасовъ инквизиціи, подъ видомъ ревности по Вѣрѣ, дѣйствовавшей ради земныхъ интересовъ папы и его клеветовъ, во имя Бога, безконечной любви и милосердія, сожегшей на кострахъ цѣлыя сотни тысячъ людей? Какъ много бѣдствій и страданій человечеству причинила слѣпая ревность жаркихъ приверженцевъ папы, по одному его воззванію часто возстававшихъ противъ своихъ законныхъ правительствъ, проливавшихъ цѣлыя рѣки человѣческой крови, производившихъ долговременныя войны, соединенныя съ опустошеніемъ прекрасныхъ и цвѣтущихъ областей, съ разрушеніемъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ! Кто исчислить всѣ происки и козни іезуитства, доведшаго слѣпое, фанатическое повиновеніе папѣ и постановленіямъ своего ордена до отверженія всякой собственной мысли и воли, до отрицанія всѣхъ внушеній совѣсти, до прямого и положительнаго противорѣчія и духу, и самой буквѣ Евангелія, до поправанія,—гдѣ это нужно было для достиженія іезуитскихъ цѣлей, — самыхъ священныхъ и неприкосновенныхъ правъ человѣка въ жизни семейной и общественной, до хитростей и пронырствъ, способныхъ произвести презрѣніе и отвращеніе къ нимъ

даже въ язычникѣ?... Какъ много смятеній и бѣдствій производятъ и нынѣ въ мѣрѣ христіанскомъ гордыя притязанія римскаго первосвященника на земное господство! Какъ не рѣдко и нынѣ неразумные ревнители папства, наравнѣ съ изувѣрными поклонниками лжепророка, строятъ козни, производятъ тайныя или явныя гоненія противъ сыновъ Церкви православной, чтобы только лишить ихъ той духовной свободы, которую Господь приобрѣлъ своимъ послѣдователямъ безцѣнною цѣною своей крови, и подчинить тяжелому игу римскаго епископа! Какихъ страданій и бѣдствій не причинили и нашему отечеству самозванцы и унія, — эти жалкія созданія іезуитской злобы и лукавства!... И все это совершалось и совершается подъ видомъ ревности о славу Божіей и спасеніи челоувѣчества?!

Вотъ ужасное превращеніе самаго высокаго и святаго въ грѣховное и законопреступное, благотворнаго и спасительнаго — въ погибельное и разрушительное! Вотъ жалкія послѣдствія ревности, дѣйствующей по собственному произволу и страстямъ, а не по волѣ Божіей, не по закону евангельскому!

Но люди не всегда умѣютъ воспользоваться должнымъ образомъ тѣми глубокими и разительными уроками жизни, которые Провидѣніе даетъ имъ въ событіяхъ и дѣлахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ царствъ и народовъ. По слѣпотѣ ума и ожесточенію сердца, минуя единый истинный путь ко спасенію, — непреложное свидѣтельство Писанія и вселенской Церкви, они часто не только свои челоувѣческія дѣла, но и самое дѣло Божіе хотятъ устроить единственно по руководству своего ума, и изъ одной погибельной крайности выдаютъ въ другую, не менѣе гибельную. Такъ было

и въ западномъ христіанскомъ мірѣ. Увидѣвъ, какъ много зла происходитъ отъ слѣпаго повиновенія одному мнимо-непогрѣшному лицу, многіе пришли къ мысли, что въ дѣлѣ Вѣры всего лучше каждому быть полно-властнымъ, независимымъ ни отъ какого внѣшняго авторитета и руководства, руководителемъ самаго себя, — самому для себя, по своему личному умозрѣнію, изъяснять слово Божіе, самаго себя вести ко спасенію. А такимъ образомъ, что въ мірѣ римско-католическомъ было совершаемо преимущественно силою и властію одного, его деспотизмомъ, подавлявшимъ всякую нравственно-христіанскую свободу, то самое здѣсь могъ совершать каждый по своеволю и буйству ума въ дѣлахъ Вѣры, прикрытому именемъ христіанской свободы, — разумѣется, по мѣрѣ и степени своего вліянія на другихъ, по мѣрѣ пріобрѣтеннаго отъ нихъ довѣрія и уваженія. Дивно ли посему, что и это новое ученіе какъ въ началѣ своего появленія, такъ и въ своемъ историческомъ развитіи также произвело не мало явленій фанатизма и изуверства, хотя и не въ такой мѣрѣ разрушительнаго, какъ фанатизмъ церкви римской? Дивно ли, что послѣдователи этого ученія, предоставленные каждый самому себѣ, могли увлекаться одними мечтами своего воображенія и, пріобрѣтая себѣ новыхъ послѣдователей, породить безчисленное множество сектъ, всегда враждебныхъ между собою, иногда мистическихъ и таинственныхъ даже до смѣшнаго и нелѣпаго, иногда дѣйствительно вредныхъ и опасныхъ (какова, напр., секта мормоновъ)? Дивно ли, что послѣдователи этой мнимо-очищенной религіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они пользовались внѣшнею властію, перевѣсомъ силы, часто также прибѣгадъ къ средствамъ

принужденія и жестокости противъ послѣдователей Рима, какъ и римскіе христіане противъ нихъ, когда имѣли силу на своей сторонѣ? Дивно ли, что и это ученіе, гордо называющее себя истинно-христіанскимъ, чисто-евангельскимъ, для утвежденія и распространенія своего потребовало вовсе не евангельскихъ и не апостольскихъ средствъ—продолжительныхъ войнъ, опустошенія многихъ городовъ и областей?

Нужно ли указывать на ближайшіе къ намъ примѣры фанатической, неразумной ревности по Вѣрѣ, въ нашемъ отечествѣ, — въ лицѣ расколуучителей и ихъ послѣдователей? И здѣсь также, какъ въ мірѣ католическомъ и протестантскомъ, причиною фанатизма было удаленіе отъ ученія и духа Церкви православно-вселенской, слѣпая вѣра въ свои собственныя мнѣнія и убѣжденія, основанная на безотчетномъ пристрастіи къ старинѣ со всѣми ея ошибками и недостатками, на благоговѣннн предъ буквою, искаженной невѣжествомъ и грубостью переписчиковъ, благоговѣннн не меньшемъ того, какое воздавали папѣ его жаркіе приверженцы, самоволіе и противленіе общему голосу всѣхъ іерарховъ Церкви русской и греческой, истинныхъ преемниковъ апостольскихъ и хранителей вселенскаго православія. И кому опять не извѣстно, какими безпорядками и смятеніями общественными ознаменовался и въ нашемъ отечествѣ фанатизмъ неразумныхъ ревнителей мнимо-старой вѣры?

Но въ какомъ видѣ и гдѣ бы ни проявлялся фанатизмъ, мы всегда примѣтимъ въ немъ его существенныя качества, которыми онъ отличается отъ истинно-христіанской ревности по Вѣрѣ. Если духъ истинно-христіанской ревности есть прежде всего и болѣе всего духъ любви и самоотверженія, духъ снисхожденія и

терпѣнія къ заблуждающимъ; то, напротивъ, духъ фанатизма есть по преимуществу духъ гордости и самолюбія. во внѣшнихъ дѣйствіяхъ проявляющій себя весьма разнообразно. но въ существѣ своемъ всегда не миролюбивый. всегда чуждый христіанскаго терпѣнія и снисхожденія. иногда доходящій до упорной и неумолимой ненависти ко всемъ инновѣрующимъ и иномыслящимъ, и такимъ образомъ въ самомъ основаніи попирающій высокую заповѣдь евангельской любви ко всемъ безъ исключенія. Является ли этотъ духъ въ открытыхъ гоненіяхъ и насиліяхъ. въ проискахъ ли и пронырствахъ, въ рѣчахъ ли полныхъ гнѣва и раздраженія, — всегда онъ есть духъ раздѣленія и разрушенія. духъ посягательства на свободу совѣсти другихъ. неуваженія къ правамъ и личности человѣка. — словомъ: онъ есть духъ *масилія*, а не убѣжденія. языческій духъ *завоеванія*, а не христіанскій духъ благовѣствованія истины евангельской. духъ *порабощенія*, а не обращенія другихъ на путь истинный. На высшихъ степеняхъ своего развитія это есть духъ крайней горячности и запальчивости, чуждый всякаго благоразумія и осмотрительности. готовый, правда. иногда жертвовать и самою жизнію за свои ложныя убѣжденія, но тѣмъ не менѣе столько же отличный отъ духа христіанской ревности, готовый запечатлѣть свое исповѣданіе мученичествомъ, сколько своеправіе и упорство дитяти отлично отъ разумной твердости и непоколебимости характера въ совершенномъ мужѣ.

Достойно замѣчанія, что фанатизмъ и изуверство, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ исторія, являлись пороками не только людей грубыхъ и невѣжественныхъ, но часто очень ученыхъ и образованныхъ. Такъ, въ

лицъ римскихъ первосвященниковъ и ихъ приверженцевъ фанатизмъ пользовался и доселѣ пользуется всѣми кособіями науки и знаній для достиженія своихъ цѣлей. Вотъ, между прочимъ, поразительный урокъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ дѣлахъ Вѣры и благочестія никакія обширныя знанія, никакое умственное, даже собственно богословское и религиозное образованіе само по себѣ не можетъ предохранить человѣка отъ увлеченій и страстей. Вотъ очевиднѣйшее доказательство того, что недостатокъ внѣшняго, научнаго образованія не есть главная и первая причина фанатизма, какъ обыкновенно думаютъ очень многіе. Нѣтъ, его источникъ скрывается гораздо глубже, — не въ умѣ и познаніяхъ его, но въ сердцѣ, которое, по свидѣтельству непреложнаго слова Божія, есть начало, источникъ всей нашей духовно-нравственной жизни, — въ недостатокъ той всецѣлой и всесторонней любви къ Богу и человечеству, которую Господь завѣщалъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ и которая одна можетъ сдѣлать ихъ достойными ревнителями славы Божіей и духовнаго блага людей.

Отсюда не трудно понять и то, что духъ фанатизма можетъ иногда незамѣтно проявляться даже тамъ, гдѣ нѣтъ явнаго и очевиднаго отверженія ученія Церкви православно-вселенской, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и живаго, глубокаго усвоенія этого ученія, — нѣтъ той любви къ ближнимъ, которая должна одушевлять всякаго истиннаго ревнителя по Вѣрѣ. Проявленія такого рода фанатизма могутъ быть весьма многочисленны и разнообразны. Такого рода фанатизмъ есть слѣпая недовѣрчивость и ненависть ко всему иноземному и иностранному, безъ различія добраго отъ худаго, опирающаяся единственно на томъ, что у тѣхъ или другихъ ино-

странцевъ нѣтъ истиннаго православія. Такого рода фанатизмъ есть презрѣніе, всякая ядовитая и оскорбительная насмѣшка въ отношеніи къ заблуждающимъ въ дѣлахъ истины христіанской, хотя бы и прикрытая именемъ христіанскаго обличенія порока и заблужденія. Такого рода фанатизмъ есть всякая защита даже несомнѣнной истины христіанской, но проникнутая духомъ гнѣва и раздраженія въ отношеніи къ отвергающимъ эту истину. чуждая христіанской терпимости и снисхожденія къ заблуждающимъ.

Погибелень и разрушителень въ дѣлахъ Вѣры, равно какъ и въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ, всякій фанатизмъ. Но не менѣе губительно и противоположное ему заблужденіе — индифферентизмъ и безразличіе въ дѣлахъ Вѣры, которымъ многіе гордятся и превозносятся. считая его признакомъ высокой учености и образованія, ума, умѣющаго возвыситься надъ обыкновенными мнѣніями и понятіями *толпы*, признакомъ истинной свободы, независимости и самостоятельности духа.

Мы не станемъ подробно изслѣдовать, отъ какихъ собственно причинъ произошла и постоянно усиливается эта жалкая, духовно-нравственная болѣзнь общества. Внимательно наблюдающій жизнь и ея явленія откроетъ источникъ этой болѣзни то въ превратномъ воспитаніи, то въ одностороннемъ направленіи образованія, по которому стараются часто изучить одну какую либо область человѣческихъ наукъ и знаній, пренебрегая другими и совершенно оставляя изученіе истинъ Вѣры Христовой, къ которой, повтому, естественно охлаждаютъ сердцемъ, — то, наконецъ, въ общемъ духѣ и направленіи вѣка, напрягающаго свои силы къ познанію всего, что можетъ быть источникомъ выгодъ и

удобствъ жизни чувственно-матеріальной, и въ то же время въ лицѣ людей, называющихъ себя передовыми, пренебрегающаго собственно духовно-нравственными, въ строгомъ смыслѣ человѣческими потребностями. Какъ бы ни было, только всѣ эти причины ясно и очевидно говорятъ намъ объ одной, существенной и главной, причинѣ индифферентизма и безразличія въ дѣлахъ Вѣры, — объ отсутствіи живой, истинно христіанской и евангельской любви къ Богу и человѣчеству, всегда неразлучной въ христіанинѣ съ ревностію по Вѣрѣ.

Между тѣмъ, если какое заблужденіе нашего вѣка, то особенно безразличіе и холодность въ отношеніи къ Вѣрѣ старается прикрыть себя предлогами и побужденіями повидимому самыми высокими и благородными, самыми нравственными, даже евангельскими и христіанскими. Если кто, то особенно индифферентисты стараются оправдать свою холодность къ Вѣрѣ и личною вѣротерпимости, и уваженіемъ къ личнымъ убѣжденіямъ и совѣсти человѣка, и тѣмъ вредомъ, который происходитъ отъ неразумной, фанатической ревности по Вѣрѣ, умалчивая и какъ бы вовсе забывая при этомъ о тѣхъ безчисленныхъ, духовныхъ и вещественныхъ, благахъ, которыми человѣчество обязано истинно-христіанской ревности по Вѣрѣ. Если кто, то особенно они любятъ проповѣдывать о любви къ человѣчеству самой полной и всесторонней, объемлющей всѣ народы, безъ различія ихъ вѣрованій, часто опираясь въ подобныхъ случаяхъ на то, будто такую именно любовь къ человѣчеству, какую проповѣдуютъ они, проповѣдуетъ и само Евангеліе... Но всѣ эти предлоги — не болѣе, какъ одна прекрасная наружность, скрывающая величайшее внутреннее безобразіе; вся эта мнимо-возвышенная проповѣдь о любви къ

человѣчеству въ существѣ дѣла — не иное что, какъ источникъ величайшихъ золъ для человѣчества. Если гдѣ, то здѣсь. говоря словами великаго отца Церкви, „порокъ подражаетъ добродѣтели. и плевелы усиливаются казаться пшеницею, ... и дѣволъ преобразуется въ ангела свѣта, не для того, чтобы возвратиться туда, гдѣ былъ прежде, но для того, чтобы обмануть людей (1)“.

Къ какимъ послѣдствіямъ естественно и, можно сказать, неизбежно долженъ прійти всякій индифферентистъ, если только онъ хочетъ остаться неуклонно вѣрнымъ послѣдователемъ своего ученія? Во имя одинаковаго и равнаго уваженія ко всѣмъ религіямъ, онъ, очевидно, долженъ всегда относиться съ уваженіемъ и ко всѣмъ религіознымъ заблужденіямъ. какъ бы они ни были странны и нелѣпы сами по себѣ, даже гибельны и вредоносны въ отношеніи къ жизни человѣка. И если онъ не поступаетъ такимъ образомъ, то противорѣчить самъ себѣ, потому что его собственное ученіе лишаетъ его всякаго права возставать противъ какихъ бы то ни было заблужденій. коль скоро они касаются области религіи. Но, одинаково уважая всѣ вѣрованія, со всѣми соглашаясь, всѣмъ уступая, онъ необходимо долженъ являться существомъ намѣнчивымъ и непостояннымъ, нравственно-безсильнымъ и безхарактернымъ: онъ съ евреями долженъ если не быть, по крайней мѣрѣ казаться евреемъ, съ язычниками — язычникомъ, съ ультрамонтанами — жаркимъ приверженцемъ папы, и только съ подобными себѣ онъ можетъ быть индифферентистомъ.

Что же можетъ быть жалче такого нравственнаго состоянія? И кто можетъ быть опаснѣе и вредоноснѣе

(1) Св. Кир. Іерус. 4-е оглас. слово.

человѣка, находящагося въ такомъ состояніи? Что иное можетъ служить первымъ источникомъ и двигателемъ всей его жизни и поведенія, какъ не одна личная выгода и корысть? Кто съ полнымъ спокойствіемъ души и сердца можетъ довѣриться человѣку, для котораго нѣтъ ничего священнаго и заветнаго, который, по началамъ и основаніямъ своего же собственнаго ученія, можетъ и какъ бы имѣть право обманывать и лицемерить во всю свою жизнь? Скажутъ ли, что здравый смыслъ, просвѣщеніе и образованіе, убѣжденія, нажитыя путемъ опыта и науки, могутъ руководить его къ жизни и дѣятельности болѣе или менѣе благотворной и полезной для человѣчества, могутъ сдѣлать его достойнымъ нравственнаго уваженія и довѣрія? Такъ; но развѣ эти самыя убѣжденія, это образованіе и просвѣщеніе, этотъ мнимо-здравый смыслъ мѣшаютъ многимъ проповѣдывать совершенно равное и одинаковое уваженіе ко всемъ религіямъ, и, слѣдовательно, къ основаннымъ на этихъ религіяхъ, самымъ противоположнымъ и враждебнымъ другъ другу, нравственнымъ началамъ жизни и дѣятельности? Правда, еще можно положиться на подобнаго человѣка въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ обмана и лицемерія ему не предстоитъ никакихъ выгодъ, а напротивъ, отъ образа дѣйствованія честнаго и добросовѣстнаго онъ можетъ надѣяться выгодъ и славы, чести и наградъ. Но кто ему довѣрится въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того же самаго онъ можетъ гораздо скорѣе достигнуть лицемеріемъ, обманомъ и предательствомъ, и притомъ безъ всякихъ опасностей и непріятностей для себя? Не гораздо ли болѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ заслуживаетъ довѣрія искренній язычникъ, коль скоро онъ даетъ клятву быть вѣр-

нымъ своему слову именемъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, для его души и сердца, безъ сомнѣнія, самыхъ священныхъ, заветныхъ и неприкосновенныхъ? Весьма справедливо говорить, что индифферентизмъ есть тоже *безбожіе*, только подъ другимъ именемъ и въ иномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро для человѣка всѣ религіи, самыя противоположныя, рѣшительно равны и одинаковы; то само собою очевидно, что для него вовсе нѣтъ религіи, — вовсе нѣтъ Бога истиннаго и живаго, а есть только, можетъ быть, нѣкоторая идея о существѣ высочайшемъ, имъ самимъ выработанная или откуда нибудь взятая, ничего особеннаго не внушающая, ни къ чему не обязывающая, идея, съ которою можно сдѣлать все, что угодно, по праву самостоятельнаго и независимаго, чисто-философскаго мышленія. Труденъ ли отсюда переходъ и къ тому, что промыслъ Божій и безсмертіе души—одна отвлеченная загадка, внушенія совѣсти — издавна укоренившійся предразсудокъ, искренняя и глубокая любовь къ ближнему, побужденія къ добру, независимыя ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, — вещь если не вовсе невозможная, по крайней мѣрѣ очень темная и сомнительная, и въ существѣ дѣла ни для кого не обязательная?

Нужно ли доказывать ту истину, что человѣкъ безразличный въ дѣлахъ Вѣры, безъ всякаго смущенія совѣсти, безъ долгихъ колебаній воли, можетъ явно и торжественно отречься отъ христіанства, среди котораго онъ родился, что онъ можетъ сдѣлать это не по внѣшнему насилію и принужденію, не по страху гоненія и смерти—хотя по суду христіанства и это законопреступно—но единственно ради житейскихъ выгодъ, ради чувственныхъ удовольствій и удобствъ жизни, что для

этомъ, измѣняя Вѣрѣ, онъ легко можетъ измѣнить и своему христіанскому отечеству и сдѣлаться его врагомъ? Къ сожалѣнію, ясный и очевидный опытъ убѣждаетъ насъ въ этой печальной истинѣ. Не мало примѣровъ того, что люди, вышедшіе изъ среды образованныхъ христіанскихъ народовъ, люди, которыхъ притомъ нельзя обвинить въ грубости и невѣжествѣ и слѣдовательно въ неумѣніи отличить одну религію отъ другой, дошедши въ своемъ индифферентизмѣ и безразличіи до крайней наглости и безстыдства, измѣняли своей религіи и дѣлались *ренегатами*—поклонниками лжепророка,—вмѣстѣ съ принятіемъ новой религіи, уже необходимо обязывались въ случаѣ нужды идти противъ своего же христіанскаго отечества, опустошать его огнемъ и мечемъ, проливать кровь своихъ соотечественниковъ,—иногда равнодушно смотрѣли на гоненія и насилія, воздвигаемыя магометанами противъ христіанъ, а иногда и сами принимали участіе въ этихъ гоненіяхъ.... Вотъ къ какимъ ужаснымъ слѣдствіямъ можетъ привести мнимое уваженіе ко всѣмъ религіямъ всѣхъ народовъ, проповѣдуемое во имя любви къ человѣчеству!...

Въ этомъ случаѣ, какъ само собою очевидно, индифферентистъ дѣлается крайне вреднымъ и опаснымъ фанатикомъ. Но не то же ли самое бываетъ большею частію и со всѣми, зараженными болѣзнію индифферентизма и безразличія въ вѣрѣ? Проповѣдуя на словахъ одинаковое уваженіе ко всѣмъ религіямъ, не являются ли они иногда на дѣлѣ самыми ожесточенными изувѣрами и фанатиками въ отношеніи ко многимъ истинамъ христіанства и постановленіямъ Церкви? Прощедшій вѣкъ ясно показалъ, что фанатизмъ индифферентизма и безбожія можетъ быть также разрушителемъ и ужасенъ,

какъ и фанатизмъ религіозный. Эти мудрецы, такъ громко проповѣдывавшіе о равенствѣ всѣхъ человѣческихъ правъ и равенствѣ всѣхъ религій, къ чему болѣе всего напрягали всѣ свои силы, какъ не къ униженію единой истинной и спасительной религіи Господа нашего Иисуса Христа, большею частію оставляя въ покоѣ всѣ прочія вѣрованія, а иногда самымъ коварнымъ и низкимъ образомъ указывая на ихъ мнимыя преимущества въ сравненіи съ христіанствомъ? Какихъ неистовыхъ богохульствъ и ругательствъ, какихъ клеветъ и выдумокъ, насмѣшекъ и кощунствъ не употребили они, чтобы только унизить и осмѣять христіанство? Какихъ потомъ всенародныхъ поруганій и униженій христіанской святыни, разоренія алтарей, оскверненія храмовъ не совершили изступленные и кровожадные послѣдователи ихъ ученія?

Къ сожалѣнію, подобныя явленія, хотя болѣе тонкія и скрытыя, — нерѣдко и нынѣ. — Развѣ не найдемъ и нынѣ среди образованнѣйшихъ христіанскихъ обществъ людей, считающихъ себя самыми образованными и передовыми, гордящихся своимъ уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ, своимъ высокимъ взглядомъ на права и достоинства человѣка, которые однакожь смѣются и кощунствуютъ надъ самыми высокими истинами христіанства и учрежденіями Церкви? Какъ часто высокое и святое имя Божіе, имена величайшихъ мужей Церкви, обряды и самыя таинства Церкви подвергаются такими людьми презрѣнію и осмѣянію! Какъ часто самые недостатки и пороки людей, ихъ ошибки и заблужденія они стараются навязать религіи, которая исповѣдуется этими людьми! Какъ часто всѣ дѣйствія христіанской ревности по Вѣрѣ, самыя справедливыя и законныя, проникнутыя духомъ любви христіанской,

никого не оскорбляющія и не унижающія, индифферентисты нашего времени клеймятъ позорнымъ именемъ изуверства и фанатизма! Какъ часто самая справедливая и законная защита истины христіанской, вызванная ихъ же несправедливыми нападеніями на нее, считается ими духомъ нетерпимости, неуваженія къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ ихъ, тогда какъ имъ и на умъ не приходитъ, что, поступая такимъ образомъ, они именно себѣ самимъ дозволяютъ дѣйствія нетерпимости и фанатизма, крайняго неуваженія и презрѣнія къ самымъ священнымъ и заветнымъ убѣжденіямъ другихъ людей! Словомъ: все, что есть самаго высокаго и священнаго въ религіи Христовой, что для истиннаго, ревностнаго къ своей Вѣрѣ христіанина дороже всего самаго драгоценнаго въ этомъ мірѣ, дороже самой жизни—все то людьми холодными и безразличными въ отношеніи къ Вѣрѣ подвергается кощунству и глумленію, насмѣшкѣ тайной или явной, тонкой или грубой, смотря по обстоятельствамъ, или, вѣрнѣе сказать, смотря по тому, гдѣ какая насмѣшка можетъ быть наиболѣе извительною и ядовитою и въ тоже время остаться безнаказанною. И что же дивнаго въ этомъ? Для подобныхъ людей всѣ религіи равны и одинаковы, иначе: всѣ религіи для нихъ одинаково—суевѣрія и предрассудки; а къ суевѣріямъ и предрассудкамъ можно ли относиться почтительно и уважительно? Что поэтому можетъ означать на языкѣ ихъ и одинаковое уваженіе ко всѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, какъ не одинаковое презрѣніе въ отношеніи ко всѣмъ имъ, а слѣдовательно и въ отношеніи къ христіанству?

И такъ, любовь ли къ человѣчеству, духъ ли истины мирной и тихой, ангелъ ли свѣта, или, напротивъ, духъ

врака и лжи, духъ вражды и раздѣленія, духъ гордости и презрѣнія къ человѣчеству дышетъ въ этомъ ученіи?... Рѣшится ли истинный, самый пламенный и ревностный къ своей Вѣрѣ христіанинъ, дѣйствующій въ духѣ истинно Христовомъ и апостольскомъ, на такіа по-смѣянія и поруганія даже языческихъ заблужденій, на какія рѣшаются иногда въ отношеніи къ истинѣ Христовой люди, громко проповѣдующіе объ уваженіи ко всѣмъ религіямъ безъ исключенія, объ уваженіи къ личнымъ религіознымъ убѣжденіямъ каждаго чело-вѣка? Трудно ли поэтому рѣшить вопросъ: гдѣ истин-ный духъ и ученіе вѣротерпимости, — у нихъ ли, или напротивъ въ ученіи Евангелія и Церкви?...

Не всѣ, конечно, ниспадають въ своемъ индифферен-тизмѣ до такой степени, чтобы совершенно отвергать божественность христіанства и ставить его наравнѣ съ ложными религіями. Многие думаютъ только, что всѣ христіанскія вѣроисповѣданія имѣютъ одинаковое зна-ченіе и силу въ отношеніи къ вѣчному благу и спасе-нію челоуѣка, и потому утверждаютъ, что какого бы исповѣданія ни держаться, все равно можно благоугож-дать Богу и принадлежать къ истинной Христовой Цер-кви, которой они не признають въ томъ или другомъ ис-повѣданіи въ частности, а полагають во всѣхъ вообще исповѣданіяхъ церковь невидимую, состоящую изъ всѣхъ поклоняющихся Богу духомъ и истиною.

Не станемъ и здѣсь подробно изслѣдывать, отъ ка-кихъ причинъ произошелъ въ христіанскихъ обществахъ этотъ ложный взглядъ на вѣроисповѣданія христіанскія. Скажемъ только, что первоначальнаго источника его нужно искать въ обществахъ протестантскихъ, которые, отдѣлившись отъ церкви римской, не соединившись съ

Церковію вселенскою, предоставивъ понимать ученіе Христово каждому, какъ ему угодно, естественно должны были притти къ мысли, что полной и совершенной истины Христовой, и потому прямаго, очевиднаго и открытаго для всѣхъ желающихъ пути ко спасенію и блаженству нельзя найти ни въ ихъ обществахъ, ни въ томъ или другомъ исповѣданіи христіанскомъ, что этотъ путь каждый, къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ, можетъ находить самъ для себя, вникая въ ученіе Евангелія и стараясь уразумѣть его, сколько можетъ. Вообще можно сказать, что если церковь римская, по отдѣленіи отъ вселенской, преимущественно ознаменовала себя духомъ фанатизма; то протестантство, отдѣлившись отъ самой римской церкви, не чуждое въ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдователей духа своей родоначальницы, преимущественно ознаменовало себя противоположнымъ духомъ, — вялымъ, безразличнымъ взглядомъ на всѣ христіанскія исповѣданія. Изъ протестантскихъ обществъ, вслѣдствіе взаимнаго обмѣна мыслей и тѣсныхъ сношеній между всѣми образованными христіанскими народами, этотъ взглядъ легко и удобно распространился по всему міру христіанскому. Не удивительно поэтому, что его держатся и нѣкоторые изъ православныхъ, особенно тѣ, которые не знаютъ ни существенной разности между вѣроисповѣданіями христіанскими, ни тѣхъ основаній, на которыхъ опирается вѣроученіе христіанское, ни исторіи христіанства и Церкви Христовой, и которые не имѣютъ искренней и глубокой привязанности и любви къ Церкви, въ нѣдрахъ которой они родились.

Но и такой безразличный взглядъ на всѣ вѣроисповѣданія христіанскія, какъ бы онъ ни казался кому либо благовиднымъ, снисходительнымъ, проникнутымъ духомъ

христіанской вѣротерпимости, не достойнъ истиннаго христіанина и ясно опровергается какъ примѣромъ и жизнью самаго Господа нашего и Его святыхъ апостоловъ, такъ и ученіемъ ихъ.

До основанія на землѣ нашимъ Господомъ Его св. Церкви истинная религія сохранялась въ народѣ іудейскомъ. Ко времени земной жизни нашего Господа среди этого народа явились многія лица, которые къ истинной религіи начали примѣшивать свои человѣческія мудрованія: явилось фарисейство, саддукейство, самарянство. Что же Господь нашъ? Говорилъ ли Онъ, что, къ какой бы изъ этихъ сектъ ни принадлежать, одинаково можно достигнуть вѣчнаго спасенія и блаженства? Напротивъ, Онъ всенародно обличалъ фарисеевъ и саддукеевъ за ихъ отступленія отъ вѣроученія и закона Моисеева, Онъ возвѣщалъ имъ не спасеніе, но *горе* (Матѣ. 23); Онъ самарянамъ говорилъ: *вы кланяетесь, ея же не вѣстаете*; тогда какъ объ истинной іудейской религіи говорилъ: *мы кланяемся, ея же вѣдѣемъ: яко спасеніе отъ іудей есть* (Іоан. 4, 22), и всѣмъ вообще говорилъ: *не мните, яко придохъ разорити законъ, или пророки: не придохъ разорити, но исполнити* (Матѣ. 5, 17). Своимъ всенароднымъ, торжественнымъ участіемъ въ обрядахъ и празднествахъ іудейскихъ, своею всенародною, пламенною ревностію о богослуженіи іудейскомъ, о чистотѣ и святости храма (Матѣ. 21, 12. 13. Марк. 11, 15—17. Лук. 19, 45. 46. Иоан. 2, 13—17), Онъ также засвидѣтельствовалъ, что не одно и тоже быть самаряниномъ или истиннымъ іудеемъ, что самые внѣшніе обряды и богослуженіе, какъ выраженія непреложныхъ истинъ Вѣры, не суть предметы не важные и безразличныя, которые можно было бы или отвергать, или измѣнять кому угодно, по своему личному произволу,

что, напротивъ, исполненіе ихъ для каждаго члена Церкви весьма важно и спасительно.

Приблизилось время, когда самое іудейство должно было прейти, сѣни и гаданія—уступить мѣсто полной истинѣ, заря закона и пророковъ — преобразиться въ полный и ясный день благодати Христовой, церковь ветхозавѣтная, заключенная въ одномъ народѣ,—замѣниться Церковію новозавѣтною, вселенскою, объемлющею вся языки. Точно также, какъ училъ Господь объ истинной церкви іудейской, училъ Онъ и о Церкви новозавѣтной. И прежде всего ни въ Его ученіи, ни въ ученіи Его св. апостоловъ мы не найдемъ, если только не захочемъ исказять и извращать этого ученія, ни малѣйшаго намека на ту мысль, будто бы послѣдователи евангельскаго ученія даже въ томъ случаѣ, когда они будутъ раздѣляться между собою во мнѣніяхъ касательно этого ученія и примѣшивать къ нему собственные мудрованія, всё одинаково могутъ быть истинными поклонниками Бога и составлять истинную, единую (невидимую) Церковь Христову. Напротивъ, въ ихъ ученіи мы находимъ безчисленное множество свидѣтельствъ о томъ, что Церковь Христова должна быть едина, имѣть *единую* вѣру, единое крещеніе, какъ единъ Богъ и Отецъ всѣхъ (Ефес. 4, 5, 6), какъ единъ Искупитель человечества,—что эта Церковь *есть столпъ и утвержденіе истины* (Тим. 2, 15),—что этой Церкви, какъ извѣстной и видимой, должны повиноваться всѣ ищущіе спасенія, а не повинующіеся ей, хотя бы и исповѣдующіе Бога истиннаго, должны быть для нея, какъ мытари и язычники (Мате. 18. 17), — что эта Церковь имѣетъ главою своею единаго Господа Иисуса Христа, управляется апостолами и преемниками ихъ служенія, но отнюдь не волею и прихотью одного каковаго либо ея

члена, какъ бы ни былъ онъ великъ и важенъ, равно какъ не состоитъ изъ членовъ, самопроизвольно и независимо ни отъ какого духовнаго руководства, управляющихъ самими собою. Мы находимъ далѣе въ ученіи Христа—Спасителя, Его апостоловъ и преемниковъ ихъ служенія безчисленныя предостереженія, внушаемыя истинно-вѣрующимъ, касательно того. чтобы они береглись отъ *лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ нимъ во одеждахъ овчиахъ, внутрь же суть волцы овчницы* (Матѣ. 7, 15), чтобы *еретика челоюпка отрицались* (Тит. 3, 10) и не вступали въ общеніе съ нимъ въ дѣлахъ Вѣры, богослуженія и таинствъ, чтобы *не прилагались къ наученія странна и различна* (Евр. 13, 9), чтобы *искушали дуахъ, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1), чтобы не вѣрили не только простому челоювѣку, но и ангелу съ небесе, если бы онъ сталъ возвѣщать что нибудь новое, особенное, отличное отъ того, что возвѣстилъ Христось-Спаситель, чему учили и учать апостолы и преемники служенія ихъ, руководимые Духомъ Божиимъ, наставляющимъ ихъ на всяку истину (Гал. 1, 8. 9).

Какой смыслъ, какое значеніе могли бы имѣть всѣ эти внушенія и предостереженія, если бѣ подлинно была справедливою мысль, что всѣ христіанскія исповѣданія и общества равны и одинаковы въ отношеніи къ вѣчному спасенію челоювѣка? Къ чему бы тогда служили всѣ эти безчисленныя наставленія, внушающія каждому христіанину такую непрестанную заботу о чистотѣ своего исповѣданія, столь сильно и настоятельно обязывающія его къ живой и пламенной ревности по Вѣрѣ, къ повиновенію одной истинной Церкви, въ которой духъ любви и истины Христовой неизмѣнно сохраняется въ своей первоначальной чистотѣ и простотѣ?

●. Надеемся.

О ПРОЩЕНІИ ОБИДЪ.

Образъ дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите,—заповѣдуетъ намъ и жагаетъ отъ насъ Господь, за насъ распявшійся. Такъ, и одна благодарность къ нашему Спасителю обязуетъ насъ прощать обиды, по Его примѣру, показанному на крестѣ, изъ угожденія Его святой воли. Мы, и безъ прошенія о томъ нашихъ благодѣтелей и великихъ лицъ, любимъ раздражать имъ: тѣмъ паче сдѣлаемъ это для Господа, когда Онъ самъ сего жагаетъ отъ насъ. *Аще любите Мя, заповѣди моя соблюдайте.* Можно ли же намъ, христіанамъ, не любить Господа, до конца и безконечно возлюбившаго насъ, и оставлять безъ вниманія Его волю? А заповѣдь о прощеніи обидъ, проистекающемъ изъ любви и желанія мира, кои неоднократно внушалъ, о коихъ умолялъ учениковъ своихъ Господь нашъ особенно въ предсмертныя часы своей жизни, — есть вождѣнная заповѣдь Его сердцу. Почему Онъ возвѣщаетъ ее намъ и съ самаго креста, предавъ за насъ духъ свой Богу Отцу, моляся за распинателей своихъ, возвѣщаетъ, какъ послѣднюю волю свою, — соединеніе всѣхъ желаній своихъ, какъ заключеніе проповѣди Евангелія, — завѣщаніе намъ, при отходѣ отъ насъ. Для чего Онъ и нисходитъ на землю, зракъ раба пріялъ, терпѣлъ во всю жизнь, отъ Виллема до Голгоемы? Дабы своею святѣйшею кровію омытъ наши грѣхи и, претворивъ

наши сердца силою Духа Святаго, даровать намъ дерзновение къ Богу, нами оскорбленному. Для чего и это? *Да вси едино будутъ*, молится Онъ о насъ къ Отцу небесному, *якоже Ты, Отче, во Милъ, и Азъ съ Тебѣ, да и тѣ съ Насъ едино будутъ*. Такъ, разрушеніе всемірной вражды между нами и Богомъ, и — нашей взаимной — между собою, препятствующей сему блаженному единенію, есть великая цѣль страданій Спасителя, отрадное желаніе Его сердца, предметъ Его божественной молитвы за насъ. Почему, и предъ смертію Онъ завѣщалъ намъ миръ, и при вознесеніи на небо миръ оставилъ намъ, какъ лучшее благо. Почему Онъ и неоднократно завѣщаваетъ и какъ бы умоляетъ насъ бѣгать вражды, которая разрушаетъ это благо, — взаимный миръ нашъ.

И чего требуетъ, чего просить у насъ Господь, завѣщавая намъ прощать обиды другъ другу? Не чего либо сверхъ закона, какого либо особеннаго съ нашей стороны дара, а самаго необходимаго и должнаго, безъ чего христіанинъ не есть истинный христіанинъ. Прощеніе обидъ есть непреложная обязанность, и неисполненіе ея — величайшее преступленіе и зло. Что такое вражда на ближняго? — *Человѣкоубійство*. Ужасно это, но тѣмъ не менѣе истинно. Такъ взираетъ на нее Господь, такую признаетъ ее Слово Божіе. *Ненавидли брата*, вѣщаетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *человѣкоубійца есть*. Господь, который цѣнить наипаче намѣренія и расположенія сердца, на ненависть нашу, желающую обидѣвшему всякаго зла и мстящую за личныя наши оскорбленія, взираетъ, какъ на человѣкоубійство. А вражда есть мать ненависти, и безъ нея не бысть. Судите же сами, много ли, особеннаго ли чего

Господь требует отъ насъ и сверхдолжнаго, когда заповѣдуетъ намъ убѣгать вражды, убивающей ближняго? Требуетъ самаго нужнаго и необходимаго, удаляеть насъ отъ этого духовнаго челокоубійства.

Но не другаго только, а и того, кто носить вражду въ сердцѣ своемъ, она убиваетъ, умерщвляетъ его душу. *Всакъ не любай брата, тѣмъ паче питающій къ нему вражду и злобу,—въ смерти пребываетъ*, говоритъ тотъ же возлюбленный ученикъ Христовъ. Всѣ грѣхи вредоносны и гибельны. Но одни изъ нихъ повреждаютъ душу, подобно малымъ насѣкомымъ, поядающимъ листья древа,—таковы суетныя мысли и безчисленныя праздыя слова. Другіе причиняютъ гибель душъ, *яко лисы малы, губящія виноградъ*, — это похоти и разныя пороки. Но есть грѣхи, кои губятъ самую внутренность и корень древа нашего внутренняго рая, умерщвляютъ сердце для жизни духовной. Изъ таковыхъ грѣховъ гибельный и смертоноснѣйшій—вражда или злоба.

И пусть бы вражда только убивала душу: — у насъ есть Господь, животоми и смертію обладай, къ коему нужно тоьмо воззвать изъ глубины души, и Отецъ воздвигнетъ ее, изведетъ изъ тьмы и сѣни смертной; есть врачество—покаяніе, отъ коего воскресаютъ и мертвые духомъ: но гибельность вражды дагѣ простирается. Убиваютъ душу и другіе грѣхи, страсти и пороки; но пораженный ими, когда вознесетъ къ Богу молитвенный сокрушенный гласъ покаянія истиннаго,—Господь проститъ всѣ беззаконія: — непрощающій оскорбленій и едержимый враждою, не можетъ пользоваться сею божественною помощію,—врачествомъ покаянія и милосердіемъ Божиимъ. Господь самъ сказалъ: *аще не отпустисте челоькоме совршенія ихъ, ни Отецъ оишъ отпуститъ*

самъ оскорбленій возмездіе. — И, какъ, не прощая ближнему оскорбленій нашихъ, мы предстанемъ Господу съ сею молитвою: *Отче нашъ, остави намъ долги наша, якоже и мы оставимъ должникомъ нашимъ*, т. е. прощаемъ обидѣвшимъ насъ, кои должны бы воздать намъ удовлетвореніе? Какъ ты скажешь: *Отче нашъ, даждь намъ?* Какъ будешь произносить сію молитву, дышащую любовью, всехъ объемящую, овоюкупляющую во едино братство, имѣющее единого Отца; — когда сердце твое исключаетъ отсюда враговъ своихъ, отдѣляетъ нѣсколько чадъ Отца небеснаго отъ единенія въ духѣ сей молитвы? Видите, что въ самыхъ первыхъ словахъ первой молитвы нашей заключается заповѣдь — прощать оскорбленія, и молиться за враговъ, даже не имѣть враговъ, ибо между чадами единого Отца уместна ли вражда? Господь — любви по существу своему — столько любить взаимную нашу любовь, что даже намъ такую молитву, кою первые словъ: *Отче нашъ* нельзя искренно произнести съ чувствомъ вражды и злобы. А произнося ее со враждою, мы будемъ говорить неискренно, торжественно вѣщать ложь предъ Сердцевѣдцемъ. А это — какая дерзость? И всякая молитва, возносимая къ Богу въ чувствѣ вражды и злобы, не пріятна Богу; ея дуреніе, для Господа любви и мира, не — еніемъ благовонный, а подобно ѣдкому дыму, узвляющему очи, — таково куреніе всякой молитвы, которая исходитъ изъ души, враждою горящей. Такая молитва и не восходитъ на небо: Господь мира не пріемлетъ сей жертвы. *Остави даръ твой предъ алтаремъ*, вѣщаетъ Онъ, и первые примирися съ ближнимъ; иначе Я не приму твоего приношенія.

Такимъ образомъ, вражда не только умерщвляетъ

ннѣ, но и не допускаеть къ намъ помощи небесной, заграждаетъ отъ насъ небо; не токмо сама есть великій грѣхъ смертный, но и другіе грѣхи дерзнуть и утверждаетъ въ насъ. Это—держава и укрѣпленіе ада, прочная сокровищница, гдѣ, въ сѣни смертной, врагъ спасенія блюдетъ всѣ наши грѣхи, на вѣчное погубленіе душъ нашихъ. Посему онъ весьма любитъ нашу вражду между собою. Ибо ничто столько не угодобляетъ ему человѣка, какъ вражда и злоба. Онѣ составляютъ какъ бы душу, существо и образъ врага спасенія; и если бы кто сталъ изображать его,—не найдетъ приличнѣйшихъ красокъ или тѣней, какъ мракъ вражды и злобы. Отъ того, если какой порокъ и страсть, то вражда нанпаче сближаетъ человѣка съ врагомъ спасенія; и если гдѣ, то въ душѣ враждующей онъ обрѣтаетъ для себя *домъ пометель*, по слову Евангелія. О Господѣ сказано: *съ миръ мѣсто Бж*; о врагѣ и противникѣ Божиѣмъ можно сказать: во враждѣ жилище его. Не наше это соображеніе, а есть ясное указаніе на сіе въ словѣ Божиѣмъ: *Солнце да не зайдетъ во инъелъ вашемъ*, вѣщаетъ Апостоль, *и не дадите мѣста лукавому*, которое и даетъ ему въ насъ гнѣвъ, во вражду перерождающійся. Саулъ имѣлъ Духа Святаго, но когда воспылагъ завистию и враждою на Давида, *отступилъ отъ него Духъ Божій*, и *даллше его духъ лукавій отъ Господа*, но Его поупщенію.

Такъ, гибельна и ужасна вражда! Она—радость ада. Ибо что дѣлаеть питающій вражду? Творить волю врага спасенія и угождаетъ ему, — распространяеть его дѣла, возстановляеть то, что разрушено крестомъ Господнимъ. Господь пришелъ, *да разрушитъ дѣла діавола, убилъ*, по слову Апостола, *крестомъ вражду*, и прими-

ривъ насъ съ Богомъ и между собою: а вражда разрушаетъ то, что созидаетъ крестъ Господень, и созидаетъ, что Онъ разрушаетъ. Не прощающій ближнему доставляетъ врагу спасенія сугубую радость: онъ не ослабляетъ предъ судомъ Всевышняго виновности обидѣвшаго, и самъ себя подвергаетъ величайшему осужденію и гнѣву Божию. Посему, вражда, доставляя полную радость аду, вносить печаль въ самое небо, въ сердца ангеловъ блаженныхъ, а паче всего огорчаетъ Господа нашего, и какъ бы вновь наноситъ Ему раны.

Да не удерживаютъ никого нѣкоторыя трудности, съ коими сопряжено прощеніе оскорбленій. Что же мы за христіане, если убоимся и не потерпимъ нѣкоего труда для Господа, умершаго за насъ? Не легко, конечно, прощать обиды, — сердце наше невольно воспалится гнѣвомъ и стремится къ отмщенію, какъ скоро причинили намъ оскорбленіе; и много нужно усилій — удержать движеніе сердца и покорить его разуму и Слову Божию: но развѣ важныя подвиги совершаются безъ труда? Трудно прощать? Но за то, что въ награду получаетъ прощающій? *Аще отпущаете чекотькомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный*, сказалъ самъ едиnorodный Сынъ Божій. Ужели же мы не имѣемъ нужды въ прощеніи и милости Божіей къ грѣхамъ нашимъ? Самые великіе святые трепетали суда Божія; и нѣтъ праведника на небѣ, не имѣвшаго нужды въ помилованіи и прощеніи отъ Бога. Не заботиться намъ о семъ помилованіи — крайняя, неразумная и гибельная безпечность. А безъ прощенія нашего ближнимъ нѣтъ и намъ прощенія, не дѣйствительно самое покаяніе наше. *Судъ безъ милости не сотворимъ милости*. Послѣ сего, можно ли помышлять намъ о трудности проще-

нѣ, когда грѣхи наши каждый день умножаются паче власъ главы нашей? Притомъ, трудность прощать обиды весьма много облегчается упражненіемъ и навыкомъ въ семь дѣлъ. Кто имѣетъ *чувства къ сему обученію*, для того труднѣе питать вражду, нежели покрывать всѣ оскорбленія прощеніемъ и миромъ. Ты, возлюбленный, не будешь имѣть удовольствія, получаемого отъ удовлетворенія чувству мести? О, жалкое то сердце, которое приобыкло обрѣтать услажденіе во враждѣ и мщеніи! Самое услажденіе отъ удовлетворенія чувству мести можетъ ли сравниться съ тѣми сладостными ощущеніями, которыя проливаются въ сердце наше отъ прощенія обидъ и примиренія! Минуты сіи — лучшія, небесныя минуты въ нашей жизни. Страстямъ, покрывающимъ наше сердце, пріятны мечь и злоба; но сердце — самое основаніе и внутреннее нашего существа — любить миръ, и въ немъ находить высшее услажденіе. Сердце создано для Господа мира, и, какъ ни испорчено оно, все еще не изгладилась въ немъ черта образа небснаго Миротворца, и примиреніе не потеряетъ для него своей небсной сладости.

Но ты, возлюбленный, при всемъ желаніи къ тому, не можешь утушить твоего гнѣва и умертвить вражду? Возари окомя вѣрующаго ума и сердца на крестъ. Крестъ Исуса Христа есть для насъ и наставленіе, и образецъ, и сила. Есть сила, необоримая сила въ крестѣ Христовомъ, вѣрою изъ него извлекаемая: *самъ поблагодѣй*. Возведи очи вѣры къ Вознесенному на крестъ — и змѣнный ядъ вражды потеряетъ всю силу; *убій крестомъ вражду*, какъ убилъ ее, по слову Апостола, великій Крестоносецъ. Съ вѣрою и благоговѣніемъ ограда грудь твою знаменіемъ креста, и движеніе гнѣва преста-

нетъ. Для ослабленія въ себѣ дѣйствія яда, принимаютъ внутрь молоко: есть и у насъ духовное *и желстное* *млеко* — слово Божіе; примемъ его въ души вѣрою, чрезъ усердное чтеніе и слушаніе, — и воспаленіе яда вражды потухнетъ. Трудно не возмечься иногда гнѣву въ нашемъ грѣховномъ сердцѣ, неволью объемлющемся пламенемъ страсти: по крайней мѣрѣ нужно снѣшить потушить сей гибельный пламень, не попускать гнѣву превратиться во вражду и злобу. Уязвленныхъ змиевъ стараются врачевать до захожденія солнца: такъ поступимъ съ собою и мы, уязвленные ядомъ гнѣва и вражды. *Гнѣвайтесь, и не сорпшайте; солнце да не зайдетъ во мѣлъ вашею; и не дадите мѣста лукавому.* Съ погашеніемъ вечерняго огня въ жилищѣ нашемъ, потушимъ непремѣнно, если есть, и даже малый огонь гнѣва въ душѣ своей; иначе, *намъ сплщимъ*, врагъ и губитель душъ нашихъ раздуетъ его въ сильный пламень, и сожжетъ нашъ внутренній домъ. И какъ возлечь на одрѣ съ враждою въ сердцѣ? Какъ будетъ охранять насъ ангелъ хранитель, когда сердце наше будетъ хранилищемъ вражды? *Солнце да не зайдетъ во мѣлъ вашею*, говорить Апостоль. Но сколько солнцевъ зашло и заходить во гнѣвъ нашемъ и враждѣ? Не часто ли со гнѣвомъ мы засыпаемъ и встаемъ; — проводимъ дни и мѣсяцы съ непрекращаемою враждою? Чтожъ, если и солнце всей жизни нашей зайдетъ во гробъ во гнѣвъ нашемъ, и мы, унесши съ собою вражду, предстанемъ съ нею предъ Судію и Бога мира? Есть опыты, что свою вражду нѣкоторые намѣренно питають и блюдутъ до смерти. *И по смерть ему этою не забуду*, говорятъ о врагѣ, поощряя себя въ чувству мести; и — продолжаютъ памятозлобіе дагѣ самой смерти, — завѣщаваютъ

дѣлать ненависть и мщеніе, оставляютъ имъ древнюю свою вражду, какъ наслѣдство. Жалкіе и ужасные примѣры! Бѣдное наслѣдство! Пагубное завѣщаніе и заповѣдь! Не изъ Христова Евангелія, не изъ Откровенія взята заповѣдь сія; а изъ внушенія Его противника. И каждая вражда, какъ и все худое, даже сама собою, безъ помощи врага спасенія и нашей, легко можетъ усилиться и превратиться въ нескѣпную, пожизненную злобу, если не позаботимся погасить гнѣвъ при его началѣ. Время само не всегда можетъ истреблять вражду нашу. Мы часто думаемъ, что не имѣемъ ее, считаемъ вовсе угасшею отъ времени; между тѣмъ, какъ она еще тлится въ сердцѣ, дымяся подъ пепломъ разныхъ чувствъ и мыслей, входившихъ въ душу, и превратилась въ холодную, но глубокую ненависть и злобу, будучи оставлена нами и свободно вѣдряясь въ душу. Но пусть время, все наглаждающее, даже нагладить и всѣ слѣды вражды въ сердцѣ нашемъ: но, если мы не участвовали въ семъ наглаженіи, это будетъ дѣло времени, а не наше; и за нами все останется вражда на ближняго, предъ судомъ Божиимъ—эта тяжкая вина, долгъ неоплатный. Дабы получить великую награду отъ Господа мира, нужно самому спѣшить разрушать вражду миромъ.

Ты, возлюбленный собратъ, и готовъ бы иногда простить обиду; но удерживаешься стыдомъ и опасеніемъ, чтобы нѣкоторые не почли тебя безчувственнымъ, подобно животному, и малодушнымъ, — опасаясь, чтобы не унизиться въ глазахъ самого обидѣвшаго тебя? Оставь сей ложный, гибельный стыдъ и опасеніе такого мнѣнія нѣкоторыхъ людей, враговъ креста Христова. Иначе, это значило бы—стыдиться самаго креста; ибо

не со креста ли Христова мы слышимъ трогательную заповѣдь о прощеніи обидъ? Не на немъ ли видимъ начало и первый высочайшій образецъ сего поступка? И что можетъ быть ниже и достойнѣе сожалѣнія, какъ считать такое превратное и гибельное мнѣніе о прощеніи обидъ, какое слышится иногда изъ устъ нѣкоторыхъ? Это — образъ мыслей языческаго міра, который великодушіе и славу поставлялъ въ чувствахъ мести; — это его жалкое заблужденіе ума и сердца, потому что онъ не зналъ Евангелія Господа, не слышалъ сихъ чрезвычайныхъ словъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдаютъ бо, что творятъ*, и не понималъ высокаго достоинства прощенія оскорбленій. Что можетъ быть, напротивъ, выше, великодушнѣе, какъ — *побѣдить блвзкимъ злое*, — сказать въ сердцѣ: Господи, для Тебя прощаю ближнему обиду мою! — Дѣйствительно, не всякое животное способно обидѣться тѣмъ, чѣмъ оскорбляется чувствительность самолюбія человѣка; но многіа животныя еще правдойдутъ насъ въ чувства мести: — побѣдить же это чувство не могутъ сами собою: простить обиду — значитъ побѣдить себя; а побѣдить себя иногда болѣе и выше, нежели побѣдить городъ и цѣлый народъ. Простить, чувствуя оскорбленіе, и, побѣдивъ силу гнѣва, простить искренно и совершенно не изъ гордости и презрѣнія къ обидѣвшему, или изъ малодушія, а изъ уваженія къ закону Евангелія, изъ любви къ ближнему и къ святости міра, — высокое, богоподобное свойство! Это — свойственно Богу и Его подражателямъ! И, къ сердечному утѣшенію, съ достовѣрностію можно полагать, что униженію думаютъ о семъ высокомъ поступкѣ не многіе: всѣ добрые и благомыслящіе люди уважаютъ его и ублажаютъ. Самый врагъ, нанесшій

тебѣ оскорбленіе, когда узнаетъ о твоёмъ истинно христіанскомъ поступкѣ, — умилятся сердцемъ и возблагодарятъ предъ твоею добротою и великодушіемъ. *Благи ты нѣче мене*, во глубинѣ сокрушеннаго сердца скажетъ онъ о тебѣ, какъ сказалъ Саулъ обиженному имъ, но платившему за обиду великодушіемъ, миролюбивому Давиду.

Намъ нанесена чрезвычайная обида, и притомъ невинно? — Простимъ, по примѣру Господа, и ради Его. Не будемъ измѣрять оскорбленій нашихъ чувствительностію нашего самолюбія. Воззримъ паки на Крестъ, измѣримъ оскорбленія наши съ любовью къ намъ и крестными страданіями Господа, Его гвоздинными язвами и терновымъ вѣнцомъ; — и мы устыдимся раздражительности нашего самолюбія, и нашего гѣва часто за одно колкое слово. Представьте какія угодно оскорбленія и обиды, намъ причиняемыя, — что онѣ предъ страданіями Господа? — Пусть подвергаютъ насъ униженію и осмѣянію, ударяютъ въ ланиту и заплевываютъ лицо, все сіе терпимъ мы отъ подобныхъ намъ: Господь, Владыка вселенной, коему *поклоняется всяко колено небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, терпитъ заушенія, заплеваніе и поносную смерть среди злодѣевъ, отъ ничтожной, грѣшной твари. Но какъ поступаетъ Онъ съ ругателями и распинателями своими? — *Ни преречетъ, ни возопіетъ, во смиреніи судъ Его возятъ*. Какъ обращается Онъ съ самымъ предателемъ своимъ, который, *идя съ Нимъ въ глыбъ, возвеличилъ на Него запитаніе*? Что отвѣщаетъ Онъ ему, когда приближается онъ къ Господу съ лукавымъ и злобнымъ замысломъ? Сін кроткія, трогательныя слова: *Иудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предавши? Друзе, твори на неже еси пришелъ, и не от-*

вергъ коварнаго, предательскаго лобзанія его. И крестная молитва Его: *Отче, отпусти имъ*, простиралась и на предателя, который, въ чувствѣ отчаянія, самъ не воспользовался ея плодами. Мало ли и мы каждый день и часъ наносимъ оскорбленій Господу? Что, если бы въ праведномъ гнѣвѣ своемъ Онъ началъ требовать у насъ удовлетворенія за всѣ свои оскорбленія? Мы давно не видѣли бы свѣта солнца и лица земли,—насъ постигли бы всѣ бѣдствія и гибель. Но, по своему безконечному милосердію, Онъ долготерпитъ намъ, и *сіяетъ солнце свое на злыя и благиа*. Намъ же ли рассчитывать и измѣрять свои ничтожныя обиды!

Но причинившій намъ обиду не просить извиненія? Простимъ ему, по примѣру Господа и ради Его. Когда бы обидѣвшій умолялъ о прощеніи; тогда бы простилъ ему и язычникъ, не слышавшій Евангелія, не поклоняющійся Распятому на крестѣ. Ученикъ Христовъ долженъ быть лучше и выше. Обидѣвшій не просить у тебя прощенія? Но, если бы не только царь, а и другой какой либо великій человѣкъ, отъ коего зависитъ твоя участь, лично или чрезъ письмо просилъ тебя примириться съ кѣмъ-либо, причинившимъ тебѣ обиду,—не съ готовностію ли исполнилъ бы ты его просьбу? Но вотъ—за обидѣвшаго тебя просить и ходатайствуетъ о прощеніи ему самъ Господь въ своемъ Писаніи: *сдѣлаемъ же для Господа, что дѣлаемъ изъ уваженія и къ человѣку*.—Можетъ быть, и самъ оскорбившій тебя мучится въ душѣ раскаяніемъ о своемъ поступкѣ, только не имѣетъ великодушія обратиться къ тебѣ. Если бы онъ и не чувствовалъ раскаянія, простимъ ему, по примѣру Господа, молившагося и о нераскаянныхъ распинателяхъ своихъ: *Отче, отпусти имъ; не видятъ бо,*

что творят. Простимъ и мы обидѣвшимъ насъ; *не видятъ бо, что творятъ.* Истинно, *не видятъ.* Если бы ясно вѣдали они, что воздастъ имъ за обиду Судія Всевышній, — никакъ не рѣшились бы на сей поступокъ. Обидѣвшій стократно болѣе обижаетъ себя, нежели другаго, — поражаетъ свою душу. Такъ, прости же ему, — онъ жалокъ, боленъ, и не знаетъ своей болѣзни, находится въ гибельномъ заблужденіи: *не вѣдаетъ, что творитъ.* — Но онъ знаетъ все сіе, и — обижаетъ? Тѣмъ болѣе онъ достоинъ не мщенія, а сожалѣнія, слезъ и нашей молитвы. *Ибо рабъ вѣдывый волю Господина, и не сотворивый, бѣенъ будетъ мною.*

Если же насъ не движетъ жалость о ближнемъ нашемъ, — пожалѣемъ себя, и будемъ разрушать вражду, убивающую душу. Когда бы кто изъ насъ увидѣлъ змію, обвивающую его перся, — не съ ужасомъ ли тотчасъ отринуть бы ее? И, между тѣмъ, вражду, обвивающую и убивающую наше сердце, не рѣдко носимъ и питаемъ во всю жизнь! Къ удивленію и прискорбію, мы, при всей любви къ себѣ, менѣе всего любимъ себя и заботимся о себѣ; часто бываемъ первыми врагами сами себѣ, погубляя себя: — любимъ въ себѣ не то, что нужно, и не такъ, какъ должно. Когда загарается нашъ домъ, мы, съ чрезвычайнымъ страхомъ и поспѣшностію, погашаемъ пламя: — возгарается гнѣвомъ и враждою душа, — и мы часто бываемъ безпечны, сами не рѣдко усиливаемъ огонь, давая ему пищу. Даже одежду мы часто болѣе бережемъ отъ моли и праха, нежели душу отъ вражды и гнѣва, — попускаемъ входить въ нее всякой нечистотѣ и страсти. О душа — храмъ Духа Святаго! Ты выше и драгоценнѣе всего видимаго міра; но, кажется, все, даже

самыя ничтожныя вещи, мы цѣнимъ и бережемъ болѣе тебя!

Аще не отпущаете человеку согрѣшенія мѣхъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Придетъ день, когда каждый изъ насъ будетъ имѣть великую нужду въ милости и прощеніи Судіи Небеснаго: и тогда тяжело, тяжело пожалѣемъ, что не прощали обидѣ, или мало имѣли ихъ, и лишились случаевъ за прощеніе своихъ оскорбленій получить прощеніе оскорбленій, Господу нами причиняемыхъ; — пожалѣемъ, что не оставляли должникамъ одной лепты, дабы намъ оставлены были безчисленные долги наши — тьма талантъ. Судъ надъ нами Господь отдалъ, можно сказать, какъ бы въ наши руки; — отъ насъ зависитъ еще здѣсь предварительно опредѣлить приговоръ и рѣшеніе суда надъ собою. Какъ мы поступимъ съ ближними; такъ и Господь поступитъ съ нами. Если простимъ, и сами получимъ прощеніе. Господь сказалъ, и не отречется отъ своего слова.

Братъ возлюбленный, послѣдователь Христовъ! — Когда обида, отъ ближняго получаемая, будетъ возгнѣтывать огонь гнѣва и вражды въ твоемъ сердцѣ, и у тебя возникнуть два образа мыслей и какъ бы два гласа и совѣта сердечные—одинъ: *прошу ему—Богъ ему Судія!*—вѣдай, что это—воля и завѣтъ Спасителя нашего; другой:—*никакъ не прошу — какъ можно простить это!*—это воля и завѣтъ врага Господня и нашего. Съ ужасомъ скорѣе отврати слухъ сердца отъ сего гласа и внушенія! Ужели предпочтешь завѣтъ врага завѣту Господа, — обрадуешь губителя, и огорчишь величайшаго Благодѣтеля нашего? — Вспомни кровавый потъ, тугу, смертную скорбь, крестныя страданія Господа, и прости всѣ обиды ради Его.—Со креста, проливая за

насъ свою кровь, Онъ, самымъ примѣромъ своимъ, завѣщаваешь намъ, умоляешь насъ о прощеніи обидъ: простите, какъ бы такъ вѣщаетъ намъ, обидѣвшимъ васъ, — не умножайте моихъ ранъ—члены моего тѣла. враждуя между собою и терзая другъ друга! Принесите Мнѣ сію пріятную жертву мира, исполните желаніе моего сердца, ради вашего же спасенія! Я простеръ на крестѣ руки мои, дабы всѣхъ васъ, чада мои, собрать воедино, оживить васъ—члены моего тѣла; но вражда расторгаетъ и разгоняетъ васъ. И какъ соединю васъ подъ моимъ крестомъ, знаменіемъ примиренія земли и неба, когда вы носите въ сердцѣ вражду, —знаменіе врага моего и вашего?

А. •.

II.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКСИМЪ ГРЕКЪ,

ИСПОВѢДНИКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ XVI ВѢКѢ.

ВѢкъ шестнадцатый, времена столпаваго собора нѣкоторые называютъ временами темными (1). Дѣйствительно, трудно указать другое время, когда бы просвѣщеніе въ народѣ и самомъ духовенствѣ стояло на такой невысокой степени, какъ было это въ XVI вѣкѣ. Вотъ картина, нарисованная однимъ изъ новгородскихъ архипастырей начала XVI вѣка и рисующая современное ему образованіе духовенства. „Вотъ, писалъ митрополиту Симону архіепископъ Геннадій, приводить ко мнѣ мужа; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему (въ священствѣ), и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотъ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ челоуѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челоуѣк: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эк-

(1) Истор. русс. Церк. пр. Филар. ч. III, стр. 112.

тени, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь-ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, — а они не много поучившись азбукъ, просятъ прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа не достаесть ставить неучей въ священники. Мужики — невѣжи учатъ ребятъ грамотъ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣеть, — едва едва бредетъ по книгъ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ⁽¹⁾. Впрочемъ это—свидѣтельство частнаго лица и говорить только объ образованіи духовенства новгородскаго. А вотъ слова о томъ же предметѣ цѣлаго собора стоглаваго (1551 г.), касающія просвѣщенія въ XVI вѣкѣ всего духовенства. „О ставленикахъ, хотящихъ въ дьяконы и въ попы ставитися, читаемъ въ 25 главѣ стоглавника, а грамотъ мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити ино сопровитно священнымъ правиломъ, а не поставити ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ... да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотъ: и они отвѣтъ чинятъ: мы де учимся у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитися нѣгдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, потому и насъ учать. А отцы ихъ и мастера ихъ и сами потому же мало умѣютъ, и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ нѣгдѣ“. Правда, и въ это темное время были личности свѣтлыя, съ жаждою наукъ, съ желаніемъ узнать св. Писаніе, — были пастыри высоко просвѣщенные (напр. м. Макарій), міряне

(1) Акт. историч. т. 1. № 104, стр. 147—148.

съ образованіемъ европейскимъ (1). Но это были исключенія сколько утѣшительныя, столько же и рѣдкія. Большинство же или вовсе не знало грамоты, или только умѣло кое-какъ читать. Были даже и такія лица, которые на просвѣщеніе смотрѣли, какъ на ересь, въ чтеніи книгъ видѣли путь къ помѣпательству ума. „Какое несчастіе, говорилъ Курбскій объ этомъ темномъ времени, отнимають оружіе, которымъ бы можно было обличать еретиковъ, а другихъ исправлять, и врачество называютъ смертоноснымъ ядомъ“ (2). Сами учителя вѣры этого времени „чаще занимались болгарскими баснями, или точнѣе бабьими бреднями, чѣмъ услаждались разумніемъ великихъ учителей“ (3). А масса, простой народъ? Знавшіе читать читали только сборники, т. е. сборъ всего, что только попадалось подъ руки, — и слова св. Златоуста или другаго какого либо древняго отца Церкви, и статьи о томъ, что „во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло“ (4), или „писаніе Афродитіана перса“, представлявшее нелѣпую смѣсь языческихъ вѣрованій съ христіанствомъ, боговъ греческихъ съ предметами неприкосновенными по святости (5). Тѣ же, кому не далась грамота, учились отъ нечего-дѣлать гадать по звѣздамъ, по ладонямъ, смотрѣть въ „аристотелевы врата“ и „воронограи“, различать дни черные и под. (6).

Печальна картина просвѣщенія, бывшаго у насъ въ XVI вѣкѣ. Но еще грустнѣе становится на душѣ, ког-

(1) Истор. русс. Церк. пр. Фил. III, стр. 94.

(2) Тамъ же стр. 95.

(3) У Востоковъ въ опис. Рум. муз. стр. 242.

(4) Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, № VIII, стр. 258.

(5) Москвитян. 1842, № II, стр. 71—2

(6) Истор. русс. Церк. Фил. III, стр. 100.

да представишь себя, какова должна была быть в это время нравственность русскаго общества. Недостатокъ образованія, отсутствіе вслѣдствіе этого здравыхъ понятій о жизни и ея назначеніи, незнаніе самыхъ основныхъ началъ вѣры и нравственности,—какой просторъ для разгула страстей самыхъ дикихъ и необузданныхъ! И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что въ XVI вѣкѣ всѣ сословія какъ бы стараются превзойти другъ друга въ порокахъ. Между самыми высшими іерархами церкви встрѣчались лица, которыя, владея богатыми помыслами, знали только пиры и увеселенія, смѣхъ и шутовство, а о церкви и истинѣ, о вразумленіи и наставленіи пасомыхъ и думать не хотѣли⁽¹⁾. Старались о приобрѣтеніи высшихъ іерархическихъ степеней, но не для того, чтобы „наставлять иныхъ ко спасенію“, а чтобы самимъ „въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покои всегда жить“⁽²⁾. Не удивительно послѣ этого, если подобные пастыри „тщались взыти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ, и всякимъ образомъ угождающе имъ и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще имъ, ова же и обѣщавше, аще довершатъ искомое и желаемое“⁽³⁾. Временное смиреніе и нѣкоторыя пожертвованія послѣ вознаграждались съ лихвою. Получившій высокій церковный санъ начиналъ приобрѣтать „стяжанія всякія и стада скотскія и всякія сладкія пищи и прохлада обильно насыщаться потомъ подручныхъ ему поселянъ“⁽⁴⁾, которые нерѣдко „въ

(1) Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 7, — первое и. Данила стр. 5 и 8.

(2) Правосл. Собесѣд. 1859 г. Іюнь стр. 140.

(3) Пр. Собес. 1871, фев. стр. 127.

(4) Пр. Собес. 1861, фев. стр. 130.

скудости и нищетѣ пребывали, ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣдніа нищеты“ (1). Не говоримъ уже объ удовольствореніи самолюбіа „славою, яже отъ челоувѣкъ“, когда льстецы начинали „всяческими хваленіи и ласканіи обливать“ архипастыря, а „предстоящій“ въ тоже время—увеселять его,—украшеннаго „многодѣвными ризами и златомъ и серебромъ, смехотвореніи и кощуну различными“ (2). Низшее духовенство было еще хуже. Вотъ отзывъ о нашемъ клирѣ XVI вѣка—самого царя Ивана Васильевича Грознаго: „попы церковные, жаловался онъ отцамъ стоглаваго собора, и причетники въ церкви всегда пѣяни, и безъ страху стоять и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда изо устъ ихъ исходятъ. И миряне, зря на ихъ безчиніе, гибнуть, тако же творять. Попы же въ церквахъ бѣются и дерутся промежь себя, и въ монастырехъ такоужъ безчиніе творится“ (3). Сами монашествующіе не были свободны отъ пороковъ, которыми заражена была въ XVI вѣкѣ большая часть людей. Очень часто случалось, что инокъ, разумѣется, высокаго церковнаго сана, по „отреченіи своемъ паки“ начиналъ „присяжывать села и стяжанія различна, имже сплетаются полеченія и молвы житейскія“, въ слѣдствіе чего утихшія на время „плотскія и душевныя страсти, паки возникнувши, окаянную душу инока“ начинали „обступать и воевать и всякимъ образомъ уязвлять“—такъ, что и исполнялась на немъ „притча: песь обращся на своя блевотины, и свинія омывшися въ калѣ сквернавѣ“. А если нельзя было дѣлать пріобрѣте-

(1) Тамъ же стр. 131.

(2) Тамъ же стр. 128.

(3) Стоглави. вопр. 22-й изъ первыхъ.

ній полновѣсныхъ, старались „много сугубить серебро и злато свое“, что вело „къ пьянству, чревообъяденію“ и другимъ наслажденіямъ въ этомъ родѣ. Для успокоенія своей совѣсти и для меньшаго соблазна другимъ они придумывали разнаго рода „извѣты во грѣсѣхъ“ своихъ,—то ссылались на „немощь тѣлесную“, то указывали на „друговъ пришествіе“, то наконецъ оправдывали свои слабости „различными праздниками и званіемъ сродниковъ и сосѣдъ“. Но главное, что такъ успокоительно дѣйствовало на несвѣтлую совѣсть, это— „внѣшнее одѣяніе власяныхъ рубищъ“, въ которомъ полагали всю надежду на спасеніе, хотя люди болѣе разсудительные и замѣчали, что одежда монашеская сама по себѣ не только „не пользуетъ ко спасенію нимаго, наипачеже осужденію большему виновно будетъ“ тѣмъ, кои „такими худыми обложени, житіе проходятъ неприлично имъ и всячески неподобно“ (1). Были и такіе монахи, особенно изъ начальствовавшихъ, которые „всю надежду спасенія полагали въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и едея, во время священныхъ постовъ, а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не переставали“ (2). Само собою разумѣется, что и въ XVI вѣкѣ были между духовенствомъ и бѣлымъ и монашествующимъ личности высокой нравственности; но эти свѣтлыя личности терялись среди толпы темной по жизни.

Если же такъ мало хорошаго представляла въ себѣ жизнь духовенства, обязаннаго быть примѣромъ для

(1) Прав. Собес. 1861, февр. стр. 122—126; свес. ноябр. стр. 412—414.

(2) Прав. Собес. 1861, март. стр. 161.

другихъ, то что сказать о прочихъ сословіяхъ, и менѣе знавшихъ евангельскій законъ и болѣе имѣвшихъ случаявъ къ своеволю въ жизни? И мы видимъ, что безпорядкамъ разнаго рода не было границъ. Прочитайте напр. „динока Максима грека слово, пространнѣе излагающее, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“ (1), и вы увидите, что всѣ заботы этихъ лицъ были направлены только къ тому, чтобы какъ можно больше собрать денегъ, хотя бы для пріобрѣтенія ихъ нужно было сдѣлать несправедливость, обидѣть подчиненнаго, обокрасть беззащитнаго, оправдать виновнаго, погубить невиннаго. А потомъ на собранныя деньги строили себѣ „многоцѣнные дома“ и въ нихъ предавались всѣмъ порокамъ сластолюбія, пировали, объѣдались, пьянствовали съ утра до вечера, сопровождая все это „гуслями и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіи же и бусловіи себе обливающе“, и въ то же время „ничимъ же пособствующе ко утверженію державы, но точію на излишнее угоженіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ“, — такъ, что царство представляло собою „жену, сѣдящую при пути и наклонену имущу главу свою на руку и на колѣну свою, стенящу горцѣ и плачущу безъ утѣхи, и оболчену во одежду черну, якоже обычай есть вдовамъ женамъ“, а князья и бояре были ничто иное, какъ окружавшіе жену „звѣри, львы и медвѣди, и волцы и лиси“. И пусть бы это дѣлалось въ опредѣленное время, въ урочные дни, при случаяхъ чѣмъ либо замѣчательныхъ и важныхъ, напр. въ праздники, при посѣщеніи друзей и родныхъ, когда, по словамъ препод. Максима,

(1) Прав. Собес. 1861, август. стр. 319—337.

еще можетъ быть позволено „прохлаженіе нѣкое и веселіе житейское“. Нѣтъ, пировали каждый день, цѣлую жизнь, до самой смерти. Не удивительно послѣ этого, если къ увеселеніямъ подобныхъ людей „прибывало безсмысліе и безуміе и ума изступленіе“. Люди съ правомъ чинить судъ и расправу поступали еще хуже. Они часто гласно распускали слухи, что подсудимый можетъ быть и оправданъ и осужденъ, т. е. что надежда на правоту или опасеніе вины суть вещи сами по себѣ пустыя, а все дѣло въ томъ, кто „принесетъ множайшую маду“, тотъ будетъ и правъ. Какъ ни дурно это, но были явленія еще болѣе возмутительныя. Многіе „судіи и анѳипаты“, зараженные „страстію іудейскаго сребролюбія и лихоиманія“, прибывъ на мѣсто своей службы, прежде всего старались узнавать не нужды подчиненныхъ имъ лицъ, а то, кто въ городѣ богатъ и кто бѣденъ. Собравъ нужныя свѣдѣнія, они приказывали своимъ слугамъ тайкомъ, ночью бросать въ дома богачей какія либо непозволенные вещи, а нерѣдко трупъ мертвеца, и потомъ начинали надъ мнимо-виновными судъ и расправу, кончавшіеся, разумѣется, тѣмъ, что часть имѣнія мнимаго преступника обращалась въ *благодіобрѣтенное* судіи. Это уже подлость, которой нѣтъ и не можетъ быть оправданія. Но бывали случаи еще болѣе поразительные. Приказывали бросать мертвый трупъ не въ домъ частнаго лица, богатство котораго всегда болѣе или менѣе ограничено, но „посреди стогны“, чтобы обвинить въ убійствѣ не частное лицо, не одного какого либо домовладѣльца, даже „не одну улицу, но всю ону часть града“. Въ этомъ случаѣ уже „сребро много“ собирали себѣ представители правды. И все это дѣлалось открыто, безъ малѣйшаго стыда,

предъ лицомъ иновѣрцевъ „ляховъ и нѣмцевъ“, которые, разумѣется, только дивились изобрѣтательности русскаго ума (1). Вообще, „русская правда“ существовала въ то время больше въ библіотекахъ и архивахъ, въ видѣ письменнаго памятника, оставшагося отъ временъ Ярослава, чѣмъ въ судѣ, на дѣлѣ, въ практикѣ. Случалось иногда, что „весь градъ вошлѣть и свидѣтельствоваль на обидѣвшаго“, и однако же виновный не признавался такимъ подкупными судіями. Да, темное было тогда время... А если взять во вниманіе еще то обстоятельство, что этотъ разгулъ страстей не былъ сдерживаемъ ничѣмъ и никѣмъ, потому что не было въ то время „ни Самуила великаго, іерея вышняго, противоположившагося съ дерзновеіемъ Саулу преступнику“, ни „Наевана, исцѣлившаго благокозненною притчею Давида царя и отъ паденія онаго лютаго избавивша“, ни „ревнителѣй подобныхъ Или и Елисею, не стыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя Самарійскія“, ни „Амвросія чуднаго, архіерея Божія, неубоявшагося высоты царства Θεодосія великаго“, ни „Василія великаго, во святыхъ и во всякой премудрости возсіавшаго и премудрѣйшими ученіи ужасивша гонителя Уалента“, ни „Іоанна великаго и златаго языкомъ, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксію изобличившаго, не стерпѣвша презрѣти теплыя слезы бѣдныя вдовы“ (2); -- тогда это темное время невольно называешь ужаснымъ временемъ...

Нужно ли говорить послѣ всего сказаннаго о безнравственности низшихъ сословій, массы, простаго народа, гдѣ нерѣдко источникомъ порока служатъ не

(1) Прав. Собес. 1861, апрѣл. стр. 199—201.

(2) Прав. Собес. 1861, август. стр. 336—7.

только испорченность, неразвитость, незнание лучшаго порядка жизни, но самая обстановка — бѣдная, грязная, иногда неволью вызывающая челѣвѣка на такіа дѣйствія, которыя могутъ быть объяснены только или раздраженіемъ, или отчаяніемъ, и на которыя никогда не рѣшится спокойная душа. Бѣдность не порокъ, но часто, слишкомъ часто ведетъ къ пороку, а бѣдность поселянъ въ XVI вѣкѣ, въ слѣдствіе дурнаго управленія ими, нерѣдко доходила до того, что они не имѣли куска чистаго хлѣба и ѣли безъ соли. Не входя въ подробности, мы замѣтимъ только, что съ самыми вздорными суевѣріями и глупыми предразсудками (1) народъ въ XVI вѣкѣ соединялъ пороки, живо напоминавшіе о временахъ языческихъ (2), и даже такіе, о которыхъ стыдно и говорить (3). Но что особенно бросается въ глаза въ этомъ случаѣ, такъ это самое возмутительное ханжество и фарисейское лицемеріе. „Жили во грѣхахъ нераскаянно“, а между тѣмъ каждый день вычитывали каноны и молитвы (4). Предавались всякаго рода порокамъ, и въ то же время, не довольствуясь установленными Церковію постами, налагали на себя но-

(1) Прав. Собес. 1860, март. стр. 377—398; апрѣл. стр. 399—434; май стр. 435—446; Жури. Мин. Нар. Просв. 1834, № VIII, стр. 239, 14.

(2) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1846, № IV, отд. IV, стр. 59; свес. акт. Истор. Т. 1, № 22. Вотъ какъ проводили наприм. ночь на день рожденія Іоанна Предтечи — во Псковѣ: «егда придетъ праздникъ во святую пощъ, мало не весь градъ возмается и въ селѣхъ вообѣсается въ бубны и въ сопелы и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ, жеманъ же и дѣвань и главами киваніемъ, и устами ихъ непризнаемъ кличь, вся скверныя пѣсни и хребтомъ ихъ выхлани, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же женское и дѣвчье шетаніе, блудное имъ возрѣніе, и жеманъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвань растлѣніе... (Карам. т. VII, пр. 372).

(3) Прав. Собес. 1861, июнь, стр. 251—260.

(4) Прав. Собес. 1861, май, стр. 213—214.

вые⁽¹⁾. Стояли въ храмѣ не благочинно, въ шапкахъ, разговаривали, смѣялись, кощунствовали⁽²⁾; но наблюдали время, позже котораго уже считали грѣхомъ явиться въ храмъ Божій⁽³⁾. Переписку церковныхъ и богослужебныхъ книгъ обратили въ ремесло, въ слѣдствіе чего заботились только о томъ, чтобы написать больше, а не о томъ, чтобы написать правильнѣе и лучше⁽⁴⁾; но стоило заглядить опись такого ремесленника, — начинали кричать, что — это неуваженіе къ святымъ, досада прежнимъ чудотворцамъ, ересь⁽⁵⁾. Такія явленія могутъ совершаться только при полномъ отсутствіи свѣта умственнаго и религіознаго, во времена самыя темныя.

И вотъ въ это-то темное время русской жизни прибылъ къ намъ, въ Москву, съ Авона Максимъ Грекъ, — человекъ высоко-образованный, съ пламенною любовію къ истинѣ, съ огненною ревностію къ славѣ Божіей, съ непримиримою враждою къ суевѣрію, невѣжеству, пороку. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что не одобровать у насъ ученому пришельцу. Такъ и случилось, какъ увидимъ послѣ.

Максимъ Грекъ⁽⁶⁾, родившійся, какъ думаютъ⁽⁷⁾,

(1) Опис. Рум. Муз. стр. 378; Жур. Мин. Нар. Пр. стр. 261.

(2) Стоглав. вопр. 21 и 22 изъ первыхъ и гл. 38 39.

(3) Восток. опис. Рум. Муз. стр. 378.

(4) Истор. Русск. Цер. Фил. III, стр. 124.

(5) Церк. Истор. М. Платон. ч. II, стр. 235 и 332.

(6) Главныя источники свѣдѣній о Максимѣ, кромѣ статей: «Максимъ Грекъ» въ Москвитинѣ (за 1842 г. № II), «о трудахъ Максима Грека» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (за 1834 г. № VIII) и «Максимъ Грекъ сѣногорецъ» въ Твор. Св. Отцевъ (за 1839 г. кн. 2-я), служили для насъ собственныя сочиненія преподобнаго, которыя вѣрнѣе всякихъ другихъ памятниковъ рисуютъ историческія обстоятельства пребыванія Максима въ Россіи. Сочиненія преп., находящіяся въ разныхъ бібліотекахъ — въ рукописяхъ, недавно стали печататься въ Прав. Собес. (1859 — 1861 г.) и почти всѣ уже напечатаны.

(7) Твор. Св. Отц. стр. 144.

около 1480 года, былъ сынъ богатаго чиновника города Арты въ Албаніи (1). Отца его звали Мануиломъ, а мать Ириною. Съ юныхъ лѣтъ Максимъ полюбилъ науку. Не удовлетворившись воспитаніемъ, полученнымъ въ домѣ родителей и въ своемъ отечествѣ (2), онъ въ молодыхъ лѣтахъ отправился путешествовать по Европѣ съ цѣлю довершить свое образованіе. Въ XV вѣкѣ нигдѣ нельзя было найти столько училищъ и учителей, какъ въ Италіи, гдѣ покровительство просвѣщенію государей и свободныя учрежденія нѣкоторыхъ городовъ дали пріютъ наукѣ, не могшей свободно развиваться въ Греціи—въ присутствіи невѣжественныхъ и фанатическихъ турукъ. Въ Италіи въ это время была преимущественно разрабатываема литература греческая и римская, и главное направленіе образованія было филологическое. Впрочемъ было не мало и читателей философіи, между которыми, по прежнему, велись жаркіе споры о превосходствѣ Платона, и Аристотеля, и о возможности соглашенія ихъ между собою. Максимъ, посѣщая разные города Италіи, кажется, преимущественно занимался изученіемъ древнихъ памятниковъ своего языка. Греческихъ классиковъ онъ называетъ первыми своими учителями, противъ которыхъ въ послѣдствіи Максимъ вооружался своимъ словомъ (3), хотя по временамъ самъ пользовался ихъ свидѣтельствами при изложеніи ученія христіанскаго (4). Въ Венеціи Максимъ познакомился съ знаменитымъ типографомъ и вмѣстѣ ученымъ филологомъ—Альдомъ Мануччи, къ которому Максимъ, по

(1) Слов. М. Евг. т. II, стр. 27.

(2) Церк. Ист. М. Плат. ч. II, стр. 303.

(3) Посл. къ М. Давингу, Прав. Собес. 1861, сент. стр. 371.

(4) Слово облич. на еллина. прел. Прав. Собес. 1859, апр. стр. 86—9.

его собственнымъ словамъ, часто „даживалъ по книж-нымъ дѣламъ, когда былъ еще молодъ и ходилъ въ мирскомъ платьѣ“ (1). Это-то филологическое образованіе послужило Максиму въ послѣдствіи при его многочисленныхъ переводахъ съ греческаго, отличающихся строго отчетливостію, и при повѣркѣ чужихъ переводовъ. Оно открыло ему способъ скоро усматривать характеристическія черты писателя, оно ознакомило его съ началами здравой критики и помогало ему легко отличать подлинное отъ подложнаго въ писаніяхъ древнихъ (2). Живя довольно времени въ странахъ латинскихъ, при господствѣ въ то время латинскаго языка между учеными, Максимъ, естественно, долженъ былъ изучить языкъ латинскій. Не чуждался Максимъ и философіи, хотя и не былъ ея усерднымъ поклонникомъ. Относя философію къ такъ называемому „внѣшнему наказанію“ или образованію, Максимъ хотя и называлъ себя ученикомъ ея, но сознавался, что недовольно пребывалъ даже въ преддверіи ея (3). Изъ древнихъ философовъ Максимъ отдавалъ преимущество Платону, котораго онъ называетъ „верховнымъ“ (4) и „первымъ“ (5); а Аристотеля, на которомъ преимущественно опиралась тогда схоластическая философія, не любилъ особенно за то, что его діалектикой хотѣли тогда уяснять и подтверждать самые высочайшіе и непостижимые догматы Вѣры. „Много у васъ, писалъ послѣ Максимъ латинамъ, Стагирить (Аристотель), обтекаая васъ,

(1) У Восток. въ опис. Рум. Муз. стр. 369.

(2) Твор. Св. От. стр. 152.

(3) Слов. Облич. Лат. влост. Прав. Собес. 1860, іюнь, стр. 462.

(4) Посл. къ Ѳедору Карпову. Прав. Собес. 1860, февр. стр. 354.

(5) Посл. къ Вас. Иванову. Прав. Собес. 1861, іюль, стр. 296.

наче же потопляя перипатетическими силлогизмы и хитрословіи, ниже попущая васъ слагатися реченнымъ пророки и апостолы, таинственъ о горнѣйшей Троицы, аще не по его хитрословнымъ силлогизмомъ догма исправляется, но или яко гнилу сію отметить, или превторити ю безстрашне ко угодію перипатетическія хитрости (1)4. Впрочемъ Максимъ умѣлъ цѣнить философію, лишь бы только она была свободна отъ своевольныхъ умозрѣній. „Философская вещь, писалъ онъ, священна вельми есть и поистинѣ божествена безъ малаго чего, о Бозѣ бо и правдѣ Его и во вся преходящемъ (всеобъемлющемъ) непостижимѣмъ Его промыслѣ прилѣжнѣйше повѣствуетъ, аще и не во всѣхъ получаетъ (успѣваетъ), зане божественнаго вдохновенія, якоже божественніи пророцы, не причастна, цѣломудріе же и мудрость и кротость хвалить, и всяко ино благоуукрашеніе право законополагаетъ и гражданство составляетъ нарочито и, совокупльше рещи, всяку добродѣтель и благодать вводитъ во всемъ свѣтѣ (2)4. Какъ ученикъ Евангелія, Максимъ хотѣлъ, чтобы философія была служительницей евангельской истины, „способствовала ко утверженію христіанскія вѣры“4, а для этого Максимъ требовалъ—плѣнять разумъ въ послушаніе Христово и „вездѣ понужати“ философію и „аки рабыню Евангелія истины водити (3)4. Впрочемъ Максимъ не всегда такъ правильно понималъ отношеніе философіи къ истинѣ евангельской. Въ дѣта юности онъ самъ увлекался философіею и даже испыталъ на самомъ себѣ горькіе плоды неразумнаго довѣрія разуму. Въ то время

(1) Сл. Облич. Лат. Злосл. въ Прав. Собес. 1860, Іюнь, стр. 461.

(2) Посл. Фад. Карп. въ Прав. Собес. 1860, Февр. стр. 356—7.

(3) Слов. Облич. Лат. Злосл. Прав. Собес. 1860, Іюнь, стр. 462.

преданность Аристотелю, Платону и другим мудрецам языческимъ была причиною того, что „въ мысляхъ“ большей части ученыхъ „раздалось развращеніе догматовъ и злочестіе“. Само собою понятно, что настроеніе учителей передавалось и ученикамъ. Этой участи подвергся на время и Максимъ. „Свидѣтель азъ сихъ всѣхъ, писалъ онъ послѣ, достовѣренъ, не яко слышатель и самовидѣць токмо онѣхъ во Италиі и въ Лонгобардіи, но и сообщительнѣ когда бывъ имъ. И аще не бы, иже о всѣхъ спасеніи пекийся, Богъ, помиловавъ мя, скорѣе посѣтилъ благодатію своею, и свѣтомъ своимъ озарилъ мысль мою, издавна убо и азъ погиблъ бы съ сущими тамо нечестія предстатели (1)“. Максимъ даже указываетъ по именамъ тѣхъ мудрецовъ, зараженныхъ зловѣріемъ и нечестіемъ, съ которыми столкнула его судьба въ Италиі. Таковъ былъ Кобезмикъ, съ которымъ встрѣтился Максимъ въ Феррарѣ и который, „иныхъ превосходя всякимъ внѣшнимъ ученіемъ“, до того былъ зараженъ убѣжденіями языческими, что, умирая, говорилъ своимъ друзьямъ и ученикамъ: „радуйтесь со мною, любимицы, завтра бо почию въ елисейхъ поляхъ съ Сократомъ и Платономъ и всѣми ирои. Толико, замѣчаетъ при этомъ Максимъ, прельстило есть его языческое ученіе“. Другой подобный „ирой“, по имени „Сеса философъ“ встрѣтился съ Максимомъ въ Падуѣ. Этотъ нечестивецъ, по словамъ Максима, „толико зазрѣлъ върѣ и обычаемъ, яко глаголати своимъ друзьямъ, егда во церкви хождаше, да идемъ и мы ко общей прелести“. А кто не знаетъ, прибавляетъ Максимъ, „ангела Полициана, въ Флорентіи бывшаго, во всякомъ нечестіи воз-

(1) Слов. Облич. Лат. Злосл. Прав. Соб. 1860, Іюль, стр. 462—3.

сіявшаго, и нечистѣ и злѣ душу свою испустившаго? А нынѣ инде всякимъ нечестіемъ исполнени, иже идоломъ во истину капища воздвигнули бы издавна, аще не бы удержалъ ихъ запрещаемый папою страхъ ⁽¹⁾«. Удивительно ли послѣ этого, если Максимъ не любилъ даже, чтобы его называли философомъ: „а философомъ, Бога ради, не зови меня, писалъ онъ Федору Карпову, азъ инокъ есмь, паче всѣхъ невѣжа ⁽²⁾«. Такъ мало цѣнилъ Максимъ слышанные имъ отъ латинскихъ мудрецовъ уроки философіи, проникнутые невѣріемъ и нечестіемъ.

Впрочемъ всепромышляющій Господь, допустившій на время Максиму быть ученикомъ недостойныхъ учителей, скоро указалъ ему человѣка, который могъ укрѣпить молодаго искателя мудрости въ религиозныхъ убѣжденіяхъ и въ духовно-нравственномъ направленіи. Это былъ Иеронимъ Савонарола. Недавно въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ была довольно подробная рѣчь объ этой замѣчательной личности ⁽³⁾. А потому въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся только отзывомъ самаго Максима о Савонаролѣ. „Онъ былъ, пишетъ Максимъ, исполненъ всякой премудрости и разумѣнія богодуховенныхъ писаній, и виѣшняго наказанія, т. е., философіи. Онъ былъ великій подвижникъ, украшенный божественною ревностію. Видя, что городъ Флоренція наиболѣе страдаетъ двумя богопротивными беззаконіями: лихоимствомъ и безчеловѣчнымъ взиманіемъ роста, предпринялъ онъ доброе и богоугодное намѣреніе,

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 463—4: свес. посл. къ Фед. Карп. Правосл. Собес. 1860, Февр., стр. 374—3.

⁽²⁾ Твор. св. отц. 1859 кн. 2, стр. 152.

⁽³⁾ Правосл. Обзоръ. 1860, Декабр.

на основаніи божественныхъ писаній, однимъ учительнымъ словомъ истребить это зло. Къ нему часто соби-
ралось множество слушателей изъ благородныхъ и пер-
выхъ гражданъ города и, полюбивъ его, стали просить,
чтобы онъ проповѣдывалъ имъ въ самой соборной церк-
ви. Онъ принялъ на себя этотъ подвигъ съ усердіемъ
и началъ предлагать имъ въ св. четыредесятницу, каж-
додневно, учительное слово, съ высокой кафедры, стоя
по два часа, а иногда и болѣе“. Сказавъ затѣмъ объ
успѣхахъ проповѣди Савонаролы, о гнѣвѣ на него папы
Александра, о несправедливомъ осужденіи Иеронима и
съ нимъ двухъ его сотрудниковъ на смертную казнь,
Максимъ прибавляетъ: „что касается до меня, то я съ
радостію готовъ бы причислить этихъ трехъ преподоб-
ныхъ иноковъ къ древнимъ защитникамъ благочестія,
если бы они не были латиняне по вѣрѣ: потому что
нахождѣ въ нихъ ту же пламенную ревность о славѣ
Христа Спасителя и о спасеніи и исправленіи вѣрныхъ;
и это не по слухамъ отъ другихъ, но самъ ихъ видѣвъ
и много разъ бывавъ при ихъ поученіяхъ. И не только
нахождѣ въ нихъ ту же ревность о благочестіи, какую и
въ древнихъ мужахъ, но и ту же мудрость, тоже разу-
мѣніе и знаніе богодарованныхъ писаній и ту же опыт-
ность во внѣшнемъ ученіи. Особенно отличался всѣмъ
этимъ Иеронимъ, который по два часа стоя на кафедрѣ,
а иногда и болѣе, проповѣдывалъ, изливая струи ученія
къ изобилію, не книгу держа предъ собою и изъ нея
заимствуя доказательства своихъ словъ, но износя ихъ
изъ сокровищницы своей богатой памяти, наполненной
богомудрыми объясненіями св. Писанія“. Такое сочув-
ствіе Максима къ Савонаролѣ, такое уваженіе къ его
жизни, ученію и несчастной судьбѣ, и собственное сви-

дѣтельство Максима, что онъ многократно бывалъ свидѣтелемъ его обличеній и наставленій, даютъ намъ право предполагать, что живая и воспріимчивая душа молодого грека не могла не вынести изъ этого знакомства многихъ полезныхъ впечатлѣній. И замѣчательно: въ собственномъ характерѣ Максима, въ его дѣятельности у насъ, и въ самой судьбѣ его много было сходнаго съ тѣми чертами, какія онъ самъ изобразилъ въ своемъ сказаніи о Савонаролѣ. Это—строгий образъ жизни, ревность за истину Христову, смѣлость въ обличеніи современныхъ пороковъ, прямота въ словѣ и дѣйствіяхъ,—и за все это гоненія отъ людей не преподобныхъ (¹).

Кромѣ Италіи Максимъ посѣщалъ для науки и Францію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный своимъ личнымъ знакомствомъ съ Максимомъ князь Курбскій (²). Есть на это указаніе и въ собственныхъ сочиненіяхъ Максима. Въ посланіи къ Ѳедору Карпову (³) онъ говоритъ объ училищахъ Италіи и Галліи. Въ другомъ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ : „повѣсть страшна и достопамятна“, Максимъ прямо пишетъ, что онъ „въ Парижѣ, зѣло юнъ сый, поживе лѣта довольна“ (⁴). Здѣсь Максимъ слушалъ уроки знаменитаго соотечественника своего Іоанна Ласкариса, бывшаго профессоромъ въ парижскомъ университетѣ. Такимъ образомъ Максимъ справедливо говорилъ послѣ, что онъ учился „у нарочитыхъ (избранныхъ) учителей“, которыхъ онъ называетъ „искуснѣйшими“ (⁵). Во время своихъ путе-

(¹) Твор. св. Отц. стр. 157—165.

(²) Сказ. кн. Курбск. стр. 296.

(³) Прав. Собес. 1860, Февр. стр. 374.

(⁴) Москвит. стр. 48.

(⁵) Прав. Соб. 1861, Август. стр. 312 и 315.

шествій Максимъ, кромѣ разныхъ наукъ, изучилъ еще разные языки: итальянскій, французскій; зналъ даже сербскій, болгарскій и славяно-русскій, которому впрочемъ научился уже въ Россіи (1). Съ такимъ запасомъ свѣдѣній Максимъ могъ сдѣлать себѣ блестящую карьеру въ своемъ отечествѣ. Но юнаго ученаго занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали отъ шума городского, въ тихой обители, среди людей, посвятившихъ себя на служеніе Богу. Тѣмъ болѣе Максимъ могъ рѣшиться на уединеніе, что здѣсь по преимуществу онъ могъ съ полною свободою предаться занятіямъ столь любимую имъ наукою. Къ тому же онъ ясно видѣлъ, что въ отечествѣ, поработенномъ турками, стали цѣниться не дарованія и труды, а золото и пресмыкательство (2). Такой путь былъ не по сердцу Максиму, любившему правду больше всего и чуждавшемуся лести, какъ свидѣтельства низкой души. И вотъ Максимъ, по возвращеніи изъ путешествія, снова оставляетъ родной очагъ и отправляется на Афонъ и тогда, какъ и нынѣ, служившій пріютомъ для душъ, всецѣло преданныхъ Богу, гдѣ притомъ можно было найти всѣ удобства не для однихъ подвиговъ иноческихъ, но и для умственного усовершенствованія и богословскаго образованія (3). Здѣсь Максимъ принимаетъ монашество и становится смиреннымъ инокомъ Ватопедской обители. Неизвѣстно опредѣленно, какъ долго пробылъ на Афонѣ ученый инокъ. Есть основаніе думать, что Максимъ служилъ Ватопедскому монастырю не мало времени. Еще прежде, чѣмъ прибылъ онъ въ Россію,

(1) Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 244.

(2) Прав. Соб. 1861, Февр. стр. 127.

(3) Твор. Св. Отц. стр. 166—8.

братія Ватопедской обители неоднократно посылали Максима въ разные страны „по милостыню“ (1). Это показываетъ, что Максима уже успѣли понять и оцѣнить, какъ человѣка, который „съ честію“ могъ выполнить нелегкую роль просителя,—а для этого требовалось не мало времени (2). Какъ бы впрочемъ ни было, только Ватопедскому монастырю не суждено было долго пользоваться услугами своего любимого и достойнаго инока. Скоро онъ былъ посланъ въ Москву, откуда уже и не возвращался. Вотъ какъ случилось это.

Великій князь московскій Василій Ивановичъ, вскорѣ по возшествіи своемъ на великокняжескій престолъ, открылъ въ палатахъ своихъ драгоценное сокровище, которое, однакожъ, не было доступно рѣшительно никому изъ русскихъ (3). Это сокровище состояло въ рѣдкомъ и громадномъ собраніи греческихъ рукописей, переходившихъ къ намъ изъ Греціи съ самыхъ первыхъ временъ просвѣщенія Руси Христовою вѣрою и особенно умножившихся при отцѣ Василія Ивановича, за которымъ, какъ извѣстно, была въ замужествѣ послѣдняя отрасль константинопольскихъ Палеологовъ — Софія (4). Желая узнать содержаніе этихъ рукописей и въ то же время не находя въ Россіи человѣка, который бы могъ удовлетворить этому желанію, Василій Ивановичъ, по со-

(1) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 365.

(2) Въ посланіи къ Василю Ивановичу Максимъ пребываніе свое на Афонѣ называетъ „многотѣшнымъ“ (Прав. Соб. 1861, Авг. стр. 317), а въ посланіи къ царю Ивану Васильевичу (Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 377) Максимъ писалъ, что онъ на Афонѣ „лѣта десять потрудился тѣлеснѣ и душевнѣ“. Имѣя въ виду то, что Максимъ отправился съ Афона въ Россію въ 1516 году, можно уже приблизительно опредѣлить время прибытія его на Афонъ. Это было около 1507 года.

(3) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299.

(4) Истор. о раскол. Пр. Игнат. стр. 79.

вѣту и съ благословенія духовнаго отца своего митрополита Варлаама, рѣшился обратиться на Аѳонъ съ просьбою (¹) прислать въ Москву ученаго мужа, который бы въ состояніи былъ пересмотрѣть греческія книги, находившіяся въ княжеской библіотекѣ, и, если нужно будетъ, перевести ихъ (²). Великій князь просилъ прислать въ Москву одно опредѣленное лицо, именно ватопедскаго священника, по имени Савва, котораго, вѣроятно, рекомендовали ему приходившіе къ намъ по временамъ греки (³). Но Савва не могъ предпринять такого далекаго путешествія. Ватопедскій игуменъ писалъ митрополиту Варлааму, что Савва, будучи „многолѣтенъ и ногами немощенъ“, не можетъ исполнить желанія великаго князя, и что вмѣсто его посылается инокъ Ватопедской же обители Максимъ. Анеимъ прибавлялъ, что набрали и посылаютъ Максима: „аки искусства божественному Писанію и пригожа на сказаніе всякихъ книгъ и церковныхъ и глаголемыхъ еллинскихъ: понеже отъ младыя юности въ сихъ возрасте, и симъ наказася добродѣтельнѣ, и не яко иный нѣкій, многими

(¹) Въ сказаніи о прибытіи Максима въ Москву говорится о грамотѣ велик. князя къ султану и царградскому патриарху (Москва, стр. 46). Но это не справедливо. Самъ Максимъ говоритъ, что великій князь писалъ: «спроту и инокомъ во святѣй горѣ пребывающимъ» (Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299). Какъ могла явиться въ сказаніи эта ошибка, см. объ этомъ въ Твор. Свят. Отцовъ стр. 171.

(²) Поэтому мысль, будто Максимъ вызванъ былъ для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ (Церк. Истор. и. Плат. ч. II, стр. 38; Нач. церк. Истор. Инокент. стр. 46; Истор. рус. раск. Пр. Мак. стр. 20, изд. 1-е), не справедлива. До прибытія въ Москву Максимъ не зналъ русскаго языка (Слов. и. Евг. Т. II, стр. 26; Ант. Истор. Т. I, № 122; Времен. Общ. Истор. Т. V, Смесь стр. 37).

(³) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 299; Новар. о раск. Пр. Игнат. стр. 80.

почитанми (начитанностию) токмо⁽¹⁾. Максимъ прибылъ въ Москву 4-го марта 1518 года⁽²⁾. Послѣ той рекомендаціи о Максимѣ, какую мы видѣли въ граматѣ ватопедской братіи, можно было быть увѣреннымъ, что его ждетъ въ Москвѣ хорошей приемъ. И дѣйствительно митропотить и великій князь приняли ученаго грека ласково и съ любовію⁽³⁾. Послѣдній назначилъ Максиму пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ и содержаніе отъ своего двора⁽⁴⁾. Когда Максиму показали княжескую библіотеку, онъ пришелъ въ восторгъ отъ такого множества рѣдкихъ книгъ, какихъ не удавалось встрѣчать и въ самой Греціи⁽⁵⁾. Максиму поручено было разобрать библіотеку и, если найдутся книги, еще непереведенныя на славянскій языкъ, перевести ихъ. Скоро Максимъ представилъ князю списокъ непереведенныхъ книгъ, и прежде всего ему поручено было заняться переводомъ Толковой Псалтири⁽⁶⁾. Съ любовію и усер-

(1) Акт. Истор. Т. I, № 122.

(2) Москв. стр. 47; Твор. Св. Отц. стр. 172; Акт. Истор. Т. I, № № 121 и 122 и примѣч. къ нимъ. Многіе думаютъ, что Максимъ прибылъ въ Москву въ 1506 (Слов. М. Евг. Т. II, стр. 27; Истор. о раск. Игнат. стр. 80, Истор. рус. раск. Макара. стр. 20; Жури. Мин. Нар. Просв. стр. 244), или въ 1507 году (Церк. Ист. М. Плат. ч. II, стр. 38), слѣдовательно еще при Митроп. Симонѣ, — но это несправедливо. Самъ Максимъ писалъ, что онъ вызванъ и прибылъ въ Россію при М. Варлаамѣ (Прав. Соб. 1861, Июль стр. 299), а Варлаамъ слѣдовалъ митрополитомъ уже въ 1611 году (Истор. Церк. Иерарх. ч. I, стр. 85; Истор. руск. церкв. Филар. III, стр. 34 и 102).

(3) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 55.

(4) Впрочемъ Максимъ сталъ пользоваться жалованьемъ великаго князя еще съ той поры, какъ изъявлялъ согласіе ѣхать въ Россію, т. е. съ 1516 года. Отсюда легко понять, почему Максимъ, пользовавшійся милостію великокняжескою до 1825 года, писалъ въ послѣдствіи, что пользовался ею десять лѣтъ (Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 355).

(5) Слов. М. Евг. Т. II, стр. 28; Карамз. Т. VII, стр. 178.

(6) Прав. Соб. 1861, Июль, стр. 299; Ист. р. и. Фил. III, стр. 102; Москв. стр. 47.

діемъ занялся Максимъ этимъ трудомъ. Но такъ какъ въ это время онъ „мало разумѣя бѣ“ (1) славяно-русскій языкъ, то по его же просьбѣ даны были ему въ помощь два латинскихъ толмача: Власій и Димитрій, которымъ онъ переводилъ псалтирь на латинскій, а они уже съ латинскаго на славянскій языкъ. Кроме того, для переписки даны были Максиму инокъ Сергіевоу лавры Сильванъ и Михаилъ Медоварцевъ (2). Годъ и пять мѣсяцевъ трудился Максимъ надъ переводомъ Псалтири (3), который и былъ наконецъ представленъ великому князю. Василій Ивановичъ передалъ книгу митрополиту Варлааму. Святитель съ восторгомъ одобрилъ на соборѣ первый трудъ Максима (4). Князь въ награду осыпалъ инока новыми милостями (5). Все это однакожь не обольщало Максима. По окончаніи перевода псалтири, онъ написалъ великому князю письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ Василія Ивановича отпустить его на Аѳонъ (6). Какъ видно изъ письма, Максимъ уже предвидѣлъ, что труды его могутъ быть не поняты или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованіемъ и особенно не знавшими греческаго языка. И потому онъ счелъ нужнымъ объяснить великому князю, что если имъ — Максимомъ сдѣланы въ переводѣ кое-какія поправки, измѣненія и проч., то сдѣланы эти исправленія „не дерзостію, ниже гор-

(1) Знамѣніи въ 53 слов. противъ Косого.

(2) «Сказаніе» о Мак. Фил.; Карам. Т. VII, прим. 340; Церк. Ист. Плат. ч. II, стр. 245; Прав. Соб. 1861, Авг. стр. 316; Слов. М. Евг. Т. II, стр. 28.

(3) Прав. Соб. 1861, Іюль, стр. 300; Москва, стр. 47.

(4) Карам. Т. VII, стр. 178; Истор. р. ц. Фил. III, стр. 102.

(5) Москвит. стр. 48.

(6) Письмо это въ Прав. Соб. 1861, Іюль и Авг. стр. 296—319.

достію, но ревностію лучшаго, со всѣмъ прилежаніемъ и любовію истины“, — такъ какъ въ книгѣ нашлось не мало вещей, которыя „или время повреди, или писарей невѣденіе растли“, при чемъ Максимъ указалъ для примѣра нѣкоторыя изъ замѣченныхъ имъ и исправленныхъ погрѣшностей. Впрочемъ смиренный инокъ хотя и замѣчалъ о себѣ: „сами естественнѣ грецы глаголаніемъ есмь“, однако труда своего, требовавшаго отличнаго знанія греческаго языка, не считалъ совершеннымъ; напротивъ сознавался искренно, что могло „нѣгдѣ нѣчто презрѣно быть или забвеніемъ, или нѣчто и нашимъ ненаказаніемъ“, и потому просилъ прощенія въ недосмотрахъ и исправленія ихъ людьми болѣе опытными „въ грамматическихъ художествахъ и риторской силѣ“ и болѣе „сильными въ разсужденіи греческаго гласа глубоко-разумнаго“, при чемъ далъ нѣсколько совѣтовъ будущимъ исправителямъ. Указавъ за тѣмъ на труды помощниковъ своихъ — „Власа и Мити толмачей и Михайла Медоварцева и Силвана писарей“ и испросивъ имъ милости у князя, Максимъ писалъ далѣе: „миѣ же и сущимъ со мною братіи возвращеніе ко святѣй горѣ, за вся просящимъ, даровати да изволиши, отъ долгія сея печали свободити; воздай намъ добрѣ и опаснѣ честному монастырю Ватопеди, издавна насъ ждущу и чающу по вся часы, по подобію птенцовъ, питающая ихъ жаждущихъ, да не лишимся многолѣтнихъ тамошнихъ трудовъ и пѣтовъ нашихъ, ихже положихомъ тамо о надежи нашего о Господѣ скончанія. Даруй намъ, о самодержче благочестивѣйшій и милосердѣйшій, тамо совершити намъ Господеви иноческа я обѣщанія, идѣже волею обѣщаніе сотворихомъ предъ Христомъ и страшными ангелы Его, въ день постриженія нашего....

Явися убо содѣйственныйъ Христу жъ наше спасеніе, иже еси теплѣйшій предстатель церкви и убожества священныя обители Ватоцеди память воспріими. его же ради и послани есмя и безчисленныя бѣды и труды подъяхомъ, не себе ради, ниже въ себѣ сѣмо приидохомъ, да не будетъ въ насъ таковая діаволя злая прелесть, но отъ всего братства нашего, иже о Христѣ, умолены. трудъ сей воспріяхомъ, господь нашихъ за ничтоже вмѣнивше, да и тѣхъ и твое повелѣніе исполнимъ. Таковаго убо разума и сущихъ и держащихъ отпусти скорѣе въ мирѣ, ради щедротъ челоувѣколюбца Бога. Христосъ насъ тамо позва и сѣмо пріити на время уготова, твоей державѣ даруя, Ему же и ты самъ ввдаруя, ко отцемъ нашимъ паки отпусти, да и самъ Христосъ дарованія сего должникъ тебѣ будетъ, да и тамо сущимъ православнымъ явлена будутъ нами, елика видѣхомъ, нарочитая и царская твоя исправленія; да уразумѣють отъ насъ и тамо пребывающіи бѣдніи христіане, яко имѣють еще царя не о языкехъ токмо безчисленныхъ и о иныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изобилующа. но яко правдою и православіемъ и нарочитѣ и превьсочайше чаче всѣхъ православенъ есть, яко Константину и Феодосію великимъ уподобитися мощи, имъ же и твоя держава послѣдующи, буди намъ нѣкогда царствовать отъ нечестивыхъ работы свободеннымъ тобою; вся бо возможна и удобъ совершаема всѣхъ Владыцѣ и якоже древле отъ нижнихъ галловъ воздвигнувъ великаго во царехъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима избави отъ нечестиваго Максентія, сице и нынѣ новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ агарянь, благочестивѣйшею державою царствія твоего, да изволятъ свободити и отъ отеческихъ тпѣхъ

престоль наследника покажетъ и свободы свѣтъ тобою да подастъ намъ бѣднымъ, милостію и щедротами Его⁴. Такимъ образомъ Максимъ болѣе сочувствовалъ, какъ и слѣдовало, русскому престолу, чѣмъ турецкому. И однакожь, какъ увидимъ, послѣ не стыдились обвинять его въ политическихъ преступленіяхъ противъ русской державы....

Письмо Максима великому князю, нельзя не сознаться, написано было съ большимъ умѣньемъ дѣйствовать благопріятно на сильныхъ міра сего. И однакоже просьба Максима, не смотря на всю ея справедливость, не была исполнена Василиемъ Ивановичемъ. Видя по первому опыту, какъ многого можно было ожидать отъ ученаго Грека, великій князь упросилъ Максима остаться еще на нѣсколько времени въ Москвѣ. И когда Максимъ, перевода другія книги (толкованіе на Дѣянія и на евангеліе Матѳея и Іоанна), довольно изучилъ русскій языкъ, Василій Ивановичъ, по совѣту съ митрополитомъ, поручилъ ему заняться пересмотромъ и исправленіемъ тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Трудъ не легкій и крайне щекотливый; тѣмъ не менѣе Максимъ не могъ отказаться отъ него. Не мало времени провелъ Максимъ въ трудахъ книжнаго исправленія и во все это время милости князя сыпались на труженика (1). Но когда преподобный сталъ оглашать замѣченныя имъ въ книгахъ ошибки, судьба его перемѣнилась. Люди недовольные Максимомъ за то, что онъ пользовался вниманіемъ великаго князя, который нерѣдко совѣтовался съ ученымъ грекомъ о своихъ дѣлахъ, помимо лицъ болѣе почетныхъ и почтенныхъ (2), стали говорить, что

(1) Прав. Соб. 1861, сент. стран. 355.

(2) Слов. М. Евг. т. II, стр. 30; свес. Карамз. т. VII, стр. 178 - 9.

Максимъ не исправляетъ, а портитъ книги. Чтобы своимъ крикамъ дать болѣе вѣроятности и силы, они прибавляли, что по этимъ, признаваемымъ неисправными, книгамъ спаслись русскіе чудотворцы, что слѣдовательно порицать эти книги значитъ оскорблять память святыхъ предковъ. „Велю, о человѣче! досаду, кричали Максиму враги его, тѣмъ дѣломъ (исправленіемъ книжнымъ) прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцемъ; они бо сицевыми священными книгами благоутодиша Богови, и живуще по преставленіи ихъ, отъ него прославишася святынею и всякихъ чудесъ дѣйствомъ“ (¹). Самого же Максима стали называть не иначе, какъ еретикомъ, богодухновенныя книги растлѣвающимъ (²). Что оставалось дѣлать Максиму при такихъ обстоятельствахъ? Нужно было показать и доказать этимъ защитникамъ памяти предковъ, что книги дѣйствительно неисправны и что исправлять ихъ не значитъ причинять „досаду“ тѣмъ, кои прежде употребляли эти книги. И вотъ преподобный пишетъ нѣсколько словъ и посланій. въ которыхъ исчисляеть замѣченныя имъ въ книгахъ ошибки, иногда безсмысленныя, а нерѣдко и еретическія. Болѣе важныя погрѣшности, замѣченныя Максимомъ, были слѣдующія: въ *часословахъ* о Христѣ Спасителѣ говорилось не какъ о Богочеловѣкѣ, но только какъ о *человѣкѣ*, а Богъ Отецъ назывался здѣсь *собеюматернимъ Сыну*. Въ *толковияхъ Евангелія* находилась мысль, будто Христосъ умеръ *безконечною смертію*. Въ *тріоди* Христосъ назывался *созданнымъ и сотвореннымъ по самому божеству*. Въ

(¹) Церк. Истор. М. Плат. ч. II, стр. 332.

(²) Тамъ же стр. 283.

другомъ мѣстѣ этой же книги, именно въ 9-й пѣсни канона великаго четверга, Максимъ нашель слѣдующее выраженіе: „сущаго естествомъ не созданна Сына и Слова, пребезначальнаго Отца, не суща естествомъ не созданна воспѣваема“, и, разумѣется, не стерпѣлъ такой хулы и исправилъ (1). Понятно, что все это - ошибки и ошибки нетерпимыя. Неприняться въ нихъ значило бы обличить себя въ ереси. Но Максимъ не ограничился только указанными погрѣшностями. Объясняя причины, по которымъ вкралась въ наши богослужбеныя книги разнаго рода ошибки, говоря, что это произошло частію „отъ недоумѣнія, или презрѣнія, или забвенія древнихъ приснопамятныхъ переводчиковъ“, частію „отъ премногія грубости и небреженія препиствующихъ ихъ“ (2), Максимъ снова указывалъ новыя ошибки, замѣчая, какъ не трудно было людямъ, незнавшимъ хорошо греческаго языка, невѣрно перевести то или другое слово, въ слѣдствіе чего извращалась самая мысль. Напр., говорилъ преподобный, греческое слово: *ψιλλος*—нагой не искусные переводчики приняли за *ὑψιλλος* и перевели: *высокій*. Или вмѣсто: *ἐκκλησία*—отлучить читали: *ἐκκλησία* и перевели: *церква* (3). Все это весьма естественно и понятно. Не хотѣли только понять словъ Максима враги его. И хотя преподобный замѣчалъ, что исправленіемъ книгъ онъ нисколько не оскорбляетъ памяти святыхъ предковъ, служившихъ по этимъ книгамъ, потому что прежніе святые, при всей своей святости, могли не замѣтить ошибокъ, по незнанію ими греческаго языка, такъ какъ не всякому даются всѣ дарова-

(1) Тамъ же стр. 291—2 и 304.

(2) Церков. Истор. Плат. ч. II, стр. 331.

(3) Тамъ же стр. 224—5.

ніа духовныя, и русскіе святые, прославленіиися, по благодати, данной имъ свыше, даромъ чудесъ, не младѣи даромъ языковъ (1),—Максима обвиняли въ дерзости, въ еретичествѣ, въ хулѣ на святыхъ. Впрочемъ мы были бы крайне несправедливы, если бы стали утверждать, что преслѣдованіе Максима за исправленіе имъ церковно-богослужебныхъ книгъ проистекало отъ непониманія пользы дѣла, начатаго имъ по волѣ великаго князя и митрополита, и справедливости основаній, которыми преподобный защищалъ свой трудъ. Не понять всего этого было невозможно, какъ ни тупы были способности „суперниковъ“ ученаго Грека. Неправедливо было бы также объяснять возстаніе противъ Максима чрезвычайною привязанностію нашихъ предковъ къ церковно-богослужебнымъ книгамъ, не терпѣвшешю ни малѣйшихъ перемѣнъ въ нихъ (2). Привязанность эта была, но не до такой степени сильна, чтобы за перемѣну слова неправильнаго готова была признать правильнымъ осужденіе челоуѣка, позволившаго себѣ сдѣлать эту перемѣну. Еще при жизни Максима, цѣлый соборъ (1551 г.) архипастырей вмѣстѣ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ призналъ и несправность тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и нужду въ ихъ исправленіи (3). Наконецъ никакъ нельзя думать, будто дѣло исправленія книгъ, начатое Максимомъ, встрѣтило себѣ оппозицію собственно въ массѣ, большинствѣ, въ народѣ невѣжественномъ и грубомъ, тогда уже зараженномъ раскольническою привязанностію къ старинѣ, къ буквѣ, къ мелочи, хотя бы пустой

(1) Тамъ же стр. 332—3.

(2) Истор. р. раск. Макара. стр. 20—21; Истор. о раск. Игнат. стр. 82.

(3) Стоглави. гл. 27 и 28.

и недостойной вниманія (¹). Нѣтъ. Печальная исторія съ Максимомъ имѣла другія причины, — начало этой драмы скрывалось въ другихъ современныхъ дѣлу обстоятельствахъ, — врагами ученому Греку были только *некоторые*, хотя и вліятельныя лица; эти лица возстали противъ преподобнаго по своимъ личнымъ, своекорыстнымъ побужденіямъ. Вотъ какъ и въ слѣдствіе чего обрушились на Максима всѣ бѣды и несчастія.

Въ 1521 году умеръ митрополитъ Варлаамъ, при которомъ преподобный Максимъ и прибылъ въ Россію и который, какъ мы уже замѣчали, понималъ пользу и благонамѣренность трудовъ ученаго пришельца. Къ сожалѣнію, мѣсто этого достойнаго святителя заступилъ человекъ съ сильными страстями, несвойственными архипастырю. Даниилъ, преемникъ Варлаама, человекъ, по замѣчанію Карамзина (²), гордый, безъ сомнѣнія, еще прежде, чѣмъ сдѣлался митрополитомъ, зналъ вниманіе и расположенность къ Максиму великаго князя, какъ инокъ Волоколамскаго монастыря, хотѣвшаго на себѣ одномъ сосредоточивать милости Василія Ивановича (³). Мечтателя о митрополичьемъ посохѣ уже одно это раздражало и вооружало противъ преподобнаго. Есть люди, которые возвышеніе другаго считаютъ своимъ собственнымъ униженіемъ, хотя бы соперникъ шелъ совершенно по другой дорогѣ. Даниилъ принадлежалъ къ числу такихъ беспокойныхъ для себя и для другихъ натуръ. Впрочемъ, довольно опытный въ интригахъ, новый митрополитъ московскій на первыхъ порахъ если и не сочувствовалъ трудамъ Максима (⁴), за то и не

(¹) Церк. Истор. М. Плат. ч. II, стр. 38—9.

(²) и (³) Карамз. т. VII стр. 179.

(⁴) Истор. р. церкв. Филар. III, стр. 102

возставалъ противъ нихъ гласно. Онъ относился къ простому иноку Ватопедской обители съ холодностію и съ свойственнымъ мелкой русской натурѣ пренебреженіемъ. Давида занимали болѣе важныя дѣла, чѣмъ переводъ на славянскій языкъ полезныхъ греческихъ рукописей и исправленіе ошибокъ въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. Тогда архіерейскимъ каведрамъ еще принадлежали деревни, села, цѣлыя вотчины крестьянъ. Митрополитъ обращалъ главное вниманіе на эту полезную статью, хотя и не въ видахъ пользы подчиненныхъ ему лицъ (¹). Остальное время посвящалось веселью и пиршествамъ, въ кругу льстецовъ и смѣхотворцевъ (²). Человѣку, такъ хорошо умѣвшему жить и пользоваться жизнью, занятія ученаго Грека, разумѣется, должны были казаться не болѣе, какъ скучными. Впрочемъ спустя нѣсколько времени Даниилъ обратилъ вниманіе на Максима. Ему хотѣлось видѣть въ русскомъ переводѣ исторію блаженнаго Феодорита, вѣроятно, для того, чтобы справиться, нѣтъ ли въ ней доказательствъ въ пользу двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, котораго (двуперстія) Даниилъ держался (³). Максимъ, которому Митрополитъ поручилъ переводъ исторіи Феодорита, рѣшительно отказался исполнить волю владыки, выставляя на видъ то обстоятельство, что въ этомъ сочиненіи помѣщены, между прочимъ, письма Арія, Македонія и другихъ еретиковъ, которые могутъ послужить камнемъ претыканія и соблазна для людей простыхъ и слабыхъ, „ко еже искусити правѣ всяко писа-

(¹) Прав. Соб. 1861, февр. стр. 127—132; март. стр. 161 и 172.

(²) Прав. Соб. 1861, февр. стр. 128; Чтен. Моск. Истор. Общ. «судное дѣло» стр. 8.

(³) Истор. русск. раск. Макара. стр. 28—30.

ніе“. Причина какъ нельзя болѣе основательная. Если въ то время наши грамотѣи читали съ наслажденіемъ „слово Аеродитіана Перса“ и вѣрили баснямъ, въ намъ изложеннымъ; то умныя, хотя и еретическія, письма Арія и подобныхъ ему еще болѣе могли обольщать простодушныхъ. Но вѣрно для Даниила больше значило повиновеніе его капризамъ, хотя бы и неразумнымъ, чѣмъ православіе пасомыхъ ⁽¹⁾. Онъ крайне оскорбился непослушаніемъ Максима и съ этого времени сдѣлался непримиримымъ врагомъ его ⁽²⁾. Когда же инокъ-грекъ, „жегомый ревностію“ о славу Божію, сталъ не прямо, но тѣмъ не менѣе понятно для всѣхъ обличать Даниила въ пристрастіи къ увеличенію доходовъ съ принадлежавшихъ ему селъ и деревень, къ увеселеніямъ разнаго рода и вообще къ жизни, несвойственной святителю-монаху ⁽³⁾, — вражда Даниила къ Максиму дошла до тѣхъ предѣловъ, когда человекъ, забывая всякую справедливость, рѣшается на все, лишь бы только погубить противника. Митрополиту тѣмъ легче было достигнуть этого, что Максимъ своими обличеніями пороковъ бояръ, суевѣрій народа, недостатковъ духовенства, вооружилъ противъ себя всѣ сословія и ни въ комъ не могъ рассчитывать себѣ на поддержку. Къ счастью преподобнаго, на его сторонѣ оставался въ это время одинъ человекъ, о вниманіе котораго къ Максиму могли разбиться всѣ козни враговъ инока-грека. Великій князь Василій Ивановичъ во все время занятій Максима переводомъ и исправленіемъ книгъ „оброки довольны отъ царскихъ своихъ хранилищъ сему иноку

⁽¹⁾ Карамз. т. VII, прим. 344.

⁽²⁾ Журн. М. Нар. Просв. стр. 269

⁽³⁾ Ся ес. Церк. Истор. Плат. ч. II, стр. 292—3.

Максиму далее и сущимъ съ нимъ, челоуѣколюбіемъ милосердуя ихъ“ (1). Милости Великаго князя къ Максиму продолжались до конца 1524 года, и враги пренеподобнаго молчали. строя козни противъ него тайно и запасаясь силами для борьбы въ будущемъ. Но въ 1524 году представился случай, благопріятный для противниковъ Максима. Великій князь, недовольный супругою своею Саломоніею за ея неплодство, вздумалъ развестись съ нею и жениться на Еленѣ Глинской, чтобы имѣть такого наслѣдника, какимъ былъ Грозный (2). Мы не знаемъ, какъ смотрѣлъ на этотъ разводъ М. Данилъ, но извѣстно, что въ числѣ лицъ, не хотѣвшихъ угождать людямъ больше, чѣмъ Богу, и предлагавшихъ въ наставленіе князю слова Спасителя (Мѣ. 19, 9), былъ и Максимъ, который писалъ Василию Ивановичу: „даря истиннаго и самодержца онаго мни, благоувернѣйшій царю, который ко еже правдою и благозаконіемъ устроить житейская подручниковъ прилѣжить и безсловеснымъ своея души страстемъ же и похотемъ одолѣти тщится всегда. глаголю же ярости и гнѣву напрасному я беззаконнымъ плотскимъ похотемъ. Иже бо сими сицевыми безсловесны одолѣваемъ бываетъ, нѣсть небеснаго Владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества челоуѣкообразно подобіе (3)“. Эти смѣлыми словами Максимъ и показывалъ великому князю незаконность принятаго имъ намѣренія, и ограждалъ себя отъ его несправедливаго гнѣва. Но великій князь слишкомъ поддался движеніямъ „безсловеснаго естества“, чтобы могъ слушать спокойно подоб-

(1) Сказан. о Макс. Фил. въ журн. М. Н. Пр. стр. 244—5.

(2) Карамз, т. VII, стр. 180 и примѣч. 343.

(3) Прав. Собес. 1861, Март. стр. 154—5.

ныя наставленія, и слишкомъ не любилъ противорѣчій ⁽¹⁾, чтобы могъ простить Максиму его мнѣніе, несогласное съ желаніемъ самодержца. Любимый прежде инокъ впалъ въ немилость Василя Ивановича, а съ этимъ вмѣстѣ открылся полный просторъ страстямъ, возбужденнымъ справедливыми обличеніями преподобнаго. Враги Максима воспользовались случаемъ — отомстить иноку, осмѣлившемуся судить и осуждать архипастырей и другихъ сильныхъ міра сего. Чтобы вѣрнѣе погубить невиннаго, они скрыли свою ненависть и личное неудовольствіе на Максима и стали, по видимому, преслѣдовать интересы великаго князя. Предлогъ къ обвиненію преподобнаго былъ давно отысканъ, — это исправленіе имъ книгъ. Теперь, называя по прежнему это исправленіе порчею, враги прибавляли, что Максимъ исправляетъ книги „по своему разуму“, безъ согласія великаго князя. Новый предлогъ къ раздраженію князя, новая потеря для Максима. Теперь онъ остался одинъ и долженъ былъ бороться съ сильными врагами при помощи своихъ собственныхъ средствъ—правоты и невинности. 10 февраля 1525 года Максима изъ Чудова монастыря перевели въ Симоновъ, да только въ темницу ⁽²⁾. Это эпизодъ къ драмѣ. Затѣмъ послѣдовало собраніе доносовъ на преподобнаго, и въ этомъ принималъ участіе даже самъ великій князь. Обѣщали даже награды тѣмъ, кто лучше „солжетъ“ на Максима. И вотъ съ такими средствами къ открытію истины обнаружили, что къ Максиму ходили два боярина, бывшіе подъ гнѣвомъ..... Максима потребовали къ распросамъ.

⁽¹⁾ Карамз. т. VII, примѣч. 346.

⁽²⁾ Москвит. стр. 55.

Но такъ какъ на жалобы бояръ, приходившихъ къ Максиму и говорившихъ ему: „которая земля переставляетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ“, преподобный отвѣчалъ съ свойственнымъ ему благородіемъ: „господине! которая земля преступаетъ Божіи заповѣди, отъ Бога казни чаеть; а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ, какъ лучше государству“,—то прямыхъ и достаточныхъ причинъ къ обвиненію ученаго Грека пока еще не было и его оставили на свободѣ (¹). Но эта свобода была предвѣстницею имѣвшаго послѣдовать за тѣмъ продолжительнаго и тяжкаго заключенія. Не имѣя возможности обвинить Максима въ какихъ либо политическихъ или государственныхъ преступленіяхъ, враги его обратились къ такому предмету, который въ рукахъ невѣжества и неблагонамѣренности могъ служить прекраснымъ средствомъ погубить преподобнаго,—стали указывать на поврежденіе имъ церковныхъ книгъ. Такъ какъ дѣло касалось вещей, хранительницею которыхъ была власть церковная, то вскорѣ (того же февраля 1525 года) составился въ Москвѣ „въ палатѣ великаго князя“ соборъ для обсужденія книжнаго исправленія Максимова. На соборѣ, предсѣдателемъ котораго былъ, разумѣется, митрополитъ Даніилъ, присутствовалъ и самъ князь великій Василій Ивановичъ и „съ братією своею, со княземъ Юріемъ, и со княземъ Андрѣемъ, и со архіепископы и епископы, и со архимандриты и со игумены“. Были даже „старцы изъ многихъ монастырей“, бояре, князья, вельможи и воеводы (²). Максимъ явился на со-

(¹) Тамъ же стр. 56.

(²) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, прѣвіе Даніил. съ Макс. стр. 1.

боръ съ спокойнымъ духомъ, увѣренный въ своей правотѣ и православіи. Въ слѣдъ за нимъ явились на соборъ, по волѣ Митрополита, и обвинители Максима: архимандритъ чудовскій Іона и Васьянъ Топорковъ, монахъ Волоколамской Іосифовой обители (¹), великій чело­вѣкоугодникъ князя Василя, по замѣчанію Курбскаго, чело­вѣкъ лукавый и жестокосердый, по замѣчанію Карамзина (²), поставленный въ апрѣлѣ того же 1525 года во епископа коломенскаго (³), значить, не даромъ принявшій на себя роль свидѣтеля противъ Максима. Началось „прѣвіе Даниїла, митрополита московскаго и всея Руси, со инокомъ Максимомъ Святогорцемъ“. Макси­ма обвиняли и за переводъ Толковой Псалтири (⁴), хотя онъ былъ сдѣланъ имъ по волѣ великаго князя и одобренъ предшественникомъ Даниїла, митрополитомъ Варлаамомъ, — и за то, что Максимъ въ Тріоди вырази­лся о сдѣвїи Сына со Отцемъ: „сдѣлъ еси, сдѣлвъ (⁵)“ — и за то наконецъ, что воскресшую плоть Христову наименовалъ „описуемою (⁶)“. На первое об­виненіе Максимъ отвѣчалъ, что дѣйствительно „нѣкія малыя описи“ допущены имъ при переводѣ Псалтири; но, прибавляя преподобный, „ниже по ереси, ниже по журавству нѣкоему сицево что дерзнуто бысть мною (Вогъ свидѣтель), но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, смутившей тогда мою мысль, или нѣчто излишнему выкопитію, погрузившу

(¹) Москв. стр. 57, примѣч. 32.

(²) Карамз. т. VIII, стр. 214.

(³) Тамъ же т. VII, примѣч. 331; снес. т. VIII, примѣч. 369.

(⁴) Правосл. Соб. 1861, Сент. стр. 369—370.

(⁵) Церкви. Истор. Плат. ч. II, стр. 293—6.

(⁶) Тамъ же стр. 309.

ли, написана тогда тако (1)4. Касательно выражения: съдѣль еси и под. Максимъ сначала замѣчалъ, что оно правильно (2), но потомъ, когда ему объяснили, что такое выраженіе означаетъ „мимошедшее время, а не настоящее и всегдашнее“, преподобный совнался въ ошибку, только не принималъ отвѣтственности за нее на себя, замѣтивъ: „вѣдомо да есть вамъ боголюбивѣйшимъ епископомъ и пресвѣтлымъ княземъ и бояромъ, яко егда бываше мною грѣшнымъ исправленіе тріодное, латинскою бесѣдою, сказалъ есмь толмачемъ вашимъ Митѣ да Власу: за неже не у совершеннѣ изучившумися вашей бесѣдѣ; аще убо хульцо нѣчто мнится вамъ въ реченіяхъ тѣхъ? съдѣль еси и съдѣвъ: имъ праведно есть выѣннати сицевое недѣпотное презрѣніе, а не мнѣ: понеже азъ тогда не вѣдахъ различіе сицевыхъ реченій. Аще бо вѣдѣль бы, никакоже быхъ замолчалъ, но всяко исправилъ быхъ такову недѣпотну опись: которая бо польза мнѣ отъ сихъ черныхъ рублищъ, и молитвъ иноческаго жителства....., аще обрящуся хуля на Господа и Бога и Спаса моего Иисуса Христа, на него же уповахъ отъ младыхъ ногтей (3)4. Что же касается до наименованія плоти Христовой (воскресшей) описуемою, — то Максимъ доказывалъ, что защищать противное названіе значить впадать въ ересь, въ „несмысленное баснословіе, а не богословіе“, — значить проповѣдывать, будто по воскресеніи Христа человѣческое естество Его уничтожилось или превратилось въ божество (4). Какъ всякой можетъ видѣть, Максимъ говорилъ правду, и

(1) Шрав. Соб. 1861, Свят. стр. 309.

(2) Чтен. Москов. Истор. Общ. стр. 1.

(3) Церк. Истор. М. Плат. ч. II, стр. 298—9.

(4) Тамъ же стр. 309—315.

осудить его значило бы или не дорожить истинною, или не имѣть снисхожденія къ немощамъ человѣческимъ. И однакожь Максима осудили, какъ еретика, развратившаго святое Писаніе, запретили ему приобщаться св. таинъ, даже ходить въ церковь, и вывели его изъ Москвы въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь ⁽¹⁾ такъ тайно, что многіе не знали, живъ ли даже невинный страдалецъ. Какъ объяснить этотъ пристрастный судъ и несправедливое осужденіе преподобнаго? Максимъ самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ. Въ посланіи къ митрополиту Даніилу онъ прямо говоритъ, что его судили и осудили не за ошибки, допущенныя имъ при исправленіи книгъ,—ошибки незначительныя, чтобы не сказать пустыя,—но за то, что онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя нерасположеніе митрополита Даніила. Значитъ, тутъ дѣйствовали личныя страсти, отъ которыхъ трудно ожидать справедливости. Когда Максимъ явился на соборъ, Даніилъ не постыдился напомнить ему его непослушаніе, которое тотъ показалъ, отказавшись перевести исторію Феодорита: „достигоша тебѣ, окаянне, грѣси твоя“, сказалъ онъ „съ негодованіемъ“ подсудимому, „о немже отрекся превести ми священную книгу блаженнаго Феодорита ⁽²⁾“. Максимъ говоритъ, что онъ оказалъ непослушаніе Даніилу „дважды и трижды“, хотя и неизвѣстно, въ чемъ состояли другія приказанія Митрополита, неисполненныя Максимомъ. Это—одна причина немилостиваго суда надъ Максимомъ.

(1) Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, стр. 4; Слов. М. Евген. т. II, стр. 31; Москвит. стр. 58. Нѣкоторые думаютъ, что Максимъ былъ посланъ въ Тверской Отрочъ монастырь (Жур. Мин. Нар. Просв. стр. 245; Карамз. т. VII, стр. 180), но это несправедливо. Сюда былъ посланъ Максимъ послѣ собора, бывшаго на него въ 1531 году.

(2) Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 237.

Другія мы уже отчасти видѣли и увидимъ послѣ, когда будемъ говорить о соборѣ на Максима, бывшемъ въ 1531 году.

Видя, что справедливыя оправданія, какія представлялъ Максимъ на соборѣ 1525 года, не дѣйствуютъ на пристрастныхъ и гордыхъ судей, преподобный обратился къ другому средству—спасти себя. Трижды повергался онъ на землю „предъ священнымъ соборомъ, прощенья прося, о нихъ же по невѣденію описался“, думая покорностію умиловить Даниила. Но смиреніе помянутому, кто самъ не зараженъ гордостію. А Даниилъ, къ сожалѣнію, всего болѣе страдалъ этимъ недугомъ. Невинно-виновнаго заключили въ оковы и бросили въ Волоколамскую темницу. Здѣсь „отъ вселукавыхъ монаховъ, глаголемыхъ Осифляскихъ“, Максимъ „много претерпѣлъ многолѣтнихъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даниила митрополита прегордаго и лютаго“ (1). Отъ дыма, въ которомъ, по обычаю времени, держали нѣсколько лѣтъ страдальца, и смрада, отъ холода и голода, отъ оковъ и побоевъ (2) Максимъ по временамъ впадалъ въ безпамятство, доходилъ до омертвѣнія. Но за то и благодать Божія не оставляла несчастнаго. Явившійся ему ангель сказалъ: „терпи, старецъ! сими муками избавишься вѣчныхъ мукъ“ (3). И Максимъ терпѣлъ, надѣясь на лучшее будущее.

Когда Максимъ былъ заключенъ въ темницу, Даниилу, главному врагу его, казалось бы, можно было ус-

(1) Москвит. стр. 58, примѣч. 39.

(2) Правосл. Соб. 1861, сент. стр. 363.

(3) Сказаніе о Максимѣ философѣ.

покониться. Ослушникъ его воли былъ наказанъ, самолюбіе удовлетворено, непрощенный обличитель нескромной жизни владыки удаленъ съ глазъ и лишенъ возможности подмѣчать и обличать слабости людей „высокаго сана церковнаго“, думавшихъ, что надъ ними нѣтъ и не можетъ быть никакого контроля. А чтобы отнять у Максима послѣднюю возможность къ оправданію, ему приказано было „не учить кого, ни писать, или писаніе составлять, или посылать къ кому, или принмать отъ кого“ (1). Это послѣднее распоряженіе, полезное для враговъ страдальца, было невыносимымъ бременемъ для самого Максима, не привыкшаго, по призыву другихъ, сидѣть, сложа руки. А самая обстановка преподобнаго еще болѣе располагала къ тому, чтобы въ трудѣ книжномъ искать успокоенія изнемогавшей подъ тяжестью страданій души. И Максимъ, не смотря на запрещеніе писать, не молчалъ. Онъ составлялъ „посланія“, въ которыхъ „неповинна во всемъ себе глаголаше“. Это признано дерзостію, новымъ непослушаніемъ, нераскаянностію „необратнаго его нрава“, и вѣнчено ему въ новую вину. Къ ней присоединены многія другія его „хулы“, которыя, по выраженію суднаго списка, „изобрѣтоша“ Даниилъ и его клеветы. И вотъ митрополитъ, желая покончить съ безпокойнымъ грекомъ разъ на всегда, снова въ 1531 году созываетъ соборъ и требуетъ на него Максима. Списокъ дѣяній этого собора сохранился (2), и мы имѣемъ возможность нарисовать довольно полную картину уликъ на Максима. Въ этотъ случай ничто не было забыто, или

(1) Чтен. Москов. Истор. Общ. стр. 4

(2) Въ чтен. Москов. Истор. Общ. 1847. № 7, стр. 4—13.

лучше: всёгь хотѣли воспользоваться, лишь бы только погубить грека. Обвиненія, скажемъ чужими словами, церковныя, государственныя, политическія, народныя, семейныя и чисто ученныя подобраны, словно мозаика, такъ, что нужно отдать полную справедливость изобрѣтательности враговъ преподобнаго. Прежде всего обвинили Максима въ „хулѣ на Господа Бога и на пресвятую Богородицу, и на церковныя уставы и законы, и на святыя чудотворцы, и на святыя монастыри и на прочая“. Это—церковная сторона дѣла, и обвиненія общія. За тѣмъ слѣдовали обвиненія въ другомъ родѣ, и частныя—именно, въ недоброжелательствѣ Максима къ Россіи и въ частности къ великому князю. будто бы Максимъ съ своими друзьями „великому князю злая умышлялъ и посылалъ грамоты къ турецкимъ пашамъ, и къ самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христіюлюбиваго государя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси, и на всю его благочестивую державу“. Далѣе Максимъ обвинялся въ томъ, что признавалъ несправедливымъ поставленіе митрополита русскаго въ Москвѣ русскими епископами, а не въ Царѣградѣ, что укорялъ церкви и монастыри за то, что они „стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣютъ“, тѣмъ будто бы хулилъ прежнихъ чудотворцевъ и святителей, имѣвшихъ у себя тѣже „стяжанія“, что скромно отзывался о митрополитѣ и другихъ русскихъ архіереяхъ, говоря, что „имъ надобе ширы и села, и скакати и смѣяти съ воры“.—о нашихъ церковныхъ книгахъ, которыя Максимъ называлъ „непрямыми“, въ слѣдствіе чего „чернилъ ихъ и гладилъ“, причемъ указаны были Максиму поправки его, будто бы неправильныя и даже еретическія. Наконецъ Максиму стави-

ли въ вину то, что онъ, вопреки приговору прежняго собора, не признавалъ себя виновнымъ, не каился, не плакалъ, а напротивъ предъ всѣми и каждымъ оправдывалъ себя и свое православіе, писалъ и разсылалъ, вопреки запрещенію соборному, посланія, съявшія будто бы въ народъ „жидовская и еллинская ученія, и аріанская и македоніанская и прочая ереси“. Въ заключеніе Максима обвиняли „въ волшебныхъ хитростяхъ еллинскихъ и жидовскихъ и въ чернокнижныхъ волхвованіяхъ (1)“. Читая эти обвиненія, удивляешься, до какихъ несправедливостей и клеветъ на ближняго доводитъ иногда человѣка оскорбленное самолюбіе! Трудно было Максиму рассчитывать теперь на милость отъ собора, когда онъ не получилъ ея и прежде, когда обвиняли его въ слишкомъ не многомъ сравнительно съ настоящимъ. Да его и требовали на судъ, кажется, не столько для того, чтобы выслушать оправданія невиннаго, сколько для того, чтобы разъ осужденнаго несправедливо признать виновнымъ окончательно. По крайней мѣрѣ изъ „суднаго списка“ видно, что соборъ больше занятъ былъ исчисленіемъ мнимыхъ преступленій Максима, чѣмъ выслушаніемъ его оправданій. Многіе пункты обвинительные изложены даже не въ видѣ вопросовъ, на которые подсудимый долженъ бы былъ отвѣчать, а въ формѣ опредѣленія, признаннаго несом-

(1) Во время пребыванія въ Италіи, Максимъ не чуужь былъ увлеченію мечтательными обѣщаніями астрологій раскрыть человѣку будущее. Это, думаютъ, и было причиною временнаго уклоненія его отъ пути истины (Твор. Св. Отц. стр. 155). Но въ Москвѣ Максимъ былъ уже противъ астрологій, писалъ въ опроверженіе нѣнній астрологическихкихъ нѣсколько посланій, въ которыхъ называлъ астрологию «блуждающимъ звѣздотеченіемъ» (Прав. Соб. 1860, февр. стр. 375), «вечестіемъ» и под. (Прав. Соб. 1860, июль стр. 460).

иънно истиннымъ. По всей вѣроятности, „послания“ Максима, которыя онъ разсылалъ изъ волоколамской темницы, были проникнуты такою невинностію составителя ихъ, что митрополитъ, для предупрежденія вліянія ихъ на общественное мнѣніе въ пользу Максима, счелъ нужнымъ „изобрѣсти“ новыя „хулы“ преподобнаго и объявить (только объявить) ихъ ему на соборѣ; чтобы этимъ окончательно убѣдить всѣхъ и cadaго въ виновности грека. Самое разнообразіе обвиненій наводитъ на мысль, что Даніилъ хотѣлъ сдѣлать Максима ненавистнымъ для cadaго русскаго. къ какому бы званію онъ ни принадлежалъ.

Впрочемъ какъ ни важны были обвиненія, взведенныя на Максима на соборѣ 1531 года, но сквозь фразы замѣтно просвѣчивалась неправда, и потому участь Максима послѣ этого собора не измѣнилась къ худшему, хотя трудно было и придумать что либо тяжелѣе тѣхъ лишеній, какииъ подверженъ былъ благочестивый инокъ еще въ волоколамской темницѣ. Перемѣнено было одно — мѣсто пребыванія Максима. Его заключили послѣ собора 1531 года въ Тверской Отрочъ монастырь. Запрещеніе ходить въ церковь и пріобщаться св. Таинъ по прежнему тяготѣло надъ страдальцемъ. Тяжело было положеніе Максима. Но строго воспитанный въ страхъ Божию, наученный вѣрѣ въ премудрый и всеблагій Промыслъ, Максимъ и среди страданій не унывалъ духомъ. Напротивъ онъ даже радовался своимъ земнымъ несчастіямъ, видя въ нихъ залогъ блаженства на небѣ. Вотъ мысли благочестиваго инока объ этомъ предметѣ, которыя онъ высказалъ въ сочиненіи: „слова инока въ темницѣ затворенъ и скорбя, имже себя утѣшаше и утверждаше въ терпѣніи“, написанномъ

имъ въ 1532 году. „Не тужи, ни скорби, ни тоскуй, писалъ Максимъ, утѣшая самого себя, о нихъ же, любезна ми душе, страждещи безъ правды, о нихъ же паче подобаше ти благая пріяти, о нихъ же ихъ духовнѣ пользовала еси, предложивши имъ трапезу св. Духа исполнену, сирѣчь отцетворное сказаніе богодухновеннаго пѣснопѣнія Давидова, преведши я отъ бесѣды еллинскія на бесѣду шумящаго вѣщанія русскаго и ны многи книги душеполезныя овѣхъ убо преведше, овѣхъ же, по премногу имущихъ ложное чужихъ словесъ, красотою истины утвердивши. Но паче благодарствуй твоему Владыцѣ и хвали и славь Его благоразумно, о нихъ же сподобилъ тя есть въ нынѣшнемъ житіи малыми привременными скорбьми отдати съ лихвою весь долгъ и много талантъ, ими же должна была еси. Внимай убо, да не сѣтованія время воамниши злѣ, но паче божественныя радости, да не стражеши окаянная сугубою тщетою, — и въ настоящемъ и въ будущемъ вѣдѣ мучима аки не благодарна. Весели же ся паче и радуйся. Богомудрено, смиренно же и благодарственно тѣпся имѣти всегда, благонадежно же и честно житіе, ими же удобовохищаемо бываетъ царство небесное, ему же нѣсть ничто же точно отъ всѣхъ сущихъ. Аще сице вооружаши себе всегда и тѣмъ образомъ тѣпшиися веселити Владыку своего, радуйся и веселися, якоже Господь твой повелѣваетъ: твоя бо есть мзда велиа на небсѣхъ“ (1).

Къ счастью Максима, въ Твери былъ въ это время архипастыръ достойный во всѣхъ отношеніяхъ. Акакій, архіепископъ тверской, съ благочестіемъ соединялъ смѣ-

(1) Москвит. стр. 80.

лость, способную дѣлать правду независимо отъ того, что скажутъ объ этомъ другіе, забывшіе о правдѣ. Не смотря на преслѣдованіе Максима московскимъ митрополитомъ и нелюбовь къ нему самого великаго князя, добродушный пастырь принялъ страдальца со всею любовью, какая невольно раждалась къ невинному узнику. Онъ часто приглашалъ его къ своей трапезѣ (¹), и здѣсь въ откровенной бесѣдѣ выражалъ все свое сожалѣніе о несчастномъ страдальцѣ. Недаромъ Максимъ называетъ Акакія въ своихъ сочиненіяхъ „боголюбивымъ епископомъ и промысленникомъ“ своимъ. Даже послѣ того, какъ Максимъ, любившій говорить правду, написалъ, по случаю пожара въ Твери, обличительное и очень непріятное для тверскаго архипастыря слово (²), въ которомъ доказывалъ, что благочестіе тверитянъ состоитъ больше „въ пѣніихъ красногласныхъ богодѣльныхъ священниковъ, и шумѣ доброгласномъ свѣтлошумныхъ колоколовъ“ и въ исполненіи другихъ внѣшнихъ обрядовъ, чѣмъ во внутреннемъ служеніи Богу,— Акакій не пересталъ оказывать любовь и вниманіе къ страдальцу обличителю, хотя другіе и были недовольны за это Максимомъ и даже требовали, чтобы онъ не писалъ подобныхъ нравоучительныхъ словъ, что, разумеется, не было исполнено Максимомъ.

Утѣшенный вниманіемъ Акакія, Максимъ рѣшился дать публичное оправданіе въ введенныхъ на него винахъ, въ которыхъ не могъ принести оправданія на соборѣ 1531 года. Зная впрочемъ, что все зависитъ

(¹) Смес. Прав. Собес. 1861, ноябрь стр. 223.

(²) Москвит. стр. 84—91; Прав. Соб 1861, июнь, стр. 260—276. Были и другія недоразумѣнія между Акакіемъ и Максимомъ. См. Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 421—423.

отъ воли великаго князя. безъ согласія котораго его не могъ бы заключить въ темницу никакой митрополить. Максимъ не прежде приступилъ къ исполненію своего намѣренія. какъ по смерти Василія Ивановича (1533 г.). И вотъ онъ пишетъ „исповѣданіе православныхъ вѣры“. которымъ „извѣщалъ о Христѣ Иисусѣ всякаго православлаго, священника же и князя. что онъ по всему истиннѣйши есть православенъ инокъ, православную вѣру соблюдая цѣлу и непремѣнну и непорочну“. Дѣйствительно. читая это „исповѣданіе“ видишь. какой чистый сосудъ вѣры православной представлялъ въ себѣ преподобный Максимъ. и вмѣстѣ дивисься недобросовѣстности враговъ его. обозвавшихъ страдальца еретикомъ. который будто бы проповѣдывалъ „жидовская и еллинская ученія. аріанскія и македоніанскія и прочія пагубныя ереси“. Изложивъ свое исповѣданіе вѣры. Максимъ прибавлялъ: „такова убо. вкратцѣ рещи. еже въ сердцѣ и на языкѣ моемъ имамъ и мудрствую о святѣй и непорочнѣй и христіанствѣй вѣрѣ. право и неблаженно мудрованіе. Почему ибо иному еретика мене называти нѣщии не ужасаются. да глаголють. да доведуть. исправленія да сподобятъ мене, въ явѣ да обличать. Не отрѣваю исправленія, не стыжуся обличеній, дондеже отъ отеческія любви, съ миромъ и кротостію происходятъ“. „По житію моему. замѣчалъ съ христіанскимъ смиреніемъ преподобный. и беззаконіемъ никто же инъ грѣшнѣйшій мене“. Но „послухъ ми Господь нашъ Иисусъ Христосъ. истинный Богъ. яко кромѣ множества моихъ беззаконій ничтоже иное не свѣмъ себѣ, ни хульно что о святѣй и непорочнѣй христіанствѣй вѣрѣ, ниже лукавое что умыслихъ. я навѣтное на котораго вѣрна.

аще и озлобивъ мене бысть, или озлобляя видится“. Максимъ прибавлялъ къ этому, что если онъ мудрствовалъ или нынѣ мудрствуетъ неправославно, то пусть будетъ онъ осужденъ съ злочестивымъ Ариемъ во тьму кромѣшную.

Но такъ какъ Максима обвиняли не только въ еретичествѣ, но и во враждѣ къ великому князю и къ русской державѣ, то преподобный счелъ нужнымъ, пиша „исповѣданіе вѣры“, опровергнуть и эту клевету. „Азъ, писахъ онъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа просвѣщаемъ и наставляемъ безпрестани, всею душою молюся всѣхъ Владыцѣ и Содѣтелю, о милости, животѣ, здравіи и спасеніи и временѣхъ мирныхъ, и пребытіи и соблюденіи богохранимыя державы благовѣрнаго великаго князя русскаго Іоанна Васильевича, и о братѣ его князѣ Георгіѣ, десятижды по вся дни преклоняя немощныя колѣна моя о нихъ предъ царствующимъ на небесѣхъ Господомъ нашимъ и Богомъ, Іисусъ Христомъ; иже и свидѣтель мнѣ есть, яко истинно глаголю. Како убо нѣщны безъ правды оклеветающе мене, иамѣнника и врага богохранимѣй державѣ его называютъ? да не поставитъ имъ Господь Богъ сицевое прегрѣшеніе“.

Въ заключеніе Максимъ писалъ, что если его слово истинно неприятно для русскихъ властей, то зачѣмъ держать его здѣсь силою, зачѣмъ и призывали съ Аеопа. По правиламъ соборовъ, святители не судятъ внѣ своихъ предѣловъ, но должны знать каждый свою область. Поэтому если Максимъ и неправославенъ, судъ надъ нимъ принадлежитъ вселенскому патріарху, а не русскимъ святителямъ. Если же онъ сдѣлалъ какое либо преступленіе въ Россіи, пусть докажутъ это, и въ

такомъ случаѣ Максимъ „не отрицался всякія смертныя казни“ (1).

Какъ ни много было правды въ словахъ Максима, участь его однакоже послѣ этого не перемѣнилась. Новый князь Иванъ Васильевичъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы понимать, кто былъ правъ и кто виноватъ въ дѣлѣ книжнаго исправленія и въ судѣ надъ Максимомъ. М. Данилъ былъ слишкомъ устойчивъ въ своихъ антипатіяхъ, чтобы могъ „многолѣтнюю“ вражду къ Максиму перемѣнить на милость къ нему. А крамольные бояре, правившіе за малолѣтствомъ Грознаго царствомъ, заняты были только тѣмъ, чтобы губить другъ друга. И невинный страдалецъ долженъ былъ ждать лучшаго будущаго....

Скоро впрочемъ обстоятельства перемѣнились, и Максимъ могъ надѣяться, что страданія его скоро прекратятся. Въ 1538 году умерла Елена, заступившая мѣсто безплодной Соломоніи. А въ 1539 году получилъ достойное возмездіе за свои подвиги и М. Данилъ. Онъ былъ лишенъ митрополіи и посланъ въ заточеніе въ тотъ самый Волоколамскій монастырь (2), въ которомъ нѣсколько лѣтъ томился, по его волѣ, Максимъ. Мѣсто Данила заступилъ Іоасафъ, пастырь симпатичный и способный на добро. При такомъ положеніи дѣлъ у Максима естественно могла родиться мысль снова засвидѣтельствовать предъ всѣми свою невинность. Но преподобный прежде, чѣмъ рѣшился писать новое оправ-

(1) «Исповѣданіе вѣры» напеч. въ Прав. Соб. 1859, лив. стр. 23—29; въ Ц. Исг. П. ч. II, стр. 235—302.

(2) Слов. М. Евг. т. I, стр. 113; Обзор. дух. литер. Филар. стр. 188. Значитъ, мысль, будто Данилъ былъ заточенъ въ Кирилловъ монастырь (Жур. Мин. Нар. Просв. стр. 746), не справедлива.

даніе себѣ и своимъ трудамъ по дѣлу книжнаго исправленія, счелъ долгомъ совѣсти примирить съ собою изгнанника—Даніила. Въ этомъ поступкѣ видна высокая душа, благородный характеръ человѣка, способнаго забыть въ несчастномъ ближнемъ врага своего. Самое же посланіе Максима къ Даніилу проникнуто такою почтительною къ заточенному митрополиту, что трудно, не зная обстоятельствъ, предположить, чтобы оно было писано къ Даніилу уже въ то время, когда самъ онъ нуждался въ защитѣ и помощи другихъ. Сказавъ въ началѣ, что Слово Божіе заповѣдуетъ христіанину быть въ мирѣ со всѣми, Максимъ писалъ далѣе, что, повинувшись этой заповѣди, онъ рѣшился чрезъ нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей узнать расположеніе къ нему Даніила, и, извѣстясь, что заточенный митрополитъ по прежнему негодуетъ на невиннаго, вознамѣрился „краткими письмени изгнѣчить многолѣтнее не доброе мнѣніе“ о немъ Даніила. Для этого Максимъ сначала говоритъ, что онъ „о православной вѣрѣ ни мудрствовалъ, ни писалъ, ни училъ лукаво или хульно“. что если и осудили его „аки хульника и священныхъ писаній тлителя“, то не справедливо,—изъ-за „нѣкихъ малыхъ описей“, допущенныхъ имъ „не по ереси, ниже по лукавству нѣкому“, но по немощи человѣческой, о чемъ Максимъ и предъявлялъ на соборѣ, прося прощенія грѣхамъ невѣднія, хотя вмѣсто прощенія его въ оковахъ заточили и „различными озлобленіями озлобляли“. Максимъ писалъ далѣе, призывая во свидѣтеля Бога, что онъ и доселѣ находится „внутри ограды благочестивыхъ правыхъ догматъ“, и желаетъ пребыть въ православной вѣрѣ „даже до послѣдняго издыханія своего,“ что сочиненія, написанныя имъ протѣивъ латинъ, іуде-

евъ и „на прелесть сквернѣйшаго Моамеа“ лучше всего показываютъ это. Да и что за польза была бы спасенію моему, замѣчаетъ при этомъ Максимъ, „отъ многихъ сихъ скорбей и иноческихъ одеждъ и подвиговъ, аще обрящусь недугуя хульнымъ кимъ мудрованіемъ о православной вѣрѣ христіанстѣй?“ Касаясь за тѣмъ своихъ отношеній къ митрополиту, Максимъ умолялъ Данила не побѣждаться зломъ, но побѣждать благимъ зломъ. „Свѣмъ и помню добрѣ, яко опечалилъ есмь священную ти душу, и дважды и трижды не послушавъ тебе, въ нихъ же ми еси повелѣлъ тогда. И сіе вѣдомо мнѣ бысть, ими же твое преподобство тогда провѣщалъ еси съ негодованіемъ ко мнѣ судимому отъ тебе и соборнѣ испытуюму. Ревль бо еси ко мнѣ тогда: достигша тебе, окаяние, грѣхи твоя, о немъ же отреклся превести ми священную книгу блаженнаго Феодорита“. Объяснивъ за тѣмъ причину непослушанія своего, Максимъ прибавлялъ: „аще убо что согрѣшено ми бысть къ тебѣ по преслушанію и о томъ ся тебѣ каю: прости ми Господа ради, да и самъ сподобишься отъ него той же благодати и благословенія: понеже и ты, аки человекъ, повиненъ всяко еси ему по нѣчему“. Предполагая, что Данилъ не захочетъ въ немилости своей къ Максиму признать личностей, преподобный продолжаетъ: „аще же преподобство твое, негодующе еще на мя, глаголетъ: не за нѣкое твое ко мнѣ преслушаніе, но за развращеніе церковнаго нѣкоего слова и праваго ученія возбранихъ ты по божественной ревности отъ пречистыхъ Божіихъ таинъ, аки хульнига: къ снмъ, святыи владыко, оно паки отвѣщаю твоему преподобству: свидѣтель вамъ отъ мене Самъ той, иже всѣхъ неумытныи Судия, яко ничтоже отнюдь таково что

отъ мене по лукавству дерзнуто бысть.... ниже тогда, ниже нынѣ“, и при этомъ указываетъ на свое „исповѣданіе вѣры“, о которомъ уже была рѣчь. Въ заключеніе Максимъ говоритъ, что теперъ онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы утишить гнѣвъ владыки, и если Даниилъ будетъ оставаться при прежнемъ своемъ недобромъ мнѣніи о Максимѣ, тогда разсудить ихъ самъ Богъ на судѣ своемъ. „А я тебѣ, государю моему, много челомъ бью о земли многогрѣшный черноризецъ Максимъ святогорецъ“ (1). Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела на Даниила эта искренняя исповѣдь Максима. Скорая смерть митрополита (2 февраля того же 1539 года) избавила Максима отъ труда писать ему новыя „послания“. если первое осталось безъ дѣйствія.

За то тѣмъ съ большею свободою Максимъ могъ писать теперъ въ оправданіе свое—тѣмъ, въ рукахъ которыхъ была власть. И вотъ онъ пишетъ два „слова отвѣщательныхъ о исправленіи книгъ“, — одно на имя бояръ, другое новому митрополиту Іоасафу. Сказавъ въ первомъ словѣ, что намѣренъ писать боярамъ „ниже лаская“ имъ, „аки желая получить славу нѣкую привременную, и отраду отъ лютыхъ, въ нихъ же обдержимъ лѣтъ уже 19“, — но по божетственной ревности и чтобы показать, что онъ не еретикъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, и не портить книгъ, — Максимъ исчисляетъ далѣе замѣченныя имъ въ книгахъ ошибки и, доказавъ ихъ неправильность, обращается къ боярамъ съ слѣдующими словами; „вы же. благовѣрнѣйшіи и славнѣйшіи

(1) Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 265 — 272; прав. Соб. 1861, сент. и окт.

князи и бояре судите, молю вашей честности, аще ненависти достоинъ азъ сихъ ради? И аще праведнѣ есть оклеветатися, аки еретикъ отъ пѣвчихъ, и отлучитися сообщенія вѣрныхъ, и святыхъ Божіихъ даръ только лѣтъ? Писано есть въ святыхъ евангеліяхъ: отъ словесъ твоихъ оправдишися, и отъ словесъ твоихъ осудишися. Аще убо и азъ праведна и достовѣрна глаголю, покажите ко мнѣ бѣдному благодать и милость, аки благовѣрніи и нелицемѣрніи судіи, и отъ лютыхъ сихъ, имиже содержимъ есмь лѣта уже многа, и отъ неправедныхъ клеветы, еюже оклеветаемъ есмь, избавите мя, да и азъ сподоблюся со всѣми благовѣрными молитися всѣхъ Содѣтелю и Владыцѣ о мирѣ, милости и многолѣтномъ здравіи, и побѣдѣ на враги, благовѣрнаго самодержца великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и о всѣхъ васъ. Аще же неправедна и безмѣстна глаголю, да не презрите мене, молю вы, безъ пути заблуждающа, и душепогибающа безуміемъ моимъ: но съ приличнымъ прилѣжаніемъ устройте исправленіе мое и спасеніе, и даруйте мнѣ, молю ваше благовѣріе, еже во святую гору возвращеніе, да идѣже отъ юности моея многи и различни труды духовные же и тѣлесные положихъ о надеждѣ спасенія, тамо и кости мои смиренны положатся... Почто же и держимъ есмь здѣ? ни во что же прочее азъ потребенъ есмь вамъ⁴. Сказавъ за тѣмъ, что Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, что иноки обязаны жить тамъ, гдѣ дали свои обѣты, Максимъ продолжаетъ: „вы отсюда (съ Афона) призываете мя, и приведете мя здѣ служить ми вамъ на время, въ чемъ потребовали; и благодатию Христовою споспѣшествуемъ, вѣрно послужихъ государскимъ вашимъ повелѣніямъ, лѣта многа. Нынѣ же праведно

есть предъ Богомъ и человекѣи, и вашему благовѣрiю пригодно, даровати мнѣ сiю благодать вмѣсто всеѣхъ прежнихъ трудовъ моихъ и многолѣтнаго сего озлобленiя, его же терпѣхъ праведнѣ ли, или ни, праведный Судiя вѣсть, иже воздаеть комуждо по дѣломъ его“ (1).

Въ словѣ—митрополиту Ioасафу, излагая тѣже мысли касательно книжнаго исправленiя, показывал другiя ошибки въ книгахъ. произшедшiя отъ незнанiя переводчиками греческаго языка, который, по словамъ Максима, „зѣло есть хитрѣйшiй. и не всякъ можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лѣта просидѣлъ кто будетъ у нарочитыхъ учителей,“ и то „аще грекъ будетъ и умомъ острѣ,“—преподобный въ заключенiе писалъ: „аще убо будетъ что глаголаю добрѣ и пригѣ, благодаренiе Богу учащему человекѣа: аще ли же ни, по прочитанiи сего слова раздравъ бумагу вверзи въ огонь, а меня худоумнаго поучати святительски вкупѣ и отечески благоизволи. Радъ есмь исправленiю, не отрицаюся обличенiй. изъ любви духовныя просяходящихъ“ (2).

Неизвѣстно, что сдѣлали по просьбѣ Максима бояре. Но думаютъ, что митрополитъ Ioасафъ понялъ невинность страдальца и вознамѣрился по возможности облегчить его участь. Не въ состоянiи будучи освободить Максима отъ оковъ, онъ, по увѣренiю нѣкоторыхъ, разрѣшилъ его по крайней мѣрѣ отъ запрещенiя приобщаться св. Тайнъ (3). Къ сожалѣнiю, мы должны ска-

(1) Церк. Истор. и. Плат. Ч. II, стр. 302—323.

(2) Церк. Истор. и. Плат. стр. 323—326; свяс. Моск. стр. 61.

(3) Слов. и. Евг. т. II, стр. 31; Жур. М. Нар. Просв. стр. 246; Моск. стр. 64; Истор. русск. церк. пр. Флар. III, стр. 110.

зять, что это несправедливо. Въ посланіи къ митрополиту Макарію, преемнику Іоасафа, Максимъ еще жаловался, что онъ лишенъ права приобщаться св. Евхаристіи, и просилъ Макарія избавить его отъ этого тяжкаго наказанія, которое замѣчалъ Максимъ въ посланіи, несъ онъ уже 17 лѣтъ ⁽¹⁾.

Въ 1542 году митрополитъ Іоасафъ былъ лишенъ крामольными боярами своей кафедры и заключенъ въ Вѣлозерскій монастырь ⁽²⁾. На его мѣсто, по единодушному согласію, избранъ былъ (19 марта того же года) новгородскій архіепископъ Макарій ⁽³⁾. При такой перемѣнѣ обстоятельствъ, Максимъ могъ надѣяться на многое. Кто же лучше Макарія могъ оцѣнить преподобнаго и понять его правоту? Макарій самъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ самъ искренно предавъ былъ ученымъ занятіямъ; онъ самъ лучше всякаго другаго видѣлъ неисправность тогдашнихъ богослужебныхъ книгъ и старался объ ихъ исправленіи. Такому ли архипастырю было не отозваться

⁽¹⁾ Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 364. Объ этомъ же писалъ Максимъ и въ «посланіи къ князю Петру Шуйскому» (Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 418). Прибавивъ къ 1528 году, въ который осужденъ Максимъ, 17 лѣтъ, получилъ 1842 или даже 43 годъ. Значить, несправедлива мысль, будто Максимъ получилъ позволеніе приобщаться св. Таинъ еще въ 1541 году (Моск. стр. 61). Какимъ же образомъ могла явиться мысль, что Максимъ былъ разрѣшенъ еще м. Іоасафомъ? Къ такому ошибочному мнѣнію поддало позоръ сказаніе о Максимѣ грекъ, въ которомъ дѣйствительно говорится, что Максимъ «ослабу улучи отъ епископа творскаго Ахакія по благословенію м. Іоасафа: къ церкви ходенія и св. Таинъ приобщенія» (Карам. Т. VII, примѣч. 345). Но всякій согласится, что сказаніе нечѣ заслуживаетъ вѣрності, чѣмъ свидѣтельство самого Максима.

⁽²⁾ Карам. т. VIII, стр. 70; Истор. р. перн. Фил. III, стр. 34—5; Истор. Росс. Іерарх. Ч. I. стр. 57.

⁽³⁾ Карам. т. VIII, стр. 72 и прим. 120; Слов. м. Евг. т. II, стр. 11.

на мольбы несчастнаго инока аеоносаго, — свѣтильника вѣры православной, мужа ученѣйшаго, человекѣка не только способнаго на труды книжныя, но и любившаго эти труды болѣе всего въ жизни? И мы видимъ, что Максимъ цѣлалъ большія надежды на новаго митрополита. Собралъ нужныя свѣдѣнiя о Макаріѣ „черезъ многихъ достовѣрныхъ людей, наипаче же отъ самаго боголюбиваго епископа тверскаго Акакія, велегласнаго проповѣдника добродѣтелей“ новаго митрополита. Максимъ рѣшился написать Макарію посланіе ⁽¹⁾, въ которомъ не находить словъ, чтобы достойно восхвалять архипастырскія достоинства преемника Іоасафова. — его заботливость о благоустройствѣ церковномъ, его ревность о наставленіи заблуждающихъ, его смѣлость предъ людьми вліятельными, но требовавшими вразумленій, его справедливость и милость къ страждущимъ и несчастнымъ. Рѣчь Максима по мѣстамъ дышетъ такою восторженностію, иногда онъ употребляетъ такія сильныя выраженія, что преподобный счелъ нужнымъ оговориться, что онъ пишетъ такъ не „даскательнѣ“. но на основаніи самыхъ достовѣрныхъ слуховъ ⁽²⁾ и по „любви къ благовѣрiю“ ⁽³⁾, представителемъ котораго въ глазахъ Максима былъ Макарій. Впрочемъ, восхваляя Макарія, Максимъ не забылъ и себя. Послѣ извиненія въ томъ, что онъ осмѣлился утруждать митрополита своимъ посланіемъ, преподобный начинаетъ рѣчь о своихъ собственныхъ нуждахъ, просить Макарія дозволить ему „божественныхъ Спаса Христа даровъ причастіе“, котора-

⁽¹⁾ Оно помѣщено въ Прав. Собес. 1861, септ. стр. 357—367.

⁽²⁾ Прав. Соб. 1861, Септ. стр. 358—9.

⁽³⁾ Тамже стр. 363.

го Максимъ лишенъ быть уже 17 лѣтъ. „Свидѣтель отъ мене твоему преподобству, писалъ Максимъ въ свое оправданіе, самъ единъ Сердцевѣдѣцъ, ниже тайны тмы дѣла и помышленія открыты и обличити хоцетъ, на страшномъ своемъ второмъ пришествіи, яко ничтоже лукаво, ни хульно о православнѣй вѣрѣ вашей же и моей ниже свѣмъ себе, ниже писахъ отнюдъ, ниже глаголахъ, яко же нѣціи оболгаша мене“... Самъ Макаріи легко могъ убѣдиться въ невинности и православіи Максима; но онъ зналъ, что противъ преподобнаго были бояре — крамольные и самоуправные, и потому могъ затрудниться признаніемъ Максима невиннымъ. Устраняя это затрудненіе, преподобный писалъ, что онъ предъ боярами уже засвидѣтельствовалъ „свою православную вѣру свѣтлѣ и безъ обвиненія, благодатію покланяемаго божественнаго Параклита просвѣщенъ бывъ и укрѣпленъ“. Обращаясь снова къ клеветамъ, которыя заводили на Максима, преподобный въ доказательство невинности своей употребляетъ даже клятву, хотя и сознается, что прибѣгаетъ къ такому средству оправданія съ крайнимъ прискорбіемъ, только въ слѣдствіе настоятельной нужды. „И аще азъ солгахъ ли коли благовѣрію вашему книжнымъ дѣломъ, или нынѣ лжу, или яна убо мудрствую въ мысли, иноже глаголю къ вамъ или пишу,—да попуститъ праведный Судія и на мене тую же проказу Гезинну и горкое оно умертвіе Аріево. Увы мнѣ окаянному, въ какову нужу клятвенную доидохъ окаянный азъ!“ Въ заключеніе Максимъ опровергаетъ другую клевету, будто онъ — врагъ русскому царству, и проситъ Макаріа отпустить его на Аеонъ. „Самаго Содѣтеля и Владыку всѣхъ Иисуса Христа, единого сердцевѣдца, призываю свидѣтеля вамъ господамъ“

мнѣ на душу мою, яко чистъ есмь отъ всѣхъ, и къ тебѣ на мене глаголаша суперники мои, имъ же Судія Богъ, и яко изначала и до сего часа добротенъ богомольецъ благочестивыя державы вашей и быхъ и есмь и буду, до конца и здѣ и вездѣ, по заповѣди Спасовъ, юже презираяи спасенія не улучшить. Благоизволите убо, благоизволите, Господа ради, сотворити милость о мнѣ бѣдномъ, дадите ми видѣти святую гору, молитвенницу всей вселеннѣй, отдадите мя вашимъ богомольцомъ прешодобнымъ отцемъ и братіи моею, умилени будите христіанолѣпнѣ ихъ къ вамъ о мнѣ молитвами и слезами; не изволите явхитися преслушающе богомольца вашего вселенскаго патріарха, моляща васъ о мнѣ; праведенъ онъ и благочестивъ архіерей, якоже и всѣ вы⁴.

Последними словами препод. Максимъ указываетъ на ходатайство объ немъ аеонской братіи и даже самого вселенскаго патріарха. Неизвѣстно, какъ и когда (1) просили о Максимѣ подвижники св. горы; но памятникомъ ходатайства за Максима цареградскаго патріарха Діонисія служитъ его посланіе къ царю Ивану Васильевичу. Въ этомъ посланіи, послѣ обычныхъ привѣтствій и благожеланій, патріархъ отъ своего имени, отъ имени Германа патріарха іерусалимскаго, бывшаго въ это время въ Константинополь, отъ лица освященнаго собора митрополитовъ и епископовъ (числомъ до 70), собравшихся въ Царьградъ для поставленія Діонисія (2), про-

(1) Еще въ посланіи м. Варлааму Афонскому отъ лица братіи монастыря писалъ: «да отошлете намъ къ намъ здравыхъ братію нашу» (Акт. Истор. № 122, стр. 176). Потомъ, какъ увидимъ ниже, братія аеонская просили александрійскаго патріарха—вступиться за Максима.

(2) Значитъ, посланіе писано въ іюль 1544 года, въ который Діонисій былъ избранъ и посвященъ въ патріарха (Хр. Чт. 1881, авг. стр. 81), а не въ 1545 году (Москва. ст. 62).

силъ Ивана Васильевича Грознаго „помиловать и отпустить бѣднаго и убога и страна Максима инока на старость уже дошедша и близъ суца смертныхъ вратъ, да сподобится возвратитись въ землю свою и погребатись въ постриженіи своемъ, еже во святѣй горѣ и во обѣтѣхъ его иноческаго житія своего“. Патриархъ писалъ довольно сильно, замѣчая, что въ противномъ случаѣ царь русскій „самому Богу погрубитъ“ и патриарховъ „богомольцевъ своихъ оскорбитъ“ (1). А въ 1545 году отъ 4 апрѣля прислано было въ Москву на имя великаго князя другое посланіе отъ александрійскаго патриарха Іоакима, въ которомъ — святитель, послѣ привѣтствій, наставленій и благожеланій Ивану Васильевичу, писалъ ему слѣдующее: „слово инамы мало прошеніе глаголати царствію твоему, и молимъ, да услышишь внятно. Ту въ земли царства твоего обрѣтается нѣкій человекъ инокъ отъ св. горы авонскія, учитель православныя вѣры, имя ему Максимъ, егожь отъ дѣйства діаволя и злыхъ человекъ козней, опалился нань величайшее царствіе твое и крѣпцѣ ввергъ его въ темнищахъ и узахъ нерѣшимыхъ, и не можетъ ни туды, ни сюды ходити и учити, якоже Богъ даровалъ есть ему. О немъ бо слынахомъ и писанія пріяхомъ отъ многихъ я великихъ человекъ сущихъ ту, глаголю, отъ св. горы Авонскія: яко той именемъ Максимъ связанный отъ царства твоего, неправедно связанъ есть и пойманъ отъ царства власти твоея“. Сказавъ далѣе, что такой поступокъ недостойнъ православнаго христіанина, и осо-

(1) Посл. напечат. въ журн. Мин. Нар. Просв. 1834. № VIII, стр. 272—3.

башно царя, обязаннаго быть справедливымъ, что можно еще такъ обращаться съ людьми недоброжелательными и злыми, но ничуть не съ иноками, и особенно не съ Максимомъ, который гѣмъ только и виноватъ предъ русскимъ царствомъ, что училъ и „пользовалъ“ его подданныхъ,—Іоакимъ продолжалъ: „сего ради молимъ царствіе твое, да егда узриши наше писаніе, да освободишь вышеписаннаго инока Максима и да даси ему всяку волю и свободу идти, идѣже аще хоцетъ, и нащпаче въ постриженіи его. Помози и поспѣши ему, поелико Богъ положить въ сердци твоємъ, по похвальному обычаю царствія твоего, и не хоти посрамити насъ о семъ; аще бо послушаешь словесъ моихъ царствіе твое, имати будещи похвалу отъ Бога и отъ человѣкъ, и отъ насъ молитву и благословеніе“. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на великаго князя, патріархъ писалъ въ заключеніе, что онъ первый разъ обращается съ просьбой къ Ивану Васильевичу, и потому въ правѣ надѣяться на его вниманіе. „Николи же бо писалъ къ тебѣ, ни просихъ прошеніе, ни утѣшеніе: да не оскорби убо мене о семъ и понудиши мене писати иное писаніе царствію твоему, второс моленіе и прошеніе, зане не престану отъ таковаго прошенія и моленія, дондеже услышитъ мене веліе царствіе твое и даруеши мнѣ такова человѣка“ (1).

Неизвѣстно, писалъ ли еще патріархъ Іоакимъ Ивану Васильевичу, согласно своему обѣщанію, но Максимъ не былъ освобожденъ и отпущенъ на Афонъ по-

(1) Посл. это нащпач. въ 1 т. доп. къ изд. Истор. подл. № 297 и въ Журн. Мин. Нар. Просв. стр. 275—8

слѣ перваго письма александрійскаго архипастыря. Подозрительная политика того времени не любила исполнять подобныя просьбы, не смотря на то, что Максимъ богѣе и богѣе представлялъ доказательствъ своей невинности и своихъ добрыхъ отношеній и чувствъ къ Россіи. Въ 1541 году, когда Москва обрадована была неожиданнымъ бѣгствомъ изъ Россіи грозныхъ полчищъ крымскаго хана, Максимъ въ тверскомъ заточеніи воспѣлъ благодарственную пѣснь Господу Богу за спасеніе Россіи (¹). Не много нужно было ума, чтобы понять, что человекъ, котораго обвиняли въ недоброжелательныхъ для Россіи сношеніяхъ съ врагами ея, не могъ, если бы это была правда, радоваться тому, что Россія избавилась отъ одного изъ враговъ своихъ. Или—не могъ скорбѣть, видя внутренніе беспорядки и неустойчивость русскаго царства, какъ дѣлалъ это Максимъ, когда, будучи пораженъ наглымъ поступкомъ бояръ съ митрополитомъ Іоасафомъ, изобразилъ безъ страха тогдашнее состояніе русскаго царства подъ образомъ жены, окруженной лютыми звѣрями, одѣтой въ рубище, сѣдающей при пути (²). Первое обстоятельство люди неблагонамѣренныя еще могли объяснить лицемѣріемъ изъ желанія получить облегченіе страданіямъ. Но какъ объяснить послѣдній фактъ? Можно—не инымъ чѣмъ, какъ только искреннимъ доброжелательствомъ Максима къ Россіи.

Какъ видно изъ посланія Максима къ митрополиту Макарію, преподобный зналъ о ходатайствѣ за него

(¹) Москв. стр. 62; Ж. М. Н. Провъ. стр. 262—3.

(²) Прав. Соб. 1861, авг. стр. 319—337; свес. Меск. стр. 62.

предъ великимъ княземъ восточныхъ патріарховъ. Быть можетъ, ободренный этимъ обстоятельствомъ, Максимъ рѣшился написать Ивану Васильевичу посланіе и отъ себя лично, чтобы общими просьбами скорѣе умили-
вить Грознаго. Преподавъ наставленіе великому князю, сказавъ, что особенно требуется отъ царя и чего онъ долженъ избѣгать, чтобы царство его наслаждалось благоденствіемъ, Максимъ въ концѣ посланія обращается къ Ивану Васильевичу съ такою рѣчью: „благовѣрнѣйшій царю! молю преславную державу благовѣрія твоего, прости мя въ томъ, яко не обинуяся глаголю при-
годная ко утверженію богохранимыя державы твоея и всѣхъ свѣтлѣйшихъ твоихъ вельможъ; долженъ бо есмь, ово убо прещенія ради онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ Господа своего въ землю, ово же за премногое бржеженіе и честь, еяже сподобилъ мене девять лѣтъ государь мой, приснопамятный отецъ твой государевъ, князь великій самодержецъ всея Русіи, Васи-
лій Іоанновичъ, иже и большія бы чести сподобилъ мене впредь, аще не бы, по грѣхомъ моимъ, поклепали мене государю моему преславному нѣдци небратолюбцы, имъ же Богъ судія. Инъ убо ино что отъ многоцѣнныхъ и маловременныхъ красныхъ міра сего мимоходящаго да принесетъ благовѣрному царствію твоему, азъ же убогій. ихъ же стяжахъ, лучшее, глаголю жѣ, слово растворенное солю писанное приношу тебѣ царю преславному, егоже и приѣмъ, со обычною тихостію твоею, воздаруй ми рабу твоему и богомольцу нищему еже во святую гору возвращеніе, щедроть ради Христовыхъ. отпусти мене съ миромъ отсюда, да же и тамо всею душею и языкомъ и веселымъ сердцемъ проповѣдаю и величаю превосходящую славу благовѣрныхъ

державы царствія твоего, и чистѣйшею мыслию и сердцемъ радостнымъ молитвы возсылаю о крѣпкомъ царствѣ твоёмъ къ царю небесному Исусъ Христу Богу твоему“. Максимъ прибавлялъ при этомъ, что Русь больше въ немъ не нуждается, такъ какъ все, что могъ, онъ сдѣлалъ для нея; между тѣмъ на Аѳонѣ — „скудость отъ всѣхъ потребныхъ на составленіе и устроеніе многолюдныя обители,“ — тамъ можетъ быть пригоденъ и Максимъ (1).

Но что значили для московскаго двора время Грознаго нужды смиренныхъ иноковъ Аѳонской горы, когда онъ не считалъ себя обязаннымъ исполнять справедливыя просьбы самихъ патріарховъ восточныхъ? И Максима по прежнему продолжали держать въ тверскомъ Отрочемъ монастырѣ. Не извѣстно даже, было ли разрѣшено ему въ это время приобщаться св. Таинъ. Въ посланіи къ Ивану Васильевичу нѣтъ рѣчи объ этомъ предметѣ. Но это не значитъ, что не было и нужды въ подобной рѣчи. Максимъ могъ не упоминать предъ царемъ о тяготѣвшемъ на немъ запрещеніи, такъ какъ снять это запрещеніе могъ одинъ только митрополитъ.

Что же сдѣлалъ въ этомъ отношеніи митрополитъ Макарій, на котораго Максимъ такъ много надѣялся и которому писалъ свое посланіе? Макарій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять невинности страдальца, но и на столько робокъ и уклончивъ (2), что не могъ сдѣлать что либо рѣшительное. Макарій написалъ Мак-

(1) Правос. Соб. 1861, Сент. стр. 346—357.

(2) Снес. Истор. о раск. Пр. Игнат. стр. 108 и 109.

симу утѣшительное письмо, въ которомъ съ похвалою отозвался о сочиненіяхъ преподобнаго, просилъ его присылать ихъ къ нему — митрополиту на будущее время, и даже послалъ Максиму „денежное благословеніе“. Но не то нужно было Максиму, или вѣрнѣе: всего этого было слишкомъ мало для невиннаго страдальца. Максиму нужна была свобода отъ оковъ и особенно—позволеніе приобщаться св. Тайнъ. Касательно же этихъ пунктовъ Макарій на первыхъ порахъ ничего новаго и хорошаго не сдѣлалъ для Максима. О первомъ онъ писалъ: „узы твоя цѣлуемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ“. Касательно же втораго пункта Максиму совѣтывали приобщаться св. Евхаристіи „въ тай и съ лестнымъ недугомъ, или и истиннымъ“, т. е., будучи не въ силахъ снять съ Максима осужденіе публично, рекомендовали ему приобщаться секретно, подъ предлогомъ болѣзни, или даже—заболѣть для этого. Но правдивая душа преподобнаго не была способна ни на малѣйшую ложь. Въ отвѣтъ на такой совѣтъ Максимъ писалъ: „аще отнюдъ достоинъ имъ судимъ есмь божественныхъ Тайнъ причастію въ тай и съ лестнымъ недугомъ, или и истиннымъ: чесо ради мнѣ возбраняють отъ того въ явѣ и предъ всѣми людьми? Азъ сокровеннѣ и со лжею причащатися божественныхъ Тайнъ нѣсмъ учень отъ святыхъ апостолъ и преподобныхъ отецъ нашихъ. Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите, на всякъ день призываетъ іерей вѣрныя, въ явѣ показуя имъ покрытъ священныи потиръ. И божественный прѣснопѣвецъ: молитвы моя Господеви воздамъ предъ всѣми людьми Его, во дворѣхъ дому Господня, посредѣ тебе Іерусалимъ; а не глаголетъ сокровеннѣ и на постели лежа съ лест-

нымъ недугомъ, якоже ти мнѣ совѣтують“. Кто же давалъ Максиму совѣтъ приобщаться тайно? На этотъ вопросъ трудно сказать что либо опредѣленное. Видно только, что не митрополитъ, но кто либо изъ лицъ, расположенныхъ къ преподобному. Можно даже думать, что такой совѣтъ поданъ былъ Максиму не друзьями его, а врагами, которые могли видѣть въ немъ средство къ новымъ обвиненіямъ преподобнаго. Если бы Максимъ согласился на такой совѣтъ, его могли обвинить въ непослушаніи церковной власти, въ нарушеніи церковныхъ правилъ, въ самовольствѣ. Когда же преподобный отказался тайно приобщаться св. Таинъ, не получивъ на это публичнаго разрѣшенія, на него явилась новая клевета, будто Максимъ не хочетъ пользоваться милостію потому, что требуетъ на новомъ соборѣ формальнаго себѣ оправданія. А это значило—судъ митрополита Данила и особенно великаго князя Василія, отца Грознаго, признать несправедливымъ, — дѣло щекотливое и небезопасное. Опровергая эту клевету, преподобный писалъ Макарію: „ниже суда вопрошахъ предъ съвршениымъ соборомъ, ниже отметаюся причастія безъ суда соборнаго; да не будетъ, Владыко святыи! не внимаи отнюдъ, молю тя, таковыхъ не праведныхъ оглагоданій, имиже клеветуютъ мя. Азъ же глаголахъ къ нимъ, стужая имъ о еже подати мнѣ божественное причастіе: яко аще имате отнюдъ сумнѣніе о яже во мнѣ православнѣи вѣрѣ и сблагниетесь о мнѣ: прочтите у себе ливель (libellum, вѣроятно, „исповѣданіе вѣры“), его же писахъ о живущей во мнѣ вѣрѣ со всякою истиною. И аще убо достоинъ есмь милости и прощенія: слава преблагому Богу! Аще же нѣгдѣ погрѣшаю отъ православныя вѣры. исправте мя духомъ

кротости апостологъннѣ. Съ радостію бо прииму исправленіе и благодаря буду вамъ зельнѣ. Таковъ отвѣтъ Владыко азъ къ нимъ сотворихъ, о Богѣ свидѣтель (1). Оно же не рекохъ, имъ же они клеветуютъ мене неправеднѣ, яко аще не дадите ми судъ, не прииму отъ божественнаго причастія. Ни, владыко святыи, ни! свидѣтель неумытныи Судія, ничтоже таково никогда же рекохъ. ниже нынѣ глаголю. Господа ради не приими отнюдь таковыя клеветы. Милость Владыко выну просихъ и нынѣ прошу отъ Бога самого и отъ твоего преподобства, а не судъ, ни разсужденіе соборное (2)«. хотя, разумѣется, Максимъ, сознавая свою правоту, не могъ бояться новаго изслѣдованія дѣла.

(1) Эти слова наводятъ на мысль, не бояре ли давали Максиму совѣтъ пріобщаться тайно. Имъ Максимъ писалъ «слово отвѣщательное о исправленіи книгъ русскихъ», въ которомъ просилъ разрѣшить ему пріобщеніе св. Тамъ и ссылался въ доказательство своего православія на свое исповѣданіе вѣры, называя его «книжицею» (libellum) и просилъ, въ случаѣ, если онъ погрѣшаетъ, вразумить и исправить его (Церк. Истор. Плат. ч. II, стр. 303 и 320—4). Въ такомъ случаѣ понятнымъ дѣлается такой странныи совѣтъ. Лице духовное, знавшее силу запрещеній церковныхъ, едва ли бы рѣшилось дать его.

(2) «Посланіе», въ которомъ Максимъ отрекается пріобщаться тайно и изъ котораго мы заимствовали представленныя выше свидѣнія, напечатано въ Москвит. стр. 91—6. Это посланіе обыкновенно относятъ къ 1541 году и думаютъ, что оно писано Максимомъ м. Іоасафу (Обз. дух. Лнт. стр. 196; Ж. М. Н. Пр. стр. 260; Москва. стр. 91). Мы полагаемъ, что это посланіе писано м. Макарію и раньше 1546—7 года. Основанія для этого слѣдующія. Въ этомъ посланіи Максима и въ другомъ, писанномъ имъ Макарію (Прав. Соб. 1861, Сент. стр. 357—367), есть весьма много сходства. Въ посланіи къ Макарію Максимъ хвалитъ его за разнаго рода церковныя исправленія, за «обильное ученіе безъ обивовенія», за милость «ко всѣмъ подручникомъ, наипаче же къ требующимъ милости и заступленія сирымъ и вдовицамъ и лихонимствуемымъ безчеловѣчѣи нищимъ и убогимъ и приходящимъ иноземцемъ страннымъ». И въ посланіи, которое признаютъ написаннымъ Іоасафу,

Какъ бы то ни было, только и въ 1546—7 году стра-
дальческая участь Максима не перемѣнилась. По его
собственнымъ словамъ, онъ „подложенъ“ былъ въ это
время тремъ наказаніямъ: „божественныхъ Таинъ не
причастію, лишенію возвращенія еже во святую гору,
и лишенію всѣхъ книгъ и иныхъ нѣкихъ житейскихъ

Максимъ пишетъ: сего ради таково неправданіе презираши, святой
Владыко, безъ исправленія? Кто тебѣ въ церковныхъ строеніихъ вышше
въ земли рустѣи, или кто тебѣ словесаѣишии и во обидимыхъ милостивѣи-
шии? Кто противляйся тебѣ, пресвященнѣишии? колко обидимыхъ изъ
теминци и отъ узъ разрѣшилъ еси? заточенныя возваалъ еси, присмер-
ныя оживилъ еси?... Владыко святой! воля Господа Бога, да твоа... Мака-
рію, котораго, по словамъ Максима (Прав. Соб. 1861, сент. стр. 360),
Иванъ Васильевичъ „благопокорнѣ слушалъ, принималъ его архіерейскіе
совѣты и поученія и исполнялъ ихъ на дѣлѣ, можно было сказать:
«кто противлялся тебѣ?»... Но къ Іоасафу, бывшему митрополитомъ въ
правленіе крамольныхъ бояръ, изгнавшихъ святителя, эти слова не-
приложимы. Самая характеристика лица, которому писано Максимомъ
посланіе, адресованное будто бы Іоасафу, болѣе прилична Макарію,
чѣмъ Іоасафу. Это лице послало Максиму «писаніе исполнь премудро-
сти и разума духовнаго», въ которомъ «хвалило зѣло списанія» Мак-
симова, «зельнымъ духовнымъ желаніемъ повелѣвало» преподобному
присылать ихъ къ нему, въ слѣдствіе чего Максимъ и послалъ мит-
рополиту «тетрадки десять.» — Все это такъ и наводитъ на мысль о
Макаріѣ, архипастырѣ просвѣщенномъ, любознательномъ, трудолюби-
вомъ. Далѣе: въ концѣ посланія есть такого рода замѣтка: «аще кто
противлялся речеть, яко связавый пакы разрѣшитъ, да вѣсть силевый,
яко еже по Божѣ и правдѣ связано, нѣ разрѣшити не можетъ, *жису
сущу связавшаму*». Если посланіе писано Іоасафу въ 1541 году, какъ
думаютъ, то кого же разумѣть подъ связавшимъ Максима, еще жи-
вымъ въ то время? Давидъ умеръ въ 1539 году 2 Февраля (Истор.
Росс. Іерарх. ч. I, стр. 57; Слов. м. Евг. ч. II, стр. 113), а великій
князь Василій Ивановичъ—въ 1533 году. Если же допустить, что по-
сланіе писано Макарію, въ такомъ случаѣ эти слова можно относить
къ Іоасафу, который также, какъ и Давидъ, могъ признавать осужде-
ніе Максима справедливымъ, и который жилъ нѣсколько времени при
митрополитѣ Макаріѣ (снес. Истор. рос. іерар. ч. I, стр. 57—8). Въ
заключеніи посланія Максимъ убѣждаетъ митрополита подражать св.
Амаросію, который сѣло возсталъ противъ несправедливости и же-
стокости Феодосія и даже отлучилъ его на время отъ церкви. Къ Іоа-

потребъ⁴ (1). Нельзя сказать, чтобы Максимъ, находившійся въ Твери, не имѣлъ преданныхъ и благожелательныхъ ему лицъ въ Москвѣ. Онъ самъ упоминаетъ объ „иноѣ Алексѣѣ, протосиггелѣ и судохрани-телѣ“ митрополичьемъ, который переписывался съ преподобнымъ и извѣщалъ его о настроеніи умовъ при дворѣ и митрополитѣ (2), а—также о другомъ „вѣрномъ служебникѣ“ митрополичьемъ, по имени Андрей, чрезъ котораго Максимъ сносился съ митрополитомъ, посылая ему свои „десять тетрадокъ“ (3). Былъ въ перепискѣ Максимъ и съ другими, болѣе вліятельными въ то время лицами, напр. съ княземъ Петромъ Шуйскимъ, который посѣщалъ Максима и бесѣдовалъ съ нимъ (4),

саеу подобный совѣтъ опять не приложимъ, потому что при немъ Иванъ Васильевичъ не управлялъ дѣлами царства, находившимися въ рукахъ бояръ. Наконецъ последнее самое сильное доказательство того, что рассматриваемое нами посланіе писано Максимомъ митрополиту Макарію, а не Іоасафу, мы находимъ въ «посланіи» преподобнаго къ «Адашеву» (Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 382—6). Здѣсь Максимъ пишетъ, что вмѣстѣ съ «тетралкой» Адашеву онъ посылаетъ чрезъ Андрея Семенова «десять тетрадокъ къ государю преосвященному митрополиту», и еще ему же «посланеццо», которое совѣтуетъ Адашеву прочесть. А въ посланіи, писанномъ будто бы Іоасафу, Максимъ также упоминаетъ о десяти тетрадкахъ, которыя посылаетъ митрополиту и именно съ «вѣрнымъ служебникомъ его Андреемъ» (Москвит. стр. 94). Въ посланіи къ Адашеву Максимъ пишетъ: «а мене, Бога ради, закливаю васъ Иисусъ Христомъ, не оставите безъ причастія; суди, господине, не прашивая и не прошу, — милости прошу». Также слова, какъ уже видѣли, находимъ и въ посланіи, о которомъ идетъ рѣчь. Но Адашевъ, какъ извѣстно, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ митрополиту Макарію.

(1) Москвит. стр. 95; спес. Правосл. Собес. 1861 года, Ноябрь. стр. 413—419. По временамъ Максимъ не имѣлъ даже чернилъ и кинновари для письма (тамъ же стр. 425).

(2) Москв. стр. 92.

(3) Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 382—3; Москв. стр. 94.

(4) Прав. Соб. 1861, Ноябрь. стр. 417.

а равно и съ сыномъ его Михаиломъ ⁽¹⁾, съ извѣстнымъ священникомъ Сильвестромъ ⁽²⁾ и съ не мѣтѣ извѣстнымъ Алексѣемъ Адашевымъ ⁽³⁾, который „жаловалъ“ Максима „всякимъ дѣломъ и образомъ“, посылалъ ему „граматы“ исполненныя „всякія хриstopодобныя любви и истины“, снабжалъ преподобнаго нужными ему книгами и даже одеждой ⁽⁴⁾. Но Макарій и другіе сильные міра того времени, съ которыми Максимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не были „Амвросіями“, чтобы съ „дерзновеніемъ“ ходатайствовать за невиннаго предъ боярами, управлявшими всѣмъ въ это время. Общественное мнѣніе было не въ пользу Максима. И этого было достаточно, чтобы люди и понимавшіе его правоту, молчали, или ограничивались только перепискою съ нимъ, да еще „денежными благословеніями“.

Безпорядки церковныя, соблазнительное поведеніе духовенства, безнравственность народа, нарушение уставовъ церковныхъ въ слѣдствіе крайней поврежденности самыхъ книгъ, содержавшихъ эти уставы, и многія другія причины побудили митрополита Макарія и царя Ивана Васильевича созвать въ 1551 году въ Москвѣ соборъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Стоглаваго. Можно было думать, что на соборѣ, поставившемъ для себя главною цѣлю исправленіе богослужебныхъ чиновъ и церковныхъ уставовъ, вспомнятъ о человѣкѣ,

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 420—1.

⁽²⁾ Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 379—381.

⁽³⁾ Тамъ же стр. 382—6.

⁽⁴⁾ «Клобучекъ Греческій, писалъ Адашеву Максиму, вѣсть у мене отраленъ, Бога ради, пошлите ми такова» (Прав. Соб. 1861, Окт. стр. 386).

который одинъ могъ замѣнить собою всѣхъ, присутствовавшихъ на соборѣ, какъ знатокъ не только церковно-славянскаго, но и греческаго языка, необходимаго при повѣркѣ церковно-богослужебныхъ нашихъ книгъ съ самими подлинниками, — книгами греческими. По крайней мѣрѣ когда поднятъ былъ вопросъ о неисправности тогдашнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и нуждѣ исправлять ихъ, мысль о Максимѣ, находившемся въ заточеніи за это самое исправленіе, невольно должна была возникнуть въ умѣ каждаго члена собора. И однакожь никто ни однимъ словомъ не упомянулъ о Максимѣ, — такъ велико было опасеніе подвергнуться неприяностямъ за сочувствіе къ невинному страдальцу, такъ мало было любви къ правдѣ и христіанскаго дерзновенія въ членахъ собора. Всѣ знали, что Иванъ Васильевичъ — сынъ той самой Елены Глинской, на бракъ съ которой Василья Ивановича Максимъ не соглашался. И этого было достаточно, чтобы молчать о Максимѣ, хотя все требовало слова о немъ самаго настоятельнаго и твердаго (1).

Впрочемъ и въ это смутное время были люди, для которыхъ правда была выше своекорыстныхъ расчетовъ и себялюбивыхъ цѣлей. Артемій, игумень Троицко-Сергіевой Лавры, и нѣкоторыя другія благожелательныя Максиму лица (въ томъ числѣ, вѣроятно, Сильвестръ и Адашевъ) не устрашились предстать предъ царя и умолять его объ освобожденіи невиннаго страдальца изъ тверскаго заточенія. И Иванъ Васильевичъ, обратившійся послѣ безпорядковъ юности на путь правды, желавшій быть, по собственному его выраженію,

(1) М. Енг. Слов. ч. II, стр. 32.

„вѣрѣ поборникомъ, Богу служителемъ, славы церкви рачителемъ“, внялъ просьбамъ людей, заслуживавшихъ вниманіе за одну благородную смѣлость свою. Быть можетъ, этому содѣйствовали и собственные просьбы Максима, съ которыми онъ обращался къ царю въ своихъ „послانیяхъ“ къ нему (1). Въ началѣ 1553 года (2) Максимъ былъ освобожденъ изъ тверскаго заточенія, но не отпущенъ на Афонъ, о чемъ умолялъ Максимъ и царя и митрополита (3), а переведенъ на житіе въ Троицко-Сергіеву Лавру. Вѣроятно, въ это время разрѣшено было Максиму и пріобщаться св. Таинъ (4). Но милости царя и митрополита къ невинному страдальцу были уже не въ пору. Отъ оковъ и темничной жизни, а еще болѣе отъ внутреннихъ, душевныхъ скорбей и страданій, Максимъ дошелъ до того состоянія, когда земныя радости перестаютъ имѣть цѣну для че-

(1) Кромя посланія Ивану Васильевичу, о которомъ мы уже говорили, Максимъ писалъ ему другое, въ которомъ просилъ царя отпустить его на Афонъ (см. Пр. Соб. 1861, окт. стр. 376—9).

(2) Въ Истор. р. ц. Фил. (ч. III, стр. 119), и въ Москвит. (стр. 63) указывается 1551 годъ—на основаніи Карамзина. Но у Карамзина сказано: «неповинный (Максимъ) въ заточеніи бысть во Твери 22 лѣта и послѣди вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ изведенъ бысть изъ Твери и повелѣно ему жити въ Троицкомъ монастырѣ (т. VIII, прим. 386).» Приложивъ 22 года къ 1531-му, когда Максимъ заточенъ въ Тверь, получимъ 1553-й годъ.

(3) Отъ чего Максима такъ настойчиво удерживали въ Россіи и не отпустили на Афонъ, — трудно сказать. Когда Максимъ спросилъ объ этомъ одного боярина, тотъ отвѣчалъ: «нигдѣ на тебя держатъ, что сюда еси пришелъ, а человекъ еси разумной, и свидѣль еси наша добрая и лихая, и тебѣ тамо отсюда сказать» (Карам. т. VII, примѣч. 344). Въ этихъ словахъ много правды.

(4) Въ хронографѣ гр. Толстаго (л. 429) сказано: «благословеніемъ Макарія митрополита нача (Максимъ) къ церкви ходити и св. Таинъ причащатися» (Карам. т. VIII, примѣч. 366). Но когда это было, неизвестно.

ловѣка. Это былъ уже не энергическій, способный на всякій трудъ иннокъ, а изможденный, больной старецъ (1), для котораго нужно было заготовлять гробъ. Да и можно ли было не надломиться этому исполнну, съ 1525 года дышавшему только темничнымъ воздухомъ? Нужно еще удивляться, какъ воспримчивая, впечатлительная натура Максима могла перенести столько страданій тѣлесныхъ и душевныхъ въ теченіе болѣе четверти вѣка....

Послѣдніе дни земной жизни Максимъ провелъ спокойно, на сколько могъ быть спокойнымъ человѣкъ, постоянно думавшій о счастья возвратиться на Аѳонъ и теперь видѣвшій, что ему суждено никогда не видѣть этого счастья (2). Царь былъ внимателенъ къ преподобному и даже удостоивалъ его своихъ посѣщеній. Въ 1553 году (въ Маѣ) Иванъ Васильевичъ, во время посѣщенія Троицко-Сергіевой Лавры, былъ у Максима, слушалъ его наставленія и даже предложилъ на его обсужденіе намѣреніе свое — совершить путешествіе въ Кириллову обитель, въ благодарность за исцѣленіе отъ тяжелой болѣзни. Максимъ и на этотъ разъ остался вѣренъ самому себѣ. Онъ не счелъ нужнымъ признать намѣреніе русскаго самодержца прекраснымъ, потому только, что оно родилось въ такой великой душѣ, а

(1) Слс. Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 424.

(2) Въ посланіи къ князю Петру Шуйскому Максимъ уже писалъ см не оно прошу, да отпущенъ буду въ оу честную и многожеаемую всѣмъ православнымъ святую гору, — вѣмъ бо и самъ, яко таковое мое прошеніе вѣсть вамъ любезно, ниже благоприятно, — но оно прошу отъ вашей велебѣнныя свѣтлости, да мя сподобите причастія пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ Тѣмъ, ихъ же не причастенъ пребываю гдѣ ужъ 17» (Прав. Соб. 1861, ноябр. стр. 418).

напротивъ смѣло замѣтилъ царю: „Государь! пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъяснить ревностную признательность къ небесной благодати, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе казанскаго царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ христіанъ; вдовы, сироты, матери избѣенныхъ льютъ слезы: утѣши ихъ своею милостію. Вотъ дѣло царское! Тогда всѣ святые возрадуются о тебѣ и вознесутъ моленіе. Богъ и святые внимаютъ нашимъ молитвамъ не по мѣсту, но по доброй волѣ нашей и по самовластію“. Какой свѣтлый, глубокій взглядъ на значеніе нашего вѣщнаго служенія Богу! Но царь не внялъ совѣту преподобнаго. Тогда Максимъ, озаренный свыше, поручилъ вельможамъ передать Ивану Васильевичу слѣдующія, свойственныя только мужу облагодатствованному, слова: „аще не послушаеши мене, по Божѣ совѣтующаго ти, и презриши крови избѣенныхъ отъ поганныхъ, вѣдай о семъ, сынъ твой умретъ“. Царь не послушался и послѣ этого. И слова преподобнаго оправдались: царевичъ Димитрій умеръ прежде, чѣмъ Иванъ Васильевичъ успѣлъ достигнуть Кириллова монастыря ⁽¹⁾. Вѣроятно, послѣ этого обстоятельства уваженіе царя къ Максиму еще болѣе усилилось. Когда составился (въ 1554 году) въ Москвѣ соборъ, по случаю ереси Матѳея Бакшина, Иванъ Васильевичъ посланіемъ приглашалъ Максима

(1) Истор. Курбск. стр. 49—51; Карам. т. VIII, стр. 312 и притѣч. 388; Москв. стр. 63—4.

на соборъ, прося, если это не возможно будетъ, по крайней мѣрѣ прислать къ нему свой отзывъ о новомъ ученіи (1). Но преподобнаго занимали въ это время другія мысли. Онъ видѣлъ, что многострадальная жизнь его приближается къ концу, и готовился къ смерти. Въ 1556 году Максимъ скончался, испытавъ въ жизни все, что можетъ быть тяжелаго для человѣка—христіанина. Тѣло его погребено было близъ церкви Сочествія Св. Духа (2). Древній сказатель о прибытіи Максима въ Москву свидѣтельствуется, что по смерти Максима пробудилось къ нему общее уваженіе; всѣ спѣшили къ останкамъ невиннаго страдальца, называя его—то пророкомъ, то великимъ учителемъ. Въ 1578 году нѣкоторые (Курбскій), хорошо знавшіе жизнь Максима, называли его не иначе, какъ святымъ и преподобнымъ. Когда въ 1588 году прибылъ въ Москву константинопольскій патріархъ Іеремія, рукоположившій перваго нашего патріарха Іова, всѣ сочли за долгъ совѣсти просить восточнаго святителя, чтобы торжественно произнесено было разрѣшеніе почившему страдальцу; и патріархъ далъ прощальную грамоту (3). Въ XVII вѣкѣ къ числу особенныхъ читателей преподобнаго Максима принадлежитъ преподобный Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевской Лавры, заботившійся о томъ, чтобы труды ученаго и праведнаго мужа были извѣстны церкви, и испытавшій на себѣ все то, что терпѣлъ преподобный Максимъ (4). Митрополитъ москов-

(1) Акт. Истор. т. 1, № 161.

(2) Слов. М. Евг. т. II, стр. 31—2.

(3) Москвит. стр. 64. Здѣсь ошибочно указанъ 1559 годъ; Слов. М. Евг. т. II, стр. 36.

(4) Русск. Вѣсти, 1857 г. № 17, ст. «русскіе исповѣдники просвѣщенія въ XIII вѣкѣ».

скій Платонъ, устроившій рагу и часовню надъ гробомъ преподобнаго ⁽¹⁾ принесъ свою дань почтенія Максиму.

и. Шмелковъ.

⁽¹⁾ Слов. М. Евг. т. II, стр. 32; Москв. стр. 64.

III.

ПИСЬМА ПРАВОСЛАВНАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ЦЕРКОВНОМЪ СОСТОЯНІИ ЗАПАДА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный друг!

Не легкое дѣло возлагаешь ты на меня, проси сообщить тебѣ свѣдѣнія о церковно-богословскомъ состояніи западныхъ государствъ. Ты спрашиваешь меня, что я думаю о нынѣшнемъ религіозномъ состояніи Германіи, — въ какомъ положеніи тамъ теперь находится протестантство. На эти вопросы ты требуешь отъ меня прямого и определеннаго отвѣта, и между тѣмъ я долженъ съ прискорбіемъ сознаться тебѣ, что желанія твоего исполнить не могу. Да, хотя я теперь нахожусь въ отечествѣ протестантства, хотя я окруженъ многочисленными явленіями, повидимому могущими служить достаточными данными для рѣшенія предложенныхъ тобою вопросовъ, — тѣмъ не менѣе отказываюсь рѣшительно отъ всякаго притязанія на полноту свѣдѣній, которыя я намѣренъ сообщить тебѣ. Протестантство, какъ ты знаешь, поста-

вляеть отличительною своею чертою свободное испытаніе истинъ Вѣры, свободу мысли, свободу совѣсти; на положительный, церковный авторитетъ протестанты привыкли смотрѣть, какъ на стѣсненіе личной свободы вѣрующихъ, и вотъ—благодаря теперь этому принципу—постороннему наблюдателю представляется при болѣе близкомъ взглядѣ на протестантскую Германію одинъ хаосъ, одно безконечное разнообразіе вѣчно противорѣчивыхъ мнѣній, взглядовъ и системъ богословскихъ. Вступая въ разговоры и сношенія съ различными германскими богословами, я такъ былъ озадаченъ этимъ новымъ для меня наплывомъ безконечно различныхъ богословскихъ возрѣній, что мнѣ сначала было рѣшительно невозможно дать себѣ какой либо опредѣленный отчетъ въ получаемыхъ мною впечатлѣніяхъ и свѣдѣніяхъ. Постараюсь однакоже сообщить тебѣ, что могу.

Мы привыкли въ Россіи соединять мысль о германскомъ богословіи съ понятіемъ о *раціонализмѣ*; повтому съ него начну теперь свой обзоръ.

Подъ именемъ раціонализма разумѣютъ въ Германіи собственно только то богословское направленіе, которое лѣтъ тридцать тому назадъ владычествовало почти при всѣхъ германскихъ университетахъ, и тогда имѣло рѣшительное вліяніе на духовенство и чрезъ него на всѣ образованные классы протестантскаго общества. Это направленіе. — какъ тебѣ, можетъ быть, уже извѣстно, — было попыткою путемъ холодныхъ разсудочныхъ умозаключеній подорвать авторитетъ христіанства, какъ божественнаго откровенія, и поколебать все сверхъестественное и чудесное въ дѣлѣ домостроительства нашего спасенія; раціоналисты хотѣли низвести Евангеліе и все христіанство въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ

дѣлъ, хотя впрочемъ они не отвергали участія въ немъ Божественнаго промысла въ томъ непосредственномъ смыслѣ, въ какомъ промыслъ участвуетъ во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и событіяхъ нравственнаго міра (1). При безхарактерности и удободвижимости богословскихъ идей протестантовъ, это направленіе конечно могло утвердиться и распространиться въ Германію; но, какъ ты видишь, характеръ его былъ чисто отрицательный и притомъ отвлеченно умственный, а потому рационализмъ, не смотря на всѣ благоприятныя для него обстоятельства (о которыхъ говорить было бы здѣсь неумѣстно), могъ утвердиться только въ школахъ, въ университетахъ и въ системахъ ученыхъ, но не имѣлъ достаточно силъ и внутреннихъ условий, чтобы положить начало какому либо обществу или сектамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ протестантскихъ богослововъ, съ которыми мнѣ здѣсь приходилось говорить, заслуга рационализма для германскаго протестантства заключается въ томъ, что „онъ возстановилъ права научнаго испытанія въ области вѣрученія и противопоставилъ слѣпому церковному авторитету свѣтъ разумаго изслѣдованія“. Тебѣ, можетъ быть, кажется страннымъ, что эта „заслуга“ приписывается рационализму, тогда какъ „свободное испытаніе“ есть принципъ протестантства съ самыхъ временъ реформаціи. Но въ отвѣтъ на твое недоумѣніе я долженъ сказать тебѣ, что протестантство въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ своего существованія оставалось совершенно невѣрнымъ собственнымъ своимъ началамъ: оно приказывало за каждымъ частнымъ лицомъ право

(1) Смолр. статью мою о новѣйшемъ германскомъ рационализмѣ въ Христ. Чтеніи за 1889 годъ, октяб. нн.

свободнаго испытанія истинъ Вѣры, оно утверждало, что единственный авторитетъ, единственная норма — есть священное Писаніе, и на этомъ основаніи признавало законность реформы, произведенной Лютеромъ и его сподвижниками; а между тѣмъ фактически оно опровергало собственное свое начало, принимая слѣпо символическія сочиненія реформаторовъ XVI вѣка, и требуя подчиненія имъ, какъ неизмѣннымъ образцамъ Вѣры и непогрѣшиму авторитету. Отъ оковъ этого-то самозваннаго авторитета рационализмъ освободилъ протестантовъ, и въ этомъ—по словамъ многихъ изъ нынѣшнихъ германскихъ богослововъ — заключается главное его значеніе.

Хотя рационализмъ въ указанномъ отрицательномъ смыслѣ нынѣ не существуетъ болѣе въ Германіи, какъ опредѣленная, замкнутая система, тѣмъ не менѣе не трудно замѣтить, что выводы его на долго утвердились между протестантами и даже приобрѣли у нихъ популярное значеніе. При частныхъ разговорахъ не только съ богословами, но и съ людьми, не посвященными въ тайны науки, весьма нерѣдко приходится слышать отзывы и сужденія, явно обнаруживающія, что идеи, выработанныя рационализмомъ, донныѣ пользуются немаловажнымъ вліяніемъ на мысли и сужденія протестантовъ; такъ наприм. многіе и теперь отрицаютъ дѣйствительность евангельскихъ чудесъ, личное бытіе злыхъ духовъ и ихъ вліяніе на человѣка—на основаніяхъ чисто рационалистическихъ. Къ счастью надобно однако сказать, что, благодаря здравому смыслу германцевъ, и особенно тому глубокому религіозному чувству, которое такъ живо и дѣйственно въ народѣ, не испорченномъ еще превратно направленнымъ умственнымъ вос-

питаніемъ, —раціоналистическія идеи далеко не имѣютъ той силы въ Германіи, какъ у насъ обыкновенно думаютъ. Скажу даже болѣе: сколько могу судить по своимъ опытамъ и наблюденіямъ, мнѣ кажется, что раціонализмъ (опять конечно не въ смыслѣ научной системы, а какъ бродяція въ обществѣ идеи о недействительности чудесныхъ сторонъ христіанства), едва ли не сильнѣе въ нашихъ образованныхъ классахъ, чѣмъ у германцевъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что ни при одномъ германскомъ университетѣ (за исключеніемъ, можетъ быть, тюбингенскаго) въ настоящее время нѣтъ богослововъ—раціоналистовъ, пользующихся какимъ либо особеннымъ вѣсомъ и значеніемъ. Кто смотритъ на религію, какъ на союзъ конечнаго съ безконечнымъ, какъ на дѣйствительный и непосредственный завѣтъ между Богомъ и человѣкомъ, кто вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ религію, какъ дѣло *сверхчувственное и неостижимое*, — тотъ не можетъ быть названъ раціоналистомъ (въ германскомъ смыслѣ этого слова), хотя бы онъ отрывками и усвоилъ себѣ нѣкоторые научные выводы прежнихъ раціоналистическихъ системъ. Подорвать авторитетъ раціонализма и преградить ему путь къ дальнѣйшему господству надъ умами въ Германіи—было дѣломъ знаменитаго *Шлеймахера*; онъ утвердилъ въ Германіи значеніе религіи, какъ непосредственнаго и потому *сверхчувственную* общенія между Богомъ и человѣкомъ; и, давая вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскому откровенію значеніе акта независимаго отъ мысли и дѣятельности человѣка, онъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ раціонализмомъ. Шлеймахера уже давно нѣтъ на свѣтѣ, но вплиніе его и теперь обнаруживается въ Германіи повсюду. Единственное средство къ восстановле-

нію утраченныхъ подъ ударами рационализма началъ Вѣры заключалось въ томъ, чтобы изъ области пытливою и новѣйшею философіею настроеннаго ума перевести предметы Вѣры въ область сердца, и въ совѣсти, какъ главномъ выраженіи религіознаго чувства; дать имъ новое, болѣе прочное, основаніе (такъ называемый *Standpunkt des Gewissens*); это-то понято было Шлейрмахеромъ и приведено имъ въ исполненіе съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Хотѣлось бы мнѣ теперь сообщить тебѣ, въ какомъ видѣ нынѣ въ Германіи обнаруживаются слѣды дѣятельности Шлейрмахера, но письмо мое уже довольно велико, рука устала, и времени у меня мало; надѣюсь, что переписка наша не прекратится, и тогда я въ слѣдующій разъ продолжу начатое мною нынѣ обзорѣе.

Остаюсь и проч.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Судя по письму, только-что полученному мною отъ тебя, я заключаю, что ты понялъ послѣднія строки моего перваго посланія такъ, будто въ Германіи, благодаря дѣятельности Шлейрмахера, образовалась и нынѣ владычествуетъ обширная и вліятельная секта шлейрмахеріанъ. Но такой секты и слѣдовъ нѣтъ. Да и какимъ образомъ Шлейрмахеру образовать подобное общество? Какъ человѣку, весь авторитетъ котораго заключался въ значеніи его, какъ человѣка ученаго, безъ всякой церковной и для другихъ обязательной санкціи, сдѣлать мысли и мнѣнія свои символическою нормою для другихъ? Притомъ самый языкъ и образъ раскрытія мыслей были у Шлейрмахера слишкомъ научны и отвле-

ченны, чтобы доставить его ученію значеніе неизмѣнаго образца Вѣры для опредѣленнаго общества. Шлейрмахера въ Германіи и теперь превозносятъ, всякій богословъ считаетъ своимъ долгомъ познакомиться съ его твореніями и болѣе или менѣе усваиваетъ себѣ его духъ и направленіе; но системы его во всѣхъ ея подробностяхъ держатся только немногіе. Какъ плодотворный дождь на иссохшую почву, подѣйствовало его ученіе на сердца германцевъ; онъ безспорно внесъ новую жизнь въ протестантское богословіе, возстановилъ низвергнутое рационализмомъ значеніе лица Искупителя, какъ средоточія и основы всякой вѣры и всякаго спасенія, и далъ вообще христіанству новое дѣйствительное значеніе въ глазахъ неологовъ и прогрессистовъ. Заботясь о возстановленіи значенія лица Спасителя, какъ средоточія христіанства, Шлейрмахеръ, правда, помертвовалъ почти всѣми прочими догматами откровенія, признавая все прочее несущественнымъ и маловажнымъ. Тѣмъ не менѣе заслуга его для Германіи почти неоцѣнима, — въ чемъ я легко могъ убѣдиться по личному наблюденію. Въ самомъ дѣлѣ, не вліянію ли Шлейрмахера слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать то, что въ настоящее время мы въ Германіи, сравнительно съ прежнимъ, найдемъ уже немногихъ людей, которые не пытали бы яснаго сознанія о важности и необходимости религиозныхъ началъ въ жизни? Такъ какъ мы у себя къ несчастію привыкли видѣть, что большая часть лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ образованнымъ классамъ общества, считаютъ богословіе предметомъ до нихъ вовсе не касающимся, и вмѣстѣ съ подлымъ невѣжествомъ своимъ по части предметовъ Вѣры обнаруживаютъ и рѣшительное равнодушіе къ нимъ, — то меня не могло

не поразить, когда я въ Германіи почти у всякаго, съ кѣмъ приходилось вступать въ разговоръ изъ людей образованныхъ, встрѣчалъ не только сочувствіе и уваженіе къ предметамъ Вѣры, но нерѣдко и довольно отчетливое знакомство съ произведеніями ихъ отечественнаго богословія. Ты, можетъ быть, усомнишься въ справедливости моихъ словъ, принимая во вниманіе то понятіе объ индифферентизмѣ и невѣріи нѣмцевъ, которое естественно надобно составить себѣ при нѣкоторомъ знакомствѣ съ богословскою литературою Германіи. Но въ отвѣтъ я долженъ сказать тебѣ прежде всего, что едва ли гдѣ нибудь теорія такъ расходится съ практикою, какъ у германцевъ: составляя въ тиши своего кабинетнаго уединенія разныя отвлеченныя теоріи и умозрѣнія, нѣмецъ нерѣдко даетъ полный просторъ своимъ умственнымъ комбинаціямъ, и на основаніи своихъ несостоятельныхъ протестантскихъ началъ, приходитъ къ такимъ богословскимъ результатамъ, которые по видимому свидѣтельствуютъ о совершенной холодности его къ Вѣрѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ это невѣріе есть не болѣе, какъ логическій плодъ протестантскихъ началъ, и тотъ же ученый часто, независимо отъ своихъ наукословныхъ построеній, остается человѣкомъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ и съ живымъ сознаніемъ необходимости религіозныхъ основъ жизни. Лучшимъ примѣромъ такого настроенія можетъ служить недавно умершій въ Германіи профессоръ *Бауръ*, знаменитый основатель и представитель такъ называемой тюбингенской критической школы (1): не смотря на то, что Бауръ

(1) Въ одномъ изъ будущихъ своихъ писемъ я сообщу тебѣ нѣкоторыя подробности объ этомъ богословскомъ направленіи.

своею ученою дѣятельностію старался подорвать историческую достовѣрность всѣхъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, онъ однакоже — по свидѣтельству всѣхъ лично знавшихъ его — отличался глубокимъ религиознымъ чувствомъ и умеръ съ теплою, непоколебимою вѣрою въ Спасителя. — Индифферентизмъ и невѣріе направляется у германцевъ обыкновенно противъ тѣхъ или другихъ частныхъ христіанскихъ догматовъ, не имѣющихъ въ протестантскомъ мірѣ — при отсутствіи тамъ церковнаго авторитета — достаточныхъ опоръ; но оно весьма рѣдко принимаетъ у нихъ видъ того холоднаго, безотчетнаго и абсолютнаго материализма, который къ несчастію такъ широко успѣлъ распространиться у насъ въ послѣднее время. Словомъ сказать, нѣмцы при всемъ своемъ „протестантскомъ невѣріи“ остаются однако народомъ глубоко проникнутымъ начатками Вѣры и страха Божія.

Подобное же явленіе я встрѣчалъ и у другихъ протестантскихъ народовъ, наприм. въ Англіи и Даніи; но думаю однако, что не ошибаюсь, приписывая въ Германіи это сознаніе важности и достоинства предметовъ Вѣры собственно дѣятельности Шлеймахера: безъ него Германія вѣроятно и теперь находилась бы въ оковахъ рационализма, охлаждавшаго прежде религиозное чувство и подавлявшаго въ обществѣ всякій живой богословскій интересъ.

Какія странныя чувства, другъ мой, невольно возникаютъ въ моей душѣ, когда я въ этомъ отношеніи начинаю сравнивать протестантскую Германію съ нашимъ отечествомъ! У насъ святая Вѣра хранится во всей своей первоначальной, божественной чистотѣ; она открыта у насъ для всякаго, желающаго уразумѣть ее; она, какъ

всякая истина, говорить сама за себя: стѣтъ только захотѣть и съ безпристрастіемъ приняться за дѣло, чтобы путемъ даже чисто научныхъ соображеній и изслѣдованій убѣдиться въ ея божественной неповрежденности. Между тѣмъ многіе ли у насъ, положиа руку на сердце, могутъ сказать, что они твердо и сознательно держатся такого убѣжденія? Много ли найдется у насъ людей, которые были бы проникнуты живымъ сознаниемъ того, что хранимая нами православная Вѣра дѣйствительно есть истинная, и одна сохраняетъ въ себѣ во всей чистотѣ богопреданное, святое ученіе апостоловъ? Конечно ты согласишься со мною, что такихъ людей у насъ, говоря относительно, очень немного, и что вообще нельзя съ прискорбіемъ не сознаться въ томъ, что мы плохіе представители святой нашей Вѣры. Горько въ этомъ сознаться; правда, какъ говоритъ пословица, глаза колетъ; но что же дѣлать, если это такъ; вѣдь сознание есть необходимое начало къ исправленію. Повѣрь, другъ мой, нигдѣ мысль о томъ, какъ плохо мы пользуемся вѣренною намъ православною истинною и какъ мало мы сознаемъ ея цѣну, не можетъ возникнуть съ такою силою, какъ при богѣе близкомъ знакомствѣ съ состояніемъ церковно-богословскаго быта на западѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри въ этомъ отношеніи на германцевъ; у нихъ нѣтъ этой истины въ ея божественной чистотѣ; она давно искажена у нихъ человѣческими наростами, и искажена такъ, что во многихъ случаяхъ трудно ее и узнать. А между тѣмъ какое живое стремленіе къ тому, чтобы найти и усвоить ее, какое глубокое сознание ея важности и спасительности вѣетъ на васъ повсюду въ протестантскомъ мірѣ! Посмотри, какимъ почтеніемъ въ Германіи пользуются

служители Вѣры; какимъ вниманіемъ и уваженіемъ общественное мнѣніе тамъ окружаетъ науку Вѣры;—а у насъ?... Нѣтъ, другъ мой, что бы у насъ ни говорили въ обществѣ и литературѣ объ упадкѣ нашего духовенства, о его неспособности къ тому, чтобы внести въ общество живительную закваску христіанскихъ началъ, —я всегда слажу, что у насъ само общество виновато: оно разорвало нравственную связь свою съ служителями Вѣры, оно оттолкнуло отъ себя духовенство, какъ касту, дѣло которой до него не касается; оно не заботится у насъ надлежащимъ образомъ ни о воспитаніи духовенства, ни о матеріальныхъ его нуждахъ, ни наконецъ о поддержаніи нравственнаго его самосознанія, — одного изъ главныхъ условий истиннаго пастыря Церкви. Какъ бы то ни было, но то несомнѣнно, что мы не пользуемся, какъ слѣдуетъ, талантомъ вѣреннѣмъ намъ Богомъ; мы не цѣнимъ его и даже часто его не знаемъ. Господь восхотѣлъ, чтобы дарованный Имъ свѣтъ истины былъ поставленъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ: *также да просвѣтитися свѣтъ вашъ предъ человекомъ*, говоритъ Онъ своимъ ученикамъ, *яко да видятъ ваша добрыя дѣла и прославятъ Отца вашего, юже на небесахъ*;— а мы между тѣмъ ставимъ его подъ спудомъ. . . И подобно тому, какъ самъ Господь щедрою рукою раздавалъ живительный хлѣбъ своего Божественнаго ученія всякому, желавшему вкушать его, такъ Онъ заповѣдалъ и всѣмъ истиннымъ своимъ ученикамъ идти въ міръ весь и проповѣдывать Евангеліе всей твари. Исполняется ли у насъ эта обязанность? Стараемся ли, по крайней мѣрѣ, исполнить ее? Нѣтъ, даже у самихъ себя, между лицами, причисляющими себя къ православной Церкви, мы не исполнили заповѣди Спасителя, какъ

должно. Причина, опять скажу, въ недостатокѣ вѣры, въ непониманіи всей цѣны и важности вѣреннаго намъ таланта, драгоценнаго наслѣдія св. Православія. Пользуясь сравненіемъ самаго Спасителя, я скажу, что боготкровенная Вѣра есть животворная вода, истекающая изъ живаго и всегда чистаго источника св. Церкви. Сосудъ, въ который прие́млетсѣ эта вода, есть наша собственная, внутренняя (субъективная) вѣра, степень нашего сочувствія къ истинамъ Вѣры, степень подчиненія всѣхъ силъ нашего существа спасительному вліянію Откровенія. У насъ животворная вода ученія Христова донныѣ, благодареніе Господу, хранится чистою безъ примѣси какихъ либо постороннихъ веществъ; но сосудъ нашъ невараченъ; не отличается онъ ни крѣпостію, ни блескомъ, ни приличными его содержанію украшеніями; а потому для посторонняго наблюдателя, привыкшаго, по обыкновенному ходу человѣческихъ дѣлъ, судить по наружности, — по сосуду о самомъ содержаніи его, — св. Вѣра наша представляется въ невыгодномъ свѣтѣ. — У протестантовъ большею частію совершенно наоборотъ: сосудъ Вѣры великолѣпно отдѣланъ и разукрашенъ, но живительная влага слова Божіи въ немъ засохла или перемѣшана съ разлагающимися соками человѣческихъ мудрованій. Если раскрыть благомыслящему протестанту, какова та вода, которую мы носимъ въ своихъ скудѣльныхъ сосудахъ, то онъ (въ чемъ я самъ уже неоднократно имѣлъ случай убѣждаться) весьма скоро можетъ узнать ея чистоту. лишь бы только духовное око его не слишкомъ было омрачено предубѣжденіями. Вообще при нынѣшнемъ состояніи протестантства, когда зло, постепенно выступая наружу, высказываетъ со всею очевидностію несостоятельность протестантскихъ

началь и гибельность выработанныхъ ими плодовъ, можно сказать рѣшительно, что недостаетъ только богопризванныхъ дѣлателей, недостаетъ истиннаго посѣва для приготовленной почвы.

Но извини. . . я отступилъ отъ своего предмета; это произошло невольно отъ того, что мысль моя вслѣдствіе неоднократныхъ моихъ опытовъ сильно занята нынѣ тѣмъ, до какой степени слабо протестантство, какъ мало оно удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ вѣрующихъ и какъ значительно сердца приготовлены къ принятію православной истины. Въ слѣдующій разъ я расскажу тебѣ о нѣкоторыхъ случаяхъ, приведшихъ меня къ этому заключенію.

■. ●.

ВЫ П И С К А

ИЗЪ ЖУРНАЛА НАЧАЛЬНИКА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

ПРОТОИЕРЕЯ ЛАНДЫШЕВА.

Я Н В А Р Ъ (1859 года).

1. (*Чте.*). Крещена мною внучка недавно умершаго Зайсана Комдожской волости Маныша Сазина, дѣв. *Туана*, 2 л., во св. крещеніи *Анисія*, дочь принявшаго св. крещеніе декабря 10 дня 1858 г. Капыя Манышева, въ христіанствѣ Николая Григорьева. который еще при жизни отца проявлялъ желаніе креститься, но удерживался опасеніемъ гнѣва родительскаго; жена его, мать Туяны, узнавъ о его намѣреніи принять св. крещеніе, оставила его; но это не только не удержало его отъ исполненія его намѣренія, напротивъ побудило ускорить выполненіемъ его.—Брошенная матерью, Туяна еще 23 декабря была привезена ко мнѣ; и только сего дня нашлась восприимная мать для нее, бѣдная, но усердная новокрещенная женщина, бездѣтная жена новокрещеннаго инородца, пожелавшая принять ее къ себѣ на воспитаніе. Вскорѣ отецъ сей Анисіи, Николай Григорьевъ, сдѣлался тяжело боленъ горячкою съ кровокаханіемъ. Здоровый онъ находилъ себѣ мѣсто и пропитаніе, работая при одномъ богатомъ домѣ: но больного всѣ здоровые чуждались. Потому онъ помещенъ

съ полубольными дряхлыми новокрещенными стариками. живущими въ полученномъ отъ миссiи домикѣ, братьями Фодотомъ 95 лѣтъ и Петромъ 73 л., изъ коихъ первый имѣетъ слѣпую жену Анну 70 л. и служащаго имъ трудолюбиваго внука 19 л. новокрещеннаго Арсенiя. Это бѣднѣйшее семейство постоянно имѣетъ у себя, безъ всякаго съ моей стороны распоряженiя, бѣднѣйшихъ, безпрiютныхъ и больныхъ новокрещенныхъ, которые у другихъ не могутъ найти прiюта. И въ настоящее время въ этомъ домѣ проживаетъ старикъ изъ с. Чемала съ десятилѣтнимъ сыномъ, страдающимъ отъ гнилыхъ ранъ, принятые добрыми стариками и послушнымъ внукомъ ихъ, безъ моего вѣдома. Такихъ квартирмейстеровъ, у коихъ почти всегда есть подобные квартиранты, въ Улагѣ домовъ до 6-ти. Все они люди бѣдные, но въ простотѣ духа, безсознательно богатые вѣрою и любовiю къ ближнимъ. Въ пособiе имъ и другимъ бѣднымъ ежегодно закупается мною ячменя отъ 50 до 100 п. и муки отъ 30 до 50 п. Здѣсь Николай лежалъ болѣе 4-хъ недѣль, будучи отчаянно боленъ. Медицинскiя пособiя миссiи облегчали его болѣзнь только на краткое время; оставивъ ихъ, онъ пожелалъ прiобщиться св. Таинъ, и животворящее тѣло и кровь Спасителя оказало животворное дѣйствiе и на тѣло: больной вскорѣ выздоровѣлъ.

Въ тотъ же день оглашены мною прибывшiе въ Улагу въ послѣднихъ числахъ декабря: татаринъ Комдожской волости, по имени и состоянiю *Тербезень* (нищiй), 50 л., нареченный *Григорiемъ*, и дѣти его: сынъ *Тортошь*, 7 л., нареченный *Юанжомъ*, и дочь *Юстокой*, 3 л., нареченная *Анною*. Въ первый разъ я видѣлся съ семьей Тербезенемъ и его семействомъ въ Черни еще въ 1856 году;

при проѣздѣ моемъ въ село Кебезень, и имѣлъ случай говорить о Христѣ Спасителѣ, ради насъ обнищавшемъ, и дарующемъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его нетлѣнное богатство и вѣчную блаженную жизнь. Тогда, хотя онъ и не отвергалъ предложенной ему духовной трапезы, не было замѣтно, чтобы онъ съ удовольствіемъ принималъ ее. Жена его, дочь крещенаго мною въ 1854 году Зайсана Кузнецкой волости Василя Карпова, охотнѣе слушала тогда слова мои, и прежде его рѣшилась быть христіанкою, принявъ св. крещеніе въ іюлѣ 1858 года. Нынѣ и онъ, послѣдуя ея примѣру, объявилъ желаніе креститься. Но, подавленный бѣдностію, въ то время, какъ я говорилъ ему о небѣ, онъ твердилъ о хлѣбѣ. Это было поводомъ къ многократному объясненію того, что онъ долженъ креститься не для полученія нашей помощи въ пропитаніи, но для того, чтобы, познавъ истиннаго Бога и увѣровавъ въ Него, очиститься въ крещеніи отъ грѣховъ, и послѣ, при помощи Божіей, жить чисто и непорочно, по закону Божію, а по смерти быть участникомъ вѣчной блаженной жизни во свѣтѣ Божіемъ, со всѣми угодившими Ему; а въ здѣшней жизни нужду ли судить Господь терпѣть, или благословить довольствомъ за труды, нужно за все благодарить Бога, и совершенно предать всего себя въ волю Божію. Григорій все это принялъ и на все согласился. Впрочемъ ради самаго Христа, къ меньшей братіи котораго сопричислялся, воспріявшій имя христіанское, Григорій, необходимо было постоянно доставлять сему бѣдному семейству пропитаніе во время его пребыванія въ Улалѣ до весны.—Бѣдный, но добрый инородецъ Яковъ Никитичъ добродотно, безъ моего распоряженія, принялъ его на

это время въ сожитіе въ домикъ, полученномъ имъ отъ миссіи.

Окончивши занятія по своему отдѣленію, я, по обязанности своей, долженъ былъ заняться, съ прибывшимъ въ Улагу изъ Кузнецкаго отдѣленія миссіонеромъ Василиемъ Вербицкимъ, распоряженіями объ устроеніи его положенія. Кузнецкій округъ съ своими инородцами съ самаго основанія нашей миссіи входилъ въ кругъ дѣйствія миссіонерскаго; но отдѣлать туда особаго миссіонера оказалось возможнымъ только съ 1858 года, по увеличеніи оклада содержанія Алтайской миссіи. На этотъ новый трудъ изъявилъ согласіе посвятить себя миссіонеръ священникъ Василій Вербицкій, и въ концѣ 1858 года совершенно переселился на жительство въ Кузнецкій округъ съ походною церковію св. Іоанна Крестителя. Первымъ мѣстопребываніемъ его было избрано с. Калтана въ 40 верстахъ отъ г. Кузнецка.— Около этого мѣста жили крещенные инородцы, но по жизни своей они мало отличались отъ некрещенныхъ. и потому, не менѣе некрещенныхъ, нуждались въ проповѣдываніи имъ евангельскаго ученія. Край этотъ, по трудности сообщенія, до послѣдняго времени рѣдко былъ посѣщаемъ священниками; въ послѣднее время епархіальное начальство, заботясь объ умноженіи приходскихъ церквей, и въ Калтанѣ предположило построить постоянную церковь, и потому походную церковь св. Іоанна Крестителя положено отдалить еще на 20 верстъ въ глубь горъ—въ удусъ Кузедѣвскій, состоящій изъ давно крещенныхъ инородцевъ, но тоже весьма слабыхъ въ христіанствѣ. Удусъ этотъ представляетъ еще то удобство для основанія здѣсь постоянного стана миссіи, что находится на пути и къ Черновымъ некрещеннымъ,

татарамъ, и къ улусамъ давно крещенныхъ инородцевъ, но еще не оставляющихъ суевѣрныхъ обычаевъ своихъ предковъ, и имѣющихъ нужду въ христіанскомъ обученіи. Первую потребность основанія миссіонерскаго стана обыкновенно составляетъ устройство дома для помѣщенія походной церкви и пребыванія миссіонера. Эту необходимую постройку мы предприняли, не имѣя въ виду никакихъ готовыхъ средствъ, единственно въ надеждѣ на помощь Божию и пособіе благотворительныхъ людей. Въ настоящее время домъ сей почти совершенно устроенъ; недостаетъ только рамъ въ окна и двери. На сей предметъ выдано мною о. Василию занятыхъ 365 р., большая часть коихъ (225 р.) уже уплачена полученными миссією въ семь году отъ московскаго священника о. Николая Лаврова (1). Остальные же 140 руб. и доселѣ еще не выплачены инородцу села Улалы Карпу Пѣраеву, почти ежегодно одолающему миссією, съ самаго открытія оной, безъ процентовъ, которому сверхъ сего мы должны еще 200 р.—Миссіонеръ о. Василій съ церковнослужителемъ А. Быстрицкимъ, и самая походная церковь, съ половины декабря 1858 г. и доселѣ помѣщаются въ семь улусѣ въ инородческихъ домахъ.

— 10. (*Субб.*). Прибыли въ Улалу по разнымъ общимъ и частнымъ нуждамъ: іеромонахъ Авакій, церковнослужитель А. Быстрицкій, послушникъ Мухинъ и бывший въ Томскѣ рясофорный монахъ Михаилъ Невскій. Здѣсь же находились миссіонеры: священникъ о. Василій Вербицкій, священникъ О. Александръ Гусевъ, іеро-

(1) О. Николай Лавровъ—постоянный благотворитель миссіи, больше 20 л доставляетъ ей главныя средства къ содержанію и пособію бѣднымъ, и деньгами и вещами.

діаконъ о. Смарагдъ и монахъ Дометіанъ. По причинѣ различныхъ затрудненій въ полученіи обывательскихъ подводъ, братія общимъ совѣтомъ, къ коему послѣ присоединился и миссіонеръ о. Арсеній Ивановскій, нашли необходимымъ и возможнымъ учредить собственными средствами двух-недѣльное сообщеніе всѣхъ становъ миссіи съ улалинскимъ, для пересылки пакетовъ и проч., хотя эта мѣра для членовъ миссіи и не легка.

— 11. (Воскр.). Литургію служили соборнѣ. О. Михайлъ Невскій въ назиданіе народа читалъ на татарскомъ языкѣ бесѣду св. Макарія Александрійскаго съ Ангеломъ, объяснявшимъ постановленія церкви о молитвѣ за умершихъ и различныя состоянія душъ умершихъ людей, крещенныхъ и некрещенныхъ.

— — Сего дня, въ утѣшеніе намъ, получено посланное изъ Москвы отъ 3 декабря отъ благотворителя миссіи священника Николая Лаврова извѣстіе со 150 руб. сер. въ пособіе миссіи.

— Съ 13 января началась тягостная и прискорбная переписка съ Бійскимъ земскимъ начальствомъ о возвращеніи одного новокрещеннаго семейства на жительство въ урскульское христіанское общество, бесполезно продолжавшаяся до конца 1859 г. Отецъ этого семейства Тодоръ Тадалыковъ во св. крещеніи Николай, еще въ 1857 году пріѣзжалъ въ урскульскій станъ съ цѣлію принять христіанскую вѣру; но по случаю отлучки миссіонера желаніе его осталось безъ исполненія. Въ 1858 г., въ проѣздъ по Алтаю миссіонера священника Ивановскаго, Тодоръ обратился къ нему съ прошеніемъ о просвѣщеніи себя съ семействомъ св. крещеніемъ, что и было исполнено 21 мая и 7 іюня, послѣ чего новокрещенное семейство переселилось на жительство въ

урсульскій станъ. Такъ какъ обращеніе въ христіанство семейства Тодора сдѣлано было вопреки желанію отца его идолопоклонника, то отецъ всѣми силами старался совратить сына снова въ идолопоклонство; не могли сдѣлать этого по случаю жительства новокрещеннаго семейства въ христіанскомъ обществѣ, онъ обратился 10 октября въ Бійскій земскій судъ съ явкою, что сынъ его съ семействомъ, хотя оглашенъ миссіонерами, но не желаетъ креститься, и такою жею успѣлъ исходатайствовать распоряженіе земскаго начальства о возвращеніи новокрещеннаго семейства снова въ общество идолопоклонниковъ, гдѣ это семейство пребываетъ и доселѣ, едва ли по христіански: потому что по Алтаю стали разноситься слухи о послѣдовавшемъ указѣ раскрещивать крещенныхъ.

— 18. (*Воскр.*). Получено отъ благодѣвателя миссіи священника московской спиридоновской церкви о. Николая Лаврова еще 75 руб., на нужды миссіи.

— 25. (*Воскр.*) Крещенъ мною, пришедшій для сего въ Улагу 17 дня сего мѣсяца, оглашенный *Антоній*, бывшій *Кырымскъ*, 40 л. Онъ много разъ прежде видѣлся со мною въ Черни еще въ 1856 году, хотѣлъ креститься и изучалъ молитвы, проживая въ ожиданіи моего пріѣзда, цѣлую недѣлю, въ Сары - Котлинскомъ домѣ миссіи, но, не дождавшисъ меня, ушелъ на промыслъ. Въ іюль 1858 г. онъ, будучи оглашенъ мною и нареченъ Антоніемъ, готовился къ крещенію, обучаясь и ожидая моего выздоровленія отъ тяжелой болѣзни, тогда меня посѣтившей, прожилъ въ Улагѣ около 3 недѣль. и видя, что я не въ силахъ крестить его, съ моего согласія пошелъ на промыслъ.

— 26. (*Понед.*). Сей новокрещенный Антоній по вос-

пріемнику Ильинъ, привезъ изъ Черни желающую принять св. крещеніе свою родственницу, слѣпую вдову, *Чундзудекъ* 36 л., имѣющую 4-хъ дѣтей, изъ которыхъ двое меньшіе привезены вмѣстѣ съ матерью, а старшіе остались въ чужой юртѣ: ибо родственникъ, жившій съ ними вмѣстѣ, выгналъ ихъ, изъ собственной ихъ юрты, и Антоній не имѣлъ возможности привести всѣхъ; у нихъ нѣтъ ни одежды, ни обуви, кромѣ ломотьевъ. Отогрѣвшись и утоливши голодь, *Чундзудекъ* просила меня послать и за остальными дѣтьми, что ей и обѣщано. Означенный выше (января 1-го). Яковъ Никитинъ, родственникъ сихъ сиротъ, узнавъ о ихъ пріѣздѣ, съ радостію увелъ ихъ къ себѣ и оставилъ жить въ своей весьма тѣсной хатѣ до пріисканія лучшаго пріюта.

— 27. (*Вторн.*). Вчерашніе посѣтители съ утра до полудня толковали о своихъ нуждахъ; мы старались между тѣмъ внушать имъ единое на потребу, къ которому все прочее Господь обѣщаетъ въ придатокъ (Матѣ. 7, 33). — Якову Никитину, неимѣющему пропитанія и для своихъ малолѣтнихъ (4) дѣтей и престарѣлой матери, для прокормленія сихъ и прежде (января 1) принятыхъ квартирантовъ, отпущено хлѣба; а полунагой вдовѣ *Чундзудекъ*, во имя Ісуса Христа, которое она уже выучилась произносить въ краткой молитвѣ, — дана шуба.

— Къ симъ посѣтителямъ прибавились новые гости — постоянно больная глазами новокрещенная инородка Южской волости Ирина, бывшая *Чунюжекъ*, съ двумя малолѣтними дѣтьми, и той же волости новокрещенный Иванъ Къеджалановъ, проживающій еще въ прежнихъ кочевьяхъ своихъ, при р. Ишѣ. Хотя они и другіе

кочующіе съ ними новокрещенные дали обязательство, при крещеніи ихъ, переселиться въ христіанское общество; но бѣдность и привычка къ мѣсту и удобствамъ его доселѣ удерживаетъ ихъ тамъ. Посему въ концѣ 1858 г. положено начало новому христіанскому селенію: на сумму, пожертвованную отъ настоятеля и братіи воронежскаго Митрофанова монастыря, построены для нихъ двѣ избы близъ ихъ кочевьевъ, при р. *Силаидь*, подлѣ пасеки одного осѣдлаго инородца усерднаго христіанина; и послѣ въ продолженіи лѣта сего 1859 г. еще построены здѣсь, на счетъ миссіи, 3 избы.—Иринѣ дозволено вмѣстѣ съ ея бѣдными родственниками жить въ одной изъ сихъ избъ, а Ивану хотя дозволено помѣститься въ другой, но не иначе, какъ по согласію съ другими бѣднѣйшими изъ тамошнихъ новокрещенныхъ, которымъ она уже обѣщана. Безпомощной Иринѣ дано ячменю и муки, и больные глаза ея помазаны освященнымъ елеемъ, отъ иконы Божіей Матери, и ея дѣтямъ данъ платокъ. Всѣ они повторяли изученныя молитвы, и вмѣстѣ со вдовою Чунъджудекъ и другими слушали христіанское ученіе.

— Сего дня полученъ указъ изъ томской духовной консисторіи отъ ноября 1858 г. за № 10208, съ прописаніемъ распоряженія консисторіи по дѣлу объ отнятіи калмыками у новокрещеннаго инородца 5-й Алтайской Дючины Андрея Григорьева новокрещенной его жены Анастасіи Павловой, бывшей Пашпарагъ, и увлеченіи ея въ идолопоклонство. Дѣло это, начавшееся еще въ 1856 году, причинило много скорби миссіи.

— 28. (Среда). По ежедневной просьбѣ слѣпой вдовы Чунъджудекъ (26 янв.), готовящейся къ крещенію, посланы въ прежнее мѣсто жительства ея, за оставши-

мися тамъ сыномъ и дочерью ея, іеродіаконъ Смарагдъ и толмачъ; для привоза сихъ полунагихъ дѣтей дана шуба. Но посланные привезли только одну 10 л. дочь вдовы; а сына уже не застали; онъ увезенъ къ Зайсану.

30. (Пяти.) Послѣ литургіи, при посѣщеніи больныхъ, тремъ тяжело больнымъ даны гомеопатическія средства; изъ нихъ одинъ инородецъ, сильно страдающій отъ мучительной болѣзни, принявъ 2 крупинки, на другой же день почувствовалъ облегченіе, и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Вообще въ продолженіе сего мѣсяца многіе больные, кромѣ напутствія, требовали почти ежедневнаго попеченія и лѣченія. Изъ нихъ 12-ть были лѣчимы гомеопатическими средствами, и получали иногда весьма скорую и надежную помощь. Янв. 15 дня одна пожилая дѣвица, едва не лишившаяся жизни отъ остраго спазматическаго удушья (*Asthma spasmoticum*), не болѣе какъ въ 2 часа выздоровѣла, принявши 2 крупинки *Iresacianhae*.

— 31 (Субб.) Приемлющимъ св. крещеніе инородцамъ закономъ опредѣлена трехъ-лѣтняя льгота отъ податей; но исходатайствованіе назначенія сей льготы соединено съ крайними затрудненіями; и потому весьма немногіе изъ нашихъ новокрещенныхъ воспользовались сею монаршею милостью. Обыкновенно посылаемые нами въ Бійскій земскій судъ списки новокрещенныхъ, по требованію суда иногда и въ 2 экземплярахъ, въ продолженіи 10 лѣтъ и болѣе бывали повѣряемы въ томъ отношеніи: дѣйствительно ли означенные въ нихъ инородцы приняли св. крещеніе, и состоятъ ли и подъ какимъ № записаны въ ревизскихъ сказкахъ? И поелику они почти никогда не были отыскиваемы въ ре-

визскихъ сказкахъ; то эти списки или оставались безъ движенія, или, по прошествіи 10 лѣтъ, обращались ко мнѣ съ вопросомъ: дѣйствительно ли существуютъ означенные въ нихъ инородцы, и гдѣ они записаны въ ревизіи? Посему, въ слѣдствіе ходатайства моего, тогда казенная палата отъ 22 марта 1857 г. увѣдомила меня, что для устраненія затрудненій по сему дѣлу списки новокрещенныхъ должны быть представляемы отъ миссіи въ палату съ означеніемъ №№, подъ коими сіи новокрещенные значатся въ ревизіи; и тогда не будетъ никакого препятствія въ назначеніи льготы. — Многого стоило намъ списать копии съ ревизскихъ сказокъ 14 волостей кочевыхъ инородцевъ Бійскаго округа; а копій со сказокъ инородцевъ Кузнецкаго округа и доселѣ мы не могли приобрѣсти. И отыскивать имена пріемлющихъ св. крещеніе инородцевъ въ сихъ сказкахъ, писанныхъ, по непривычкѣ къ правильному выговору и писанію татарскихъ названій, весьма невѣрно, составляетъ работу тяжкую и продолжительную. Посему это дѣло еще и доселѣ неприведено въ порядокъ: списки новокрещенныхъ за многіе годы еще не приготовлены къ отсылкѣ въ казенную палату. — Сего дня закончено и отослано представленіе о назначеніи льготы 7. человакамъ 1-й полов. Телеутской волости Кузнецкаго округа, и въ семь же году назначена имъ льгота.

Ф Е В Р А Л Ъ .

Въ семь мѣсяцѣ главнымъ образомъ я былъ занятъ: 1), ученіемъ. готовящихся къ крещенію, новокрещенныхъ и дружекъ инородцевъ и русскихъ людей, которыхъ, послѣднѣе, я самъ, или которые приходили ко мнѣ

по разнымъ случаямъ и нуждамъ; 2) лѣченіемъ 19 больныхъ; изъ коихъ трое были люди русскіе изъ другихъ селеній, и 3) хлопотали о заготовленіи матеріаловъ къ постройкѣ богослужебнаго дома въ с. Вилюгѣ, и проч.

Февр. 1 (Воск.). Все время отъ литургіи до все-нощной было раздѣлено на занятія съ больными, требующими лѣкарствъ, и бѣдными, просящими насущнаго хлѣба и другихъ необходимыхъ вещей; въ чемъ отказать было трудно, такъ что некогда было и самому принять пищи.

— 2. (Понед.) Въ церкви на литургіи была и слѣпая Чульдждекъ, и по окончаніи литургіи оглашенныхъ, будучи выведена изъ церкви, просила поспорѣ крестить ее. Но она и дѣти ея еще не изучили молитвъ, и мы желали, чтобы она возможно болѣе усвоила истинъ христіанскаго ученія; и потому медлили крестить ее, тѣмъ болѣе, что она свободна отъ житейскихъ попеченій. Куплено и дано ей ячменю.

— 6. (Пяти.) Заготовлены списокъ новокрещенныхъ Телеутовъ, 31 чел. съ указаніемъ №№ ревизіи, и представленіе въ казенную палату о назначеніи имъ трехлѣтней льготы.

— 8. (Воскр.) Послѣ литургіи необходимо было заняться разбирательствомъ спора и примиреніемъ 2-хъ новокрещенныхъ. Одинъ изъ нихъ, бѣдный человекъ, задолжалъ инородцу, имѣющему жительство въ с. Мыють (120—130 в.), 2 р. 50 к. ассигн. Тотъ, обыкновеннымъ у нихъ ростомъ, вскорѣ довелъ эту сумму до 20 р. сер.; и самъ будучи долженъ на эту сумму второму изъ находившихся на лицо; передалъ ему право получить деньги съ перваго, который далъ слово ушамъ

тить слѣдующій съ него долгъ, но не въ той мѣрѣ. Улалинское общество, къ коему я отослалъ спорящихъ, чтобы развязать сей узелъ, присудило послать за третьимъ въ с. Мыюту на счетъ виновнаго. Но поелику и тотъ и другой изъ спорящихъ опасались, чтобы какъ нибудь не остаться виновнымъ и не подвергнуться взыску за побѣдку, а притомъ и никто не соглашался ѣхать, опасаясь того, что трудно будетъ найти виновнаго; то спорящіе, коихъ примирить было весьма просто, снова обратились ко мнѣ. Взыскивавшему долгу сказано мною: твои 20 р. сер. не пропадутъ,—ты получи ихъ съ Мыютинскаго должника своего лично, а должнику сказано: и ты свой долгъ 2 р. 50 коп. асс. отдай лично тому же Мыютинцу; а ростъ общайся заплатить въ той мѣрѣ, какую назначить г. засѣдатель. А чтобы Мыютинецъ не имѣлъ на васъ обонкъ претензій; то пусть улалинское общество дастъ вамъ отъ себя свидѣтельство, что такъ разсудили, по моему совѣту, для того, чтобы не было между вами грѣха. Такъ и сдѣлали, и спорящіе остались весьма довольны.

— — Нанять пильщикъ изготovitъ тесъ и плахи для устройства богослужебнаго дома въ с. Билолѣ. Средства для сего, кромѣ одолженныхъ добрымъ Паравымъ, въ виду еще нѣтъ. Дѣсь доставленъ билюлинскими инородцами, которые общаютъ помочь и въ заготовленіи другихъ матеріаловъ. Въ Билолѣ (20 в. отъ Улалы на Ю.), домъ для поставленія походной церкви и богослуженія нуженъ потому, что быстрые рѣки между с. Билолею и с. Улалою, часто наводняясь отъ дождей, пресѣкаютъ сообщеніе, и особенно весною вскрываясь рано, препятствуютъ нововрещеннымъ

пріѣзжать въ Улагу въ великій постъ говѣть и пріоб-
щаться.

— 9. (Понед.). Новокрещенный зайсанъ Кузенской волости Василій Карповъ, по усердію его и 11-ти семействъ жителей новозаводимаго съ 1858 г. селенія Паспаула (отъ Улаги въ 55 в. на В. при впаденіи р. Паспаула въ р. Ушу), крещенныхъ большею частію въ послѣдніе годы кочевыхъ инородцевъ Кузенской и Южской волостей, привезъ составленный ими приговоръ о томъ, что они желаютъ имѣть у себя миссіонерскую церковь, и на устройство помѣщенія для походной церкви обязуются доставить потребное количество сосновыхъ бревенъ и моху. Не имѣя въ виду никакихъ средствъ для этой постройки, я отказался было принять приговоръ. Но Зайсанъ сильно огорчился.—Весьма пріятно усердіе, и опасны слѣдствія отказа. Паспаулъ внутри Черни, и близъ его много кочуетъ Черновыхъ некрещенныхъ татаръ. И потому, въ надеждѣ на помощь Божию, если угодно Ему поддерживать это усердіе къ церкви ея новыхъ чадъ, я рѣшился принять приговоръ и сказалъ: молитесь Богу; авось пошлетъ намъ помощь; будемъ по маленьку готовить нужное для постройки; при Божиємъ благословеніи, хотя и не скоро, авось построимъ и у васъ церковь.—Паспаульцы, еще при началѣ заселенія своего въ 1858 году, говорили мнѣ о построеніи церкви у нихъ; и потому я имѣлъ намѣреніе предположенную къ построенію въ с. Таштѣ (въ 26-ти верс. отъ Улаги на В.) богослужебную хramину, для коей пожертвовано и прислано изъ Москвы 252 р. чрезъ о. Николая Лаврова неизвѣстнымъ благотворителемъ,—построить въ Паспаулѣ, тѣмъ болѣе, что Таштинцы занимаемое ими мѣсто находили не совсѣмъ

удобнымъ и подумывали переселиться. Но отложивъ это намѣреніе и поспѣшивъ заготовить лѣсъ на это помѣщеніе, они не уступили оной паспаульцамъ.— Таптинскій богослужебный домъ вчернѣ уже построенъ и покрытъ; весною 1860 года будетъ отстроенъ окончательно.

— 11. (Среда). Мыютинскій миссіонеръ о. Арсеній Ивановскій, завѣдывающій и Чемамскимъ станомъ миссіи. извѣстилъ, что въ с. Чемагѣ больная новобрачная вдова *Ольга*, уже близъ году изувѣченная лошадыю, находится въ бѣдственномъ положеніи, съ изломанною ногою и безъ пищи.— Не имѣя у себя денегъ ни копѣйки, я занялъ 1 р. сер. и немедленно послалъ о. Смарагда закупить для нее, если можно въ Чемагѣ же. ячменя 15 п., отдавъ этотъ рубль въ задатокъ, что и исполнено.

— Варилъ пластырь для больного раскольника д. Шульгина Логу, и толковалъ съ пріѣхавшимъ за тѣмъ отцомъ больного (старшиною Пьяновымъ) о различіи лжеучителей ихъ отъ законныхъ пастырей, принявшихъ благодать священства преемственно отъ Пастыреначальника Иисуса Христа, о томъ, чего должно ожидать самозванцамъ за присвоеніе правъ, данныхъ Богомъ законнымъ пастырямъ, и какаѣ участь ждетъ тѣхъ, кто идетъ въ слѣдъ этихъ татей, и не слушаетъ пастырей законныхъ. Старикъ то оправдывался тѣмъ, что они люди темные, то винилъ табакъ и бритые усы; то ссылался на испорченность книгъ, и говорилъ, что Богъ възыщетъ на томъ, кто вѣру помутитъ.— Посовѣтовалъ ему изъ-за табаку и бритоусія, которые не вредятъ душѣ его, не отлучать себя отъ единства вѣры, и выйти изъ тьмы на свѣтъ благодати Вожеіей, пребывающей

въ Христовой Церкви, я сказалъ ему, что вѣру ихъ мутятъ слѣпые кривотолки ихъ, ведущіе ихъ въ погибель, что слушать ихъ нѣтъ никакого слѣду; и не углубляясь въ книжныя разсужденія (старикъ былъ не начѣтчикъ), представилъ ему примѣръ изъ ихъ общественной жизни, спросивъ: а что, старшина, если бы кто изъ вашихъ общественниковъ вздумалъ самъ собою сдѣлаться старшиной, сталъ бы распоряжаться по своему, вопреки тебѣ и начальству, не велѣлъ бы никого слушать и возмутилъ бы общество,—что бы съ нимъ сдѣлали?—„Вѣстимо, сказалъ старикъ, шкуру бы списали.“—Ну, а тѣхъ похвалить начальство, спросилъ я, кто, слушаясь этого вольницы, не сталъ бы повиноваться тебѣ и начальству? „Да то же не стануть гладить по шерсти,—отвѣчалъ онъ въ духѣ старшины,—пожалуй, тутъ же и растянуть: знай одного, а другой не слушай, хоть вдвое того лучше будъ: на то есь старшина; худо-ли, добро-ли, что прикажетъ, исполняй, а тамъ жалуйся; коли старшина не въ законѣ распорядился, такъ онъ и въ отвѣтъ.“—Вотъ то-то и есть! сказалъ я; самъ же ты и разсудилъ. Зачѣмъ же вы не слушаетесь законныхъ учителей, поставленныхъ отъ Бога, а слушаетесь самозванцевъ лжеучителей, отводящихъ васъ своими кривыми голками отъ свѣта истины во тьму и погибель? Чѣмъ вы оправдаетесь въ этомъ передъ Богомъ? — Тутъ старикъ снова указалъ на испорченность книгъ, но самъ же и прибавилъ: „а вотъ ты далъ намъ книгу—ту (Библия), наши говорятъ, тамъ разницы мало; да вотъ еще мы все тебя поминаемъ,—все правда, что ты говорилъ намъ объ церкви, да объ кабакахъ; послѣ наши отыскали въ книгахъ все, что ты говорилъ; мы всё тебя поминаемъ.“—А что та-

кое? спросилъ я. „Ну, какъ ты сказалъ, что коли церкви не хотите, такъ будетъ у васъ кабакъ на мѣсто церкви, — такъ и случилось. Чего мы сдѣлаемъ? Какъ ни бились, исправникъ Сорокинъ заставилъ подписаться. Я, помнишь, въ ту пору прѣвѣжалъ къ тебѣ хлѣбъ сдавать; а ты наказывалъ пересказать обществу, чтобы какъ можно не принимать кабака, я и пересказалъ всѣ твои рѣчи; и согласились было всѣ за одно, не подписываться. Да какъ исправникъ началъ валить кулаками старшину, да лучшихъ, а тутъ „дюзь!“ закричалъ; ну и распустылись. А вотъ теперь то само и есть, что ты говорилъ; пошло воровство, плутовство, распутство; жена пошла прочь отъ мужа, мужъ отъ жены, дѣти не смотрять на отцовъ; народъ сталъ гулливый да лѣнивый; то и дѣло шумъ, да драка, да судбище; а тутъ, тово и гляди, убивство выдетъ! пропали мы да и только. — Все мы тебя поминаемъ. — Согрѣшили мы грѣшныя.“ — Такъ вотъ же что, старина! сказалъ я; покайтесь, да обратитесь ко Господу Богу съ молитвой, да присоединитесь къ святой Его церкви: она за васъ замолитъ; и будь увѣренъ, Господь помилуетъ васъ; пожалуй, и кабака не будетъ, когда будетъ церковь; а если и останется еще, то церковь вѣрнѣе сохранитъ васъ отъ кабака! „Ну да видишь, отецъ, — не одной матери дѣти; одинъ такъ, а другой инака.“ — Между тѣмъ пластырь былъ уже готовъ. Старикъ спѣшилъ къ больному, и прощаясь благодарилъ на добромъ словѣ.

— 12 (Четв.). Сего дня прибыли въ Улалу и объявили желаніе быть христіанками еще двѣ кочевыя инородки 5-й Алтайской Дючины, сироты, дѣв. *Коль* (рука) 21 г. и сестра ея *Илябасъ* (не плачь) 13 л. Старшая,

въ слѣдствіе горячки, охромѣла, и ходитъ на деревяшкѣ. Сиротство и убожество ознакомили ихъ съ христіанами и христіанствомъ; такъ что они сами сильно пожелали быть христіанками, и сего дня же просили крестить ихъ. Но какъ они, такъ и слѣпая вдова Чунжудекъ съ тремя дочерьми сего дня только оглашены, и наречены: Коль—*Дарію*, Илябасъ—*Марію*, Чунжудекъ—*Доминкою*; дочери ея: Уулашъ—*Марію*, Керекпесъ—*Анною*, и Юулюнъ—*Евдокію*.

— 13 (Пяти.). Сихъ оглашенныхъ приготовлялъ къ крещенію, передавая имъ, сообразно ихъ приемлестви, главныя истины Христіанскаго ученія, и обучая молитвамъ. Въ свободное отъ ученія время оглашенные шли себѣ рубахи изъ нашего холста.

— 14 (Субб.). Оглашенные сами нашли восприемниковъ для себя, исповѣданы и крещены мною. — Какъ трудно исповѣдывать, особенно въ первый разъ, дѣтей лѣтъ 7—15!—Они часто или готовы объявить себя, безсознательно, во всемъ грѣшными, или при всемъ стараніи привести ихъ въ сознаніе своей грѣховности, увѣряютъ въ совершенной своей безгрѣшности, даже и послѣ того, какъ нѣсколько разъ объяснишь имъ таинство покаянія, его спасительное дѣйствіе и необходимость. Этотъ опытъ повторился и сего дня.— Впрочемъ вообще здѣшніе инородцы откровенны и прямодушны, такъ что исповѣдывать ихъ гораздо легче, даже и въ первый разъ, нежели русскихъ природныхъ, здѣшнихъ христіанъ.

— 15 (Воскр.). Принявшіе вчера св. крещеніе сего дня за литургіей сподобились приобщиться св. Тѣла и крови Христовой. Таинство причащенія было объяснено имъ многократно.

— Привезена ко мнѣ жъ аила Ужугъна новокрещенною Кумандинкою Анною Пекушевою, живущая у нее племянница ея, 15 лѣтъ, дѣв. *Эрка*, владѣющая только одною ногою, которая впрочемъ немного скорчена и не расправляется, и притомъ страдающая отъ застарѣлыхъ гнилыхъ ранъ. *Эрка*, по совѣту Анны, увѣровавъ въ единого истиннаго Бога, просила ее отвезти ко мнѣ, и прїѣхавъ просила меня крестить ее, чтобы не умереть некрещенною.—*Эрка* внимательно слушала оглазительное ученіе и просила немедленно дать ей христіанское имя. Сего-дня же будучи оглашена, *Эрка* наречена *Еленою*. Дано ей и лѣбарство, приличное ея болѣзни.

— 16 (Понед.). Оглашенная *Елена* хорошо понимала высказанныя ей истины христіанскаго вѣроученія; изучила краткія молитвы и молитву Господню „Отче нашъ“ — на ихъ языкѣ, и по ея прошенію сего дня же крещена мною.

— — *Д. Сары-Копши* новокр. *Іона*, желая уговорить своего слѣпаго отца и братьевъ оставить худую „вѣру“ и обратиться къ истинному Богу, просилъ помочь ему въ этомъ позволеніемъ переселить ихъ въ *д. Сары-Копшу* и съ ними помѣститься въ домъ принадлежащемъ миссіи: ибо у него нѣтъ своего дома. Это ему дозволено.—*Іона*, живя здѣсь съ родителемъ и братьями и постоянно стараясь, по мѣрѣ своего разумѣнія, приводить ихъ въ познаніе истиннаго Бога и Спасителя всѣхъ человѣковъ, успѣлъ склонить ихъ, чтобы они, оставивъ суевѣріе свое, приняли христіанскую вѣру. Семейство это крещено миссіонеромъ улалинскаго отдѣленія, священникомъ о. *Іоанномъ Смольяниковымъ*, *Марта 10 дня*.

— — Трое серьезно больныхъ изъ новокр. имѣли не-

обходимую нужду въ скорой помощи, какую могутъ оказать только гомеопатическія средства, которыя и были даны имъ. Двое изъ нихъ на другой же день поправились отъ приѣма *Acasi*; а третьему, Прокопію Тыдыкову, тоже лѣкарство помогло чрезъ 1 часть.

— Новый больной, страдающій впрочемъ уже 4-й день рвотою, соединенной съ другими болѣзненными припадками, мальчикъ Іаковъ Чевалковъ, 6 л., которому сего дня было послано гомеоп. средство *Iresac.*, не оказавшее пользы, требовалъ личнаго разсмотрѣнія; болѣзнь развилась въ сильной степени; но вновь данное гомеопатическое средство *Luz tom.*, еще до ухода моего отъ него, успокоило больного и на слѣдующій день онъ былъ уже почти здоровъ.

— 21 (Субб.). Изготовлено представленіе въ томскую казенную палату о назначеніи 3-хъ лѣтней льготы 44-мъ душамъ инородцевъ, принявшихъ св. крещеніе въ 1857 году, со спискомъ ихъ, и означеніемъ *XX* ревизіи.

— О. Смарагдъ отпущенъ съ разными порученіями по селеніямъ новокрещенныхъ до сел. Кебезея, особенно для приготовленія новокрещенныхъ къ говѣнію и исповѣди, и для заготовленія хлѣба и другихъ необходимыхъ вещей въ пособіе бѣднымъ и больнымъ въ с. Сары-Копшу и с. Кебезень.

— 23 (Понед. 1-й н.). Вчера прибывшій изъ д. Тавды съ новокрещеннымъ Иваномъ Александровымъ, желающій принять св. крещеніе калмыкъ, мальчикъ 14 лѣтъ *Тукманъ*, оглашенъ и нареченъ *Полікарпомъ*. Оба они усердно слушали огласительное ученіе и изучали молитвы. При обученіи ихъ предлежалъ двойной трудъ: внушить обще-христіанскія истины и предотвратить отъ заблужденій раскольниковъ, съ которыми они живутъ. —

Поликарпъ мальчикъ весьма способный и внимательный, какихъ между калмыками не много; и потому учить его было легко и пріятно.

— — Съ перваго же дня великаго поста многіе изъ удалинцевъ начали говѣть и ходить въ церковь къ богослуженію.

— 26—28. Въ сіи дни исповѣданы мною не знающіе русскаго языка говѣвшіе новокр. инородцы 32 человекъ. Прочіе говѣвшіе исповѣданы о. Іоанномъ.

— — Изготовлено представленіе въ томскую казенную палату со спискомъ принявшихъ св. крещеніе въ 1858 году инородцевъ Війскаго округа 64 душ. муж. пола и означеніемъ N N ревизіи, о причисленіи ихъ на трехлѣтнюю льготу, которая и назначена въ семь же году.

— — Въ числѣ 6 человекъ больныхъ, которыхъ въ сіи дни гомеопатическія средства оказали въ разныхъ болѣзняхъ скорую помощь, была меньшая дочь слѣпой Домны, бывшей Чунжудекъ, страдавшая поносомъ, рвотою и болью горла. Домна всё еще ожидавшая и боявшаяся мщенія прежнихъ *курюмесей* (невидимыхъ духовъ) за ея крещеніе, была чрезвычайно рада, что они ничего не могли сдѣлать.

М А Р Т Ъ .

Въ продолженіе сего мѣсяца преимущественно занятіями моими были: 1) почти ежедневное церковное богослуженіе, за которымъ, вмѣсто каанізмъ, было историческое чтеніе изъ книгъ ветхаго и новаго Завета и изъ священной исторіи; 2) исповѣдь говѣвшихъ, при значительномъ количествѣ ихъ всегда начинавшаяся дня за два и болѣе до причащенія, и объясненіе таинствъ Покаянія и Причащенія и проч.; 3) напутствіе боль-

ныхъ, гвченіе ихъ, и вообще выполненіе нуждъ ихъ, которыхъ въ семь мѣсяцъ состояло на моемъ попеченіе изъ уаляинцевъ и жителей другихъ селеній 18 человѣкъ, и 4) попеченіе и хлопоты о заготовленіи матеріаловъ для постройки богослужебныхъ домовъ въ селеніяхъ Таштъ, Паспаулъ и Вилюлъ, и для перестройки уаляинской церкви, сколько это было возможно; объ устроеніи при майминской церкви караулки, съ особою комнатою для помѣщенія безпріютныхъ и для обученія мальчиковъ грамотѣ; а также и объ окрашеніи кровли на сей церкви и оградѣ и проч.

Марта 1. (Воскр. 1 н.). За литургіей причастниковъ было болѣе 100 человѣкъ.

— — Миссіонеръ о. Іоаннъ Смольяниковъ отпущенъ въ с. Кебезень и Сары-Кошпу для исповѣди и приобщенія приготовляемыхъ къ сему о. Смарагдомъ живущихъ тамъ новокрещенныхъ.

— 4 (Среда). Рясофорный монахъ Михайлъ Невскій отпущенъ съ толмачемъ въ д. Билюлю для отправленія богослуженія, ученія и приготовленія къ исповѣди живущихъ тамъ новокрещенныхъ.

— 8 (Воскр. 2 н.) За литургіей причастниковъ было 42 человѣка большею частію изъ жителей д. Билюли, вчера прибывшихъ съ Михаиломъ Невскимъ въ с. Улагу; въ Билюлъ остались только немощные, просившіе прибыть туда для исповѣди и приобщенія ихъ.

— — Купленъ и отправленъ къ живущимъ въ с. Кебезени новокрещеннымъ мельничный жерновъ. Живя отъ русскихъ селеній за 150 верстъ, и отъ проживающихъ съ ними въ с. Кебезени осѣдлыхъ инородцевъ обучаясь русскому хозяйству, новокрещенные уже начинаютъ заводить пашни, привыкаютъ къ печеному хлѣбу, и

нуждаются въ мельницѣ; посему, чтобы заохотить ихъ къ такимъ нововведеніямъ и ускорить развитіе ихъ хозяйства, оказалось нужнымъ сдѣлать имъ это пособие.

— 15 (Воскр. 3 н.). За литургіей приобщены 17 человекъ говѣвшихъ.

— 18 (Среда). Прибывшая сего дня изъ Черни татарка *Чильбичекъ*, 16 лѣтъ, замужняя дочь принявшаго св. крещеніе въ 1858 году Аванасія Данилова, бывшаго Тискинека, изъявила желаніе креститься, оглашена и наречена *Дарію*.

— 19 (Четв.). Сія Дарія была обучаема и просила немедленно крестить её, опасаясь того, чтобы мужъ ея, пріѣхавъ, не воспрепятствовалъ креститься ей.

— 20 (Пятн.). Оглашенная Дарія, по надлежащемъ обученіи, исповѣдана и крещена.

— 21 (Субб.). Вчера прибывшій мужъ Даріи, *Итъгулакъ*, 19 л., не только не воспрепятствовалъ ея крещенію, но и самъ изъявилъ желаніе быть христіаниномъ и по 25 марта ежедневно слушалъ огласительное ученіе и изучалъ молитвы.

— 22 (Воскр. 4 нед.). За литургіей приобщались 78 чел. говѣвшихъ.

— 25 (Среда) За литургіей причастниковъ было 22 человека.

— — Новокрещенные круглые сироты Комдожской волости Антоній (13 лѣтъ) и Григорій (8 л.) Кириловы, проживавшіе большею частію въ с. Маймъ, сего дня объявили мнѣ, что съ нихъ уже лѣтъ 5-ть, какъ взыскиваютъ въ подати ежегодно со старшаго по 3 р. с., а съ младшаго по 71¹/₂ к. с., за сей же годъ взыскано вдвойнѣ: въ первый разъ посланнымъ отъ Зайсана, а потомъ самимъ Зайсаномъ; что посему они не имѣютъ

возможности пропитываться и просить защиты и помощи. Посему младшій изъ нихъ принять для обученія грамотѣ въ улалинскомъ училищѣ миссіи; а старшему дана выписка объ нихъ изъ ревизіи, гдѣ выставлена и статья закона, по которой они, какъ еще не достигшіе 18-ти лѣтняго возраста, въ окладѣ не состоятъ и должны быть совершенно свободны отъ всякаго взыска податей и повинностей до 18-ти лѣтъ, — съ тѣмъ, чтобы онъ самъ просилъ о семъ земское начальство. — Но онъ, изъ боязни просить о семъ, не рѣшился и не рѣшается явиться для сего къ земскому чиновнику.

— 29 (Воскр. 5 н.). За литургіей причастниковъ было 57 человѣкъ.

А П Р Ъ Л Ъ .

И въ семъ мѣсяцѣ, кромѣ всегдашней работы — писмоводства (въ которомъ хотя временно и пользуюсь помощію того или другаго изъ членовъ миссіи, но постоянного помощника не имѣю), преимущественно былъ я занятъ: 1) почти ежедневнымъ церковнымъ богослуженіемъ; 2) исповѣдію говѣвшихъ; 3) ученіемъ новокрещенныхъ и готовящихся ко крещенію; 4) посѣщеніемъ и лѣченіемъ больныхъ; и 5) хлопотами о перекрытіи майминской церковной ограды и о поправкѣ строеній при улалинскомъ станѣ миссіи.

Апрѣля 1. (Среда 6 н.). Новокрещенная женщина с. Угалы 48 л., Анна Кипріанова, будучи давно нездорова, неоднократно присылала ко мнѣ своихъ дѣтей за лѣкарствомъ; но посланные не могли въ точности объяснить ея болѣзнь; мнѣ же не удавалось лично быть у ней и въ подробности изслѣдывать ея болѣзнь. Сего дня она, собравшись съ силами, сама пришла ко мнѣ,

и сказать, что не выйдет изъ моего дому до тѣхъ поръ, пока не будетъ излѣчена, расположилась какъ у себя дома. Такой рѣшительный приступъ озадачилъ меня. Разузнавъ о ея болѣзни (*Dyspepsia*, соединенная съ бессонницею, тошнотою, отвращеніемъ отъ пищи, постоянною болью живота и головы, зябкостью и проч.) прежде всего я поспѣшилъ отыскать и дать ей поскорѣе приличное гомеопатическое лѣкарство. намѣреваясь потомъ посоветовать ей успокоиться у себя дома. Давъ ей *Chin.* ʒ/10, я озаботился тутъ же сдѣлать сообщеніе касательно дальнѣйшаго лѣченія; но пока я прискидывалъ приличные за тѣмъ средства, болѣзная заснула, и проспавъ около 4-хъ часовъ крѣпкимъ сномъ, наконецъ встала, и сказала, что она чувствуетъ себя здоровою; укрѣпясь пищею, ушла домой, и съ того времени доселѣ здорова. — Не знаю, чему приписать столь быстрое излѣченіе хронической болѣзни: лѣкарственной ли силъ столь малаго приѣма, или крѣпкой вѣрѣ больной.

— 4. (Субб. 6 н.). За литургіей причастниковъ было 26 человѣкъ.

— 5. (Вербное воскр.). За литургіей приобщались 34 человѣка.

— 9 (Велик. четв.). За литургіей причастниковъ было 52 человѣка, большею частію изъ новокрещенныхъ д. Верхняго Карагужа.

— 11. (Велик. субб.) Служилъ литургію и приобщалъ 58 человѣкъ.

— 12. (Свѣт. воскр.). За литургіей читано Евангеліе на славянскомъ и татарскомъ языкѣ (здѣшнемъ); Символъ Вѣры, молитву Господню: „Отче нашъ“ и Христосъ Воскресе — пѣли также на двухъ языкахъ. Причастниковъ было 79 человѣкъ; въ томъ числѣ слѣ-

ные и престарѣлые, человекъ до 15-ти собравшись на пиръ въѣры, также удостоились трапезы Господней; и они привѣтствовали другъ друга, пронося: „Христось Воскресе!“ и на ихъ лицахъ видна была живая сердечная радость.

— 13. (Понед. Пасхи). Послѣ литургіи была, какъ и ежегодно бываетъ, торжественная встрѣча, за селеніемъ, иконъ изъ майминской приходской церкви, приносимыхъ въ облаченіи, съ крестомъ и пѣніемъ, въ сопровожденіи всѣхъ жителей с. Улалы. Такая встрѣча весьма благотворно дѣйствуетъ на народъ во славу Божию и честь св. иконъ.

— 18. (Субб.). Литургію служили соборѣмъ, въ палаткѣ, разставленной на томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ Макарій служилъ здѣсь первую литургію, надъ могилами погребенныхъ здѣсь старца о. Петра и 5-ти человекъ изъ семействъ членовъ миссіи.

— 19. (Воскр. Ѧом.). Здѣсь же отслуживъ литургію и панихиду, ходилъ къ 3-мъ безнадежно больнымъ и и приобщилъ ихъ.

— 20 (Понед.) Оглашены: братъ новокрещеннаго с. Улалы Южской волости Василія Таштамышева *Татаръ*, 8 л., нареченный *Срмеономъ*, и прибывшіе сюда для принятія св. крещенія еще на Пасхѣ, 5-й Алтайской Дючины калмыкъ *Эми*, 25 л., нареченный *Василіемъ*, и отпущенная некрещеннымъ мужемъ дочь новокрещеннаго двоюродна с. Мыкюты Михаила Алексѣева, *Чолтуймакъ*, 24 л., нареченная *Александрю*. Отпущивъ о. Смарагда въ с. Кебезень, и поручивъ дальнѣйшее обученіе оглашенныхъ рисофорному монаху Михаилу Невскому, я выѣхалъ въ г. Бійскъ.

25—28. Возвратясь въ Улалу, по 27-е число заня-

мался съ оглашенными и крестилъ ихъ, а 28-го приобщилъ св. Тайнъ.

— 29. (Среда). Новоопредѣленный на службу къ миссиі церковнослужитель Іосифъ Александровскій отпращенъ съ семействомъ на жительство въ с. Чемалъ. На пути, будучи заваленъ глубокимъ снѣгомъ, какой тамъ рѣдко бываетъ и зимой, онъ съ большимъ трудомъ добрался до Чемала уже 2 мая.

— 30. (Четв.). Посѣщалъ 4-хъ тяжело больныхъ.— Всѣхъ больныхъ требовавшихъ лѣкарствъ и попеченія въ апрѣлѣ было 30 чел., которые, за исключеніемъ 2-хъ, всѣ—улалинскіе жители. Изъ нихъ 7 оставалось отъ марта и 23 вновь заболѣли. Въ теченіе апрѣля изъ сего числа 25 выздоровѣли, 1 умер. и 4 остались больными къ Маю.

С П И С О КЪ

ШКОЛЬ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ ПРОСТАГО НАРОДА, ОТКРЫТЫХЪ ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ВЪ 48 ЕПАРХІЯХЪ; НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ, ОТНОСЯЩАЯСЯ КЪ ДѢЛУ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ И ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ ВЪ ВОЛѢЗУ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Сообщая въ прошедшемъ году свѣдѣнія (¹) о заведеніи школь грамотности духовенствомъ православнымъ, мы искренно сожалѣли, что не могли собрать полныхъ и подробныхъ свѣдѣній ни объ одной изъ православныхъ епархій, хотя и знали, что вопросъ объ образованіи простаго народа серьезно занимаетъ русское духовенство. Теперь редація Христіанскаго Чтенія съ удовольствіемъ извѣщаетъ, что въ ежемѣсячно посылаемыхъ Святѣйшему Синоду рапортахъ епархіяльныхъ преосвященныхъ она нашла средства слѣдить за ходомъ распространенія грамотности въ каждой епархіи. Слѣдующій алфавитный списокъ православныхъ епархій, съ показаніемъ числа школь въ каждой и числа учащихся обоихъ половъ, извлеченъ изъ рапортовъ православныхъ русскихъ архіереевъ за ноябрь мѣсяцъ прошлаго года; подобныя списки, время отъ времени, редація Христіанскаго Чтенія будетъ сообщать и впредь. Оставляя за собой обязанность болѣе подробно говорить объ этихъ

(¹) Христ. Чт. сент. 1861 г. см. *Внутреннее Обозрѣніе*.

услугахъ православнаго духовенства народному образованию въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала. Редакція охотно предлагаетъ всѣмъ другимъ журналамъ и газетамъ перепечатать эту вѣдомость, надѣясь, что всѣкій, заинтересованный судьбами отечественнаго образования, съ радостію просмотритъ ее.

КЪ 1 ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА СОСТОЯЛО:

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ:	ШКОЛЬ.	УЧАЩІХСЯ.	
		МУЖСК.	ЖЕНСКАГО.
1. Архангельской	122.	1,111.	312.
Астраханской	59.	1,597.	308.
Варшавской	9.	76.	38.
Владимірской	277.	5,175.	685.
5. Вологодской	481.	7,277.	947.
Волынской	1,216.	10,780.	841.
Воронежской	209.	3,820.	326.
Вятской	346.	3,005.	1,051.
Донской	154.	2,186.	322.
10. Екатеринославской	259.	4,755.	471.
Енисейской	не получено еще свѣдѣній.		
Иркутской	—	—	—
Кавказской	—	—	—
Казанской	231.	2,662.	512.
15. Калужской	220.	3,409.	356.
Кишиневской	639.	9,316.	1,177.
Кіевской	1,335.	23,228.	6,112.
Костромской	660.	5,782.	1,360.
Бурской	201.	2,806.	559.
20. Литовской	247.	3,952.	109.
Минской	580.	7,405.	1,297.
Могилевской	111.	1,715.	245.
Московской	135.	1,854.	296.
Нижегородской	564.	4,373.	456.

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ШКОЛЬ.	УЧАЩИХСЯ.	
		МУЖСКОГО.	ЖЕНСКАГО.
25. Новгородской	250.	2,952.	626.
Олонецкой	201.	1,485.	592.
Оренбургской	79.	887.	643.
Орловской	516.	7,311.	1,145.
Пензенской	267.	4,588.	311.
30. Пермской	66.	724.	216.
Подольской	1,241.	18,822.	4,281.
Полоцкой	200.	1,596.	185.
Полтавской	209.	2,243.	413.
Псковской	59.	786.	291.
35. Рязанской	703.	15,258.	1,629.
Рижской	296.	5,289.	4,028.
Самарской	234.	5,288.	1,008.
С. Петербургской	238.	4,223.	1,027.
Саратовской	523.	7,171.	1,166.
40. Симбирской	342.	3,244.	2,263.
Смоленской	616.	9,514.	572.
Таврической	65.	2,279.	328.
Тамбовской	99.	1,669.	96.
Тверской	760.	10,309.	2,463.
45. Тобольской	163.	1,947.	207.
Томской	свидѣній	еще не	получено.
Тульской	850.	11,618.	835.
Уфимской	135.	1,749.	419.
Харьговской	224.	5,398.	740.
50. Херсонской	285.	4,718.	541.
Черниговской	841.	13,384.	2,421.
Ярославской	234.	2,378.	477.
Всего въ 48 епархіяхъ . . .	17,751.	253,114.	46,703.

Если взять во вниманіе отношеніе числа учащихся мужскаго пола въ разныхъ епархіяхъ къ цѣлому православному народонаселенію той или другой епархіи,

какое показано въ извлеченіи изъ отчета г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1859-й годъ, то окажется, что на 1000 человекъ православнаго народонаселенія мужескаго пола приходится учащихся въ церковныхъ школахъ въ епархіяхъ:

1. Рижской	61.	25. Самарской	9.
Кіевской	31.	Нижегородской	8.
Подольской	29.	Архангельской	8.
Кишиневской	28.	Калужской	7.
5. Рязанской	23.	Харьковской	7.
Минской	21.	30. Новгородской	6.
Тульской	21.	Полоцкой	6.
Черниговской	20.	Симбирской	6.
Волынской	19.	Казанской	5.
10. Смоленской	18.	Ярославской	5.
Вологодской	17.	35. Донской	5.
Астраханской	16.	Уфимской	5 (2)
Тверской	15.	Оренбургской	
С. Петербургской	12.	Могилевской	4.
15. Херсонской	12 (1)	Тобольской	4.
Таврической		40. Варшавской	4.
Костромской		Воронежской	4.
Лятовской		Курской	3.
Олонедкой	11.	Вятской	3.
20. Екатеринославской	11.	Московской	2.
Саратовской	11.	45. Псковской	2.
Орловской	10.	Полтавской	2.
Владимірской	9.	Тамбовской	1.
Пензенской	9.	Пермской 8 на 10,000.	

(1) (2) Епархіи херсонская и таврическая, уфимская и оренбургская еще не были раздѣлены въ 1859 г., и потому православное народонаселеніе ихъ показано въ отчетѣ вмѣстѣ. Не имѣя свѣдѣній, сколько изъ него приходится на долю каждой изъ нихъ, мы показываемъ въ нихъ число учащихся сравнительно съ общими числомъ ихъ народонаселенія.

Огромная разность между числомъ учащихся въ церковныхъ школахъ въ разныхъ епархіяхъ сравнительно съ общимъ народонаселеніемъ ихъ прежде всего бросается въ глаза всякому при разсмотрѣніи этой таблицы. Не будемъ брать во вниманіе число учащихся въ рижской епархіи; по особому положенію православныхъ въ этой епархіи, тамъ давно уже обращено вниманіе на народное образованіе и ассигнуется особая сумма на жалованье наставникамъ и на учебныя принадлежности; не удивительно потому, что тамъ число учащихся сравнительно съ другими епархіями гораздо больше. Но всѣ другія епархіи, сколько извѣстно, находятся въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ положеніи, т. е. всѣ не получаютъ ровно никакихъ средствъ для дѣла народнаго образованія: а между тѣмъ число учащихся въ школахъ отъ 31 человѣка на 1000 нисходитъ до 1-го, и даже менѣе. Отъ чего зависитъ такая разность? Гдѣ искать причины ея? Въ народѣ ли, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можетъ быть, еще не пришелъ къ сознанію пользы и необходимости грамотности и смотритъ на нее, какъ на что-то еретическое, какъ въ былыя времена? Или въ духовенствѣ, которое не во всѣхъ мѣстахъ съ одинаковымъ усердіемъ берется за дѣло народнаго обученія? Или, можетъ быть, такая разность зависитъ отъ того, что въ иныхъ мѣстахъ простой народъ обучается въ школахъ, не подлежащихъ вѣдѣнію сельскаго духовенства? Извѣстно, напримеръ, что уже давно заведены (хотя и не вездѣ) школы грамотности между такъ называемыми казенными крестьянами. Изъ отчетовъ епархіальныхъ преосвященныхъ не видно, чтобы школы эти включались въ представляемыя ими вѣдомости, хотя въ нихъ, по крайней

мѣръ болѣею частію, наставниками или сельскіе священники, или окончившіе курсъ семинаристы. Желательно было бы знать, сколько такихъ школъ и сколько въ нихъ учащихся. Общіе выводы о распространѣніи грамотности можно дѣлать только по собраніи всѣхъ свѣдѣній.

О самомъ обученіи въ церковныхъ школахъ мы имѣемъ только общія свѣдѣнія: учать обыкновенно чтенію, письму, священной исторіи, катихизису и по мѣстамъ первымъ 4-мъ дѣйствіямъ ариметики и церковному пѣнію; ученіе въ большей части школъ начинается въ сентябрѣ и продолжается до мая мѣсяца. На четыре лѣтніе мѣсяца оно болѣею частію прекращается, такъ какъ учащіеся въ это время заняты полевыми работами. Такое распредѣленіе времени, вполне соответствуя обстоятельствамъ и потребностямъ учащихся, безспорно имѣетъ и свои недостатки: неуспѣвшіе порядочно усвоить себѣ грамотности до мая мѣсяца конечно въ теченіе 4-хъ вакаціальныхъ мѣсяцевъ могутъ позабыть и то, что усвоили. Мы не беремъ на себя смѣлости совѣтовать измѣнить такой порядокъ: это значило бы не уважать требованій самой жизни. Тѣмъ менѣе уместно въ этомъ случаѣ какое либо положительное предписаніе. Свободно начатое священниками дѣло народнаго образованія и совершаться должно съ полною свободою. Всякая регламентація здѣсь, по нашему крайнему убѣжденію, будетъ только убивать духъ и разовьетъ наклонность къ формалистичѣ: а кому неизвѣстно, какъ малоплодна, а по временамъ и прямо бесплодна бываетъ такая наклонность?... О методѣ преподаванія въ школахъ, о томъ, какіе предметы болѣе интересуютъ учащихся, какое вліяніе имѣетъ образованіе въ школахъ

какъ на самихъ учащихъ, такъ и на ихъ родителей и родственниковъ уже взрослыхъ, имъ не имѣеть свѣдѣній. Редакция Христіанскаго Чтенія покорнѣйше проситъ всѣхъ, кого интересуеть этотъ предметъ и кому онъ ближе знакомъ, сообщать ей свои замѣтки о народныхъ церковныхъ школахъ, не стѣсняясь литературною обработкою ихъ. Въ какой бы формѣ ни были сообщены подобныя замѣтки, она не преминетъ обнародовать ихъ, если найдетъ соотвѣтствующими своему изданію.

Направленіе образованія въ церковныхъ народныхъ школахъ религіозно-нравственное, — каково оно и должно быть, по нашему твердому убѣжденію. Всякое другое направленіе, какъ бы ни было оно благонравно, поведетъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, къ одному изъ двухъ: или народъ потеряетъ довѣріе къ своимъ учителямъ и наставникамъ, или — что еще хуже — потеряетъ самую вѣру. — Не давно намъ случилось говорить съ однимъ парнемъ лѣтъ 17-ти, изъ мастеровыхъ, который, обучаясь въ одной изъ воскресныхъ школъ, между прочимъ услышалъ тамъ, что (какъ выражался онъ) дождь не Богъ даетъ, а какіе-то пары. Религіозное чувство его до того было потревожено этимъ, что онъ пересталъ ходить въ школу. Недѣлю черезъ три послѣ этого онъ обратился къ намъ за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія. Признаемся откровенно, — мы съ большимъ трудомъ могли успокоить его... Да и не легко, дѣйствительно, было сдѣлать это: вѣдь онъ рассказывалъ, какъ положительный фактъ, что другіе товарищи его послѣ такого объясненія стали смѣяться надъ тѣмъ, что въ деревняхъ молятся, чтобы Богъ далъ дождя... Вотъ наглядное доказательство, къ чему можетъ повести простой народъ образованіе безъ религіоз-

но-нравственнаго направленія; это вмѣстѣ и указаніе для всѣхъ учителей и наставниковъ, съ какою осторожностію должно относиться къ религіознымъ убѣжденіямъ простолюдиновъ. *Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующаго въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской* (Мат. 18, 6), сказалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ.

Судя по тѣмъ даннымъ, которые существуютъ уже и теперь, можно надѣяться, что нашъ простой народъ въ большинствѣ своемъ, скоро сдѣлается грамотнымъ, — умѣющимъ читать. Существенно необходимо потому позаботиться о томъ, чтобы было—что читать ему. Безспорно полезнѣе и необходимѣе всего для простаго народа (какъ должно бы быть и для всякаго истинно-вѣрующаго) чтеніе священнаго Писанія, по крайней мѣрѣ—новаго Завѣта, и въ особенности св. Евангелія. Евангеліе въ настоящее время есть и на русскомъ языкѣ: по цѣнѣ оно доступно и для простаго народа, хотя мы не знаемъ, есть ли оно даже въ каждой сельской школѣ. Годъ тому назадъ мы не встрѣчали его вовсе въ нѣкоторыхъ селахъ; нѣкоторые священники даже и не слышали объ его изданіи. Мы полагаемъ, что св. Евангеліе должно быть не только въ каждой школѣ, но и въ каждомъ домѣ, гдѣ только есть человекъ грамотный. Знакомый съ нашимъ простымъ народомъ (разумеетъ народъ не испорченный фабриками, или близостию къ большимъ городамъ и проѣзжимъ дорогамъ) знаетъ, какъ много въ немъ благоговѣнія и сердечной привязанности не только къ Евангелію, но и вообще къ священнымъ книгамъ. Пишущій эти строки и теперь съ сердечнымъ умиленіемъ воспоминаетъ, какъ, будучи

еще ребенкомъ, онъ по возможности удовлетворялъ этой привязанности, когда, бывало, въ большіе праздники и даже въ простые воскресные дни, соберутся послѣ утрени человѣкъ десять, а иногда и болѣе, и просить почитать что-нибудь „отъ божественнаго“. Чтеніе ограничивалось обыкновенно Четьими-Минеями, потому что больше никакихъ книгъ не было. Сколько при этомъ было вздоховъ, выходявшихъ прямо отъ сердца! Что нужды до того, что слушавшіе, равно какъ и читавшій, можетъ быть, не понимали многого изъ того, чтò читалось; вѣра состоитъ не столько въ пониманіи, сколько въ живости и искренности чувства. Чтò бы ни толковали поборники такъ называемой разумной вѣры, мы полагаемъ, что одно знаніе вѣры, хотя бы и отчетливое, не есть еще вѣра, что оно даже меньше имѣетъ правъ на названіе вѣры, чѣмъ живое и искреннее убѣжденіе, хотя бы оно и не могло дать отчета, почему и какъ оно вѣруетъ.

Само собою разумѣется, что при развитіи грамотности въ народъ ему для чтенія недостаточно будетъ одного Евангелія и Четьихъ-Миней. (Чтеніе послѣднихъ — замѣтимъ мимоходомъ—безспорно могущее имѣть огромное благотворное вліяніе на народное образованіе, можетъ иногда, при недостаткѣ научнаго образованія и при живости религіознаго чувства, вести къ превратнымъ понятіямъ въ жизни, такъ какъ не усвоивши себѣ духа истинно-христіанской жизни, можно иногда остановиться на одной формѣ ея, всегда болѣе или меньше измѣнчивой и, говоря относительно, случайной). Нужно потому образованнымъ классамъ позаботиться о томъ, чтобы дать народу для чтенія книги, наиболѣе пригодныя для него по содержанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ

доступным для него по своей цѣнѣ. Последнее условіе такъ существенно необходимо, что безъ него самыя лучшія изданія для чтенія простаго народа будутъ лежать въ книжныхъ лавкахъ безъ всякой пользы. Кому неизвестно, что для многихъ изъ нашихъ простолюдиновъ и 10 копѣекъ серебромъ составляетъ не маловажную сумму? По крайней мѣрѣ такъ было это нѣсколько лѣтъ назадъ.

Какія же книги по преимуществу нужны для простаго народа (1)? Полагаемъ, что вѣрнѣе всего можно рѣшить этотъ вопросъ, обративши вниманіе на то, какія по преимуществу книги теперь пользуются уваженіемъ у грамотнаго простонародія. Намъ не разъ приходилось пересматривать бібліотеку грамотныхъ простолюдиновъ: кромѣ книгъ церковныхъ, намъ обыкновенно попадались мелкія брошюры, религіозно-нравственнаго содержания, излагающія или житія святыхъ, или нравственные наставленія. Другихъ книгъ мы не встрѣчали. Книги такъ называемыя беллетристическія, въ родѣ—Георге, англійскій милордъ, или Гуагъ, или Битва русскихъ съ кабардинцами и пр., не встрѣчаются у крестьянъ, а только у (бывшихъ) дворовыхъ, говоря правду, сравнительно болѣе испорченныхъ, вслѣдствіе болѣе близкаго отношенія къ бывшимъ своимъ господамъ. Популярныя книги, относящіяся къ естественнымъ наукамъ, еще меньше известны въ простомъ народѣ; тоже должно сказать и о всѣхъ историческихъ и географическихъ описаніяхъ. — Не показываетъ ли это, что самая настоятельная въ настоящее время потребность

(1) Здѣсь мы имѣемъ въ виду не литературныя достоинства изданій для простаго народа, а ихъ содержаніе и направленіе.

у простаго грамотнаго народа, которой тотчасъ же нужно удовлетворить, есть именно потребность въ книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія? Не отвергаемъ пользы для народа и другихъ книгъ; но полагаемъ, что напередъ нужно удовлетворить уже существующимъ потребностямъ, а потомъ, по мѣрѣ возникновенія новыхъ, удовлетворять и имъ. Всякой другой порядокъ представляется намъ нарушеніемъ, большимъ или меньшимъ насиліемъ естественнаго развитія жизни простаго народа. Нѣтъ спора, что можно искусственнымъ образомъ вызвать какія угодно потребности: но мы не думаемъ, чтобы подобный искусственный вызовъ былъ многоплоденъ. Всякое искусственно взращенное растеніе не имѣетъ такой крѣпости и силы, какъ разившееся естественно: обыкновенно оно скоро чахнетъ. И такъ, повторяемъ, изданія книжекъ духовно-нравственнаго содержанія для чтенія простому народу въ настоящее время составляютъ существенную, вопіющую необходимость. Хорошо было бы, если бы при подобныхъ изданіяхъ прилагались какія нибудь священныя изображенія или картины. Подобныя изображенія могли бы удовлетворять, кромѣ религіозныхъ, и эстетическимъ потребностямъ нашего народа, которыя, мимоходомъ замѣтимъ, теперь удовлетворяются такими уродливыми произведеніями суздальской живописи, что изъ рукъ вонъ...

Кто можетъ удовлетворить этой потребности? Кому приняться за это дѣло? Всякой, кто сочувствуетъ дѣлу народнаго образованія и сознаетъ въ себѣ способность къ этому, пусть въ добрый часъ, съ благословеніемъ Божиимъ, и начинаетъ. Но, конечно, больше всего лежитъ эта обязанность на духовенствѣ... Известно, что

уже нѣсколько лѣтъ существуетъ комитетъ для изданія книгъ для простаго народа; сколько извѣстно намъ, онъ довольно уже сдѣлалъ съ этою цѣлю. Къ сожалѣнiю только, ничего изъ сдѣланнаго имъ не явилось пока въ печати. Пора, давно пора приняться за изданiе по крайней мѣрѣ того, что уже сдѣлано. Иначе нашъ простой народъ, выучившись грамотѣ, и не имѣя, чѣмъ удовлетворять разившейся потребности чтенiя, весь обратится къ чтенiю бездарныхъ и бессмысленныхъ, а иногда и безнравственныхъ, произведенiй своекорыстной спекуляци, въ родѣ Бовы Королевича, Еруслана Лазаревича, разныхъ гадательныхъ книжекъ и пр. и пр. Въдѣ гораздо труднѣе будетъ прiучать народъ къ чтенiю полезныхъ книгъ, когда въ немъ разовьется вкусъ къ чтенiю книгъ пошлыхъ... Живой опытъ наглядно подтверждаетъ это: у грамотнаго двороваго рѣдко можно встрѣтить даже церковную книгу, а книгу религиозна-нравственнаго содержанiя—еще рѣже. Содержанiе этихъ книгъ уже не интересуеть его. Онъ скорѣе купитъ и станетъ читать какой нибудь пѣсенникъ и чѣмъ грубѣе и безнравственнѣе содержанiе его, тѣмъ больше будетъ восхищаться имъ.

Распространять между простымъ народомъ полезныя для него изданiя книгъ лучше и удобнѣе всего чрезъ самыя же школы. Нашъ простолюдинъ не поѣдетъ въ городъ за тѣмъ, чтобы купить тамъ книгу; да если бы ему пришлось быть въ городѣ и по другимъ причинамъ, онъ едва-ли пойдетъ въ лавку покупать книги. Онъ убѣжденъ, что тамъ такiя книги, которыя не для него писаны и не по его карману; да притомъ онъ, хотя безотчетно, боится, что его тамъ обманутъ: или дадутъ книгу, не пригодную для него. или возьмутъ за нее

лишнюю цѣну. Вообще, думаемъ, извѣстно, что доселѣ нашъ простой народъ покупалъ себѣ книги, за исключеніемъ церковныхъ, или во время ярмарокъ въ бадаганахъ, и всегда у такого же продавца, каковъ онъ самъ, или—еще чаще—у такъ называемыхъ разносчи-ковъ, которые разносятъ или иногда развозятъ по де-ревнямъ всякаго рода и вида товары. Продажа книгъ при школахъ подъ надзоромъ священника съ одной сто-роны избавить простой народъ отъ необходимости оты-скивать, гдѣ купить ему нужную книгу, съ другой—можетъ совершенно успокоить его на счетъ самаго со-держанія книги.

Выше мы представили таблицу, показывающую от-ношеніе числа учащихъ мужскаго пола къ цѣлому православному народонаселенію въ разныхъ епархіяхъ. Учащихъ женскаго пола, какъ и естественно ожидать, гораздо меньше. Вотъ подобная таблица для лицъ жен-скаго пола: на 10,000 православнаго народонаселенія женскаго пола приходится учащихъ въ церковныхъ школахъ въ епархіяхъ:

1. Рижской . . .	486.	Костромской . . .	23.
Варшавской . . .	95.	15. Архангельской . . .	20.
Кіевской . . .	78.	Уфимской . . .	20.
Подольской . . .	65.	Оренбургской . . .	19.
5. Симбирской . . .	42.	Вологодской . . .	16.
Олонеккой . . .	40.	Саратовской . . .	16.
Кішиневской . . .	37.	20. Самарской . . .	16.
Черниговской . . .	35.	Херсонской . . .	16.
Минской . . .	34.	Таврической . . .	15.
10. С. Петербургской . . .	32.	Орловской . . .	14.
Тверской . . .	32.	Тульской . . .	14.
Астраханской . . .	29.	25. Волынской . . .	14.
Рязанской . . .	23.	Новгородской . . .	12.

	Смоленской . . .	10.		Псковской . . .	7.
	Владимірской . . .	10.		Могилевской . . .	6.
	Харьковской . . .	10.	40.	Курской . . .	6.
30.	Екатеринославской	10.		Пензенской . . .	5.
	Вятской . . .	10		Московской . . .	4.
	Ярославской . . .	9.		Тобольской . . .	4.
	Казанской . . .	9.		Полтавской . . .	4.
	Донской . . .	8.	45.	Литовской . . .	3.
35.	Калужской . . .	7.		Воронежской . . .	3.
	Нижегородской . . .	7.		Пермской . . .	2.
	Полоцкой	7.		Тамбовской . . .	1.

Принимая во вниманіе вліяніе, какое въ низшихъ сословіяхъ имѣеть мать на воспитаніе дѣтей, нельзя не пожелать отъ души большаго распространенія грамотности между женскимъ поломъ нашего простаго народа. Все воспитаніе дѣтей въ простомъ народѣ, каково бы оно ни было, почти исключительно лежитъ на матеряхъ. Отецъ, занятый полевыми работами и домашнимъ хозяйствомъ, рѣдко имѣеть возможность заняться дѣтьми; да если бы и имѣлъ, едва-ли посчитетъ подобное занятіе своимъ дѣломъ. Дѣти почти исключительно растутъ подъ надзоромъ матери. Какое огромное благотворное вліяніе могъ бы имѣть этотъ надзоръ, если бы матери сами сколько нибудь были образованы! Грамотныя матери, кромѣ того, могли бы въ послѣдствіи времени сами учить своихъ дѣтей грамотѣ...

Большинство школъ въ епархіяхъ открыто духовенствомъ, и очень малое количество лицами другихъ сословій и вѣдомствъ; больше половины школъ помещается въ домахъ священнослужителей, которые на свой счетъ часто заводятъ и книги и первыя принадлежности школъ; остальные школы помещаются въ цер-

ловныхъ сторожахъ. въ домахъ крестьянъ. въ домахъ помѣщиковъ, въ домахъ нарочно устроенныхъ для школъ крестьянами или подаренныхъ священниками, помѣщиками, церковными старостами, или въ отведенныхъ обществомъ. Конечно школы большею частію бѣдны пособіями учебными и не имѣютъ хорошихъ помѣщений: современемъ, безъ сомнѣнія, сами крестьяне будутъ заботиться о пособіяхъ и помѣщеніяхъ. Но въ настоящее время болѣе образованныя и болѣе богатія сословія русскаго народа могутъ значительно облегчить усилія духовенства православнаго въ открытіи новыхъ школъ и въ организаціи открытыхъ, — своими пожертвованіями въ пользу образованія простаго народа.

Пожертвованія на этотъ предметъ могутъ быть доставляемы и присылаемы въ Канцелярію Правленія С. Петербургской Духовной Академіи. Ежемесячные отчеты о полученіи и употребленіи пожертвованій будутъ печататься въ журналъ «Христіанскаго Чтенія» (1).

О Ф Ф И Ц И А Л Ь Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я .

— 28 февраля. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, состоящій по армейской кавалеріи. генералъ-лейтенантъ графъ Толстой назначенъ членомъ государственнаго совѣта, съ увольненіемъ его, по прошенію, отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора и съ оставленіемъ по армейской кавалеріи.

— Того же числа, харьковскій военный губернаторъ, управляющій и гражданскою частію въ харьковской гу-

(1) Редакція покорнѣе проситъ другіе журналы и газеты — свѣтскіе и духовные — перепечатать это приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу образованія простаго народа.

берніи, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ *Алматы* назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества и по армейской кавалеріи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ Редакцію Христіанскаго Ченія доставлены пожертванія: 1) изъ г. Спасска, Тамбовской губ., отъ коллежскаго ассессора Алексѣя Комарова—въ пользу православныхъ поклонниковъ Іерусалима 1 р. сер., 2) отъ причта Троицкой церкви села Верхотишанки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ.,—въ пользу пострадавшихъ Сирійскихъ христіанъ 1 р. сер., 3) изъ села Зубовки-Успенскаго, Чистопол. уѣзд., Казанской губ., отъ его благородія Василья Егорова—на возстановленіе православія на Кавказѣ — 25 р. сер., и въ пользу сельскихъ школъ — 13 руб. сер. Деньги, пожертвованныя въ пользу сельскихъ школъ, препровождены въ Редакцію Духа Христіанина при отношеніи отъ 8 марта за № 159; остальные—въ канцелярію г. оберъ-прокурора Св. Синода при отношеніяхъ отъ 1—8 марта за №№ 123—158.

I.

О ЯВЛЕНІИ БОГА МОИСЕЮ НА ХОРИВЪ.

(Исх. Гл. 33).

Богоявленія или явленія Бога человѣку суть такія явленія въ мірѣ, многознаменательныѣ, выше и воздегнѣннѣе конхъ не было, нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, и даже на небѣ. Ибо чтоъ выше Бога, и чтоъ драгоцѣннѣе для нашего сердца Его близости къ намъ? Потому явленія Бога составляютъ предметъ не только благоговѣйнаго размышленія для богослова, но и благочестиваго созерцанія для каждаго христіанина. Если къ какому явленію на землѣ должны устремляться умъ и сердце человѣка; то первѣе и болѣе всего къ явленію Бога на землѣ нашей; на нихъ должны витать наши мысль, чувство и воображеніе. Обращаться всѣмъ духомъ къ сему предмету, значить—питать *разумъ душой*, согрѣвать и улаждать небесною радостію сердце, и освящать самое воображеніе, которое, не бывъ обращено къ достойнымъ предметамъ, часто пресмыкается по земной персти и оскверняется нечистотами міра, во злѣ лежащаго.

Останавливаетъ благоговѣйно испытательный взоръ
Ч. I. Отд. I.

на одномъ изъ такихъ Божественныхъ явленій, — явленіи Бога Моисею на Хоривѣ.

Дабы, сколько можно, ближе, обстоятельнѣе, полнѣе и глубже разсмотрѣть сіе явленіе Бога Моисею и войти въ разумніе и духъ его, — испытаемъ первѣе: Кто сей явившійся Моисею? Почему и для чего являлъ Онъ себя? Когда и при какихъ обстоятельствахъ было сіе богоявленіе? Въ какомъ мѣстѣ совершилось оно? Какой его духъ и характеръ?

Кто сей явившійся Моисею на Хоривѣ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что явившійся ему есть Господь Богъ. Ибо о семъ ясно скажутъ повѣствованіе самаго Моисея, гдѣ, изображая сіе явленіе, онъ прямо именуетъ явившагося Господомъ. Но можно недоумѣвать, какое Лице Трїипостаснаго Бога явило Себя въ семъ случаѣ. Изъ сказаній божественнаго Писанія нельзя не усматривать, что вся Пресвятая Троица, совершая дѣло спасенія нашего, въ своемъ Троичномъ совѣтѣ раздѣлила сіе великое, отъ первыхъ до послѣднихъ дней рода чelовѣческаго совершаемое дѣло домостроительства своего, по чредамъ служенія, — и первѣе, — до времени изшествія Спасителя на торжественную проповѣдь, — дѣйствовалъ Богъ Отець, *начинъ дѣло спасенія нашего, многочастнъ и многообразнъ глаголавъ во пророкахъ, рано, по слову пророческому, востая и посылая ихъ* (Іер. 7, 25).

Почему, надобно полагать, что пророкамъ въ чудныхъ духовныхъ видѣніяхъ открывался наипаче Богъ Отець, призывавшій и посылавшій ихъ на сіе дѣло, Коего зрѣли они то ветхимъ деньми, то сидящимъ на престолѣ превознесеннѣ. Но во всѣхъ богоявленіяхъ, бывшихъ Аврааму, Исааку, Іакову и Моисею, ощущаемыхъ не пророческими, а внѣшними очами, соглас-

но съ мнѣніемъ отцевъ и учителей Церкви, нужно признавать Сына Божія, второе Лице Пресвятой Троицы,— Спасителя человѣковъ, который былъ *вчера и днесь, той же и во вѣки*. Такъ и въ семь случаевъ, явившійся Моисею былъ Сынъ Божій,—Иисусъ Христосъ.

Почему и для чего сіе богоявленіе? Первая причина или глубочайшее основаніе на то,—почему было какъ сіе, такъ и вообще всѣ богоявленія въ ветхозавѣтной церкви, изъ коихъ сіе есть какъ бы одинъ нерукотворенный чудный образъ въ ряду образовъ являвшагося на землѣ Господа,—лежитъ въ самомъ существѣ Бога и существѣ человѣка, и взаимномъ ихъ отношеніи. Господь Богъ есть первообразъ человѣка, человѣкъ есть образъ Бога, хотя не по естеству, какъ Единородный Сынъ Божій, образъ Упостаси Отчей; то по сходству и подобію,—образъ живой и точный. *И одну въ лице ея дышаніе жизни*, сказуетъ Писаніе о твореніи человѣка. Симъ изображается такая близость Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, какая между дышущимъ и дыханіемъ. Почему какъ естественно человѣку стремиться къ Богу и желать явленія Господа, дабы зрѣть свой Первообразъ и болѣе уподобляться и приближаться къ Нему; такъ взаимно и Господь, по свободному своему снисхожденію, желаетъ являть Себя образу своему—человѣку, дабы болѣе и болѣе привлечь его къ единенію съ Собою. Такимъ образомъ богоявленія, хотя явленія чрезвычайныя, но состоятъ въ порядкѣ, установленномъ Богомъ: они какъ бы нужны, необходимы, по самому отношенію Бога къ человѣку. образу и первообразу нужно стоять въ близкомъ отношеніи между собою, и Господу подобаетъ не являться только изрѣдка, чрезъ долгій рядъ вѣковъ, а быть съ человѣкомъ,

какъ это будетъ нѣкогда, и было отчасти прежде. Но грѣхъ положилъ средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ. Мгла нечестія и нечистоты человѣка, и съ другой стороны тучи гнѣва Божія сокрыли и удалили человѣка отъ Бога, или паче Бога отъ человѣка. Впрочемъ Господь, милостивый въ самомъ гнѣвѣ, оставленный человѣкомъ, но не оставившій человѣка, яко *любы*, по естеству самому, и *Богъ приближался, а не Богъ издалеча* (Іер. 53, 23), идетъ къ убѣгающему отъ лица Его грѣшнику-человѣку, и, опредѣливъ своимъ милосердіемъ разрушить нѣкогда средостѣніе, отдѣлявшее Его отъ человѣка, — по силѣ сего опредѣленія, уже являетъ Себя человѣку, и, движимый любовію къ нему, предваряетъ нѣкоторымъ образомъ назначенное время.

Такъ богоявленія суть съ одной стороны возстановленія преждебывшаго естественнаго порядка и отношенія Бога къ человѣку, съ другой — ранній плодъ новаго устройства или домостроительства Божія, и залогъ будущаго не только временнаго, но и вѣчнаго общенія Бога съ человѣкомъ.

По милосердому совѣту Пресвятыя Троицы, Господу нужно было явиться на землѣ и видимо обитать съ человѣками тридесять три лѣта. Но Господь, какъ въ царствѣ природы, такъ и, тѣмъ паче, въ царствѣ благодати, если что хочетъ произвести великое и чрезвычайное, предваряетъ это предузнавательными событиями, уготовляющими людей къ срътенію сего событія. Почему, восхотѣвъ прійти на землю и обитать на ней, Онъ прежде, нежели *пріискренивъ пріобщился плоти и крови* нашей навсегда, временно и образно принималъ естество наше, или, точнѣе, видѣ его, и являлся избраннымъ своимъ, дабы пріуготовивъ и, такъ сказать.

приучивъ мысль ихъ къ видимому явленію Себя, приготовить ихъ къ принятію Его, имѣющаго принти во плоти нашей, и дабы такимъ образомъ величайшая и средоточная тайна всѣхъ тайнъ Вѣры христіанской, — *явленіе Бога во плоти*, не показалась во всемъ и всѣмъ *бесуміемъ*, или *кюдствомъ*.

Такъ здѣсь съ одной стороны видно основаніе, почему Господь и наипаче Сынъ Божій, видимо и притомъ въ образѣ человѣка являлъ Себя, — ибо Онъ восхотѣлъ нѣкогда явиться видимо для всѣхъ, пріавъ на всегда естество человѣческое; — такъ съ другой — открывается и цѣль Его явленія, состоящая въ приготовленіи насъ къ Его особенному явленію во плоти. Кромѣ того, родъ человѣческій въ лицѣ избраннаго народа имѣлъ нужду въ руководителяхъ на пути спасенія, каковы были Авраамъ и Моисей, нарочитые изъ боговидцевъ. Но и сіи руководители въ свою чреду нуждались въ высшемъ руководствѣ: Быть можетъ, эта часть предуготовительнаго ветхозавѣтнаго домостроительства — наставленіе людей, и вся могла совершиться или ангеломъ, или даже людьми избранными, какъ и была, въ нѣкоторой мѣрѣ совершаема. Но Господь не все чрезъ ангеловъ, или пророковъ, а и самъ, еще до принятія плоти, является видимымъ наставникомъ и руководителемъ избранныхъ своихъ, — руководителей, въ свою чреду, избраннаго народа, — въ ознаменованіе своей къ нимъ любви чрезвычайной.

Сверхъ сего, въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ потребно было явленіе не ангела, а самаго Господа ангеловъ, — для извѣщенія, вразумленія, утѣшенія и ободренія своихъ избранныхъ.

Это тѣмъ болѣе было прилично и нужно въ то вре-

мя: ветхозавѣтная Церковь, особенно до временъ Моисея (а до сего времени по преимуществу и совершались богоявленія), по свойству этого времени, была, можно сказать, въ младенческомъ возрастѣ, относительно Церкви благодатной. Почему праведникамъ ветхозавѣтнымъ, какъ дѣтямъ по времени возраста Церкви, наипаче нужны были видимыя водительства и явленія Господа.

По сямъ, нужно полагать, причинамъ и цѣлямъ совершилось и явленіе Бога Моисею. Но сія причина и цѣли общи ему со всѣми другими богоявленіями. Есть еще причины и цѣли сего явленія частныя, кои вытекаютъ изъ времени, обстоятельствъ и особенной нужды сего явленія.

Давъ законъ на Синаѣ, законодатель посылаетъ Моисея превести народъ еврейскій въ землю обѣтованную. И такъ Моисею предлежитъ путь и подвигъ вести народъ многочисленный и ропотливый, который послѣ ряда разительныхъ чудесъ десницы Божіей, ему благодѣющей, въ присутствіи, предъ лицомъ, можно сказать, самаго Бога, въ виду грозныхъ явленій Синая, ужасно отступилъ отъ Бога, и вынудилъ Моисея, въ жару ревности и негодованія, сокрушить скрижали богоначертанныя,—нужно вести сей народъ среди пустыни въ землю чуждую, населенную народомъ сильнымъ. Но Господь отказываетъ ему въ своемъ шествіи съ нимъ. *Самъ не пойду съ тобою, вѣщаетъ Онъ, яко люди жестоковѣйши суть.* Притомъ и время богоявленій уже прекращалось, ибо Церковь изъ возраста дѣтскаго вышла уже въ юношескій возрастъ состоянія подзаконнаго, и потому синайское торжественное богоявленіе, можно полагать, было бы уже заключительнымъ явленіемъ нарочитыхъ богоявленій, если бы не приложи-

лось еще сіе явленіе.—Господь видимое явленіе свое по временамъ, захотѣлъ уже замѣнить постояннымъ, но невидимымъ пребываніемъ въ скиніи, сообразно времени и состоянію членовъ Церкви. И Моисей всею силою духа, всѣмъ желаніемъ возжелалъ явленія Господа, который положилъ уже прекратить свои явленія и непосредственное водительство свое, которымъ пользовался Израиль, особенно въ лицѣ избранныхъ своихъ. Господь, дающій усердной молитвѣ богѣе, *нежели изъ же просить*, отлагаетъ опредѣленіе свое, обѣщая Моисею самъ предъти предъ лицомъ его, и чуднымъ образомъ явится ему.

Такъ богоявленіе сіе состоитъ какъ бы уже не въ ряду другихъ богоявленій, есть особенный даръ Божій, слѣдствіе снисхожденія Божія молитвенному желанію Моисея,—плодъ его молитвы.

Гдѣ совершилось сіе богоявленіе? На горѣ Хоривѣ. Почему на горѣ? Нельзя не остановить на семъ особаго вниманія, ибо у Господа ничего нѣтъ не намѣреннаго и безъ цѣли. Какъ въ царствѣ природы, такъ и въ царствѣ благодати Онъ все творитъ премудро и разумно. Тѣмъ паче замѣчательно сіе мѣсто богоявленія, что и другія, торжественнѣйшія наипаче явленія Бога совершались на горахъ. *Высоты горъ суть* какъ бы жертвенники въ великомъ храмѣ природы, мѣста особенно Божіи, на коихъ Онъ являлъ особенную свою славу. Такъ Пророкъ по преимуществу усвоетъ Богу высоты горъ: *и высоты горъ того суть* (Пс. 94, 4); *дѣвѣ въ высокѣхъ Господь*. Посему-то горы преимущественно Господь благоволилъ избрать мѣстами явленій своихъ человѣкамъ, какъ мѣста болѣе богоприличныя по самой высотѣ своей, какъ бы приближающія человѣка къ Богу.

Господь нисходитъ къ человѣку видимо; нужно, чтобы и человѣкъ восходилъ къ Богу. Къ вездѣсущему и все-совершеннѣйшему Духу нельзя, конечно, приближаться возшестьемъ внѣшнимъ, къ Нему токмо можно восходить духомъ. Но если восхождение на горы, возвышая внѣшнія чувства наши, можетъ способствовать тѣмъ возвышенію духа; то и самое восхождение на высоты горъ можетъ, хотя посредственно, возводить къ Богу. Не потому ли наипаче святые подвижники благочестія, имѣя *чувствія обученія съ различенія вещей духовныя* (Евр. 5, 14), избирали для своего пребыванія горы, какъ-то: синайскія, аеонскія, кіевскія и другія?

Посему-то и Господь, примѣняясь къ нуждамъ и свойствамъ человѣка, всѣ великія, божественныя явленія свои наипаче совершилъ на горахъ. Чтѣ выше явленій славнаго законодательства Божія Моисею, Преображенія Господня, Его смерти и вознесенія? Но все это совершалось на горахъ: Синаѣ, Фаворѣ, Голгоѣ и Елеонѣ. Самая Церковь Божія изображается у пророковъ въ видѣ горы. Это, конечно, потому, что она прообразована Сіономъ, горою, нарочитымъ мѣстомъ жилища Божія. Но почему домою своимъ Давидъ, или паче самъ Господь чрезъ Давида избралъ для Себя мѣсто сіе,—какъ не по тѣмъ причинамъ, о коихъ мы упомянули выше?

Какой духъ и характеръ сего богоявленія? Сіе явленіе Бога Моисею, а паче бесѣда Его къ нему дышетъ благостію и снисхожденіемъ. Сіе явленіе и есть плодъ сего снисхожденія,—хотя Богъ здѣсь по свойству времени и завѣта и прикрывается грозностію, подобно какъ Іосифъ явившійся братьямъ своимъ, доколѣ не открылся имъ въ собственномъ видѣ. И эта часть обра-

щения Иосифа съ братьями, который есть прообразъ Христа Спасителя, есть, нужно полагать, образъ обращенія Спасителя съ людьми въ в. Завѣтъ.

Съ другой стороны нельзя въ семъ явленіи не видѣть удивительной силы молитвы Моисея или его желанія молитвеннаго—также простоты дерзновенія любви его къ Богу.

Не менѣе удивительна и бесѣда, какую ведетъ здѣсь Господь съ Моисеемъ. Это можно бы подуматъ, не зная,—разговоръ двухъ существъ, равныхъ между собою: такой языкъ любви и близости Бога къ Моисею и Моисея къ Богу.—Господь глаголаъ къ Моисею: *якоже ащебы кто возмаловалъ къ своему другу*, говоритъ Писаніе. Оттого языкъ сей бесѣды столь трогателенъ, что можетъ размягчатъ самое ожестѣвленное сердце. Тонъ сей бесѣды простъ и искрененъ; но въ простотѣ своей имѣетъ божественную высоту недостижимую.—По своему образу богоявленіе сіе имѣетъ характеръ особенно таинственный.

Вникнемъ отчасти въ нѣкоторыя подробности сего богоявленія, дабы ближе войти въ духъ этой бесѣды Бога съ Моисеемъ и въ смыслъ сего явленія.

Послѣ того, какъ Господь далъ законъ Моисею и обѣщавъ послать съ нимъ ангела своего, руководителя и защитника, уготовивъ такимъ образомъ водителя народа своего въ путь странствія,—Моисей обращаетъ къ Богу какъ бы послѣднее прощальное и молитвенное слово дерзновенія. *И рече Моисей ко Господу: се Ты мня маловаша: иведеи люди сіа: Ты же не явил ми еси, кого послеш со мною.* Кто же мой сопутникъ и помощникъ? *Ты же мнѣ рекъ еси: есмь тя паче астьхъ,*—что Ты знаешь меня сердцемъ и любовію,—ибо всѣхъ зна-

ешь всевѣдѣніемъ твоимъ, являешь ко мнѣ благоволеніе твое; какъ и я вѣмъ Тя не умомъ только, а и сердцемъ, люблю Тебя *всею мыслию, всею крѣпостию, всѣмъ сердцемъ моимъ*;—и Ты *вспи мене паче всѣхъ*. Ты глаголаи мнѣ, что я обрѣлъ благоволеніе у Тебя. Такъ твоими же словами умоляю Тебя: *еще обрѣтошь благодать предъ Тобою, яви ми Тебе самое*. Въ сихъ словахъ высказывается желаніе всего человѣчества;—Моисей здѣсь говоритъ какъ бы языкомъ всего человѣческаго рода. Видѣть Господа естественно человѣку, какъ видѣть сыну лице отца. Не видѣть человѣку Бога — не естественное состояніе, показывающее средостѣіе вражды, грѣхомъ положенное. Такъ, желаніе видѣть Господа, искать лица Его—есть коренное желаніе души человѣка. И убѣгаютъ Его,—просятъ горы, чтобы прикрыли отъ Него,—только тѣ, кои потеряли сыновство свое и правоту свою.

Какъ же Моисей, бесѣдуя съ Господомъ, видѣвъ Господа и до сей еще бесѣды съ Нимъ, просить, чтобы Господь явилъ ему Себя? Прежде видѣлъ и теперь видѣть, но не такъ, какъ теперь желаетъ видѣть: *да разумно вижду Тя*—т. е. ясно, полно. Прежде видѣлъ и теперь видѣть, но, нужно полагать, подъ закровомъ или завѣсою облака, сквозь которое сіяла слава Божія, и притомъ въ образѣ человѣка; а Моисей желаетъ видѣть Его самаго — въ полной славѣ Божества: *яви ми Тебе самое, да разумно вижду Тя*.—Вождельнно мнѣ, какъ и всякому человѣку, созданному Тобою и вѣдущему Тебя сердцемъ, зрѣть Тебя, Боже сердца моего, какъ бы такъ говоритъ Моисей: но я имѣю къ сему другія побужденія и, дерзаю сказать, права на сіе. *Яви ми Тебе самое* — и я увѣрюсь, что обрѣлъ благодать у

Тебя; увѣрюсь, что народъ сей, который Ты ввѣраешь мнѣ, близокъ къ Тебѣ и великъ сею близостію, если Ты, ради его, явишь мнѣ Себя. Увидѣвъ Тебя, твое величіе, я буду надѣяться на посылаемаго Тобою ангела со мною, и не видѣвъ его; Твоимъ снисхожденіемъ я убѣждусь, что Ты будешь покровительствовать мнѣ и чрезъ ангела своего. Что же на это Господь Моисею? Онъ ущедряетъ и даетъ,—даетъ болѣе, нежели просилъ онъ. *Азъ сама предъиду предъ тобою и упокою тя.* Такъ Господь побѣждается молитвою усердною! Такъ много можетъ молитва праведнаго, и такъ велико снисхождение Божіе! Прежде сказалъ Господь: *не пойду*, а теперь не только являетъ ясно, кто будетъ водитель, но говорить: *Я сама пойду*: молитва какъ бы связываетъ и премѣняетъ опредѣленіе Господа благопремънительнаго. Господь побѣждается любовію, и милосердо отлагаетъ свое опредѣленіе, будучи не измѣняемъ въ существѣ своемъ. Да устыдится при семъ гордость человѣческая, часто неизмѣняющая своего опредѣленія, потому только, что сказано слово,—дабы иначе, не унижить себя, по ея понятію.

Азъ сама предъиду предъ тобою. Обнадеженный такимъ чрезвычайнымъ снисхожденіемъ Божіимъ, Моисей какъ бы приступаетъ къ Нему ближе съ прошеніемъ своимъ: молитва его, питаемая сею снисходительностію Господа, дѣлается крѣпче, дерзновеннѣе и настойчивѣе. — Чего прежде не дерзалъ просить (ибо просилъ только объявить, кого пошлетъ Господь), того просить теперь съ настойчивостію,—просить, чтобы самъ Богъ шелъ съ ними. *И рече къ Нему Моисей: аще самъ Ты не идеши съ нами, да не изведеши мя отсюда. И како вѣдомо будетъ во истину, яко обрѣтохъ благодать у Тебе*

ачи же и людѣ твои, молю идущу Ты съ нами? И прославленъ буду азъ же и людѣ твои паче всѣхъ языкъ, елици суть на земли. Въ простотѣ любви, имущей дерзновеніе, убѣждаетъ Господа итти съ нимъ, представляя Ему, что Его шествіе необходимо для славы людей Его и для славы Его самого, избравшаго народъ сей. Иначе, говорятъ, если Ты оставишь насъ, какъ воззрѣть на народъ твой, Тобою оставленный, другіе народы, коихъ очи устремлены на насъ? И какъ воззрѣть на Тебя, избравшаго, нзведшаго, и—оставившаго народъ свой? Таковъ языкъ святой простоты, любви, близости и дерзновенія къ Богу! Подобный языкъ и у Авраама, когда онъ бесѣдуетъ съ Господомъ, шедшимъ узрѣть Содомъ и Гоморъ—грады, исполненные беззаконія. Такъ праведники, отдѣленные мѣстомъ и временемъ, но соединенные во единомъ Богѣ, во ему служатъ, сходны между собою по духу, — и, имѣя одинъ духъ, имѣютъ и одинъ языкъ.

Какъ же отвѣтствуетъ Господь на это слово дерзновенія? Съ такимъ же, какъ прежде, или еще большимъ снисхожденіемъ *рече Господь къ Моисею: и сіе тебѣ слово сотворю,* — и сію просьбу твою — т. е. дѣйствительно самъ пойду съ тобою, — *обръль бо еси благодать предо Мною, и елики ты паче всѣхъ,* — увѣряетъ его тѣми самыми причинами, какія представлялъ Ему Моисей въ убѣжденіе Его.

Но молитва Моисея не останавливается, и простирается далѣе: приближаясь къ сердцу Божию, она имѣетъ большой жаръ, силу и дерзновеніе. Чрезвычайность полученнаго дара ободряетъ прошеніе и вызываетъ новую мольбу. *И глагола Моисей: покажи ми славу твою.* Что такое слава Божія явленія, которой проситъ Моисей? Слава Божія есть величіе Божіе, безконечно-совершен-

ныя Его свойства, есть также явленіе совершенствъ, видимое и оцутительное для разумныхъ тварей, а равно и сознаніе сей славы тварами, или прославленіе Бога—славословіе. Слава, какъ величіе существа Божія, неизмѣнна, всегда равна себѣ и сіятельна, какъ солнце. Такъ она и является въ единствѣ лицъ Пресвятыя Троицы—одинаково и неизмѣнно, священно вѣчно. Въ семъ отношеніи Господь Богъ всегда равно есть Богъ славы. Но не измѣняемая въ себѣ, въ существѣ своемъ, поколику она заключается въ солнцѣ Трїединого Божества и изъ него истекаетъ (такъ Сынъ въ трїичномъ единствѣ *есть вышю сілію славы отцев*) слава Божія въ явленіяхъ своихъ и откровеніяхъ разумнымъ тварямъ разнообразится, — по премудрымъ причинамъ и цѣлямъ, — имѣетъ разумную мѣру и разные способы откровенія своего; здѣсь слава разнствуетъ отъ славы и бываетъ разнovidна, болѣе или менѣе ясная и лучезарная, — болѣе или менѣе посредственная. Такъ и міръ видимый есть слава Божія—зерцало, явленіе славы Божества, но явленіе посредственное, помышленіемъ постигаемое. Это отблескъ славы Божіей, какъ бы, вдали, какъ свѣтъ солнца отражается на лунѣ. Тѣмъ паче разнообразна слава Божія, какъ прославленіе Бога отъ тварей разумныхъ и даже неразумныхъ. Иначе славить Господа ангель, иначе человѣкъ, иначе солнце и луна. Въ семъ-то разумѣ сказано объ одномъ: *не даде славы Богу*. Слава Божія въ семъ знаменованіи, особенно со стороны разумныхъ тварей, есть слѣдствіе явленія славы Божіей, — слава Божія озаряетъ умъ и согрѣваетъ сердце тварей разумныхъ и производитъ славословіе, — подобно какъ солнце согрѣваетъ землю, и согрѣтая земля возноситъ къ нему на высоту дары свои.

Такъ разнообразна слава Божія, поколику она является разумнымъ тварямъ. Отсюда можно видѣть, какъ Моисей, видѣвшій уже не однократно славу Божию, просить Господа Бога показать Ему славу свою, какъ будто имъ еще невидѣнную. Моисей видѣлъ славу Божию, или явленіе величія Божія, когда бѣсѣдовалъ съ Нимъ на Синаѣ. *Въиде Моисей на гору и покры облако гору, и скиде слава Божія на гору Синайскую, и воззва Господь Моисею изъ среды облака. Обличе же славы Господней, яко онь пламенна на вервь горы.*—Видѣлъ Моисей славу Господа и въ скинии свидѣнія. *Егда виде Моисей въ скинію, скиде столпъ облачный и ста посредь скинии, и глагола Господь къ Моисею.* Такъ Моисей видѣлъ славу Божию, но видѣлъ ее не въ полномъ свѣтѣ,—глаголавъ лицомъ къ лицу—видѣлъ лице Божіе, но подъ покровомъ, сквозь завѣсу облака, не вполне проникаемаго, и свѣта огня, не вполне приступнаго, и славу,—не во всемъ ея блескѣ. Но онь хочеть видѣть славу въ полномъ сіяніи, зрѣть лице Божіе, безъ всякаго покрова,—во всемъ величіи славы. *Покажи ми славу Твою* — полную славу лица твоего, открыто, — *да ясно взгляду Тя.*

Что побуждало Моисея къ такому желанію? Побуждало многое: и коренное желаніе человѣческаго сердца, какъ сказано выше, видѣть Бога, и самая слава Божія подвигала къ сему сердце Моисея, привлекая къ себѣ сладостію своею. Нѣтъ ничего отраднѣе для души, какъ зрѣть славу Божию, осіяваясь и проникаясь ею. Это сладчайшая пища всѣхъ тварей разумныхъ, безъ коей они не имѣютъ полнаго насыщенія. *Насыщуся*, говоритъ о себѣ одна боголюбивая душа, *егда явитимися слава твоя.* Слава Божія есть источникъ всѣхъ сладостей

душъ блаженствующихъ въ царствѣ славы,—такъ что безъ свѣта сего, вѣчно тамъ сіяющаго, солнца, померкла бы радость ихъ. Только нѣкоторые лучи славы сея просіяли на Фаворѣ, но они такъ усладили зрителей ея, что Петръ, упоенный сею славою, какъ бы въ само-забвеніи, желалъ вѣчно остаться на горѣ сей. Алчание Моисея ощутить сію славу Божию, коему дано отчасти уже вкусить на Синаѣ сея славы, еще болѣе изощриетъ желаніе зрѣть полноту славы. Увидѣвши зарю, мы не терпѣливѣе ждемъ появленія солнца. Настоящее состояніе души Моисеевой подобно состоянію чечовѣка, который, вкусивъ каплю меда, желаетъ болѣе вкусить его,—или,—видя прекрасную картину сквозь тусклое стекло,—или лице друга, закрытое полупрозрачнымъ покровомъ, хочетъ видѣть его безъ покрова.

Но Моисей имѣлъ къ сему и особенныя побужденія, какъ выше отчасти изъяснили мы. И онъ вопіетъ во услышаніе Богу: *покажи ми славу Твою*. Ты обѣщаешь мнѣ идти самъ со мною и сопровождать меня и народъ твой; яви же мнѣ славу твою, чтобы я и въ другое время, когда не буду зрѣть Тебя лицомъ къ лицу, утѣшался и получалъ поддержаніе въ трудностяхъ и искушеніяхъ на пути воспоминаніемъ явленія твоей славы, и симъ воспоминаніемъ поддерживалъ вѣру во всемогущество твое. Ты повѣдалъ мнѣ, что Ты сотворилъ небо и землю,—вся тварь проповѣдуетъ славу твою своею красотою и порядкомъ,—какія дивныя чудеса явила чрезъ меня десница твоя во Египтѣ! Покажи же мнѣ славу лица твоего — славу Бога и Творца. Ты явилъ мнѣ ее на Синаѣ, но подъ закровомъ. Покажи же мнѣ славу твою открыто и всю.

Но таковое желаніе преступило мѣру. Ревность люб-

ви Моисея къ Богу и упоеніе сладостію иъкогo видѣнія славы Божіей увлекли его прошеніе, подобно какъ и Петрово, за надлежащія предѣлы. Впрочемъ Господь, когo уши въ молитву праведныхъ, не отвергаетъ сего прошенія мужа, обрѣтнаго благодать у Него. Но исполняетъ его въ таковой мѣрѣ, сколько это возможно—не для Бога, а для самаго Моисея; падить, такъ сказать, не свою славу, а его немощь,—являетъ славу, но особеннымъ способомъ; не являя самаго лица своего, въ коемъ полнота славы Его и величія, являя славу свою, не являетъ ее при томъ безъ всякаго покрова,—въ единомъ чистѣйшемъ свѣтѣ Божества.

И рече Господь къ Моисею: Авъ предиду предъ тобою славою моею. Явлюся, изыду къ тебѣ предъ лице твое, и пройду предъ взорами твоими,—и ты узришь шествіе мое. Славою Моею. Это—всѣ видимыя знаменія Его приближенія, окружавшія сіе явленіе — особенно чудное облако, которое служитъ какъ бы облаченіемъ Божія величія, являющагoся на землѣ, подобно какъ и свѣтъ служитъ облаченіемъ или ризою для Господа. Иначе, безъ покрова величіе славы Божіей и не можетъ явиться на землѣ, для брeнныхъ очей нашихъ.

И воззову; вѣщаетъ далѣе Господь, о имени моемъ: Господь предъ тобою.—И воззову о имени моемъ: подамъ тебѣ гласъ, скажу, извѣщу тебя о приближеніи моемъ. Господь предъ тобою; какъ бы: вотъ Ягова, предъ тобою, по твоему желанію.

И помилую, ето же еще милую, и ущедрю, ето же еще щедрю. Слова, коими хотящій явиться продолжаетъ изъяснять имя свое. Это—поясненіе слова: Господь (Je-юва) т. е. самосущій и приводящій въ исполненіе опредѣленія свои; — сказаніе имени сего другими полами-

тельными словами. *Помилую, евоже аще милую* и проч. Слова, выражающія власть, свободу и независимость Господа Иеговы. Какъ бы такъ говоритъ Господь: се Азъ Иегова, имѣющій животъ въ Себѣ и дающій жизнь всему, всѣ хотѣнія и всякъ глаголъ свой приводящій въ исполненіе,—се Азъ, который имамъ власть безпредѣльную и независимую надъ всякою плотію и всякимъ бытіемъ; — се Азъ, коему единому принадлежитъ безграничное надъ всѣмъ право, который ни кому не имѣетъ долга давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, — который егоже милуетъ, милуетъ, и егоже восхощетъ щедрить, щедрить; и коему никто не властенъ сказать: что твориши? — Сими преимущественно именами величія и славы Господь именуетъ Себя, въ этомъ случаѣ, сообразно съ духомъ и цѣлію явленія. *И рече: не возможеша видѣти лица моего*: не возможно видѣть лице Божіе уже и потому, что это не въ порядкѣ вещей и не благовременно,—рано; ибо откровеніе славы Божіей и созерцаніе ея собственно принадлежитъ къ царству славы: *тамъ узримъ Бю, якоже есть*, какъ и зрять лице Господа Бога ангелы Божіи. А до времени *откровенія сей славы* въ будущемъ вѣкѣ. можно зрѣть ее токмо *зерцаломъ въ гаданіи*,—окомъ вѣры, и если окомъ внѣшнимъ, то не иначе, какъ подъ завѣсою плоти или подъ облаченіемъ внѣшнихъ видимыхъ знаменій, каковъ столпъ облачный, свѣтъ и под. Тѣмъ паче это нужно сказать о времени снѣи и гаданій. Но видѣть всю полноту славы Божіей и не возможно, не только по нашей грѣховности, но и по самому естеству,—по немощи плоти. *Не бо узритъ человекъ Бога и живъ будетъ*. Немощное тѣлесно-духовное естество наше не можетъ теперь перенести явленія сего. Сильный трепетъ бла-

огово́рнїя и радости произведеть такой восторгъ, который отторгнеть душу отъ тѣла. *Не бо уверити и живъи будетъ.* И обыкновенныя сильныя чувства самой радости лишаютъ нерѣдко жизни. Въ немощный сосудъ нашего естества не можетъ теперь влиться свѣтъ славы Божіей; иначе онъ проторгнется, послѣдуетъ отдѣленіе души отъ тѣла. На Фаворѣ только кѣкіе лучи славы Божіей просіяли,—и немощная природа низверглась долу. Только тамъ и тогда, когда тѣла наши преобразятся, и праведники просвѣтятся, яко солнце, только тогда и узреть человекъ Бога, и живъи будетъ, будетъ блаженъ симъ видѣніемъ. На Фаворѣ и Моисей, пришедъ въ иное состояніе, уже не повергся долу, подобно апостоламъ, но открытымъ лицомъ взираеть на сіяніе славы преображенія Господня. *Теперь живуще во плоти отходимъ отъ Бога, не можемъ приблизиться лицу Его видимо. Теперь Господь стоить ва стѣною плоти нашей, пролядаи оконцами, проицалъ сквозъ мрежи* (Пѣс. 2, 9) и таинственно проицаетъ въ душу нашу.—*И рече Господь: се мѣсто у Мене избранное мое—одна изъ горъ моихъ. Ибо высоты горъ тою суть; а сію гору Господь особенно возлюбилъ и содѣлалъ мѣстомъ своихъ явленій. И станемъ на камени, утверждаяся какъ бы крѣпостію всею и ставъ добръ, въ ожиданіи явленія Бога крѣпкаю живаю. Егда же преидеть слава моя, когда Господь изшедшій къ нему, мимоидеть его и отдалится слава Его, или облаченіе Его величія и силы.*

И положу тѣ въ разсыльнѣ камени,—сила славы и благоговѣніе трепета повергнутъ Моисея долу, преіжде, нежели Господь приблизится къ нему.

Въ рассыльнѣ камени, дабы богѣе укрыть отъ силь-

наго блеска славы. Ибо, какъ око здоровое, тѣмъ паче больное, не можетъ взирать на солнце: такъ человекъ—на солнце славы Божіей.

И покрью рукою моею надъ тобою. Рукою, поколику можно полагать, что Господь явился во образъ человека; или, вѣрнѣе, самымъ явленіемъ славы и особеннымъ дѣйствіемъ своей силы удержалъ Господь Моисея въ разсѣянный камень, *дондеже мимо шель.* явившись ему. *И отыму руку мою.* Когда мимо иду, отыму руку мою—и отдаляя славу и прекращая особенное дѣйствіе силы своей.

И тогда уриши задняя моя, — слѣдъ мимо-шедшей и видимой славы Божіей, уже отдалившейся отъ Моисея: подобно какъ солнце, отдаляясь отъ насъ на край горизонта, оставляетъ слѣдъ по себѣ; или прекрасное отраженіе лучей на концѣ горизонта. Мы тогда можемъ удобно видѣть не только сей слѣдъ теченія солнца — *задняя его славы,* но и удобнѣе самое солнце, самое какъ бы лице его—кругъ свѣта, котораго въ полдень, когда онъ шель надъ главами нашими, не могли вынести глаза наши, къ нему возведенные, ниспускались долу и закрывались.

Лице же мое не явится тебѣ. Ибо невозможно видѣть лица Его. *Не бо уришь человекъ лице Его и живъ будетъ.* Только тогда и тамъ—въ новомъ тѣлѣ узрять Его всяко око: и праведники будутъ зрѣть Его, якоже есть. До того времени будемъ довольствоваться видѣніемъ Бога *впрюу, якоже зеркаломъ въ заднюю,*—въ знаменіяхъ и *закрывать.*

Есть и у насъ или паче у Него мѣсто и для насъ, *есть гора,* на коей Господь является намъ. Это Церковь—гора святая. *юже возлюби Господь, и на ней та-*

инственно и духовно, но дѣйствительно открывается намъ, приближается къ намъ и являетъ славу свою. Есть камень, на коемъ должно намъ утверждать себя—это краеугольный камень нашего спасенія—*Iсусъ Христосъ*. Есть *разсплины камня*—это Христовы язвы, въ кои мы должны повергаться вѣрою и любовію. И здѣсь-то мы можемъ и должны вѣрою зрѣть славу Божию и ощущать ее сердцемъ, пока узримъ Господа лицомъ къ лицу. Будетъ время, когда достойные изъ насъ—не только *приступать*, какъ и теперь, къ *Сіонскій юрь*, но и вступать на другую гору—въ небесную Церковь славы, гдѣ слава Божія будетъ свѣтить, вмѣсто солнца.

Да сподобитъ Господь, по благодати своей, всѣхъ насъ зрѣть славу Его!

А. ••

II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИМВОЛОВЪ, БЫВШИХЪ ВЪ ЦЕРКВИ ДО НИКЕЙСКАГО СОБОРА.

(Опoчманіе).

Естественнo предполагать, что каждая изъ помѣстныхъ древнихъ церквей, основанныхъ апостолами, имѣла свой символъ, который получила непосредственно отъ *самоидцевъ* и *служителей Слова*; но до насъ дошли (1) только не многіе изъ нихъ. Когда никейскій символъ былъ единогласно принятъ всею православною Церковію и окончательно утвержденъ на ефесскомъ со-

(1) Потери древнихъ символовъ очень много способствовало то, что древняя Церковь хранила символы въ устномъ преданіи. «Многія поколѣнія варваровъ, пишетъ св. Иринеи, чуждыхъ намъ по языку, но нечуждыхъ по Вѣрѣ, храня только древнее апостольское преданіе безъ буквъ и чернилъ, вѣруютъ во единого Бога Отца» (adv haer. lib. III. с. 4) и пр., и приведши весь символъ по порядку, говоритъ: «эта Вѣра проповѣдывалась народамъ безъ писаній» (ibid. lib. IV. с. 41). «Символъ, по словамъ Іеронима, не писался на бумагѣ чернилами, но на плотныхъ скрижалахъ сердца» (Erist. ad Ramnash). Василій В.; разсуждая о важности преданій, спрашиваетъ: «само исповѣданіе Вѣры, по которому мы вѣруемъ въ Бога Отца, изъ какихъ имѣемъ писаній (Къ Амвл. о Св. Духѣ гл. 27 см. новонад. кормч. стр. 394)?» Онъ же пишетъ, что исповѣданіе св. Григорія хранилось въ Неокесаріи чрезъ преданіе — *ἀκολουθία πρῶτης*. Erist. 75. ad. Neoc.

боръ, прочіе древніе символы, бывшіе до него, должны были уступить ему свое мѣсто, и, оставаясь безъ употребленія въ церквахъ, легко выходили изъ памяти. Современные писатели, обращая вниманіе только на символъ никейскій, который опредѣленіе прочихъ излагалъ Вѣру и былъ во всеобщемъ употребленіи, не находили нужнымъ вносить въ свои сочиненія другіе символы, не имѣвшіе такого каноническаго значенія, какъ символъ никейскій. И потому до насъ дошли только тѣ изъ нихъ, которые были преданы письмени по особымъ обстоятельствамъ; — ихъ насчитываютъ до двѣнадцати. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ полные символы, бывшіе въ употребленіи разныхъ помѣстныхъ церквей, а другіе передаютъ только содержаніе символа; *первые* принадлежали разнымъ церквамъ, а *вторые* сдѣланы частными лицами; первыя доказываютъ, что символы, бывшіе въ Церкви до никейскаго собора, заключали въ себѣ тѣже догматы, имѣли тѣже члены, которые и мы принимаемъ въ своемъ символѣ; вторыя убѣждаютъ насъ, что Церковь всегда соединяла съ словами символа тотъ же самый смыслъ, какой даетъ имъ она и въ настоящее время. Къ первымъ принадлежатъ символы: римскій, аквилейскій, символъ, помѣщенный въ постановленіяхъ апостольскихъ, іерусалимскій, антiохійскій и кесарійскій. Вторый классъ составляютъ исповѣданія: Иринея, Тертуліана, Оригена, Григорія Чудотворца и мученика Лукіана.

СИМВОЛЪ РИМСКІЙ.

Между древними, дошедшими до насъ, символами, римскій обращаетъ на себя преимущественное внима-

іе, какъ по простотѣ своего первоначальнаго вида, такъ и потому, что римско-католики и лютеране даютъ ему исключительно названіе *апостольскаго* (¹). Дѣйствительно. подлинность апостольскаго происхожденія его не подлежитъ сомнѣнію: кромѣ согласія, какое имѣетъ онъ съ другими древними символами. и въ порядкѣ догматовъ и въ самыхъ выраженіяхъ, это доказывается прямыми свидѣтельствами древнихъ писателей. Св. Амвросій Медиоланскій пишетъ: „вѣруемъ апостольскому символу, который римская церковь хранитъ постоянно неизмѣненнымъ“. По словамъ папы Вигилія, „Римъ и прежде никейскаго собора, со временъ апостольскихъ, предавалъ вѣрнымъ символъ, постоянно въ одномъ и томъ же видѣ (²)“. Будучи предстоятелемъ римской церкви. Вигилій имѣлъ всѣ средства знать безошибочно истинное происхожденіе символа, и въ сочиненіи, направленномъ противъ современныхъ ему еретиковъ (Несторія и Евтихія), долженъ былъ говорить одну истину, изъ опасенія, чтобы противники не обличили его во лжи. „Римская церковь, пишетъ Руфинъ, не дѣлала никакихъ прибавленій къ своему символу. но исповѣдывала его такъ, какъ научилась отъ апостоловъ. Ибо въ ней издревле хранился обычай преподавать символъ готовящимся ко св. крещенію публично, въ присутствіи вѣрныхъ, а слухъ тѣхъ, которые были тверды въ Вѣрѣ, не потерпѣлъ бы прибавленія къ нему даже и одного слова (³)“. Въ настоящее время символъ этотъ

(¹) Leo Magn. Epist. XCVI. Gacl. Durand. Specul. de Rat. div. offic. lib. IV. f. 50. Genébrar. de Trin. lib. III. см. Wits. I. exerc. Sacr. in simb. Apost. § V. p. 3.

(²) Adv. Nestor. et Eutich. lib. IV.

(³) Exp. Simb. p. 17.

имѣть слѣдующій видъ: „вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, и во Иисуса Христа Сына Его едиnorodнаго, Господа нашего, зачавшагося отъ Духа Свята, рожденнаго отъ Маріи Дѣвы, страдавшаго при Понтійскомъ Пилатѣ; распятаго, умершаго, погребеннаго и низшедшаго во адъ; въ третій день воскресшаго изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, оттуда грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ. Вѣрую и въ Духа Святаго, св. каѳолическую Церковь, общеніе святыхъ, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти и жизнь вѣчную. Аминь“ (1). Въ этомъ видѣ римскій символъ преимущественно отличается отъ нивейскаго двумя выраженіями: исповѣданіемъ „о нисшествіи Иисуса Христа во адъ“ и „общеніи святыхъ“.

Словъ „нисшедшаго во адъ“ нѣтъ ни въ одномъ изъ древнихъ православныхъ символовъ, кромѣ аквилейскаго. По свидѣтельству изслѣдователей церковныхъ древностей, они внесены въ римскій символъ уже въ послѣдствіи времени, — не ранѣе послѣдней половины V и не позже первой половины VII вѣка (2). Руфинъ (3) прямо говоритъ: „словъ: „низшедшаго во адъ“ не имѣютъ ни римская, ни восточная церкви“; Петръ

(1) Римскій символъ въ этомъ видѣ найденъ въ греческой псалтири, которая писана для употребленія папы Григорія VII, и теперь хранится въ публичной кембриджской библиотекѣ. *Saic. Tesauro. Eccl. s. v. symbolon*, p. 1089.

(2) По изысканіямъ Уссерія (*Dissert. de simb. apostol.* p. 2) древняя римская церковь читала символъ слѣдующимъ образомъ: „вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя, и во Христа Иисуса, Сына Его едиnorodнаго, Господа нашего, рожденнаго отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы, распятаго при Понтійскомъ Пилатѣ, погребенна, и въ третій день воскресшаго мѡ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, сѣдшаго одесную Отца и пакн грядущаго судити живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, св. каѳолическую Церковь, воскресеніе плоти. Аминь“.

(3) *Евр. simb.* p. 22.

Хрисологъ (ум. 451 г.) и Максимъ Туринскій (ум. 466) въ своихъ толкованіяхъ на символъ не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на это выраженіе: но на соборѣ толедскомъ, бывшемъ 633 г. 9 декабря, изъ 62 епископовъ, уже читали его (1). Оно въ первый разъ встрѣчается въ символѣ сдѣланномъ на арианскомъ соборѣ въ Ариминѣ (359 г.), гдѣ представляется еще съ слѣдующимъ поясненіемъ: „ниспедшаго во адъ, чтобы устроить все, что тамъ должно было совершиться (*qui tunc exiit in inferos*); верев ада, увидя Его, поколебались (2)“. Нельзя думать, чтобы римская церковь заимала слова „ниспедшаго во адъ“ изъ этаго еретическаго символа; самое различіе, съ какимъ она приводитъ ихъ, ручается за это; вѣроятно же всего они взяты изъ символа, извѣстнаго подъ именемъ Афанасіева, и сначала не имѣли никакого особаго значенія; по крайней мѣрѣ Руфинъ, при объясненіи этаго выраженія въ своемъ аквилейскомъ символѣ, почитаетъ его тождественнымъ съ словомъ „погребенна“, которое имѣетъ, говоритъ онъ, ту же силу значенія, такъ что и безъ словъ: ниспедшаго во адъ, символъ представляетъ одинъ и тотъ же смыслъ (3). Подтвержденіе сему можно находить и въ томъ, что въ древнихъ спискахъ римскаго символа слова сии отнесены къ IV члену (4), какъ поясненіе слова „погребенна“, тогда какъ въ позднѣйшее время, когда стали смотрѣть на нихъ, какъ на изложеніе особаго догмата, стали относить ихъ ихъ къ V члену (5).

(1) Pears. Exp. simb. Apost. art. V, p. 401.

(2) Soer. Hist. eccl. c. VII, l. 37. p. 133.

(3) Exp. simb. p. 22.

(4) Woss. dissert. de trib. simb. § 34. p. 313.

(5) Pears. l. c. n. 7.

Кадъ бы то ни было, самый догматъ, выражаемый сими словами, заключаетъ въ себѣ ученіе несомнѣнно православное. Ученіе о сошествіи Іисуса Христа во адъ, основанное на словахъ апостола Петра объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ и *сущимъ въ темницѣ духовомъ сошеде про-
родыда* (1 Петр. 3, 19), встрѣчается у самыхъ древнихъ отцевъ Церкви; такъ Іустинъ мученикъ говоритъ: „воспомянулъ Господь Святый Израилевъ о тѣхъ мертвецахъ, которые почивали во гробахъ (*τῶν νεκροῦμένων εἰς γῆν χύματος*), и снишелъ къ нимъ, чтобы благовѣстити имъ о спасеніи чрезъ Него (Dial. cum Tripht.)“⁴. Слова Іустина повторяетъ св. Иринея неоднократно (Adv. haeres. lib. III, с. 23, lib IV, с. 39. lib. V, с. 26). Указаніе на сіе встрѣчается и у другихъ отцевъ и писателей Церкви: Ермы (Past. lib. 3), Климента александрійскаго (Strom. lib. IV), Оригена (Hom. 53 in Math.), Аеанасія великаго (De incarn. et epist. ad Epict.) и мн. др.

Исповѣданіе, въ римскомъ символѣ, Вѣры въ „общеніе святыхъ“ не есть новый догматъ, а только поясненіе понятія о Церкви. Такое значеніе даетъ ему сама же римская церковь, когда учитъ, что этимъ внушается единеніе воинствующей земной Церкви съ торжествующею небесною. „Подъ общеніемъ святыхъ, говорить одинъ изъ ея писателей, нужно разумѣть то, что мы находимся въ общеніи съ тѣми святыми, которые пребывали въ той же Вѣрѣ, которую и мы сохраняемъ (1)“⁴. „Когда исповѣдуемъ въ символѣ общеніе со святыми, пишетъ другой богословъ, то чрезъ это принимаемъ, что земная Церковь не только имѣетъ общеніе даровъ своихъ со всѣми своими видимыми членами, но и съ

(⁴) Sub. nom. Augustin. serm. de temp. 181.

Церквию торжествующею, небесною, которая содѣйствуетъ ей своими молитвами и предстательствомъ предъ Богомъ (1)4. Самыя слова: „въ общеніе святыхъ“ внесены въ символъ не ранѣе VII вѣка, потому что Елипаидъ (ок. 633 г.) въ своихъ сочиненіяхъ передаетъ символъ безъ этихъ словъ (2). Такимъ образомъ выраженія, которыми римскій символъ въ теперешнемъ своемъ видѣ особенно отличается отъ никейскаго, не измѣняютъ его смысла, не заключаютъ въ себѣ новаго ученія, и явились въ немъ не ранѣе конца пятаго вѣка, значить тогда, когда уже на ефесскомъ соборѣ символъ никеоцареградскій былъ окончательно утвержденъ Церковію, какъ правило Вѣры для всего православнаго міра, и введенъ въ общее употребленіе.

АКВИЛЕЙСКІЙ.

Особый видъ римскаго символа представляетъ символъ аквилейскій; въ немъ, кромѣ рассмотрѣннаго уже нами исповѣданія о низшествіи Іисуса Христа во адъ, Богъ Отецъ называется *невидимымъ* и *безстрастнымъ*, — „вѣрую во единаго Бога Отца, невидимаго и безстрастнаго,“ а въ членѣ о воскресеніи стоитъ указательное мѣстоименіе *сей*: „воскресеніе сей плоти“. Этими двумя особенностями онъ отличается отъ другихъ древнихъ символовъ, а вмѣстѣ и отъ никейскаго. Руфинъ, который передаетъ его, указываетъ и причины, по которымъ онъ получилъ такое измѣненіе. Первое сдѣлано, по словамъ его, въ противоположность ученію Савеллія или патрипассіанъ, при-

(1) Bellarm. in. Symbol.

Pears. in. expos. hujus. artic. diss. v. cit p. 619.

нижавшихъ, что воплотился и пострадалъ самъ Богъ Отецъ: „для устраненія ихъ нечестія, предки наши, пишутъ Руфинъ, назвали Отца невидимымъ и безстрастнымъ, чего нѣтъ ни въ какомъ другомъ символѣ“. Нужно ли такое прибавленіе къ символу, и полезно ли оно? Объ этомъ такъ рассуждалъ св. Амвросій: „когда появились патрипассіане, нѣкоторые наши назвали Отца невидимымъ и безстрастнымъ, какъ будто Сынъ Божій по Божеству былъ видимъ и потерпѣлъ страданія. Наши предки желали быть врачами, но не требовалось такого врачевства. Потому что Вѣра осталась чистою, савелліанъ не стало, но явились аріане, которые воспользовались сдѣланнымъ къ символу прибавленіемъ, и утверждали, что римская церковь и другія, у которыхъ нѣтъ въ символѣ этихъ словъ, Отца исповѣдуютъ и видимымъ и страдавшимъ, а тамъ, гдѣ есть они, Сына признаютъ видимымъ и страдавшимъ, значить низшимъ Отца и чуждымъ Божества“ (1). О другой особенности аквилейскаго символа Руфинъ рассуждаетъ такъ: „наша церковь исповѣдуетъ воскресеніе *сеи* плоти, для большей осмотрительности и осторожности, чтобы показать, что воскреснетъ та именно плоть, которую вѣрный, при произнесеніи этихъ словъ, освяняетъ знаменіемъ креста (2)“. По всей вѣроятности, это указаніе, что воскреснетъ именно *сіа* плоть, сдѣлано для обличенія распространившагося въ III вѣкѣ мнѣнія, будто воскреснія тѣла будутъ (3) другой природы и другаго вида, нежели настоящія.

(1) Exр. simb. Ap. ad. op. Ambr. Curs. Compl. Partrop. T. XVII.

(2) Rufin. exр. simb. p. 21.

(3) Оригенъ былъ виновникомъ распространившагося мнѣнія, что тѣла воскреснія будутъ небснаго естества, чуждыя плотяности. Nimeier. Dissert. de simb. Ap. § 123.

Разсматривая древній римскій и аквилейскій символы, нельзя не остановить вниманія на томъ, что въ томъ и другомъ изъ нихъ не было послѣдняго члена нашего символа о жизни вѣчной. „Исповѣданіе воскресенія плоти служитъ заключеніемъ нашему символу“, писалъ Руфинъ при изложеніи символа аквилейскаго; „въ символѣ Вѣры и надежды нашей, говорилъ блаж. Иеронимъ, послѣ исповѣданія Святыя Троицы и единства Церкви все таинство христіанскаго догмата заключается воскресеніемъ плоти“ (1). Но если въ римскомъ и аквилейскомъ символахъ словами ясно и не выражалась вѣра въ жизнь вѣчную, она исповѣдывалась въ нихъ чрезъ признаніе воскресенія плоти. „Исповѣдуя воскресеніе плоти, пишеть одинъ изъ учителей римской церкви, мы вѣруемъ въ жизнь вѣчную; потому что послѣ воскресенія не будетъ конца ни блаженству, ни мукамъ“ (2). „Тогда, по словамъ блаж. Августина, мы, освободившись изъ подъ условій времени, будемъ наслаждаться вѣчною жизнію въ несказанной любви и блаженствѣ“ (3). Августинъ также не читалъ въ символѣ словъ: „и въ жизнь вѣчную“, но чрезъ исповѣданіе воскресенія исповѣдуетъ вмѣстѣ и догматъ о жизни вѣчной, который соединяется съ ученіемъ о воскресеніи, какъ необходимое слѣдствіе его. Посему-то иногда оба послѣдніе члена символа соединяются во-единъ: „вѣрую въ воскресеніе плоти для жизни вѣчной“. Такимъ образомъ, древняя римская и аквилейская церковь, хотя не имѣли въ символѣ члена о жизни вѣчной, но несомнѣнно принимали этотъ догматъ. Символы этихъ церквей, не смотря на свои осо-

(1) Epist. LXI. ad Pammach.

(2) Petr. Chris. sermo LX. in simb.

(3) Lib. de fide et simb. op. T. VI. p. 120.

бенности, нисколько не разнятся съ нашимъ, потому что и въ нихъ исповѣдуется таже Святая Троица, св. Церковь и жизнь будущая, съ тѣмъ только различіемъ, что Божество Сына Божія и Упостась Святаго Духа выражены въ нихъ съ меньшею ясностію и точностію. Въ другихъ символахъ, и Божество Сына является въ болѣшемъ свѣтѣ, и о лицѣ Святаго Духа говорится подробнѣе. Таковъ

символь, помѣщенный въ постановленіяхъ апостольскихъ.

Въ немъ „Единый нерожденный и истинный Богъ“ исповѣдуется особенно „Отцемъ Христа“, Божество котораго изображается величественными чертами. Онъ называется не просто: „Единороднымъ Сыномъ Бога Отца“, какъ въ римскомъ и аквилейскомъ символяхъ, но „первороденнымъ всея твари, рожденнымъ прежде вѣкъ по благоволенію Отца, не сотвореннымъ, но чрезъ котораго все сотворено, что на небеси и на земли, видимое и невидимое, который въ послѣдокъ дней сошелъ съ небесъ, принявъ плоть и родился отъ святыя Дѣвы... и придетъ въ концѣ вѣка со славою судить живыхъ и мертвыхъ, и царству Его не будетъ конца“. Духъ Святый именуется „Утѣшителемъ, который дѣйствовалъ во всѣхъ святыхъ отъ начала міра, былъ посланъ апостоламъ отъ Отца, по обѣтованію Спасителя, а послѣ нихъ и всѣмъ, которые вѣруютъ во св. каволическую Церковь“. Нѣкоторые относятъ происхожденіе постановленій апостольскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заключающійся въ нихъ символъ, къ III вѣку. Но важность свидѣтельства апостольскихъ правилъ и Трулльскаго собора. въ которыхъ постановленія апостольскія приписываются св. Клименту, современнику апостоловъ ⁽¹⁾, не оставляетъ

(1) Прав. ап. 85; прав. Трулл. соб. 2.

сомнѣнія, что эта книга явилась въ концѣ I-го вѣка; значить и символъ, который въ ней находится, относится тоже ко временамъ апостольскимъ, и передаетъ намъ голосъ самихъ апостоловъ и Церкви имъ современной. Древность всѣхъ выраженій, которыми онъ отличается отъ другихъ символовъ, доказывается между прочимъ обстоятельствами, въ которыхъ была апостольская Церковь. Такъ, Богъ Отецъ называется въ немъ *единымъ нерожденнымъ*, а Господь Иисусъ Христосъ *Сыномъ Его едиnorodнымъ*; потому что были лжеучители, которые проповѣдывали многихъ не рожденныхъ, многихъ сыновъ, какъ показываетъ 49-е апостольское правило, повелѣвающее извергать епископа или пресвитера, осмѣливающихся крестить въ трехъ безначальныхъ, или трехъ сыновъ, или трехъ утѣшителей. Въ то же время Симонъ волхвъ училъ, по свидѣтельству св. Иринея, что онъ, какъ Отецъ, явился на Синаѣ, какъ Сынъ, проповѣдывалъ Евангеліе и, какъ Утѣшитель, сошелъ на апостоловъ⁽¹⁾ и, такимъ образомъ, соединя въ одномъ себѣ всѣ три лица божества, уничтожалъ въ постасное различіе ихъ⁽²⁾. Какъ оплотъ противъ сего еретическаго лжемудрованія, въ символѣ Отецъ называется *нерожденнымъ* и *Отцемъ Христа*, а Сынъ *едиnorodнымъ, рожденнымъ по благоволенію Отца*. Ибо кто можетъ быть отцомъ самъ себѣ, и кто родится по своему благоволенію? Последнее выраженіе, встрѣчающееся у самыхъ древнихъ отцевъ⁽³⁾,

(1) Adv. haeres. lib. I. c. 19. cf. August. de haeres. c. 1.

(2) Radd. Eccl. Aposl. c. V.

(3) Иустинъ мученикъ говоритъ: Богъ Сынъ потому называется Премудростію, Словомъ, Ангеломъ, что исполняетъ волю Отца и родился по волѣ Отца (*ὁ τῷ ἄπο τοῦ πατρὸς θελήσει γεννηθήσεται*). Разгов. съ Грме. гл. 87; Тацитъ выражается: «и волею Его (Отца) простоты произошло (*προπέδα*) Слово.» Orat. Contr. Graec. c. V.

нужно было и для того, чтобы устранить отъ понятія о Божественномъ рожденіи Сына всякій грубый образъ представленія и мечтанія утонченной, развратной фантази гностиковъ, о какой-то мужеско-женской природѣ, къ которымъ еретики не рѣдко прибѣгали для объясненія недовѣдомаго таинства предвѣчнаго рожденія Сына (1). Во времена апостоловъ были также лжеучители, которые, почитая Отца Иисуса Христа однимъ изъ высшихъ воновъ, отличали Его отъ самаго Бога; чтобы обличить ихъ нечестіе, единъ истинный Богъ называется прямо *Отцемъ Христа* (2). Тогда же Керинезъ волновалъ Церковь своимъ ученіемъ о тысящелѣтнемъ царствѣ Христовомъ (3); для истребленія разсѣваемыхъ имъ плевелъ въ самомъ символѣ употреблено выраженіе, противоположное его заблужденію, что царствію Иисуса Христа *не будетъ конца*.

Въ исповѣданіи о Святомъ Духѣ символъ постановлений апостольскихъ имѣетъ также самое близкое отношеніе къ ересямъ современнымъ апостоламъ. Духъ Святыи называется въ немъ „единымъ Утѣшителемъ, который дѣйствовалъ во всѣхъ святыхъ отъ начала міра; Онъ былъ посланъ апостоламъ отъ Отца, по обѣтованію Господа, а послѣ нихъ и всѣмъ вѣрующимъ; указывается, что одинъ и тотъ же Духъ вѣщалъ чрезъ пророковъ и наставлялъ апостоловъ, — съ цѣлію обличить заблужденіе тѣхъ, которые утверждали, что св. писатели ветхаго Завѣта водились не Духомъ Святымъ, а иною нѣкоею силою (4), и что есть не одинъ, но

(1) Dray. Nev. Uberi. ab. d. c. A. V. p. 100.

(2) Ibid.

(3) August. de haer. c. 8. Eus. H. Eccl. c. III. c. 28. p. 100.

(4) Dray Ibid. p. 102.

много утѣшителей (1). Такъ училъ Керинѣъ, производившій законъ Моисеевъ и пророчества отъ злаго начала (2); а изъ 49 апостольскаго правила, запрещающаго крестить въ трехъ или многихъ утѣшителей, видно, что были и такіе, которые принимали не одного, а нѣсколько лицъ Святаго Духа. Согласіе этого исповѣданія съ никейскимъ символомъ очевидно съ перваго взгляда: оба они имѣютъ не только одно число членовъ, одинъ и тотъ же порядокъ догматовъ, но проповѣдуютъ одно и то же ученіе о Святой Троицѣ, Церкви и послѣдней судьбѣ человѣка (3). Во время аріанскихъ споровъ выраженія сего символа о Сынѣ Божіемъ: *первороденъ всея твари и по благоволенію Отца*, долгое время подвергались пререканію. Аріане ссылались на нихъ, думая видѣть въ нихъ свидѣтельство, что древняя Церковь учила согласно съ ними объ Іисусѣ Христѣ. Но истинный, православный смыслъ сихъ выраженій

(1) Пр. Ап. 49.

(2) Начертаніе Библ. Ист. преосв. Филарета.

(3) Символъ постановленій апостольскихъ имѣетъ слѣдующій видъ: *вѣрую и крещусь во единого нерожденнаго, единого только истиннаго Бога, Вседержителя, Отца Христа, Творца и Содѣтеля вселенной, изъ него же вся, и въ Господа нашего Іисуса Христа, единороднаго Сына Его, первороденнаго всея твари, прежде вѣкъ рожденнаго по благоволенію Отца, не сотвореннаго, но чрезъ котораго все сотворено, что на небеси и на земли, видимое и невидимое, который въ послѣдокъ дней сошелъ съ небесъ, принялъ плоть, родился отъ св. Дѣвы Маріи. Распятъ при Понтіѣ Пилатѣ, умеръ за насъ и въ третій день по страданіи воскресъ изъ мертвыхъ, восшелъ на небеса и сѣдѣтъ одесную Отца, пакъ придетъ въ концѣ вѣка со славою судить живыхъ и мертвыхъ и царству Его не будетъ конца. Крещусь также и въ Святаго Духа, Утѣшителя, который дѣйствовалъ во всѣхъ святыхъ отъ начала міра, былъ посланъ апостолами отъ Отца, по обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа, а послѣ нихъ и всѣмъ, которые вѣруютъ во св. католическую Церковь, въ воспріеніе плоти, въ царство небесное и жизнь будущаго вѣка (Catech. Const. Apost. I. VII. с. 41).*

раскрылъ еще св. Афанасій великій самими же аріанами. „Глухие (*αἰρησις*), говоритъ онъ имъ, показывая православіе перваго выраженія, если Христосъ перворожденъ рѣшительно (*πρῶτος*) всея твари; то отсюда слѣдуетъ, что Онъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ тварей и не есть тварь; въ противномъ случаѣ Онъ былъ бы первороднымъ самого Себя“ (1). Но кто не видитъ нелѣпости послѣдняго предположенія, а посему кто не сознаетъ, что это выраженіе утверждаетъ, а не унижаетъ Божество Іисуса Христа? И можетъ ли оно имѣть другое значеніе, когда самъ Апостоль употребляетъ его, описывая величіе славы Іисуса Христа? Равно и слова символа: рожденъ по благоволенію Отца, совершенно чужды того еретическаго смысла, какой старались открыть въ нихъ приверженцы аріанскаго образа мыслей. „Отецъ родилъ Сына, говоритъ великій противникъ аріанъ, не по закону необходимости, значить не противъ своей воли, но отсюда нельзя выводить, чтобы Онъ родилъ Его по своему произволу, по которому сотворилъ прочія твари. Потому что не всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаются не противъ воли, зависятъ отъ произвола. Богъ милосердъ, не по необходимости, и не противъ своей воли, но и не по произволу; ибо Онъ милосердъ по своей природѣ. Оттого-то хотя и говорится, что рожденіе Сына совершилось по волѣ Отца, такъ какъ оно произошло не противъ воли Его, но нельзя отсюда выводить, что Сынъ явился по произволу Отца, какъ прочія твари, и потому подобенъ имъ“ (2). Такимъ образомъ символъ постановленийъ апостольскихъ проповѣ-

(1) *Contr. Ar. or. II, n. 63.*

(2) *Contr. Arian. or. III, n. 59.*

дуетъ во всѣхъ своихъ выраженіяхъ одно истинное православное учение, которое мы исповѣдуемъ въ символѣ никейскомъ. Въ томъ и другомъ заключена одна вѣра во Единую Святую Троицу, тотъ и другой передаютъ намъ ее такъ, какъ возвѣщали апостолы, открылъ самъ Иисусъ Христосъ, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкоторые члены того и другаго выражены разными словами.

СИМВОЛЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ.

Символъ іерусалимской церкви до того сходенъ съ никеопареградскимъ символомъ, даже въ самыхъ выраженіяхъ, что многіе ошибочно утверждали, будто „св. Кириллъ Іерусалимскій, который передаетъ намъ этотъ символъ (1), излагаетъ по членамъ никейскую вѣру (2). Онъ читается такъ: „Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимыхъ всѣхъ и невидимыхъ. И во единого Господа Иисуса Христа Сына Божія единородного, истиннаго Бога, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго, чрезъ котораго все сотворено, воплотившагося и вочеловѣчившагося отъ Дѣвы и Святаго Духа, распятаго, погребеннаго, восшедшаго на не-

(1) Св. Кириллъ объяснялъ символъ готовящимся ко крещенію (τοῖς βαπτιστέοις) въ 5 огласительномъ словѣ; но въ древнихъ манускриптахъ онъ не написанъ въ этомъ мѣстѣ, по древнему обычаю, одобренному и св. Кирилломъ: «не писать символа, а передавать его устно». Въ позднѣйшихъ спискахъ, вмѣсто символа іерусалимскаго, вписанъ никейскій, вошедшій во всеобщее употребленіе и получившій каноническое достоинство. Въ настоящемъ видѣ іерусалимскій символъ можно составить частью изъ надписей надъ главами оглашеній, а преимущественно изъ самыхъ словъ св. Кирилла, который, излагая символъ, приводитъ въ разныхъ мѣстахъ различные его члены.

(2) Theoph. Chronic. ad ann. 388, p. 34. Cas. Oudin. Comment. de scr. eccl. T. I. sec. IV, p. 459.

беса и сѣдящаго одесную Отца и грядущаго во славу судить живыхъ и мертвыхъ. Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, глаголавшаго въ пророкахъ. И во едино крещеніе покаянія, во оставленіе грѣховъ, во едину святую канолическую, апостольскую Церковь, въ воскресеніе плоти и въ жизнь вѣчную“ (Toutée pot. VII. ad Catech. V ed. ejusd.). Сравнивая его съ символомъ никейскимъ, видимъ, что въ немъ съ одной стороны не достаетъ нѣкоторыхъ словъ никейскаго, а съ другой есть такія, которыхъ тотъ не имѣеть, и, наконецъ, послѣдніе четыре члена его поставлены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ символѣ никейскомъ. Такихъ разностей не могло бы быть, если бы св. Кириллъ передавалъ никейскій символъ; потому что онъ не позволилъ бы себѣ измѣнить въ немъ ни одного слова. Убѣждая вѣрныхъ хранить символъ, онъ считалъ и себя достойнымъ анаемы, „если бы осмѣлился что нибудь измѣнить въ символѣ или передавать его иначе“ (1). А между тѣмъ въ своемъ символѣ св. Кириллъ исповѣдуетъ ту же Вѣру, которая излагается и въ никейскомъ, перечисляетъ тѣ же члены, ясно и опредѣленно исповѣдуетъ въ немъ не только таинство Святыя Троицы, но и Божество Сына, который прямо называется истиннымъ Богомъ. Это согласіе іерусалимскаго символа съ никейскимъ тѣмъ драгоцѣннѣе и важнѣе для насъ, что свидѣтельство іерусалимской церкви, какъ матери всѣхъ другихъ церквей, должно имѣть для насъ особое значеніе. Среди ея совершилось великое таинство искупленія, она слышала проповѣдь самаго Спасителя, имѣла непосредственными наставниками сво-

(1) Catech. V. n. 12.

ими св. апостоловъ. И если св. апостолы не оставили Церкви безъ опредѣленнаго руководства въ дѣлѣ Вѣры, то нигдѣ нельзя искать его съ большимъ основаніемъ, какъ въ этой церкви. Самъ св. Кириллъ указываетъ на сіе, когда говорить, что „символь составленъ не по произволу человѣческому“ (οὐ γὰρ ὡς ἔδοξεν ἀνθρώποις) (1), и называетъ символъ „св. апостольскою вѣрою, преданною намъ для исповѣданія“ (ἡ εὐχὴ καὶ ἀποστολικὴ πίστις) (2), — апостольскою, не по сущности только ученія, но и по самому происхожденію. Объясняя, почему въ символъ вошли тѣ или другія выраженія, онъ указываетъ на еретиковъ современныхъ апостоламъ. „Мы исповѣдуемъ, пишетъ онъ, Бога Отца Вседержителемъ, Творцемъ неба и земли, въ обличеніе еретиковъ, которые Отца Иисуса Христа отличали отъ Творца міра“ (3). Но извѣстно, что Керинѣи и Меандръ учили, что міръ сотворенъ не Богомъ Отцемъ, но какимъ-то другимъ существомъ. „Мы называемъ Иисуса Христа единымъ (4), равно какъ и Духа Святаго именуемъ единымъ (5) Утѣшителемъ по той причинѣ, что были еретики, (опять современные апостоламъ), которые допускали многихъ Сыновъ и Святаго Духа отличали отъ Утѣшителя.“ Это, такъ сказать, внутренняго доказательства апостольскаго происхожденія іерусалимскаго символа; вѣншимъ ручательствомъ за это служить, кромѣ свидѣтельства Кирилла, еще то весьма важное обстоятельство, что этотъ символъ встрѣчается уже въ литургіи апостола Іакова, въ которой впрочемъ

(1) Ibid.

(2) Catech. XVIII. n. 32.

(3) Catech. IX. p. 7.

(4) Catech. X. n. 4.

(5) Catech. XIII. n. 3.

онъ не приводится вполнѣ, а только начало его (1). Но, происходя отъ апостоловъ, символъ іерусалимской церкви могъ сохраниться до св. Кирилла: непрерывное преемство пастырей іерусалимской церкви представляло къ сему легкое и благонадежнѣйшее средство, а множество пришельцевъ, сходявшихся съ разныхъ сторонъ на поклоненіе св. мѣстамъ, ознаменованнымъ чудесами Христа и Его апостоловъ, были безпрестанными наблюдателями за чистотою Вѣры этой церкви, такъ что и малѣйшее уклоненіе отъ древней общей Вѣры нашло бы строгихъ, неподкупныхъ обличителей (2). Такимъ образомъ свидѣтельство іерусалимскаго символа заслуживаетъ полнаго довѣрія, а согласіе его съ никейскимъ символомъ должно быть лучшимъ ручательствомъ за истинность послѣдняго. Впрочемъ, при всемъ сходствѣ обоихъ символовъ, въ іерусалимскомъ прямо не высказывается вѣра въ единосущіе Сына со Отцемъ, между тѣмъ это составляетъ отличительную черту никейскаго; но что и эта особенная черта никейскаго символа не есть новый догматъ, изобрѣтенный самими отцами, а былъ въ Церкви прежде никейскаго собора, это видимъ изъ символа церкви антиохійской.

СИМВОЛЪ АНТИОХІЙСКІЙ.

Антиохійскій символъ передаетъ намъ св. Кассіанъ (3) въ сочиненіи своемъ *de incarnatione Domini*, которое

(1) *Usserius diss. de simb. Apost. quae acc. chron. ejusd. p. 8.*

(2) Этотъ признакомъ доказываетъ неповрежденность вѣры въ римской церкви Ириней (*adv. haeres. lib. III. c. 3. n. 2*); отчего же не приложить того же признака въ подтвержденіе истинности символа іерусалимскаго?

(3) Св. Кассіанъ могъ знать символъ антиохійскій, хотя и былъ аббатомъ въ Марсели. Онъ родомъ скивъ изъ странъ близкихъ къ Ду-

писано по просьбѣ папы Льва въ опроверженіе ереси Несторія. Несторій былъ родомъ изъ Антиохіи, въ ней же былъ монахомъ и пресвитеромъ ⁽¹⁾. потому-то св. Кассіанъ и говоритъ ему: „послѣ многихъ доказательствъ противъ тебя изъ св. Писанія, я обращаюсь къ антиохійскому символу, который ты исповѣдывалъ при св. крещеніи; такимъ образомъ тебя обличитъ твое же собственное исповѣданіе, и ты, будучи побѣжденъ мѣстами св. Писанія, поразишь себя собственнымъ оружіемъ.“ ⁽²⁾ Этотъ символъ св. Кассіанъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: „Вѣрую во единого и одного только истиннаго Бога, Отца, Вседержителя, Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, и въ Господа нашего Иисуса Христа, Сына Его единороднаго, перворожденнаго всея твари, рожденнаго изъ *Нею* (ex eo patum) *Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, единосуцнаго* Отцу, чрезъ котораго сотворены вѣкъ и все, который пришелъ ради насъ, родился отъ Маріи Дѣвы, распятъ и погребенъ и въ третій день воскресъ по писаніямъ, восшелъ на небо и опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и проч.“ ⁽³⁾.

наю (Cassiod. de div. inst. c. 29), былъ монахомъ въ Египтѣ и Палестинѣ, а послѣ, поселившись въ Антиохіи, сдѣлался ученикомъ и другомъ св. Златоуста (Theod. Hist. Eccl. l. V. c. 30 et 31), съ которымъ былъ и въ Константинополѣ; когда, по изгнаніи св. Златоуста, друзья его подверглись преслѣдованіямъ, Кассіанъ удалился на западъ въ Галлію, гдѣ и умеръ въ Марсели 430 г. Genad. de vir. illustr. c. 49.

⁽¹⁾ Socr. Hist. eccl. lib. VIII, c. 24.

⁽²⁾ Oper. Cass. p. 743 de incarn. Domini lib. IV, c. III.

⁽³⁾ Св. Кассіанъ не передаетъ всего символа антиохійскаго, но, безъ сомнѣнія, онъ не ограничивался исповѣданіемъ одной Троицы, а имѣлъ члены о Церкви, воскресеніи и жизни вѣчной: потому что если бы оставалось св. Кассіану сказать только исповѣданіе и въ Духа Святаго, онъ не написалъ бы и проч., но если это сдѣлалъ для краткости —

Здѣсь единосуціе Сына со Отцемъ выражено съ полною ясностію и точностію. Кто исповѣдуетъ, что „рожденъ истинный Богъ отъ Бога истиннаго,“ и что „Сынъ рожденъ изъ Отца“, тотъ хотя бы и не употреблялъ слова единосущный, исповѣдуетъ уже единосуціе. Ибо если существо Божіе едино, и единъ истинный Богъ, то очевидно, что рожденный отъ истиннаго Бога—Богъ истинный долженъ быть одинаго естества со Отцемъ, иначе нужно допустить два существа Божія и два истинныхъ Бога, на что ни кто изъ здравомыслящихъ не можетъ согласиться. Съ другой стороны, когда Сынъ называется рожденнымъ изъ Отца, то необходимо признается чрезъ это уже самое единосущнымъ Отцу; въ противномъ случаѣ, нужно было бы предположить, что въ Богѣ Отцѣ, существѣ простѣйшемъ, чистѣйшемъ Духѣ, кромѣ своего естества, есть другое, изъ котораго произошелъ Сынъ, родившійся изъ Него, что явно нелѣпо. Оттого, весьма естественно, что въ антиохійскомъ символѣ послѣ выражений: Сынъ родился изъ Отца, истинный Богъ отъ истиннаго Бога, въ которыхъ выражается догматъ единосуція лицъ Святыя Троицы, Сынъ прямо называется единосущнымъ Отцу (*ὁμοούσιος*). Это слово не привносило въ символъ новаго понятія, но опредѣляло и точно выражало то, что внушалось предъидущими словами, и было какъ бы заключеніемъ предъидущихъ сужденій. Если Сынъ есть истинный Богъ, родился изъ Бога Отца—прямое слѣдствіе, что Онъ единосущенъ Отцу. Для чего же предполагать, что это понятіе, которое такъ тѣсно логически

линый знакъ, что ему оставалось еще перечислять нѣсколько членовъ, которые остаются, какъ не нужные для своей цѣли.

соединяется съ предъидущими, есть позднѣйшая вставка? Напрасно поэтому нѣкоторые утверждаютъ, что слово единосущный въ антиохійской символъ занято изъ никейскаго (*). Мнѣніе свое они преимущественно основываютъ на томъ, что будто бы отцы собора, бывшаго въ Антиохіи 262 г. противъ Павла самосатскаго, запретили употребленіе слова единосущный—*ὁμοούσιος* (**). Но такъ думать не даютъ ни малѣйшаго повода дошедшіе до насъ акты и посланія этаго собора; въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобное запрещеніе; напротивъ обстоятельства спора съ Павломъ самосатскимъ приводятъ даже къ противоположному заключенію, что спорное слово, имѣвшее въ антиохійской церкви большое значеніе, было въ антиохійскомъ символѣ. Павелъ самосатскій, по свидѣтельству св. Иларія. (***) училъ, что если Церковь исповѣдуетъ Сына единосущнымъ Отцу, то Онъ и Отецъ одно и тоже лице (*ἓν πρόσωπον*), а Христосъ Иисусъ простой человекъ, на котораго низошло Слово; потому что если допустить, что Онъ былъ само воплотившееся Слово, то необхо-

(*) Bing. orig. Eccl. lib. X, c. IV, § IX, p. 148.

(**) Къ этому ошибочному мнѣнію подали поводъ аріане, для которыхъ нестерпимо было слово *ὁμοούσιος*, какъ неиспроверявшее ихъ ересь въ самомъ корнѣ; они между прочими своими хитростями, къ которымъ прибѣгали, чтобы удалить изъ символа ненавистное имъ слово, рѣшились коварно сослаться на важность соборнаго опредѣленія, и, прикрываясь притворнымъ уваженіемъ къ соборнымъ постановленіямъ, упорно отвергали въ символѣ слово единосущный. Аванасій В., обличавшій всѣ аріанскіе новы, не могъ обличить настоящей ихъ лжи, потому что у него не было подъ рукою актовъ этаго собора, и долженъ былъ повѣрить аріанамъ на слово, какъ самъ говоритъ: *ὡς αὐτοὶ φασὶ τῆν γὰρ ἑκείλην ὅτι ἔχον ἑνὰ* (de sinod. n. 43, p. 787. T. I, ed. Par. 1698).

(***) De sinod. adv. Arian. p. 114. ed. Col. Arg. 1617.

димо принять, что самое человечество сдѣлалось едино-
сущнымъ Богу, а Богъ единосущнымъ человѣку (¹).
Нельзя не видѣть, что все свое нечестивое ученіе Па-
велъ основывалъ на исповѣданіи Сына „единосущнымъ
Отцу“, и всѣ свои діалектическіе выводы дѣлалъ изъ
слова *ὁμοούσιος*. Но какъ могъ еретикъ утверждать на
немъ свои лжемудрованія и ссылаться на него въ до-
казательство своихъ положеній, если бы это слово не
имѣло въ Церкви догматическаго значенія, если бы оно
не было въ канонѣ Вѣры — символь? Современникомъ
Павлу самосатскому былъ св. Діонисій александрій-
скій; на него нѣкоторые изъ александрійцевъ жалова-
лись римскому Діонисію, что ихъ пастырь не призна-
етъ Сына единосущнымъ Отцу (*λέγοντα μὴ ὁμοούσιον τῷ
υἱὸν τῷ πατρὶ*), и онъ въ оправданіе свое говоритъ, что
онъ хотя и не употребляетъ самаго слова *ὁμοούσιος*, но
принимаетъ самый догматъ, и приводитъ разныя дока-
зательства, какими пользовался при объясненіи этаго
члена Вѣры (²). Св. архипастырь александрійскій на-
влекъ на себя подозрѣніе въ неправославіи единственно
потому, что не употреблялъ слова единосущный (³);
такой жалобы не было бы, еслибы слово *ὁμοούσιος* не
было общеупотребительно и не имѣло въ Церкви кано-
ническаго достоинства. Безъ этого и отцамъ антиохій-
скаго собора не нужно было бы писать пространнаго

(¹) *Dogn. Gesch. d. Lehr. v. J. Chr. L. B.*

(²) Это дѣло подробно описываетъ св. Леонасій В. *De Sin. l. c. et
sq. cf. de descr. Cons. Nic.*

(³) Впрочемъ Діонисій александрійскій, въ своемъ посланіи къ анти-
охійскому собору противъ Павла самосатскаго, называетъ Иисуса Хри-
ста прямо единосущнымъ (*ὁμοούσιον*) Отцу. См. это посланіе *Labb. Sacr.
S. cons. T. I.*

послания (1) съ объясненіемъ втого слова; тѣмъ менѣе можно было ожидать такого посланія, (даже оно кажется совершенно излишнимъ), если допустить, что сами же св. отцы запретили употребленіе въ Церкви разсматриваемаго слова. Напротивъ изъ того, что отцы съ такою заботливостію и такъ подробно раскрываютъ истинный смыслъ его, мы въ правѣ заключать, что оно было очень важно; и эта важность его легче всего объясняется тѣмъ, что оно было въ символѣ антиохійской церкви, въ которомъ (какъ и во всякомъ символѣ) каждое слово, будучи точнымъ опредѣленіемъ догмата, по необходимости получаетъ большое значеніе. Наконецъ въ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ соборъ осуждаетъ Павла самосатскаго, можно искать доказательства, что въ это время въ символѣ антиохійской церкви было уже слово *ἁποσύσιος*: потому что въ соборномъ опредѣленіи сказано, что еретикъ отлученъ отъ церкви за отступленіе свое отъ символа Вѣры (*ἀπὸ τοῦ κανόνος τῆς πίστεως*), содержащаго церковію (2). Но мы видѣли, что главнымъ основаніемъ всей ереси его было превратное толкованіе члена символа о единосущіи, а ересь состояла въ діалектическихъ выводахъ изъ слова единосущный; отсюда прямое заключеніе, что за это-то уклоненіе отъ истиннаго смысла догмата и за злонамѣренное изъясненіе слова *ἁποσύσιος* еретикъ лишается своего епископскаго достоинства и отлучается отъ Церкви. Такимъ образомъ открывается, что не только догматы единосу-

(1) Это посланіе можно найти въ концѣ актовъ ефесскаго собора (Т. IV, l. I, et Theod. Teltz) и въ концѣ слова Кирилла александрійскаго о воплощеніи; другое посланіе того же собора, болѣе пространное, см. Хр. Чт. 1842 г. ч. I, стр. 231.

(2) *Evseb. Hist. eccl. lib. VII, c. 30. p. 815. et Aug. Taur. 1746.*

щія, но и самое то слово, которымъ никейскій соборъ выразилъ этотъ догматъ, были въ исповѣданіи Церкви за долго прежде.—Мы встрѣчаемъ это въ одномъ символѣ церкви антиохійской, но онъ, по словамъ св. Кассіана, представляя въ частности исповѣданіе помѣстной церкви, выражаетъ собою общую Вѣру Церкви всемирной; ибо всѣ помѣстныя содержатъ ее одну и ту же (¹). Происхожденіе этаго символа св. Кассіанъ относитъ къ „апостоламъ, которые предали его Церкви (²)“. Самый наконецъ составъ этаго символа простой, точный и ясный доказываетъ происхожденіе его въ началѣ христіанства. По всей вѣроятности, св. апостолы, которые положили основаніе антиохійской церкви (³), оставили ей и символъ. Св. Петръ, по свидѣтельству Іеронима (⁴), семь лѣтъ провелъ въ Антиохіи, проповѣдуя Евангеліе; отчего же не допустить, что онъ далъ антиохійской церкви точное исповѣданіе Вѣры, изображающее существенное отношеніе Бога Отца къ Богу Сыну?

СИМВОЛЪ КЕСАРІЙСКІЙ.

Всѣ, доселѣ рассмотрѣнные нами символы, по своему происхожденію принадлежащіе самимъ апостоламъ, только сходствомъ своимъ съ никейскимъ свидѣтельствовали, что онъ передаетъ именно ту Вѣру, которую проповѣдывали апостолы; но символъ церкви кесарійской представляетъ не свидѣтельство уже, а такъ сказать ручательство за эту истину: потому что самый никейскій

(¹) De incar. Domini, lib. IV, c. VI, p. 749.

(²) Ibid. c. V, p. 148.

(³) Дѣян. 11, 22—25.

(⁴) Hier. in chronic.

символь есть только не много распространенный символъ церкви кесарійской. Когда на никейскомъ соборѣ Евсевій-Памфилъ, епископъ Палестинской Кесаріи, навлекъ на себя, за свою дерзительность, подозрѣніе въ неправославіи и расположенности къ аріанскому образу вѣрованія. — онъ для своего оправданія представилъ на соборѣ, какъ доказательство своего православія, древній символъ своей кесарійской церкви, который передаетъ въ слѣдующемъ видѣ: „Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца видимыхъ всѣхъ и невидимыхъ. И во единого Господа Иисуса Христа. Слово Божіе, Бога изъ Бога, свѣта отъ свѣта, жизнь отъ жизни, Сына едиnorodнаго, перворожденнаго всея твари, рожденнаго отъ Бога Отца прежде всѣхъ вѣкъ, чрезъ котораго все сотворено, воплотившагося для нашего спасенія и пожившаго между людьми, восшедшаго къ Отцу и имѣющаго пріити судить живыхъ и мертвыхъ. Вѣрую также и во единого Святаго Духа.“ Этотъ символъ, говорилъ Евсевій предъ лицомъ всего собора, свидѣтельствуюсь Богомъ, „я преемственно получилъ, какъ образъ и правило Вѣры, отъ своихъ предшественниковъ, епископовъ кесарійскихъ, его заучивалъ, готовясь ко крещенію, исповѣдывалъ предъ купелию, имъ руководился въ ученіи, будучи пресвитеромъ и въ санѣ епископа“ (1). По требованію св. отцевъ, исповѣданіе его было прочитано въ общемъ засѣданіи собора, въ присутствіи самаго императора, и отцы признали его пра-

(1) Socr. Hist. Eccl. l. 1, c. VIII, p. 24. Евсевій расширяетъ въ эти подробности въ посланіи къ своей кесарійской паствѣ, что самог ручается уже, что онъ передаетъ символъ вѣрно, а то, что Сократъ приводитъ это посланіе, какъ подлинное, описывающее истинныя событія, достаточно убѣждаетъ, что Евсевій говоритъ правду.

вослаившимъ (ἐν τῇ ἑκκλησίᾳ καὶ δουλῆς), „Самъ боголюбивый императоръ, пишетъ Евсевій къ своей паствѣ, первый заведѣтельствовавъ, что мое исповѣданіе православно, и что онъ самъ также исповѣдуетъ св. Вѣру, и убѣждавъ всѣхъ согласиться съ нимъ, подписаться подъ представленнымъ мною символомъ и единодушно принять его“ (1). Предложеніе императора было принято всѣми;—отцы собора нашли только необходимымъ яснѣе выразить въ символѣ единосуціе Сына со Отцемъ. Для этой цѣли нѣсколько измѣнили третій членъ древняго кесарійскаго символа, внесли въ него слово *ὁμοούσιος*; и нѣкоторыя выраженія, направленные противъ заблужденій Арія, и такимъ образомъ составили символъ, который былъ изданъ отъ лица собора и дошелъ до насъ подъ именемъ никейскаго. Но прибавленія, сдѣланныя къ кесарійскому символу, нисколько не измѣняя смысла его, только сдѣлали его болѣе яснымъ и противоположнымъ арианскому богохульству. Потому что никто не почтетъ измѣненіемъ смысла, когда къ словамъ древняго символа: Богъ отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта, жизнь отъ жизни, которыя сами собою выражаютъ единство естества Бога Отца и Бога Сына, прибавлено положительное и ясное опредѣленіе: „исповѣдывать Сына рожденнымъ изъ сущности Отца, единосущнымъ Отцу.“ Пастыри Церкви чрезъ это только указали, какъ нужно понимать прежній символъ, дали для всей Церкви болѣе опредѣленный образецъ Вѣры. Въ символѣ кесарійскомъ, а потому и никейскомъ, мы не видимъ послѣднихъ членовъ о Церкви, воскресеніи и жизни вѣчной. Но отсюда нельзя заключать, что ихъ не было въ

(1) Ibid.

древнихъ символахъ, и что они вновь составлены на константинопольскомъ соборѣ, прибавившемъ ихъ къ символу никейскому. Напротивъ они были необходимою принадлежностію всякаго символа; потому что встрѣчаются въ каждомъ изъ нихъ, который дошелъ до насъ въ полномъ своемъ составѣ,—ихъ мы читаемъ въ символахъ римскомъ, аквилейскомъ, символѣ постановленийъ апостольскихъ, іерусалимскомъ; необходимо предположить, что они были и въ кесарійскомъ и антиокійскомъ. Но Евсеій и св. Кассіанъ не передаютъ ихъ потому, что эти члены не нужны были для тѣхъ цѣлей, съ которыми тотъ и другой писатель говорятъ о древнихъ исповѣданіяхъ Церкви. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что св. Кипріанъ, упоминая о символѣ своей карфагенской церкви, говоритъ именно о послѣднихъ четырехъ членахъ его. „Хотя новатіане не разнятся съ нами въ вопросахъ крещенія, пишетъ св. отецъ, но не могутъ имѣть права крестить; потому что не одинъ законъ символа у насъ съ еретиками; ибо они, исповѣдуя оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную чрезъ св. Церковь, обманываютъ самихъ себя, не имѣя церкви“ (1). Въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „когда мы говоримъ: вѣрую въ жизнь вѣчную и въ оставленіе грѣховъ чрезъ св. Церковь,—разумѣемъ, что оставленіе грѣховъ достигается только въ Церкви, а у еретиковъ, у которыхъ нѣтъ Церкви, не можетъ быть и отпущенія грѣховъ“ (2).

Такимъ образомъ, изъ обозрѣнія древнихъ символовъ (3) открывается, что они содержали и тѣ же чле-

(1) Epist. ab. Magn.

(2) Epist. ad. Episc. Numid.

(3) Нѣкоторые ученые (Blag. Orig. Fecl. lib. X. c. IV) къ православнымъ символамъ относятъ то исповѣданіе, которое Аріій предоче-

ны, и тѣже догматы, которые исповѣдуемъ мы въ своемъ никеопареградскомъ символѣ. Въ немъ, во всѣхъ тѣхъ членахъ, въ которыхъ говорится о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, не встрѣчается ни одного выраженія, ни одного слова, котораго не было бы въ символахъ Церкви, бывшихъ прежде него. Въ немъ также ясно выражается Божество Святаго Духа и равносущность Его со Отцемъ и Сыномъ. Послѣдніе четыре члена никеопареградскихъ въ древнихъ символахъ представляются въ ббольшемъ разнообразіи: они то выражаются иными словами, то слѣдуютъ не въ одномъ и томъ же порядкѣ, то наконецъ соединяются между собою; но во всѣхъ видахъ они содержатъ одинъ и тотъ же смыслъ. Ибо кто вѣруетъ „во оставленіе грѣховъ

валъ Константину, какъ доказательство своего единомыслія съ никейскими отцами; они считаютъ его древнимъ символомъ церкви александрійской. Но такъ думать вѣтъ ни малѣйшаго основанія, потому что ни Сократъ ничего не говоритъ объ этомъ, приводитъ самое исповѣданіе, ни даже самъ Аріѣ; между тѣмъ для него было бы очень важно и полезно указать, что онъ принимаетъ древнее исповѣданіе той церкви, которая отлучила его; врагъ Сына Божія говоритъ только, что научился этой вѣрѣ изъ Евангелія. (Socr. Hist. Eccl. lib. I. c. 26. p. 62). Это молчаніе, краткость и обобщенность выраженій о Иисусѣ Христѣ, не исключаящихъ арианскаго образа мыслей, заставляютъ видѣть здѣсь хитрое пронаведеніе самаго Аріѣ. Наконецъ, если бы это былъ символъ церкви александрійской, православные не осудили бы его и не отвергнули бы, а только пояснили бы смыслъ его; такъ поступили они съ символомъ изъ постановленій апостольскихъ и Луціана, на которые ссылались ариане, какъ благопріятные для себя. Исповѣданіе Аріѣ по Сократу читается такъ: «вѣрую во Единнаго Бога Отца вседержителя, и въ Господа Иисуса Христа, Сына Его, рожденнаго отъ Него прежде всѣхъ вѣкъ, Бога Слова, которымъ все сотворено на небѣ и на землѣ, который сошелъ и воплотился, страдалъ, воскресъ, восшелъ на небо и опять придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, воскресеніе плоти, въ жизнь будущаго вѣка, царство небесное, и во едину католическую Церковь, распространенную по всему міру» (Socr. I. c.).

черезъ св. каволическую апостольскую Церковь⁽¹⁾, тотъ исповѣдуетъ уже и самую Церковь и всѣ ея таинства. Не одно ли и тоже вѣровать во едино крещеніе покаянія⁽²⁾, или исповѣдывать едино крещеніе во оставленіе грѣховъ? А кто принимаетъ „воскресеніе плоти для жизни вѣчной⁽³⁾“, тотъ очевидно не сомнѣвается уже, что будетъ самая жизнь. Даже если бы въ которомъ символѣ и не было высказано исповѣданіе о св. Церкви, — оно необходимо подразумѣвалось, какъ естественное, неизбѣжное слѣдствіе исповѣданія Святыя Троицы. „Когда, пишетъ Тертуліанъ, свидѣтельствуется вѣра въ три лица Святыя Троицы и черезъ это запечатлѣвается залогъ спасенія, тогда необходимо уже должна быть упомянута и св. Церковь; потому что гдѣ три: Отецъ, Сынъ, и Святыи Духъ, тамъ и Церковь, которая составляетъ тѣло Еяго“⁽⁴⁾. Но кто исповѣдуетъ св. Церковь, тотъ принимаетъ и все то, чему она учитъ и вѣруетъ; и хотя бы въ символѣ онъ и не упоминалъ ни о крещеніи, ни о воскресеніи, ни о жизни будущаго вѣка, необходимо долженъ вѣровать въ эти догматы, потому что Церковь, которой онъ дѣлался членомъ, проповѣдывала эти истины. Такимъ образомъ, повторимъ снова, древніе символы, сохранившіеся до насъ, являются совершенно сходными съ символомъ никейскимъ; въ нихъ встрѣчаются тѣже члены и тѣже догматы, какъ и въ никейскомъ.

Никейскій символъ сходенъ съ древними по своему виду и по своимъ выраженіямъ, но Вѣра — не въ сло-

(1) S. Cyr. epist. ad. Magn.

(2) Символъ іерусалимскій. S. Cyr. Catech. V.

(3) Символъ римскій. Pears. diss. de simb. Apost. art. XII, p.

(4) De Bapt. c. VI.

вахъ, а въ смыслѣ, и „недостаточно, чтобы кто только читалъ символъ согласно съ Церковію; нужно, чтобы онъ и толковалъ его согласно съ нею“ (1). Поэтому чтобы видѣть совершенное согласіе нашего символа съ древними, нужно увѣриться, что древняя Церковь съ одними и тѣми же словами соединяла тотъ же смыслъ. какой соединяетъ съ ними и современная намъ Церковь. Въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ дошедшихъ до насъ древнихъ исповѣданій, въ которыхъ символъ не передается буквально, но перечисляются его члены и указывается его содержаніе.

Первый изъ отцевъ Церкви (2), который оставилъ намъ подобнаго рода исповѣданіе, есть *Ириней*. Онъ, называя символъ „непоколебимымъ правиломъ вѣры (τὸν κἀνενα τῆ: ἀληθείας ἀκλίβητον), которое всякій принимаетъ въ крещеніи“ (3), изображаетъ его въ слѣдующемъ видѣ: „церковь, разсѣянная по всему міру до концевъ земли, получила отъ апостоловъ и учениковъ ихъ вѣру во единого Бога Отца Вседержителя, сотворившаго небо и землю, моря и вся, яже въ нихъ: и во единого Иисуса Христа. Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія: и въ Духа Святаго, предвозвѣстившаго чрезъ пророковъ Божіе домостроительство (τὰς οἰκονομίαις) и пришествіе, воплощеніе отъ Дѣвы, страданіе, воскресеніе изъ мерт-

(1) Cyril. Alex. Epist. ad Nest. de excomm.

(2) Ю. Георг. Альстедій thesaur. Chronol. CXXXIII, думаетъ найти символъ у Климента Римскаго, Игнатія Богоносца, Поликарпа, Лустина мученика, но, по справедливому замѣчанію ученыхъ, снъ св. отцы чинно ходомъ только приводятъ въкоторыя выраженія, какъ будто нѣтъ символа, но нигдѣ не передаютъ многихъ или нѣсколькихъ членовъ его. Pears. exp. symb. Ap. art. V. p. 400. Budd. Isag. in. Theol. univ. lib. post. c. II, p. 444.

(3) Adv. haer. lib. I. c. I.

выхъ и восшествіе съ плотію на небеса возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа, и пришествіе Его съ небесъ во славу Отца, возглавить всяческая и воскреситъ всякую плотъ всего человѣчества (*πάσης ανθρωπότητος*), да Христу Іисусу, Господу нашему и Богу, и Спасителю и Царю, по благоволенію Отца невидимаго. всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и пренеподвижныхъ, и всякъ языкъ исповѣдается Ему. Онъ сотворитъ праведный судъ во всѣхъ: зло духовное и отпадшихъ ангеловъ, сдѣлавшихся отступниками, равно какъ и нечестивыхъ, неправедныхъ, незаконныхъ и богохульныхъ людей пошлетъ въ огонь вѣчный, а праведнымъ, смиренномудрымъ, хранящимъ заповѣди и пребывающимъ въ любви Его, отъ самаго рожденія или послѣ покаянія, даруетъ нетлѣніе и сподобитъ вѣчной славы“ (1). Это исповѣданіе св. Иринея есть древнѣйшій памятникъ, въ которомъ передается символъ, и свидѣтельство его заслуживаетъ полную довѣрность. По выраженію Василія В., онъ былъ близкимъ къ апостоламъ (*ὁ ἐγγύς τῶν ἀποστόλων*) и самъ слушалъ ученіе мужей апостольскихъ (Поликарпа и Папія) (2), такъ что богооткровенныя истины переходили къ нему только изъ вторыхъ устъ; по обстоятельствамъ своей жизни, онъ могъ лично убѣдиться, какъ понимаетъ и исповѣдуетъ Вѣру вся Церковь Христова, потому что онъ родился и озарился свѣтомъ Евангелія на востокѣ, проходилъ пастырское свое служеніе на западѣ; отличался между современниками образованіемъ, чистотою своей вѣры и не порочностію своей жизни, за что почтенъ

(1) Ibid. с. II.

(2) Iren. lib. III. с. 3. Hieron. Catal. script. in Pap.

быть епископскимъ достоинствомъ и причтенъ Церковію къ лику святыхъ: слѣдовательно былъ такимъ свидѣтелемъ, который не только могъ знать истинную Вѣру, но и способенъ былъ и другимъ передать ее безъ поврежденія. Направляя сочиненіе, въ которомъ излагаетъ свое исповѣданіе Вѣры, противъ современныхъ ересей, онъ естественно долженъ былъ говорить одну истину, изъ опасенія, чтобы тѣже самые, которыхъ онъ опровергаетъ, не обличили его самаго во лжи. И онъ дѣйствительно ссылается на вселенскую Церковь, какъ на непреложную свидѣльницу, что онъ передаетъ истинную Вѣру и ту самую, которую она „тщательно хранитъ, будучи разсѣяна по всему міру и согласно исповѣдуетъ, какъ бы обитающая въ одномъ домѣ, вѣруетъ, какъ бы имѣющая одну душу, одно сердце, согласно проповѣдуетъ, учитъ и передаетъ, какъ бы говорящая одними устами,“—и слѣдовательно передаетъ намъ въ словахъ не свою, а общую Вѣру всей Церкви.

Такимъ образомъ, свидѣтельство св. Ириней должно имѣть для насъ великую важность. Но онъ передаетъ ту же самую Вѣру, которую мы исповѣдуемъ въ своемъ никеополитанскомъ символѣ, называетъ Бога Отца Творцемъ вселенной, признаетъ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, Богомъ Спасителемъ и Царемъ, исповѣдуетъ вѣру въ воплощеніе Его отъ Духа Святаго и рожденіе отъ Дѣвы Маріи, исповѣдуетъ его судіемъ и мздовоздавателемъ всѣхъ; Духа Святаго изображаетъ третьимъ лицомъ Святой Троицы, глаголавшимъ чрезъ пророковъ, раздавателемъ благодатныхъ даровъ; св. Церковь признаетъ хранительницею священнаго сокровища Вѣры и руководительницею ко спасенію. Такимъ образомъ въ исповѣданіи св. Ириней являются всѣ члены

никопцареградскаго символа, представляется не только въра во Святую Троицу, но и въ таинство воплощенія и дѣйство Богоматери. а Церковь называється учительницею св. Вѣры.

Другой древній писатель Церкви, въ сочиненіяхъ котораго встрѣчается исповѣданіе Вѣры, былъ *Тертуліанъ*, принадлежавшій къ африканской церкви. Подобно св. При нему онъ былъ ревностнымъ обличителемъ современныхъ ересей, пока самъ не увлекся лжеученіемъ монтанистовъ. Опровергая разныя заблужденія, онъ нѣсколько разъ излагаетъ символъ, какъ изображеніе истинно православной Вѣры, и дѣлаетъ это то въ краткихъ, то болѣе пространныхъ выраженіяхъ, смотря потому, какъ требовали того обстоятельства. Такъ въ сочиненіи: *De praescriptione adversus haereticos*, онъ излагаетъ символъ въ слѣдующемъ видѣ: „вѣруемъ, что единъ только Богъ и нѣтъ другаго, кромѣ Творца міра, который произвелъ все изъ ничего чрезъ Слово свое, рожденное прежде вѣкъ. Это Слово, называемое Сыномъ Его, какъ Богъ (*in nomine Dei*) различно являлся патриархамъ, слышанъ былъ въ пророкахъ; наконецъ Духомъ Отца и силою Его ниспосланъ въ Марію Дѣву, воплотился въ ея утробѣ и есть Іисусъ Христосъ. Онъ проповѣдывалъ новый законъ и новое обѣтованіе царства небеснаго, творилъ чудеса, распятъ на крестѣ, въ третій день воскресъ, восшелъ на небеса и возсѣдитъ одесную Отца. Онъ послалъ замѣнительную силу (*vicariam vim*) Святаго Духа, который дѣйствуетъ въ вѣрующихъ. Придетъ со славою, чтобы взять святыхъ въ царство жизни вѣчной и небесныхъ обѣтованій и чтобы нечестивыхъ (*profanos* — язычниковъ) осудить на огонь вѣчный, воскресивши тѣхъ и другихъ чрезъ воскресеніе

плоти.“ Въ этомъ исповѣданіи есть выраженія, которыя, повидимому, имѣютъ смыслъ противный никейскому исповѣданію;—въ немъ Слово, рожденное прежде всѣхъ, является посланнымъ Духомъ Бога Отца и Силою Его въ Дѣву, а Духъ Святой называется замѣнительною силою. Первое какъ будто унижаетъ достоинство Сына Божія, дѣлая Его служебнымъ орудіемъ для нашего спасенія; второе какъ будто уничтожаетъ личность Святаго Духа. Но самъ Тертуліанъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій указываетъ, какъ нужно смотрѣть на сіи выраженія. Такъ въ другомъ своемъ изложеніи символа, сдѣланномъ по случаю опроверженія ереси Праксея, онъ ясно показываетъ, что принимаетъ и Божество Сына и ипостасное бытіе Святаго Духа; потому что Иисуса Христа онъ называетъ прямо Богомъ, а Святаго Духа представляетъ дѣйствующимъ, какъ лице самостоятельное. „Мы вѣруемъ, пишетъ онъ, въ единого Бога, но съ тѣмъ однакожъ разграниченіемъ (dispensatione), что у единого Бога есть Сынъ, Слово Его, который отъ Него самаго произошелъ (processerit), чрезъ котораго все сотворено, и безъ котораго не сотворено ничего. Онъ посланъ отъ Отца въ Дѣву и родился изъ нея Богъ и человѣкъ. Сынъ человѣческій и Сынъ Божій, названъ Иисусомъ Христомъ. Онъ страдалъ и умеръ и погребенъ, по писаніямъ, воскресенъ Отцемъ, вознесенъ на небо, сѣдитъ одесную Отца, придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ съ неба послалъ отъ Отца, по обѣтованію своему, Святаго Духа Утѣшителя, Освятителя вѣры тѣхъ, которые исповѣдаютъ Отца и Сына и Святаго Духа (1).“

(1) Adv. Prax. с. II. Тоже самое исповѣданіе Тертуліанъ перелагаетъ въ другомъ своемъ сочиненіи de velandis virgin. с. 7, но въ сокращен-

Неточность въ некоторыхъ выраженіяхъ Тертуліана происходитъ отъ того, что онъ направляетъ свои исповѣданія противъ господствовавшихъ въ его время ересей. Тогдашніе еретики, главою и представителемъ которыхъ былъ Праксей, доказывали единство Божіе и уничтожали троичность ⁽¹⁾. Тертуліанъ въ своихъ исповѣданіяхъ преимущественно желаетъ показать ипостасное различіе лицъ Святыя Троицы. Онъ исповѣдуетъ три лица Божества, каждому изъ нихъ усвоить дѣйствительное бытіе, но вмѣстѣ признаетъ и единство ихъ естества. или, какъ самъ выражается, „не уничтожаетъ Монархіи ⁽²⁾“. „Троичность лицъ, пишетъ онъ, не противна единству Божеской природы; власть и честь одна и та же у всѣхъ лицъ Святыя Троицы. Одинъ Богъ во всѣхъ лицахъ, по единству существа; тѣмъ не менѣе соблюдается таинство домостроительства, которое сіе единое Божество разлагаетъ на троичность ипостасей и представляетъ трехъ: Отца и Сына и Святаго Духа ⁽³⁾“, — „трехъ не по состоянію (statu), но по порядку (gradu),

имѣя видѣ: правило Вѣры (символъ) совершенно одно, непоколебимо и неизмѣнимо, т. е. вѣровать во единого Бога вседержителя, Творца міра, и Сына Его Иисуса Христа, рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ, воскресшаго въ третій день изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса, сѣдѣщаго одесную Отца, грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ по воскресеніи плотн. По краткости этого исповѣданія и отсутствію въ немъ имени Святаго Духа, нѣкоторые, забывая, что здѣсь Тертуліанъ кратко только повторяетъ сказанное пространнѣе въ другомъ мѣстѣ (adv. Prax. c. II), утверждаютъ, будто во время Тертуліана въ символѣ не было ни исповѣданія Божества Сына, ни члена о Святомъ Духѣ (Dogn. Gesch. de Lehr. v. I. Chr. Th. I, c. 1) Но изъ приведенныхъ нами исповѣданій Тертуліана сама собою уже открывается неосновательность этого мнѣнія.

⁽¹⁾ Guenike. Handb. d. Kircheng. Abschn. IV, 1 Heft. Seit. 209.

⁽²⁾ Berd. Marech. Concord. Patr. T. I. doctr. Tert. S. I: c. VI n. 1. p. 177.

⁽³⁾ Ibid.

не по существу, но по формѣ, не по власти, но по виду. Всѣ лица одного естества, одного достоинства и одной власти (1)⁴. „Слово рождено Богомъ, потому и называется Сыномъ Божиимъ и Богомъ по единству существа. Духъ отъ Духа и отъ Бога Богъ, какъ свѣтъ отъ свѣта исходитъ (2). „Богъ Отецъ никогда не былъ одинъ, но всегда имѣлъ съ собою Слово, которое было въ лонѣ Его (3)⁴. Должно ли искать яснѣйшаго свидѣтельства о божественности Иисуса Христа и единосущи Его съ Отцемъ? Нужно ли еще доказательства, что Тертуліанъ допускалъ Божество, личность и единосущіе со Отцемъ и Сыномъ Святаго Духа, называя Его то Божественнымъ правителемъ (*Dei villicus*), то намѣстникомъ Господа Иисуса (*Christi vicarius*) (4)? Такимъ образомъ исповѣданія Тертуліана вполне согласны съ символомъ никейскимъ: какъ тамъ Богъ является въ трехъ лицахъ, такъ и здѣсь исповѣдуется Святая Троица; какъ тамъ Сынъ Божій называется Богомъ единосущнымъ Отцу, такъ и здѣсь Онъ именуется Сыномъ Божиимъ и Богомъ по единству существа; наконецъ, какъ тамъ Духъ Святый со Отцемъ и Сыномъ спокланяемъ и славимъ, такъ и здѣсь Онъ одного съ Ними достоинства и одной власти.

Послѣ Тертуліана (5) свидѣтелемъ истинности никейскаго символа является *Оригенъ*, который въ своемъ сочиненіи „О началахъ“ въ предисловіи представляетъ слѣдующее исповѣданіе вѣры: „виды того, что явно пре-

(1) Adv. Prax. c. II.

(2) Apolog. c. XXI.

(3) Adv. Prax. c. V.

(4) De praescr. adv. haer. c. 28.

(5) Bing. orig. Eccl. l. X, c. IV. § 2. p. 63. Budd. Isag. in Theol. univ. lib. post c. I §. VI. p. 347. Guer. Allg. symb. Th. 1. p. 5.

подается чрезъ проповѣдь апостольскую. суть: во-первыхъ, что единъ Богъ, который все сотворилъ и устроилъ, который изъ ничего далъ бытіе вселенной, отъ перваго сотворенія и устроенія міра Богъ всѣхъ праведниковъ: Адама, Авеля, Сива, Еноса, Еноха, Ноя, Сима; Авраама, Исаака, Іакова, 12 патріарховъ, Моисея и пророковъ, и что сей Богъ въ послѣднокъ дней, какъ прежде общалъ чрезъ своихъ пророковъ, послалъ Господа нашего Иисуса Христа, самъ далъ законъ, пророковъ и евангеліе, Онъ есть Богъ апостоловъ, ветхаго и новаго Заветъа. Во-вторыхъ. Иисусъ Христосъ, тотъ самый, который пришелъ, рожденъ отъ Отца прежде всей твари. Онъ по-колику служилъ Отцу при созданіи всего (ибо чрезъ Него все сотворено), то въ послѣднія времена, Себе умаливъ, сдѣлался человѣкомъ: воплотился, хотя былъ Богъ. и пребылъ человѣкомъ. будучи Богомъ. Принялъ на Себя плоть подобную нашей плоти, съ тѣмъ только различіемъ. что родился отъ Дѣвы дѣйствіемъ Святаго Духа. И поелику сей Иисусъ Христосъ родился и страдалъ на самомъ дѣлѣ, и не по подобію только общей смерти, умеръ этою смертію дѣйствительно; то дѣйствительно и воскресъ изъ мертвыхъ и послѣ воскресенія обращался съ учениками своими и вознесся. Въ-третьихъ, передали, что вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ участвуетъ въ чести и достоинствѣ Духъ Святой“. Догмать о Пресвятой Троицѣ въ этомъ исповѣданіи очевидно передается также ясно и определенно, какъ мы принимаемъ это въ символѣ никеи-цареградскомъ. Признавая Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ, равночестнымъ Отцу, Богомъ и въ самомъ во-человѣченіи, Оригенъ раскрываетъ и причину воплощенія, и тайну рожденія отъ Дѣвы дѣйствіемъ Святаго Духа.

Самаго Духа Святаго исповѣдуетъ участвующимъ въ чести и достоинствѣ со Отцемъ и Сыномъ. Такимъ образомъ не только своимъ свидѣтельствомъ подтверждаетъ догматы, содержащіяся въ никейскомъ символѣ, но и уясняетъ ихъ, не только показываетъ, что Церковь современная ему содержала ихъ, но и открываетъ, что она понимала ихъ такъ, какъ и теперь проповѣдуетъ.

Ученикъ Оригена св. *Григорій Неокесарійскій*, въ своемъ исповѣданіи Вѣры передаетъ намъ ту же Вѣру и то же ученіе. Исповѣданіе свое онъ получилъ чудеснымъ образомъ. По настоянію Федима, епископа амасійскаго, обладавшаго даромъ прозрѣнія, св. Григорій былъ поставленъ епископомъ въ Неокесарію, въ которой въ то время, вмѣстѣ съ ея многочисленными окрестностями, было не болѣе семнадцати христіанъ; всѣ прочіе поклонялись идоламъ. Вновь посвященный епископъ сознавалъ всю трудность своего назначенія, которую еще болѣе увеличивали свирѣпствовавшія въ то время двѣ противоположныя ереси — Павла самосатскаго, уничижавшаго Иисуса Христа, какъ простаго человѣка и сливавшаго ипостаси Святыя Троицы, и требожниковъ, которые допускали трехъ боговъ, различныхъ по существу. Требовалась великая осторожность и мудрость, чтобы быть достойнымъ пастыремъ, при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Св. Григорій чувствовалъ это и просилъ себѣ времени для приготовленія къ священному служенію, но по выраженію св. Григорія Нисскаго, не пожелъ нужнымъ совѣтоваться съ *плотію и кровію* (Гал. 1. 16), а обратился съ пламенною молитвою къ Богу низпослать ему свыше откровеніе сокровеннаго, и рѣшился не приступать къ проповѣданію слова Божія, пока въ какомъ нибудь явленіи не будетъ открыта ему

истина. Молитва и живая вѣра св. пастыря скоро была услышана. Однажды въ тихую и темную ночь, св. Григорій, послѣ долгой съ колѣнопреклоненіемъ слезной молитвы, легъ на свое жесткое ложе не для успокоенія, но для размышленій о Вѣрѣ. Вдругъ ночной мракъ уступилъ мѣсто яркому блистанію, полночь обратилась въ ясный полдень и въ лучезарномъ свѣтѣ явился въ великолѣпномъ одѣяніи старецъ величественнаго вида; на лицѣ его выражалось благородство и все въ немъ дышало добродѣтелию и величіемъ. Григорій устранившись видѣнія, поспѣшно встаетъ съ одра, обращается къ явившемуся и проситъ сказать: кто онъ и за чѣмъ пришелъ? Этотъ тихимъ голосомъ успокоилъ его встревоженный духъ, сказавъ, что явился къ нему по повелѣнію Божию, разрѣшить его недоумѣнія и научить его православной Вѣрѣ. Потомъ старецъ указалъ ему въ противоположную сторону, гдѣ Григорій увидѣлъ жену, по красотѣ своей превосходившую всякій человѣческій образъ. Послѣ сего оба явившіеся начали между собою разговоръ; жена просила Евангелиста Іоанна открыть молившемуся тайну благочестія, а этотъ говорилъ, что онъ готовъ исполнить все для Матери Господа, и на самомъ дѣлѣ далъ св. Григорію въ краткихъ и опредѣленныхъ словахъ нужное наставленіе. Св. пастырь не проронилъ ни слова изъ того, что слышалъ, и лишь только кончилось видѣніе, немедленно записалъ все наставленіе, которое имѣло слѣдующій видъ: „Единъ Богъ, Отецъ Слова живаго, Премудрости и Силы самосущей и образъ вѣчнаго; совершенный родитель совершеннаго, Отецъ Сына едиnorodнаго. Единъ Господь, единый отъ единаго, Богъ отъ Бога, образъ и выраженіе Божества, Слово дѣйственное, Мудрость, содержащая со-

ставъ всего, и Сила, зиждущая все твореніе. Истинный Сынъ истиннаго Отца, невидимый невидимаго, нетѣльный нетѣннаго, безсмертный безсмертнаго, вѣчный вѣчнаго. И единъ Духъ Святой отъ Бога исходящій, посредствомъ Сына явившійся людямъ, жизнь, въ которой причина живущихъ, святой источникъ, святыня, подающая освѣщеніе. Имъ является Богъ Отецъ, который надъ всѣмъ и во всемъ, и Богъ Сынъ, который чрезъ все. Троица совершенная, славою и вѣчностію и царствомъ нераздѣльная и неразлучная. Посему нѣтъ въ Троицѣ ни сотвореннаго, ни служебнаго, ни приходящаго, чего бы прежде не было, и что вошло бы послѣ. Ни Отецъ никогда не былъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Духа, но Троица непреложна, неизмѣнна и всегда одна и таже (1)4. Нѣкоторые отвергаютъ подлинность этого символа, или по крайней мѣрѣ сомнѣваются въ чудесномъ его происхожденіи. Основаніемъ сему служитъ молчаніе о немъ Евсевія, Иеронима, Софронія (2). Но Евсевій, неизвѣстно почему (Аванасій бібліотекарь предполагаетъ (3), что это произошло не изъ добраго источника) ничего не говоритъ въ своей Церковной Исторіи ни о славѣ Григорія Чудотворца, ни даже о чудесахъ его, извѣстныхъ всѣмъ. Впрочемъ нужно предполагать, что онъ много говорилъ о Григоріѣ въ апологіи за Оригена (она не дошла до насъ), къ которой былъ присоединенъ даже панегирикъ Григоріевъ своему великому учителю: (4) Иеронимъ во всемъ слѣдовалъ Евсевію, а Софроній былъ только толковникомъ Иеро-

(1) Прилож. къ Прав. исповѣд. стр. 197, изд. С.п.б. 1840.

(2) Sand. de Script. Eccl. p. 39.

(3) Chronol. ad. ann. Chr. 246.

(4) Bell. defens. fid. nic. S. II. c. XII. § 3. p. 252.

нима. Итажъ молчаніе этихъ писателей не даетъ основанія сомнѣваться въ подлинности символа принадлежащаго Григорію. Объ немъ ясно упоминають (1), не только Руфинъ (2), но и св. Григорій Нисскій (3). Последній, приведши самое исповѣданіе, прибавляетъ: „даже до настоящаго времени оно преподается всему неокесарійскому народу, который остается чистымъ отъ всякаго еретическаго нечестія. Кто желаетъ уверитися въ подлинности его, тотъ пусть обратится къ церкви, въ которой св. Григорій преподавалъ это ученіе; она покажетъ ему самыя слова, писанныя собственною рукою Чудотворца, сохраняемыя ею даже доселѣ (4)“. Свидѣтельство Григорія Нискаго подтверждается свидѣтельствомъ брата его Василія В. (epist 75 ad Neoc.). Онъ пишетъ неокесарійцамъ: „мы отъ своей воспи-

(1) Лаббей (*disc de Eccl. script.*) допускаетъ, что Григорій чудотворецъ оставилъ символъ, но сомнѣвается, дошелъ ли онъ до насъ въ подлинномъ видѣ? «Хотя извѣстно, говоритъ онъ, изъ свидѣтельства Григорія Нискаго (*in vit. Greg. Thaum.*), что Григорію явилась сама Богородица, чтобы сообщить ему исповѣданіе православной Вѣры; но го ли оно, которое приводитъ Воссій? Въ этомъ справедливо сомнѣвается Белларминъ вмѣстѣ съ Петавіемъ, отвергавшимъ (Т. 2. Theol. Dogm.) подлинность этого исповѣданія». Но Белларминъ, какъ видно изъ его сочиненій, никогда не сомнѣвался въ подлинности символа, о которомъ идетъ дѣло. Онъ не признаетъ подлиннымъ только обширнѣйшаго Григоріева изложенія Вѣры по членамъ (*kata mekos*), заданнаго также Воссіемъ (*Bell defens. fid. nic. S. II. c. XII. § 3. p. 283*); и Петавій также не отвергаетъ подлинности этого символа, но приводитъ его какъ исповѣданіе Вѣры Григорія чудотворца, называя славнымъ памятникомъ церковнаго преданія и православнаго исповѣданія о Святой Троицѣ (*praef. in: T. 2. c. IV. n. 8*). Онъ сомнѣвается опять въ подлинности только обширнѣйшаго изложенія вѣры, приписываемаго Григорію Чудотворцу (*de Trin. l. I. c. IV. n. 10*). Такимъ образомъ ошибка Лаббея очевидна.

2) *Hist. Eccl. lib VII. c. 25.*

3) *Vit. Greg. Thaum. op. T. 2. p. 918, 919.*

4) *Ibid.*

тательницы, женщины благочестивой, произшедшей изъ среды васъ, разумью славную Макрину, узнали и заучили исповѣданіе Святыя Троицы словами блаженнѣйшаго Григорія, которыя по преданію (*ἀκολούθια μνήμης*) сохранились до ней, и она сама сохранила, и насъ еще дѣтей научила и наставила тѣмъ же догматамъ благочестія“. Василій В. здѣсь говоритъ именно о символѣ Григорія: потому что, по словамъ св. Григорія Нисскаго, неокесарійцы обыкновенно заучивали по преданію отъ отцевъ исповѣданіе Григорія Чудотворца, а Святитель Каппадокійскій говоритъ, что онъ отъ бабки своей, родомъ неокесаріанки, научился истинной вѣрѣ во Святую Троицу подлинными словами Григорія еще въ дѣтствѣ, вѣроятно живя у ней въ домѣ въ Понтѣ вмѣстѣ съ родителями. Ясно, что оба св. отца говорятъ объ одномъ и томъ же исповѣданіи. Но Василій В. пишетъ, что и въ его время неокесарійцы такъ чтили и живо помнили Григорія Чудотворца, что время нисколько не ослабило ихъ уваженія и памяти, и они не позволили прибавить у себя ни одного дѣйствія, слова или таинственнаго обряда къ тому, что оставилъ имъ Григорій (Or. sp. запст. с. 29). Слѣдственно, если св. Василій научился символу Григорія Чудотворца; то несомнѣнно именно тому символу, который оставленъ былъ неокесарійской церкви самимъ ея основателемъ. Самое содержаніе символа заставляетъ происхождение его отнести именно ко временамъ Григорія Чудотворца, потому что оно прямо направлено противъ ересей Савеллія и требожниковъ, которые при жизни великаго Чудотворца тревожили Церковь. Наконецъ, въ доказательство подлинности символа Григорія Чудотворца, должно указать на то, что онъ приводится въ актахъ V вселен-

скаго собора ⁽¹⁾: какъ принадлежащій именно этому святителю. Чудесное происхожденіе символа также, какъ и подлинность его, не должно подлежать сомнѣнію. Нѣтъ никакого основанія не довѣрять свидѣтельству св. Григорія Нисскаго. Ибо можно ли сомнѣваться въ истинѣ свидѣтельства того, который жилъ спустя съ небольшимъ полвѣка по смерти Григорія, провелъ дѣтство свое въ Неокесаріи, и слышалъ объ этомъ отъ современниковъ неокесарійскаго первосвятителя? Можно ли представлять невозможнымъ или страннымъ, что мужъ св. жизни, назначенный быть пастыремъ новаго стада Христова, чудеснымъ образомъ получаетъ наставленіе въ Вѣрѣ ⁽²⁾? Но чѣмъ чудеснѣе происхожденіе символа св. Григорія, и чѣмъ несомнѣннѣе истинность этого событія, тѣмъ важнѣе для насъ его свидѣтельство. Въ этомъ символѣ, творцомъ котораго должно признать самаго Іоанна Богослова, нѣтъ всѣхъ тѣхъ членовъ.

(1) Bell. defens. fid. nic. L. II. c. XII. p. 252.

(2) Скажутъ, для чего Григорій желалъ получить непосредственное наставленіе отъ Бога? Отвѣтъ на это даетъ св. жизнеописатель его Григорій Нисскій, говоря, что «тогда были люди, искажавшіе православное ученіе, и правдоподобными доказательствами производившіе часто и въ самыхъ благомыслищихъ сомнѣніе въ истинѣ». Недовѣрчивость къ самому себѣ и опасеніе быть обманутымъ, заставило св. Григорія для совершеннаго успокоенія своей совѣсти просить высшаго, небеснаго свидѣтельства! Побужденіе благородное, цѣль возвышенная, и недивно, что мужъ, которому дано откровеніе, получилъ его. Жизнь его была исполнена чудесъ и откровеній: отъ избранія въ высокое достоинство епископства до дня кончины съ нимъ была чудодѣйственная сила Божія, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ церковные писатели, которыхъ только случалось упоминать объ немъ (Bell. *ibid.* p. 249), что достаточно подтверждается именемъ чудотворца, которымъ величаютъ его св. Церковь. Такимъ образомъ историческая дѣйствительность откровенія, чрезъ которое св. Григорій получилъ символъ, утверждается и на достовѣрности свидѣтельства Григорія Нисскаго, и на внутреннихъ признакахъ самаго событія и наконецъ на свойствахъ самаго Григорія.

которые обыкновенно представляются въ другихъ символахъ, но въ немъ яснѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, исповѣдуется таинство Святыя Троицы, потому-то св. Василий В. и почитаетъ его лучшимъ ручательствомъ за чистоту вѣры того, кто принимаетъ это исповѣданіе. „Какое, пишетъ онъ неокесарійцамъ, можетъ быть болѣе вѣрное ручательство за чистоту моей вѣры, какъ не то, что я исповѣдую догматы благочестія словами блаженнѣйшаго Григорія?“ Но символъ св. Григорія согласно съ никейскимъ проповѣдуетъ и равночестность лицъ Святыя Троицы, и единосущіе Сына со Отцемъ; въ немъ читаются только другія слова, но смыслъ одинъ и тотъ же, слышатся иные звуки, но въ сердцѣ напечатлѣвается одна и таже истина. Такъ единая св. апостольская Церковь всегда исповѣдывала одну вѣру, ибо водилась всегда однимъ Духомъ.

Послѣдній свидѣтель апостольскаго преданія, сохранившагося въ символѣ, оставившій Церкви свое исповѣданіе, былъ *Лукіанъ*, славный по учености пресвитеръ антиохійскій и мученикъ за вѣру при Максиминѣ (311 г.) (1). Онъ, отличаясь высокимъ образовані-

(1) Лукіанъ родился въ Самосатѣ отъ благородной фамиліи (ок. 260 г., особенно славился около 290 г. и былъ, по свидѣтельству Евсевія, мужъ знаменитый, какъ по своей уединенной подвижнической жизни, такъ и по знанію богословскихъ наукъ (Hist. Evsev. lib. VIII. c. II, et lib. XI. c. 6). Онъ учился толкованію св. Писанія у Макарія Едесскаго и, сдѣлавшись пресвитеромъ въ Антиохіи, основалъ славную школу, выходившіе изъ которой носили имя Лукіанистовъ (Theodoret. Hist. Eccl. I. I. c. 4). Свѣла отдастъ Лукіану, по чистотѣ ученія Вѣры, и по ревности къ сохраненію ея, преимущество предъ всѣми писателями этого вѣка (sub. voc. Λοβή αν), и не безъ основанія, какъ показываютъ приводимые имъ отрывки изъ Лукіановыхъ писемъ. Въ 311 году, когда Максиминъ воздвигъ снова гоненіе на христіанъ, къ нему въ Никомидію былъ представленъ Лукіанъ и говорилъ предъ императоромъ защитительную рѣчь за Вѣру, за что былъ брошенъ въ темницу. Здѣсь

емъ, имѣлъ многихъ учениковъ, и по всей вѣроятности написалъ исповѣданіе съ дѣлю предохранить своихъ послѣдователей отъ заблужденій Павла самосатскаго, потому что прямо направилъ его противъ этого еретика (1). Оно изложено у св. Аѳанасія (2) и Иларія (3) съ небольшою разностию и читается такъ: „согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ предавіемъ, вѣруемъ

онъ, какъ повѣствуетъ Филосторгій, не имѣя ни алтара, ни жертвенника, и лишенный возможности встать, совершалъ Евхаристію, по своему сану пресвитера, на своей груди, и, приобщившись самъ, приобщалъ и другихъ (Hist. Eccl. lib. II, c. 13). Ему отсѣчена голова и тѣло брошено въ море, но дельфинъ принесъ его къ берегу никомидійскаго залива, гдѣ онъ и погребенъ, а послѣ св. Елена воздвигла на этомъ мѣстѣ храмъ и основала городъ Елеополю. Лукіанъ отличался знаніемъ еврейскаго языка, сравнивалъ между собою древніе греческіе переводы ветхаго Завета, исправлялъ ихъ, возстановилъ въ первообразной чистотѣ переводъ LXX и повѣрилъ его по еврейскому подлиннику. Собственный манускриптъ его найденъ при Константінѣ V. у иудеевъ (Athan. sin. S. ar.) и былъ введенъ въ употребленіе въ церквахъ въ Антиохіи и въ Константинополѣ (Hier. Apol. ad Ruf. T. I. p. 225.

(1) Петавій (de Trin. Lib. I, c. IV, n. 13), а вслѣдъ за нимъ и Грегорій (Origena. l. I, c. III, § 6) почитаютъ Лукіана не правоумнымъ о Святой Троицѣ и благопріятствующимъ аріанамъ. Поводомъ къ этому, быть можетъ, послужило то, что аріане называютъ самихъ себя лукіанитами и св. Лукіана почитаютъ отцемъ своего ученія. Но можно ли полагаться на аріанъ, которые часто клеветаютъ несправедливо, которые Оригена и даже св. Діонисія alexандрійскаго почитаютъ своими единомысленниками (Bell. de fid. nic. S. II. c. XIII. § p. 26)? Также несправедливо думаютъ, что Александръ, епископъ alexандрійскій, пишетъ объ этомъ Лукіанѣ, будто бы онъ былъ осужденъ тремя епископами въ ереси Самосатскаго, и на много лѣтъ отлученъ отъ церкви; Александръ не называетъ своего Лукіана ни пресвитеромъ, ни мученикомъ; значитъ, онъ говоритъ совершенно о другомъ лицѣ. Аѳанасій В., разсуждая о исповѣданіи, сдѣланномъ св. Лукіаномъ, ничего не говоритъ объ этомъ. Блаж. Иеронимъ хвалитъ Лукіана за чистоту ученія (Cat. script. Eccl. c. 47), а св. Златоустъ написалъ ему прекрасное похвальное слово (Vies des saint. per. Abb. Balt. av. 7 jour. juni), и Церковь его постоянно считала своимъ мученикомъ.

(1) De Sin. op. T. 2. p. 735.

(2) De Sin. ad. Arian. p. 107.

во единого Бога Отца, Вседержителя, Зиждителя, Творца всяческих и Промыслителя, отъ котораго все. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Его единороднаго, Бога, чрезъ котораго все, рожденнаго (у *Аванасія*: прежде вѣкъ) отъ Отца, Бога отъ Бога, всецѣлаго отъ всецѣлаго, еднственнаго отъ единственнаго, совершеннаго отъ совершеннаго, царя отъ царя, Господа отъ Господа, Слово, премудрость, животь, истинный свѣтъ, истинную жизнь (у *Аванасія*: живое Слово, живую премудрость, истинный свѣтъ, путь, истину), воскресеніе, Пастыря, дверь, непреложнаго и неизмѣнимаго, безразличный образъ Отцаго Божества, Отчей сущности, воли, силы и славы, перворожденнаго всей твари, сущаго въ началѣ у Бога; Бога—Слово, по изреченію въ Евангеліи: *и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1), *Имже вса быша* и въ *Немъ же всяческая состоится*, въ послѣдніе дни сошедшаго свыше, родившагося отъ Дѣвы, по писаніямъ, сдѣлавшагося человѣкомъ (у *Иларія*: агнцемъ), ходатая Бога и человѣковъ, посланника Вѣры нашей, начальника жизни (какъ Самъ говоритъ: *яко спидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго Мя* (Іоан. 6, 38), пострадавшаго за насъ, воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса, сѣдѣющаго одесную Отца и паки имѣющаго придти со славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго, подаваемого въ утѣшеніе, и освященіе, и совершеніе вѣрующимъ, какъ и Господъ нашъ Иисусъ Христосъ заловѣдалъ ученикамъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, то есть: Отца, истинно сущаго Отца, Сына, истинно сущаго Сына, и Святаго Духа, истинно сущаго Святаго Духа, такъ что не просто и не напрасно полагаются

сія имена, но означаютъ въ точности собственную каждаго изъ именуемыхъ ипостась, Его чинъ и славу; почему по ипостаси три, а по согласію Единъ⁴. Далѣе присоединяются анафемы противъ отвергающихъ предвѣчное, безначальное рожденіе Сына и дерзающихъ почитать Его тварію или пронаведеніемъ. Это исповѣданіе Вѣры получило особенное значеніе въ спорахъ арианъ съ православными. Ариане употребляли тысячи хитростей, прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы избавиться отъ слова *μονοθεῖος*—единосущный, „точный и опредѣленный смыслъ котораго, по словамъ Аванасія В., кипалъ ихъ возможности обманывать недалеко-видныхъ. Они все могли по своему произволу перетолковать своими софизмами: одно это слово, уничтожавшее ересь ихъ въ самомъ корнѣ, было страшно для нихъ“ (1). Оттого-то, не соглашаясь принять никейскаго символа, они писали безчисленные свои исповѣданія, или отыскивали древнія православныя, не имѣвша неяснаго имъ слова, и предлагали замѣнить ими никейское. Съ этою цѣлю на антиохійскомъ соборѣ 341 г., который состоялся по случаю освященія въ Антиохіи великолѣпнаго храма, построеннаго Констанціемъ, написанъ былъ символъ отличный отъ никейскаго. Но когда замѣтили, что въ немъ слишкомъ неопредѣленно говорится о Божествѣ втораго лица Святыя Троицы, тогда издали другой символъ, о которомъ, по свидѣтельству Созомена (2), утверждали, что „нашли это исповѣданіе, написанное рукою того самаго Лукіана, который потерпѣлъ мученичество въ Никоидіи и от-

(1) Athan. de Syn. n. 43. p. 780.

(2) Hist. Eccl. 176. III. c. 5.

личался необыкновеннымъ знаніемъ св. Писанія⁴. „Правду ли они сказали, замѣчаетъ Созоменъ, или только хотѣли подкрѣпить важностью мученика собственное свое сочиненіе, мнѣ неизвѣстно⁴. Но недовѣрчивость Созомена не даетъ еще права почитать самое исповѣданіе неподлиннымъ. Могли ли епископы ложно приписать исповѣданіе Лукіану, въ Антиохіи, гдѣ сочиненія этаго мужа пользовались большимъ уваженіемъ и сохранялись съ величайшею заботливостію, гдѣ свѣжа еще была память св. мученика и живы были еще многіе изъ его современниковъ? Должъ скоро обнаружилась бы сама собою, особенно, когда извѣстна была привычка аріанъ ложно ссылаться на знаменитыхъ мужей древности, а между тѣмъ они всенародно утверждали⁽¹⁾, что это исповѣданіе принадлежитъ подлинно Лукіану и никто изъ православныхъ не опровергалъ этого. Св. Аѳанасій⁽²⁾ и св. Иларій⁽³⁾ въ своихъ сочиненіяхъ приводятъ этотъ символъ, и оба доказываютъ православный смыслъ его, но ни тотъ ни другой ничего не говорятъ, даже не намекаютъ о подлогѣ сдѣланномъ аріанами. Св. отцы не поступили бы такъ, если бы дѣйствительно здѣсь скрывался обманъ. Наконецъ, обращаясь къ составу самаго исповѣданія, нельзя не замѣтить, что оно не благоприятствуетъ аріа-

(1) Такъ на аріанскомъ соборѣ въ Тарсѣ въ Киликіи, гдѣ было до 34 епископовъ Азіи, отвергаютъ никейскій символъ съ словомъ *ὁμοούσιος*, именно потому, что нѣтъ этого слова въ символѣ Лукіана, которое, какъ исповѣданіе сдѣланное мученикомъ, должно быть предпочтено всякому другому. (Sozom. Hist. Eccl. I, VI, с. 12: на селевкійскомъ соборѣ (395 г. въ сентяб.) также по настоянію Сильвана, епископа изъ Тарса, былъ принятъ символъ Лукіана (Soz. I, II, с. 39. р. 146—148).

(2) De Sinod. n. 41. р. 735.

(3) De Sin. с. 107.

намъ, а направлено противъ ереси Павла самосатскаго и Савеллія, очень близкихъ между собою. Для чего бы арианамъ было дѣлать это, если бы они сами писали исповѣданіе? Собственныя выгоды арианъ требовали дать другой тонъ и составъ какъ цѣлому исповѣданію, такъ и отдѣльнымъ его выраженіямъ. По крайней мѣрѣ, они не внесли бы въ этотъ символъ тѣхъ выраженій, которыя прямо ниспровергаютъ самое основаніе арианства, и которыхъ очень много; потому что этотъ символъ, не имѣя въ себѣ только слова *μονοθεός*—единосущный, проповѣдуетъ совершенно ту же Вѣру, какую и никейскій, и ариане, принимая его, исповѣдали бы Вѣру никейскую. Совершенное Божество Сына высказывается въ немъ не менѣе выразительно и сильно, какъ и въ самомъ никейскомъ символѣ. Ибо слова: „Богъ отъ Бога, всецѣлый отъ всецѣлаго, совершенный отъ совершеннаго“ точно также выражаютъ Божество Сына и тожество Его по существу со Отцемъ, какъ и: Богъ отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго⁽¹⁾. „Когда въ этомъ символѣ проповѣдуются, пишетъ Аванасій В., что Сынъ произошелъ изъ сущности Отца, и что Онъ не твореніе и не произведеніе Отца, но естественное Его порожденіе (*υἱοῦ γεννητῆρος*) и отъ вѣчности Слово и Премудрость, соприисносущный Отцу; то исповѣдуются таже самая Вѣра, какая выражается и словомъ: *μονοθεός*“⁽²⁾. Св. Иларій вслѣдъ за Аванасіемъ В. превосходно доказалъ, что и тѣ самыя выраженія, которыя ариане считали благопріятствующими себѣ, содержатъ одно православное ученіе⁽³⁾. Св.

(1) Bell. defens. fid. nic. S. II. c. XIII. § 4. p. 266.

(2) Athan. de Sinod. n. 43. p. 788.

(3) Изъ разсужденій его видно, что современниковъ особенно соблазвало въ этомъ символѣ выраженіе: «во мностаси три», потому что по

Лукіанъ былъ послѣднимъ изъ временъ до никейскаго собора свидѣтелемъ апостольскаго преданія, хранившася въ символѣ, оставившимъ намъ письменное изложеніе своей вѣры. Прошло не много лѣтъ послѣ его мученической смерти, которою онъ запечатлѣлъ истинность исповѣдуемой имъ Вѣры; явилось аріанство и вызвало православный символъ никейскій, который служить теперь и будетъ служить до скончанія вѣка правиломъ и образцомъ православной Вѣры.

Такимъ образомъ во всѣхъ древнихъ, сохранившихся до насъ, символахъ, бывшихъ въ Церкви до никейскаго собора, видимъ яснымъ образомъ единство Вѣры, которую „Церковь, скажемъ словами св. Иринея, разсѣянная по всему міру, во всѣ времена, тщательно блюла какъ бы живя въ одномъ семействѣ, одною душою и однимъ сердцемъ. Она проповѣдывала свою Вѣру, учила ей и предавала ее повсюду одинаково, какъ бы имѣющая одни уста. Въ свѣтѣ много было народовъ и различныхъ нарѣчій, но содержаніе символа всегда одно и то же. Германскія церкви не иначе исповѣдывали, какъ и грузинскія, и у кельтовъ не иначе, какъ на востокѣ, а египетскія церкви были согласны съ ливійскими. И какъ солнце, Божіе созданіе, во всемъ мірѣ одно и

неопредѣленности значенія словъ *ὁμοουσιος* и *ὁμοιος*, которыя принимались за тождественныя, многіе думали, что св. Лукіанъ, раздѣляя сущности Отца и Сына, проповѣдуетъ аріанство. «Но, пишетъ св. Иларій, нужно было уничтожить заблужденіе, отвергавшее дѣйствительное бытіе Отца и Сына и Святаго Духа. Ослабленные имъ все ограничивали однимъ числомъ имень, какъ бы не существовало особаго лица, которому бы принадлежало каждое имя; одного Отца почитали и Святымъ Духомъ и Сыномъ. Оттого-то св. Лукіанъ въ своемъ исповѣданіи и говоритъ о трехъ ипостасяхъ, подъ которыми разумѣть лица Святыя Троицы, а не раздѣляется существо Отца и Сына и Святаго Духа различіемъ подобнаго естества (Hilar. de Synod. p. 107).

тоже; такъ и символъ, проповѣдь истины, явился повсюду одинаковымъ, и просвѣщалъ всѣхъ людей, желающихъ въ разумъ истины прийти“ (1) Являлось множество ересей, возникало много заблужденій; еретики употребляли всю изобрѣтательность ума и утонченность діалектики, чтобы привлечь въ свои заблужденія, и прельщали многихъ. Но Вѣра Церкви пребывала неизмѣнною; Церковь не отступала отъ ней, а только для своихъ членовъ точнѣе и яснѣе опредѣляла ее. Возставали на Церковь гонители, надѣясь силою уничтожить истинную Вѣру: кровь мучениковъ лилась, но *зданіе Божіе*, откровенная Вѣра, *стояла твердо*, и исповѣданіе Церкви было одно и тоже. Символы, высказанные въ благопріятныхъ для Церкви обстоятельствахъ, во всемъ согласны съ явившимися въ годину ея бѣдствій. Всѣ они согласны между собою какъ въ своихъ членахъ, такъ даже и во многихъ выраженіяхъ. Не видно ни какихъ измѣненій, нѣтъ никакихъ прибавленій, которыя бы существенно измѣняли смыслъ символа. Самое позднѣйшее исповѣданіе Лукіана содержитъ ту же Вѣру, тѣже догматы, какъ и самое древнее, выраженное Иринеємъ. Славная и могущественная церковь римская въ разсматриваемый нами періодъ времени имѣла символъ согласный во всемъ съ символомъ незначимой церкви кесарійской. Такъ на всемъ пространствѣ католической Церкви и во всѣ времена символъ является одинаковымъ. „Ни тотъ, кто пространно излагалъ его, нисколько не увеличивалъ его содержания, не вводилъ новыхъ догматовъ, ни тотъ, кто передавалъ кратко и сжато, не уменьшалъ сущности Вѣры“ (2), кото-

(1) Adv. haeres. l. I, c. 10

(2) Iren. adv. haeres. lib. I, c. III.

рая во всѣхъ исповѣданіяхъ, бывшихъ въ православной Церкви, является всегда одна и та же. Согласіе сихъ древнихъ исповѣданій во всѣхъ догматахъ съ символомъ никейскимъ убѣждаетъ насъ, что и въ немъ передается та самая Вѣра, которую получила Церковь непосредственно изъ устъ самихъ *бывшихъ самовидцевъ и служителей Слова* (Лук. 1, 2).

Такимъ образомъ никейскій символъ вводитъ насъ въ общеніе по Вѣрѣ со всею православною Церковію, не только нынѣ существующею на землѣ, но и торжествующею уже на небѣ, и тою, которая будетъ послѣ насъ. Мы исповѣдуемъ въ немъ то, что проповѣдывалъ св. Петръ, чему училъ св. Павелъ; вѣруемъ тѣмъ догматамъ благочестія, за которые мученики потерпѣли безчисленныя страданія, тѣмъ небеснымъ истинамъ, которыя засвидѣтельствованы сонмами исповѣдниковъ, тѣмъ глаголамъ живота вѣчнаго, которые оставлены намъ, какъ священное наслѣдіе отъ лика всѣхъ святыхъ, какъ залогъ нашей надежды, какъ печать нашего спасенія чрезъ вѣру во Святую Троицу.

О КОРЕННЫХЪ СВОЙСТВАХЪ И ОБЩЕМЪ ЗНАЧЕНИИ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ.

Господь возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да представитъ ю Себѣ славу Церкви, не имущу скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна.

Милостивые государи и государыни!

Слово „Церковь“ такъ часто оглашаетъ слухъ нашъ и вмѣстѣ такъ часто бываетъ на нашихъ собственныхъ устахъ, что если судить по наружности, можно бы думать, будто оно выражаетъ понятіе вполне опредѣленное и ясное для сознанія каждаго христіанина. Между тѣмъ, при небольшой наблюдательности, не трудно убѣдиться, что именно ученіе о Церкви у многихъ весьма недостаточно раскрыто и у большинства можетъ подать поводъ къ многочисленнымъ недоумѣніямъ. Считаю поэтому весьма не излишнимъ остановить сегодня ⁽¹⁾ ваше благосклонное вниманіе на понятіи о Церкви и нѣсколько уяснить этотъ предметъ по его неотъемлемымъ свойствамъ и коренному значенію въ человѣческихъ обществахъ.

⁽¹⁾ Сказано въ недѣлю Православія 1861 года въ свѣтскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

И такъ, что такое истинная Христова Церковь, торжество православія которой мы нынѣ празднуемъ?

Православная Христова Церковь есть общество истинно вѣрующихъ, основанное Иисусомъ Христомъ, общество, въ которомъ, при посредствѣ законно поставленныхъ пастырей и подъ невидимымъ управленіемъ Святаго Духа, продолжается и будетъ продолжаться до скончанія вѣка то же великое дѣло просвѣщенія и освященія людей, которое совершено нашимъ Искупителемъ во время земной Его жизни, и продолжается притомъ съ тѣмъ, чтобы привести *всѣхъ* людей на путь спасенія и воссоединенія съ Богомъ.

Въ этомъ опредѣленіи заключается мысль о томъ, что Иисусъ Христосъ *самъ* учредилъ для продолженія своего дѣла на землѣ общество людей, общество внѣшнее и *видимое*.

Главная причина и вмѣстѣ главное доказательство этой мысли вытекаетъ изъ самаго понятія о воплощеніи Сына Божія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Сынъ Божій для спасенія людей не принималъ на Себя *зрака раба* и не являлся *въ подобіи челоуцествъ*, а прямо нисходилъ въ сердце каждаго челоука своею искупительною благодатію, то можно было бы по справедливости согласиться съ протестантами въ томъ, что Онъ основалъ церковь совершенно невидимую, чисто внутреннюю. Но Упостасное Слово *плоть бысть и вселся въ ны*, такъ что люди видѣли славу Его тѣлесными очами: для того, чтобы возвратить людямъ царствіе Божіе, Господь благоволилъ дѣйствовать и страдать видимымъ образомъ,—во плоти. Средство, избранное Имъ для распространенія свѣта между людьми, сидѣвшими еще *во тмѣ и слнхъ смертнхъ*, и вообще для восстановленія падшаго

человѣчества, вполне соотвѣтствовало тѣмъ потребностямъ нашимъ, которыя вытекаютъ изъ двойственности нашей природы. Вознесиши за тѣмъ на небо, Господь, по непреложному своему обѣтованію, продолжалъ и продолжаетъ дѣйствовать въ мірѣ и ради міра, дабы совершенное Имъ дѣло искупленія могло принести плоды и грядущимъ поколѣніямъ. Дѣло, совершенное Имъ *видимымъ* образомъ, должно было также *видимымъ* образомъ продолжаться на землѣ, т. е. *видимая* Церковь Христова была также необходима для усвоенія людьми заслугъ Искупителя, какъ необходимо было Господу явиться самому *видимымъ* образомъ между людьми для ихъ просвѣщенія и освященія. По зачатіямъ самаго Спасителя между Его послѣдователями должно было образоваться внутреннее живое единство, отличавшее ихъ *видимымъ* и осязательнымъ образомъ, какъ опредѣленное общество, такъ что можно было сказать: вотъ ученики Іисуса Христа, вотъ Его Церковь, въ которой Онъ продолжаетъ жить, въ которой Духъ Его вѣчно дѣйствуетъ, въ которой всегда будетъ провозглашаться Его божественное слово. И дѣйствительно, обращаясь къ исторіи временъ апостольскихъ, мы видимъ, что Церковь Христова съ самаго начала явилась, какъ опредѣленное внѣшнее общество. Когда по исполненіи временъ Духъ Святыи ниспелъ на принявшихъ слово живота вѣчнаго, представители и члены раждавшейся Церкви не были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ и не отдѣльно другъ отъ друга внутренно приняли свѣтъ и силу Утѣшителя Духа; нѣтъ, — они были соединены вмѣстѣ, составляя единое братское общество; имъ прямо повелѣно было ждать въ Іерусалимѣ нисшествія Святаго Духа. Духъ Божій явился

такъ же видимымъ образомъ, ощутительнымъ для внѣшнихъ чувствъ,—въ видѣ огненныхъ языковъ, означавшихъ благодатную силу Его, очищающую сердца отъ всѣхъ нечистотъ и соединяющую ихъ любовію, въ сопровожденіи бурнаго дыханія вѣтра.

Такимъ образомъ съ одной стороны каждый въ частности изъ учениковъ Христовыхъ не иначе былъ исполненъ духовныхъ дарованій, какъ подѣ условіемъ нравственнаго единенія со всѣми прочими учениками; съ другой стороны Духъ Вожій ниспелъ съ неба и сообщилъ свои благодатные дары вѣрующимъ подѣ видимыми, чувственными знаками. По установленію Божественной Главы Церкви единеніе человѣка съ Богомъ не можетъ слѣдовательно имѣть мѣсто иначе, какъ при посредствѣ внѣшнихъ знаковъ и подѣ условіемъ видимой связи съ обществомъ вѣрующихъ. Говоримъ, во-первыхъ, при посредствѣ внѣшнихъ видимыхъ знаковъ, т. е. таинствъ, которыя и суть тѣ чувственные знаки и видимыя дѣйствія, съ которыми невидимо связаны извѣстные благодатные дары; во-вторыхъ, подѣ условіемъ единенія съ обществомъ вѣрующихъ, такъ какъ для благодатнаго вступленія въ царство Божіе необходимо обратиться къ тѣмъ, которые уже принадлежатъ къ этому царству. И съ тѣхъ поръ, какъ кто нибудь уже вступилъ въ общество чадъ Вожіихъ, въ св. Церковь, онъ долженъ соединиться съ этимъ обществомъ все болѣе и болѣе крѣпкими узами; крещеніе, которое есть дверь въ небесный ковчегъ нашего спасенія, даетъ намъ опредѣленные права, но вмѣстѣ налагаетъ на насъ непремѣнную обязанность принимать участіе во всѣхъ радостяхъ, равно какъ во всѣхъ скорбяхъ Церкви. Самое совершеніе таинствъ, равно какъ распростране-

ніе божественной истины, поручено Спасителемъ Его Церкви;—слѣдовательно единеніе съ Иисусомъ Христомъ предполагаетъ единеніе съ Церковью; узлы, связывающія насъ со Спасителемъ, соединяютъ насъ и съ Его Церковью; одно отъ другаго неотдѣлимо: Христосъ въ Церкви и Церковь во Христѣ. *Викто же когда плоть свою возненавидѣ, говоритъ Апостолю, но питаеть и грѣеть ю, якоже и Господь Церковь... тайна сія велика есть: азъ же славою во Христа и во Церковь* (Ефес. 5, 29. 32).

По этой-то причинѣ Церковь не можетъ не имѣть средствъ къ тому, чтобы исполнить свое назначеніе — сохранять чистымъ и неповрежденнымъ слово Божіе; *она не можетъ быть подвержена заблужденіямъ,—должна быть непогрѣшима.* Какъ приписать такое свойство обществу, состоящему изъ людей, когда каждый человекъ конечно можетъ погрѣшать и дѣйствительно часто погрѣшаетъ, — а чего нѣтъ ни въ одной изъ частей, того не можетъ быть и въ цѣломъ? Чтобы рѣшить это простое недоумѣніе человѣческаго смысла, надобно обратитъ вниманіе на то, что Церковь, будучи составлена изъ людей, не есть однако учрежденіе чисто человѣческое. Подобно тому, какъ въ Иисусѣ Христѣ Божество и человѣчество, будучи неслитны, тѣмъ не менѣе соединены нераздѣльно, такъ точно и въ Церкви Господь продолжаетъ жить какъ въ своемъ тѣлѣ, неслитно, но вмѣстѣ и нераздѣльно. Другими словами, Церковь, какъ тѣло Христово, имѣетъ значеніе Божественное и человѣческое въ одно и то же время; самъ Ходатай Бога и человекъ продолжаетъ дѣйствовать въ ней, и она потому необходимо должна и по внѣшнему историческому своему проявленію имѣть сторону и Божественную и

человѣческую. Соединенныя неразрывными узами, эти двѣ стороны Церкви проникаютъ другъ друга и продолжаютъ тоже общеніе свойствъ, Божескихъ и человѣческихъ, которое имѣетъ мѣсто въ лицѣ самаго Спасителя. Незамѣнная и непогрѣшимая истинность есть неотъемлемое и исключительное свойство одного Божества; но такъ какъ Церковь есть тѣло Христово, тѣлѣннѣйшимъ таинственнымъ образомъ съ Нимъ соединенное,—то и Церковь также непогрѣшима. Въ этомъ смыслѣ Спаситель сравниваетъ Себя съ лозою, а совокупность учениковъ своихъ, т. е. Церковь съ рождѣмъ; въ этомъ же смыслѣ пріобрѣтаетъ полное свое значеніе таинственное наименованіе Церкви тѣломъ и невѣстою Иисуса Христа.

Съ этой точки зрѣнія теперь становится понятнымъ то уваженіе, которое мы должны питать къ Церкви; вполне объясняется дѣйствительность ея непогрѣшимости и ей исключительно принадлежащей власти усвоить людямъ заслуги Искупителя; становится наконецъ понятнымъ и то, что Церковь есть въ одно и то же время и видимая и невидимая, и что обѣ эти стороны ея также необходимо и гармонически должны соединяться между собою узами любви, какъ гармонически Божественное и человѣческое соединяются вообще во всемъ дѣлѣ нашего искупленія.—Изъ сказаннаго очевидно, что непогрѣшимость Церкви въ дѣлахъ Вѣры не можетъ имѣть своимъ представителемъ ни одного изъ членовъ Церкви въ частности. Будучи частию одного органическаго цѣлаго, каждый частный вѣрующій только тогда можетъ быть свободенъ отъ заблужденій въ дѣлахъ Вѣры, когда онъ мыслитъ и дѣйствуетъ за одно съ Церковью. Въ самомъ дѣлѣ, если Церковь, какъ богоучрежденное обще-

ство—необходима; то это именно потому, что единение всѣхъ есть первое условіе христіанской духовной жизни; отчужденіе отъ Церкви убиваетъ истинную Вѣру и всякое здравое дѣйствительное благочестіе. Въ этомъ отношеніи съ организмомъ духовнымъ бываетъ тоже, что и съ физическимъ: отсѣките какой нибудь членъ, и дальнѣйшее существованіе его становится невозможнымъ. Идея церковнаго единенія, лежащая такимъ образомъ въ основаніи всякаго истиннаго духовнаго успѣха общества, и предполагающая собою свободное и сознательное подчиненіе общему со стороны всякаго частнаго члена Церкви, эта идея, говорю, есть единственная, которая можетъ истинно согрѣть сердце, успокоить умъ и вполне соотвѣтствовать нашимъ религіознымъ и нравственнымъ потребностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не радуетъ души, ничто не проливаетъ такой отрады въ сердце, какъ идея гармоническаго, согласнаго движенія многочисленныхъ лицъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ свѣта, безконечно различныхъ по своему образованію, положенію и настроенію, и которые тѣмъ не менѣе — съ полнымъ сохраненіемъ личности и свободы — составляютъ одну великую семью братьевъ, взаимно способствующихъ другъ другу въ достиженіи одной общей высшей цѣли, при помощи небесной благодати! Это общество должно служить осуществленіемъ идеи любви и вмѣстѣ идея нашего искупленія.

Изъ представленнаго мною понятія о сущности Церкви само собою вытекаетъ, что въ числу существенныхъ ея свойствъ должно принадлежать и *единство*. Божественная истина есть единая, вѣчная и неизмѣнная; Сынъ Божій, Спаситель нашъ, также единъ и

вѣчно самому Себѣ равенъ; и потому, какъ единъ Христосъ и завѣщанная Имъ Церкви истина, такъ единична и учрежденная имъ Церковь. Другими словами, истинная Церковь всегда и вездѣ одна и таже, хотя бы между различными частями ея, раздѣленными временемъ или пространствомъ, не существовало никакой наружной видимой связи. Этимъ внутреннимъ и всегдашнимъ единствомъ всѣхъ частей Церкви объясняется справедливость и необходимость молитвъ за усопшихъ и призванія святыхъ. Удовлетворяя всѣмъ дѣйствительнымъ духовнымъ потребностямъ человѣка, представленное нами православное ученіе о Церкви прямо и ясно подтверждается св. Писаніемъ. Въ послѣдней бесѣдѣ своей съ учениками Господь сказалъ: *да будутъ все едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я во Тебѣ, такъ и они да будутъ во Насъ едино; да вѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня... Я во нѣмъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершены во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ нѣмъ, какъ возлюбилъ Меня.* Какое здѣсь богатство мыслей и чувствъ! Господь вселенной просить о единеніи всѣхъ, имѣющихъ увѣровать въ Него,—и образцомъ этаго единства Онъ поставляетъ собственное свое единство съ Отцомъ небеснымъ; т. е. единство вѣрующихъ такого возвышеннаго рода, что оно только можетъ проистекать изъ божественнаго начала, оно можетъ только поддерживаться тою же вѣрою, тою же любовію, тѣмъ же непоколебимымъ упованіемъ, которыя имѣютъ свою основу и поддержку въ Богѣ. И какъ это единство такимъ образомъ опирается на божественномъ основаніи, то оно должно приносить и сверхъестественные плоды: чрезъ него міръ узнамъетъ высокое посланничество Сына Божія. Нужно слѣ-

довательно, чтобы единство было видимымъ, нужно, чтобы оно обнаружилось согласнымъ исповѣданіемъ одного ученія, участіемъ въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ, единеніемъ въ молитвѣ и жизни, нужно—однимъ словомъ, — чтобы Церковь была едина; иначе она не можетъ служить доказательствомъ божественнаго посланничества нашего Спасителя. Св. апостолъ Павелъ, показывая то живое основаніе, на которомъ зиждется все зданіе Христовой Церкви, говоритъ: *да не бываемъ кому младенцы, влающея и скитающея всякимъ вѣтромъ ученія во мзи чловѣчестѣй, въ коварствѣ козней мщенія; истинствующе же въ любви да возрастимъ въ Него вселеская, иже есть глава Христось.* Эти слова какъ будто вносятъ въ наши сердца ту силу, которая воздвигла и поддерживаетъ Церковь. *О Христѣ Исусѣ нсть іудей ни еллинъ, ибо мы навдаки всѣ равно на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу красуюлюну самому Исусу Христу.* Объединяющая сила Церкви должна была разрушить всякое средостѣніе ограды, такъ, чтобы всѣ члены этого общества, этого величественнаго и святаго организма, были единымъ тѣломъ и единымъ духомъ, *яко же и звали были въ единомъ упованіи званія нашего. Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ ласъ.*

И такъ, внѣ этого тѣла, этой Церкви, мы слабы, мы безсильны, мы не можемъ содѣвать свое спасеніе.

Это-то высокое понятіе о Церкви, эта непоколебимая увѣренность въ ея божественности и непогрѣшимости вдохновляла мужество, стойкость и крѣпость въ величайшихъ отцовъ и учителей Церкви: они знали, что какова бы ни была сила тѣхъ грозныхъ бѣдствій, ко-

торыя по временамъ поражали Церковь Господню, — на всегда однако останутся непреложными слова Писанія: *врата адавы не одолютъ* Церкви; всегда Господь останется въ ней и съ нею до скончанія вѣка. Пусть поэтому и нынѣ никто не соблазняется тѣми бѣдствіями, которымъ св. Церковь по временамъ подвергалась и подвергается; если даже по видимому въ иное время Церковь подлежала гнету окружавшихъ ее золь, то и это отнюдь не должно ослаблять наше глубокое уваженіе къ Церкви. Въ теченіи своего долгаго существованія, Церковь, какъ всякому извѣстно, далеко не всегда была окружена виѣшнимъ блескомъ и могуществомъ, но, какъ учрежденіе божественное, она никогда не падала и не погрѣшала во всемъ своемъ составѣ, никогда внутренняя сила ея не могла оскудѣвать. Она есть царство Божіе, воинствующее еще на землѣ, и потому должна находиться въ постоянной борьбѣ съ чуждыми и враждебными ей силами и стремленіями плотскими; она должна переносить всѣ бѣдствія трудной и продолжительной борьбы, ибо *многими скорбями подобаетъ жити въ небесное царствіе Божіе*. Подобно ковчегу Ноя, нѣкогда носившемуся по бурнымъ волнамъ разъяренной стихіи, затопившей землю, — и св. Церковь Христова нынѣ какъ ладья — утлая, правда, на видъ, но крѣпкая и нерушимая по составу своему, — качается по бурному житейскому морю. Нерѣдко она какъ будто уже изчезаетъ, поддаваясь напору враждебныхъ волнъ, но за тѣмъ опять является, твердо и неуклонно стремясь къ тихой и безопасной пристани. Кормчій ея самъ Господь Іисусъ Христосъ; Онъ править ею неуклонно. *дождеже достигнемъ вси въ соединеніе Выри и познамъ Сина Божія... въ мѣру возраста исполненія Христова.*

Будучи видимою, единою и непогрѣшимою, Церковь Христова есть вмѣстѣ Церковь *Святая*. Она свята по основанію своему, которое есть Христость, святѣйшій святыхъ; воздвигнутая на этомъ Камнѣ, она, какъ сказано, можетъ твердо противостоятъ нечестію и неправдѣ. Далѣе, Церковь свята и по назначенію своему и по плодамъ своимъ: она стремится къ тому, чтобы сдѣлать всякаго изъ насъ святымъ и непорочнымъ предъ Господомъ въ любви. Она дѣйствительно и достигаетъ того, что нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ ея членовъ по самой жизни своей на землѣ святы и служатъ постояннымъ живымъ храмомъ Святаго Духа. Мысль эта подтверждается всею исторіею Христовой Церкви и не можетъ конечно подлежать никакому сомнѣнію. Жизнь, всецѣло посвященная добродѣтели, полнота любви къ Богу и ближнимъ, ангельская чистота души и плоти, твердое самоотреченіе отъ всего земнаго, которыми отличались св. угодники Божіи, посвящая себя единому Богу и постоянно шествуя предъ лицемъ Его, представляютъ прекрасный плодъ, пронаращенный на нивѣ Церкви, всегда орошаемой божественною благодатію. Остановиваясь мыслию на этихъ великихъ образахъ нравственнаго совершенства, мы должны всею душою радоваться тому, что таже Церковь, явившая святость свою въ лицѣ великихъ подвижниковъ, нынѣ также близка къ намъ своею освящающею благодатію, такъ что при ея помощи мы всегда можемъ по стопамъ угодниковъ Божіихъ стремиться съ упованіемъ къ постепенно большому преуспѣянію на пути нравственнаго своего усовершенствованія.

Не стану, мм. гт., распространяться о прочихъ свойствахъ Церкви, указанныхъ въ символѣ Вѣры: ихъ зна-

ченіе уже вытекаетъ изъ сказаннаго мною и потому не требуетъ особыхъ объясненій. Такъ мы называемъ Церковь *соборною*, т. е. вселенскою или каволическою, потому что она имѣетъ не временное или мѣстное значеніе, а назначена для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Мы называемъ ее *апостольскою*, потому что апостолы первые насадили царство Божіе между людьми, и отъ нихъ ведетъ свое начало церковная іерархія. Не останавливаясь на раскрытіи этихъ общеизвѣстныхъ предметовъ, обращаюсь къ тому, — какія чувства и стремленія должны быть пробуждаемы въ насъ при взглядѣ на то величественное и дивное зданіе, которое мы называемъ Церковью. Безъ сомнѣнія, прежде всего — чувство глубокаго и всецѣлаго къ ней благоговѣнія. Св. Церковь еще въ то время, когда мы были младенцами, породила насъ для новой, духовной жизни искупительною благодатію св. крещенія; она приняла насъ въ свое спасительное лоно, и въ теченіи всей нашей жизни поддерживаетъ насъ освящающею силою Господнею, воспитывая насъ для вѣчнаго живота. Итакъ наше отношеніе къ ней должно быть откошеніемъ добрыхъ и любящихъ дѣтей къ любвеобильной матери: мы обязаны любить Христову Церковь, какъ свою духовную мать, обязаны и повиноваться ей, какъ своей духовной матери. Если дитя, еще не умѣющее ходить, вырываетъ руку свою изъ руки матери, — оно неминуемо падаетъ: такъ точно бываетъ и съ нами: если мы отвергнемъ благодатную помощь Церкви и отринемъ отъ себя ея спасительное руководство, то съ нами бываетъ тоже, что съ младенцемъ, падающимъ на землю, который не можетъ самъ собою подняться. Мы тогда подобны чловѣку, который по неразумному упованію на свои соб-

ственные силы выскакивает изъ спасительной лодки, надѣясь собственными силами доплыть до берега; но скоро силы его ослабѣваютъ. волны начинаютъ заливать его, и онъ погибаетъ безвозвратно! Но этого мало: имѣя столь великое вліяніе на нравственную жизнь каждаго частнаго человѣка, св. Церковь не менѣе дѣйствительна и относительно жизни общественной; и отсюда вытекаетъ другая обязанность наша, — заботиться всѣми мѣрами о болѣшемъ распространеніи спасительнаго вліянія Христовой Церкви на общественный, гражданскій бытъ нашего отечества. Боясь утомить ваше вниманіе, я ограничусь немногими общими замѣчаніями въ этомъ отношеніи.

Благосостояніе человѣческихъ обществъ зависитъ отъ внутренней гармоніи между жизнію людей знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Различіе въ распредѣленіи какъ вышнихъ благъ, такъ и гражданскихъ правъ и преимуществъ, всегда существовало и всегда будетъ существовать; всё такъ называемыя социалистическія и коммунистическія теоріи составляютъ чистую химеру. Но чтобы тѣмъ не менѣе люди, различные между собою по всѣмъ условіямъ своего вышняго быта, могли составлять одно стройное, гражданское общество, для этого между ними должны существовать прочныя, нравственные узы, безъ которыхъ никакіе вышніе законы не ограждать членовъ общества отъ угнетенія, несправедливости и внутреннихъ волненій. Древній языческій міръ служить тому самымъ лучшимъ доказательствомъ: паденіе языческаго Рима, не смотря на все вышнее могущество и блескъ его, началось съ того, что нисшіе рабочіе классы народа возстали противъ высшихъ; между ними произошелъ раздоръ, который послѣ кровавыхъ граж-

данскихъ войскъ могъ быть задавленъ только жестокимъ деспотизмомъ римскихъ императоровъ. Первый ударъ со внѣ долженъ былъ по этому поколебать сгнившее въ самыхъ своихъ основахъ зданіе римскаго царства. Но вотъ является христіанская Церковь и влагаетъ новую нравственную закваску въ человѣческія общества; эта закваска, неизвѣстная языческому міру, начинаетъ мало по малу проникать общественный бытъ народовъ, преобразуя взаимныя отношенія между людьми и связуя разнородные классы общества въ одно гармоническое цѣлое. Закваска эта заключалась въ дарованной намъ святою Церковью возвышенной идеѣ христіанской любви и христіанскаго смиренія. Когда любовь и смиренное, но вмѣстѣ христіански-свободное, послушаніе на основахъ, утверждаемыхъ православною Церковью, господствуетъ въ извѣстномъ народѣ, общество можетъ мирно идти впередъ по пути усовершенствованія своего внутренняго и внѣшняго быта. Если же вліяніе и значеніе Церкви въ обществѣ начинаетъ ослабѣвать, тогда гражданскіе законы лишаются главной и лучшей своей опоры, и никакія правительственныя мѣры, никакія усилія частныхъ лицъ не спасутъ общества отъ разслабленія и внутренняго паденія, нераздѣльнаго отъ слабости нравственныхъ основъ. Не будемъ обманывать самихъ себя, и пусть никто въ этомъ случаѣ не увлекается блескомъ внѣшняго, кажущагося прогресса и благоденствія, преуспѣяніемъ наукъ, искусствъ и гражданскихъ узаконеній: если въ нѣдрахъ общества усиливается отчужденіе отъ Церкви, то нравственныя начала не имѣютъ прочной, положительной опоры, — а безъ нихъ всякая мысль о прогрессѣ будетъ пустымъ

самообольщеніемъ! Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить Франція въ концѣ прошедшаго столѣтія: когда хранившіяся еще въ римской церкви основы христіанской Вѣры и любви—вмѣстѣ съ самою этою церковью—во Франціи уступили мѣсто невѣрію, распространенному въ народѣ такъ называемыми энциклопедистами,—раздоръ между различными классами общества скоро обнаружился; всѣ опоры виѣшняго порядка и благоустройства пали, земля напоилась кровію многочисленныхъ невинныхъ жертвъ, и деспотизмъ — скоро замѣнившій безначаліе — долженъ былъ желѣзнымъ своимъ игомъ утишить волненіе необузданныхъ страстей. Одна только благодарованная Вѣра можетъ служить залогомъ дѣйствительнаго преуспѣянія, и мирнымъ путемъ внутренняго нравственнаго преобразованія водворять законную свободу, утверждать общественныя отношенія на началахъ истинно прочныхъ и благотворныхъ, и такимъ образомъ проложить дорогу новому, дѣйствительному прогрессу. Гражданское общество есть великая семья, и потому, подобно, частному семейному кругу, оно, и не будучи проникнуто началами Вѣры, можетъ конечно усвоить себѣ виѣшній лоскъ просвѣщенія; но пока это просвѣщеніе не проникнуто истинно христіанскимъ духомъ, до тѣхъ поръ оно мертво и бесплодно въ дѣлѣ внутренняго нравственнаго развитія народныхъ силъ. Напротивъ, въ союзѣ съ св. Церковью, съ оружіемъ ея Вѣры въ сердцѣ и душѣ, мы можемъ вполне надѣяться на успѣхъ всѣхъ добрыхъ нашихъ начинаній и стремленій, какъ въ общественномъ, такъ и въ частномъ быту; при помощи Церкви мы можемъ призвать благословеніе Бо-

жѣ на наши труды, и твердо, неуклонно исполнять наше земное назначеніе, не отступая ни предъ какою преградю, не увлекаясь ни какими искушеніями, шествуя путемъ истиннаго и богоугоднаго прогресса.

Ив. Осиповъ.

III.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ КЪ ВѢРѢ,
ПО ПОВОДУ ПОЯВЛЕНІЯ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ АГАССИЦА.»

Самое поверхностное знакомство съ нынѣшнимъ духомъ и направленіемъ естественныхъ наукъ достаточно, чтобы убѣдить наблюдателя въ томъ, что эти науки въ своихъ изслѣдованіяхъ годъ отъ году болѣе и болѣе чуждаются всякой мысли объ отношеніи разсматриваемыхъ ими явленій видимаго міра къ Богу, Творцу и Міроправителю. Нынѣ считается чуть не неприличнымъ, — во всякомъ случаѣ отсталымъ и излишнимъ, — упомянуть о Творцѣ и обнаружить вѣру въ Его премудрую и всемогущую дѣятельность въ такомъ сочиненіи, которое написано по части естествознанія. Даже въ Англии, гдѣ вѣра и мысль о Богѣ успѣли укорениться между образованными классами общества болѣе прочно, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, гдѣ слово „Творецъ“ все еще пользуется нѣкоторымъ правомъ гражданства въ строго-научныхъ сочиненіяхъ, — и тамъ нынѣ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію силъ и законовъ природы, на мѣстѣ живаго, личнаго и всеуправляюща-

го Бога, какъ Творца всей видимой природы, мало по малу начинаетъ являться безличная, вѣчная, сама изъ себя все производящая „*natura* (природа) *naturans*“.

А что сказать послѣ этого о направленіи, господствующемъ въ этомъ отношеніи у насъ?... Мы не станемъ разбирать затаенныя причины того молчанія, которое, является у насъ тамъ, гдѣ при разборѣ и научномъ изслѣдованіи силъ, законовъ и явленій природы представляется случай и даже—съ точки зрѣнія христіанской—прямая обязанность высказать слово правды о явныхъ, осязательныхъ для всякаго благомыслящаго члвѣка, доказательствахъ личности, премудрости, благости и всемогущества Божественнаго Міроправителя. Къ несчастію, дѣло уже на этомъ не останавливается: какъ при устномъ изложеніи естественныхъ наукъ, такъ и при печатномъ раскрытіи ихъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ стараются прямо или косвенно, явно или прикровенно, поколебать въ юныхъ и неутвердившихся умахъ и сердцахъ нашего молодого поколѣнія тѣ начатки страха Божія и христіанскаго благочестія, которые должны быть *началомъ премудрости* т. е. основой всякой дѣятельности истинно благотворной для науки и общества. Коснется ли рѣчь анатоміи и физиологіи человѣческаго тѣла,—душа наша со всѣми своими психологическими отправленіями, съ своимъ врожденнымъ нравственнымъ закономъ, съ безконечнымъ своимъ стремленіемъ къ истинному, доброму и прекрасному, съ своею идеею о Существовѣ Высочайшемъ и о собственномъ своемъ безсмертіи, словомъ сказать,—со всѣмъ, что есть въ члвѣкѣ истинно *человѣческаю*,—является бездушнымъ динамическимъ продуктомъ дѣятельности нервной системы. чуждымъ всякой самостоятельности, всякаго высшаго

происхожденія, небеснаго назначенія и безсмертія. Идетъ ли рѣчь о происхожденіи и образованіи земли и ея обитателей, — на мѣстѣ творческой, разумной и самостоятельной силы являются бездушные и безсознательные законы міровые, сами изъ себя все производящіе и образующіе весь дивный порядокъ, все премудрое устройство мірозданія, по какой-то слѣпой необходимости, гораздо менѣе понятной для нашего разсудка, чѣмъ мысль о свободной творческой силѣ. Приходится ли наконецъ разсуждать о частныхъ царствахъ и классахъ природы органической и не органической, опять тѣ же матеріальныя силы и законы все производятъ, все объясняютъ, все сами собою довершаютъ. На что намъ мысль о Богѣ, на что вѣра въ Его вездѣприсутствіе и всемогущую дѣятельность, когда современная наука увѣряетъ, что матерія сама все производитъ при помощи своихъ собственныхъ законовъ и силъ, когда даже и то, что мы привыкли называть міромъ нравственно свободныхъ и разумныхъ явленій человѣческаго духа, въ существѣ дѣла есть произведеніе тѣхъ же необходимыхъ, физическихъ и матеріальныхъ міровыхъ силъ!!

Какъ различно отъ этого направленія современныхъ намъ естествоиспытателей и модныхъ ученыхъ то начало, которымъ проникнуты труды великихъ ученыхъ, оплодотворившихъ въ 16 и 17 вѣкахъ науки естествознанія своими безсмертными открытіями! Раскрывая и объясняя законы міровыхъ движеній, Коперникъ, Кеплеръ, Галилей и Ньютонъ всегда были проникнуты мыслию о великомъ Зажидителѣ вселенной; говоря о законахъ природы, эти истинные корифеи науки никогда не теряли изъ вида самаго Божественнаго Законодателя, начальнаго Виновника этихъ законовъ, обнаруживаю-

щаго въ нихъ свое безконечное всемогущество, свою премудрость и благодать. Нынѣшніе же естествоиспытатели, напротивъ, такъ *всецѣло* углубляются въ анализъ явленій, ихъ причинной связи и взаимныхъ соотношеній, что они или совершенно исключаютъ изъ области естествознанія всякую мысль о начальныхъ причинахъ и основахъ явленій, какъ о чемъ-то недоступномъ и непостижимомъ, или же прямо отрицаютъ дѣйствительность Божественнаго Творца и Законодателя природы и вообще бытіе какого либо духовнаго начала въ видимой природѣ. Такой образъ возрѣнія не могъ, какъ сказано, не обнаруживать своего вліянія на всю вообще область духовныхъ силъ и явленій: на нихъ стали смотрѣть, какъ на плодъ дѣятельности и сочетанія чисто матеріальныхъ силъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ того же возрѣнія мало по малу сдѣлалось въ наши дни отрицаніе всякой нравственной свободы, полный и безусловный фатализмъ, и вотъ явилось законченнымъ зданіе моднаго матеріализма, преемника сроднаго ему и недавно еще господствовавшаго пантеизма.

Можно сказать утвердительно, что изъ числа ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ силъ и явленій видимаго міра, едва ли не $\frac{2}{10}$ держатся нынѣ болѣе или менѣе пантеистическаго или матеріалистическаго направленія, и отличаются другъ отъ друга только болѣшею или меньшею степенью послѣдовательности, — говоря точнѣе — непослѣдовательности. съ какою они прилагаютъ къ жизни свои научныя возрѣнія. Мы не преувеличиваемъ здѣсь нисколько: конечно, далеко не всякій естествоиспытатель поставляетъ себѣ пѣлю открыто высказывать и распространять тѣ начала абсолютнаго матеріализма, который недавно напрім. про-

повѣдывалъ въ Германіи извѣстный Фохтъ; но тайно или явно большая часть ихъ держится однако такихъ началъ, которыя совершенно подрываютъ всякое христіанское или вообще религиозное вѣрованіе. Къ счастью еще сама практическая жизнь вмѣстѣ съ голосомъ совѣсти и внутренними опытами духовной природы человѣка часто служитъ противоядіемъ противъ матеріалистическихъ выводовъ науки, которая, если бы она была предоставлена самой себѣ, могла бы обнаруживать гораздо болѣе гибельное и разрушительное вліяніе на нравственный бытъ общества, чѣмъ какое она на дѣлѣ производитъ. Едва ли не самымъ злѣйшимъ врагомъ божественнаго откровенія и благотворнаго его вліянія на общество надобно признать именно это самодовольное и гордое естествознаніе, отрѣшенное отъ всякой мысли о Божественномъ Творцѣ. Рационализмъ оставлялъ еще какъ бы одну тропинку, могшую вести желающаго въ область Вѣры и Откровенія,—это была мысль о самостоятельной, личной Божественной Силѣ, дѣйствительность которой рационалисты никогда не отрицали, хотя они не признавали возможности сверхъестественныхъ и чудесныхъ явленій въ видимомъ мірѣ. Нынѣшній матеріализмъ напротивъ разрываетъ послѣднія узы, соединявшія человѣка съ его Творцемъ, и уничтожаетъ послѣдній свѣтъ, могшій еще способствовать обращенію заблудшаго ума на истинный путь.

Главная причина этого грустнаго направленія естествознанія заключается въ совершенномъ почти незнаніи большинства ученыхъ естествоиспытателей нашего времени съ нравственною природою человѣка и съ тою тѣсною, неразрывною связью, которая имѣетъ мѣсто между нравственными нашими силами и прирожд-

деннымъ намъ религіознымъ чувствомъ. Не трудно усмотрѣть одну изъ главныхъ и отличительныхъ болѣзней нашего вѣка въ томъ, что большинство его передовыхъ двигателей въ области науки и умственной жизни, будучи нерѣдко одарены блестящими дарованіями и обширными познаніями, остаются однако совершенно неразвитыми по отношенію къ тому внутреннѣйшему зерну жизни истинно нравственной и человѣческой, безъ котораго всѣ наши умственные сокровища, всѣ изобрѣтенія и улучшенія внѣшняго матеріальнаго быта людей остаются одною мишурною и обманчивою скорлупою безъ дѣйствительно-благотворнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ нравственныхъ судебъ человѣчества. Что касается въ частности до нашей отечественной учености, то весьма не трудно видѣть, что при крайнемъ недостаткѣ у насъ живаго и истинно вліятельнаго преподаванія предметовъ Вѣры, при совершенномъ отсутствіи здраво-философскаго образованія, не-откуда взяться у насъ противодѣйствию наплыву матеріалистическихъ идей, которыя повѣтому, нерѣдко безъ всякой борьбы, овладѣваютъ умами питомцевъ просвѣщенія.

Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ взоръ наблюдателя напрасно сталъ бы искать въ большинствѣ современныхъ намъ произведеній естественныхъ наукъ какой либо мысли о божественномъ происхожденіи и управленіи силъ и явленій видимой природы, мы встрѣчаемъ однако въ одномъ изъ новѣйшихъ и лучшихъ опытовъ по части естествознанія явленіе совершенно другаго рода и истинно отрадное. Мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на изданную недавно „Естественную Исторію сѣверо-американскихъ штатовъ, сочиненіе Луи Агассица“ (Contributions to the natural history of the

united states). Агассицъ принадлежитъ къ числу лучшихъ и наиболѣе знаменитыхъ ученыхъ естествоиспытателей нашего времени, и является въ указанномъ сочиненіи прямымъ защитникомъ христіанскаго міросозерцанія. Онъ доказываетъ здѣсь, между прочимъ, что различіе и взаимное соотношеніе родовъ и видовъ органическихъ существъ основывается на опредѣленномъ предначертанномъ творческомъ планѣ и необходимо предполагаетъ собою предшествовавшій актъ свободной, премудрой и всемогущей воли, совершенно исключающей возможность самодѣятельности слѣпыхъ физическихъ силъ.

Вотъ какъ авторъ начинаетъ первую весьма замѣчательную часть своего ученаго труда:

„Раздѣляя царство животныхъ на классы, семейства, роды и виды, мы раскрываемъ плоды нашихъ изслѣдованій относительно сродства и соотношенія животныхъ; такое раздѣленіе, составляющее первую задачу научнаго изслѣдованія видимой природы, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, вниманія всякаго мыслящаго человѣка. Имѣютъ ли эти дѣленія и подраздѣленія одно искусственное значеніе, или они имѣютъ основаніе въ самой природѣ? Составляютъ ли они простое изобрѣтеніе ума человѣческаго для лучшаго обозрѣнія и облегченія другихъ изысканій, или они основываются на идеяхъ творческихъ и должны быть разсматриваемы, какъ категория съ подлежательно-разумнымъ значеніемъ? По моему убѣжденію, системы и классификаціи, составленныя великими корифеями нашей науки, суть въ существѣ дѣла лишь передоженіе идей Творца на человѣческій языкъ. А если такъ, не должны ли мы признать эту способность человѣческаго ума къ усвоенію себя Творческихъ

идей, эту силу къ инстинктивному истолкованію мыслей Божіихъ — непрекаемымъ доказательствомъ нашего сродства съ Божественнымъ Духомъ? Не заслуживаетъ ли эта духовная связь наша со всемогущимъ Творцемъ самаго напряженнаго нашего изслѣдованія? Если придать законный и дѣйствительный вѣсъ вѣрованію, что человѣкъ созданъ по образу Божію, то безъ сомнѣнія естествоиспытатель не погрѣшитъ, стараясь при помощи своихъ собственныхъ наблюдений и опытовъ приблизить къ своему разумѣнію творческаго дѣла Божественнаго разума; онъ долженъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ черпать изъ внутренняго опыта познанія о собственной своей душѣ, чтобы затѣмъ вѣрнѣе представлять себѣ то безконечное Существо, отъ котораго онъ получилъ свое начало. Такое стремленіе можетъ съ перваго раза показаться дерзкимъ и самонадѣяннымъ; но кого мы назовемъ истинно смиреннымъ? Того ли, который, проникая въ тайны природы и переводя ихъ въ область познаній, горделиво называетъ ихъ „своею собственною научною системою“—или же того, который, занимаясь тѣми же изслѣдованіями, познаетъ свое сродство съ Творцемъ природы, и, проникнутый глубокою признательностію за это высокое происхожденіе свое, стремится къ тому, чтобы сдѣлаться *выступающимъ* истолкователемъ Божественнаго ума и войти въ ту внутреннюю связь съ симъ послѣднимъ, которая по законамъ нашего бытія не только дозволена намъ, но и составляетъ прямое наше назначеніе. Признаюсь, вопросъ объ основахъ нашей научной классификаціи органическихъ существъ представляется мнѣ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ. Можно доказать, что человѣкъ не избрѣлъ систематическаго распредѣленія предметовъ ви-

димаго міра, а только позналъ его, и что этотъ разумно-художественный распорядокъ, проявляющійся во всемъ растительномъ и животномъ царствѣ, необходимо долженъ находиться въ духовной, внутренней связи съ идеями Творческаго Духа. Можно дойти до яснаго убѣжденія въ томъ, что виѣшній окружающій насъ міръ, разоблачая предъ нами свое дивное разумное устройство, не можетъ быть произведеніемъ слѣпыхъ и необходимыхъ физическихъ силъ, но напротивъ является предъ нашими взорами, какъ *свободное* произведеніе всемогущей премудрости, сначала создавшей идеи своихъ тварей, а затѣмъ осуществившей эти идеи во виѣшной дѣйствительности. Словомъ сказать, мы можемъ доказать, что появленію тѣхъ или другихъ предметовъ видимаго міра необходимо *должны были* предшествовать свободно-разумный планъ ихъ устройства и взаимнаго соотношенія. А этимъ, очевидно, совершенно подрывается сила той безотрадной теоріи, которая хочетъ видѣть источникъ всего мірозданія въ слѣпыхъ законахъ матеріи, произведшихъ будто бы все дивное устройство вселенной,—теоріи, которая безъ мысли о Богѣ подчиняетъ всѣхъ и все однообразному и вѣчно неизмѣнному вліянію физическихъ силъ, связывающихъ все законами роковой необходимости. Думаю, что наука наша нынѣ достигла такой степени развитія и усовершенствованія, что мы можемъ приступить къ подобному изслѣдованію“.

Этими благородными и привлекательными размышленіями знаменитый авторъ упомянутаго сочиненія начинаетъ свои изысканія, и полагаетъ тѣмъ, какъ намъ кажется, начало новой эпохѣ въ исторіи научной разработки естествознанія; онъ является поборникомъ новаго *христіанскаго* направленія естественныхъ наукъ,

живо напоминающаго о трудахъ и воззрѣнiяхъ Кеплера, Ньютона и Линнея.

У насъ въ Европѣ это направленiе, какъ сказано, почти совершенно изгнано изъ естественныхъ наукъ. Германская философiя въ новѣйшее время дошла до совершеннаго превращенiя богооткровеннаго ученiя о томъ, что Богъ сотворилъ человѣка по своему образу; ибо по ученiю недавно еще весьма распространенной школы Фейрбаха, не Богъ сотворилъ человѣка по образу и подобiю своему, а напротивъ, самъ человѣкъ измыслилъ Бога по своему образу. Повтому-то безъ сомнѣнiя весьма замѣчательно и отрадно видѣть, какъ знаменитый и опытный естествоиспытатель въ родѣ Агассица посвящаетъ ббольшую часть перваго тома своего превосходнаго произведенiя на такiя соображенiя и изысканiя, которыя уже давно счiтаются отжившими и отсталыми у молодыхъ и модныхъ собратьевъ его по наукѣ.

Чтобы доказать дѣйствительность *разумнаю, личнаю* Творца органическаго мiра, авторъ сначала обращаетъ вниманiе своихъ читателей на существованiе совершенно *различныхъ* типовъ животныхъ и растений при *одинаковыхъ* внѣшнихъ физическихъ условiяхъ. Отсюда онъ выводитъ необходимое заключенiе, что при однихъ и тѣхъ же физическихъ данныхъ должны были — для первоначальнаго образованiя *разнородныхъ* животныхъ — дѣйствовать другiя творческiя силы, независящiя отъ физическихъ условiй природы. Такъ какъ матерiальныя силы, дѣйствующiя на землѣ, въ существѣ дѣла были одинаковы во всѣ времена и всегда проявлялись по тѣмъ же законамъ, какъ и теперь, — такъ какъ далѣе эти силы нынѣ не производятъ никакихъ новыхъ клас-

совъ органическихъ существъ; то очевидно, что эти силы сами по себѣ отнюдь не могли быть достаточны для того, чтобы призвать къ бытію какіе либо начатки органическихъ существъ. Ясно притомъ, что каждый классъ животныхъ, продолжая свое существованіе чрезъ преемственный рядъ поколѣній, находится въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ отношеніи къ окружающему его міру, и что такимъ образомъ отношенія животныхъ къ силамъ и законамъ природы также въ точности опредѣлены и предначертаны независимо отъ этихъ послѣднихъ.

Тѣ же заключенія авторъ выводитъ и наоборотъ изъ того неоспоримаго факта, что *однородныя* животныя вежрѣчаются подъ весьма *различными* внѣшними условіями. Климатическое вліяніе и физическія силы оказываются здѣсь опять совершенно недостаточными для объясненія этого явленія. Такъ наприм. нѣтъ никакого различія между волками или лисицами, живущими на самыхъ различныхъ поясахъ земнаго шара. Вообще говоря, внѣшніе физическіе законы и силы никогда не находятся въ причинномъ отношеніи къ существамъ органическаго міра. Вліяніе климатическихъ и матеріальныхъ условій на растенія и животныхъ всегда ограничивается внѣшними, болѣе или менѣе незначительными видоизмѣненіями этихъ послѣднихъ, нисколько не касаясь ихъ *существенныхъ* свойствъ и принадлежностей.

Никакимъ образомъ, говоритъ авторъ далѣе, нельзя дѣйствіемъ бессмысленныхъ силъ природы объяснить чудное устройство органическаго міра, его строго-логическія сочетанія, его внутреннюю гармонію и все безконечное его разнообразіе при сохраненіи однако общаго строгого единства; все это *необходимо* предпола-

гаетъ независимую отъ матеріальныхъ силъ, высшую Премудрость, какъ источникъ и начало всѣхъ этихъ существъ. Такъ какъ эти отношенія въ равной мѣрѣ касаются и первобытнаго періода органической жизни на нашей планетѣ, то мы по необходимости снова приходимъ къ заключенію, что дѣйствительному появленію царства животныхъ и растений должны были предшествовать не только слѣпыя силы природы, но и Творческія идеи предвѣчной Премудрости. Эта мысль приобретаетъ еще новую силу и несомнѣнность, если обратимъ вниманіе на то, что дознанная наукою постепенность въ происхожденіи разныхъ видовъ органическихъ существъ, царемъ и вѣнцемъ которыхъ является человекъ, не можетъ не служить важнымъ доказательствомъ разумно-свободнаго и личнаго достоинства Творческихъ силъ.

Всѣ упомянутыя нами положенія отдѣльно разсматриваются и подтверждаются многочисленными примѣрами въ слѣдующихъ отдѣлахъ сочиненія автора. Главнымъ выводомъ всѣхъ ученыхъ и глубокихъ изслѣдованій автора служить то, что *всѣ явленія органическаго міра останутся совершенно непонятными, если мы не допустимъ дѣйствительности Высочайшей Премудрости, Божественнаго Всеобщаго и Всемоущаго, дѣйствовавшаго разумно-творчески по предначертанному плану, независимо отъ какого либо вліянія со стороны имъ же созданныхъ матеріальныхъ силъ природы.*

„Вообще говоря“, заключаетъ авторъ свои изысканія, „естествознаніе не можетъ не сдѣлаться анализомъ Творческихъ идей, осуществившихся во вселенной; и нельзя конечно удивляться тому, что эти мысли о Творцѣ приняты мною во вниманіе при классификаціи животныхъ,

имѣющей столь близкое отношеніе къ общимъ Творческимъ идеямъ“.

Разсмотрѣнное нами сочиненіе пользуется громаднымъ успѣхомъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ; это служитъ живымъ свидѣтельствомъ того, что, какъ ни плачевнымъ можетъ показаться религіозное состояніе Америки по чрезвычайной раздробленности, разрозненности и ошибочности ея церковныхъ обществъ, но въ известномъ отношеніи это состояніе, можетъ быть, гораздо лучше нашего.

Какъ желательно было бы, чтобъ по крайней мѣрѣ наши преподаватели естественныхъ наукъ, знакомя юношество съ силами, законами и явленіями видимаго міра, усвоили себѣ истинно-христіанскій духъ этого сочиненія. Но къ несчастію нельзя еще въ настоящее время надѣяться на это. Наши ученые специалисты по части естественныхъ наукъ конечно готовы будутъ воспользоваться научными сокровищами Агассица; но христіанскіе выводы и мысли его они вѣроятно оставятъ въ сторонѣ, какъ вещи, не касающіяся ихъ специальности;— того требуетъ эмпирический духъ нашего времени.

И. Осиповъ.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖУРНАЛА
МИССИОНЕРА КУЗНЕЦКАГО ОТДѢЛЕНІЯ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ,
СВЯЩЕННИКА ВАСИЛІЯ ВЕРВИЦКАГО.

1858 года декабря 13 дня переселились мы изъ Катана въ улусъ Кузедѣвскій, въ 20 верстахъ вверхъ по р. Кондомѣ. Заслышавъ нашъ переѣздъ, шаманъ *Осык* бросилъ свою набушку и откочевалъ въ ближайшій улусъ. Должно быть служителю веліара несносно наше сосѣдство.

15 Декабря. Въ улусѣ Кузедѣвскомъ совершилось дѣло необычайное у инородцевъ: отпѣто тѣло замерзшаго ихъ собрата. Доселѣ кладбище этого христіанскаго улуса, въ теченіе 18 лѣтъ своего существованія, никогда не видало надгробнаго обряда христіанскаго надъ своими мертвецами. И теперь хотѣли было зарыть замерзшій трупъ несчастнаго Василя безъ послѣдняго утѣшенія Вѣры, — общественной молитвы, да не низведенъ будетъ онъ, по грѣхамъ своимъ, на мѣсто мученія, но да вчиненъ во дворѣхъ праведныхъ. Я замѣтилъ копателямъ могилы, что, безъ дозволенія земской полиціи, нельзя зарывать тѣла скоропостижно умершихъ. Въ отвѣтъ на это они показали мнѣ бумагу и намѣревались уже опускать гробъ въ могилу. Я остановилъ ихъ, сказавъ, что надобно сначала отпѣть, что

тѣла христіанскія погребаются по совершеніи надъ ними христіанскаго обряда; объяснилъ пользу сего обряда какъ для умершаго, такъ и для живыхъ, и вызвался сейчасъ же отпѣть умершаго, разумѣется безмездно. Но такъ какъ они еще дичатся насъ, то и не приняли моего вызова, сказавъ, что они попросятъ кузнецкаго священника отпѣть послѣ. Я указалъ имъ на послѣднія слова бумаги: „предать тѣло землѣ по христіанскому обряду.“ Жалкіе инородцы, видя, что навязчивость моя непобѣдима, рѣшились наконецъ, безъ дальнихъ хлопотъ, одолжить меня своимъ согласіемъ на отпѣтіе ихъ собрата, что я и исполнилъ, не смотря на жестокой морозъ, съ душевнымъ удовольствіемъ. Вотъ наши первоначальныя отношенія къ чадамъ; но уповаю на Господа Бога, что это продолжится не долго. Жена умершаго Василія имѣетъ у себя въ семействѣ двоихъ дѣтей, которыя оба больны; я вызвался посмотреть ихъ болѣзнь и предложилъ врачевство душевное и тѣлесное. Не знаю, что будетъ съ 8 лѣтнимъ ея сыномъ, но такой страшной и зловонной явзы на его распухшей губѣ мнѣ никогда не случалось видѣть. Приложена пока тертая морковь, смѣшанная съ деревяннымъ масломъ. 14-ти лѣтней же дѣвочкѣ, прежде всякаго леченія, необходимо было дать рубашку, ибо она прикрывалась какими-то тряпками и не сходила съ печи. Если картина бѣдности не привлекательна и тамъ, гдѣ и здоровые и въ силахъ инородцы поражены ею, то бѣдность невольная еще болѣе возмущаетъ чувства.—60-ти лѣтній Василій поѣхалъ за хлѣбомъ для голоднаго и больнаго семейства, застигнутъ бураномъ, сбился съ пути и замерзъ. Такимъ образомъ къ голоду несчастнаго семейства прибавилось еще сиротство. Въ

подобныхъ обстоятельствахъ много надобно душевной силы, чтобъ не сказать: *лучше есть смерть паче живота горька* (Сир. 30, 17).

25 декабря. По отправленіи литургіи въ улусъ Кузедвевскомъ, отправился съ церковнослужителемъ своимъ въ главный станъ Миссіи Улагу.

1859 года.

Январь мѣсяцъ пребылъ въ Улагѣ и занимался письменными дѣлами Миссіи, по порученію начальника, подъ его руководствомъ.

На возвратномъ пути изъ Улагы закупалъ хлѣбъ на годовое содержаніе своего отдѣленія. Вблизи насъ, въ Черни, хлѣбопашество не развито. Крестьянамъ самимъ не достаетъ полнаго количества на цѣлый годъ, а золотые промыслы, рудники и заводы, закупая въ большомъ количествѣ хлѣбъ, поднимаютъ на него цѣну. Отъ того содержаніе въ Кузнецкомъ округѣ дороже, чѣмъ въ Бійскомъ, а при нынѣшнихъ неурожаяхъ, и довольно затруднительно.

Февраль и мартъ. Въ теченіе св. четырёхдесятницы отправлялъ богослуженіе по улусамъ, состоящимъ по р. Кондомъ, исповѣдывалъ, приобщалъ и наставлялъ живущихъ въ нихъ крещенныхъ инородцевъ.

30 марта. Вскрылась рѣка Кондома, дружно и быстро неся свой раздробленный покровъ. По вскрытіи рѣкъ во всѣхъ улусахъ кузнецкаго округа отправляется языческій *праздникъ березы*. Въ каждомъ улусѣ есть заветная береза, къ которой въ весеннее время народъ всѣмъ улусомъ, въ праздничномъ одѣяніи, собирается для умилостивленія демоновъ, чтобы они не посылали болѣзней, способствовали ловлѣ звѣрей и рыбъ

и проч. Въ нашемъ улусѣ стали поговаривать о любимомъ своемъ праздникѣ. Я объяснилъ своимъ чадамъ, что праздникъ этотъ неприличенъ человѣку крещенному; что всего, въ чемъ мы имѣемъ нужду, должно просить у единого истиннаго Бога, что демоны не властны ни напустить несчастія на человѣка, ни отворотить оное, если Господь пошлетъ въ наказаніе за грѣхи наши. Иностранцы не противорѣчили мнѣ, но на лицахъ ихъ отражалось уныніе, даже одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „отъ чего же только въ нашемъ улусѣ не будетъ весенняго праздника?“—Зачѣмъ не будетъ праздника? отвѣтилъ я имъ. Вотъ, скоро будетъ у насъ самый радостный праздникъ — Пасха Христова, а если для васъ недостаточно, что мы будемъ молиться только въ церкви: то прошу васъ усердно, для вашего же счастья и спасенія, не правдуйте богомерзкій праздникъ березы, а вмѣсто его мы отпразднуемъ въ пятницу на св. Пасхѣ: обойдемъ съ иконами весь улусъ, спустимся на Кондому, освятимъ въ ней воду, которая и будетъ во здравіе и намъ и скоту нашему, помолимся всѣ вмѣстѣ всемогущему Господу во-первыхъ о спасеніи души нашей, которая несравненно дороже тѣла, а во-вторыхъ уже о низпосланіи намъ того, что нужно для земнаго нашего пребыванія. Всѣ иностранцы наши согласились, и исполнили свое слово. Завѣтная береза, увѣшенная ленточками и конскими волосами, стоящая на горѣ, не далеко отъ улуса, въ первый еще разъ, въ теченіе 18 лѣтъ, была безъ весеннихъ посѣтителей.

17 апреля. И мы исполнили свое обѣщаніе: при стеченіи всего улуса, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, съ сияющими отъ удовольствія лицами, совершили крестный

ходъ вокругъ улуса, и на р. Кондомъ молитвенно вывали къ Божіей Матери, всегдашней Заступницѣ и Помощницѣ, да напоить отъ источника воды живы чады нашихъ, зараженныхъ суевѣріями и шаманствомъ и да помажетъ душевныя очи слѣпцамъ нашимъ.

Апрѣль. Послѣ св. Пасхи занимался собираніемъ учениковъ для инородческаго училища. Дѣти въ семь случаевъ оказались умнѣ своихъ родителей. Многие съ удовольствіемъ бѣжали на призывный звукъ колокола въ училище, помѣщавшееся лѣтомъ въ сѣняхъ единственной моей келліи. Но зараженные предрасудками родители ихъ наказывали нѣкоторыхъ изъ нихъ розгами за хожденіе въ училище.

5 мая. Много хлопотъ было въ заготовленіи материаловъ для строенія миссіонерскаго дома въ улусъ Кузедѣевскомъ. Но наконецъ, съ помощію Божіею, приготовлены главные матеріалы для дома, совершено молебствіе съ водосвятиемъ въ основаніе его, и произведена закладка. Фундаментъ подведенъ изъ жерновыхъ камней, которыми весьма богаты мы, такъ какъ гора этихъ камней отстоитъ отъ насъ версты на 4. Ближайшая къ улусу нашему деревня Кузедѣевская только выдѣлкою ихъ и достаетъ себѣ насущное пропитаніе, и потому у жителей ея, на улицахъ, много валялось круглыхъ камней, которые по чему-либо не пошли въ дѣло, и по просьбѣ нашей съ удовольствіемъ привезены ими въ основаніе нашего дома. Къ постройкѣ мы приступили единственно въ упованіи на волю Божію: ибо всѣхъ средствъ къ совершенному окончанію ея въ виду не имѣется. Даже половинное количество дѣса куплено на собственное мое жалованье.

9 мая. Пренесеніе честныхъ мощей св. Николая чу-

дотворца. Святителя Николая почитаютъ въ Кузнецкомъ округѣ даже не крещенные инородцы и ставятъ предъ его иконою свѣчи. И чудотворецъ Божій внемлетъ усердію простыхъ сердець. принимаетъ даже видимое участіе въ обращеніи заблудшихъ на путь истины. Нельзя умолчать о весьма замѣчательномъ происшествіи, случившемся въ 1843 году съ инородцемъ улуса Сыркашева (въ 70 верстахъ отъ Кузнецка на правомъ берегу р. Томи), по имени *Банбаракомъ*. Инородцу этому явился угодникъ Божій въ полѣ, 30 мая, верст. въ 3-хъ отъ улуса, училъ его Вѣръ христіанской, совѣтовалъ непремѣнно креститься, и, влагая ему въ руки свой посохъ, коснулся имъ трехъ перстовъ правой руки, отчего инородецъ пришелъ въ безсмысленство. Опомнившись, онъ болѣе не видалъ угодника Божія, а рука у него оказалась загнутою назадъ къ поясницѣ, со сложеніемъ креста, и онъ никакъ не могъ отдѣлать ее; равно и правая нога сдѣлалась согбенною. Въ рукѣ и ногѣ ощущалась боль. Въ этомъ положеніи инородецъ былъ представляемъ г. кузнецкимъ исправникомъ Каташаевымъ и преосвященнѣйшему Афанасію, въ бытность его преосвященства въ Кузнецкѣ 24 іюня. 2-го же іюля Банбаракъ принялъ св. крещеніе, и по выходѣ его изъ купели, рука отдѣлилась отъ спины; 5-го числа того-же мѣсяца онъ сталъ владѣть ею свободно, а 9-го числа начали разгибаться персты, равно и нога. Новокрещенный Николай (такъ называли Банбарака въ честь явившагося ему угодника Божія) былъ весьма усерденъ къ храму Божію, ежегодно приобщался св. Таинъ и до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 1849 г., жилъ въ домѣ крестной своей матери, супруги г. исправника А. Н. Каташаевой. Дѣт-

ствительность сего происшествія могутъ подтвердить какъ воспріемники Николоя, такъ и многіе граждане г. Кузнецка.

Въ *июнь* мѣсяцѣ наблюдалъ за постройкою дома, заботился о недостающихъ матеріалахъ, училъ инокроческихъ мальчиковъ грамотѣ, въ числѣ 8 человекъ, которые въ праздничные дни помогали мнѣ въ собираніи полезныхъ въ медицинѣ растений и корней для составленія домашней аптеки. Флора окружающей насъ мѣстности богата даже сильно дѣйствующими средствами, каковы: балдырьянъ, прикрытъ, ремень, копытень, трефоль и мног. друг.

Въ *июль* мѣсяцѣ проповѣдывалъ слово Божіе по рѣчкѣ *Тельбеси*, гдѣ 6 человекъ приняли св. крещеніе.

8 *юля*. Прѣзжая чрезъ желѣзный рудникъ тельбесскій, отслужилъ здѣсь обѣдницу, и, по просьбѣ урядника и мастеровыхъ служителей, освятилъ воды Тельбеси и ихъ жилища, къ неописанному ихъ удовольствію, такъ какъ священнослужители ихъ здѣсь, въ дѣбряхъ, никогда не бывають. Грозы острокопечные каменные утесы тельбесскіе и, содержа въ себѣ много желѣза и магнита, привлекають громовыя тучи. Раскаты грома бывають здѣсь очень сильны. Видѣлъ и разработку руды. Если бы труженики, разсѣкающіе желѣзистый камень, жили между собою въ мирѣ и любви, не далеки были бы царствія Божія.

1 *августа*. Послѣ литургіи совершили крестный ходъ вокругъ всего улуса и на р. Кондому. Торжественное выполненіе христіанскихъ обрядовъ очень дѣйствуетъ на инокрочевъ. Особенно всѣ мы были обрадованы присылкою къ этому времени новыхъ живописныхъ на

полотнѣ иконѣ: Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Крестителя Господня и Святителя и Чудотворца Николая, пожертвованныхъ въ походную церковь завѣдуемаго мною отдѣленія миссіи боголюбивыми: священникомъ города Арзамаса, Алексіемъ Назаретскимъ и Нижегородскаго Спаса Преображенскаго Собора діакономъ Петромъ Никольскимъ. *Да наследятъ они за приношенія Господеву веселіе и вѣнецъ радости, и имя свѣчное* (Сир. 14, 11, 15, 6).

Съ 20 августа по 2-е сентября былъ во всѣхъ улусахъ *Бачатскихъ* съ проповѣдію слова Божія и призваніемъ ко спасенію. Избранныхъ оказалось только 7 человекъ, а прочіе званые, хотя и признавали христіанскую Вѣру святою, но боялись сдѣлать досаду шайтану, который будто бы мститъ имъ за принятіе св. крещенія, напуская болѣзни, какъ на нихъ самихъ, такъ и на скотъ ихъ. Одинъ даже рассказывалъ, что у нѣкоего новокрещеннаго инородца всѣ лошади попадали одна за другою отъ окропленія ихъ святою водою. Были между собесѣдниками и такіе, которые, не желая сами креститься до времени, просили привести въ крещенную вѣру грудныхъ дѣтей своихъ, вполнѣ сознавая, что съ принятіемъ христіанской Вѣры, Господь даруетъ имъ здоровье и счастье, и на оборотъ — встрѣчались между крещеными родителями такіе, которые упрашивали не крестить дѣтей ихъ, но только обмолитвить, до тѣхъ поръ, пока они возрастутъ и сами будутъ говорить молитвы; нашлась даже одна инородка въ Большомъ-Бачатскомъ улусѣ, которая жаловалась мнѣ на кама за то, что онъ не камлетъ надъ ея больнымъ полугодовымъ сыномъ. Въ улусахъ *Бачатскихъ* опять оказалось 14 паръ невѣнчанныхъ браковъ.

Всѣ они переписаны и высланы въ селеніе Бачатское для вѣнчанія, о чемъ я лично просилъ о. благочиннаго.

3 сентября. Узнавши, что я возвратился изъ Бачатскихъ улусовъ, пришла ко мнѣ изъ улуса Усть-Каятаскаго (въ 15 верст.) 56 лѣтняя вдова *Кыйхолу* и просила лекарства для ея сына, который крещень мною въ прошедшемъ 1858 г. Сколько я убѣждалъ тогда эту женщину принять христіанство, но безъ успѣха! Отъ нея только и слышно было, что „крещусь предъ смертью“. Я сказалъ ей теперъ, что одно лекарство не можетъ пособить твоему сыну. Должно быть онъ никогда тебѣ не предлагалъ о крещеніи; за это и наказанъ болѣзнію. Поэтому, чтобы выздороветь твой сынъ, да чтобы и твоя душа не погибла, ты должна креститься и вѣровать истинному Богу. *Кыйхолу* согласилась, но только послѣ выздоровленія сына. Я выразилъ сомнѣніе и указалъ ей на знакомаго татарина *Пѣстѣка*, который, лежа въ сильнѣйшей горячкѣ, далъ мнѣ слово непременно креститься, если я облегчю ему страданія, но, не въ продолжительное время, выздороветь отъ гомеопатическаго средства, и до сихъ поръ, не смотря на мои напоминанія, не исполняетъ обѣщанія. *Кыйхолу* болѣе не отлагала крещенія. Лекарство самое простое, а во многихъ случаяхъ, когда нужны вяжущія средства, самое дѣйствительное—сушеную кору *черемуховаго дерева* мы отослали съ другою женщиною, объяснивъ ея употребленіе, а оглашенная *Евдокія Кыйхолу* осталась учиться Вѣрѣ христіанской, молитвамъ и изображенію на себѣ крестнаго знаменія, и

7 сентября, въ р. Кондомѣ, въ теплый и ясный полдень, приняла св. крещеніе.

Съ 27 сентября по 16 октября. Посѣщалъ улусы, расположенные по р. Томѣ и Мрассѣ. Крайнія жилища осѣдло живущихъ (хотя и значащихся кочевыми) инородцевъ на Томи — Чульжанъ отъ г. Кузнецка въ 79 верстахъ, а на Мрассѣ—Сосновая Гора, въ 83 верстахъ. Выше Чульжана нѣтъ жителей, равно какъ и выше Сосновой Горы, на протяженіи 100 верстъ, пространство не населенное, а потомъ живутъ юртами въ собственномъ смыслѣ кочующіе инородцы. Отъ г. Кузнецка до предѣловъ этихъ осѣдлыхъ жилищъ — Чульжана и Сосновой Горы расположено 16 улусовъ болѣе или менѣе многочисленныхъ, между которыми сообщеніе бываетъ или верхомъ, или въ лодкѣ. Мною на этотъ разъ избрано послѣднее. Плаваніе началось отъ улуса Балбинскаго, на пространствѣ 178 верстъ (78 по Томи и 100 по Мрассѣ). Прибрежные виды, особенно по Мрассѣ, удивительно разнообразны, какъ очертаніемъ горъ, такъ и сложеніемъ камней. Въ однихъ мѣстахъ видны какбы искусственныя башни съ карнизами и колоннами, въ другихъ глубокія ущелья, а тамъ, *на горъ висоцѣ и голмъ вознесеннѣ вода текущая* сребрится въ шумныхъ водопадахъ (Иса. 30, 25). Инородцы, здѣсь обитающіе, очень искусны управлять лодками, потому что выросли на этомъ занятіи. Телегу здѣсь весьма трудно найти, тогда какъ у каждаго домохозяина есть своя лодка. Томскіе и мрасскіе инородцы бойчѣе, развязнѣе и трудолюбивѣе кондомскихъ. Хлѣбопашествомъ впрочемъ занимаются весьма мало по недостаточности удобной земли. Главныя ихъ занятія: звѣропромышленность, рыболовство и вязаніе неводоу; живутъ чисто, опрятно и довольно достаточно, много изъ нихъ людей торгующихъ, общій ихъ порокъ — лихоимство: — безъ

большихъ процентовъ не ссудать бѣднаго, чего незамѣтно ни у алтайцевъ, ни у телеутовъ Кузнецкаго округа. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1854 г. былъ здѣсь нашъ о. Арсеній и напелъ темную смѣсь язычества съ христіанствомъ: самые близкіе по крови были далеки по духу. Крещенный мужъ имѣлъ съ супружествомъ некрещенную жену, и на оборотъ — крещенная жена сожительствовала съ некрещенымъ мужемъ. Дѣти и другіе члены семействъ на половину были христіане, на половину идолопоклонники. Ревность о. Арсенія о спасеніи погибающихъ снѣдала его. Долго и много убѣждалъ онъ всѣхъ обратиться къ истинному Богу. Казалось, всѣ внимали его проповѣди. Многолюднѣйшіе улусы Чувашинскій и Сибиргинскій объявили желаніе креститься и съ удовольствіемъ слушали рассказы изъ священной исторіи опытнаго и даровитаго толмача улалинскаго. Но не ему суждено пожать плоды евангельскаго сѣмени. Назначенный къ мрасскимъ инородцамъ достойный пастырь о. Петръ Побѣдоносцевъ въ теченіе лѣта сего года побѣдоносно дѣйствовалъ въ очищеніи противозаконной смѣси христіанства. Въ настоящее время осталось некрещенныхъ здѣсь очень мало. И потому теперь остается еще не легкій подвижъ утвержденія новообращенныхъ въ христіанствѣ, что особенно трудно, между прочимъ и потому, что здѣсь гнѣздо и училище шаманства, отсюда шаманы, какъ болѣе уважаемые, вывозятся и въ другія мѣста. Кромѣ частыхъ пастырскихъ бесѣдъ и внушеній, къ утвержденію инородцевъ въ христіанствѣ лучше всего способствуетъ очищеніе души въ таинствѣ покаянія. Между инородцами Кузнецкаго округа вовсе не было введено христіанскаго говѣнія, тогда какъ я убѣдился собствен-

ныиъ опытомъ, что многіе причастившиися честнаго Тѣла и животворящей Крови Господа и Спаса нашего, переставали намлатъ, да и другихъ, обращающихся къ прежнему суевѣрію, называютъ *скверницами*.

Плаваніе мое по р. р. Томи и Мрассѣ продолжалось до самой шуги, которая на порогахъ рѣшительно препятствовала слѣдованію нашему противъ воды. Впрочемъ всѣ улусы мною обоарѣны. Кромѣ ознакомленія съ мѣстностію, мною собраны нужныя свѣдѣнія о нарѣчїи здѣшнихъ инородцевъ и крещено 5 человекъ, обратившихся изъ идолопоклонства, и 5 младенцевъ новокрещенныхъ родителей.

Въ *ноябрь* мѣсяцѣ занимался съ толмачомъ переводомъ избранныхъ мѣстъ священнаго Писанія на татарскій языкъ кондомскихъ инородцевъ, которыхъ нарѣчіе весьма близко къ нарѣчію мрасскихъ инородцевъ, но различно отъ нарѣчїа бачатскихъ телеутъ.

Наступаетъ зима съ своими морозами, которые немилосердо преслѣдуютъ меня даже въ жилищѣ моемъ. Богъ знаетъ, какъ мы пробьемся эту зиму въ двойственной температурѣ нашей квартиры, которая, по истопѣ печи, содержитъ наверху жаръ до 20 градусовъ, тогда какъ на полу вода замерзаетъ и пары превращаются въ иней. Въ новоустроенномъ же, съ помощію собственнаго жалованья моего, миссіонерскомъ домѣ нѣтъ ни печей, ни рамъ, и средствъ къ удовлетворенію этой насущной потребности въ виду не имѣется.

Въ 1859 году разными мѣрами, съ опасностію жизни моей сопряженными, при содѣйствїи мѣстнаго гражданскаго начальства, достигнуто по крайней мѣрѣ то, что шаманство въ улусахъ крещенныхъ инородцевъ

опружающей мѣры мѣстности не производится открыто. какъ было прежде; если и молятся богамъ, иже не спасаютъ, если кадятъ бѣсомъ и угощаютъ демону трапезу, то это дѣлается въ глубочайшей тайнѣ, далеко отъ жилищъ, въ чащахъ лѣса и насѣвахъ.

И С Ц Ъ Л Е Н І Я,

СОВЕРШИВШИЯСЯ ВЪ ЗАДОНСКОМЪ МОНАСТЫРЬ, ПРИ ОТКРЫТІИ МОЩЕЙ

СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА,

ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО И ЕЛЕЦКАГО.

ХVII.

Тульской губерніи, богородицкаго уѣзда, прихода села Спасскаго, деревни Коптевки, временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Алексѣя Стефановича Хомякова, Мартинъ Семеновъ, по прозванію Купцовъ, 70-ти лѣтъ отъ роду, по приведеніи къ присягѣ, показалъ:

Въ 1859 году 20-го февраля, на сырной недѣли въ четвертокъ, пошелъ онъ въ сосѣднюю деревню Котовку по своимъ надобностямъ къ крестьянину Авксентію Павлову. Послѣ обѣда пошелъ онъ въ сѣнникъ отдохнуть и уснулъ. Крестьянинъ Павловъ разбудилъ его. Онъ почувствовалъ въ лѣвой рукѣ, въ боку и ногѣ онѣмѣніе, и самъ не могъ встать, а поднялъ его Павловъ и отвезъ домой. Въ домѣ употреблены были кровопускаціе и другія врачебныя пособія, но болѣзнь до того усилилась, что его переворачивали съ боку на бокъ. Болѣзнь сія продолжалась болѣе года. Послѣ нѣсколько ослабѣла. Онъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, началъ съ палкою перетаскивать ногу. Услышавши о готовящемся открытіи мощей святителя Тихона въ За-

донскѣ, онъ возымѣлъ желаніе поклониться святымъ мощамъ. Въ дорогѣ шелъ не болѣе семи верстѣ въ сутки.

Пришедши въ Задонскѣ 9-го числа августа, онъ приложился къ ракъ святителя Тихона, и въ тоже время почувствовалъ, что онѣмѣніе нѣсколько разрѣшилось, онъ сталъ чувствовать болѣе развязности въ рукѣ и въ ногѣ. Въ этотъ день онъ въ первый разъ могъ самъ подпоясаться. На возвратномъ пути онъ могъ уже проходить отъ 15-ти до 20 верстѣ въ сутки, хотя совершеннаго выздоровленія еще не чувствуеть.

Справедливость показанія подтвердили: священникъ приходскій по священству и пять человекъ родственниковъ и нѣсколько сосѣдей подъ присягою.

XVIII.

Орловской губерніи, города Ливновъ, солдатка вдова Евросинія Гавріилова Бабичева, 48-ми лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала, что она, занимаясь мелочною продажею яблокъ и проч., назадъ тому лѣтъ 6-ть на ярмаркѣ въ Ливнахъ, въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя, въ ненастную и дождливую погоду промочила и застудила ноги и почувствовала въ нихъ судороги. Такъ какъ она сама не могла уже идти, то наняла мужичка, который и привезъ ее съ товаромъ въ квартиру, занимаемую ею у двоюродной сестры въ пригородной слободѣ. Въ продолженіи 6-ти лѣтней болѣзни своей она, по причинѣ бѣдности своей, ничѣмъ не лечилась. Священникъ нѣсколько разъ ее исповѣдывалъ и приобщалъ Святыхъ Тайнъ, и однажды оборовалъ. Болѣзнь ея, постепенно усиливаясь во всемъ тѣлѣ, дошла до того, что она не могла не только хо-

дуть, но даже и лежать на спинѣ, а находилась почти въ висячемъ положеніи съ помощію укрѣпленнаго надъ ея кроватью шеста, за который она держалась попеременно то одною, то другою рукою, и питалась приношеніями отъ двоюроднаго брата и другихъ. Когда услышала она въ іюль мѣсяцѣ 1861 года объ открытіи мощей святителя Тихона въ городѣ Задонскѣ, то мысленно молилась ему усердно о помилованіи ея и дала обѣтъ идти въ Задонскъ на поклоненіе угодинку Божию, какъ скоро будетъ имѣть облегченіе. Съ того времени она начала вставать съ постели и ходить по избѣ, опираясь на палку. Въ послѣднихъ числахъ мѣсяца іюля она, хотя съ большимъ трудомъ, отправилась въ Задонскъ, пригласила съ собою пятнадцатилѣтнюю племянницу свою, дѣвицу Надежду Сахарову. Въ пути, при ежедневномъ постепенномъ облегченіи, не болѣе, какъ въ недѣлю, она пришла въ Задонскъ.

Въ августѣ 1-го числа, приложившись къ надгробію святителя Тихона, она получила совершенное исцѣленіе. О семъ объявила она архимандриту задонскаго монастыря и осталась, по усердію, до открытія мощей. Въ сіе время она увидѣлась въ задонскомъ монастырѣ съ купцомъ Шубинымъ, который зналъ о ея болѣзни и питалъ ее во время оной, и рассказала ему о своемъ исцѣленіи.

Справедливость показанія подѣ присягою подтвердили три человека, знающіе о ея болѣзни.

XIX.

Тульской губерніи, елифановскаго уѣзда, деревни Извольской, Казановки тожъ, помѣщика Льва Львовича г. Карбоньеръ временно-обязанный крестьянинъ,

Климентъ Онуферіевъ, подъ присягою показавъ: три года тому назадъ, по уборкѣ хлѣба въ осеннее время (это было въ воскресенье), домашніе его пошли въ поле для сгребанія жнивы. Онъ пріѣхалъ туда же, наложилъ жнивы возъ и привезъ оной домой безъ всякой помѣхи. Какъ до вечера оставалась еще довольно времени; то онъ поѣхалъ въ другой разъ. Въ сей разъ домашніе его наложили возъ больше прежняго. Онъ находился на возу и увязывалъ его веревкою. Когда натягивалъ веревку, она оборвалась и онъ упалъ съ воза и ударился о землю такъ сильно, что разшибъ себѣ голову. Такъ какъ онъ упалъ на правый бокъ, то отшибъ себѣ правую руку и правую ногу. Семейные его свалили жниву, положили его на телегу, и почти ва-мертво привезли домой. По ночному времени и дальнему разстоянію отъ села никто не рѣшился ѣхать за священникомъ. На другой день священникъ исповѣдывалъ его, пріобщилъ Святыхъ Тайнъ и особоровалъ. Съ того времени онъ не владелъ правою рукою, не могъ ею перекреститься, а молился лѣвою. Ходить онъ могъ не иначе, какъ съ помощію другихъ, и то передвигая правую ногу. Отъ того обувь на правой ногѣ изнашивалась скорѣе, нежели на лѣвой. Шенъ его также сильно была повреждена. Онъ думалъ, что навсегда останется калѣкою. Когда сдѣлалось извѣстнымъ объ открытіи мощей святителя Тихона, онъ возымѣлъ сильное желаніе побывать въ Задонскѣ. Съ большимъ трудомъ онъ дотащился до Задонска. Когда наряду съ другими онъ приложился къ мощамъ святителя Тихона, почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни. Послѣ сего онъ не разсудилъ долѣе оставаться въ задонскомъ монастырѣ и отправился обратно домой.

На дорогѣ замѣтилъ въ себѣ перемѣну къ лучшему. Ногою онъ сталъ свободнѣе идти и рукою могъ пристыбомъ. Удивлялся онъ сей перемѣнѣ и самъ себѣ не вѣрилъ.

Отходяши версть 25-ть отъ Задонска, онъ остановился ночевать въ домѣ первонаго старосты, куда по какой-то надобности пришелъ приходскій священникъ. Онъ разсказалъ священнику о своемъ исцѣленіи, и священникъ сказалъ ему, что онъ не хорошо одѣлалъ, что не заявилъ въ монастырѣ о своемъ исцѣленіи. Ему не хотѣлось возвращаться въ монастырь, однакожь рѣшился возвратиться и объявилъ въ монастырѣ о своемъ исцѣленіи. Въ настоящее время онъ можетъ посѣщать храмы Божіи, и по силѣ своей помогаетъ домашнимъ въ ихъ занятіяхъ. По исцѣленіи своемъ ходилъ для богомошья въ нѣкоторые святые обители.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою 6-ть человекъ сосѣдей, знавшие о его болѣзни.

XX.

Орловской губерніи, города Ельца, мѣщанина Андрея Максимова сынъ, Тимофей Андреевъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, по приведеніи къ присягѣ, показавъ:

На седьмомъ году возраста своего почувствовалъ онъ сильную ломуу въ обѣихъ ногахъ. Вскорѣ открылись на оныхъ раны отъ колѣнъ до пятъ. Раны боіе были около ступни. Отъ сего онъ едва передвигался, то съ палкою, то ползкомъ, около 10-ти лѣтъ. Услышавши объ отыртін мощей святителя Тихона, онъ, Тимофей, пожелавъ быть въ Задонскѣ, вышолъ изъ дома на четверенькахъ въ сопровожденіи матери. На третьей верстѣ онъ почувствовалъ облегченіе и хотя съ болію, же на

ногахъ пошелъ съ другими. Пришедши въ Задонскъ 11-го числа августа, онъ вмѣстѣ съ матерью пошелъ ко всеобщему бдѣнію. За множествомъ народа не могли приложиться къ ракъ святителя Тихона, онъ взялъ изъ лампады, висящей предъ мощами, масла и выпилъ оное. Послѣ сего ему сдѣлалось гораздо легче. 14-го августа онъ приложился къ мощамъ святителя Тихона и почувствовалъ еще большее облегченіе. Раны на ногахъ начали вдругъ затягиваться. По возвращеніи изъ Задонска, началъ ходить свободно.

Справедливость показанія подтвердили: мѣстный священникъ по священству, пономарь сей же церкви, отецъ, мать, своякъ и одинъ изъ сосѣдей.

XXI.

Орловской губерніи, города Ельца мѣщанинъ, **Иванъ Васильевъ Рязановъ** подъ присягою показалъ: 1861 года въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца приключилась ему болѣзнь, какъ предполагаетъ онъ, отъ простуды. Сзади костреца появилась шишка въ куриное яйцо и съ продолженіемъ времени быстро разрасталась и наконецъ сдѣлалась величиною почти съ человеческую голову. Отъ сей болѣзни у него была сильная стрѣльба отъ шишки по самую ступень правой ноги и продолжалась день и ночь. Ходилъ онъ съ большимъ трудомъ съ помощію костыля. Для облегченія отъ страшнаго мученія, прибѣгалъ онъ къ разнымъ медицинскимъ пособіямъ и къ простымъ женщинамъ, но облегченія нмалѣйшаго не получилъ. Услышавши о близкомъ открытіи мощей святителя Тихона, онъ далъ обѣтъ ѣхать въ Задонскъ. Въ пятницу 11-го числа августа онъ удостоился приложиться къ гробницѣ святителя Тихона и тутъ

же почувствовалъ облегченіе въ болѣзни. Стрѣльба совершенно уничтожилась и онъ пошелъ свободно безъ костыля. Изъ Задонска на пути домой онъ прошелъ 15-ть верстъ съ палочкою. Стрѣльбы по сіе время не ощущаетъ. Но по прїѣздѣ домой онъ увлеченъ былъ простыми бабками къ средствамъ леченія, въ намѣреніи извести шипку, разными припарками. Въ настоящее время онъ затрудняется въ ходьбѣ. Нога у него, какъ бы одервенѣла. Но стрѣльбы и по настоящее время не чувствуетъ.

Справедливость показанія подѣ присягою подтвердили: жена, тетка и двое сосѣдей.

XXII.

Курской губерніи, старооскольскаго уѣзда, села Никольскаго, деревни Ржавца, вдова, дворовая женщина наследниковъ умершаго поручика Викторова, Елизавета Давыдова Безбородова, 69-ти лѣтъ отъ роду, мать глухонѣмаго Василья Леонтьева, и родная сестра его Варвара Леонтьева, по мужу Васильева, солдатка 35-ти лѣтъ отъ роду, подѣ присягою показави: Василій, имѣющій отъ роду 32 года, глухонѣмый, до 5-ти лѣтнаго возраста не ходилъ ногами. Съ сего времени началъ ходить слабо, согнувшись. Глазами смотрѣлъ не ясно и почти всегда ихъ замуривалъ. Ни о чемъ не имѣлъ понятія. Крестнаго знаменія самъ никогда на себѣ не могъ положить. Когда подавали ему ѣсть, то мать его крестила своею рукою. Ъсть не могъ просить, хотя бы и до двухъ дней не ѣлъ. Подавали пищу ему или мать, или сестра. Во всю жизнь свою онъ сидѣлъ, пригнувъ голову свою къ колѣнамъ. Рядко самъ могъ приподняться; но на все требовалась сторон-

ная помощь. Спать не много, и то тревожно. Какъ онъ былъ безсмысленъ, то и свойства онъ былъ спокойнаго и необидливаго. Въ первыхъ числахъ августа 1861 г., сестра его Варвара положила твердое обѣщаніе вести его съ собою въ Задонскъ. Съ большимъ трудомъ Варвара вела Василия. Почти цѣлый день едва могла она пройти съ нимъ двѣ версты, такъ какъ онъ, то ведомай ею, то самъ положивъ на нее руку свою, шель слабо, шило и сгорбясь. Когда они вышли на воронежскую дорогу, то сторонніе, ѣхавшіе, изъ жалости и соотраданія взяли ихъ на свою повозку и довели до Воронежа. Отъ Воронежа также прошли они версты 4, но Василию было легче. Разные поклонники, ѣхавшіе въ Задонскъ, подвозили ихъ, кто сколько могъ. Такимъ образомъ они дѣлали до Задонска. Когда Варвара съ Василиемъ вошла въ церковь, и когда онъ приложился къ мощамъ свѣтителя Тикона (куда Варвару не допустили, а только одного его, Василия), и когда онъ, приложившись къ мощамъ, подходитъ къ сестрѣ своей, то она замѣтила тотчасъ въ немъ переѣмку. Онъ началъ креститься, цѣловалъ крестъ, бывшій у него на груди, началъ ходить приѣме, хотя держалъ при себѣ два коствья. Они прожили въ Задонскѣ полтора мѣсяца. Василій все болѣе и болѣе укрѣплялся въ ногахъ и сталъ ходить прямо, безъ всякой сторонней помощи. Изъ Задонска пошли они пѣшкомъ. Въ дождливое время ихъ кто либо подвозилъ. Изъ Задонска заходили въ Елецъ, изъ Ельца въ Ливны, и 23-го октября возвратились въ Старый Осколь. Въ настоящее время глухой Василій, привыкшій болѣе другихъ къ сестрѣ своей Варварѣ, наставляемый отъ сестры знаками, сталъ молиться Богу, ходить съ нею въ церковь, можетъ самъ

предъ иконою поставитъ свѣчу, можетъ креститься и изрѣдка класть поклоны, цѣлуетъ часто на груди висѣщія у него иконы разныхъ святыхъ, ѣсть, ѣсть, спитъ мало, но спокойно. Скоро онъ ходить не можетъ, но ходить прямо и тихо. Говорить и слышать не можетъ, а о нужномъ показываетъ иногда знавами. Ведетъ себя скромно.

Справедливость показанія о предшествовавшихъ состояніи глухонѣмаго Василя подтвердили многіе подъ присягою; и е настоящимъ его состояніи удостовѣрили своимъ подписомъ города Старога Осюга соборный преторей Евфимій Казминскій.

XXIII.

Рязанской губерніи, ряжскаго уѣзда, села Уклова, временно-обязанная крестьянка г. Лопухина, Евдокія Иванова Аношина, 50 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала:

Пять лѣтъ тому назадъ она въ сентябрѣ мѣсяцѣ родила сына Сергія и съ сихъ родовъ почувствовала онѣмѣніе во всемъ тѣлѣ,—съ груди до ногъ, такъ что ходить могла не иначе, какъ только съ помощію двухъ костылей. Болѣзнь сія еще болѣе усилилась съ пасхи того же года и въ продолженіи двухъ лѣтъ до пасхи же она не ходила, а постоянно лежала; ее поворачивали съ боку на бокъ. Послѣ сего въ пасхальную вечерню у нея на лѣвой ногѣ сталъ дѣйствовать палець—мизинець. Продолжая лежать въ постели безъ всякаго движенія, она молила Бога и святителя Николая Чудотворца, чтобы Господь далъ ей возможность дойти до храма Божія. Въ ту же весну, въ первый день послѣ праздника святителя Николая Чудотворца, когда въ ихъ хра-

мѣ была боголюбская икона Божіей Матери изъ села Зимарова, раненбургскаго уѣзда, ей сильно захотѣлось быть въ храмѣ. По просьбѣ ея подняли ее съ кровати и подъ руки довели, или, вѣрнѣе, донесли до церкви. Въ церкви она просидѣла, согнувши ноги въ колѣнахъ, въ продолженіи всей обѣдни, будучи не въ состояніи подняться. Послѣ обѣдни она попросила отслужить молебень Божіей Матери, и изъ церкви ее опять привели подъ руки. Послѣ сего она почувствовала себя немного лучше, сама стала приподниматься на кровати и потихоньку могла спускаться съ оной; но ходить еще не могла. Въ послѣдствіи времени, она стала понемногу чувствовать себя все лучше и лучше: и наконецъ, съ большимъ трудомъ, при пособіи двухъ налокъ, могла ходить; но въ ногахъ всегда чувствовала сильнѣйшую боль, такъ что, по ея выраженію, ноги у нея какъ будто кипѣли въ чугунѣ. Въ такомъ положеніи она рѣшилась отправиться въ городъ Задонскъ къ открытію мощей святителя Тихона. Изъ Ухлова отправилась она вмѣстѣ съ своею сосѣдкою, крестьянкою, вдовою Анною Дмитріевою Морозовою и, по своему общанію, рѣшилась идти пѣшкомъ. Въ теченіи трехъ дней, съ великимъ трудомъ она дошла до города Раненбурга наканунѣ Преображенія Господня. Изъ опасенія за слабость своего здоровья, въ городѣ Раненбургѣ въ праздникъ Преображенія онѣ пріютились въ таинъ. На другой день Преображенія вышла она изъ города Раненбурга и встрѣтила крестьянина, который везъ московскую, неизвѣстную ей, купчиху, также больную, коего и просила она подвезть ее. Крестьянинъ подвезъ ее верстъ 15 до того мѣста, гдѣ долженъ былъ повернуть съ дороги въ свою деревню. Съ сего

мѣста она пошла пѣшкомъ и чувствовала себя крайне усталою. Посему встрѣчавшихся попутчиковъ она просила подвозить ее. За 15 верстъ отъ Задонска она совершенно ослабѣла и не могла подняться. Въ такомъ положеніи ее привезли въ Задонскъ. Здѣсь она помѣстилась въ одной квартирѣ съ вышеумянутою купчихою. На другой день утромъ, 10-го числа августа, она, при помощи двухъ палокъ, съ большимъ трудомъ, пошла въ церковь, въ которой почивали неоткрытыя еще мощи святителя Тихона. По окончаніи ранней обѣдни, она приложила къ ракъ святыхъ мощей и пребыла то въ церкви, то около церкви до самаго вечера и возвратилась на квартиру. Въ пятницу, 11-го числа августа, она, при помощи палокъ, отправилась утромъ опять въ ту же церковь и опять то въ храмъ, то около онаго, пребыла до самаго вечера. Вечеромъ сего же 11-го числа, во время всенощнаго бдѣнія, она вдругъ почувствовала себя очень легко, такъ что и стоя молилась, и на колѣни становилась, и руки у нея поднимались какъ-то свободно въ время сей молитвы,—словомъ—она получила какъ будто новую жизнь. Изъ церкви, по окончаніи всенощнаго бдѣнія, она шла уже совершенно свободно, сначала съ одной палкой, а потомъ, приподнявъ оную, шла и безъ ея помощи. Не довѣряя самой себѣ, она и радовалась, и благодарила Бога и угодника Его святителя Тихона. Въ субботу, 12-го числа августа, она уже свободно пришла изъ своей квартиры въ церковь и опять пребыла до вечера, то въ храмъ, то около онаго. Въ день открытія мощей святителя Тихона она снова пребыла весь день въ храмъ или около онаго, чувствовала себя здоровою и молилась Богу. Августа 14-го она отправилась домой съ своимъ односельцемъ, крестьяниномъ

Иваномъ Артемюсовымъ Головинымъ, на его лошади, хотя могла идти прыжкомъ. Въ настоящее время она чувствуетъ себя здоровою, боли въ ногахъ не имѣеть, ходитъ безъ палокъ и занимается всѣми домашними работами.

Справедливость показанія подтвердили подъявляющіеся присягою: мужъ и двѣ дочери болящей и нѣсколько сосѣдей.

XXIV.

Орловской губерніи, мценскаго уѣзда, села Жалабухи. государственная крестьянка Вѣра Иванова Вужужина. отъ роду 38 лѣтъ, подъявляюща присягою показала, что она страдала съ 17 лѣтъ отъ рожденія бѣснованіемъ. Сія болѣзнь обнаруживалась въ ней такими припадками: по временамъ она кричала, рвала на себѣ платье, била себя, рвала у себя волосы на головѣ, и въ такомъ положеніи желала иногда лишиться себя жизни. Такіе припадки случались съ нею и дома и въ царкви. Подобныя припадки случались и въ тѣхъ мѣстахъ, куда ходила она на богомолье, какъ на примѣръ въ Оптиной и Жабьинской пустыняхъ, въ Духовъ монастырѣ и другихъ, особенно сіи припадки обнаружались въ Задонскомъ монастырѣ. Часа за два до открытія мощей святителя Тихона она билась, кричала разными голосами и впала наконецъ въ безпамятство. Во время обнесенія мощей святителя Тихона около монастыря она находилась въ народной толпѣ, ощутила сладостное благоуханіе и такое радостное состояніе, котораго никогда она прежде не чувствовала. Вскорѣ началось съ нею чиханіе, которое скоро прекратилось. Съ того времени она освободилась отъ бѣснованія и возвратилась домой здоровою.

Справедливость показанія подтвердили подъявляющіеся прися-

гою нѣсколько родственниковъ и сосѣдей и бывшая съ нею въ Задонскѣ крестьянка Варвара Алексѣева.

XXV.

Рязанской губерніи, данковскаго уѣзда, села Долгова бывшая однодворка, а нынѣ государственная крестьянка, дѣвица Елена Иванова Плетнева, 16 лѣтъ отъ роду, подъ присягою показала:

Съ 12 съ половиною лѣтъ она, въ слѣдствіе прежде бывшей болѣзни, сдѣлалась больна ногами такъ, что въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ не могла не только ходить, но и владѣть ими. Постоянно она сидѣла. Для принятія Святыхъ Таинъ родные носили ее въ церковь, или, по крайней нуждѣ, въ домъ священника. Лѣвое колено ея было сведено; пятка лѣвой ноги пригибалась къ верху. На обѣихъ ногахъ было много ранъ. Изъ ступни лѣвой ноги отъ боли выпали три кости, величиною съ полвершка.

Къ открытію мощей святителя Тихона мать привезла ее въ Задонскъ. Въ пятницу, во время вечера, мать ея, съ дѣвицею села Долгова, Феклою Никифоровою, внесла ее на рукахъ въ церковь, гдѣ почивали мощи святителя Тихона и приложила ее къ ракъ. Въ сіе время она тотчасъ почувствовала облегченіе въ ногахъ и, съ помощію матери и дѣвицы Феклы, отошла отъ раки на своихъ ногахъ. На другой день въ субботу она была у заутрени и обѣдни и ходила къ онимъ съ помощію матери и дѣвицы Никифоровой. Двѣ ночи она ночевала около монастыря подъ открытымъ небомъ, въ теченіи коихъ она вставала сама и молилась Богу, обращая взоръ свой къ монастырю. Въ воскресенье, когда мощи святителя Тихона обносили около мона-

стыря, она на своихъ ногахъ приложилась къ мощамъ и получила совершенное исцѣленіе.

Съ сего времени раны на ея ногахъ начали мало по малу закрываться и въ настоящее время осталась одна только небольшая рана на лѣвой ногѣ. Къ ранѣ сей для размягченія прикладывается теплый творогъ.

Нынѣ, съ помощію палки, какъ въ церковь, такъ и всюду, куда нужно, она ходитъ свободно, и со дня на день ощущаетъ большее облегченіе.

Справедливость показанія подтвердили подъ присягою: мать, отецъ исцѣленной, вышеозначенная дѣвица Фекла и 6-ть человекъ сосѣдей.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ въ 5-й день февр. Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о назначеніи ректора костромской семинаріи, архимандрита *Веніамина*, епископомъ селенгинскимъ, викаріемъ иркутской епархіи.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода, Высочайше соизволилъ: 1) разрѣшить служившему въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ протоіереемъ *Дебольскому* носить наперсный крестъ съ камнями, принесенный ему въ даръ совѣтомъ училища; 2) утвердить опредѣленіе Св. Синода о возведеніи находящейся въ городѣ Челябинскѣ женской общины въ общежительный третьеклассный монастырь, подъ наименованіемъ Одигитріевскаго-Богородичнаго, и 3) утвердить опредѣленіе его же касательно принятія женской общины въ городѣ Троицкѣ, уфимской епархіи, подъ покровительство духовнаго и гражданскаго начальствъ.

— Опредѣленіями Св. Синода положено преподавать благословеніе: отъ 4-го января—почетному блюстителю по хозяйственной части при муромскомъ духовномъ училищѣ, муромскому почетному гражданину, *Михаилу Шедову*, за пожертвованіе въ пользу означеннаго училища 350 руб. сер.; отъ 1-го марта—почетному блюстителю по хозяйственной части при самарской семинаріи, самарскому 2-й гильдіи купцу, *Василію Бурмесу*, за пожертвованіе на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ

Ч. I. Отд. III.

1/40

187 руб. сер.; дѣйствительному статскому совѣтнику Валерію *Чарыкову*, за пожертвованіе на вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ и на приумноженіе ученической библіотеки 350 руб.; самарскому 3-й гильдіи купцу Михаилу *Липтесу*, безмездно уступившему подъ помѣщеніе семинаріи на шестилѣтній срокъ передѣланную имъ въ жалье лавку, прикосившую ему 200 руб. сер. въ годъ дохода; отъ 9-го февраля, за успѣшное и безмездное обученіе дѣтей мѣстныхъ жителей—заштатному священнику въ Смоленскѣ Теодору *Плешкевичу*, крестовоздвиженской церкви священнику Тимоею *Галенкину*, входоіерусалимской церкви, въ Вязмѣ, дьячку Якову *Смиряину*, николаевской церкви дьячку Теодору *Попову*, благовѣщенской церкви дьячку Ивану *Тулубьеву*, успенской церкви, въ Дорогобужѣ, діакону Ильѣ *Нечасу*, сычевскаго уѣзда, села Короваева-Алмазова, священнику Іоанну *Ольговскому*, гжатскаго уѣзда, села Вырובהа священнику Александру *Уклонскому*, бѣльскаго уѣзда, села Холма діакону Михаилу *Верзилеву* и духовническаго уѣзда, села Кулагина, благочинному священнику Павлу *Чамову*.

Р. А., Е. І. пожертвовано въ пользу церковныхъ школъ, открытыхъ въ новосильскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, 100 экземпляровъ Евангелія на рускомъ языкѣ. Книги отосланы канцелярією правленія академіи къ тульскому преосвященному.

Редакцію Христ. Чтенія получены 25 р. сер. отъ Е. О. въ пользу своекоштныхъ студентовъ академіи и переданы въ правленіе академіи.

Редакція Хр. Чтенія честь имѣеть довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ, что въ ней можно получать *только тѣ книги*, о которыхъ объявляется на оберткѣ журнала, начиная съ мартовской книжки настоящаго года.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

VII.

О СВОБОДѢ ХРИСТІАНСКОЙ.

И даже Духъ Господень, говоритъ св. Апостоль, *ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Но Духъ Господень есть Духъ любви, есть любовь совершеннѣйшая и самосуца: *Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 16). Поэтому въ жизни и дѣятельности человѣка только тогда дышетъ духъ истинной свободы, когда всею его жизнію движетъ и управляетъ Духъ Христовъ, Духъ любви, или, что одно и тоже, когда христіанинъ живетъ и дѣйствуетъ истинно по-евангельски, по-христіански.

Такимъ образомъ духовная, христіанская свобода также, какъ и истинная любовь къ Богу и человѣчеству, есть особенный, отличительный характеръ дѣятельности христіанской, тѣмъ съ большею силою открывающійся въ жизни христіанина, чѣмъ болѣе онъ усвоитъ себѣ духъ Евангелія и сообразно съ нимъ располагаетъ свою жизнь,—есть особеннаго рода самостоятельность и независимость, которою обладаетъ только истинный хри-

стіанійъ, но которой вовсе не имѣють люди, чуждые ученія и духа Евангелія, хотя бы они не были ни кѣмъ стѣсняемы въ своихъ дѣйствіяхъ и пользовались самою полною виѣшнею свободою и независимостію: ибо *всѣхъ творій ирѣхъ, рабъ есть ирѣха* (Іоан. 8, 34). Это состояніе духовнаго рабства, какъ болѣе обыкновенное и повсюдное, не всегда ясно сознаваемое, но всегда многими испытанное или испытываемое, можетъ отчасти объяснить противоположное ему состояніе духовно-нравственной, евангельской свободы.

Творяй ирѣхъ, рабъ есть ирѣха. Въ обыкновенномъ смыслѣ рабомъ называется тотъ, кто не можетъ распоряжаться самимъ собою, не можетъ дѣлать то, что хочетъ самъ, что находить для себя наиболѣе лучшимъ и полезнымъ, сообразнымъ съ своими силами и способностями, наиболѣе соответствующимъ цѣлямъ своей жизни, а долженъ состоять въ полномъ распоряженіи своего господина и сообразоваться единственно съ его волею и желаніями, какъ орудіе, какъ средство, долженъ служить цѣлямъ и потребностямъ его жизни, исполнять повелѣнія его, хотя бы они превышали его силы. Таково особенно было, за немногими исключеніями, несчастное состояніе рабовъ въ древнемъ языческомъ мірѣ, водившемся духомъ эгоизма и самолюбія. Этими-то жалкимъ состояніемъ Евангеліе изображаетъ внутреннее, собственно нравственное состояніе человѣка, творящаго зло и неправду. И дѣйствительно, прослѣдите развитіе какого угодно порока въ душѣ и жизни человѣка, и вы замѣтите, что оно въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ постоянное, болѣе и болѣе, подчиненіе души и всѣхъ силъ ея игу тяжкому и неудобноносимому! Развращеніе человѣка часто начинается съ проступковъ

малыхъ, едва замѣтныхъ и, повидимому, извинительныхъ и простибельныхъ. Но если онъ первымъ внушеніемъ и оболъщеніемъ порока не противопоставитъ разумной осторожности, не послушается голоса совѣсти, а съ покорностію раба станетъ повиноваться и удовлетворять имъ; то они мало-по-малу образуютъ въ волѣ человѣка привычку, о которой справедливо говорятъ, что она—*сторая природа*, и притомъ часто крайне искажающая и извращающая истинную, настоящую природу человѣка: потому что она тѣлесныя и духовныя силы человѣка заставляетъ дѣйствовать не такъ, какъ требуетъ того природа ихъ и цѣль, для которой онъ данъ намъ, но совершенно вопреки тому и другому. Долговременная привычка переходитъ наконецъ въ погубительную страсть, около которой сосредоточивается вся внутренняя и внѣшняя жизнь человѣка: страсть управляетъ и движетъ его сердцемъ; страсть постоянно занимаетъ его умъ; страсть постоянно наполняетъ его воображеніе образами предметовъ, которыми она можетъ быть удовлетворяема; страсть тайно или явно, замѣтно или незамѣтно для другихъ, опредѣляетъ всѣ самыя внѣшнія отношенія его къ обществу. Онъ отдаетъ ей всего себя, всѣ свои силы, и душу, и тѣло; какъ рабъ злому и жестокому господину, онъ часто служить ей даже до крайняго изнуренія всѣхъ своихъ силъ, до потери здоровья и самой жизни. Таковы ужасныя слѣдствія духовно-нравственнаго рабства, иногда видимыя и во внѣшней жизни человѣка. Правда, долговременная привычка, незамѣтное подчиненіе этому духовному игу часто притупляютъ въ человѣкѣ чувство тяготы имъ, — подобно тому, какъ и внѣшнее долгое временное рабство мало-по-малу приучаетъ къ себѣ че-

ловѣа. Но бываютъ минуты, когда и въ самомъ порочномъ человѣкѣ пробуждается голосъ совѣсти, когда воспоминанія о его преступной жизни представляютъ ему во всей наготѣ его внутреннее безобразіе и внятно говорятъ его сознанію, какъ мало онъ жилъ и дѣйствовалъ истинно по человѣчески, какъ глубоко унизилъ самъ себя, какъ далеко отклонился отъ истинныхъ цѣлей своей жизни. При этомъ иногда пробуждается въ немъ желаніе измѣнить свою жизнь, сдѣлаться лучшимъ... Но здѣсь-то и оказывается часто, какъ велика власть страсти, укоренившейся въ душѣ человѣка и, подобно яду, отравившей всѣ ея силы; здѣсь-то не рѣдко обнаруживается во всей силѣ, какъ самъ по себѣ человѣкъ безсиленъ противостоять страсти, какъ часто онъ невольно и почти бессознательно покоряется ей, не смотря на то, что и умъ, и сердце, и совѣсть, и самый опытъ жизни ясно внушаютъ ему, что должно бороться со страстію, должно подавлять и побѣждать ее. Въ подобныя минуты и самъ онъ живо чувствуетъ и сознаетъ, что онъ—невольникъ и рабъ своей страсти!

Это состояніе духовнаго рабства разнообразится по различію внѣшняго состоянія и положенія людей, по различію того общества и тѣхъ обстоятельствъ жизни, среди которыхъ они находятся, по различію ихъ природныхъ расположеній и характеровъ, равно какъ тѣхъ страстей и пороковъ, которымъ они бываютъ преданы. Но всегда оно въ своемъ существѣ и въ своихъ слѣдствіяхъ во всѣхъ людяхъ одинаково. Страсть разврата порабощаетъ себѣ умъ и всѣ силы души человѣка, изнуряетъ самое его тѣло: подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ на человѣка и страсть безмѣрнаго честолюбія, не дающая честолюбивому покоя ни днемъ, ни ночью.

Зависть къ счастью и благоденствію другихъ также мучить бѣдняка, также беспокоить и терзаетъ его сердце, какъ и безумная страсть — богатаго скупца, приковаывающая его къ бездушному сокровищу и заставляющая изнывать надъ нимъ день и ночь. Жѣнщина, крайне пристрастившаяся къ нарядамъ и удовольствіямъ свѣта, проживающая на нихъ состояніе мужа и дѣтей, ради нихъ забывающая обязанности матери семейства, въ существѣ дѣла точно также жалка. также подавлена своею страстію и покорена ей, какъ и игрокъ, готовый принести въ жертву своей страсти послѣднее достояніе своего семейства. Торговецъ, привыкшій обманомъ выманивать деньги у своихъ покупателей, судія, привыкшій торговать закономъ, также жалки въ своихъ страстяхъ и привычкахъ, какъ и воръ — въ своей, а иногда и болѣе, — въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершаютъ обманъ и лихоимство не по какой либо вопіющей нуждѣ, а единственно ради прихотей, ради удовлетворенія другихъ своихъ страстей и грѣховныхъ привычекъ. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ состояніе духовнаго рабства бываетъ тѣмъ тяжелѣе и ужаснѣе. чѣмъ болѣе страстей и злыхъ похотей. взаимно усиливающихъ и подкрѣпляющихъ одна другую, подавляющихъ и угнетающихъ душу человѣка!...

Всѣхъ такихъ плѣнниковъ и рабовъ грѣха Божественный Начальникъ и Совершитель нашей Вѣры призываетъ къ Себѣ и обѣщаетъ дать имъ покой и миръ. изъ плѣна и рабства возвести ихъ въ состояніе духовной, блаженной свободы: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѣ. 11, 28).

Какимъ же образомъ Господь даетъ духовную свободу приходящимъ къ Нему и ищущимъ у Него успокоенія?

*Всякъ творяи грѣхъ, рабъ есть грѣха, и какъ никтоже чистъ отъ скверны, аще и единъ день житіе его на земли (Лов. 14, 45), то люди, по самой падшей природѣ, всѣ плѣнники и рабы грѣха. подлежащіе вѣчному наказанію и осужденію. Ужасную тяготу этого всеобщаго рабства отъ лица всего человѣчества выражаетъ Апостоль, когда говоритъ: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего (Рим. 7, 24)?*—Избавить человѣка отъ этого состоянія силенъ только Тотъ, кто самъ беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лествъ во утѣхъ Его (Исаи 53, 9). Принявъ на Себя наше естество, кромѣ грѣха. Онъ своими спасительными страданіями и крестною смертію избавляетъ и насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, своимъ живоноснымъ воскресеніемъ подаетъ и намъ надежду воскресенія въ новую духовную жизнь, *отъ работы истлѣнія* открываетъ и намъ путь въ вѣчную, блаженную свободу *славы чадъ Божиихъ* (Рим. 8, 21). Здѣсь—залогъ, здѣсь—основаніе духовной, спасительной свободы всего человѣчества! *Той есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ. не о нашихъ же точию, но и всею міри* (1 Іоан. 2, 2). *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13). Для сего Онъ ниспослалъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него Духа Святаго, Духа Утѣшителя, усвояющаго имъ безконечныя заслуги Христа—Спасителя, таинственно возраждающаго ихъ въ новую духовную жизнь. изъ чадъ гнѣва, изъ рабовъ грѣха содѣлывающаго ихъ чадами Божиими, подающаго имъ *вса Божественныя силы, яже къ животу и благодѣстию* (2 Петр. 1, 3), укрѣпляющаго ихъ въ борьбѣ со всякимъ зломъ и неправдой. И только тамъ можетъ быть истинная свобода, *идьже Духъ Господень!**

Но въ этомъ великомъ, прежде всего и болѣе всего Божию, дѣлу духовнаго освобожденія человѣка, и его личная самостоятельность, прирожденная ему свобода избирать между добромъ и зломъ не должны оставаться недѣтельными, а напротивъ должны принять участіе въ немъ,—и оно такъ необходимо, что безъ него никакимъ образомъ не можетъ совершиться духовное освобожденіе человѣка. Къ этому участію призываетъ людей самъ Христосъ Спаситель, когда, обращаясь ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, говоритъ имъ: *приидите ко Мнѣ!*—Чтобы приобрѣсть духовную свободу, надобно *прийти* ко Христу—Спасителю, надобно вѣровать всѣмъ сердцемъ слову Евангелія, надобно надѣяться и уповать, что непреложный въ словесѣхъ своихъ Господь подлинно дастъ плѣннымъ свободу, во всей полнотѣ и силѣ исполнить свое великое обѣтованіе: *аще Сынъ вы свободите, воистинну свободны будете* (Іоан. 8, 36).—Другое, столь же необходимое условіе для полученія духовной свободы, требуемое самимъ Христомъ-Спасителемъ, это—наша покорность Его ученію, наше искреннее и постоянное желаніе исполнять Его Божественный законъ и жить сообразно съ нимъ: *возмите иго мое на себе... и обряцете покой душамъ вашимъ. Ибо бо мое благо, и бремя мое легко есть* (Матѣ. 11, 29. 30). Онъ называетъ свой божественный законъ игомъ, но это иго—*благое и легкое*, не порабащающее, но освобождающее,—нѣкоторое *иго* въ отношеніи къ трудамъ, которые человѣкъ долженъ понести при борьбѣ съ искушеніями своихъ страстей, но свобода въ отношеніи къ тѣмъ высокимъ утѣшеніямъ благодати, къ тому *покою души*, къ тому миру сердца и совѣсти, которымъ наслаждается истинный христіанинъ,—нѣкоторое *иго*, когда этотъ за-

конъ еще не вполне воцарился въ нашей жизни и дѣятельности, но высокая свобода, когда онъ уже сдѣлался закономъ жизни, ея источникомъ и началомъ; ибо тогда *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9), потому что поступать по этому закону для него есть тоже, что и дѣйствовать по собственнымъ мыслямъ, чувствованіямъ и желаніямъ. Объ этой-то высокой свободѣ духа, обрѣтаемой въ исполненіи божественнаго закона, говоритъ Царь-Пророкъ: *хождахъ въ широтъ, яко заповѣди твои высказахъ* (Псал. 118, 45)!

И дивно ли, что человѣкъ въ исполненіи закона божественнаго находитъ истинную широту, истинную свободу духа, вполне достойную существа разумно-свободнаго? — Всевѣдущій Законодатель нашъ знаетъ природу человѣка такъ, какъ никогда не можетъ знать ее самъ человѣкъ, при помощи своей умозрительной и опытной, премудрости. Поэтому нравственный законъ, даруемый Богомъ человѣку, есть въ существѣ своемъ не что иное, какъ живое, самое вѣрное и полное выраженіе истинно-нравственныхъ потребностей человѣчества, есть, такъ сказать, полный и живой образъ дѣятельности, вполне сообразной съ существенными потребностями нашей тѣлесной и духовной природы, есть живой образъ самаго же человѣка съ его духовно-нравственной стороны, дѣйствующаго истинно по человѣчески, — разумно и свободно.

Если мы обратимъ вниманіе на жизнь и дѣятельность всѣхъ истинныхъ послѣдователей Евангелія, всѣхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія: то дѣйствительно примѣтимъ, что жизнь ихъ подлинно была запечатлѣна характеромъ той высокой, чудной свободы духа, той самостоятельности и независимости, которую мо-

жетъ дать человѣку только одно христіанство, и которая подлинно уподобляетъ его Богу — существу высочайше свободному и независимому. Въ ликѣ святыхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія мы находимъ людей всѣхъ званій и состояній, различныхъ характеровъ и образованія, — царей и подданныхъ, владѣтелей и рабовъ, пастырей и пасомыхъ, мірянъ и пустынниковъ, людей, обладавшихъ огромными богатствами, и бѣдняковъ, не имѣвшихъ ни крова, ни одежды, мужчинъ и женщинъ, преклонныхъ лѣтами старцевъ и цвѣтущихъ юношей. Но при всѣхъ этихъ внѣшнихъ различіяхъ, мы видимъ, что одинъ и тотъ же духъ евангельской свободы, точно также, какъ и духъ любви, также, какъ и ревность о Вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ, одушевляетъ всю ихъ жизнь и дѣятельность. На высотѣ земнаго величія они были чужды гордости и своеправія, никѣмъ не стѣсняемые и непринуждаемые, тѣмъ не менѣе они управляли своими дѣйствіями соответственно съ требованіями закона и совѣсти, умѣли возноситься выше всякихъ порывовъ гнѣва, личныхъ расчетовъ и страстей. Въ состояніи подчиненія и зависимости они были смиренными и покорными исполнителями повелѣній власти, но безъ раболѣпства и угодничества человѣческимъ прихотямъ и страстямъ. Безъ гордости и превозношенія они возвѣщали истину Евангелія людямъ бѣднымъ и смиреннымъ: безъ лести и лукавства они говорили ее и царямъ и вельможамъ; обличали пороки и нравственное растлѣніе людей простыхъ, отъ которыхъ ничего не надѣялись, равно какъ и ничего не боялись, но возвышали голосъ обличенія и противъ злоупотребленій, совершаемыхъ сильными и великими міра сего, хотя бы и предвидѣли, что ихъ ожидаетъ

гнѣвъ и немилость. Они умѣли по справедливости одѣ-
нивать достоинства и доблести людей знаменитыхъ, но
еще выше ставили нравственное достоинство человѣка,
хотя бы и прикрытое рубищемъ нищаго. Они умѣли
воздавать должное наукѣ и просвѣщенію, но въ то же
время боролись со всякою лжеменною мудростію, взи-
мавшеюся на разумъ Божій; высоко уважали христіан-
скую простоту ума и сердца, но въ то же время съ си-
лою противостояли всякому грубому невѣжеству со всѣ-
ми его предразсудками и суевѣріями. Въ вѣка всеоб-
щаго растлѣнія и разврата не только сами не увлека-
лись рабскимъ подражаніемъ общему примѣру, но си-
лою своего слова, характера и примѣра обращали и
другихъ на путь спасенія. Въ минуты общественныхъ,
народныхъ бѣдствій, опустошительныхъ войнъ, губи-
тельныхъ язвъ, когда всѣ унывали и падали духомъ,
теряли спокойствіе и благоразуміе, они стояли выше
всѣхъ скорбей и бѣдствій, являлись ангелами утѣшитель-
ными бѣдствующимъ, и, хотя часто сами плакали и ры-
дали, смотря на бѣдствія своихъ братій, но въ то же
время, съ полною свѣтлостію ума, съ обдуманностію и
благоразуміемъ изыскивали и находили средства къ об-
легченію ихъ участи. Окруженные богатствомъ и до-
вольствомъ, они умѣли находить должную границу сво-
имъ желаніямъ, и были чужды необузданной роскоши
и изнѣженности; въ крайней нищетѣ и бѣдности умѣли
переносить ее съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ и
мужествомъ, безъ зависти къ богатству и изобилію дру-
гихъ; а иногда и добровольно отдавали свои богатства
неимущимъ и бѣднымъ, сами избирая нищету ради цар-
ствія небеснаго. Въ здоровѣ и крѣпости тѣлесныхъ
силъ трудились постоянно и неутомимо; но и въ не-

мощи и старости не теряли мужества и бодрости духа. При самыхъ внезапныхъ переворотахъ счастья, при самыхъ тяжкихъ ударахъ жизни, которыми Провидѣніе испытывало ихъ, они хотя страдали, подобно Іову, но не падали духомъ, въ оковахъ и темницѣ были также нравственно-мужественны и неодолимы, какъ и среди всеобщаго уваженія, среди почестей и достоинствъ общественныхъ; подъ ударами гонителей, въ истязаніяхъ и мученіяхъ, были также тверды и непоколебимы въ исповѣданіи евангельской истины, какъ и въ самыя мирныя времена благоденствія и торжества св. Церкви. Среди суеты и шума богатыхъ и многолюдныхъ городовъ также умѣли находить единое на потребу и стоять выше всѣхъ обольщеній и искушеній свѣта, какъ и среди непроходимыхъ и необитаемыхъ пустынь. Такова жизнь истинныхъ послѣдователей Христа-Спасителя, всегда проникнутая духомъ христіанской свободы и независимости, всегда возвышающаяся надъ побужденіями грѣховными, страстными, плотскими, дѣлающая человѣка всегда способнымъ управлять самимъ собою, — царемъ и владыкой себя самаго, живымъ подобіемъ Существа высочайше независимаго и свободнаго!

Само собою очевидно, что эта евангельская свобода не есть въ существѣ своемъ одно и то же съ такъ называемою свободою гражданскою; потому что она равно и одинаково можетъ быть достояніемъ всѣхъ, — царя и подданнаго, раба и господина, вельможи и простаго ремесленника, пользующагося всѣми правами гражданства, равно какъ почему либо лишеннаго ихъ, — словомъ: людей всѣхъ званій, сословій и состояній. — Но если она — не одно и то же съ свободою гражданскою: то имѣетъ ли какое либо отношеніе къ ней?

Въ человѣкѣ есть непреодолимое желаніе свободы и независимости, и потому онъ ищетъ ея, между прочимъ, и въ быту гражданскомъ, въ своемъ общественномъ положеніи. Но если гдѣ, то здѣсь нужно искать ея болѣе всего при руководствѣ Евангелія, при непрестанномъ памятованіи силы и духа истинно-христіанской, духовной свободы человѣка. Иначе, — каковы бы ни были сами по себѣ общественныя учрежденія и постановленія, — самая свобода гражданская для однихъ будетъ служить только средствомъ къ большому порабощенію и угнетенію своихъ ближнихъ; для другихъ — предлогомъ къ своеволю и буйству.

Начальствующій и управляющій, безъ сомнѣнія, пользуется болѣею свободою сравнительно съ тѣми, надъ которыми онъ начальствуетъ. Но если при этомъ онъ не имѣетъ истинной, достойной христіанина, свободы духа, если онъ — рабъ своихъ страстей и похотей, своего самолюбія и своеправія: тогда его личная свобода и независимость бываетъ въ отношеніи къ подчиненнымъ источникомъ большаго порабощенія ихъ, угнетенія и униженія: потому что тогда онъ часто требуетъ не того, чего требуетъ законъ, но что внушаютъ ему его злыя страсти и прихоти, — требуетъ не одного должнаго повиновенія себѣ, но и безпрекословнаго исполненія всѣхъ своихъ желаній, хотя бы самыхъ преступныхъ и противозаконныхъ. — Вотъ источникъ всякаго превышенія власти и злоупотребленія ею, всякаго неправильнаго и противозаконнаго преобладанія въ общественной жизни однихъ людей надъ другими! Напротивъ, если духъ евангельской свободы одушевляетъ христіанина и ставитъ его выше всякаго самообольщенія и самозабвенія, всякой гордости и тщеславія; то

какъ бы ни были важны его права, какъ бы ни была велика и обширна его власть, — она никогда не протрется на законныя права другихъ, никогда не стѣснить свободы ихъ совѣсти, никогда не посягнетъ на ихъ общественную честь и положеніе. Словомъ: гдѣ преобладаетъ духъ нравственнаго рабства, тамъ онъ чрезъ людей, въ которыхъ дѣйствуетъ, усиливается распространить свое владычество и на другихъ. Напротивъ духъ евангельской, христіанской свободы и въ общественной жизни охраняетъ неприкосновенность правъ другихъ людей, ни на кого не дѣйствуетъ насильно и принудительно, исключая тѣхъ случаевъ, когда видитъ, что одни усиливаются подавить права и свободу другихъ и когда онъ необходимо, по самому существу своему и характеру, долженъ, сообразно съ требованіями закона, употребить и силу, чтобы защитить общественную свободу и безопасность. Такъ, на примѣръ, дѣйствуетъ судья, когда лишаетъ гражданской свободы обманщика, хищника, или убійцу.

Если со стороны начальствующихъ и обладающихъ злоупотребленіе свободой и независимостію своего общественного положенія обнаруживается въ превышеніи власти; то со стороны подчиненныхъ и управляемыхъ оно обнаруживается неповиновеніемъ законнымъ требованіямъ власти, нарушеніемъ самыхъ священнѣйшихъ и неприкосновенныхъ правъ начальствующихъ и управляющихъ. То и другое въ существѣ своемъ — одно и то же; и только въ отношеніи къ злоупотребляющимъ лицамъ различается своими названіями, — одно называется именемъ деспотизма, угнетенія, другое — буйства, своеволія, хотя и первое можетъ быть названо своеволіемъ и буйствомъ высшихъ въ отношеніи къ

низшимъ, и послѣднее — деспотизмомъ низшихъ, угнетеніемъ ими высшихъ. И если гибельно въ отношеніи къ общественному благоденствію незаконное преобладаніе нѣкоторыхъ лицъ: то не менѣе, а иногда еще болѣе гибельно и разрушительно своеволие и буйство народа, распаляемаго своими страстями, слѣпо повиновающагося имъ, ищущаго свободы, но въ то же время вовсе чуждаго свободы духа, не умѣющаго и не могущаго управлять самимъ собою. Въ подобныхъ случаяхъ мнимая свобода народа часто ведетъ къ самымъ величайшимъ жестокостямъ и насиліямъ. Такая-то лживая свобода въ одной изъ образованнѣйшихъ странъ Европы нѣкогда попрама самыя неприкосновенныя и священиыя права семейныя и общественныя, произвела неслыханныя звѣрства и жестокости, предавъ сотни тысячъ людей невинныхъ смертной казни, стѣснила самую свободу совѣсти всенароднымъ отверженіемъ и поруганіемъ христіанства. И „вездѣ, говоритъ одинъ изъ пастырей нашей церкви, гдѣ не доставало свободы христіанской, — свободы ума и сердца отъ страстей, свобода гражданская, при всѣхъ усиліяхъ, или вовсе не могла явиться, или появлялась только на краткое время. Буйство страстей, свергнувъ всѣ узы, вскорѣ само на себя налагало новыя, многочисленнѣйшія, — свергнувъ нерѣдко узы мнимыя, налагало дѣйствительныя, — свергнувъ благотворныя и необходимыя, налагало совершенно излишнія и гибельныя, — свергнувъ благое иго закона, порядка и челоуѣколюбія, налагало рабскій яремъ безначалія и тиранства“ (1).

(1) Превосв. Нянокъ, въ словѣ на день рожденія Государя Императора Николая Павловича, сказанномъ въ киевопеч. лав. 1833 г. 25-го іюня.

Такимъ образомъ не трудно видѣть и понять, въ чемъ собственно заключается отношеніе духовной, христіанской свободы къ свободѣ гражданской. Христіанство, какъ религія совершеннѣйшей любви и духовной свободы, поставяющая человѣка выше всѣхъ страстей и расчетовъ своекорыстія и самолюбія, тѣмъ самымъ и въ обществѣ гражданскомъ побуждаетъ его дѣйствовать въ духѣ самоотверженія, милосердія, человѣколюбія, — побуждаетъ, не стѣсня правъ, не умаляя преимуществъ и выгодъ однихъ лицъ и сословій, улучшать, гдѣ того требуетъ законъ любви и милосердія, общественное положеніе другихъ. Такъ, напримѣръ, дѣйствовало христіанство въ уничтоженіи рабства въ христіанскихъ государствахъ. Такимъ образомъ духъ свободы христіанской поддерживаетъ и развиваетъ въ христіанскихъ обществахъ духъ свободы гражданской, и притомъ производитъ это безъ всякихъ смятеній и общественныхъ переворотовъ. Онъ не разрушаетъ общественнаго порядка, но только усовершенствуетъ и улучшаетъ этотъ порядокъ, болѣе и болѣе приближая его къ духу Евангелія, измѣняя то, что можетъ быть измѣнено къ лучшему, постепенно, мирно и тихо, какъ свойственно дѣятельности истинно-разумной и свободной, отмѣняя то, что не сообразно съ этимъ духомъ. „Оставляя порядокъ всѣхъ званій гражданскихъ неприкосновеннымъ, истинное христіанство симъ самымъ не благопріятствуетъ однако же нисколько духу преобладанія и порабощенія. Напротивъ вездѣ, гдѣ только усиливалось и распространялось дѣятельное христіанство, немедленно являлся и усиливался духъ истинной свободы гражданской. Кто вѣщалъ небоязненно истину предъ Тиверіями и Неронами, когда самые Буры и Сенеи

умолкли? Истинные христіане! Кто за грѣхъ почиталъ присутствовать на ужасныхъ зрѣлищахъ гладіаторскихъ, куда стремились люди, хвалившіеся тонкимъ вкусомъ и образованіемъ? Христіане! Кто наиболѣе искуплялъ плѣнныхъ, и своихъ и чужихъ, у варваровъ, и самыхъ варваровъ потомъ отучилъ всѣхъ плѣнныхъ обращать въ рабовъ? Христіане! Откуда наиболѣе вышло понятій о свободѣ, во всѣхъ ея видахъ? Изъ христіанства! Какіе народы пользуются наибольшею свободою? -- Христіанскіе! И такое благотворное дѣйствіе на свободу гражданскую христіанство произвело тогда, когда большая часть христіанъ суть христіане только по имени. А что было бы, если бы, вмѣсто блистательныхъ умозрѣній, распространилось и усилилось дѣятельное христіанство между людьми“ (1)?

Чтобы утвердить и укрѣпить такое благотворное вліяніе свободы христіанской на гражданскую и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить христіанъ отъ всякихъ злоупотребленій именовъ свободы, слово Божіе внушаетъ имъ, чтобы они строго различали свободу отъ свободы, — истинную отъ ложной, самоуправство и произволъ отъ дѣйствій хотя самостоятельныхъ и независимыхъ, но въ тоже время справедливыхъ и законныхъ: *яко свободни, а не яко прикровеніе и муще злобы свободу* (1 Петр. 2, 16); *вы бо на свободу звани бысте, братіе: точію да не свобода ваша въ вину плоти, но любовію работайте другъ другу* (Гал. 5, 13).

●. Надеждамъ.

(1) Преемъ. Инок. тамъ же.

II.

РАЗБОРЪ СУЖДЕНІЙ

НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О НОЕВОМЪ ПОТОПѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА БОЖІЯ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ (¹).

II.

Слово Божіе, ясно открывая намъ, что Ноевъ потопъ былъ всемірнымъ или всеобщимъ на землѣ, въ то же время неизбежно внушаетъ мысль, что онъ былъ *единственнымъ* въ своемъ родѣ, т. е. такимъ, которому подобнаго никогда не было отъ сотворенія міра до времени праотца Ноя. Оно поставляетъ этотъ потопъ въ столь близкомъ отношеніи къ шестидневному сотворенію міра, что между первымъ и послѣднимъ событіемъ читающій библію не можетъ и подозрѣвать никакого подобнаго событія во времена первобытныя. Приступая къ описанію потопа, оно говоритъ: *и помысли Богъ, яко сотвори челоуька на земли, и размысли. И рече Богъ: потреблю челоуька, еиуже сотворишъ, отъ лица земли, отъ челоуька даже до скота, и отъ гады даже до птицъ небесныхъ: зане размыслишъ, яко сотворишъ я. Ное же*

(¹) Первый отдѣлъ этого разбора см. въ Христ. Чтенія 1861 года за мѣсяць ноябрь.

обръте благодать предъ Господемъ Богомъ (Быт. 6, 6—8). Какъ одинъ только разъ Богъ сотворилъ всѣ исчисленныя здѣсь твари, такъ одинъ же разъ Онъ рѣшился и истребить ихъ такъ, какъ истребилъ при праведномъ Ноѣ. Это убѣжденіе неизмѣнно внушается не только здѣсь, въ книгѣ Бытія, но и во всѣхъ прочихъ книгахъ св. Писанія. Нигдѣ въ словѣ Божіемъ нѣтъ никакого намѣка на другія подобныя событія, но вездѣ, гдѣ только говорится о Ноевомъ потопѣ, онъ представляется *единственнымъ* такъ же, какъ одинъ только жилъ на землѣ праотець Ной, или какъ одинъ только былъ первобытный міръ, по выраженію св. апостола Петра: *и первою міра не пощаде Богъ, но осмаю Ноа правды проповѣдника сохрани, потопъ міру нечествовавшихъ наведе* (2 Петр. 2, 5. Сравни. Псал. 28, 10. Прем. 10, 4. Сирах. 44, 16. 17. Матѳ. 24, 38. Лук. 17, 27. 1 Петр. 3, 20. Евр. 11, 7). Между тѣмъ многіе изъ новѣйшихъ естествоиспытателей, и притомъ изъ тѣхъ самыхъ естествоиспытателей, которые на основаніи неопровержимыхъ фактовъ природы находятъ необходимымъ допустить всеобщность бывшаго нѣкогда на землѣ наводненія, смотря на это событіе не какъ на единственное въ своемъ родѣ, но какъ на одно изъ многихъ подобныхъ событій на земномъ шарѣ, называемыхъ у нихъ геологическими переворотами; находя же въ сказаніи бытописателя Моисея о Ноевомъ потопѣ обстоятельства не благопріятствующія такому взгляду, геологи вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаютъ сомнѣнію и буквальный смыслъ Моисеева сказанія, или по крайней мѣрѣ предоставляютъ всякому разумѣть подъ нимъ, что кому угодно (1)

(1) Кювье (Cuvier), выказавъ мысль, что земля наша была жертвою всеобщаго переворота отъ наводненія не дальше, какъ за шесть тысячъ

Главные основанія, по которымъ считаютъ всеобщее наводненіе на землѣ, бывшее около времени упоминаемаго въ св. Писаніи Ноева потопа, однимъ изъ нѣсколькихъ геологическихъ переворотовъ, суть слѣдующія:

а) Признаки всеобщаго наводненія на землѣ,—говорятъ геологи,—болѣе свойственны могущественнѣйшему и продолжительнѣйшему перевороту при естественномъ образованіи земной коры, нежели кратковременному и какъ бы случайному потоку при праведномъ Ноѣ. Особенно необыкновенная громадность этихъ признаковъ представляетъ такое явленіе, которое трудно или даже невозможно объяснить Ноевымъ потокомъ въ томъ видѣ, какъ онъ изображается въ св. Писаніи, т. е. дѣйствіями воды, поднимавшейся на землѣ мало по малу, относительно спокойнымъ образомъ (*allmählig, verhältnissmässig ruhig*). Слѣдовательно, подѣ образомъ библейскаго всемірнаго потопа надобно разумѣть

лѣтъ до нашего времени, полагалъ, что она подвергалась этому, по крайней мѣрѣ, пять или шесть разъ (*Le Discours prélim. sur les ossements fossil. 1825. pag. 139 и дал.*). Букландъ (*Buckland*), собравъ въ сочиненіи своемъ *Reliquiae Diluvianae* множество доказательствъ всемірнаго наводненія, въ послѣдующемъ своемъ сочиненіи: *Geology and Mineralogy* привелъ нѣсколько доказательствъ принятаго имъ мнѣнія, будто это наводненіе было послѣднимъ изъ многихъ геологическихъ переворотовъ (*Revolutions*). Бубе (*Bouée*), приписывающій бывшее на землѣ наводненіе одной и той же причинѣ, одному и тому же времени и одному и тому же событію, въ сочиненіи своемъ: *Manuel géologique*, называетъ его *le Déluge des géologues* въ отличіе отъ погоя Моисеева. А. Вагнеръ (*Wagner*), показавшій единство указываемаго природою наводненія съ упомянутымъ въ Словѣ Божіемъ потокомъ въ 1-мъ изданіи своей *Geschichte der Urwelt*, 1843 г., во второмъ изданіи того же сочиненія, 1847 г., послѣдовалъ позднѣйшему мнѣнію Букланда. Курцъ (*Kurtz*), раздѣляя ихъ мнѣніе, исчисляетъ его доказательства въ *Bibel und Astron. 4. Aufl. 1858. pag. 435—441.*

естественный переворотъ въ одну изъ геологическихъ эпохъ (*).

Не касаясь въ настоящемъ случаѣ самой идеи о геологическихъ переворотахъ вообще, въ отвѣтъ на приведенное сужденіе мы находимъ нужнымъ сказать, что періодъ времени, въ который появились на земной поверхности слѣды всеобщаго наводненія, отдѣльно самъ по себѣ, не можетъ быть названъ эпохою геологическою въ томъ смыслѣ, въ какомъ вообще принимается это выраженіе у естествоиспытателей.

Существенными принадлежностями такъ называемыхъ геологическихъ эпохъ считали и еще считаютъ: 1) не столько самое разрушеніе всего существовавшаго прежде на земной поверхности, сколько съ одной стороны развитіе физической жизни на землѣ еще прежде внезапнаго губительнаго переворота; а съ другой стороны слѣдовавшее за такимъ разрушеніемъ правильное наслоеніе изъ разнороднаго матеріала новыхъ пластовъ и формаций, съ остатками растений и животныхъ, окаменѣвшими въ послѣдствіи времени; такимъ образомъ эти эпохи принимаются болѣе за времена созиданія и правильнаго возрастанія земной коры, отъ чего она и достигла настоящаго своего вида и состава. Но совершенно не то представляютъ намъ слѣды всеобщаго наводненія на землѣ въ періодъ *дильювіальный*; всѣ они до такой степени нестройны и разсыяны на земной поверхности, — какъ выставляютъ это на видъ и противники всеобщности Ноева потопа, — что въ нихъ нельзя находить никакихъ признаковъ созиданія, но только

(*) Kurtz — въ указанн. сочин. стр. 438. Ср. Buckland's *Geology and Mineralogy*. Том 1. pag. 94—110.

одного разрушенія и разстройства вещей, существовавших прежде. Самые дилювіальные наносы, или массы песку, глинъ и щебня, которыя здѣсь ближайшимъ образомъ должны быть поставлены въ сравненіе съ древнѣйшими формаціями, служатъ ближайшимъ опроверженіемъ мнѣнія о сходствѣ ихъ съ этими формаціями, и слѣдовательно о сходствѣ причинъ, которыя произвели ихъ; составляя первый и болѣе всеобщій признакъ бывшаго нѣкогда на землѣ наводненія, они вовсе не походятъ на тѣ правильные осадки, которые послужили къ образованію земной коры, но безсвязностію своего внутренняго состава и разбросанностію своего внѣшняго расположенія ясно обнаруживаютъ одно беспорядочное разрушеніе, безъ всякаго созиданія. Это очевидно изъ фактическихъ описаній, какими изображаютъ дилювіальныя массы наносовъ сами геологи. „Въ ихъ толщахъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — рѣдко замѣтно правильное расположеніе составныхъ частей; песокъ, глина, округленные голыши болѣе твердыхъ породъ, чаще перепутаны въ массѣ наносовъ и только самая общая сортировка замѣтна тѣмъ, что круглѣйшіе валуны лежатъ обыкновенно поверхъ всей толщи; на обрывахъ наносныхъ холмовъ иногда замѣтны слѣды различныхъ стланей, но при внимательномъ разсматриваніи оказывается, что пласты очень коротки, безпрестанно выклиниваются, попеременно перехватываются на разныхъ горизонтахъ, какъ пальцы одной руки, всунутые между пальцами другой; очень рѣдко замѣтно въ нихъ горизонтальное отложеніе по закону тяжести, по большей же части положеніе ихъ или согласуется съ неровностями подпочвы, или они образуютъ изогнутые, волнистые или сводообразные пласты, облекающіе другъ

друга. Такое устройство наносовъ ясно увѣряетъ, что они образовались изъ крошекъ разрушенныхъ болѣе твердыхъ породъ и принесены на теперешнія мѣста ихъ болѣе или менѣе порывистыми, беспорядочными токами водъ⁽¹⁾. При такомъ описаніи припомнимъ устройство формацій земной коры, предшествовавшихъ времени всеобщаго наводненія и послужившихъ матеріаломъ для дилювіальныхъ наносовъ, и мы не усумнимся допустить рѣшительное отличіе послѣднихъ отъ первыхъ. Первые вообще представляютъ однородность своего образованія (*sont homogènes*), параллелизмъ въ расположеніи слоевъ и пластовъ, спокойное кристаллизованіе и осажденіе породъ и пр., т. е. такія свойства, которыя, по убѣжденію всѣхъ новѣйшихъ естествоиспытателей, никакъ не могутъ быть объяснены какимъ-нибудь внезапнымъ наводненіемъ, подобнымъ Ноеву потопу, какъ думали въ прошедшемъ столѣтіи⁽²⁾. Если же такъ, то противоположныя свойства дилювіальныхъ наносовъ, разнородность (*sont heterogènes*), несвязность, беспорядочность, не служатъ ли очевиднымъ доказательствомъ того, что они произошли совершенно отъ другой причины, а не отъ тѣхъ, которымъ обыкновенно все приписывается въ геологіи, и что они скорѣе суть слѣды какого-нибудь внезапнаго наводненія, подобнаго Ноеву потопу? β) Далѣе

(1) Профес. Ст. Куторга въ *Естест. Истор. земной коры*, стр. 378 и 380. изд. С. П. Б. 1858 г.

(2) *Woodward* въ сочиненіи своемъ: *Essay towards a natural history of the earth*, 1695 г., слѣдующіе за нимъ *Burnet* въ своей *Théorie de la terre*, *Whiston* въ *Nouvelle Théorie de la terre*, и многіе другіе доказывали, что всѣ формаціи земной коры и заключающіеся въ нихъ окаменѣлыя остатки суть слѣдствія Ноева потопу; а разсматриваемые нами геологи не хотятъ приписать Ноеву потопу и слѣдовъ дилювіальнаго разрушенія. Первые приписываютъ ему все, послѣдніе — ничего. Слишкомъ рѣзкій переходъ сужденій отъ одной крайности къ другой!

необходимую принадлежностію каждой геологической эпохи полагается чрезвычайная, изчисляемая цѣлыми десятками тысячелѣтій, продолжительность какъ развитія животной и растительной жизни прежде разрушительнаго переворота, такъ и образованія осадочныхъ пластовъ и формаций послѣ этого переворота,—чѣмъ обыкновенно объясняютъ и чрезвычайныя толщи горныхъ породъ и многочисленность видѣренныхъ въ нихъ окаменѣлыхъ остатковъ органическихъ тварей. Но сколько бы мы ни ограничивали продолжительность эпохъ, предшествовавшихъ дилювіальному періоду (на что впрочемъ согласится не всякой изъ геологовъ), во всякомъ случаѣ съ этой точки зрѣнія самихъ естествоиспытателей весьма ясно открывается рѣшительное несходство послѣдняго съ первыми. Въ составѣ дилювіальныхъ формаций вообще и въ частности признаковъ древняго наводненія въ этотъ періодъ времени, ни на одной мѣстности земнаго шара не встрѣчается ни такой толщины, какою отличаются нѣкоторыя изъ формаций первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ, ни той постепенности образованія, какая усматривается во всѣхъ другихъ осадочныхъ породахъ и доказываетъ большую или меньшую продолжительность ихъ образованія; а напротивъ одни изъ упомянутыхъ признаковъ отъ чрезвычайной продолжительности времени скорѣе уничтожились бы, нежели сохранились бы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ настоящее время, напримѣръ *обнаженныя лощины*, другіе же показываютъ на себѣ ясныя слѣды внезапнаго скопленія въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они находятся нынѣ, напримѣръ *эратические камни*, остовы животныхъ и раковины *на высокихъ горахъ* и въ *костяныхъ пещерахъ*. На этихъ основаніяхъ

безпристрастѣйшіе изъ естествоиспытателей, въ отличіе періода древняго всеобщаго наводненія на землѣ отъ всѣхъ другихъ временъ, имѣвшихъ влияние на устройство земной поверхности, прямо утверждаютъ, что это наводненіе было не продолжительное, а кратковременное и даже внезапное ⁽¹⁾, и притомъ происходило такъ, что самые слѣды наводненія образовались и улеглись на своихъ мѣстахъ не прежде или послѣ него, но во время самаго этого наводненія кратковременнаго и скоропреходящаго, т. е. съ нимъ начались, съ нимъ и окончились. Французскій геологъ *д'Орбинь* (*d'Orbigny*), описывая подобные наносы въ Америкѣ, которые онъ называетъ *terrain рапрéен*, говоритъ: „пампейскіе осадки Буеносъ-Айреса на поверхности, равной $\frac{2}{3}$ поверхности Франціи или 95,000 квадратнымъ километрамъ, состоятъ вездѣ изъ красноватаго или весьма соленого, почти безъ слоевъ (*presque sans stratification*), расположены съ замѣчательнымъ однообразіемъ и заключаютъ въ себѣ смѣшанно цѣлые скелеты животныхъ, которыхъ кости разбросаны вездѣ (*les os séparés partout*). Гигантское протяженіе этихъ осадковъ, соотвѣтствующее только огромнымъ хребтамъ горъ, которыя возвышаются на этомъ материкѣ, могутъ ли быть объяснены, какъ думаютъ многіе геологи, причинами нынѣ дѣйствующими?.. Мы видѣли, какъ рѣдко отъ причинъ, нынѣ дѣйствующихъ, млекопитающія животныя уносятся рѣками въ дѣвственныя страны; ибо мы не встрѣчали ни одного изъ нихъ въ притокахъ рѣки Амазонской и Лаплаты. Между тѣмъ пампейскіе осадки съ костями

(1) Какъ то: *Deluc, Dolomieu, Cuvier, Leonhard*, которыхъ мнѣнія изложены въ 1-мъ отдѣлѣ этого разбора.

этихъ животныхъ находятся и въ провинціяхъ Хикито и Моксо (Chiquitos et Moxos), и во всѣхъ углубленіяхъ долинъ; мы находимъ ихъ и въ широкихъ углубленіяхъ горъ Кохабамбы (Cochabamba) на высотѣ 2,575 метровъ, и на равнинахъ Андскаго хребта, на прямой высотѣ въ 4,000 метровъ. Каково бы ни было возвышеніе ихъ надъ поверхностію моря, и въ долинахъ и на горахъ, эти осадки съ костями животныхъ всегда состоятъ изъ красноватаго ила. Посему мы убѣждаемся, что одна и таже причина произвела ихъ вездѣ, и что они суть не что иное, какъ результатъ поверхностнаго обмытія материка водами, приведенными въ движеніе (resultat d'un lavage superficiel du continent par les eaux mises en mouvement)⁽¹⁾. Столь рѣзкія особенности описанныхъ наносовъ и другихъ признаковъ древняго наводненія на землѣ даютъ намъ право по крайней мѣрѣ не прилагать къ нимъ той предзанятой геологами идеи о геологическихъ переворотахъ, которою они руководствуются при объясненіи фактовъ на землѣ, еще болѣе древнихъ. Если же нужно эти явленія диллювіальнаго періода приписать какой-либо причинѣ, то по здравому разсужденію трудно представить другое событіе на землѣ, котораго дѣйствія болѣе соотвѣтствовали бы указаніямъ самой природы, кромѣ описаннаго въ словѣ Божіемъ Ноева потопа; безъ него, безъ сказанія св. Писанія о всемірномъ потопѣ, и притомъ понимаемаго въ самомъ буквальномъ смыслѣ, эти указанія остались бы совершенно непонятною и неразрѣшимою загадкою. γ) Наконецъ существенною принадлежностію

(1) См. Nouvell. Encyclop. theol. édit. par Migne, 1854 an. Tom. XLVIII. Dictionnair. de Cosmogon. et de paléontolog. pag. 1333.

каждой геологической эпохи полагали и полагают появление в течении ея *новых* родовъ тварей, — растений и животныхъ, — которыхъ не было въ эпохи предшествовавшія. Не распространяясь о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо или несправедливо такое убѣжденіе, мы здѣсь считаемъ достаточнымъ замѣтить, что въ наносахъ, собственно называемыхъ дилювіальными, не смотря на необыкновенное множество находимыхъ въ нихъ окаменѣлыхъ остатковъ животныхъ, погибшихъ въ это время, нѣтъ ни одного рода тварей, которыя несомнѣнно могли бы быть признаны не существовавшими прежде; но всѣ ископаемыя животныя этого времени встрѣчаются въ формаціяхъ, почитаемыхъ геологами за древнѣйшія, болѣе или менѣе предшествовавшія потопной катастрофѣ, какъ доказываютъ тщательные выводы палеонтологовъ (1). *Букландъ*, замѣтивъ этотъ фактъ, на немъ же прежде всего основалъ свое послѣдующее мнѣніе, будто событіе, оставившее на землѣ признаки великаго наводненія, есть не что иное, какъ послѣдній изъ многихъ геологическихъ переворотовъ на землѣ (2). Но взирая на предметъ съ той же палеонтологической точки зрѣнія, нельзя не удивляться при настоящемъ случаѣ странности и непослѣдовательности его

(1) Напр. *Бронна* (Bronn) въ его *Geschichte der Natur*. Band. 3, гдѣ помѣщены подробныя сравнительныя таблицы ископаемыхъ растений и животныхъ.

(2) Вотъ собственные слова его: «открытія, сдѣланныя послѣ изслѣдствій *Reliquiae diluvianae*, доказываютъ, что многія изъ описанныхъ тамъ животныхъ существовали въ теченіи болѣе одного періода, предшествовавшего катастрофѣ, которую они были уничтожены. Посему представляется болѣе вѣроятнымъ, что изслѣдуемое событіе было скорѣе послѣднимъ изъ многихъ геологическихъ переворотовъ, которые произведены были сильными водными потоками, нежели относительно спокойнымъ наводненіемъ, описаннымъ въ св. Писаніи. *Geology and Miner.* T. 1. p. 94.

мыслей, въ замѣнъ которыхъ. кажется, всего проще и справедливѣе было бы держаться такого сужденія: если каждая изъ геологическихъ эпохъ должна отличаться появленіемъ новыхъ родовъ тварей, то господство въ какое-нибудь время тварей одинаковыхъ съ прежними, безъ всякаго сомнѣнія доказываетъ, что рассматриваемое время есть непосредственное продолженіе прежнихъ, а не новая геологическая эпоха. Поэтому заключеніе Буккланда и его послѣдователей о періодъ всеобщаго наводненія на землѣ справедливо встрѣтило сильныя возраженія со стороны основательнѣйшихъ мыслителей. „То обстоятельство, — говоритъ А. Вагнеръ въ 1-мъ изданіи своего сочиненія, — то обстоятельство, что дилювіальныя животныя встрѣчаются не только въ дилювіальныхъ осадкахъ, но также и въ формаціяхъ, лежащихъ глубже, никакъ не можетъ быть достаточнымъ доказательствомъ противъ потопа (т. е. въ защиту приведенной мысли Буккланда о потопѣ). Фактъ конечно справедливъ, и подтверждается многими примѣрами; но это не доказываетъ ничего болѣе, какъ только то, что между эпохою Ноева потопа и окончаніемъ шестидневнаго сотворенія міра могли быть различныя мѣстныя наводненія, которыя поглощали обитавшихъ въ ихъ области животныхъ, но отнюдь не истребляли родовъ, которые могли сохраниться въ другихъ мѣстахъ“ (1). Слѣдовательно и со стороны пале-

(1) Geschichte der Urwelt. 1 Aufl. 1845. 2 Abtheil. pag. 536. Во второмъ изданіи того же сочиненія Вагнеръ для избѣжанія геологическихъ трудностей допустилъ два всемірныхъ потопа, которыхъ слѣды будтобы переищаны въ дилювіальныхъ формаціяхъ, — изъ которыхъ одинъ болѣе соответствуетъ упоминаемому въ св. Писаніи состоянію земли въ видѣ бездны въ 1-й день шестидневнаго творенія — Быт. 1, 2; а другой — собственно Ноеву потопу (2 Aufl. В. 1. р. 526. 527). Но это

онтологической идея геологических переворотовъ не приложима къ бывшему на землѣ великому наводненію.

Что касается громадности признаковъ древняго всеобщаго наводненія на землѣ, то замѣчаніе такого рода можетъ относиться во первыхъ къ массамъ наносовъ того времени. Но изъ вышесказаннаго уже достаточно открывается, что дилювіальные наносы только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара, и притомъ немногихъ, отличаются обширностію своего протяженія, но вообще не имѣютъ особенно замѣчательной массивности и толщины, въ которой они уступаютъ многимъ изъ пластовъ другихъ формаций. Изъ прочихъ же признаковъ особенную громадность представляютъ только заносные *камни* (*blocs égratiques, Wanderblöcke*), на которые геологи преимущественно и указываютъ, какъ на яснѣйшее доказательство (*luculenteste Zeugniß*) разсматриваемаго нами мнѣнія ⁽¹⁾. Огромныя каменные глыбы, многія отъ 3,000 до 10,000, а нѣкоторыя даже отъ 100,000 до 160,000 кубическихъ футовъ въ объёмѣ, нѣкогда оторваны отъ первоначальныхъ мѣстъ своего происхожденія, и, бывъ занесены за нѣсколько сотъ миль на мѣсто настоящаго своего нахождения, съ того времени въ теченія цѣлыхъ тысящелѣтій не подвинуты ни на нѣсколько шаговъ никакою изъ физическихъ силъ, дѣйствующихъ нынѣ! Ни величайшіе морскіе приливы, ни сильнѣйшія землетрясенія, ни разительнѣйшія поднятія горныхъ хребтовъ, ни какія-ни-

мнѣніе несогласно съ свойствами дилювіума (*diluvium*), рѣзко отличающагося отъ всѣхъ предшествовавшихъ формаций и послѣдующаго аллювіума (*alluvium*), и еще болѣе запутываетъ дѣло, какъ замѣчаетъ и ученый *Керль* (*Keerl*) въ сочиненіи: *Der mensch, das Ebenbild Gottes* 1861. В. 1. pag. 511.

(1) *Kurtz* въ указав. сочиненіи стран. 438 и 439. *Buckland* въ указ. сочин. Том. 1. pag. 94.

будь другія причины не могутъ объяснить столь громаднаго явленія; тѣмъ болѣе, — говорятъ геологи, — не можетъ объяснить его Ноевъ потопъ, относительно тихій и спокойный! Дѣйствительно ни одна изъ теорій, построенныхъ естествоиспытателями для объясненія переноса эрратическихъ камней и разсѣянія ихъ по земной поверхности физическими причинами, до сихъ поръ не удовлетворила требованіямъ науки и не оказалась вполне соответствующею фактамъ опыта. Изъ всѣхъ подобныхъ теорій болѣе достойна упоминанія теорія ледниковъ или *глетчеровъ* (Gletscher), которые будтобы въ древнія времена міра имѣли болѣе обширное значеніе и, спускаясь періодически или спустившись одновременно съ вершинъ горныхъ хребтовъ, оторвали отъ нихъ огромныя каменные глыбы и разнесли ихъ по мѣстамъ отдаленнымъ. Но сколь ни авторитетны въ геологіи лица, защищавшія эту теорію ⁽¹⁾, противъ нихъ нашлись сильныя доводы, на основаніи которыхъ и объяснено, что естественные ледники никакъ не въ состояніи были перенести камней необыкновеннаго размѣра во многія мѣста земнаго шара, напр. изъ Норвегіи въ Финляндію и Россію, изъ центральныхъ Альпъ на гору Юру и къ сѣверу до Мюнхена. Знаменитый *Броннъ*, рассуждая объ этомъ предметѣ, между прочимъ говоритъ, что протяженіе, по которому должны были двигаться глетчеры, напримѣръ, изъ Скандинавіи, гдѣ самая высокая гора Snöhattan — на сѣверъ отъ Христианіи, на $62\frac{1}{2}^{\circ}$ широты, — имѣетъ вышины только до 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря, до мѣстностей Фин-

(1) Напр. *Агассицъ* (Agassiz) въ Untersuchungen über die Gletscher von Solothurn. 1841.

ландіи на протяженіи 150—180 географическихъ миль, даже въ томъ случаѣ, если принять находящіеся здѣсь эрратическіе камни лежащими на высотѣ морскаго уровня, представляло бы общую наклонность только въ 0,0016 фута, а въ другихъ случаяхъ еще гораздо менѣе; что *опровергаетъ всякую возможность* столь отдаленнаго движенія не только глетчеровъ съ каменными глыбами, но и однихъ ледяныхъ глетчеровъ (1). Притомъ самое состояніе температуры, необходимое для образованія необыкновенныхъ ледниковъ предъ дилювіальнымъ временемъ, не только не вѣроятно и не можетъ быть достаточно объяснено никакою естественною причиною, но прямо противорѣчатъ общему мнѣнію естествоиспытателей о возвышеннѣйшей температурѣ допотопнаго міра. Однимъ словомъ, невозможность объяснить явленіе эрратическихъ камней никакими теоріями наконецъ раскрыта столь твердо, что геологи нашлись вынужденными прибѣгнуть въ настоящемъ случаѣ къ своему геологическому перевороту, какъ къ послѣднему средству, непонятнымъ образомъ не только уклоняясь еще отъ одного извѣстнаго намъ средства, но и унижая его предъ всѣми другими естественными причинами, — отъ Ноева потопа, описаннаго въ Словѣ Божіемъ. Но точно ли этого громаднаго явленія никакъ не возможно объяснить Ноевымъ потопомъ, понимаемымъ въ буквальномъ смыслѣ Писанія? Напротивъ, это средство, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, бывъ представлено во всей силѣ и во всемъ своемъ величій, должно было произвести на поверхности земнаго шара и явленія необыкновенныя. Какъ существа, жившія въ моряхъ, при

(1) *Bronn's Geschichte der Natur*. В. 1. 1841. pag. 440 и 441.

выступленія ихъ изъ береговъ, должны были увлечься съ своими раковинами въ такія мѣста, куда достигали вышеестественные потоки водъ; какъ земныя животныя и птицы, при постепенномъ и вмѣстѣ быстромъ возвышеніи потопа, имѣли возможность удалиться на такія возвышенности, на которыхъ они никогда не жили и не бывали, или должны были уже въ видѣ труповъ быть втиснуты въ разныя каменные пещеры; такъ точно и горныя хребты должны были испытать при этомъ страшномъ событіи именно такое расторженіе и разнесеніе своихъ частей, какое замѣчается въ дилювіальное время на нашей землѣ. „Какъ бы сильны, — говоритъ одинъ изъ современныхъ намъ ученыхъ, разсуждая объ эрратическихъ камняхъ, разбросанныхъ по сторонамъ альпійскихъ горъ Швейцаріи, — какъ бы могущественны ни были силы необыкновеннаго объёма воды, которая внезапно прорвала бы замыкавшія ее горныя цѣпи на одномъ пунктѣ, однако ея никакъ недостаточно для того, чтобы объяснить перенесеніе этихъ эрратическихъ камней. Возвышенныя альпійскія долины слишкомъ малы въ сравненіи съ большою главною долиною Швейцаріи, чтобы прорвавшаяся изъ нихъ вода тотчасъ не расплылась по ней во всѣ стороны и чрезъ это не потеряла своей силы. Какъ же могли быть занесены необыкновенно-огромные камни на Юру до 4,000 футовъ высоты?... Напротивъ, если эта главная долина была наполнена потоками изъ *длабей небесныхъ* и *источниковъ бездны*, если эти массы воды отъ постоянно прибывавшихъ со всѣхъ сторонъ потоковъ находились въ необыкновенномъ движеніи, и если котловины отъ гнета водяныхъ массъ, которыя собрались въ нихъ, внезапно расторглись и потоки прорвались съ страшнымъ напоромъ, то

мы имѣемъ два дѣятеля (zwei Factoren,—т. е. разрывъ преградъ и приливъ воды отливъ), посредствомъ которыхъ гигантскіе камни могли быть перенесены частью на Юру, частью еще дальше. Отсюда объясняется и то обстоятельство, что эти камни вообще не округлены, но угловаты и остроконечны; они могли остаться такими только въ томъ случаѣ, если они не были влекомы долгое время, но перенесены необыкновенными потоками съ поразительною скоростію и тотчасъ положены на мѣстѣ. А для этого совершенно достаточны силы, дѣйствовавшія при потопѣ; да, онъ только, по тѣмъ указаніямъ, какія находятся въ св. Писаніи, былъ въ состояніи перенести такіе гигантскіе камни на такіе высоты и столь далекія разстоянія“ (1). Прибавимъ къ этому, что перенесеніе оторвавшихся камней водою гораздо легче, нежели передвиженіе ихъ какими-либо другими силами; потому что въ водѣ всѣ тѣла, слѣдовательно и камни, теряютъ значительную часть своего вѣса. Удѣльный вѣсъ большей части камней относится къ вѣсу чистой воды почти какъ $2\frac{1}{2}$ къ 1; и потому камень въ 25 фунтовъ вѣситъ въ водѣ только 15 фунтовъ; слѣдовательно вода, особенно вода быстро возрастающаго и быстро убывающаго потопа могла на $\frac{2}{3}$ части сдѣлать болѣе всякой другой силы, которою здѣсь думаютъ замѣнить ее геологи. Самое же отторженіе огромныхъ скалъ и раздробленіе горныхъ породъ, равно какъ и многія другія второстепенныя обстоятельства дилювіальнаго разрушенія, легко объясняются второстепенными же, но столь же необыкновенными и разительными явленіями, которыя необходимо должны были

(1) Keesl въ указан. сочиненіи стр. 318 въ примѣчаніи.

обнаружиться вслѣдствіе всемірнаго наводненія. Всеобщее покрытіе водою различныхъ минераловъ и металловъ земной коры, окисляющихся отъ влажности, смѣшеніе соленой морской воды съ прѣсными водами озеръ и рѣкъ, тяготѣніе надъ поверхностію земли въ теченіи полгода или болѣе необъятныхъ водяныхъ массъ, въ другое время скрывающихся внутри ея или въ высшихъ слояхъ атмосферы, — всѣ эти обстоятельства могли особеннымъ образомъ усилить дѣятельность земной коры, произвести необыкновенныя мѣстныя землетрясенія и вулканическія изверженія, вообще возбудить множество другихъ второстепенныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ общей причинѣ разрушенія, и вмѣстѣ съ нею совершившихъ такіе факты, для которыхъ при нынѣшнемъ порядкѣ вещей мы не можемъ назначить ни мѣры, ни явныхъ дѣятелей. Посему въ настоящемъ случаѣ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя достаточно, если онъ видитъ, что всѣ частныя факты природы, указывающіе на какое-то наводненіе, могутъ быть объяснены единственнымъ въ своемъ родѣ потопомъ — Ноевымъ, и всѣ возможныя частныя причины этихъ фактовъ могутъ быть согласены съ всеобщимъ дѣйствіемъ потопа библейскаго; а такое убѣжденіе мало по малу уже вырабатывается наукою и иногда высказывается благонамѣреннѣйшими изслѣдователями. „Если, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — понять потопъ согласно съ тѣми указаніями, какія содержатся въ св. Писаніи, то онъ объясняетъ совершенно всѣ явленія (vollkommen alle Erscheinungen), которыя соединяются подъ именемъ дилювіальныхъ образованій (Diluvialgebilde)“ (1).

(1) *Keeser* въ указ. сочин. на стр. 311.

Такимъ образомъ признаки всеобщаго наводненія на земномъ шарѣ, изслѣдуемые безпристрастно, безъ предзанятыхъ теорій, и во всей ихъ величественной полнотѣ, сближаютъ насъ съ сказаніемъ слова Божія о Ноевомъ потопѣ. Въ этихъ признакахъ не только нѣтъ указанія на нѣсколько подобныхъ явленій, будто бы предшествовавшихъ потопу, а напротивъ рѣзкія черты отличія этой всемірной катастрофы отъ древнѣйшихъ явленій въ образованіи земной коры служатъ яснымъ подтвержденіемъ той же мысли, кака я внушается и примымъ сказаніемъ св. Писанія, т. е. что Ноевъ потопъ есть единственное въ своемъ родѣ событіе, которому равнаго не было ни прежде, ни послѣ. Въ частности въ упомянутыхъ признакахъ нѣтъ и того, что превышало бы силу наводненія, описаннаго пророкомъ Моисеемъ. Если въ природѣ слѣды древняго наводненія громадны и неизгладимы, то и въ словѣ Божіемъ не ясно ли выражается чрезвычайность этого дѣйствія Божія, безпримѣрнаго съ самаго времени сотворенія міра? Въ описаніи Ноева потопа не только изображается тогдашнее истребленіе живыхъ существъ съ лица земли, но дается разумѣть громадное разрушеніе и самой земли отъ того же наводненія. Предъ началомъ потопа правосудный Богъ говоритъ Ною: *время всякаю челоуька прииде предъ Мя, яко исполнися земля неправды отъ нытъ: и се Азъ погублю ихъ и землю* (Быт. 6, 13) (1); и по

(1) Употребленное здѣсь выраженіе: *ихъ и землю* (אֶתְהֶם וְאֶתְהָאָרֶץ) въ другихъ изданіяхъ еврейской библии читается: *ихъ съ земли* (אֶתְהֶם וְאֶתְהָאָרֶץ); но первое чтеніе, конечно, есть древнѣйшее, если оно находится въ греческомъ переводѣ 70-ти толковниковъ; притомъ, если бы оно первоначально имѣло видъ втораго чтенія, то послѣдующіе приведенные нами тексты достаточно подтверждаютъ правильность и перваго чтенія.

окончаніи потопа милосердый Богъ говоритъ: *не приложу ктому прокляти землю за дѣла человеческія* (Быт. 8, 21); и еще: *и не умретъ всяка плоть ктому отъ воды потопныя, и ктому не будетъ потопъ водный, еже истлѣти всю землю* (Быт. 9, 11). Значить, вмѣстѣ съ живыми тварями пострадала отъ этой кáры Божіей и земля — жилище тварей; и могло ли быть иначе при той чрезвычайной быстротѣ возвышенія и пониженія потопныхъ водъ на всемъ земномъ шарѣ, какая здѣсь ясно открывается, и при той высотѣ, до которой онѣ достигли въ день высшаго своего стоянія? Напрасно геологи представляютъ это библейское событіе столь тихимъ и спокойнымъ; такая мысль несогласима съ представленіемъ такого потопа. Если же въ св. Писаніи представляются нѣкоторые слѣды спокойнаго возвышенія и пониженія потопныхъ водъ, такъ что Ноевъ ковчегъ остался цѣлымъ и деревья, съ которыхъ голубь принесъ вѣтвь, остались не истребленными совершенно; то это обстоятельство, по замѣчанію безпристрастнѣйшихъ мыслителей ⁽¹⁾, объясняется тою самою мѣстностію, на которой находился Ноевъ ковчегъ, и съ точки которой преимущественно изображается и самое событіе. По счастливому стеченію обстоятельствъ, или лучше, по особенному промысленію Божію, долина Тигра и Евфрата была, можетъ быть, единственною мѣстностію на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ притоки потопныхъ водъ, наполняя ее спокойно, *взяли ковчегъ и тихо* поднимали его на своей поверхности, гдѣ хребты горъ, окружающіе эту долину со всѣхъ сторонъ — съ *ѡвера* кавказскіе, съ юга ливанскіе, и другіе, — воспре-

(1) *Keerl*-я въ указ. сочи. стр. 314.

пятствовали ему удалиться на слишком далекое расстояние и разбиться въ стремительныхъ потокахъ другихъ мѣстностей, гдѣ возвышеніе потошныхъ водъ не сопровождалось особенно сильными потрясеніями земной коры, такъ что ковчегъ и поднявшись безопасно *ноша-
шеся верху воды* и потомъ тихо *сѣде на юралъ Ара-
ратскихъ* (Быт. 7, 17. 18. 8, 4). Все это, какъ част-
ность, можетъ быть соглашено со всеобщимъ разруше-
ніемъ земной поверхности во время всемірнаго Ноева
потопа.

Е. Левагичъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ,
ОТЪ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ (1453 г.) ДО 1836 ГОДА,
ОТЪ ГЕОРГІЯ II (СХОЛАРІЯ) ДО ГРИГОРІЯ VI (1).

Послѣднимъ патріархомъ Константинополя, подъ управленіемъ христіанскихъ государей, былъ Аванасій II. Константинополь былъ взятъ турецкимъ султаномъ Магометомъ II въ 1453 году, 29 мая, во вторникъ послѣ Троицына дня. Во время завоеванія погибъ и блаженный патріархъ Аванасій, убитый со столькими другими мучениками вѣры и отечества, духовными и мірянами. Тогда же палъ и самъ царь Константинъ, мужественно сражаясь на городской стѣнѣ противъ врывавшихся толпами непріятелей. Завоеватель Магометъ, вступивъ побѣдителемъ въ Константинополь съ 300,000 войска, дозволилъ имъ въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней грабежъ, убійство и плѣненіе несчастныхъ

(1) Переведено изъ книги: *Katálogos istorikós tōn prōtōn episcopōn kai tōn ierēōn patriarchōn tēs en Konstantinoupoli ágias kai megalēs tou Christou ekklesiās. 'En tō archidiaconō Zacharīō Mathē 'Aνdρίω. 'En Ναυπλῳ. 1837. стр. 153 — 299. Историческій списокъ епископовъ и потомъ патріарховъ константинопольскихъ до взятія Константинополя турками, отъ 36 г. по Р. X. по 1453-й г., напечатанъ въ Христ. Чт. на 1843 годъ, Ч. I, стр. 290—315, 401—453. Ч. II, стр. 538—553. Ч. III, стр. 278—292. Ч. IV, стр. 412—426.*

жителей. По прошествіи этихъ ужаснѣйшихъ дней, государь, видя городъ почти обезлюдѣвшимъ, озаботился собрать разсѣявшихся жителей Константинополя и перевелъ изъ сосѣднихъ мѣстъ христіанъ въ столицу для заселенія ея. Зная, что единственною связью для христіанскихъ грековъ служить ихъ отечественная Вѣра, онъ далъ имъ совершенную свободу въ дѣлахъ Вѣры и повелѣлъ имѣть по прежнему патріарха. Тогда на мѣсто приснопамятнаго Аѳанасія единодушно былъ избранъ и поставленъ находившимися въ столицѣ епископами первый, по взятіи Константинополя, патріархъ

1453 г.

1) *Геннадій II*, въ мѣрѣ Георгій, по прозванію Схоларій, мужъ извѣстный своимъ благочестіемъ, умомъ и ученостію и пламенный проповѣдникъ православной Вѣры. родомъ изъ Константинополя. Бывши міряниномъ, онъ занималъ должность судьи царскаго суда (во дворцѣ). Послѣ онъ принялъ монашество и былъ почтенъ Церковію званіемъ католическаго учителя православныхъ церквей (какъ онъ подписался самъ въ соборномъ посланіи восточной церкви къ богемцамъ). Когда онъ былъ избранъ на патріаршество, султанъ принялъ его милостиво и оказалъ ему почти всѣ почести, какія воздавались избраннымъ патріархамъ, при ихъ торжественномъ представленіи, христіанскими царями. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно (Магометъ, кромѣ турецкаго, зналъ современный греческій языкъ, также итальянскій и арабскій), облекъ его въ почетную мантию, вручилъ серебряный жезлъ и назначилъ тысячу червонцевъ на годовое содержаніе. Онъ подарилъ также богато осѣдланную лошадь патріарху, который возсы-

ши на нее выѣхалъ торжественно изъ дворца, сопровождаемый многими сановниками Порты, и отправился въ знаменитый храмъ св. апостоловъ, назначенный султаномъ для патріархїи (храмъ святой Софіи онъ уже обратилъ въ мечеть). Но скоро патріархъ оставилъ этотъ великолѣпный храмъ, боясь пустынности мѣста и алчности турокъ, которые потомъ взяли и этотъ храмъ и обратили его въ свою мечеть. Патріархъ же испросилъ для патріархїи храмъ Всеблаженной (*Πατρι-καριστου*), гдѣ кафедра патріарховъ оставалась до 16-го столѣтія. Послѣ того и этотъ храмъ былъ внезапно и насильно отнятъ. Тогда патріархїя на короткое время была переведена ко храму св. Димитрія, у Деревянныхъ воротъ (*ξύλοπορτα*) и наконецъ ко храму св. великомученика Георгія въ Фанарѣ, гдѣ остается и нынѣ. Но это все случилось въ послѣдствіи времени; тогда же въ храмъ Всеблаженной пришелъ и самъ султанъ къ патріарху Геннадію и бесѣдовалъ съ нимъ о христіанской вѣрѣ и обо многомъ спрашивалъ его (и до нынѣ сохранилась эта бесѣда, записанная досточтимымъ Геннадіемъ, подъ заглавіемъ: Геннадія монаха и патріарха нищихъ Христовыхъ о единомъ пути къ спасенію чело-вѣковъ⁴ (1)). Султанъ Магометъ обнародовалъ въ фирманѣ своемъ на имя патріарха Геннадія о всѣхъ правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ имъ Церкви. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1. Никто никакимъ образомъ да не противится повелѣніямъ патріарха, касающимся Вѣры и Церкви.
2. Патріархъ и всѣ епископы навсегда освобождаются отъ всякой подати.

(1) См. К. Иконом. Церковн. Слов. стр. 247.

3. Всѣ христіане да владѣють безпрепятственно своими церквами, и онѣ никогда ни подъ какимъ предлогомъ не должны быть обращены въ оттоманскія мечети.

4. Браки, похороны и всѣ прочія христіанскія таинства и обряды да совершаются свободно.

5. Христіане да празднують Пасху (и всѣ прочіе свои праздники) со всею свободою и обычнымъ порядкомъ въ теченіе 3-хъ дней, въ которые и врата стѣны въ Фанарѣ должны оставаться отпертыми въ продолженіе всей ночи и пр. (1).

Оградивъ такимъ образомъ права Церкви отъ произвола послѣдующихъ государей, досточтимый Геннадій правилъ церковь пять лѣтъ съ половиною достойно своей мудрости и добродѣтели. Деспотическая сила часто попирала тѣ или другія изъ этихъ правъ; самъ Магометъ нарушалъ нѣкоторыя изъ нихъ при преемникахъ Геннадія, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго; однако сущность этихъ правъ оставалась. Благодаря пастырей утверждало и расширяло ихъ. Такимъ образомъ, подобно кивоту завѣта, православная Церковь, и пребывая плѣненною въ рукахъ иноплемennныхъ, сохранилась неприкосновенною, неоскверненною и невредимою во всѣхъ своихъ духовныхъ пра-

(1) Къ этому можно присовокупить изданное тогда же повелѣніе султана, которымъ подъ смертною казнью запрещались браки магометанъ съ христіанами. Такъ ограждалъ смѣшеніе народовъ этотъ слѣпой служитель совѣтовъ Божіихъ, сохраняя еллинскій народъ не смѣшаннымъ и чистымъ. Скоро онъ изгналъ и осквернителей острововъ и многихъ другихъ еллинскихъ странъ, венеціанъ, генуезцевъ и другихъ разбойниковъ, которые, врываясь въ слабѣйшее государство Византійское, наносили вредъ Церкви Божіей и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.»

вахъ; лишившись почестей мірскаго царства, она опять облеклась въ порфиру мученическихъ кровей, соблюдая въ себѣ сокровище божественныхъ догматовъ и канонъ чистымъ, нетронутымъ и нерасхищеннымъ. Самъ завоеватель ея поставленъ былъ стражемъ и защитникомъ свободы чадъ ея о Христѣ, противъ навѣтовъ другихъ лжебратій, которые оказывались въ отношеніи къ Церкви болѣе жестокими, чѣмъ самые палачи, нападали на нее и разоряли ее и въ политическомъ и въ духовномъ отношеніи. Когда благоволилъ Царь вѣковъ, для блага своихъ избранныхъ, возвратиться опять вѣку Нероновъ для Церкви, онъ даровалъ вѣрнымъ ея чадамъ духъ мученическаго терпѣнія и мужества и поставилъ первымъ пастыреначальникомъ ихъ мужа, исполненнаго апостольской благодати, досточтимаго Геннадія. Конечно, многіе изъ его преемниковъ оказались ниже его по добродѣтели, а нѣкоторые недобрыми пастырями, какіе встрѣчались между преемниками и древнихъ блаженныхъ отцевъ; при всемъ томъ до нынѣ не прервалась и во вѣки не оскудѣетъ золотая цѣпь достойныхъ преемниковъ Первозваннаго и пастыреначальниковъ великой церкви. Но довольно объ этомъ. Блаженный Геннадій, отягощенный неутомимыми трудами, многими болѣзнями и различными огорченіями (1), созвалъ соборъ и отрекся отъ патріаршества; онъ даже не остался въ Константинополѣ, но перешелъ въ по-

(1) Какъ скорбѣла блаженная и отчизнолюбивая душа Геннадія о завоеваніи царства, видно изъ его словъ, писанныхъ имъ изъ монастыря къ Юстину Фессалоникскому. Онъ говоритъ слѣдующее: «Наше время невыразимо бѣдственно и чуждо всякаго добра. И остается, сидя гдѣ нибудь въ углу, оплакивать въ молчаніи крайнее безчестіе народа и молиться о прекращеніи такой жизни.»

строенную близъ Серръ на Моникійской горѣ древнюю обитель честнаго Предтечи (которая существуетъ и нынѣ) и тамъ провелъ остатокъ блаженной своей жизни, занимаясь обработкою разныхъ своихъ сочиненій, написанныхъ имъ и до избранія въ патриархи и послѣ. Сочиненія святѣйшаго Геннадія многочисленны и разнообразны; они касаются не только церковныхъ и богословскихъ предметовъ, но и философскихъ, риторическихъ, грамматическихъ и другихъ; изъ нихъ одни изданы, другія остаются еще неизданными. Онъ отошелъ ко Господу въ 1460 г. Послѣ его отреченія поставленъ былъ патриархомъ

1459 г.

2) *Исидоръ II* изъ ксанеопульской обители, который прежде былъ духовникомъ и снискалъ себѣ всеобщее уваженіе за свое благодушіе и священнодѣльные подвиги. Онъ былъ рукоположенъ также ко храму Всеблаженной и получилъ отъ султана уже установленныя почести. Онъ пасъ Церковь преподобно и боголюбезно 6 лѣтъ и два мѣсяца. По кончинѣ его избранъ былъ

1465 г.

3) *Софроній I* Сиропуль, іеромонахъ. Но черезъ годъ онъ свергнутъ былъ съ патриаршества, и на его мѣсто возведенъ

1466 г.

4) *Иосафъ I*, іеромонахъ, по прозванію Кокка, мужъ правдивый и благородный, до крови защищавшій божественные догматы и каноны. Только въ искушеніяхъ отъ своихъ приближенныхъ онъ оказался малодушнымъ, побѣжденный излишнимъ братолюбіемъ. Видя, что въ

которые изъ клириковъ между собою ссорились и враждовали въ такія времена и пренебрегали отеческими наставленіями, онъ не остался равнодушнымъ, но и не наказалъ ихъ, а самъ „открылся души своей“ (по выраженію Пророка), впалъ въ апохондрію, бросился въ колодезь и едва не утонулъ; но на этотъ разъ его успѣли спасти. Спустя немного времени султанъ, призвавъ его, приказалъ одного лжеименнаго христіанина, имѣвшаго законную жену, сочетать незаконнымъ бракомъ съ другою женою, болѣе красивою. Патріархъ, взглянувъ на султана, сказалъ: это, государь, противно законамъ нашей Церкви. Услышавъ такой отвѣтъ, султанъ разгнѣвался и началъ грозить. Но патріархъ продолжалъ отказываться отъ беззаконія. Тогда разгнѣванный тиранъ отсѣкъ, вмѣсто главы, сѣдую бороду достоуважаемаго отца и свергнулъ его съ кафедры съ безчестіемъ на 4-мъ году патріаршества. Онъ порвалъ также ноздри у епископа Максима за то, что и онъ не соглашался на совершеніе беззаконнаго брака. Султанъ такимъ образомъ нарушилъ тогда два изъ признанныхъ имъ прежде правъ Церкви, а патріархъ съ Максимомъ ушли отъ него радуясь, какъ доблестные исповѣдники законовъ Божіихъ и достойные преемники Златоустовъ, Фотіевъ и самихъ апостоловъ. Какъ постигаютъ подобныя примѣры тѣхъ пастырей, которые при христіанскихъ царяхъ легко поддавались ихъ противозаконнымъ желаніямъ, предавая церковныя догматы и каноны или по трусости, или изъ корыстолюбія! Преемникомъ Іоасафа былъ

1469 г.

5) *Маркъ II*, іеромонахъ, по прозванію Ксилокаравъ, родомъ византіецъ, мужъ добрый и достойный пра-

витель духовнаго корабля церковнаго. Но и онъ не долго былъ патріархомъ. Нѣкоторые трапезунтцы, измѣнившіе Вѣрѣ, находившіеся въ Константинополѣ и извѣстные султану, вообразивъ, что для нихъ будетъ особенная честь, если возведутъ на патріаршій престолъ Симеона Трапезунтскаго, предложили султану Магомету ежегодно вносить по тысячѣ червонцевъ, если, по его повелѣнію, свергнуть будетъ Маркъ и другой получить патріаршество. Султанъ охотно согласился, сберегая такимъ образомъ сумму, назначенную имъ отъ себя на годовое содержаніе патріарховъ, и приобретаемая сверхъ того богатое приношеніе отъ каждаго изъ нихъ. И такъ насильно свергается многоуважаемый Маркъ во 2-й годъ патріаршества и разбойнически возводится на его мѣсто Симеонъ. Это было многобогѣзненное начало патріаршей подати, которую установилъ султанъ вѣзять съ каждаго новопоставленнаго патріарха, а послѣ того увеличили безумная (мачиха султана) Марія, сербъ Рафаилъ и другіе. Впослѣдствіи же лихоимство султановъ возвысило взносъ каждаго новаго патріарха до 25 и 30 тысячъ піастровъ. Такъ врагъ душъ, лишивъ многострадательную Церковь православную, какъ другаго многострадальнаго Іова, временной славы, имущества и многихъ чадъ, нанесъ ей и другой ударъ, поставивъ въ необходимость приносить дары, стараясь, лукавый, чтобы народъ нищихъ Христа ради остался совершенно сирымъ и немѣющимъ духовнаго пастыря; но ошибся въ этомъ. И въ такія тяжелыя времена все таки были патріархи. Если между ними появлялись нѣкоторые лукавые, покупавшіе за деньги у турокъ утвержденіе въ санѣ, безъ чего нельзя было обойтись; то, съ другой стороны, на тверди церковной

сіяли часто и другіе, въ священное пастьрство которыхъ вѣрные съ радостію переносили отъ иноплеменныхъ всякія лишенія. Вспоминаю сказанное въ книгѣ Іова. „И се придоша ангели предъ лице Божіе и діаволь посреди ихъ“. Но тѣмъ не менѣе, ангелы оставались ангелами, а одинъ діаволь былъ діаволомъ. И такъ послѣ незаконнаго сверженія патріарха Марка патріаршествовагь

1470 г.

6) *Симеонъ I*, епископъ и уроженецъ трапезунтскій. Его въ Трапезунтѣ любили и уважали за пастьрскія добродѣтели, но онъ омрачилъ добрую славу свою, согласившись, изъ честолюбія, на незаконное патріаршество. Однако скоро и ему возмѣрили тою же мѣрою. Константинопольскіе клирики раздѣлились между собою: одни хотѣли возстановленія Марка, другіе держались Симеона, патріаршествовавшего уже два года съ половиною. Марія, мачиха султана Магомета, увидя это, захотѣла, чтобы назначенъ былъ патріархомъ филиппопольскій епископъ Діонисій, котораго она давно чтитъ благоговѣнно. Она поднесла султану на серебряномъ блюдѣ 2000 золотыхъ (вдвое противъ установленнаго взноса) и просила его о перемѣщеніи Діонисія изъ филиппополя на патріаршество. Султанъ принялъ даръ и, сказавъ: „дѣлай, мать, что хочешь“, тотчасъ увеличилъ вдвое противъ прежняго взносъ каждаго патріарха. Симеонъ былъ свергнутъ. Удалившись, онъ жилъ на покоѣ въ обители стенимахійской (во Θρακίи), а предмѣстникъ его Маркъ былъ перемѣщенъ на ахридскую митрополию. На патріаршество же возведенъ

1472 г.

7) *Діонисій I*, родомъ изъ Пелопонеса. Онъ былъ служителемъ досточимаго Марка ефесскаго Евгеника, которымъ и былъ обученъ наукамъ и монашеской жизни. При взятіи Константинополя онъ попалъ въ плѣнъ, потомъ былъ выкупленъ однимъ христіаниномъ, жителемъ адріанопольскимъ и довольно времени жилъ въ Адріанополѣ, пользуясь общимъ уваженіемъ. Тамъ видѣла его и стала питать къ нему уваженіе Марія (бывшая въ томъ городѣ съ султаномъ). Послѣ сего Діонисій соборно былъ рукоположенъ въ митрополиты филиппопольскіе за великое свое благочестіе. Но впослѣдствіи онъ былъ униженъ тѣмъ, что возведенъ на патріаршество Марією и при помощи двухъ тысячъ золотыхъ. Дурное возвышеніе по истинѣ есть паденіе. Онъ часто послѣ стоналъ и проклиналъ возвысившую его и проклятое золото, не пользуясь по справедливости доброю славою, а иногда и подвергаясь клеветамъ, не смотря на прежнее свое благочестіе. Наконецъ не вынесши этого, онъ чрезъ 6 лѣтъ отказался отъ престола и, удалившись, жилъ на покоѣ въ монастырѣ, въ раскаяніи, обрабатывая землю и приобрѣтая вновь прежнюю добродѣтель, насажденную въ его душѣ блаженнымъ Маркомъ. Въ преемники ему опять былъ вызванъ

1478 г.

Симеонъ во второй разъ, и опять отсчиталъ червонецъ не тысячу, а двѣ тысячи (ибо столько было записано въ спискѣ государственныхъ доходовъ и ихъ настоятельно требовалъ государственный казначей). Патріаршествовавъ около трехъ лѣтъ, онъ былъ сверг-

нуть съ престола по прояскамъ другаго еще безстыднѣйшаго человѣка. Часто виновникъ общественнаго зла первый вкушаетъ плоды своего злодѣянія. И такъ, свергаетъ Симеона и дѣлается его преемникомъ

1481 г.

8) *Рафаиль I*, монахъ, родомъ сербъ, человѣкъ низкаго происхожденія, малообразованный и невоздержный. Имѣя нѣкоторыхъ знакомыхъ между лицами приближенными къ султану, онъ чрезъ нихъ обѣщалъ взнести въ государственную казну двѣ тысячи золотыхъ и сверхъ того пять сотъ на облаченіе, если сдѣлають его патриархомъ. Султанъ согласился на это, смотря всегда на то, кто больше дастъ; Симеонъ былъ свергнутъ съ патриаршества, а возведенъ Рафаиль и рукоположенъ противъ воли епископовъ, почему многіе архіереи не хотѣли священнодѣйствовать съ нимъ. По прошествіи года онъ не могъ заплатить установленныхъ двухъ тысячъ золотыхъ, свергнутъ съ престола и въ оковахъ брошенъ въ темницу, гдѣ и кончилъ жизнь. Послѣ сверженія его, соборнымъ избраніемъ поставленъ

1482 г.

9) *Максимъ II*, называемый прежде Мануиломъ, тотъ мужественный епископъ, который при Іоасафѣ Коккѣ славно потерпѣлъ порваніе ноздрей за священные каноны. И онъ внесъ установленные 2000 золотыхъ и прибавленные сербомъ Рафаиломъ 500, потому что это количество сдѣлалось узаконеннымъ. Максимъ былъ мужъ образованный, извѣстный своимъ благочестіемъ; онъ постоянно училъ въ церкви слову Божію, какъ истинный пастыреначальникъ. Зная турецкій языкъ,

онъ первый перевелъ на него Символь Вѣры для нѣ-
которыхъ трапезунтскихъ христіанъ, жившихъ при дво-
рѣ. Къ этому переводу онъ былъ приглашенъ самимъ
султаномъ, который слышалъ о его учености и добро-
дѣтели. Пасхи Церковь 6 лѣтъ, святѣйшій Максимъ
отошелъ ко Господу (1). На его мѣсто соборно из-
бранъ

1488 г.

10) *Нифонтъ II*, вессалоникскій митрополитъ, родомъ
изъ Пелопонеса, обучавшійся монашеской жизни на Аео-
нѣ, мужъ добродѣтельный и весьма мудрый. Патріарше-
ствовавъ болѣе 2-хъ лѣтъ, онъ насильно былъ свергнутъ
съ престола, оклеветанный отступникомъ Вѣры трапе-
зунтцемъ Амирудзи предъ султаномъ Баязетомъ II, буд-
то онъ получилъ въ наслѣдство большое имущество
отъ патріарха Симеона Трапезунтскаго (который, по
сверженіи своемъ, жилъ на покоѣ въ Константинополѣ
и умеръ при Нифонтѣ 1489 г.). Оставшееся послѣ не-
го имущество его все захватилъ христоненавистный
Баязетъ II, нарушая тѣмъ права патріаршія. Тогда и
Нифонтъ былъ оклеветанъ и свергнутъ, при чемъ вся
утварь патріархіи была расхищена. Нифонту наслѣ-
довалъ

1490 г.

Діонисій I, во второй разъ призванный изъ монасты-
ря. Патріаршествовавъ два года и 6 мѣсяцевъ, онъ

(1) При немъ умеръ Магометъ II (1482 г.) и наслѣдовалъ ему Бая-
зетъ II, крайне жестокой гонитель христіанъ.

опять отказался, по любви къ единенію, и патріархоу сдѣлался

1493 г.

11) *Максимъ III*, серрскій митрополитъ (въ міръ называвшійся Манассією), который чрезъ 6 лѣтъ свергнутъ былъ съ престола; за нимъ снова былъ призванъ

1499 г.

Нифонтъ II во второй разъ. Едва пробывши на кафедрѣ 1 годъ, онъ опять былъ свергнутъ нѣкоторыми неспокойными людьми. Въ незаконное и насильственное правленіе легко успѣваютъ люди нечестные и лукавые. Нифонтъ удалился въ Валахію, а ему наследовалъ

1500 г.

12) *Іоакимъ*, митрополитъ драмскій, человекъ молодой по возрасту, но зрѣлый по разсудительности, ученый и добродѣтельный. Онъ бывалъ прежде и въ странѣ иверовъ (грузиновъ), которые особенно почитали его. Достоинно управляя патріаршествомъ, онъ впалъ въ искушенія. Нѣкто, бывший епископъ селимврійскій, за злодѣянія изверженный Церковію, явился къ султану и просилъ себѣ патріаршества, предлагая сверхъ установленныхъ 2500 золотыхъ еще 1000. Султанъ принялъ приношеніе, и Іоакимъ едва не былъ свергнутъ. Но паства, предваривъ сіе, внесла отъ себя 1000 золотыхъ и тѣмъ удержала Іоакима на кафедрѣ, любя его за благочестіе и боясь впасть въ нечестивыя руки епископа селимврійскаго. Въ четвертый годъ Іоакимъ опять былъ оклеветанъ предъ султаномъ, будто онъ приказалъ по-

чинить поврежденную кровлю одного храма въ Хрисополѣ; тогда христорборный Баязеть насильственно свергнулъ его и приказалъ находившимся въ столицѣ епископамъ избрать другаго патріарха. По соборномъ со-вѣщаніи они вызвали Нифонта, а когда тотъ не принялъ приглашенія, былъ поставленъ

1504 г.

13) *Пахомій I*, митрополитъ зихнонскій. Едва прошелъ годъ, а по инымъ 7 мѣсяцевъ, его свергли приверженцы Іоакима. Средство къ сверженію было легкое: они заплатили султану известную сумму денегъ и опять былъ вызванъ

1505 г.

Іоакимъ во второй разъ. Видя, что и онъ самъ и церковная казна отягощены долгами, онъ, съ позволенія правительства, отправился въ Молдавію и просилъ тогдашняго господара о денежной помощи. Не встрѣтивъ ожидаемаго участія, онъ умеръ отъ печали въ Валахіи на возвратномъ пути своемъ. Тогда опять былъ призванъ

1506 г.

Пахомій во второй разъ, мужъ дѣятельный и ревнитель Вѣры. При немъ Арсеній критянинъ, поклонникъ папы, пришедъ въ находившійся тогда подъ владычествомъ венеціанъ пелопонесскій городъ Монемвасію, властью латинскаго правительства и святѣйшаго старца своего (папы Льва I) насильно выгналъ оттуда православнаго и законнаго пастыря и заставилъ рукоположить себя въ митрополиты монемвасійскіе, составивъ

соборъ, на которомъ епископа реонтскаго провозгласилъ патриархомъ константинопольскимъ, а епископовъ лакедемонскаго и христіанопольскаго и двухъ пресвитеровъ членами сѣнода. Сдѣлалъ онъ это, какъ бы смѣясь надъ константинопольскою церковію. Этого-то самозванца патриархъ Пахомій предалъ отлученію. Когда же слухъ объ этомъ и патриаршія грамоты достигли Пелопонеса, Арсеній, боясь народнаго гнѣва, бѣжалъ въ Венецію, гдѣ и скончался (1), а на его мѣсто былъ поставленъ законный пастырь монемвасійскій. Послѣ того патриархъ Пахомій отправился въ Валахію и Молдавію, гдѣ получилъ почетный пріемъ и денежное вспомошествованіе отъ христіанъ (тогда патриархи жили на счетъ добровольныхъ приношеній христіанъ, а известныя нынѣ обязательныя взносы еще не были введены). На возвратномъ пути Пахомій, отравленный прислужниками, надѣявшимися воспользоваться бывшими у него деньгами, скончался въ Селимвріи Фракійскаго, въ 6-й годъ своего патриаршества. Преемникомъ ему былъ избранъ

1511 г.

14) *Геолептъ I*, митрополитъ янинскій (2); преемникомъ его чрезъ 8½ лѣтъ былъ

(1) Отецъ его былъ православный и мудрый константинополецъ Михаилъ Апостолій (отъ котораго осталось намъ не мало сочиненій). И самъ Арсеній былъ умный человѣкъ, но еретикъ. Прибывши въ Римъ, онъ льстилъ папамъ, надѣясь получить отъ нихъ какую нибудь помощь для пѣвненнаго Греціи (а какой помощи благоразумный человѣкъ могъ ожидать отъ папы?). Пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ Римѣ «колѣвопреклоненный», какъ самъ говоритъ, предъ всесвятѣйшимъ Львомъ. Поздно узнавъ Арсеній, что онъ колѣвопреклонялся и курилъ свѣчи предъ глухими идолами. Впоследствии онъ выпросилъ у папы рекомендательную грамоту и съ нею отправился угнетать собственное отечество, бѣдствія котораго оплакивалъ, живя среди иноземцевъ.

(2) Въ его время умеръ сперва Баязетъ (1514 г.), а потомъ и сынъ его и преемникъ Селимъ I (1519 г.) и вступилъ на престолъ, называе-

44

1520 г.

15) *Іеремія I*, іеромонахъ, мужъ досточтимый и просвѣщенный. Онъ патріаршествовалъ 3 года, пасъ церковь боголюбезно и приобрѣлъ всеобщее уваженіе. Но когда онъ отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе всесвятому гробу, нѣкоторые изъ константинопольскаго елѣира, недовольные имъ, въ отсутствіе его нашли для себя благоприятный предлогъ къ избранію другаго патріарха. Средство къ утверженію новаго патріарха было самое легкое. Поднесли султану обыкновенную въ такихъ случаяхъ сумму, прибавивъ къ ней еще 500 золотыхъ. Такимъ образомъ взносъ за каждаго нововозводимаго патріарха опредѣленъ на послѣдующее время въ 4000 золотыхъ (круглое число!). Эти нечестивцы, получивъ позволеніе избрать новаго патріарха, избрали

1523 г.

16) *Іоанникія I*, епископа созопольскаго. Никто изъ христіанъ не оказывалъ ему должнаго уваженія, даже не цѣловалъ руки, напротивъ всѣ считали его самозванцемъ и незаконнымъ. Патріархъ Іеремія, находившійся тогда въ Іерусалимѣ, узнавъ объ этомъ, сообщилъ тремъ патріархамъ: іерусалимскому, александрійскому и антиохійскому, и они, собравшись вмѣстѣ, отлучили недостойнаго Іоанникія и за тѣмъ отправились каждый въ свою епархію. Патріархъ Іеремія тоже выѣхалъ изъ Іерусалима. Лишь только онъ прибылъ въ Галату, къ нему собрались всѣ христіане и единогласно провозгласили его истиннымъ патріархомъ и отцемъ. Они от-

мый у турокъ великимъ и законодателемъ Селиманъ, султанъ весьма дѣятельный.

правились во дворець и подали просьбу о восстановленіи его. Султанъ удовлетворилъ всенародному требованію, взявши по этому поводу взносъ въ четыре тысячи золотыхъ. Такимъ образомъ несчастный Іоанникій былъ низложенъ, — и снова возведенъ на патриаршій престолъ во второй разъ

1523 г.

Іеремія I. Во второе патриаршество его произошло въ церкви великое смятеніе. Турецкіе законовѣды и ученые (улемы), узнавши, что во время бывшаго передъ тѣмъ пожара сгорѣли фирманы, данные Магометомъ II патриарху Геннадію относительно Церкви, подали совѣтъ разрушить до основанія константинопольскіе храмы, ссылаясь на свой законъ, по которому въ городъ, неподчинившемуся добровольно, но взятомъ силою оттомановъ, не можетъ оставаться христіанскій храмъ. Узнавши объ этомъ, приближенные къ патриарху Іереміи обратились къ великому визирю и другимъ знатымъ особамъ съ просьбами, со слезами, дарами и съ чѣмъ только не обращались они, чтобы отвратить грозившую бѣду. Власти умилились и особенно великій визирь (Ибрагимъ); онъ внушилъ патриарху представить въ верховный турецкій судъ престарѣлыхъ турокъ, которые могли бы засвидѣтельствовать, что Константинополь сдался добровольно. Убѣдившись показаніями этихъ достойныхъ довѣрія свидѣтелей, судьи объявили храмы неприкосновенными для магометанъ. Султанъ съ своей стороны издалъ фирманъ, подтверждавшій безопасное существованіе христіанскихъ церквей. Послѣ этого прибылъ въ Константинополь ахридскій архіепископъ и, явившись къ султану, предложилъ ему

сто золотыхъ ежегодной дани, если онъ возвратитъ архіепископіи его сербскую епископію, которая за три почти вѣка предъ тѣмъ была отторгнута отъ ахридской и подчинена митрополіи ессалоникской. Но просьба архіепископа была оставлена безъ уваженія, по силѣ закона, по которому „имущество, остававшееся въ чьемъ бы то ни было владѣніи непрерывно въ продолженіе ста лѣтъ, не отчуждается“. Но чтобы государственная казна не потерпѣла ущерба, отказавшись отъ обѣщаннаго ежегоднаго взноса ста червонцевъ, прибавили эту сумму къ той, которая взималась съ патріарха и послѣдняя возрасла такимъ образомъ до 4100 червонныхъ. Послѣ сего патріархъ Іеремія лично отправился въ Молдавію и Валахію, но на пути заболѣлъ и умеръ въ великомъ Терновѣ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ вторичнаго вступленія своего на патріаршій престолъ. Преемникомъ ему избранъ

1543 г.

17) *Діонисій II*, митрополитъ никомидійскій, человекъ безпокойный. Въ его время, по приказанію султана, снятъ былъ крестъ съ главы храма Всеблаженной (подобно тому какъ и Омаръ въ 750 году приказалъ снять крестъ, водруженный на горѣ Елеонской). Послѣ смерти Діонисія, недостойно занимавшаго патріаршій престолъ 8 лѣтъ, избранъ

1551 г.

18) *Іоасафъ II*, митрополитъ адрианопольскій, мужъ славный и достопочтенный, благоразумный въ своихъ отношеніяхъ къ правительству и искусный въ словѣ. Онъ

убѣдилъ султана установленный для патріарха взносъ уменьшить на тысячу червонцевъ. Къ Іоасафу прислалъ Филиппъ Меланхтонъ лютеранское исповѣданіе съ діакономъ Димитріемъ, котораго патріархъ отправлялъ въ Германію, чтобы удостовѣриться, желаютъ ли лютеране, не задолго предъ тѣмъ отторгшіеся отъ папы, присоединиться къ восточной Церкви. Но когда Димитрій представилъ полученное отъ Меланхтона лютеранское исповѣданіе, тогда всѣ сношенія и переговоры о единеніи оказались напрасными. Черезъ 14 лѣтъ патріаршества Іоасафъ былъ низложенъ за то, что оставивъ прежнее благочестіе, впалъ въ любостязаніе, такъ что (какъ сказываютъ) унизилися даже до симоніи. На его мѣсто возведенъ

1565 г.

19) *Митрофанъ III*, митрополитъ кесарійскій. Противъ него воздвигъ гоненіе Михаилъ Кантакузенъ, родомъ анхіалитъ, человекъ низкій и презрѣннѣйшій, но хитрый и дерзкій, хорошо знавшій турецкій языкъ и пріобрѣтшій большую силу у турокъ подкупомъ. Онъ производилъ безпорядки какъ въ гражданскихъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ, возводя и низводя митрополитовъ и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ грабя и обирая слабыхъ. Михаилъ оклеветалъ предъ турками (въ чемъ, неизвѣстно) и Митрофана, который сверхъ всякаго ожиданія былъ лишенъ кафедры. Между тѣмъ султанъ, узнавъ о дѣйствіяхъ этого мелкаго тирана, приказалъ повѣсить его близъ собственнаго дома его въ городѣ Анхіалѣ. Послѣ этого Митрофанъ, патріаршествовавшій 7 лѣтъ, не пожелалъ возвратиться на кафедру, но доб-

ровольно отказался от нея и посвятилъ дни свои уединенію (1). Преемникомъ ему былъ избранъ

1572 г.

20) *Иеремія II*, митрополитъ ларисскій, по прозванію *Τραυός* (свѣтлый); и въ самомъ дѣлѣ великій и свѣтозарный пастырь Церкви, прославившійся какъ многими доблестями и великою ревностію, такъ и основательнымъ знаніемъ еллинской словесности, а болѣе всего — божественныхъ писаній. Къ этому патриарху тюбингенскіе лютеранскіе богословы прислали три посланія о лютеранскихъ догматахъ, требуя отвѣта отъ восточной Церкви. Приснопамятный Иеремія отвѣчалъ тремя соборными посланіями и въ нихъ обличалъ нововведенія реформатовъ въ дѣлахъ Вѣры и вмѣстѣ излагалъ ученіе истинно евангельское. Онъ писалъ и другое посланіе къ нѣмцамъ о божественной евхаристіи, и много другихъ разнаго содержанія и къ различнымъ лицамъ, проповѣдуя ученіе истины и единовѣрцамъ и неправославнымъ, какъ достойный преемникъ божественныхъ отцевъ и апостоловъ (2). Онъ ревностно заботился также о благолѣпіи священныхъ храмовъ, украсивъ и храмъ Всеблаженной и патриархію, и еще съ большею ревностію о благоустроеніи Церкви и благоправіи духовенства. Но зависть и его низвергла съ кафедръ при посредствѣ свѣтской власти на восьмомъ

(1) Въ его время умеръ султанъ Солиманъ (въ 1566 г.), оставивъ преемникомъ сына Селима. Послѣ 9-ти лѣтняго царствованія и онъ померъ и преемникомъ его сдѣлался Муратъ III (1573).

(2) Патриархъ Иеремія надалъ кромѣ того соборное постановленіе о рукополагающихъ и рукополагаемыхъ за деньги, и провозгласивъ ихъ самовлаженными (Мелет. Цер. ист. Т. 3. стр. 401).

году его славнаго патріаршества. Преемникомъ его снова назначенъ

1379 г.

Митрофанъ III во второй разъ. Но едва протекло 9 мѣсяцевъ послѣ вступленія его на кафедру, какъ онъ скончался, и тогда на патріаршій престолъ снова приглашенъ

1380 г.

Иеремія II въ другой разъ. Цѣлые четыре года онъ служилъ украшеніемъ Церкви. Пришлось и ему потерпѣть за Церковь многія гоненія, подобно великому Афанасію и прочимъ многострадальнымъ поборникамъ православія. Его опять насильственно низвергли съ престола и сослали въ Родосъ по навѣтамъ, какъ говорятъ, преемника его Пахомія, называвшаго его злонамѣреннымъ порицателемъ турецкаго правительства. На мѣсто его правительствомъ возведенъ нечестивый

1384 г.

21) *Пахомій II*, родомъ изъ Лезбоса, по прозванію Багиста (названіе одной итальянской фамиліи). Но и этотъ восхититель власти, спустя годъ, изгнанъ и низложенъ соборно. Вмѣсто его возведенъ

1385 г.

22) *Феодотъ II*, митрополитъ филиппопольскій, человекъ честный, но къ управленію многосложными дѣлами Церкви неспособный. Почему, пробывъ патріархомъ годъ, онъ былъ лишенъ кафедры и на мѣсто его опять приглашенъ

1586 г.

Иеремія II въ третій разъ. Въ это патріаршество свое онъ путешествовалъ въ Россію въ сопровожденіи трехъ архіереевъ и рукоположилъ перваго патріарха православной русской церкви блаженнаго Іова (въ 1588 г.). По возвращеніи въ Константинополь, онъ пастъ Церковь 8 лѣтъ боголюбезно и съ приснопамятною славою и преставился къ Господу. Преемникомъ ему былъ

1594 г.

23) *Матеей II*, митрополитъ янинскій. Онъ патріаршествовалъ около 2-хъ лѣтъ, или (по другимъ извѣстіямъ) только 19 дней и вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ оставилъ кафедру. Говорять, что онъ постригся въ великую схиму. Но всего вѣрнѣе, что это случилось послѣ вторичнаго его удаленія съ кафедры (1). Послѣ же перваго на его мѣсто избранъ

1594 г.

24) *Гавріиль I*, митрополитъ ессалоникскій, мужъ благочестивый и доблестный, который послѣ шестимѣсячной болѣзни почилъ о Господѣ. Тогда избранъ патріархомъ

(1) Пресвященный Мелетій земскій (авторъ Церк. Ист.) считаетъ почти два года патріаршества Матеея. Онъ выписываетъ изъ кодекса Великой Церкви и самый рассказъ о его удаленіи въ уединеніе. Но по Бадурію и некоторымъ другимъ иностраннымъ историкамъ, Матеей оставилъ кафедру чрезъ 19 или 16 дней послѣ возведенія своего въ патріаршество. Послѣ него они считаютъ Гавріила ессалоникскаго, Феодора земскаго и мѣстоблжителя Мелетія Пига, за ними опять Матеея (какъ выше мы сказали). Подобно тому и блаженной памяти Мелетій въ Церк. Истор. Т. 3 стр. 401, перечисляя другихъ, хотя и упоминалъ нижеходомъ въ своемъ спискѣ о преемникѣ Матеея Гавріилѣ (какъ выше замѣчено), но далѣе на стр. 403 ничего не говоритъ о Гавріилѣ, а

1894 г.

26) *Теодфанъ* вѣнскій. Но и онъ чрезъ 6 или 7 мѣсяцевъ скончался, послѣ чего, до назначенія новаго патріарха, управлялъ престоломъ константинопольскимъ, съ званіемъ мѣстоблюстителя, единодушно избранный

1893 г.

Мелетій I, патріархъ александрійскій, прозванный Пига, мужъ извѣстный своею мудростію и подвигами, славный проповѣдникъ православія, источавшій, достойно своего прозванія, чистѣйшія струи божественнаго ученія. Ему приписываютъ разнаго рода сочиненія въ формѣ посланій къ благочестивѣйшему царю русскому Василию, къ обитавшимъ въ польгѣ православнымъ грекамъ и русскимъ и къ жителямъ Хіуса. Въ своихъ посланіяхъ, Мелетій, утверждая православныхъ въ отеческомъ благочестіи, опровергаетъ заблужденія латинянъ и реформатовъ, кои въ то время соперничали другъ передъ другомъ въ распространеніи своихъ заблужденій въ странахъ православныхъ. Извѣстны также слова Мелетія, названныя имъ строматами (смѣсью), кругъ церковныхъ позученій и другія творенія. Но подробно

прямо начинается разсказъ о преемникѣ Матееа Неофитѣ. Также и въ упомянутомъ отрывкѣ изъ кодекса великой церкви Неофитъ называется преемникомъ Матееа, что и было на самомъ дѣлѣ. Но Гавріилъ былъ преемникомъ Матееа послѣ перваго его патріаршества, а Неофитъ послѣ втораго, о которомъ и говоритъ кодексъ церковный. А блаженный Мелетій ошибся, сдѣлавъ скачокъ отъ перваго ко второму патріаршеству Матееа и оставивъ въ сторонѣ патріарховъ, бывшихъ между тѣмъ и другимъ. Отсюда произошла разница въ хронологіи, по которой первое патріаршество Матееа было въ 1601 году. Но точнѣйшія наслѣдованія кодексовъ церковныхъ приводятъ къ совершенно другимъ заключеніямъ.

сти о жизни этого мудраго отца Церкви относятся собственно къ исторіи александрійскихъ патріарховъ. Въ описываемое же нами время Мелетій, исполняя неотступную просьбу константинопольцевъ, управлялъ престоломъ около 11 мѣсяцевъ, а потомъ былъ приглашенъ снова

1595 г.

Матвей II, во второй разъ. Черезъ четыре года этотъ патріархъ былъ уволенъ съ кафедръ, или лучше сказать, отказался отъ нея и принялъ схиму (какъ сказано въ кодексѣ великой церкви) (1). На мѣсто его назначенъ

1600 г.

26) *Неофитъ II*, митрополитъ аѳинскій, который впрочемъ, спустя годъ и два мѣсяца, былъ лишенъ престола, а патріархомъ снова назначенъ

1601 г.

Матвей II, въ третій разъ. Но спустя недолгое время, онъ умеръ, и преемникомъ ему избранъ

1603 г.

27) *Рафаиль II*, митрополитъ мнѣимнійскій. Онъ занималъ престолъ 5 лѣтъ и потомъ насильственно лишенъ его и сосланъ въ заточеніе (2). При немъ турки захватили въ свои руки храмъ Всеблаженной, а для пат-

(1) Въ это время умеръ Муратъ III и преемникомъ ему сдѣлался сынъ его Мехметъ III (1595 г.).

(2) Въ это время умеръ Мехметъ III (1603) и преемникомъ его сдѣлался Ахметъ I, покорившій Молдавію и Валахію.

ріархіи былъ назначенъ храмъ святаго Георгія. На мѣсто Рафаила опять приглашенъ

1608 г.

Неофитъ II, въ другой разъ. Но и онъ чрезъ 6 лѣтъ былъ насильственно свергнутъ. Когда дѣла пришли въ безпорядокъ и никто не рѣшался принять на себя патріаршества, мѣстоблюстителемъ престола назначенъ былъ

1614 г.

Кириллъ I, Лукарьсь, мудрѣйшій патріархъ александрійскій. Послѣ довольно продолжительнаго его управленія избранъ въ патріархи

1614 г.

28) *Тимоеей I*, митрополитъ древникъ Патръ, родомъ изъ Панорма, мѣстечка, лежащаго не подалеку отъ Кизикя на берегу Пропонтиды. Это былъ достойный подвижникъ благочестія, преданный божественному, человекъ энергическій и разсудительный. Онъ перестроилъ находящійся въ Фанарѣ храмъ святаго Георгія, который турки уступили патріархіи послѣ отнятія храма Всеблаженной, обращеннаго ими въ мечеть. Храмъ святаго Горгія прежде былъ женскимъ монастыремъ древнимъ и очень малымъ. Но блаженный Тимоеей (1614 г.), съ дозволенія правительства, перестроилъ его, распространилъ (на сколько позволяли тогдашнія средства) и вокругъ его построилъ нѣсколько келлій для помѣщенія пріѣзжающихъ въ столицу архіереевъ: еще предшественникъ Тимоеея Рафаилъ издалъ соборное постановленіе, чтобы всѣ являющіеся въ Констан-

тинополь преосвященные жили въ келліяхъ этой въ то время вновь назначенной патриархіи, а не проживали въ мірскихъ домахъ столицы, чтобъ не унижить святительскаго достоинства. Блаженный Тимоеей въ воспоминаніе объ отнятомъ храмѣ Всеблаженной наименовалъ храмомъ Пресвятыя Богородицы эту церковь, посвященную издревле святому Георгію ⁽¹⁾. Онъ остается патриархіей и до настоящаго времени ⁽²⁾. Приснопамятный Тимоеей пастъ церковь праведно и боголюбезно 8 лѣтъ, послѣ чего почилъ о Господѣ ⁽³⁾ Преемникомъ ему былъ

1622 г.

29) *Кирилл I*, Лукарисъ, бывший предъ тѣмъ патриархомъ александрійскимъ, и уже управлявшій престоломъ константинопольскимъ въ званіи мѣстоблюстителя (о чемъ мы упомянули выше). Онъ былъ родомъ изъ Крита, и въ мірѣ назывался Константиномъ. Постригшись въ монашество, онъ путешествовалъ по Бельгіи, Британіи и другимъ землямъ и наконецъ избранъ (1603 г.) преемникомъ блаженнаго Мелетія Пига на престолѣ александрійскомъ и съ честію занималъ его

⁽¹⁾ См. Мелет. Церк. Ист. Томъ 3 стр. 429.

⁽²⁾ Въ патриаршество Тимоеей былъ въ Константинополь соборъ, на которомъ присутствовали кромѣ константинопольскаго патриарха и другіе трое — александрійскій Кирилл, антиохійскій Евеній и іерусалимскій Софроній. На этомъ соборѣ послѣдовало, между прочимъ, опредѣленіе о низложеніи Лаврентія, епископа Синайской горы, за то, что онъ, вопреки древнему преданію, совершалъ божественныя тайны, не снимая митры съ головы, какъ рассказываетъ Мелетій (Цер. Ист. Томъ 3, стр. 430). Лаврентій хотѣлъ, можетъ быть, подражать папѣ, который совершаетъ тайны въ тиарѣ. См. К. Эконом. *Επισκοπὴ Διζτ.* pag. 54.

⁽³⁾ При Тимоееѣ умеръ Ахметъ I и на престолѣ вступилъ Мустафа. Но чрезъ 3 мѣсяца онъ былъ низверженъ и преемникомъ ему сдѣлался Османъ I, въ 1618 году.

15 лѣтъ. Это былъ мужъ мудрѣйшій и знаменитѣйшій не только ученостію и благочестіемъ, но и гоненіями, кои онъ испыталъ по вступленіи на вселенскій престолъ, бывши пять разъ возводимъ на него и четыре раза низводимъ. Относящіяся къ этому обстоятельству мы изложимъ ниже. Здѣсь же ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Весь почти 17-й вѣкъ былъ временемъ многихъ и великихъ скорбей для Церкви. Нечестіе нѣкоторыхъ пастырей и разнообразныя происки и хитрости вторгавшихся отвнѣ еретиковъ, покровительствуемыхъ варварскимъ и корыстолюбивымъ турецкимъ правительствомъ, поставили Церковь въ затруднительное положеніе. Возобновились насильственные низложенія патриарховъ, которыя повторялись чаще, чѣмъ неправильныя и незаконныя удаленія пастырей Церкви, бывшія при еретическихъ императорахъ. Спустя годъ и 4 мѣсяца по вступленіи Кирилла на престолъ, нѣкто Григорій, епископъ амасійскій (органъ находившихся въ Константинополѣ іезуитовъ), сговорившись съ двумя низложенными архіереями, ахридскимъ Митрофаномъ и серрскимъ Іоасафомъ, оклеветалъ патриарха предъ турками въ дружбѣ съ европейцами и измѣнѣ. Кириллъ насильственно былъ лишенъ каѳедры и изгнанъ (1). Патриархомъ же избранъ

1623 г.

30) *Григорій IV*, амасійскій. Но и онъ чрезъ 3 мѣсяца въ оковахъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Родось,

(1) Въ 1622 году умеръ Османъ и опять воцарился Мустафа I. Но онъ снова былъ сверженъ въ 1623 году и преемникомъ ему сдѣлалъ Муратъ IV.

какъ не соборнымъ опредѣленіемъ избранный, а отъиному пришедшій. Въмсто его назначень

1623 г.

31) *Анеимъ II*, до того времени адрианопольскій. При немъ Григорій, похититель патриаршества, соборно былъ низложенъ и отлучень. Но и самъ Анеимъ, видя, что дѣла Церкви находятся въ бѣдственномъ положеніи, а долгъ Церкви возросъ до огромныхъ размѣровъ, спустя 50 дней послѣ вступленія на кафедру, оставилъ ее и удалился въ уединеніе на Афонъ. На его мѣсто опять былъ приглашень

1624 г.

Кирилль I Лукарисъ, во второй разъ. Этотъ мудрый патриархъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ англійскаго посланника и еще большимъ—бельгійскаго посла, какъ старый знакомый англичанъ и бельгійцевъ, пользовавшійся прежде дружескимъ приемомъ въ ихъ государствахъ. Оба эти двора находились въ то время въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Порту, а бельгійскій, кромѣ того, сильно противодействовалъ низкимъ продѣлкамъ іезуитовъ (которые утвердившись въ Галатѣ и Ставродомѣ и устроивъ училища, даромъ учили дѣтей грековъ, а бѣднымъ родителямъ ихъ давали пропитаніе, покупая цѣною такой благотворительности простыя и несвѣдуція души, въ которыхъ насаждали они мало помалу папское нечестіе). Но мудрый патриархъ не переставалъ своими наставленіями утверждать православныхъ въ отеческомъ благочестіи и разоблачать тайные замыслы папистовъ. Съ этою цѣлію онъ устроилъ въ Константинополѣ типо-

графію, поручивъ управленіе ею монаху изъ Корфу Григорію Метаксъ, и издавалъ необходимыя книги благочестиваго содержанія, въ опроверженіе тѣхъ нечестивыхъ книгъ, которыя во множествѣ были печатаемы іезуитами и раздавались ими даромъ (1). Послѣдніе, видя въ патріархѣ сильнаго врага себѣ, оклеветали его предъ правительствомъ, какъ хулителя магометанскаго закона, и ссылались въ доказательство на катихизическое сочиненіе патріарха Кирилла (изданное имъ еще въ бытность его въ Лондонѣ), въ которомъ онъ обличалъ ложное ученіе Магомета. Іезуиты утверждали предъ турками, что эту книгу патріархъ напечаталъ незадолго предъ тѣмъ въ константинопольской типографіи. Правительство, раздраженное противъ Кирилла, отправило солдатъ, которые разрушили до основанія типографію и обратили въ прахъ всѣ типографскія принадлежности, а самъ начальникъ типографіи Метакса едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Потомъ посланы были другіе схватить Кирилла, но онъ укрылся въ домѣ бельгійскаго посланника. Послѣдній поспѣшилъ вступить за него и убѣдилъ великаго визиря, что это клевета іезуитовъ. Такимъ образомъ Кириллъ опять

(1) «Ничто не ново подъ солнцемъ. Что дѣлали тогда іезуиты для истребленія православія, въ томъ же самомъ обвиняютъ теперь протестантовъ. «Что было то и будетъ» (Еккл. 1, 9). Чего достигли паписты въ отношеніи къ православнымъ грекамъ, тогоже достигнуть и протестанты! «Родъ переходитъ и родъ приходитъ, но Господь пребываетъ во вѣки». Высочій градъ православной Церкви поставленъ на возвышенной скалѣ. Обитатели его безстрашно смотрятъ сверху на то, какъ вражескія лавы и волны злочестія сокрушаются о вѣчные утесы горы Божіей. И раздастся съ неба гласъ: «дождь, сланое море нечестія, дождь дойдешь, бушуя и волнуясь, и не преидши». Разбитыя и неприязненные суда и пѣнащіяся волны убѣгаютъ назадъ въ свои собственные бездны. «Въ тебѣ самой сокрушатся волны».

удержался на патриаршемъ престолѣ. Тогда іезуиты замыслили противъ него новыя козни. Они обвинили патриарха въ кальвинизмъ и старались увѣрить въ этомъ простодушныхъ архіереевъ и клириковъ. Склонили на свою сторону также нѣкоторыхъ дурныхъ людей большими обѣщаніями и деньгами. Такимъ образомъ всюду распустили слухи, что патриархъ держится кальвинскаго образа мыслей. Слухъ объ этомъ дошелъ до православной Россіи. Тогда русскіе послали къ іерусалимскому патриарху Теофану, проживавшему въ Яссахъ, узнать, въ какой мѣрѣ справедливы такіе слухи. Блаженный Теофанъ созвалъ мѣстный соборъ и отвѣчалъ посланіемъ, состоящимъ изъ 15 главъ, что патриархъ Кирилль есть истинный и православный патриархъ. Но чрезъ два года (1632) явилась въ Константинополь книга, напечатанная въ Женевѣ, содержащая въ себѣ 18 главъ и 4 вопроса, и наполненная кальвинистическимъ нечестіемъ. На заглавномъ листѣ эта книга приписывалась самому Кириллу, вселенскому патриарху. Неизвѣстно, кто былъ настоящій ея авторъ. Несомнѣнно впрочемъ, что книга была писана не блаженнымъ Кирилломъ (сколько бы ни утверждали протестанты, издавшіе цѣлое сочиненіе, въ которомъ говорится, что въ Швейцаріи сохраняется подлинникъ ея, написанный рукою самаго Кирилла, равно и нѣкоторыя другія письма въ кальвинскомъ духѣ, на латинскомъ языкѣ!). Несомнѣнно также, что различныя ереси лютеранскія и кальвинскія, волновавшія тогда всю Европу, пытались вторгнуться и въ православную Церковь. Въ то время потерпѣвшій столько бѣдъ Константинополь сдѣлался свидѣтелемъ съ одной стороны безстыдныхъ папскихъ козней, съ другой миролюбивой.

повидимому дружелюбной политики лютеранъ и кальвинистовъ. Послѣдніе дѣйствовали тогда въ Константинополѣ еще не открыто и не прямо, но тѣмъ не менѣе соперничали съ папистами въ томъ, кому первому захвативъ въ свою власть восточную Церковь, которая въ то время казалась сиротствующею и невѣжественною и страшно угнетаемою подъ чужеземнымъ владычествомъ (1). Не смотря на это, всегда пребывающій, невидимый Женихъ и Царь сохранилъ ее невредимою. Съ появленіемъ же кальвинистической книги подъ именемъ патріарха Кирилла произошло въ Константинополѣ большое смятеніе и Кириллъ снова обвиненъ предъ правительствомъ во франкской вѣрѣ и измѣнѣ, и насильственно низведенъ съ престола, спустя 8 лѣтъ со времени вторичнаго вступленія на него. На мѣсто Лукариса избранъ

1652 г.

23) *Кирилл II.* епископъ веррійскій. по прозванію Контарисъ, достойнѣйшее орудіе іезуитскихъ козней. Но онъ былъ на кафедрѣ только 6 дней (отъ 5 до 11 октября) и вслѣдъ за тѣмъ насильственно низверженъ правительствомъ и сосланъ въ заточеніе въ Тенедось. Замѣсто его опять приглашенъ славный Лукарисъ

(1) Когда блаженный Кириллъ былъ александрійскимъ патріархомъ и когда лютерокальвинская ересь еще неизвѣстна была въ восточной Церкви, онъ въ письмѣ своемъ къ одному бельгійцу Іоанну Нутенбоартъ написалъ слѣдующія приснопоматныя строки (между прочимъ онъ оказываютъ и отеческое православіе его): «Нѣкоторые порицають не-бжеество восточной Церкви, говоря, что ученость и философія перешли въ другія страны. Между тѣмъ нынѣ православныхъ потому и рѣдко называютъ очень счастливыми, что они мало свѣдущи, и что имъ неизвѣстно, какія пагубныя ученія оскверняютъ слухъ людей въ настоящее время.» (Подъ этимъ онъ разумѣлъ различныя ереси лютеранъ и кальвинистовъ).

1632 г.

Кирилль I, въ третій разъ и украсалъ престолъ полтора года. Но неусыпная заботливость папистовъ нашла другое орудіе, Аѳанасія критскаго, извѣстнаго великому визирю (Зафири). Изъ-за него Кирилль опять былъ удалень, а патріархомъ поставлень самъ же критянинъ

1633 г.

33) *Аѳанасій III*, по прозванію Пателларій, епископъ ѳессалоникскій. Писатель 17 вѣка Дмитрій Прокопіу Мосхополитъ, изъ Македоніи (въ перечнѣ греческихъ ученыхъ), называетъ его философомъ, филологомъ, поэтомъ, прекрасно владѣвшимъ греческимъ и латинскимъ языкомъ и отличнѣйшимъ проповѣдникомъ. Но мудрый въ словъ, Пателларій оказался на дѣлѣ тщеславнымъ человекомъ и изъ честолюбія готовымъ попірять божественные каноны Церкви. Къ счастью слабое патріаршествованіе его было непродолжительно: чрезъ 40 дней по вступленіи на кафедру, онъ былъ насильственно удалень съ нея въ великій пятокъ и опять отправлень въ ѳессалонику, избѣжавъ заточенія, благодаря сильнымъ своимъ покровителямъ. Отсюда тщеславный патріархъ бѣжалъ въ Анкону и написалъ просьбу папѣ объ утвержденіи за собою, по прибытіи въ Римъ, титула константинопольскаго патріарха (папа, какъ извѣстно, имѣетъ при себѣ номинальныхъ патріарховъ восточной Церкви). Папа отвѣчалъ Пателларію, что согласенъ дать ему 73-е мѣсто въ ряду кардиналовъ, если подпишетъ латинскій символъ вѣры. Несчастный Пателларій затрепеталъ, услышавъ о повелѣніи державнаго папы! И хотя онъ дозволилъ уже себѣ сдѣлаться

нарушителемъ каноновъ, но быть къ тому же измѣнникомъ отеческому учению не рѣшился. Потому онъ поспѣшно удалился изъ Анконы въ Молдовлахію, откуда въ послѣдствіи опять прибылъ въ Константинополь. По удаленіи его возвращенъ изъ заточенія достославный

1633 г.

Кирилль I Лукарьскъ, въ четвертый разъ. Онъ патриаршествовалъ 1 годъ и два мѣсяца, послѣ чего снова былъ изгнанъ врагами; и снова, съ помощію ихъ, восходить на престолъ

1634 г.

Аванасій III, во второй разъ (льстившій своимъ покровителямъ іезуитамъ, по крайней мѣрѣ по наружности). Въ одномъ поученіи, произнесенномъ имъ на день святыхъ апостоловъ, онъ объяснялъ слова „ты еси Петръ“ и т. д. нѣсколько неправильно и превратно, относя ихъ косвенно къ преимуществамъ римской кафедръ, какъ кафедръ первопрестольнаго Апостола. Но тогда явился другой Аванасій, мужъ неустрашимый, и обличилъ патриарха въ приверженности къ папизму, и даже напечаталъ свое обличеніе. Вслѣдствіе этого безславный и презрѣнный Пателларій, патриаршествовавшій около года, низведенъ съ престола и заточенъ въ Родосъ сильнымъ пашею Ибрагимомъ, который вмѣсто его опять возвелъ на патриаршій престолъ Контариса

1635 г.

Кирилль II, въ другой разъ. Черезъ годъ и 6 мѣсяцевъ потерялъ свое мѣсто и самъ Ибрагимъ, а вслѣдъ

за тѣмъ и Контарисъ заточенъ въ Родось, какъ чело-
вѣкъ корыстолюбивый и безпокойный. Тогда патріар-
хомъ назначенъ

1636 г.

34) *Неофитъ III.* до того времени гераклійскій, котораго неправедный Контарисъ незадолго предъ тѣмъ насильственно изгналъ изъ Геракліи. Но чрезъ годъ Неофитъ отказался отъ каедръ, будучи не въ силахъ поправить разстроенныя дѣла патріархіи, происшедшія отъ накопленія большаго долга. Въ продолженіе 15 лѣтъ (1622—1637) двѣнадцать разъ смѣнялись четыре патріарха (Лукарисъ, Контарисъ, Пателларій и наконецъ Неофитъ), отчего долгъ патріархіи возросъ до 100.000 піастровъ. Займодавцами были турки, французы, армяне и евреи, которые влачили по судамъ поручителей архіереевъ, требуя отъ нихъ процентовъ, или капитала. Такія страданія понесла Церковь по винѣ преимущественно двухъ пастырей, Контариса и Пателларія. Въ послѣдствіи времени она подвергалась еще ужаснѣйшимъ страданіямъ. Пронски лжебратій, вторгавшихся отъ нихъ, постоянно вступавшихъ въ союзъ съ самыми недостойными, или самыми легкомысленными изъ архіереевъ, поджигали въ нихъ тщеславное исканіе патріаршества: а еретики, хотя и неразумно и тщетно, но все-таки надѣялись, съ помощію преданныхъ имъ патріарховъ, дѣйствовать ко вреду догматовъ восточной Церкви. Съ другой стороны корыстолюбивое турецкое правительство легко принимало всякую клевету, смотря на смѣну патріарха, какъ на средство получить деньги. Доблестные и добрые пастыри были лишаемы своихъ каедръ, будучи не въ силахъ про-

тиводѣйствовать ни понасытному любостязанію властей, ни навѣтамъ чужеземцевъ, которые, при посредствѣ европейскихъ посольствъ, разжигали страсть къ патріаршеству въ тщеславныхъ епископахъ. Церкви степала, долгъ возросталъ, патріархи мѣнялись одинъ за другимъ. Послѣ отреченія Неофита, снова назначень патріархомъ

1657 г.

Кирилль I Лукарисъ, въ пятый и послѣдній разъ. Тогда поднялась противъ него неудержимая злоба іезуитовъ. Разными кознями и наконецъ содѣйствіемъ Контариса они возбудили султана Мурата IV противъ Лукариса, выставивъ его опаснѣйшимъ и достойнымъ многихъ казней измѣнникомъ правительству. Черезъ годъ и шесть мѣсяцевъ послѣдняго своего патріаршества блаженный Кирилль насильственно заточень въ Лемокоцію (крѣпость близъ Константинополя); тамъ, по повелѣнію султана, задушенъ и останки его брошены въ море (*). А на патріаршій престолъ восходитъ снова

* Такъ кончилась бѣдственная жизнь блаженнаго патріарха Лукариса, а вслѣдъ затѣмъ погибъ и жестокий его гонитель Контарисъ. Этотъ Контарисъ во второе свое патріаршество (1638 г.) составилъ въ Константинополѣ соборъ, который предалъ проклятію упоминающую выше кальвинистическую брошюру и выставленнаго въ заглавіи ея сочинителя Кирилла Лукариса. Соборъ этотъ подтвержденъ въ послѣдствіи другимъ, созваннымъ въ Яссахъ, при патріархѣ Парсеніи старцѣ. Третій соборъ, созванный въ Іерусалимѣ патріархомъ іерусалимскимъ Досифеемъ, снова анафематствовалъ сказанную неправославную брошюру и составителя ея Кирилла, называя его очень справедливо *Ижекирилломъ* и освобождая отъ клеветы вселенскаго патріарха Кирилла Лукариса, привелъ ясныя доказательства, что не онъ былъ авторомъ этого нечестиваго сочиненія. Вотъ его слова: «Церковь никогда не знала такого кальвиниствующаго Кирилла. Самъ патріархъ Кирилль, патріаршествовавшій въ Александріи цѣлые 13 лѣтъ и почти столько же въ Константинополѣ, не заявилъ себя зараженнымъ каль-

1638 г.

Кирилл II, Контарисъ, въ третій и также въ послѣдній разъ. Спустя годъ по вступленіи его на патриаршій престолъ, ненавидимый всѣми за низверженіе приснопамятнаго Кирилла, онъ самъ былъ обвиненъ предъ султаномъ, какъ клеветникъ и злодѣй. Султанъ, желая отдѣлаться отъ этого безпокойнаго челоуѣка, не оскорбляя впрочемъ (какъ ему казалось) политическихъ

визниномъ ни въ собраніи архіереевъ, ни съ церковной кафедры, ни передъ кѣмъ либо изъ приближенныхъ ему. Напротивъ, въ своихъ проповѣдяхъ, онъ излагалъ совершенно противоположное ученіе, право правъ слово истины.» (За тѣмъ соборъ приводитъ сорокъ отрывковъ изъ сохранившихся до того времени собственноручныхъ сочиненій его, въ которыхъ Кириллъ раскрывалъ необходимость для спасенія всѣхъ православныхъ догматовъ, отвергаемыхъ Кальвиномъ). Постановивши такое опредѣленіе, іерусалимскій соборъ обличилъ въ своихъ главахъ и кальвинскія заблужденія (см. Дослѣ. патриарх. іерус. 'Εὐχαριστικὸν ἰερέων τῆν καλβινικὴν πρηνόβλασταν). А тѣ, которые прежде анаематствовали Лукариса (особенно сторонники врага его Кирилла Контариса), приводили причину, что самъ Лукарисъ, прожившій 8 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ приписываемаго ему кальвинистическаго сочиненія, оставилъ его безъ отвѣта и опроверженія. Но молчаніе Кирилла легко объяснить, когда вспомнимъ, что среди величайшихъ гоненій на Лукариса онъ имѣлъ сильныхъ защитниковъ себѣ въ иностранцахъ, которые были лютеране и кальвинисты, и потому можетъ быть и сами въ тихомолку пустили въ свѣтъ эту книгу, или же, если она была издѣліемъ іезуитовъ, охотно содѣйствовали ея распространенію. Могло быть, что Кириллъ не желалъ оскорблять своихъ покровителей прямымъ и письменнымъ опроверженіемъ ея. Но когда очень многіе изъ православныхъ спрашивали его, онъ съ клятвою отрекался отъ нея, говоря, что не онъ ея сочинитель. Потомъ (и это самое главное оправданіе для Кирилла) блаженный во всѣхъ своихъ публичныхъ поученіяхъ, и прежде и послѣ появленія книги, постоянно проповѣдывалъ православные догматы, которыми опровергается кальвинское нечестіе. Какимъ же образомъ онъ могъ устно проповѣдывать одно, а писать другое? Далѣе, какъ онъ рѣшился бы дать на самаго себя оружіе своимъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ, которые и самые благочестивые поступки его толковали въ дурную сторону? Вотъ что мы должны были сказать въ короткихъ словахъ о клеветѣ, вводимой на Ки-

враговъ его, въ утожденіе которымъ прежде онъ приказалъ умертвить Лукариса, сослалъ Контариса въ заточеніе въ Карѳагенъ (1), повелѣвъ его тамъ удушить, что и исполнили тѣ самыя лица, которыя отвезли туда Контариса. Послѣ него избранъ въ патріархи

1639 г.

35) *Парвеній I*, митрополитъ адрианопольскій, прозванный Старцемъ, родомъ съ о. Хиоса, мужъ добродѣтельный. При немъ (1642) былъ созванъ соборъ въ Яссахъ. Поводъ къ нему былъ слѣдующій: лютеране и кальвинисты повсюду распускали слухи, будто мудрѣйшій патріархъ константинопольскій Кириллъ Лукарисъ принялъ ученіе кальвинистовъ. Они показывали самую книгу въ Россіи, и благочестивымъ обитателямъ Польши, а также въ Молдавіи и Валахіи и въ другихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого тогдашній молдовлахійскій господарь, Василій, по прозванію Лупуль (2), написалъ патріарху

рилла. Но если бы она, положимъ, имѣла основаніе, при всемъ томъ ничто нечистое не могло запятнать чистаго и неповрежденнаго православія восточной Церкви! Частнымъ заблужденіямъ и ереси того или другаго лица (будетъ ли то патріархъ, или епископъ, или кто другой изъ священнаго клира, или мірянъ) обращаются на собственную его голову. Хотя бы въ нѣдрахъ ея и были нѣкоторые съ заблужденіями латинскими или кальвинистическими, или даже совершенно невѣрующіе, такіе люди останутся лжеименными христіанами и лишеными благодати чадами православной Церкви, которые держатъ возставать противъ духовной своей матери. Но милосердая къ ихъ неразумію, она снова сердобольно приглашаетъ каждого изъ нихъ, взывая исполненнымъ кротости гласомъ Спасителя: «Савле, Савле, что мя гониши? трудно ти есть противу рожиа прати».

(1) Другіе пишутъ въ Кархидонъ, но, кажется, вѣрнѣе всего въ Халкидонъ. Фабрицій говоритъ, что Контариоъ былъ заключенъ въ темницу. Но это было сначала, а потомъ послѣдовало упомянутое заточеніе, окончившееся убійствомъ.

(2) Василій происходилъ изъ одного албанскаго мѣстечка въ Мисіи отъ древней македонской фамиліи. Это былъ мужъ благочестивый и

Парвенію просьбу созвать соборъ въ Яссахъ для разсѣдованія клеветъ, взведенныхъ на православную Церковь. Патріархъ послалъ на соборъ своими мѣстоблюстителями нѣсколько архіереевъ и Мелетія Сирига ⁽¹⁾. мудраго проповѣдника. На яскій соборъ прибылъ съ другими архіереями и извѣстный митрополитъ кievскій и всея Россіи Петръ Могила, мудрѣйшій и благочестивѣйшій ⁽²⁾. По открытіи засѣданій снова были преданы анаемѣ главы кальвинской брошюры и ея сочинитель. Потомъ созванъ былъ соборъ въ Іерусалимѣ. Такъ разоблачена распространенная протестантами (и самими іезуитами, искавшими посѣять раздоры) клевета

милосердый, онъ послалъ въ пользу святаго гроба Господня 42,000 венгерскихъ флориновъ на уплату лежащаго на немъ долга. Іерусалимская церковь знала въ этотъ долгъ по той причинѣ, что латиняне, поддерживаемые французскимъ посольствомъ въ Константинополь, употребляли все средства исторгнуть изъ рукъ православныхъ храмъ воскресенія, и едва не выхлопотали у султана фирманъ на это. Но представители іерусалимской церкви въ-время успѣли отклонить его, пославъ въ султанское казначейство огромныя деньги, какія только собраны были тогда и прежде. Блаженнѣйшій Феоданъ іерусалимскій патріархествовалъ въ то самое время 1632 г.), когда въ Константинополь былъ патріархомъ Кириллъ Лукарисъ, который за одно съ Феоданомъ, мужественно подвизался на защиту святаго гроба. И вносѣдствіи латиняне часто дѣлали весьма много вреда іерусалимскій церкви своими навѣяніи. Но въ описываемое нами время щедрый государь Василій заплатилъ даже не только этой церкви, но и константинопольской (1641). А отъ великой церкви онъ получилъ въ даръ святыя мощи преподобно-мученицы Параскевы Новаы, которыя и донынѣ почиваютъ въ яскомъ монастырѣ Трехъ Святителей (См. Мелет. Церк. Ист. т. 3 стр. 480 и Досие. патр. іерус.).

(1) Это былъ тотъ самый Мелетій, который (при Парвеніи Старшъ издалъ извѣстное возраженіе на кальвинскія главы и вопросы Жежмерилла Лукариса.

(2) Блаженный Петръ Могила митрополитъ кievскій написалъ Исповѣданіе Православной Вѣры, утвержденное всею восточною Церковію. Эта книга сохраняется до настоящаго времени и вышла уже вторымъ изданіемъ.

на православную Церковь, будто она приняла мнѣнія Лютера и Кальвина. Это надѣлало столько шума въ Европѣ, что даже французскій посланникъ прямо просилъ патріарховъ, константинопольскаго и іерусалимскаго, письменно изложить исповѣданіе восточной Церкви. Но съ другой стороны лютеране и кальвинисты, видя славно возвѣщаемое восточное православіе, послѣ вышесказаннаго іерусалимскаго собора, крайне были раздражены этимъ и стали разглашать, что восточная церковь латинствуетъ; на доказательство этой мысли преимущественно направляли они всѣ свои сочиненія. Изъ этихъ сочиненій самое дерзкое и смѣшное было Эймона (Іасоб Аумон) издаваемаго и самый автографъ, о которомъ мы выше упомянули, принадлежавшій будто Лукарису и хранившійся въ Швейцаріи, въ доказательство того, что Лукарисъ держался кальвинскихъ заблужденій. Такимъ образомъ на истину съ крайнею немѣренностію нападаютъ два совершенно враждебные стана. Но человѣкъ благоразумный равно чуждается и безумія и тупоумія. Такъ происходило это дѣло. А Парвеній Старецъ патріаршествовалъ 5 лѣтъ и 2 мѣсяца и послѣ того лишенъ кафедръ и заточенъ въ Кипръ (откуда переселившись впоследствии въ Хіосъ, тамъ и скончался) (1). Послѣ него вступилъ на патріаршій престолъ.

1644 г.

36) *Парвеній II*, митрополитъ янинскій, родомъ также изъ Янинъ, по прозванію Младшій, человѣкъ почтенный.

1) Въ его время 1640 г. умеръ Муратъ IV и ему наследовалъ Ибрагимъ I-й.

возвышеннаго духа и энергическій, но расположенный къ роскоши и вслѣдствіе того любостяжательный. Во время церковныхъ службъ и бдѣній часто замѣчали въ немъ недостатокъ усердія, вслѣдствіе чего и приближенные къ нему лица также не заботились о достойномъ совершеніи богослуженія. Черезъ 2 года и 2 мѣсяца онъ былъ низложенъ и преемникомъ его былъ единодушно избранъ

1646 г.

37) *Іоаникій II*, ираклійскій митрополитъ. Пробывши патриархомъ только 11 мѣсяцовъ и столько же дней, онъ добровольно оставилъ патриархію. Тогда снова былъ вызванъ

1647 г.

Парвоній II ⁽¹⁾, во 2-й разъ. Онъ пробылъ патриархомъ только до 1650 г., когда былъ оклеветанъ предъ турками какимъ то Павлакіемъ, будто велъ переписку съ русскимъ правительствомъ (это была интрига іезуитовъ, какую они позволяли себѣ и противъ другихъ патриарховъ). Слѣдствіемъ клеветы было насильственное низложеніе Парвонія. Его посадили въ кайкъ, подъ предлогомъ отправленія въ заточеніе, убили и бросили въ море ⁽²⁾. Эта клевета на патриарха и трагическая

⁽¹⁾ При немъ въ 1648 г. по смерти султана Ибрагима на престолъ вошелъ сынъ его Магометь IV.

⁽²⁾ Мелет. Церк. ист. т. III стр. 449. Политика турецкая этого времени представляется довольно странною. Турки давали позволеніе патриархамъ отправляться самими въ Россію, какъ напр. такое позволеніе даю было Іереміи II, потому вѣшали ихъ, какъ измѣнниковъ. Причиной такого непостоянства турокъ было ихъ корыстолюбіе; они знали, что отправлявшіеся въ Россію патриархи приносили оттуда страждущей церкви (особенно константинопольской) большую денежную помощь.

его кончина, равно какъ и воспоминаніе о случившихся въ недавнее время событіяхъ съ двумя Кириллами привели въ смущеніе христіанъ и самыхъ смѣлыхъ изъ духовныхъ лицъ. Отъ этого снова усилилась довольно частая, и потому самая вредная, смѣна патріарховъ; ибо патріархи вскорѣ послѣ своего избранія по страху отказывались отъ патріаршествованія. Послѣ Пареенія соборомъ опять былъ призванъ

1650 г.

Иоанникій II, во второй разъ. Вида безпорядокъ въ дѣлахъ Церкви, онъ чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцовъ добровольно отказавшись отъ патріаршества, скрылся. Въмѣсто него былъ избранъ

1651 г.

38) *Кирилль III*, бывшій сначала коринескимъ, а потомъ терновскимъ митрополитомъ, по прозванію *Σωχρός*. Но и онъ, пробывши патріархомъ только 20 дней, отказался отъ патріаршества и удалился въ уединеніе. Тогда снова занялъ престолъ

1651 г.

Аванасій III Пателларій, въ 3-й разъ и послѣдній. Онъ возвратился на престолъ вслѣдствіе вліянія своихъ покровителей. Не смотря на это, митрополиты его не признали. И потому чрезъ 15 дней онъ отказался отъ каеодры и со стыдомъ и раскаяніемъ въ душѣ бѣжалъ. Тогда соборомъ избранъ былъ патріархомъ

1652 г.

39) *Паисій I*, ларисскій митрополитъ. При немъ русская православная церковь братски сообщила великой цер-

кви константинопольской о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ съ патриархомъ Никономъ. По поводу этихъ обстоятельствъ въ послѣдствіи при царѣ Алексіѣ, отцѣ Петра Великаго, греко-русская церковь держала свой собственный соборъ, на которомъ по изложеніи Никона возведенъ былъ въ санъ патриарха Іоасафъ. На этотъ соборъ были приглашены 2 восточные патриарха. Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій. Паисій константинопольскій послѣ годичнаго, а по другимъ только девятимѣсячнаго своего патриаршествованія бѣжалъ, и тогда опять былъ вызванъ

1653 г.

Іоанникій II, въ 3-й разъ. Онъ былъ патриархомъ почти 2 года и наконецъ за то, что не въ состояніи былъ внести обычной подати, государственнымъ казначеемъ былъ посаженъ въ темницу. Продержанный въ ней 16 дней, онъ отказался отъ патриаршества, и вырвавшись оттуда, поспѣшно бѣжалъ. Въмѣсто него соборъ снова вызвалъ

1653 г.

Кирила III, во 2-й разъ. Пробывши патриархомъ едва двѣ недѣли, онъ насильно сосланъ былъ въ заточеніе на островъ Кипръ государемъ, который потребовалъ отъ него подати какъ за предшествовавшаго патриарха, такъ и за него самаго. Въмѣсто него былъ вызванъ

1653 г.

Паисій I, во второй разъ. Это былъ человекъ неостоянный и безпокойный, поэтому чрезъ 11 мѣсяцевъ

его вторичнаго патріаршествованія онъ былъ низложенъ и посланъ на кизическую кафедру. Но спустя не много, онъ былъ изгнанъ и изъ Кизика и получилъ предстояние въ Ефесѣ. Въмѣсто него избранъ былъ

1656 г.

40) *Иероній III*, митрополитъ хіосскій, человекъ благочестивый, правдивый, образованный и ревнитель православія. Отъ него ожидали большаго улучшенія въ дѣлахъ Церкви. Но сѣятель плевалъ всегда бодрствуетъ! Царствовавшій въ то время въ Тавридѣ ханъ татарскій, узнавши отъ отпавленнаго патріархомъ къ гетману казацкому посла, что митрополитъ греческій, бывший недавно никейскимъ, пользуется расположеніемъ и уваженіемъ христіанскихъ казаковъ, сталъ подозрѣвать, что патріархъ константинопольскій послалъ его къ этому гетману съ цѣлію возбудить мужественныхъ казаковъ и русскихъ къ войнѣ съ султаномъ и его союзниками—татарами. Ханъ донесъ объ этомъ визирю султана. Въ это же время въ руки одного аббата іезуитовъ попало письмо патріарха, въ которомъ онъ просилъ государя валахскаго прислать денежную помощь для уплаты вновь увеличившагося долга патріархіи. Въ этомъ письмѣ между другими евангельскими изреченіями патріархъ написалъ и слѣдующее: „приндетъ царство небесное, въ которомъ милостивые получаютъ воздаяніе“. Аббатъ іезуитскій тайно послалъ визирю это письмо. Человекъ, доставившій письмо визирю, объясняя это изреченіе, относилъ выраженія о царствѣ небесномъ къ царству русскихъ, котораго будто бы скоро ожидалъ патріархъ, злоумышлявшій противъ Ог-

томанской державы. Этого достаточно было для визиря. Онъ призвалъ патриарха къ себѣ и тщетельно распросивши обо всемъ, хотя нашелъ его невиннымъ, но для большей безопасности и въ примѣръ другимъ, осудилъ его на самый постыдный родъ смерти—удавленіе, и вотъ знаменитый патриархъ чрезъ 3 мѣсяца своего патриаршествованія въ лазареву субботу (1657) былъ удушенъ на рѣшетчатыхъ воротахъ Константинополя (пармак-капи). Въ такомъ положеніи патриархъ пробылъ 3 дня и потомъ брошенъ въ море. Но христіане извлекли изъ моря честные его останки и похоронили ихъ на одномъ изъ константинопольскихъ острововъ (¹). Съ этого времени запрещено было патриархамъ лично представляться султану и принимать отъ него знаки утвержденія въ своемъ достоинствѣ. Такая честь представлялась неприличною и неудобною для людей невѣрныхъ и непримиримыхъ враговъ султанской династіи. Приемъ новаго патриарха предоставленъ былъ визирю, какъ это дѣлается и теперь. Послѣ осужденія патриарха Паренія, когда Церковь была въ глубокой скорби, врагами ея вызванъ былъ на патриаршій престолъ

(Продолженіе будетъ).

(¹) Мелетія церк. ист. т. III, стр. 466.

III.

О ЗНАЧЕНИИ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРЕВОДА

ВЕТХАГО ЗАВѢТА LXX ТОЛКОВНИКОВЪ,

ПО ОТЗЫВУ ОДНОГО ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ прошломъ году пасторъ Ральфъ Чортонъ, членъ королевской коллегіи въ Кембриджъ, издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Вліяніе перевода ветхаго Завѣта LXX толковниковъ на ходъ христіанства“. Сочиненіе это относится къ числу такъ называемыхъ призовыхъ, судьба которыхъ, по словамъ „Christian Remembrancer“, болѣею частію лежать, какъ во гробѣ, въ лѣтописяхъ университетовъ. Не то выпало на долю сочиненію г. Чортонна. Оно увѣячилось полнымъ успѣхомъ. Считаемо не бесполезнымъ привести краткій отзывъ объ немъ, заимствованный изъ Christian Remembrancer. При предпринятыхъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ переводахъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ на русскій языкъ съ еврейскаго и при разныхъ взглядахъ на то, какъ совершать это дѣло, замѣчанія о значеніи текста семидесяти толковниковъ, сдѣланныя членомъ англиканской церкви, могутъ, по нашему мнѣнію, принести свою долю

пользы трудящимся надъ переложеніемъ священнаго текста на русскій языкъ.

„Трудъ г. Чортонa, говоритъ рецензентъ, слагается изъ такихъ матеріаловъ, которыхъ публика, во всякомъ случаѣ англійская церковь, не позволить себѣ потерять изъ виду. Тутъ дѣло идетъ о предметъ сколько важнымъ, столько же и новымъ; предъ нами отърывается такая область церковной исторіи, которую рѣдко кто посѣщаль, а еще менѣе изслѣдовалъ. Кто изъ насъ когда либо намѣренно останавливался мыслию на томъ, что болѣе 300 лѣтъ цѣлая христіанская Церковь могла читать ветхій Заветъ только при посредствѣ LXX! Кто изъ насъ когда либо рассуждалъ про себя, что этотъ греческій переводъ былъ предтечею Христа и христіанства, уготовлявшимъ путь язычникамъ, подобно первому Предтечѣ, въ пустынь! И какъ рѣдко мы помышляемъ о томъ, что, подъ его водительствомъ и „паряице, и мидяне, и еламиты, жители Месопотаміи, Іудей и Каппадокіи, Понта, Асіи, Фригіи и Памфіліи, Египта и странъ Ливійскихъ, прилежащихъ къ Киринаеъ, и пришедшіе изъ Рима, іудеи и обращенные изъ язычества, критяне и аравитяне“ чудесно пріяли крещеніе Святимъ Духомъ въ день пятидесятницы, и такимъ образомъ составили первоначальную основу христіанской Церкви!

Но если таково было его внѣшнее вліяніе въ дѣлѣ приготовленія міра къ пришествію Мессіи, то во сколько же разъ выше и важнѣе, во сколько разъ продолжительнѣе, а лучше сказать, въковѣчнѣе его внутреннее вліяніе на языкъ и ученіе новаго Завета! Нѣтъ ни од-

ного стиля, начиная съ Евангелія отъ Маттея до Апокалипсиса, который не служилъ бы очевиднѣйшимъ доказательствомъ присутствія и влiянiя перевода LXX! Нѣтъ ни одного догматическаго термина, который не былъ бы заимствованъ изъ его терминологiи!

Теперь мы видимъ, что наступило время возвести переводъ Семидесяти Толковниковъ въ то самое положенiе, которое онъ занималъ въ первенствующей Церкви. Не естественнымъ (unnatural) попыткамъ критиковъ—гебраистовъ уронить какъ-либо переводъ LXX, по всей справедливости положенъ конецъ. Теперь мы можемъ ясно видѣть, что всякой ударъ, наносимый греческому переводу ветхаго Завѣта, отражается на греческомъ языкѣ новаго Завѣта.

Г. Чортонъ начинаетъ свой опытъ мастерскимъ очеркомъ того преобладающаго влiянiя, которое греческiй языкъ имѣлъ въ свѣтѣ въ эпоху христіанства. Онъ показываетъ, что изъ пяти великихъ имперiй—имперiя греческая была избрана Провидѣнiемъ—быть главнымъ орудiемъ ко введенiю того духовнаго царства, которому не будетъ конца! Царства вавилонское и персидское частiю служили къ достиженiю сей цѣли въ великомъ домостроительствѣ Божиемъ; но дѣло, присужденное имъ, по видимому, имѣло наиблизайшее отношенiе къ иудейской Церкви; тогда какъ третье и четвертое царство гораздо большую имѣютъ важность въ дѣлѣ призванiя язычниковъ ко вступленiю въ Церковь Христову. Отъ того-то „и тому народу, изъ котораго возникло третiе великое царство, Богъ судилъ приготовить всемирный языкъ, дабы разширить такимъ образомъ разумнiе челоуѣка, и слѣдовательно сдѣлать челоуѣка способнымъ оцѣнить истины божественнаго откровенiя? — Стр. 11.

Именно тому особенному диалекту греческаго языка, который мы называемъ македонскимъ или эллинскимъ, суждено было сдѣлаться нарочитымъ орудіемъ въ дѣлѣ приведенія язычниковъ къ познанію обѣтованій и пророчествъ ветхаго Завета. Цѣль сія достигнута была главнымъ образомъ завоеваніями Александра, который лично былъ въ Іерусалимѣ, и въ войскахъ котораго было много обращенныхъ изъ язычества въ іудейство. Александрія была основана для замѣны собою коммерческихъ городовъ Тира и Сидона, порты которыхъ значительно уже были повреждены постояннымъ накопленіемъ въ нихъ песковъ. Іудеи составляли въ немъ значительную часть народонаселенія, и естественно потому было имъ желать, чтобы еврейскія писанія были переведены на отечественный ихъ языкъ, на языкъ обитаемой ими страны. Птоломеи, которымъ достался Египетъ, при раздѣленіи завоеваній Александра, съ радостію выслушали ихъ желанія, и, когда открылся случай, охотно назначили особенныя жилища или помѣщенія въ Фаросѣ тѣмъ, которые избраны были для приведенія въ исполненіе сего предпріятія.

Сіамъ труженикамъ рукописи присланы были изъ Іерусалима, и они выполнили свою задачу такъ, какъ только можно было ожидать. Языкъ ихъ былъ македоно-греческій, въ сочетаніи съ еврейскими идиомами, слѣдовательно тотъ дивно-смѣшанный греко-еврейскій, который мы называемъ эллинскимъ и который образуетъ собою характеристическій стиль новаго Завета. Мы не будемъ доказывать теперь, въ какой степени принадлежитъ вдохновеніе сему переводу; довольно и того, что онъ тождественъ съ языкомъ евангелистовъ и апостоловъ. Во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя читать исторіи Седь-

мидесяти, не вѣруя въ тоже время, что Богъ Моисея и пророковъ былъ ихъ помощникомъ.

Таково было всеобщее убѣжденіе христіанской Церкви въ продолженіи первыхъ трехъ вѣковъ. Только во дни Иеронима слышался первый голосъ противу каноническаго авторитета греческаго перевода. Тогда возникло несчастное препирательство между Иеронимомъ и Августиномъ, отголоски котораго отдаются и теперь еще въ ухахъ нашихъ. Спору нѣтъ, что возстановленіе въ нѣкоторой степени познанія еврейскаго языка и появленіе латинской Вулгаты есть великое благословеніе; но это благословеніе должно считать благословеніемъ, не причиняя тѣмъ ни малѣйшаго ущерба переводу LXX. Если бы не было никакого дѣленія между восточною и западною церквами, то, можетъ быть, это препирательство само собою, мало по малу, кончилось бы своей вѣкѣ; но несчастіе къ несчастію: оно снова возникло въ эпоху реформаціи, а школа женевская, какъ извѣстно, всегда отличалась неуваженіемъ къ LXX.

Съ двухъ точекъ зрѣнія можно смотрѣть на переводъ LXX. Съ одной можно смотрѣть на него, какъ на переводъ,—и въ семъ отношеніи, пожалуй, онъ можетъ занимать второстепенное мѣсто. Съ другой—можно смотрѣть на него, какъ на мощное орудіе въ дѣлѣ обращенія язычниковъ и какъ на авторитетный словарь (Dictionary) новаго Завѣта. То, чего, по видимому, недостаетъ въ немъ, какъ въ переводъ, болѣе чѣмъ восполняется его подлежательнымъ (subjective) влияніемъ на христіанство. Спросите, напр., въ настоящее время, что больше царствуетъ надъ христіанскимъ міромъ—еврейскій или греческій текстъ? Мы не будемъ дѣлать, однакожь, за сей разъ сравненій: мы ищемъ мира и

гармоніи; и скажемъ хоть одно въ семь случаевъ: „*esse* *Dei* *coepta*, *homo* *non* *est* *in* *Deo*“.

На семь-то неразрушимомъ союзѣ новаго Заѣта съ переводомъ LXX г. Чортонъ и построилъ свой дивный опытъ. Онъ счастливо выбралъ константинопольскій символъ Вѣры для проведенія своихъ догматическихъ наглядныхъ объясненій: это дало ему возможность собрать всѣ догматическіе термины новаго Заѣта какъ бы въ фокусъ. Сравнивая сіи послѣдніе съ подобными терминами LXX, онъ въ тоже время показываетъ ихъ тождественность. Опытъ его кратокъ, и потому содѣржится въ себѣ только небольшой образчикъ изъ великаго множества другихъ образцевъ. Во всякомъ случаѣ въ немъ удовлетворительно рѣшается главная его задача, и въ читателѣ правильно возбуждается потребность къ дальнѣйшимъ изысканіямъ. Мы сердечно желаемъ, чтобы на семь началъ составилъ когда-либо догматическій словарь новаго Заѣта, въ особенности благопотребный для нашего молодаго духовенства. Онъ послужилъ бы самою дѣйствительною оградой отъ вторженія къ намъ рационалистическихъ толкованій.

Намъ думается, что послѣ этого краткаго обзоранія труда г. Чортонъ, всего лучше привести его собственную перечень, такъ выразительно заключающуюся у него въ слѣдующихъ строкахъ:— „дѣлъ моя была—вышеприведенными словами представить наиболѣе важные образцы вліянія языка александрійскаго перевода. Въ иныхъ случаяхъ, формы, усвоенныя LXX толкователями, можно просто назвать еврейскими идиомами, въ буквальный ихъ переводъ. Но многія изъ выраженій, введенныя ими въ греческій языкъ, означены самими Учитель Истины, слѣдовательно онъ ближайшимъ обра-

зомъ, — сколько то можетъ быть доступно для человѣческаго языка — подходить къ истинному обозначенію собою глубинныхъ тайнъ божескаго Естества и отношенія человѣка къ Богу. Эти тайны, какъ превосходящія всякое разумѣніе, естественно еще далѣе отстоятъ отъ достижимости ихъ языкомъ, который есть выраженіе мысли. Но отъ сочетанія идиомъ языковъ — еврейскаго и греческаго (непосредственною причиною чего, въ рукахъ провидѣнія Божія, послужило разсѣяніе іудеевъ) образованъ такой именно языкъ, по богатству и силѣ своей природы, какового требовало христіанское ученіе, „да *возможеть* такимъ образомъ и человѣкъ *разуметь*, что широта и долота и глубина и высота любви Христовой, преспяющей разумъ“. Стр. 119. Въ семь смыслѣ, эллинскій діалектъ былъ однимъ изъ тѣхъ избранныхъ орудій, которыми Богъ открываетъ истины евангельскія человѣку.“ Стр. 21.

По мнѣнію нашему, не было и нѣтъ лучшаго опроверженія всѣхъ скептическихъ и рационалистическихъ мнѣній о богодухновенности Писанія, какъ то, которое мы находимъ у г. Чортона, хотя онъ и не имѣлъ его собственно въ виду. Трудъ его тѣмъ болѣе сдѣлаетъ всякаго скептика безответнымъ, что онъ не былъ составленъ имъ въ видѣ отвѣта. Онъ почти отвѣчаетъ тому, что у математиковъ извѣстно подъ именемъ *высшаго доказательства*. Догматическая терминологія LXX сопоставлена у г. Чортона съ догматическою терминологіей четвероевангелія и апостольскихъ посланій, — и оказалось, что онъ рѣшительно однихъ и тѣхъ же диаметровъ — *dimensions*. Мы полагаемъ, что богодухновенность новаго Завета, въ отношеніи ея къ *буквѣ*, никогда съ

такую положительность, съ такою очевидностію доселѣ еще не была изслѣдована и доказана⁴.

ш. е. и.

Что сказано здѣсь рецензентомъ о текстѣ греческомъ. тоже самое имѣетъ приложеніе и къ нашему славянскому переводу, который почти вездѣ буквально сходенъ съ греческимъ текстомъ. Догматическая терминологія греческаго текста точно такъ же вездѣ передается въ буквальный переводъ на славянскій языкъ, и какъ ни мало распространено у насъ чтеніе св. Писанія, во всякомъ случаѣ съ нѣкоторыми терминами знакомы уже если не всѣ, то большинство. Естественно возникаетъ вопросъ: нужно ли измѣнять эту терминологію при переложеніи священныхъ книгъ ветхаго Завета на русскій языкъ? По нашему крайнему убѣжденію, безъ особенно-настоятельной необходимости — не слѣдуетъ. Мы не видимъ никакой цѣли въ подобномъ отступленіи отъ принятой и усвоенной терминологіи: а одно желаніе передать буквально точно еврейскій текстъ на русскомъ нарѣчій едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ сему? Цѣль переложенія священныхъ книгъ ветхаго Завета на русскій языкъ заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы сдѣлать священный текстъ болѣе понятнымъ и доступнымъ для чтенія большинства: но сдѣлается ли онъ болѣе понятнымъ, если всѣ слова буквально переложать съ еврейскаго? Не думаемъ. Нѣкоторые опыты подобнаго переложенія показываютъ напротивъ, что священный текстъ дѣлается чрезъ это еще меньше вразумительнымъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто прежде былъ знакомъ съ нимъ сколько нибудь...

Но этого мало: не поставимъ ли мы чрезъ это въ разладъ ветхий Заветъ съ новымъ? Новый Заветъ написанъ на греческомъ языкѣ; при переложеніи его на русское нарѣчіе очевидно нѣтъ никакого основанія отступать отъ принятой и усвоенной терминологіи. Не будетъ ли противорѣчія и запутанности, когда тѣже самыя понятія въ ветхомъ Заветѣ будутъ выражаться иными терминами? И вслѣдствіе ли читающій способенъ будетъ примирить это кажущееся противорѣчіе и эту сбивчивость? Примеры, думаемъ, яенѣ покажутъ эту сбивчивость и запутанность.

1. Извѣстно, что въ еврейскомъ языкѣ есть много словъ для означенія понятія о верховномъ Существовѣ. Слова эти передаются въ греческомъ текстѣ (а отсюда и въ нашемъ славянскомъ) въ переводѣ и болѣею частію не совсѣмъ точною. Какъ поступать при переложеніи этихъ словъ на русское нарѣчіе? Опытъ свидѣтельствуетъ, что каждый переводчикъ, или можетъ быть каждая редакция, употребляетъ свои термины въ переводѣ именъ Божіихъ. Нѣтъ спора, что разность эта не вредитъ истинамъ Вѣры: но безспорно съ другой стороны и то, что лучше было бы, если бы въ этомъ случаѣ было болѣе опредѣленности, и во всякомъ случаѣ опредѣленность эта должна быть, когда переводъ будетъ издаваться отъ имени церкви. Какъ же достигнуть этого? По нашему мнѣнію, всего лучше не отступая безъ особенной нужды отъ терминологіи, принятой въ греческомъ текстѣ и за тѣмъ перешедшей въ нашъ славянскій. Слова: *Господь*, *Богъ*, *Владика* и *под.* понятны каждому, между тѣмъ какъ новыя, поставленные вмѣсто ихъ, хотя бы они иногда и точнѣе выражали смыслъ подлинника, кто знаетъ, скоро ли

усвоится и *будутъ произносимы съ такимъ либо пред-
ставленіемъ въ ушихъ. Для примѣра беремъ отличи-
тельное имя Божіе: *девоа*. Въ настоящее время большая
часть переводчиковъ оставляютъ слово это безъ пере-
вода. Едва ли можно признать это безусловно хоро-
шимъ. Не говоря о томъ, что слово это не даетъ ни-
какой мысли, не рождаетъ никакого представленія у
огромнаго большинства нашего простаго народа, — и
изъ самыхъ образованныхъ людей многие ли съ прона-
сеніемъ этого звука соединяютъ какое нибудь опреде-
ленное понятіе? Такъ не лучше ли замѣнить его обще-
принятымъ терминомъ, хотя и не выражающимъ прямо
сущности его, но все же дающимъ хоть какую нибудь
мысль о верховномъ Существовѣ, — тѣмъ болѣе, что
нельзя ручаться даже и за то, чтобы непонятный тер-
минъ этотъ не потревожилъ и совѣсти многихъ вѣру-
ющихъ простолудниковъ? Вѣдь во всемъ новомъ Заветѣ
ниразу не встрѣчается слово это безъ перевода... А не
бываетъ ли иногда, къ прискорбію, и такихъ явленій,
что непонятный терминъ для обозначенія даже высочайшей
святыни обращается въ предметъ допущеннаго глумленія?*

2. Какъ передавать на русскомъ языкѣ собственныя
имена? И въ этомъ отношеніи дѣлаемые въ настоящее
время переводы представляютъ не мало разностей. И
здѣсь, по нашему мнѣнію, безъ нужды не слѣдуетъ от-
ступать отъ греческаго текста. Странно въ церковно-
вѣстныхъ книгахъ читать *Исаакъ, Моисъ*, а въ Евангеліи
и посланіяхъ *Исаакъ, Мой*; тамъ *Маше*, а здѣсь *Мавсей*;
или въ книгѣ Бытія *Хай* или *Хамъ*, а въ поданіяхъ
апостольскихъ *Ева* и проч. Или не замѣнить ли и до-
возвѣстное чтеніе сообразно съ современными предложе-

шеніемъ евреевъ? Полагаемъ, что въ такомъ случаѣ будетъ уже не переводъ новаго Заветъ на русскій языкъ, а передѣлка и притомъ довольно произвольная. Вѣдь никто не можетъ доказать, что собственные имена и въ древности — при Авраамѣ и Моисеѣ произносились точно такъ же, съ тѣми же отгѣнками звуковъ, какъ произносятся теперь евреями; да и сами евреи, живущіе въ разныхъ мѣстахъ, произносятъ ихъ неодинаково.

3. Еще съ большимъ правомъ тоже самое должно сказать о нѣкоторыхъ догматическихъ терминахъ. Переводить ихъ буквально съ еврейскаго, оставляя все безъ вниманія текстъ греческій, значитъ не уяснить, а затемнить текстъ. Напр., въ числѣ главныхъ видовъ жертвъ есть жертва всесоженія. Такъ оно переводится у насъ, буквально съ греческаго, и въ ветхомъ и въ новомъ Заветѣ; между тѣмъ еврейское слово *קָרָבַן* не выражаетъ не только всесоженія, но и простаго сожиганія; илч: для всѣхъ понятнo выраженіе: *Ангелъ Господень*; чтò, если замѣнить его, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, выраженіемъ: *исполнитель Суцао*? Текстъ, очевидно, не уяснится, а затемнится чрезъ это.

**РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО,
ОБВИНЕНІЯ ПРОТИВЪ НЕГО И ЕГО ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ:
СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.**

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

Реформа Петра I; положеніе духовенства послѣ Петровой реформы; его цивилизаторскія и прогрессивныя усилія и новый характеръ ихъ и новыя препятствія; больницы и богадѣльни при монастыряхъ и церквяхъ; миссіонерская дѣятельность и обращеніе язычниковъ и магометанъ къ Христовой вѣрѣ — подѣ ея цивилизующее вліяніе; духовно-учебныя заведенія послѣ Петра, увеличеніе числа ихъ и числа воспитанниковъ въ нихъ, значеніе духовно-учебныхъ заведеній XVIII вѣка въ исторіи образованія этого столѣтія; ниже ли было образованіе духовенства сравнительно съ образованіемъ другихъ сословій? Духовно-учебныя заведенія распространяють образованіе въ свѣтскомъ обществѣ; ихъ услуги при открытіи свѣтскихъ училищъ. Переходъ духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтскія учебныя заведенія — по распоряженію правительства и по собственному желанію — и въ свѣтское званіе; множество лицъ такого рода въ нѣсколько вѣковъ. Невѣжественныя выгоды нѣкоторыхъ періодическихъ свѣтскихъ изданій противъ отечественнаго духовенства и много ли въ этихъ выгодахъ историческую смыслу и знакомствѣ съ судьбами отечественной цивилизаціи?...

Въ своемъ бѣгломъ историческомъ обзорѣ услугъ русскаго духовенства отечественной цивилизаціи мы достигли реформы Петровой, которою начинается новая пора (эпоха) русской исторіи.

„Сдѣлавшись царемъ, Петръ понялъ, что ему, какъ государю, предстоитъ трудная борьба съ сосѣдними державами, вооруженными обще-европейскимъ знаніемъ, сильными европейскимъ искусствомъ на сушѣ и на мо-

рѣ. Чтобы одолѣть враговъ, царю надлежало усвоить западное образованіе для своихъ подданныхъ: того требовала безопасность Россіи. Слѣдовательно государственное преобразованіе возникло изъ сознанной потребности *политическаго и государственнаго самосохраненія*“ (1)... Совершая свою реформу въ виду этой потребности, Петръ естественно долженъ былъ обращать главное свое вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя ближе всего вели къ этой цѣли. Такимъ образомъ армія и флотъ были самыми первыми предметами заботливости Петровой и на нихъ потратилъ онъ главнымъ образомъ и силы генія своего и къ нимъ направилъ главные средства государственныя. Цивилизація прежде всего коснулась военнаго сословія; но какъ военное, такъ и гражданское, такъ равно и духовное сословіе понуждаемы были цивилизоваться только для цѣлей усиленія государства; такой характеръ имѣла не только реформа Петрова, но и послѣдующія царствованія до Екатерины II. Государство завѣдывало цивилизаціей, и цѣлю всѣхъ дѣйствій правительства было не общество, но государство, т. е. само правительство, на сколько оно находилось въ связи съ обществомъ. Въ царствованіе Екатерины II, Александра I и Николая I цѣлю распоряженій правительства было общество т. е. благосостояніе подданныхъ, впрочемъ только свободнаго состоянія, особенно высшаго класса. Въ настоящее царствованіе отношеніе государства къ обществу измѣнилось. Цѣлю государственныхъ распоряженій стало не само государство, какъ было при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ; не часть общества, не одни его

(1) Слова Павлова. См. приложенія къ мѣсяцеслову 1862 г. стр. 49.

высшіе классы, какъ при Елизаветинъ II и Александръ I, но все общество; всё его сословія, какъ высшія, такъ и низшія, потому что при Александръ II инашее сословіе должно быть свободно, какъ свободны средній и высшій классы. Участіе духовенства въ цивилизаціи отечественной видоизмѣнилось, сообразно измѣненію въ характеръ правительственныхъ распоряженій: дѣятельность его становилась тѣснѣе или обширнѣе, смотря по направленію правительственныхъ распоряженій, но она никогда не принимала характера ретрограднаго. Отечественное духовенство послѣ Петра до настоящаго времени ни на одну минуту не покидало своего древняго значенія въ русскомъ народѣ, не смотря на мнолія неблагоприятныя для себя условія. Слѣдующіе факты подтверждаютъ это общее наше сужденіе.

Полаяя силу правительства въ единствѣ дѣйствій, а силу государства въ единствѣ направленія народной жизни, Петръ I все, что прежде управлялось само собою, что не входило въ кругъ общаго государственнаго управленія, котя и не враждовало съ нимъ, ввелъ подъ строгую форму единоисточнаго управленія. Духовенство подпало этой общей участи и, съ уничтоженіемъ патріаршества, получило во внѣшней сторонѣ жизни своей характеръ чиновническій, и, оставаясь самостоятельнымъ собственно въ дѣлахъ Вѣры, въ распоряженіи внѣшними своими дѣйствіями подпало одинаково со всѣми другими сословіями контролю государства. Добрыя, свободныя цивилизаторскія предпріятія его, прежде въ немъ находившія и побужденіе и утвержденіе себѣ, теперь или и диктовались и предписывались, или, по меньшей мѣрѣ, утверждались высшею властію. Духовенство потеряло свое видное мѣсто въ государ-

свѣтломъ быту, но потеряло не потому, чтобы его мѣсто тотчасъ же заняло другое; болѣе образованное сословіе, а потому, что мѣсто всѣхъ сословій заняла высшая централизирующая правительственная власть. Государство стало расти на счетъ общества и сословій, или „рости въ кору; стѣслая сердцевину“; по меткому выраженію Н. Аксакова. Въ пору преимущественной заботливости правительства о войскѣ и внѣшней самостоятельности русскаго царства, монастыри служили прибивающимъ для раненыхъ и изувѣченныхъ воиновъ. Такъ было въ шведскую войну. Занятый положеніемъ своихъ воиновъ; Петръ I указалъ монастырямъ на предметъ ихъ сострадательной дѣятельности, заставляя открыть въ монастыряхъ госпитали. Указомъ 1724 года предписывалось: „иноки должны принимать въ монастыри больныхъ солдатъ или уволенныхъ отъ службы и не способныхъ къ работѣ, равно и другихъ бѣдныхъ; для нихъ должны быть выстроены больницы“. При Вироу въ тѣхъ же видахъ (въ 1734 г.) предписано было не постригать въ монашество никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ. Это опредѣленіе было уничтожено въ 1740 г. Но монастыри по прежнему оставались госпиталями для раненыхъ и увѣченныхъ солдатъ. При Елисаветѣ монастыри не разъ наполнялись отставными солдатами и офицерами, и эта повинность выполнялась съ жестокостію; Арсеній Мацѣвичъ жалуется въ своемъ протестѣ Синоду, что „инвалидами наполнили и наполняютъ монастыри, и только одни монастыри; какъ будто для нихъ только служили и за нихъ только сражались инвалиды“. Еще Петръ I предписалъ, чтобы при приходскихъ церквахъ заводимы были богадѣльни, въ которыхъ призрѣвались бѣдныя—

и прихожане и приписные богомолцы; мало сохранилось доселѣ этихъ первыхъ въ Россіи благотворительныхъ и гуманныхъ учреждений, точно также, какъ монастыри перестали быть госпиталями для солдатъ. Но все таки эти больницы и богадѣльни существуютъ еще въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и при нѣкоторыхъ церквяхъ доселѣ, оставаясь памятниками того времени, когда духовенство предупредило позднѣйшія казенныя и общественныя больницы и богадѣльни, заведенныя по образцу западному и подѣ диктовку западной цивилизаціи, самостоятельными проявленіями гуманности и челоуѣколюбія. Причина, почему русское духовенство перестало оказывать эти услуги общественному благосостоянію, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что спустя меньше, чѣмъ полвѣка послѣ смерти преобразователя, оно было обобрано и само предоставлено государственной и общественной благотворительности.

Другую, болѣе широкую и важную услугу отечественной цивилизаціи духовенство оказывало тѣмъ, что продолжало начатое имъ издавна дѣло распространенія и утвержденія христіанства между разными племенами и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи. Никто изъ самыхъ рьяныхъ прогрессистовъ не станетъ спорить противъ того, что христіанская вѣра, болѣе всѣхъ другихъ, располагаетъ къ цивилизаціи. Но отъ прежняго времени много еще оставалось даже во внутреннихъ областяхъ имперіи магометанъ и язычниковъ, особенно въ губерніяхъ казанской и нижегородской. Начиная съ преосвященнаго Питирима (1719) до позднѣйшаго времени духовенство дѣятельно приготавливало цивилизаціи новое поле обращеніемъ язычниковъ и магометанъ ко Христу. Съ Петра до Елисаветы включительно обра-

щено въ трехъ губерніяхъ казанской, нижегородской и воронежской около милліона. Духовенство заводило для новообращенныхъ школы; особенно много школъ открыто было въ царствованіе Елисаветы, и надержки на миссіи и на школы шли съ церковныхъ имуществъ, пока тѣ не были отобраны. Кромѣ школъ духовенство переводило на языки новообращенныхъ книги, давая полудикимъ племенамъ первые начатки и смена письменности и развитія; такъ въ 1805 г. издавъ были краткій катихизисъ съ молитвами на языкахъ татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, мордовскомъ, корельскомъ и персидскомъ, а въ 1814 г. — 1820 г. Новый Заветъ. Особенно прямо содѣйствовало успѣхамъ цивилизаціи обращеніе калмыковъ, потому что это обращеніе сопровождалось въ нихъ перемѣной ночевой бродячей жизни на осѣдную. Еще раньше вступленія Грузіи въ составъ Россіи, русская церковь уже исправляла и печатала богослужебныя книги и библію для грузинъ на ихъ языкѣ, и начала миссіонерскую дѣятельность тамъ, заводила училища среди осетинъ, и въ 1824 году было просвѣщено Евангеліемъ нѣсколько семействъ самыхъ упорныхъ кавказскихъ магометанъ Удовъ. На далекомъ сѣверѣ, у камчадаловъ, въ Сибири, въ Якутскѣ, у чукчей и самоѣдовъ, на американскихъ островахъ, вездѣ миссіонерская дѣятельность русскаго духовенства углаживала пути гражданственности; первыя школы тамъ были школы миссіонерскія, и теперь въ Новоархангельскѣ, до котораго даже неизвѣстно и разстояніе отъ нашихъ цивилизованныхъ столицъ, работами духовенства устроена духовная семинарія.

Распространяя по окружающей средѣ „истинную вѣру и неразлучныя съ нею образованность и гражданственность“

ность" (1), духовенство въ своей собственной средѣ не коснѣло въ невѣжествѣ и долго было впереди всѣхъ другихъ сословій какъ по развитію внутренняго содержанія образованія, такъ и по распространенію его по массѣ своего сословія, не смотря на самыя неблагопріятныя условія. Камеръ-контора, Департаментъ при Синодѣ, Коллегія экономіи, преименно завѣдывавшія церковными имуществами и составлявшія родъ государственнаго контроля за ихъ употребленіемъ, уже значительно затрудняли свободныя усилія духовенства къ своему просвѣщенію, не давая ему самостоятельно распоряжаться своими имуществами. Но наконецъ въ 1764 г. эти имущества были совершенно отобраны. Чтобы можно было судить о томъ, въ какой мѣрѣ государство вознаградило церковь за отобранныя духовныя имущества, мы укажемъ здѣсь соотвѣтствіе положеннаго вмѣсто имуществъ жалованья. Всѣхъ крестьянъ за всѣми монастырями и каедами, не считая Малороссію, по ревизіи 1764 года числилось 910,866 душъ, а на все духовенство вмѣсто этого коммисія положила сперва 365,203 р. т. е. по 36 коп. за душу. Не смотря однако на то, что гражданская власть своимъ вмѣшательствомъ въ церковныя имѣнія много стѣснила самостоятельность дѣйствій духовенства относительно образованія своего, вмѣсто 5 училищъ патриаршаго періода, къ 1764 г. было 26 духовныхъ училищъ и въ нихъ до 6,000 учениковъ. И послѣ отобранія имѣній на скудное жалованье и стольже скудные свои средства духовенство не только не уменьшило, а напротивъ увеличило число училищъ духовныхъ, такъ

(1) Фраза Гравовскаго. Т. 1 стр. 411.

что къ 1808 году было уже четыре академіи, 36 семинарій и 16 малыхъ училищъ. Духовный регламентъ полагалъ собирать на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній съ монастырскихъ имѣній двадцатую, а съ церковей тридцатую долю хлѣба ⁽¹⁾: но можно уже составить понятіе, въ какой мѣрѣ неудобенъ былъ этотъ сборъ. Когда отобраны были церковныя имущества въ 1764 г., то пресѣлись прежніе способы содержанія училищъ, а новые были слишкомъ скудны: на всѣ духовныя заведенія назначено было отпускать 38,000 р.; число учениковъ все-таки въ слѣдующіе 20 лѣтъ удвоилось; — по монастырямъ отыскивались и употреблялись на содержаніе училищъ остатки прежняго довольства. Средства содержанія конечно дорожали съ годами, но не въ такой же мѣрѣ, чтобы въ 40 лѣтъ отъ 1764 до 1804 г., когда Императоръ Александръ I повелѣлъ отпускать 360,000 р. асс. на духовно-учебныя заведенія, дороговизна возвысилась почти въ десять разъ. Юношество духовное тогда „по состоянію родителей скудное въ средствахъ образованія, болѣе терпѣиемо и неутомимостію, нежели обиліемъ пособій приготовлялось къ служенію церкви, въ самыхъ обыкновенныхъ степеняхъ важному“ ⁽²⁾.

Сдѣланнаго не воротишь и фактовъ исторіи, конечно, не переизменишь: но мы не можемъ оставить факта отобранія церковныхъ имуществъ безъ нѣкоторыхъ размысленій, — конечно бесполезныхъ, и сожалѣній тоже позднихъ, — тѣмъ болѣе, что по поводу статьи: *Арсеній*

(1) Регл. о епископахъ ст. 11. 12.

(2) Слова изъ рѣчи бывшаго ректора петербургской академіи, нынѣ митрополита московскаго.

Мациевич г. И. Чистовича ⁽¹⁾, высказано было насколько новыхъ мыслей объ этомъ фактѣ Р. С. Т. въ газетѣ—*День*. „Государство“, пишется въ этой газетѣ, „взяло у монастырей не только крестьянъ, но и земли съ угодьями, и самые крестьяне взяты были не съ цѣлю освобожденія, ибо тотчасъ же раздавались десятинами, чуть, не сотнями тысячъ въ частное владѣніе..... За отобранныя имущества дано было не вознагражденіе, опредѣляемое стоимостью того, что отобрано, а, такъ сказать, обязательство государства принять содержаніе духовенства на свой счетъ“... ⁽²⁾ Здѣсь въ этомъ пунктѣ исторіи русской лежитъ поворотная точка въ исторіи нашего образованія. Поступивъ на казенное содержаніе, духовныя заведенія, подобно другимъ заведеніямъ, сдѣлались на время государственными, а не ерловными, какими были, не общинными, какъ германскіе, и не коллегіями, составляющими свои самостоятельныя общины, какъ англійскіе университеты. Не беремся судить, какое бы употребленіе сдѣлало духовенство изъ своихъ имуществъ, если бы они не были отобраны; но самое лучшее, конечно, было бы, если бы часть земли, принадлежавшей 910,000 монастырскихъ крестьянъ, по надлежащемъ надѣлѣ самихъ крестьянъ, была назначена на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Тогда, можетъ быть, направленіе и вообще русскаго образованія измѣнило бы свой характеръ, и тогда не было бы тѣхъ бездушныхъ, безъ преданій, безъ славы, безъ историческихъ воспоминаній духовныхъ заведеній; можетъ быть, тогда бы церковь

⁽¹⁾ *День* № 15.

⁽²⁾ *День* № 16.

въ параллель свѣтскимъ-государственнымъ учрежденіямъ ученые выставили свои университеты, свои коллегіи, поставивъ ихъ въ тоже самое отношеніе къ казеннымъ свѣтскимъ заведеніямъ, въ какомъ находятся оксфордскій и кембриджскій университеты въ лондонскому. Два первыхъ англійскихъ университета образовались именно такимъ образомъ, т. е. владѣя собственными имуществами. Русское просвѣщеніе могло бы развиться тогда болѣе самостоятельно и болѣе широко, и безъ того антагонизма, какой существовалъ и существуетъ доселѣ между свѣтской образованностью и духовной. Государство было бы тогда въ прямой выгодѣ, потому что приобретало бы образованныхъ людей, образованіе которыхъ не стоило бы ему ни гроша, и церковь занимала бы болѣе почетное и независимое положеніе. Но, увы, много хорошаго могло бы быть сдѣлано изъ церковныхъ имуществъ, и сдѣлано было, кажется, самое худшее и самое непроизводительное употребленіе изъ нихъ; можетъ быть, сто аристократическихъ семействъ обогатились на счетъ церковныхъ имуществъ и получили обильныя средства для своей цивилизаціи, но за то обидѣло цѣлое сословіе, а государство взяло на себя новую тягость—содержать духовенство и духовно-учебныя заведенія, народъ же, особенно сельскій, лишился близкихъ ему благотворительныхъ заведеній. Но, что дѣлать, тогда уже было такое направленіе почти во всей Европѣ и у насъ, что и государственныя и сословныя и народныя интересы приносились въ жертву интересамъ высшихъ классовъ, которые одни считались имѣющими право на благоденствіе и цивилизацію.

И при всемъ томъ, что духовенство такъ обобрали,

у одного его въ 1783 году было около 15,000 учащих-ся, едва ли не болѣе, чѣмъ учащихся другихъ сословій во всей тогдашней Россіи; потому что въ это время существовалъ одинъ только университетъ и только что основана была *коммиссія для учрежденія народныхъ училищъ* въ государствѣ. За исключеніемъ высшаго богатаго и еще болѣе обогащеннаго церковными имуществами класса, которому частыя поѣздки въ чужіе края и множество чужестранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ насильно такъ сказать давали образованіе, духовенство все-таки было самымъ образованнымъ сословіемъ. „Въ XVIII вѣкѣ, когда гимназій почти не существовало, а элементарныя школы находились въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, единственный въ то время московскій университетъ оказывалъ мало вліянія на публику за недостаткомъ основательно подготовленныхъ слушателей. При Александрѣ I правильная система подготовительныхъ училищъ едва успѣла устроиться и установиться, а потому не была въ состояніи подготовить достаточное количество слушателей для университетовъ. Плоды мѣръ, предпринятыхъ при Александрѣ I для распространенія просвѣщенія, успѣли созрѣть только во второй четверти текущаго столѣтія. Въ царствованіе императора Николая было уже довольно много студентовъ, способныхъ слѣдить за высшими курсами. Тогда же во всѣхъ университетахъ заняли кафедры молодые профессора, возвратившіеся изъ-за границы, куда были посланы правительствомъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Вотъ причина болѣе зрѣлости русской публики въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ“ (1).

(1) Загѣчаніе П. Павлова — въ статьѣ *Тысячелѣтіе Россіи*, стр. 63.

Эта выдержка изъ свѣтскаго писателя освобождаетъ насъ отъ необходимости доказывать, что духовенство XVIII вѣка въ своей средѣ было болѣе образовано, чѣмъ другія сословія, исключая придворныхъ и аристократовъ.

Въ 1808 году составилаь коммисія для преобразованія духовныхъ училищъ, которая начертала новый планъ устройства ихъ и изыскала способы къ содержанію духовныхъ заведеній на счетъ свѣчныхъ суммъ. Духовныя заведенія опять получили самостоятельность заведеній сословныхъ и почти общинныхъ, хотя развитію послѣдняго характера ихъ много препятствовало и до сихъ поръ препятствуетъ то, что и на нихъ простерся централизаторскій и чиновническій характеръ управленія, заведенный для государственныхъ учебныхъ заведеній. Съ 1809 года по 1824 открыто было три академіи и преобразованы были всѣ семинаріи, и число учащихся въ продолженіи 16 лѣтъъ возрасло отъ 30,000 до 46,000, а число училищъ отъ 150 до 344. Въ 1859 году число учащихся духовнаго вѣдомства простиралось до 54,170 (*). Это возрастаніе учениковъ въ средѣ собственно духовенства даетъ знать, что одно изъ условій цивилизаціи имъ постоянно выполнялось, именно—распространеніе образованности по большому количеству лицъ, принадлежащихъ къ сословію духовному. Лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то, что въ концѣ царствованія Александра I и въ селахъ много было священниковъ, получившихъ полное семинарское образованіе, тогда какъ при Екатеринѣ бывали неученые священники и въ городахъ, что въ 1840-хъ

(*) Отчетъ оберъ-прокурора Свят. Синода за 1859 годъ.

годахъ принято за правило не поставлять во священники лицъ, не получившихъ полного семинарскаго образованія, что въ настоящее время не рѣдкость—въ городахъ не только столичныхъ и губернскихъ, а въ уѣздныхъ, даже, хотя еще рѣдко, въ селахъ—священники, получившіе академическое образованіе. Что касается до другаго условія цивилизаціи, т. е. до роста знанія въ самомъ себѣ, до развитія внутренняго содержанія цивилизаціи, то и здѣсь духовенство никогда не измѣняло своему прогрессивному характеру. Постоянно все болѣе и болѣе увеличивающееся число духовныхъ книгъ и періодическихъ духовныхъ изданій, начиная съ Камня Вѣры Стефана Яворскаго и проповѣдей Θεοφана Прокоповича, продолжая трудами Платона и Евгенія, Филарета и Иннокентія и оканчивая послѣдними трудами Макарія харьковскаго и Филарета черниговскаго, служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ связаннаго нами. Въ 1821 году существовалъ одинъ только духовный журналъ во всей Россіи; съ тѣмъ поръ до 1862 г. число періодическихъ духовныхъ изданій увеличилось до 11, не включая въ это число епархіальныхъ вѣдомостей, издающихся въ нѣсколькихъ епархіяхъ. Стоитъ сравнить любыя епархіальныя вѣдомости съ любыми губернскими, чтобы понять, гдѣ больше разсѣяно образованія, въ губернскомъ ли духовенствѣ, или въ свѣтскомъ губернскомъ обществѣ въ настоящее время. Духовенство занималось не однимъ только развитіемъ богословской науки; наука свѣтская, особенно русская исторія и отрасли знанія философскаго и классическаго, находили много способныхъ и усердныхъ дѣятелей, не только слѣдившихъ за свѣтской наукой и ея успѣхами, а самостоятельно и самодѣятельно способ-

ствовавшихъ въ дальнѣйшія успѣхамъ. Изъ множества лицъ, потрудившихся для литературы свѣтской, достаточно вспомнить имена митрополита Евгенія, переводчика Мартынова, Павскаго и Карпова и многихъ другихъ владчиковъ, въ родѣ Іакинѳа, Голубинскаго, Юрковича, Надеждина, Кедрова, Новицкаго. „С. Петербургская, наприябрь, Академія“, — мы приводимъ слова проф. И. А. Чистовича изъ рѣчи его 17 февраля 1859 года, — „въ продолженіи 50 лѣтъ дала прочимъ академіямъ и семинаріямъ болѣе тысячи наставниковъ... Не менѣе отрадное явленіе представится нашему взору, когда мы вспомнимъ труды и заслуги здѣшнихъ воспитанниковъ, посвятившихъ себя на служеніе алтарю Господню. Нѣтъ ни одной самой высокой чреды духовнаго служенія, на которой бы академія не видѣла своихъ воспитанниковъ. Члены святѣйшаго правительствующаго Синода и присутствующіе въ немъ, первостоятели старѣйшихъ епитимельскихъ кафедръ новгородской и кievской, наставники въ семействахъ государей, многие архіепископы, законоучители университетовъ, лицеевъ, академій, институтовъ, училища правовѣденія и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ украшаютъ собою списки воспитанниковъ с. петербургской духовной академіи. Въ столицахъ европейскихъ государствъ наши священники служатъ достойными представителями нашего духовнаго сословія и духовнаго образованія. Они приобрѣли уваженіе отъ иностранныхъ правительствъ и иностраннаго духовенства, являясь даже для пристрастнаго суда вполне достойными своего званія... Въ Іерусалимѣ и на Афонѣ, въ отдаленныхъ государствахъ Японіи и Китая духовные воспитанники академіи съ честью и успѣхомъ исполняютъ возложен-

ныя на нихъ порученія. Наконецъ, многіе изъ ея воспитанниковъ, занимая скромныя мѣста священнослужителей въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, представляютъ собою утѣшительное явленіе истинно образованныхъ пастырей и учителей православнаго народа, особенно отрадное при воспоминаніи о томъ, какъ живо чувствовалась въ прежнее время потребность въ *учительныхъ* пастыряхъ. Вліяніе академіи простиралось и за предѣлы Россіи. Въ духъ той тѣсной связи и того живаго участія, которыя всегда соединяли русскую церковь съ единовѣрными ей церквами Греціи, Сиріи и южнославянскихъ странъ, академія съ любовію принимала на свое попеченіе образованіе молодыхъ людей, предназначенныхъ заботливостію представителей тамошняго православнаго духовенства на служеніе святой Церкви въ качествѣ наставниковъ духовнаго юношества и ученыхъ защитниковъ православія. Считаая образованіе юношества главнымъ своимъ назначеніемъ, академія однакожь не ограничивала своей дѣятельности трудами и предѣлами школы. На ней лежитъ долгъ содѣйствовать великому дѣлу церкви распространеніемъ духовнаго просвѣщенія во всѣхъ классахъ и сословіяхъ общества, уясненіемъ для нихъ предметовъ христіанскаго вѣроученія, устройеніемъ изъ нравственныхъ понятій и убѣжденій, обличеніемъ или опроверженіемъ заблужденій или только обольщеній, разсѣваемыхъ противниками истиннаго ученія. Съ другой стороны, развивая свою дѣятельность въ постоянномъ и живомъ соприкосновеніи съ представителями современнаго образованія, академія всегда принимала участіе въ умственномъ движеніи и стремленіяхъ образованнаго общества, выражая это участіе разработкою тѣхъ

наукъ и отраслей знанія, которыя входятъ въ кругъ ея занятій... Не выступая изъ предѣловъ, указываемыхъ самою цѣлю академическаго образованія, академія старалась дать своимъ воспитанникамъ полное умственное и нравственное образованіе, — старалась развить въ нихъ самостоятельное мышленіе, приучить къ умственному труду и возбудить стремленіе къ постоянному самоусовершенствованію, заботясь въ тоже время объ укорененіи въ ихъ душѣ нравственныхъ убѣжденій, составляющихъ основу нашей жизни, и о внушеніи имъ того духа порядка, который бы потомъ могъ сроднить ихъ съ всякимъ мѣстомъ и положеніемъ въ обществѣ. Изучая во всемъ пространствѣ православное богословіе и судьбы христіанской Церкви, они въ тоже время и съ такою же основательностію знакомятся съ предметами общаго образованія, выслушивая полный высшій курсъ наукъ философскихъ, словесныхъ, историческихъ, физико-математическихъ и древнихъ и новѣйшихъ языковъ... Объ успѣхѣ, съ которымъ достигается собственно нравственная цѣль образованія, невозможно судить съ такою же опредѣленностію, какъ о плодахъ умственнаго образованія. Ученые труды, явленія ума подлежатъ вышней оцѣнкѣ, но нравственная жизнь и нравственное вліяніе на общество большею частію незримо для вышняго наблюдателя. Посему несправедливо было бы требовать отъ духовнаго воспитанія такихъ же видимыхъ плодовъ и такого же осязательнаго примѣненія, какихъ нужно требовать отъ обыкновенной учености и отъ разработки наукъ, имѣющихъ предметомъ вышнюю жизнь человѣка или вышній бытъ общества“ (1). Что

(1) Христ. Чт. 1859 г. № 3.

почтенный профессор говорилъ здѣлшней академіи, то съ равною силою должно быть сказано о другихъ, и хотя съ меньшею о семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ. Всѣ они распространяли массу знаній по словію своему, и всѣ, а особенно академіи, способствовали и способствуютъ приращенію знанія въ самомъ себѣ.

Стремясь образовать себя, духовенство наше, не смотря на разныя неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, не смотря на крайнюю скудость средствъ матеріальныхъ, постоянно увеличивало число воспитанниковъ въ своихъ заведеніяхъ, постоянно развивало науку въ самой себѣ, внося новые предметы въ кругъ семинарскаго и академическаго образованія, часто, какъ напр. медицину и сельское хозяйство, именно съ цѣлію способствовать общему народному благосостоянію. Исключая столицъ и особенно-многолюдныхъ губернскихъ городовъ, число духовныхъ воспитанниковъ въ семинаріяхъ превышаетъ число учениковъ губернскихъ гимназій. Кромѣ того духовенство уже съ довольно давняго времени воспитываетъ въ своихъ заведеніяхъ большее количество молодыхъ людей, чѣмъ какаго требуютъ его прямыя сословныя потребности, и, какъ увидимъ, при самыхъ настоятельныхъ нуждахъ въ образованныхъ священнослужителяхъ отпускало своихъ воспитанниковъ въ другія сословія, и такимъ образомъ распространяло цивилизацію и образованность не только въ своей собственной средѣ, но и по другимъ сословіямъ. Объ этой услугѣ духовенства отечественному образованію мы и намѣрены теперь говорить. Въ древнія времена монастырскія школы были единственными распространителями грамотности въ Россіи, какъ мы и замѣтили въ

первой своей статьѣ. Со времени Петра I завелись и школы свѣтскія, но церковь не отказалась совершенно отъ своего древняго обычая — просвѣщать желающихъ учиться въ ея училищахъ. Въ 1721 году учреждена была при александровскомъ монастырѣ словенская александровская школа, превратившаяся послѣ разныхъ видоизмѣненій въ нынѣшнюю с. петербургскую духовную академію; это новое учебное заведеніе не ограничивало своей дѣятельности чисто сословными интересами: въ немъ учились не одни духовные мальчики, а даже *большую частію* дѣти канцелярскихъ чиновниковъ и монастырскихъ служителей, дѣти дворянскіе и купеческіе, одинъ индеецъ и одинъ калмыкъ, хотя школа содержалась на счетъ монастыря. Монастырская типографія, заведенная въ 1720 году, не только снабжала свою школу учебными книгами, но „общей ради въ великороссійскомъ народѣ пользы“ во всей Россіи разсылала буквари, богослужебныя, священныя и отчасти богословскія книги. Обученіе *разночинцевъ*, не принадлежащихъ къ духовному сословію, продолжалось въ этой александровской школѣ во все продолженіе XVIII столѣтія, и тогда, значитъ, когда школа переименована была сперва въ семинарію, потомъ въ академію; количество разночинцевъ обучаемыхъ простиралось отъ 30 до 60 (1). Не смѣемъ утверждать, но очень вѣроятно, что и другія провинціальныя духовныя училища XVIII вѣка тоже воспитывали лицъ другихъ сословій; по крайней

(1) Большія подробности касательно этой школы можно извлечь изъ Исторіи С. Петербургской Духовной Академіи, И. Чистовича. Главнымъ образомъ этия сочиненіемъ пользовался составитель настоящей статьи, при указаніи историческихъ данныхъ касательно перехода духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтскія сословія и заведенія.

мѣръ, это несомнѣнно въ отношеніи къ кіевской академіи.

Раньше еще половины прошлаго вѣка начался переходъ лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, въ заведенія свѣтскія или въ свѣтскую службу, иногда по распоряженію правительства, иногда по собственному желанію. Будущій историкъ русской цивилизаціи оцѣнить должнымъ образомъ эту услугу, оказанную духовными училищами XVIII в. отечественному просвѣщенію; мы съ своей стороны замѣтимъ только, что въ ту пору и умвѣющихъ учить и желающихъ учиться было очень мало. Петръ I не даромъ запрягалъ безграмотнымъ дворянамъ жениться; Сундукъ славы указы за указами, чтобы священники представляли своихъ сыновей въ школы. Въ это время, понятно, какъ дороги были не только сколько нибудь образованные, а просто грамотные люди! Длинный рядъ духовныхъ воспитанниковъ, перешедшихъ въ свѣтское званіе со второй четверти XVIII в. до нашего времени, открываетъ *Григорій Тепловъ*, одинъ изъ учениковъ школы Θεοφана Прокоповича, основанной имъ по желанію Петра Великаго. По смерти Θεοφана, Тепловъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ; выучившись здѣсь естественнымъ наукамъ и получивъ званіе адъюнкта, какъ надзиратель за воспитаніемъ молодого графа Разумовскаго, онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ по западной Европѣ. Потомъ, когда графъ въ 1745 году сдѣланъ былъ президентомъ академіи наукъ, Тепловъ много содѣйствовалъ ему въ дѣлѣ преобразованія академіи, составивъ „*Новый академическій регламентъ*“; при Екаторинѣ II онъ былъ ея статсъ-секретаремъ. Годъ спустя послѣ Теплова, другіе два ученика Θεοφановой

школы, дѣти радовыхъ, *Протасовъ* и *Котельниковъ*, поступили также въ академію наукъ и были ея членами. *Протасовъ* извѣстенъ въ исторіи отечественнаго образованія, какъ лицо, завѣдывавшее выборомъ статей изъ иностранныхъ газетъ для русскихъ вѣдомостей и книгъ для перевода на русскій языкъ; онъ самъ участвовалъ въ переводѣ естественной исторіи Бюффона и въ составленіи словопроизводнаго Русскаго Словаря. *Котельниковъ* тоже былъ академикомъ, бібліотечаремъ при академіи наукъ и участвовалъ въ составленіи всѣхъ шести частей Россійскаго Словаря. Третій ученикъ изъ школы *Феофана Макс. Бодановъ* поступилъ въ сухопутный госпиталь для изученія хирургіи.—Переходъ этотъ духовныхъ воспитанниковъ въ свѣтское званіе чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше усиливался. Причина понятна: послѣ отобранія церковныхъ имуществъ, духовенство обѣднѣло, жалованье наставникамъ семинарій и академій производилось самое ничтожное и во всякомъ случаѣ далеко меньшее, чѣмъ какое государство назначало для наставниковъ своихъ учебныхъ заведеній и для служащихъ въ гражданской службѣ. Самые даровитые, самые энергическіе и предприимчивые изъ духовныхъ воспитанниковъ выходили, если только они раньше не поступали въ монашество, изъ духовнаго званія искать счастья и почестей въ свѣтскомъ. Такимъ образомъ изъ посланныхъ въ 1765 г. въ оксфордскій, геттингенскій и лейденскій университеты четырнадцати воспитанниковъ духовныхъ, *Ровановъ*, обучавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, потомъ бывший наставникомъ въ здѣшней семинаріи, вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу, *Клевещкій*, обучавшійся въ лейденскомъ университетѣ, тоже оставилъ духов-

ное званіе и надалъ (въ 1773 г.) руководство по географіи и ландкарты съ присовокупленіемъ общихъ правилъ ариѳметики; — *Ниситинъ*, обучавшійся въ оксфордскомъ университетѣ, опредѣлился въ морской кадетскій корпусъ сперва профессоромъ, а потомъ инспекторомъ, и наконецъ (съ 1783) былъ членомъ российской академіи; — *Суворовъ*, тверской семинаристъ, удостоенный оксфордскимъ университетомъ рѣдкой для иностранца чести — званія магистра, по возвращеніи перешелъ на службу въ морской кадетскій корпусъ для обученія кадетовъ математикѣ, мисологіи, географіи, англійскому языку и словесности, потомъ поступилъ въ московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ и оставилъ много собственныхъ сочиненій и переводовъ.

Очень много духовныхъ воспитанниковъ до окончанія и по окончаніи семинарскаго или академическаго курса поступило въ свѣтскія заведенія по распорядженію гражданскаго начальства. Такъ въ 1747 г., по регламенту академіи наукъ, написанному, какъ мы уже говорили, гр. Тепловымъ, учрежденъ былъ при ней институтъ для 30 воспитанниковъ. Президентъ гр. Разумовскій, облеченный правомъ набрать воспитанниковъ, откуда ему будетъ угодно, безъ сомнѣнія, по указанію Теплова остановилъ свое вниманіе на воспитанникахъ здѣшней и новгородской семинарій и московской академіи и вытребовалъ изъ нихъ по десяти человекъ, не смотря на противодѣйствіе Свят. Синода и арміенископа петербургскаго Θεодосія, дороживащихъ хорошими воспитанниками. Изъ вытребованныхъ нѣкоторые въ XVIII в. приобрѣли литературную известность; такъ напримѣръ Ст. Як. *Разумовскій* былъ ординарнымъ профессоромъ въ академіи наукъ, вице-президентомъ

ся, членомъ главнаго управленія училищъ и попечителемъ казанскаго университета, и оставилъ много сочиненій и переводовъ по исторіи, математикѣ и астрономіи; Изв. Барновъ, состоявшій переводчикомъ при академіи наукъ, перевелъ Горациевы сатиры (1763 г.), составилъ „Русскую Исторію“ (неизданную), написалъ „Жизнь Кантемира“, перевелъ „Федровы басни“ (1764 г.) и Гольбергову „Универсальную исторію“ (1766). Конечно, многіе изъ сочиненій и трудовъ бывшихъ духовныхъ воспитанниковъ въ настоящее время имеютъ цѣну только для археолога и историка; но въ свое время они удовлетворяли живымъ и насущнымъ потребностямъ начинавшаго свое образованіе русскаго общества. Въ 1762 г. вытребованы были въ коллегію иностранныхъ дѣлъ два воспитанника здѣшней семинаріи для наученія языковъ—китайскаго и манжурскаго, потому въ 1770 г. также вслѣдствіе требованія еще поступило двое. Вообще въ XVIII в. былъ такой порядокъ: лишь только гражданское правительство открывало то или другое заведеніе, всегда обращалось за первыми учениками въ духовныя училища. Слѣдующіе факты оправдаютъ наше общее замѣчаніе.

До 1762 г. правительство гражданское заводило большую часть *спеціальными* школы, какъ напр. кадетскіе корпуса; съ этого года начали заботиться объ *общемъ* народномъ образованіи. Учреждена была *комmissia* для *основанія* народныхъ училищъ. Въ четыре слѣдовавшихъ за учрежденіемъ комиссіи года, столько было вытребовано ею воспитанниковъ изъ одной здѣшней семинаріи, что высшіе классы почти опустѣли и митрополитъ Гавріилъ затруднялся въ приисканіи достойныхъ и способныхъ людей къ занятію священническихъ и діаконскихъ мѣстъ

въ своей епархіи. Сряду же послѣ своего учрежденія (въ 1783 г.) комиссія вытребовала, съ высочайшаго соизволенія, двадцать воспитанниковъ изъ здѣшней семинаріи для приготовленія ихъ къ учительскимъ должностямъ въ народныхъ училищахъ столицы. Такимъ образомъ духовенство подставило первыхъ учителей для кнѣжскихъ столичныхъ уѣздныхъ школъ и гимназій; къ духовнымъ же семинаріямъ прибѣгла комиссія, когда вздумала устроить училища въ прочихъ городахъ имперіи и съ цѣлью приготовленія учителей для оныхъ открыла въ Петербургѣ *главное народное училище*. Училище это было наполнено главнымъ образомъ воспитанниками духовныхъ семинарій; ихъ вытребовали въ числѣ 142-хъ человекъ. Брали даромъ, а между тѣмъ требовали, чтобы *высылаемые воспитанники были „не моложе 18 лѣтъ, одарены хорошею способностію и прілежностію, были хорошаго поведенія и отличались способностію передавать другимъ знанія“*, слѣдовательно требовали, чтобы посланы были лучшіе семинарскіе воспитанники. Эти 142 ученика, вызванныхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, посланы были учителями въ тѣ народныя школы, которыя открыты были въ 1786 г. въ 25 губерніяхъ. Для низшихъ народныхъ школъ въ этихъ губерніяхъ еще было вытребовано сорокъ семинаристовъ. Съ отдѣленіемъ отъ главнаго народнаго училища *учительской семинаріи*, требованія какъ въ нее, такъ и въ другія свѣтскія учебныя и воспитательныя заведенія продолжались; въ 1794 году вытребовано было пятьдесятъ семинаристовъ. Требованія были такъ часты, что духовное начальство не всегда было въ состояніи удовлетворять онымъ. Такъ въ 1804 г. на отношеніе графа Завадовскаго о высылкѣ изъ здѣшней

академіи пяти воспитанниковъ въ замѣщенію вакантныхъ мѣстъ въ низшихъ классахъ здѣшнихъ народныхъ училищъ, митрополитъ Амвросій принужденъ былъ отвѣтить, что не можетъ исполнить этого требованія, потому что въ академіи состоитъ небольшое количество студентовъ.

Въ 1786, вслѣдствіе прошенія медицинской коллегіи, Синодъ разрѣшилъ отпущать академическихъ и семинарскихъ воспитанниковъ въ медицинскія училища. Вслѣдствіе этого распоряженія, многіе воспитанники семинарій переходили въ медицинскія училища, которыя въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія наполнялись почти исключительно семинаристами. Въ 1797 послѣдовало высочайшее повелѣніе ежегодно отправлять изъ семинарій въ московскую и петербургскую медико-хирургическія академіи до 50 воспитанниковъ. Кромѣ этихъ пятидесяти, ежегодно поступающихъ, многіе изъ семинаристовъ, по особенной склонности къ медицинскимъ наукамъ, а можетъ быть надѣясь получше устроить свою судьбу въ званіи лекарей, чѣмъ оставаясь въ духовномъ сословіи, еще до окончанія семинарскаго курса оставляли духовныя заведенія—для перехода въ медицинскія. Медицинская академія и до и послѣ своего преобразованія (въ 1799 г.) охотно принимала духовныхъ воспитанниковъ, потому что съ возобновеніемъ морскихъ и сухопутныхъ штатовъ имѣла большой недостатокъ въ медикахъ, и по прежнимъ опытамъ надѣялась найти въ нихъ хорошо приготовленныхъ студентовъ. Дѣйствительно изъ духовныхъ воспитанниковъ, обучавшихся въ академіи, многіе приобрѣли въ послѣдствіи ученую извѣстность и имена ихъ не забудутся въ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи. Изъ

нихъ между прочимъ были: Д. М. *Велланскій*, М. *Муромъ*, Я. К. *Кайдановъ*, *Грамовъ*, *Бутковъ*, *Шамлеванскій*, *Енозина*. Множество современныхъ, военныхъ и гражданскихъ, врачей, разсыянныхъ по Россіи, получили первоначальное, общее образование въ духовныхъ семинаріяхъ.

Духовенство въ выборѣ званія вообще не стѣсняло своихъ воспитанниковъ. Напримѣръ митр. Гавриилъ предоставлялъ окончившимъ курсъ въ главной духовной семинаріи полную свободу съ однимъ только ограниченіемъ, чтобы присланные изъ другихъ епархій по окончаніи курса прослужили два года въ здѣшней или въ своей мѣстной семинаріи. Снисходительность простиралась до того, что нѣкоторые воспитанники для большей удобности прискаты мѣсто въ гражданской службѣ, просили митрополита назначить имъ болѣе легкие предметы, и онъ удовлетворялъ ихъ просьбамъ. Въ разные времена много перешло такимъ образомъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, и между ними мы встречаемъ такихъ, которыхъ имена не забудутся въ исторіи отечественнаго образованія и отечественной литературы. Такъ напримѣръ изъ воспитанниковъ здѣшней академіи, бывшихъ потомъ наставниками въ ней, были: *Ив. Ив. Мартыковъ*, переводчикъ классиковъ, котораго труды по этой части большою частию еще на сѣбѣ ны болѣе новыми и совершенными, извѣстный литераторъ и журналистъ, издававшій „Музу“ и „Сѣверный Вѣстникъ“; *Алексан. Степ. Лубкинъ*, изъ наставниковъ здѣшней семинаріи перешедшій экстраординарнымъ профессоромъ въ казанскій университетъ, составившій начертаніе логики и переведшій философію Сократа; *Петр. Анд. Соловьевъ*, преподававшій краснорѣчіе въ здѣшней

семинариі, потомъ директоръ иркутской гимназіи и литератора, *Алексискій*—тоже литераторъ, и *Илличевскій*—бывшій томскій губернаторомъ.—Наконецъ изъ числа духовныхъ же воспитанниковъ и здѣшнихъ академическихъ наставниковъ вышелъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ отечественныхъ государственныхъ людей, оказывавшійся мастеромъ во всякомъ дѣлѣ, какое только поручалось ему, котораго исполненная трудовъ и превратностей жизнь читается съ такимъ же удовольствіемъ, какъ хорошій романъ, и котораго проекты государственныхъ преобразованій—многіе выполнены, а другіе еще ожидаютъ выполненія,—графъ М. М. Сперанскій. Въ 1796 году онъ оставилъ академію и всю остальную свою жизнь, исключая времени его опалы, посвятилъ общественному преуспѣванію отечества. Указывать, сколько добра сдѣлалъ для Россіи и ея цивилизаціи этотъ бывшій владимірскій семинаристъ и профессоръ здѣшней академіи во время службы своей въ Сибири и Петербургѣ, мы считаемъ излишнимъ; мы обратимъ вниманіе читателей только на слѣдующую его мѣру.

Подобно Теплову обязанный своимъ возвышеніемъ вліянію одного вельможи и безъ этого, подобно многимъ семинаристамъ и студентамъ духовныхъ академій, кончившій бы можетъ быть свою гражданскую службу безвѣстно, М. М. Сперанскій, заботясь „положить основаніе наукъ россійскаго правовѣдѣнія въ русскихъ университетахъ“ (1), остановилъ свое вниманіе, какъ и поименованный предшественникъ его, на духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Это было въ 1828 г. По рас-

(1) Собственныя слова Сперанскаго. См. *Сочин. Неволина*. 1857 г. Т. 1, стр. VII, предисловіе.

порядженію Сперанскаго тогда вызвано было по трое лучшихъ воспитанника изъ здѣшной и московской академій. На четвертой недѣлѣ великаго поста, тридцать четыре года назадъ, во 2-мъ отдѣленіи Императорской канцеляріи Сперанскій говорилъ представленнымъ ему студентамъ академій: „ваше назначеніе самое высокое; отъ васъ Государь ожидаетъ очень многого; я не скрою отъ васъ, что вы или нѣкоторые изъ васъ, которые лучше успѣютъ, должны сдѣлаться въ Россіи лучшими профессорами правовѣднія; впрочемъ всѣ вы должны успѣть такъ, чтобы сдѣлаться профессорами.“ Потомъ въ паску того же года, когда они явились съ поздравленіемъ, Сперанскій сказалъ имъ: „вы должны положить основаніе наукъ россійскаго правовѣднія. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо въ университетахъ по-длинно по ученому, а не по приказнически. Итакъ употребите все стараніе. Ну, „заключилъ онъ“, теперь вы знаете, гдѣ я живу, относитесь ко мнѣ, въ чемъ будете имѣть нужду; я не могу и не долженъ вамъ от-называть, да и не хочу.“ Ихъ отправили скоро въ Берлинъ. „Такъ какъ посланные въ прошломъ (1828 г.) студенты оправдали въ полной мѣрѣ выборъ ихъ и назначеніе, какъ нравственнымъ поведеніемъ, такъ и успѣхами“, — писалъ Сперанскій къ митрополиту Серафиму, — „то Государь Императоръ, принявъ съ благоволеніемъ таковой выборъ и приказавъ отправить сихъ студентовъ для окончательнаго образованія въ берлинскій университетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣть соизволилъ отнести къ митрополитамъ московскому и с. петербургскому объ избраніи изъ московской и с. петербургской академій по три новыхъ студента

для тойже цѣли“ (1). Вновь избранные также отправлены были въ берлинскій университетъ и вмѣстѣ съ прежними начали свои занятія подъ руководствомъ знаменитаго ученаго Савиньи. Можетъ быть, вялые, неразвязные, запуганные и робкіе—эти духовные воспитанники на первыхъ порахъ не производили такого сильнаго впечатлѣнія на своихъ иноземныхъ профессоровъ, какое производятъ за-границей нынѣшніе бойкіе и самоувѣренные, русскіе студенты—физики и химики, „которыми наполненъ Гейдельбергъ и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впоследствии удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью, которые, не умѣя отличить кислорода отъ азота, исполнены однако отрицанія и самоуваженія“ (2). По окончаніи своего ученія за границей, бывшіе духовные воспитанники возвратились въ отечество и оказали несомнѣнную пользу отечественной наукѣ. Сначала Сперанскій хотѣлъ было оставить ихъ на службѣ при 2 отдѣленіи канцеляріи Его Величества и въ тоже время профессорами при здѣшнемъ университетѣ: но министерство народнаго

(1) Исторія С.П.Б. Д. академіи, стр. 388, 389.

(2) Русскій Вѣстн. 1862 г. кн. 2-ая стр. 662. Снимаемъ съ себя отвѣтственность за такой строгій приговоръ; онъ произнесенъ писателемъ свѣтскимъ—именно Тургеневымъ. Этотъ повѣсть и въ его прежнихъ твореніяхъ и въ послѣднемъ, изъ котораго мы и взяли приведенныя слова, вмѣстѣ съ другими русскими повѣстями, служить доказательствомъ высказаннаго нами въ первой статьѣ мнѣнія, что литература восприимчивою цивилизаціи обнаруживаетъ свою самостоятельность раньше всего въ поэзіи. Святую правду о направленіи и состояніи образованнаго нашего общества высказываютъ у насъ издавна поэты, а потомъ уже она подхватывается публицистами и утрачивается ими.

просвѣщенія настояло на томъ, чтобы разослать этихъ профессорами по разнымъ русскимъ университетамъ. Въ исторіи отечественныхъ университетовъ не забудутся имена И. И. Крылова и С. И. Орнатскаго, орд. профессоровъ московскаго университета, А. А. Седомов-Чеховскаго и С. О. Бюродекаго, орд. профессоровъ кіевскаго университета, А. В. Кулицича, орд. профессора и декана харьковскаго университета, и наконецъ самаго знаменитаго русскаго законовѣда К. А. Неволлина, орд. профессора сперва кіевскаго, а потомъ петербургскаго университета. *Энциклопедія Законоисденія Неволлина*, — сочиненіе, которому подобнаго не было въ то время не только на нашемъ языкѣ, но котораго въ такомъ объемѣ не представляла да и теперь еще не представляетъ ниодна иностранная литература (1), — вслѣдствіе разбора ея въ нѣмецкомъ лейпцигскомъ журналѣ приобрѣла славу автору въ Германіи и Голландіи и вызвала отъ него полный уваженія отъ учителя его Савиньи. Къ праху Неволлина, скончавшагося 1855 г. „*ме заростетъ трава*“, протоптанная провожавшими его почитателями и учениками; имя его будутъ прозвонять съ уваженіемъ отдаленные — будущіе русскіе законовѣды. — Рядъ лицъ, уступленныхъ духовными академіями университетамъ отечественнымъ, достойно заканчиваетъ П. Юревичъ. — Оставляя эти фактическія указанія, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Едва ли когда нибудь будетъ возможность опредѣлить количество лицъ, послѣ Петровой реформы вышедшихъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, — лицъ, которые получили или только начали свое образованіе въ духовныхъ

(1) Отзывъ опять не нашъ. См. Сочин. Неволл. Предисл. стр. XIII.

завершить и на средства духовности, потому употребили свои способности и свои знания на пользу свѣтской науки и свѣтскому обществу. Не многихъ имъ поименовали, имена другихъ опустили, чтобы не вдаваться въ большія частности, наконецъ большая часть именъ такихъ лицъ намъ неизвестна, — да простятъ они намъ наше незнание относительно ихъ неблагодарныхъ, но честныхъ и посылныхъ услугъ русской цивилизации, точно также какъ мы прощаемъ тѣхъ изъ нашего же сословія вышедшихъ литераторамъ, которые, стыдясь какъ будто своего происхожденія и жала по видимому замаскировать его, находятъ особенное удовольствіе и славу для себя — заочно глумиться надъ Вѣрой и духовенствомъ, называя Вѣру — суевѣріемъ и баснями, а духовенство — старосбродической кашей и темнымъ царствомъ, въ которое не впроникаетъ ни одинъ лучъ свѣта и новаго знанія. Много есть въ настоящее время семействъ, принадлежащихъ къ свѣтскому цивилизованному обществу, которые своими семействами только даютъ знать, что первый цивилизованный предокъ ихъ былъ кутейникъ или семинаристъ. Лица съ семействами, произведенными отъ православныхъ праздниковъ, отъ селъ съ церквами, отъ греческихъ и латинскихъ словъ (смотрители нашихъ училищъ, любиміе и знавшіе эти языки, любили часто показывать свое вдохновеніе и остроуміе — въ назначеніи вновь привозимыхъ ученикамъ латинскихъ и греческихъ фамилій: каллистовыхъ, аристовыхъ, аргентовыхъ, глыаровыхъ и т. п.), отъ наименованій духовныхъ должностей (дяконовыхъ, поповыхъ, діаконовыхъ), много можно найти въ современномъ цивилизованномъ свѣтскомъ обществѣ и между литераторами, и между профессорами университетовъ, меж-

ду докторами, между студентами медицины и университетов, между воспитанниками гимназий, и между чиновниками—начинал съ департаментовъ, продолжая разными палатами, правлениями, удѣльными конторами и оканчивая стаціонными смотрителями и письмоводителями становыхъ: навѣрно уже гораздо больше въ нашемъ образованномъ обществѣ лицъ съ такого рода семействами, чѣмъ съ семействами нѣмецкими и французскими, хотя у насъ и принято за правило приписывать развитіе и успѣхи послѣ-петровской цивилизаціи заморскимъ наставникамъ. Фактъ—очень знаменательный для историка нашей цивилизаціи, и тѣмъ страннѣе для насъ слѣдующее явленіе въ современной литературѣ. Лицъ грязныхъ, пропитанныхъ началами трактирной цивилизаціи, вошло въ нѣкоторыхъ журналахъ, очень распространенныхъ къ несчастію, въ обычай называть семействами, произведенными отъ праздниковъ и молитвъ церковныхъ. Да проститъ Господь это глумленіе и надъ народной святыней и надъ главными, можетъ стать, дѣятелями отечественной цивилизаціи, а публика пусть продолжаетъ восхищаться такимъ дешевымъ остроуміемъ своихъ современныхъ просвѣтителей и любимцевъ! Надѣмся, наступитъ время, когда читающая публика будетъ повзыскательнѣе, остроуміе писателей—поостроумнѣе и поглубже, и когда наконецъ знакомство съ судьбами русской послѣ-петровской и до-петровской цивилизаціи пошире и пообстоятельнѣе. Тогда, можетъ быть, даже не *можетъ быть* только, а тогда *безъ сомнѣнія* отдадутъ должное и цивилизаторской дѣятельности отечественнаго духовенства, тогда семейства николевскихъ, троицкихъ, успешскихъ, аргентовыхъ и авроринскихъ и т. п. перестанутъ въ лицахъ свѣтскихъ вызывать аристокра-

тическо-саркастическую улыбку, а лица, носящія подобныя прозвища, не будутъ больше краснѣть и стыдиться своихъ праздничныхъ и грево-латинскихъ фамилій, какъ какого нибудь преступленія. Можетъ быть— вслѣдъ за болѣе точнымъ знакомствомъ съ судьбами и двигателями отечественной цивилизаціи—и наши будущіе беллетристы лучшихъ лицъ въ своихъ будущихъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ назовутъ вознесенскими, поповыми или влючаревыми, и на такихъ-то лицахъ съ такими фамиліями, какъ на самыхъ поэтическихъ и самоотверженныхъ труженикахъ просвѣщенія и исповѣдникахъ гуманности,—будутъ отдыхать и сами писатели и ихъ будущіе читатели...

(Продолженіе будетъ).

И С Ц Ъ Л Е Н І Я

ПО МОЛИТВАМЪ КЪ СВЯТИТЕЛЮ ТИХОНУ,
ЗАДОНСКОМУ И ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦУ.

XXVI.

Города Задонска, купеческая вдова Анисія Михайлова Дмитриева, 38-ми лѣтъ отъ роду, живущая въ улицѣ Одноличкѣ, получила исцѣленіе отъ святителя Тихона слѣдующимъ порядкомъ: въ 1856 году заболѣла у нея правая нога, и, не смотря на лечение, покрылась вся глубокими и большими ранами. Врачи предлагали ей, какъ послѣднее средство, отнять ногу, но Анисія на это не согласилась. Потомъ болѣзнь перешла на лѣвую ногу и на обѣ руки. Раны на всѣхъ этихъ членахъ были ужасны; во многихъ мѣстахъ изъ-за нихъ виднѣлись кости. Болѣзнь продолжалась пять лѣтъ. 18-го іюня 1861 года, во время бывшаго въ Задонскѣ большаго пожара, сгорѣлъ ея домъ и все имущество. Помѣстившись въ шалаши, устроенномъ на пепелищѣ, она особенно скорбѣла о сгорѣвшемъ образѣ святителя Тихона, предъ которымъ въ молитвѣ и слезахъ, во все время болѣзни, находила единственное утѣшеніе. 30-го іюля увидѣла она въ полуснѣ, и какъ бы наяву, въ прославленномъ видѣ святителя Тихона, который вошелъ

къ ней въ свѣтительской мантии, со Святыми Дарами въ рукахъ. Свѣтитель предсказалъ, что скоро она будетъ здорова и далъ ей причастіе Святыхъ Даровъ. Въ ту же минуту проснувшись, больная почувствовала уже значительное облегченіе, а въ слѣдующіе за тѣмъ шесть дней всѣ раны ея чудодѣйственно зажили, и къ ней возвратились слова силы и здоровья. (Объявлено и записано 1-го сентября 1861 года).

XXVII.

Тамбовской губерніи, города Липецка мѣщанинъ Максимъ Алексѣевъ, 1-го сентября 1861 года, привезъ въ Задонскій монастырь четырех-лѣтняго сына своего Василія, который съ колыбели тяжело страдалъ отъ каменной болѣзни, не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью. Въ этотъ же день, на всенощномъ богослуженіи и потомъ на молебнѣ, Алексѣевъ молилъ свѣтителя Тихона и сыну внушалъ молитвы объ исцѣленіи отъ болѣзни. Свѣтлый угодникъ Божій скоро услышалъ общую ихъ молитву: въ ночь на 2-е сентября у дѣтати безъ всякой боли вышелъ камень и болѣзнь прошла. (Заявлено и записано 2-го сентября).

XXVIII.

Города Бивца, пригородной слободы Ольшанца, одесурская вдова Анжелика Кондратьева Волычева, 60-ти лѣтъ отъ роду, живущая въ самой слободѣ, въ 1866 году, въ свѣдѣніе тяжелой болѣзни, лишилась употребленія нога. Только не помнить, и то съ большимъ трудомъ, она могла переходить отъ одного стула до другого. Замѣчательна вѣра ея! Она всю жизнь свою питала глубокое уваженіе къ свѣтителю Тихону, и въ бе-

лѣзни отъ него ожидала врачеванія. Вскорѣ по открытіи честныхъ его мощей, ей видѣлось во снѣ, что она со слезами молитъ новопрославленнаго святителя объ исцѣленіи ногъ отъ болѣзни и что онъ точно исцѣлѣлъ ихъ. Проснувшись, больная дѣйствительно нашла себя здоровою и стала свободно ходить. Въ теченіи двухъ первыхъ дней сентября она пришла пѣшкомъ въ Задонскъ, отъ мѣста ея жительства отстоящій на 40 верстѣ, и, для славы своего благодатнаго врача, 4-го сентября объявила о семь чудѣ.

XXIX.

Рязанской губерніи, рязскаго уѣзда, села Голдаева, государственный крестьянинъ Николай Есѣимовъ Кузнецовъ, въ началѣ сентября прибывъ въ Задонскъ на поклоненіе новоявленному чудотворцу святителю Тихону, объявилъ слѣдующее: рязанской же губерніи, сапожковскаго уѣзда, села Можаръ, государственный крестьянинъ Тимошей (отчество и фамилію его Кузнецовъ забыть, но въ Можарахъ, сказалъ, этого человѣка всякій укажетъ), 17-ти лѣтъ отъ роду, по навѣданію, не объявилъ въ Задонскомъ монастырѣ о чудѣ, совершившемся надъ нимъ при мощахъ святителя Тихона, и потому убѣдительно просилъ его, Кузнецова, заявить о немъ монастырскому начальству. Это чудо по очевидности своей поразительно! Тимошей отъ рожденія до настоящаго своего возраста былъ нѣмъ, ни слова не говорилъ и объяснялся мимикой. Руководимый надеждою на святителя Тихона, онъ пришелъ въ Задонскъ на праздникъ открытія святыхъ мощей его, съ молитвою о своей скорби приложился къ нимъ, и съ тѣхъ поръ у него открылся даръ слова, и теперь бывший нѣмой свобод-

но говорить и славить Господа. (Записано 4-го сентября).

XXX.

Тамбовской губерніи, лебедянского уѣзда, заштатнаго города Добраго, дочь государственнаго крестьянина Ивана Карпова Гурьева и жены его Параскевы Филипповой, — Минодора, 17-ти лѣтъ, также отъ рожденія была глухо-нѣмою: она не чувствовала никакихъ звуговъ, даже звона колоколовъ и потрясающихъ ударовъ грома, а равно и не произносила ни одного слова. Пришедши съ матерью въ Задонскъ 18-го августа, она съ молитвою и слезами приложилась къ цѣлебнымъ мощамъ святителя Тихона и потомъ была покрыта его мантиею. Въ это самое время у нея открылся слухъ. Теперь же, точно малое дитя, она учится говорить вслѣдъ за другими, и уже многія слова произносить довольно внятно. (Записано 10 сентября).

XXXI.

Тамбовской губерніи, борисоглебскаго уѣзда, села Олешкова, дочь государственнаго крестьянина Павла Летуновскаго, находящагося нынѣ въ военной службѣ, по имени — Татьяна, 11-ти лѣтъ отъ роду, съ третьяго года до настоящаго своего возраста имѣла руки и ноги сведенными. А 9-го сентября прошлаго 1861 года, при мощахъ святителя Тихона, она получила совершенно-свободное ихъ употребленіе. (Записано 13 сентября).

XXXII.

Изъ того же семейства крестьянка Ксенія Летуновская, 37-ми лѣтъ отъ роду, страдала ломотою въ руки,

которая 10 лѣтъ была отъ богицни спорчена. Въ тотъ же день и она при мощахъ святителя Тихона получила свободное движеніе рукою и избавилась отъ ломоты. (Записано 13 сентября).

XXXIII.

Тульской губерніи, веневскаго уѣзда, села Марыкина, дворовая дѣвица помѣщика Алексѣя Николаевича Павлова, — Домна Григорьева Макарова, въ началѣ сентября, 1861 года, на правой, уже болѣвшей ногѣ получила актоновъ огонь. Врачи положили отрубить ногу, въ противномъ случаѣ предвѣщали неминуемую смерть. Но Домна, не согласившись на операцію, съ живымъ надеждою обратилась къ новопрославленному чудотворцу Тихону съ молитвою о помощи, и въ душѣ своей дала обѣтъ, при малѣйшей возможности пойти къ нему въ Задонскъ на поклоненіе ему. Въ тотъ же самый часъ, какъ принято было такое рѣшеніе, развитіе актонова огня прекратилось, — и, по ея выраженію, нога одеревенѣла. Прибравъ костыли, больная отправилась въ Задонскъ, и тамъ, 17-го сентября, при мощахъ святителя получивъ покаяніе и совершенное исцѣленіе, возвратилась домой безъ костылей, съ здоровыми ногами. (Записано 19-го сентября).

XXXIV.

Тульской губерніи, езерновскаго уѣзда, села Дубинъ, государственная крестьянка, дѣвица Дарья Михайлова Мельникова, 35-ти лѣтъ отъ роду, съ 1852 года впала въ сумасшествіе навѣстнаго рода и совершенно перестала говорить. Въ 1853 году она ходила, въ обществѣ съ другими, въ Соловецкій монастырь, и тамъ,

молитвами святыхъ Зосимы и Савватія получила даръ слова, но до 7-го сентября прошлаго года оставалась въ умопомѣшательствѣ. 7 сентября, послѣ прикосновенія къ мощамъ святителя Тихона, благодатію Божіею, къ ней возвратился и здравый разумокъ. (Записано 20 сентября).

XXXV.

Города Воронежа, частнаго пристава коллежскаго ассесора Рафаила Ивановича Пуговишника, дочь Елена, имѣющая нынѣ 16-ть лѣтъ, съ давняго времени страдала отъ нестерпимой боли позвоночнаго столба, такъ что прикосновеніе къ шеѣ платка или самой легкой козынки производило сильнѣйшую боль, особенно у самой головы. Испытаны были къ излеченію болѣзни попеременно все медицинскія средства, но оказались не дѣйствительными. Въ январѣ прошлаго 1861 года болѣзнь усилилась. Со слезами страдающая просила святителя Тихона о помощи и дала обѣтъ вмѣстѣ съ матерью съѣздить въ Задонскъ, — помолиться ему. Болѣзнь въ тотъ же часъ прекратилась и Елена съ тѣхъ поръ пребываетъ совершенно здоровою. (Записано 7 октября).

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ, во вниманіе къ отличному усердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ епископовъ: тобольскаго—Феоноста, волынскаго—Антонія и харьковскаго—Макарія, въ 8-й день апрѣля, Всемилостивѣйше пожаловалъ ихъ въ санъ архіепископа.

— Государь Императоръ, въ 17-й день марта. Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи епископа оренбургскаго Антонія отъ управленія вѣренною ему епархіею и назначеніи его членомъ московской синодальной конторы, съ порученіемъ ему въ управление ставропигіальнаго воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ старшаго протоіерея сергіевскаго всей артиллеріи собора Петра Духовскаго, на 6-е число минувшаго марта, причислить къ ордену св. Владиміра 3-й степени за отлично усердную и ревностную 50 лѣтнюю его службу.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 1/2 марта сего года о награжденіи священника села Сосновки, въ

сердобожь уѣдѣ, саратовской епархіи, Василя Утѣхина, и пономаря гажской михайло-архангельской церкви, вологодской епархіи, Александра Фадѣева, установленною за челоуѣколюбивые подвиги серебряною медалью на Владимірской лентѣ.

— Его Императорское Величество, во вниманіе къ тому, что число сельскихъ училищъ при приходскихъ церквяхъ значительно умножается въ кievской епархіи, Высочайше повелѣть соизвоилъ объявить митрополиту кievскому и ввѣренному ему духовенству признательность отъ Августѣйшаго имени Его Величества.

— Высочайшимъ привазомъ марта 4 дня 1862 года директоръ духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера, князь *Урусовъ*—назначенъ статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ настоящей должности и придворномъ званіи.

— Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 29-го марта сего года постановилъ: ректоромъ и профессоромъ богословія въ костромскую семинарію и настоятелемъ богородицкаго игрицкаго второкласснаго монастыря назначить инспектора с. петербургской семинаріи архимандрита Іосифа; а на его мѣсто инспекторомъ с. петербургской семинаріи перевести инспектора смоленской семинаріи іеромонаха Θεодосія.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17-го февраля, учитель поковской семинаріи игуменъ Вонифатій назначенъ настоятелемъ торопецкаго третьекласснаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ увольненіемъ отъ духовно-училищной службы.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 23-го апрѣля сего 1862 года, разрѣшено изданіе литовскихъ

епархіальныхъ вѣдомостей, по представленной преосвященнымъ Іосифомъ митрополитомъ литовскимъ программѣ.

— Опредѣленіемъ Святейшаго Синода ^{26 марта} _{4 апрѣля} 1862 года положено: за сдѣланныя, въ минувшемъ 1861 году, въ пользу церквей и монастырей воронежской епархіи, благочестивыя приношенія, преподать благословеніе Святейшаго Синода слѣдующимъ лицамъ: 1) священнику николаевской, села Новогальскаго, церкви Матѣю Знаменскому; 2) діакону успенской, села Знаменскаго, церкви Дмитрію Знаменскому; 3) генерал-майору Ивану Остаѣву; 4) отставному штабсъ-капитану Александру Степанову; 5) отставному штабсъ-ротмистру Андрею Фирсову; 6) коллежскому ассесору Ивану Иванову; 7) коллежскому секретарю Никитѣ Рудневу; 8) княгинѣ Аннѣ Гагариной; 9) женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аннѣ Шале; 10) женѣ ротмистра Софѣ Сабуровой; 11) женѣ коллежскаго ассесора Александрѣ Андреевой; 12) дочери титулярнаго совѣтника Настасѣ Ямпольской; 13) губернской секретаршѣ Сорокиной; 14) помѣщикамъ: а) орловскому Цурикову, б) Косенкову и в) Ивану Спѣшневу; 15) помѣщикамъ: б) московской Чебышевой, в) липецкой Свѣшниковой; в) усманской Зотовой, г) задонской Демидовой, д) липецкой Рындиной, е) ливенской Васильевой, ж) бирюченскаго уѣзда, села Подсередняго Марѣ Андреевой; 16) купцамъ: а) московскому Никитѣ Смирнову, б) луганскаго завода Саввѣ Хрипко, в) елецкому Русанову, г) усманскому Петру Иванову, д) старобѣльскому Дмитрію Кузнецову, е) навловскимъ: Василю Межевитову, Николаю Шалошникову и Григорію и Ивану Эсманскимъ, и новохоперскимъ Ивану Чиликину и Ива-

ну Языкову; 17) купеческому племяннику Степану Журавлеву; 18) вдовамъ купцовъ: а) г. Бирюча Наталья Рышковой и б) г. Коротояка Екатеринъ Петровой; 19) женѣ купца тогожъ города Лукерья Азаровой; 20) города Павловска мѣщанкѣ Прасковья Хлѣбниковой; 21) старостамъ церквей а) соборной г. Коротояка купцу Ѳедору Азарову, б) села Лубнозъ крестьянину Ивану Сурикову, в) села Козминки крестьянину Тихону Мананикову и г) слободы Уразовой Игнату Бѣллицкому; 22) прихожанамъ церквей: а) сель: Прилѣпъ и Козминки Ивану Фаустову, и б) слободъ: Николаевки, Шелякиной, Харьковской, Погромца, Алексѣевки, Никитовки, Волоконской—крестьянину Андрею Грошенко и воронцовки—крестьянамъ Семену Неговорину, Степану Косенкову, Павлу Славгородскому и Степану Босенкову; 23) жителямъ г. Валдая и Павловска; 24) села Подошкіна, рязанской губерніи крестьянину Николаю Понкратову; 25) г. Валукъ унтеръ-офицеру Ѳедору Пихличенкову; 26) пожертвовавшимъ въ пользу монастырей: а) богородицкаго серебряную лампаду къ ракъ святителя Тихона, и покровы на раку того же святителя: малиноваго бархата, шитый золотомъ, и голубаго шитый серебромъ, и б) Акатова—900 рублей на передѣлку иконостаса;—въ пользу церквей саратовской епархіи: коллежской свѣтницѣ Еленѣ Ивановой, коллежскому регистратору Ивану Полеводину и кузнецкому мѣщанину Василию Бѣгичеву; — въ пользу церквей и монастырей черниговской епархіи: 1) священникамъ Василию Мухъ и Михайлу Турику; 2) графамъ Алексію Толстому и Кушелеву-Везбородко; 3) дѣйствительному статскому совѣтнику Довидовскому; 4) коллежскому совѣтнику Кушачевичу; 5) надворному совѣтнику Степа-

ну Спановскому; 6) маіорамъ Покотило и Василю Онисимову; 7) штабсъ-капитану Михаилу Лихошерстову; 8) коллежскимъ секретарямъ: Сергѣю Львшину и Ивану Лихошерстову; 9) доктору Андрею Холодовичу; 10) помѣщикамъ: Валеріану Мосалитову, Николаю Ращевскому, Николаю Соколовскому, Григорію Маркевичу и Литвинову; 11) Константину Врайевичу; 12) купцамъ: Григорію Алексѣеву, Ивану Банникову, Бѣдину и кievскимъ: Якову Протопопову и Иродіону Дегтяреву; 13) купеческимъ братьямъ Ѳедору и Петру Скорняковымъ; 14) Генеральшѣ Ушинской; 15) надворной совѣтницѣ Марьѣ Ивановой Пожадаевой; 16) вдовѣ капитана Марьѣ Пасенковой; 17) дворянкѣ Аннѣ Ничикѣ; 18) помѣщицѣ Марьѣ Дудаковской и Писаревичевой; 19) женѣ купца г. Березны Акинѣ Денасенковой; 20) старостамъ церквей: а) димитріевской, села Чернотичь казаку Кодрату Ващенко, б) васильевской, села Погорѣлецъ крестьянину Никитѣ Коробкѣ, в) петропавловской, села Маисаковъ, крестьянину Степану Ильенко, г) соборно-николаевской, г. Нѣжина купцу Ивану Куликову, и д) преображенской, г. Новозыбкова, купцу Степану Макарову; 21) обществу глуховской преображенской церкви; 22) прихожанамъ церквей: а) означенной преображенской, б) николаевской, села Ишова, в) рождество-богородичной, села Курени, г) димитріевской, села Чернотичь, д) покровской, села Голубичь, е) успенской, села Ярыловичь, ж) покровской, села Великой Веси, з) таковой же, села Носовки, и) троицкой, села Хотуничь, і) успенской, мѣстечка Новыхъ Боровичь, и к) рождество-богородичной, села Берестовца; 23) греку Карабанову, 24) казакамъ —прихожанамъ церквей: а) села Полошекъ, б) преоб-

раженской, села Курковичъ, в) успенской, мѣстечка Воронежя Григорію Рядченко, г) рождество-богородицкой, села Орловки-Коликъ и д) рождество-богородицкой, села Курени Николаю Левченко; 25) крестьянкъ села Черногичъ Александръ Козыровой; 26) пожертвовавшимъ въ пользу монастырей: а) батуринаскаго николаевскаго 150 и 150 рублей, б) нѣжинскаго введенскаго двѣичьяго вещами на 1559 руб. 84 коп. и церквей: а) рождество-богородичной, села Рождественскаго, вещами 115 руб., б) таковой же села Курени 218 и 162 руб. 52 коп., в) вознесенской, мѣстечка Бахмача 715 руб. 4 коп., г) варваринской села Матченко 398 руб. 69 коп., д) михайловской села Мелони 165 руб., е) покровской мѣстечка Батурина 110 руб. 86 коп. и ж) покровской же села Митченко 197 руб. 5 коп. серебромъ;—въ пользу церквей уѣимской епархіи: протоіерекъ Николаю Авраамову, графинѣ Ольгѣ Ропѣоръ, оренбургскому губернскаму архитектору Домбровскому, помѣщицѣ Натальѣ Стрѣлковой, чиновнику Александру Кузевидному, управляющему имѣніемъ г-жи Ивановой Зеведееву, купцамъ Федору Рязанскому, Степану Дѣву и Алексію Сухорукову, вдовѣ мастероваго Анисѣ Лужиной и прихожанамъ церквей села Иванова, челябинскаго уѣзда и села Травянскаго тогожъ уѣзда.

— По распоряженію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, учитель смоленской семинаріи надворный совѣтникъ Позышевъ, 19-го апрѣля назначенъ смотрителемъ смоленскаго духовнаго училища, съ оставленіемъ въ должности учителя семинаріи; инспекторъ одесскаго духовнаго училища Иванъ Миткевичъ перемѣщенъ на должность смотрителя и учителя въ горійское духовное училище; членъ общаго присутствія хозяйственнаго ун-

равленія при Святѣйшемъ Синодѣ надворный совѣтникъ *Горюхинъ* — назначенъ начальникомъ синодальнаго архива, съ заведываніемъ экспедиціею управляющаго канцеляріею Святѣйшаго Синода; начальникъ синодальнаго архива статскій совѣтникъ *Билибинъ* — редакторомъ синодальной канцеляріи, и редакторъ синодальной канцеляріи надворный совѣтникъ *Цейдлеръ* — членомъ общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ (всѣ трое съ 8-го января 1862 г.); помощникъ столоначальника хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ титулярный совѣтникъ *Олшанскій* — старшимъ помощникомъ бухгалтера того же управленія (съ 3-го февраля 1862 года); инспекторъ и учитель средняго отдѣленія николаевского духовнаго училища коллежскій секретарь *Половъ* — учителемъ высшаго отдѣленія того же училища (съ 23-го января 1862 года); коллежскій секретарь *Новиковъ* — утвержденъ въ должности младшаго секретаря Святѣйшаго Синода (съ 18-го декабря 1861 г.) и надворный совѣтникъ *Мяшковъ* — въ должности смотрителя маріупольскихъ духовныхъ училищъ (съ 11-го января 1862 года); вольнопрактикующій лекарь *Андржеевскій* — определенъ врачомъ при каменецкомъ духовномъ училищѣ (съ 4-го января 1862 года); причисленный къ канцеляріи обер-прокурора Святѣйшаго Синода сверхъ штата коллежскій совѣтникъ *Смирновъ* — секретаремъ полоцкой консисторіи (съ 8-го января 1862 года); отставной коллежскій регистраторъ *Муфель* — канцелярскимъ чиновникомъ въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ (съ 26-го января 1862 года); бывший студентъ с. петербургскаго университета, *Норовскій* — чиновникомъ для письма въ канцелярію обер-прокурора Свя-

тѣйшаго Синода (съ 20-го февраля 1862 года); кончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ гатчинскомъ николаевскомъ сиротскомъ институтѣ *Васильевъ* — канцелярскимъ служителемъ въ канцелярію Святѣйшаго Синода (съ 26 февраля 1862 года); членъ отъ потомственныхъ дворянъ с. петербургской городской распорядительной думы статскій совѣтникъ *Демчинскій* — членомъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности (съ 14 февраля 1862 года); помощникъ секретаря 4-го департамента Правительствующаго Сената коллежскій секретарь *Сомоловъ* — перемѣщенъ младшимъ секретаремъ Святѣйшаго Синода (съ 4 января 1862 г.); исправляющій должность помощника столоначальника с. петербургскаго уголовного надворнаго суда коллежскій регистраторъ *Даниловъ* — канцелярскимъ чиновникомъ въ канцелярію Святѣйшаго Синода (съ 5-го февраля 1862 г.); канцелярскій чиновникъ 4-го департамента Правительствующаго Сената коллежскій секретарь *Златковскій* — чиновникомъ для письма въ канцелярію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода (съ 6-го февраля 1862 года); учитель витебскаго уѣзднаго училища коллежскій секретарь *Поради* — помощникомъ столоначальника въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ (съ 3-го февраля 1862 года); состоящій въ аудиторіатскомъ департаментѣ военнаго министерства коллежскій ассесоръ *Крыловъ* — помощникомъ секретаря Святѣйшаго Синода (съ 9-го марта 1862 года); причисляется къ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сверхъ штата исправляющій должность чиновника за прокурерскимъ столомъ въ московской Святѣйшаго Синода конторѣ надворный совѣтникъ *Самаринъ*, съ

увольненіемъ отъ настоящей должности (съ 17-го января 1862 года); отставной надворный совѣтникъ *Мартиновъ* (съ 8 марта 1862 года).

Увольняются отъ службы по прошеніямъ: учитель высшаго николевскаго духовнаго училища коллежскій ассесоръ *Коцерицъ* (съ 23-го января 1862 года); врачъ и преподаватель медицины при пермской семинаріи надворный совѣтникъ *Боявленскій* (съ 23-го января 1862 года); чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Святейшаго Синода коллежскій ассесоръ *Зедергольцъ* (съ 28 февраля 1862 г.); врачъ и преподаватель медицины при полоцкой семинаріи коллежскій ассесоръ *Кучинскій* (съ 14 февраля 1862 г.); канцелярскій чиновникъ канцеляріи Святейшаго Синода коллежскій секретарь *Магевичъ* (съ 26 февраля 1862 года); врачъ и преподаватель медицины при харьковской семинаріи лекаръ *Добровольскій* (съ 6 марта 1862 г.); членъ общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при Святейшемъ Синодѣ статскій совѣтникъ *Казначеевъ* (съ 9 марта 1862 года).

— Въ приказѣ оберъ-прокурора Святейшаго Синода, 1-го марта 1862 года, изображено: *Указомъ Правительствующаго Сената 12 февраля 1862 года произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассесоровъ къ надворные совѣтники:* оберъ-секретарь Святейшаго Синода Никифоръ *Мясодовъ* (съ 25-го мая 1861 года); секретари консисторій: таврической — Андрей *Голосовъ* (съ 22-го іюня 1860 года), тобольской — Василий *Лебедевъ* (съ 9-го декабря 1860 года) и самарской — Николай *Россовъ* (съ 5-го января 1861 года); *изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры:* младшій чиновникъ канцеляріи оберъ-прокурора Святейшаго Су-

нода Валеріанъ *Хвостовъ* (съ 15 августа 1861 года); изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники: секретарь грузино-имеретинской Святѣйшаго Синода конторы Михайлъ *Головкинъ* (съ 16 сентября 1861 года); изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: приходо-расходчикъ тверской консисторіи Егоръ *Тронцкій* (съ 30-го сентября 1861 года); изъ синодскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: исправляющій должность помощника вѣзектора Святѣйшаго Синода Александръ *Никольскій* (съ 1-го іюня 1861 года) и канцелярскій чиновникъ канцеляріи Святѣйшаго Синода Николай *Владиміровскій* (съ 27 августа 1861 года); въ синодскіе регистраторы: канцелярскій служитель канцеляріи Святѣйшаго Синода Василій *Ивановъ* (съ 10 іюля 1861 г.); утвержденъ въ чинъ коллежскаго секретаря: помощникъ секретаря Святѣйшаго Синода Иванъ *Липно*, по степени кандидата с. петербургской духовной академіи (съ 28 мая 1859 г.).

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ АКАДЕМІИ.

Нѣкоторые изъ гг. жертвователей въ составъ тагъ называемаго юбилейнаго капитала, образовавшагоси по случаю празднованія пятидесятилѣтія Академіи 17 февраля 1859 г., выражали желаніе знать, гдѣ теперь этотъ капиталъ, сколько его и какое его назначеніе. Правленіе академіи, принося искреннѣйшую благодарность всѣмъ гг. жертвователямъ, честь имѣетъ извѣстить ихъ, что на основаніи Высочайше утвержденныхъ 9 февраля 1859 года правилъ

1) Капиталъ сей долженъ быть неукосновеннымъ навсегда.

2) Проценты съ него должны быть употребляемы на преміи за отличныя сочиненія по какой либо отрасли богословскихъ наукъ, или на приращеніе академической библіотеки, или, наконецъ, если капиталъ составитя очень значительный, на преміи за ученія и особливо за учебныя сочиненія по разнымъ предметамъ академическаго образованія, написанныя лицами духовнаго вѣдомства и, преимущественно, наставниками академіи.

3) Назначеніе этихъ процентовъ предположено опредѣлить окончательно тогда, когда будетъ извѣстно количество собранныхъ добровольныхъ приношеній.

4) Добровольныя приношенія присылаемы были въ академическое правленіе разновременно, и разновремен-

но же по мѣрѣ поступления вносились правленіемъ въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами.

5) Въ настоящее время всего капитала 9,959 р. 14 к.,—9,754 р., въ билетахъ, а 205 р. 14 к., наличными деньгами, которыя не внесены еще въ банкъ, такъ какъ онъ не принимаетъ влады менѣе 250 р. •

6. Проценты съ капитала по 1 ноября 1860 г. были присоединяемы ко вновь вносимымъ суммамъ, и такимъ образомъ поступили въ составъ самаго капитала; а съ 1 ноября 1860 г., соотвѣтственно постановленію 3 пункта, остаются въ банкѣ впредь до особаго распоряженія. Теперь ихъ будетъ примѣрно до 600 руб.

7) Такъ какъ предметы, на которые предназначено употреблять сію сумму, по существующимъ правиламъ, подлежатъ больше обсужденію академической конференціи, нежели правленія, то при выдачѣ этихъ суммъ правленіе будетъ только приводить въ исполненіе опредѣленія конференціи, не распоряжаясь самоими суммами.

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА УЛУЧШЕНІЕ БЫТА ПРАВОСЛАВНЫХЪ ПОКЛОННИКОВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

Съ 15-го апрѣля 1860 по 1-е января 1862 года поступили въ комиссаріатскій департаментъ морскаго министерства отъ разныхъ нижепоименованныхъ лицъ пожертвованія на улучшеніе быта православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ, всего на сумму 9,416 р. 65 к.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу о семъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, Высочайше повелѣть соизволилъ: „объявить жертвователямъ благодарность Его Величества„.

Вѣдомость денежными пожертвованіями, поступившими въ комиссаріатскій департаментъ морскаго министерства на устройство благотворительныхъ заведеній для нашихъ поклонниковъ въ Палестинѣ съ 15-го апрѣля 1860 по 1-е января 1862 года.

къмъ сдѣлано пожертвованіе.

Поручикомъ Горбачевымъ 24 к.; лекаремъ бійскаго военнаго лазарета, титулярнымъ совѣтникомъ Критиковскимъ 12 р.; N. N. 5 р.; губернскимъ секретаремъ Мизеретскимъ 1 р. 98 к.; полковникомъ Дандевиль 2 р. 97 к.; унтеръ-офицеромъ лубенскаго полка Федоромъ Серебко 3 р.; нижними чинами енисейскаго казачьяго коннаго полка 4 р. 90 к.; гт. штабъ и оберъ-офице-

рами и чиновниками штаба отдѣльнаго корпуса 53 р. 72¹/₄ к.; служащими въ балинскомъ таможенномъ правленіи 5 р. 19 к.; акцизнымъ надзирателемъ г. Верпети 1 р.; нижними чинами служительской роты зданія Адмиралтейства 100 р.; отъ неизвѣстнаго 500 р.; чинами 1-й конной бригады забайкальскаго казачьяго войска 27 р. 99¹/₂ к.; чиновниками и служащими тѣлесной почтовой конторы 25 р. 21 к.; мастеровымъ 2-го рабочаго экипажа Андреемъ Мило 3 р.; отъ неизвѣстнаго 500 р.; чиновниками 1-го отдѣленія V-го округа путей сообщенія 37 р. 37 к.; нижними чинами 9-й роты московскаго пѣхотнаго полка 4 р. 41 к.; разными ремесленниками въ С.-Петербургѣ 69 р. 79 к.; служащими въ екатеринодарской почтовой конторѣ 10 р.; чинами новороссійскаго казачьяго войска 42 р. 85 к.; чинами батареинной № 6-го батареи 18-й артиллерійской бригады 10 р.; С. И. Вълкинымъ 1 р. 50 к.; г. Дужаномъ 1 р. 98 к.; дворянами старицкаго уѣзда 19 р. 19¹/₄; отъ разныхъ лицъ, проживающихъ на сергинскихъ и уфамскихъ заводахъ 3 р. 95 к.; гг. Кушинымъ и Голосовымъ 2 р.; воинскими чинами 3-й сводной резервной конной артиллерійской батареи 18 р. 91¹/₂ к.; капитаномъ Алексѣемъ Чернывскимъ 25 р.; гг. Николаемъ и Афанасіемъ Балиными 2 р.; г-жею Н. 1 р.; нижними чинами 3-й роты 1-го кавказскаго пѣшаго казачьяго баталіона 2 р. 97 к.; г. смотрителемъ новобаязетскаго училища Рѣзниковымъ 49 к.; Д. 3 р.; разными лицами богословскихъ заводовъ 42 р. 5¹/₄ к.; г. смотрителемъ орловскаго уѣзднаго училища 36 к.; унтеръ-офицеромъ Егоромъ Меньшимъ 40 р.; поручикомъ Николаемъ Григорьевымъ 1 р.; неизвѣстнымъ московскимъ жителемъ 25 р.; чинами 4-го рабочаго экипажа

26 р. 47 к.; рядовымъ бардинскаго пѣхотнаго полка Сампсономъ Богдановымъ 9 р. 90 к.; военскими чинами батарей № 23 и 24-го конно-артиллерійской бригады забайкальскаго казачьяго войска и подвижнаго полупарка Восточной Сибири 44 р. 74 к.; г. Алякринскимъ 25 р.; полковникомъ Владиміромъ Харитоновымъ 6 р.; живописцемъ Григоріемъ Свѣшниковымъ 20 р. 79 к.; неизвѣстными лицами 10 р.; полковникомъ Масловымъ 1,000 р.; неизвѣстнымъ 10 р.; чиновниками комиссаріатской части николаевскаго порта 18 р.; разными лицами самарской палаты государственныхъ имуществъ 5 р. 94 к.; Н. Т. и В. К. 2 р.; нижними чинами батарейной № 1-го батареи 1-й сводной резервной артиллерійской бригады 9 р.; нижними чинами вознесенскаго уланскаго полка 12 р.; разными лицами купеческаго сословія г. Харькова 64 р. 52¹/₂ к.; неизвѣстными лицами 35 к.; служащими на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли „Одесса„ 79 р. 10 к.; нижними чинами стародубскаго драгунскаго полка 7 р. 4 к.; А. Н. Чевкуновой 1 р. 50 к.; рядовымъ Непразинымъ 10 р.; неизвѣстными 70 к.; жителями округа 6-й бригады кавказскаго линейнаго казачьяго войска 99 к.; разными лицами: дмитріевскаго уѣзда 6 р. 94 к.; подольской губерніи 4 р. 43 к.; полтавской 16 р. 32³/₄ к.; города Ейска 66 р. 2¹/₄ к.; тульской губерніи 54 к.; дворянами харьковскаго уѣзда 3 р. 30 к. и бобринецкаго 211 р.; разными лицами губерній: тамбовской 162 р. 46¹/₄ к.; астраханской 30 р. 58¹/₂ к.; таврической 107 р. 52 к.; черниговской 35 р. 55¹/₂ к.; пирятинскаго уѣзда 74³/₄ к.; жидринскаго 10 р. 39 к.; одесскаго 14 р. 35 к.; города Сычевокъ 1 р. 90 к.; по подпискѣ въ кишиневско-оргѣвской судѣ 8 р. 8 к.;

жителями 2-го округа астраханскаго казачьяго войска 15 р. 20 к.; жителями завода г. Лазарева 3 р.; иркутскаго округа 4 р. 45½ к.; новоузенскаго уѣзда 4 р. 25½ к.; крестьянами брейтовскаго сельскаго общества 1 р. 40½ к.; волчанскимъ земскимъ судомъ 74¼ к.; гражданами города Рененбурга 14 р. 85 к.; лебединскимъ земскимъ судомъ 24 к.; жителями нерчинскаго округа 8 р. 34 к.; города Недригайлова 2 р. 50½ к.; таращанскаго и бердичевскаго уѣздовъ 18 р. 31½ к.; жителями олонейской губерніи 29 р. 37½ к.; пермской 7 р. 92 к.; полтавской палатой государственныхъ имуществъ 2 р. 8¾ к.; разными лицами витебской губерніи 1 р. 78 к.; жителями алапаевскихъ заводовъ 45 к.; города Гжатска 25 к.; государственными крестьянами ярославской губерніи 14 р. 65½ к.; разными лицами города Харькова 6 р. 61 к.; самарской губерніи 31 р. 16½ к.; города Хмѣльника 13 р. 4½ к.; крестьянами братской области нижеудинскаго округа 14 р. 86 к.; жителями волынской губерніи 4 р. 5 к.; колонистами нижебуджанскаго округа 7 р. 71½ к.; гражданами города Романоборисоглѣбска 14 р. 85 к., и города Рязска 12 р. 37½ к.; жителями верхолянскаго округа 20 р. 96½ к.; разными лицами вѣдомства олонейской палаты государственныхъ имуществъ 30 р. 75¾ к.; дворянами аккерманскаго уѣзда 19 р. 14½ к.; жителями нижнетуринскаго завода гороблагодатскаго округа 28 р. 82¾ к.; разными лицами хотинскаго уѣзда 7 р.; дворянами херсонской губерніи 67 р. 35 к.; Палагеей Аванасьевой и Павломъ Елизаровымъ 53 р.; архимандритомъ Моисеемъ 75 р.; жителями волоколамскаго уѣзда 2 р. 45 к.; военскими чинами 4-го резервнаго баталіона казанскаго пѣхотнаго полка 22 р. 7 к.; жителями го-

рода Кіева 7 р. 82 к.; г. Цаманіани 3 р.; разными лицами вятской губерніи 63 р. 35³/₄ к.; жителями саратовской губерніи 3,361 р. 60¹/₄ к.; разными лицами златоустовскихъ заводовъ 1 р. 68¹/₂ к.; поселянами зуйской волости 19 р. 35 к.; мечинскими инородцами 32 р.; жителями селенія Чумаковъ, екатеринославскаго уѣзда 2 р. 3 к.; разными лицами города Купянска 2 р. 72¹/₄ к.; вѣдомства с.-петербургской купеческой управы 50 р.; разными лицами: тобольской губерніи 52 р. 67 к.; города Литина 1 р. 48 к.; города Симферополя 1 р. 68 к.; кутайской губерніи 16 р. 16 к., вѣдомства харьковскаго земскаго суда 2 р.; чинами оренбургскаго казачьяго войска 539 р. 29³/₄ к.; дворянами тимскаго уѣзда 1 р. 2 к.; Дмитріемъ N. 1 р.; архимандритомъ Порфіріемъ 100 р.; по духовному завѣщанію, Александромъ Кубышкинымъ 1,000 р.; Николаемъ N. 3 р.; архимандритомъ Антоніемъ 21 р. 28¹/₂ к.; бутскаго уланскаго полка унтеръ-офицеромъ Максимомъ Тарасовымъ 7 р. 20 к.

Итого пожертвовано разными лицами. 9,416 р. 65 к.

Уфимской епархіи, мензелинскаго уѣзда, села Круглаго поля, Богоявленской церкви священникомъ Андреемъ Смирновымъ пожертвовано два рубля серебромъ; одинъ рубль—ко гробу Господню, а другой въ пользу несчастнѣйшихъ христіанъ востока.

Деньги препровождены редакціею въ канцелярію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода при отошеніи отъ 27-го апрѣля за № 332.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

VIII.

О ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Любовь къ отечеству есть одна изъ тѣхъ глубокихъ привязанностей, основаніе которыхъ лежитъ въ самой природѣ и жизни человѣка. Бытіе и жизнь, эти первыя блага, залогъ всѣхъ послѣдующихъ, духовныхъ и вещественныхъ, благъ для человѣка, тихія и мирныя радости семейной жизни, нѣжность матери, любовь и ласки отца, любовь и привязанность родныхъ и знакомыхъ, самые звуки языка, на которомъ сьизадѣтства мы привыкаемъ выражать свои мысли и чувства, на которомъ передается намъ понятіе обо всемъ, что для насъ есть самага высокаго и дорогаго, самага священнаго и завѣтнаго въ нашей жизни, общественныя учрежденія и законы, охраняющіе нашу гражданскую свободу и безопасность, взаимныя выгоды общежитія, блага наукъ и искусствъ, память о предкахъ, своею мудростію и мужествомъ, терпѣніемъ и трудомъ приготовившихъ намъ блага общественной жизни, которыми

мы пользуемся,—все привязываетъ и влечетъ насъ къ тому мѣсту и народу, въ которомъ и среди котораго мы родились. Потому-то привязанность къ своей родинѣ и отечеству есть привязанность общечеловѣческая, одинаково свойственная всѣмъ народамъ, какую бы религію они ни исповѣдывали, какими бы законами ни управлялись.

Божественная религія Иисуса Христа не только не уничтожаетъ и не умаляетъ этой естественной привязанности человѣка къ своему отечеству, а напротивъ особеннымъ образомъ усиливаетъ и укрепляетъ ее, даетъ ей значеніе и смыслъ болѣе высокій и разумный, нежели какой она имѣетъ въ людяхъ, не исповѣдующихъ христіанства, уважаетъ ей цѣль, столько высокую въ смыслѣ нравственномъ, столько же благотворную и полезную для общественной, гражданской жизни человѣка, и даже для блага всего человѣчества. — Поэтому-то и жизнь всѣхъ великихъ мужей Вѣры и Церкви, представляя намъ образъ высокаго благочестія, въ то же время представляетъ и образъ высокой, самой живой и пламенной любви къ отечеству. Иосифъ, на одрѣ смертномъ завѣщавающій израильтянамъ изнести свои кости изъ земли чуждой въ землю отцевъ своихъ, Моисей, отрекающійся отъ всѣхъ почестей и утѣшеній двора египетскаго, чтобы страдать вмѣстѣ съ своимъ народомъ и даже отъ самаго народа и вести его въ отечество, обѣтованное ему Богомъ, Иисусъ Навинъ и Гедеонъ, Сампсонъ и Самуилъ, Давидъ, въ своихъ богодухновенныхъ пѣсняхъ воспѣвающій Иерусалимъ, градъ Божій, Іеремія, плачущій и рыдающій, можно сказать, пропавшими слезами о разрушеніи этого города, Даниилъ, въ плѣну вавилонскомъ молящійся объ освобожденіи

своихъ соотечественниковъ, Иуда Маккавей съ своими братьями и сподвижниками, — вотъ высокіе, живые образцы Вѣры и благочестія, и вмѣстѣ съ тѣмъ — живой и пламенной любви къ своему отечеству. — Обращаясь къ исторіи Церкви Новозавѣтной, и здѣсь мы находимъ безчисленное множество примѣровъ истинно-христіанской любви къ своему отечеству въ лицѣ многихъ величайшихъ святыхъ и угодниковъ Божіихъ. Апостоль Павелъ, моліиціи съ величайшимъ самоотверженіемъ о спасеніи своихъ соотечественниковъ и сродниковъ по плоти (Рим. 9, 3), всѣмъ и каждому внушающій *молитву за царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 2), всѣмъ и каждому заповѣдующій глубокое уваженіе къ отечественнымъ законамъ и постановленіямъ, всѣ св. апостолы и отцы Церкви, всѣмъ внушавшіе любовь къ отечеству и примѣромъ своей жизни подтверждавшіе свое ученіе, христіане первыхъ вѣковъ, съ величайшимъ мужествомъ сражавшіеся противъ различныхъ варварскихъ народовъ за своихъ соотечественниковъ, не смотря на то, что послѣдніе, какъ язычники, часто гнали и преслѣдовали ихъ, — вотъ живые примѣры истинно-христіанской, самой живой и пламенной, самой самоотверженной любви къ отечеству. Прослѣдите исторію и нашего отечества отъ того времени, какъ оно озарено было свѣтомъ истины Христовой, и даже до позднѣйшихъ вѣковъ, — и вы весьма легко и удобно примѣтите, что истинные служители Вѣры и благочестія всегда были и самыми преданными и искренними ревнителями благъ нашего отечества, охранителями общественнаго мира и порядка, блюстителями правды и суда. Митрополиты Петръ, Алексій и Іона, примирители враждующихъ князей, хранители и утѣшители

нашего отечества во время порабощенія его тяжкому игу варваровъ, митрополить Филиппъ, дерзновенно возвѣщающій истину въ лицо царю, опустошавшему и разорявшему собственное царство, и умирающій поносною смертію за слово истины, преподобный Θεодосій, славный сколько подвижничествомъ, столько же и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на князей и народъ, преподобный Сергій, благословляющій Димитрія Донскаго на брань съ полчищами татарскими, Авраамій Палицынъ, во время безначалія и безпорядковъ стоящій на стражѣ спасенія нашего отечества, Гермогенъ, умирающій смертію мученика за Вѣру и отечество,—всѣ эти имена навсегда останутся незабвенными въ сердцахъ истинныхъ сыновъ нашего отечества и ревнителей его благоденствія.

Такимъ образомъ исторія Вѣры и Церкви очевиднѣйшимъ образомъ подтверждаетъ ту истину, что духъ христіанства есть духъ зиждущій благоденствіе общественное, образующій истинныхъ и достойныхъ гражданъ, всѣмъ сердцемъ и душою преданныхъ своему отечеству, устрояющій между различными членами и частями государства самыя лучшія и благопріятныя отношенія.

Такъ какъ всякое благоустроенное общество прежде всего слагается изъ управляющихъ и управляемыхъ, изъ правительства и народа: то и христіанство прежде всего старается установить самыя благотворныя отношенія между этими двумя, главными и существенными частями всякаго гражданскаго общества. — Св. апостоль Павелъ, поучая римскихъ христіанъ строгому и точному исполненію ихъ общественныхъ обязанностей, между прочимъ, говоритъ имъ: *воздадите всѣмъ должная: емуже убо урокъ, — урокъ; а емуже дань, — дань; а ему-*

же страхъ, — страхъ; и емуже честь, — честь (Рим. 13, 7). Такимъ образомъ онъ внушаетъ послѣдователямъ Христова ученія строгое уваженіе къ тѣмъ властямъ и общественнымъ законамъ, которыми управляется ихъ отечество, хотя бы оно было языческое, невѣдущее Бога истиннаго. Онъ утверждаетъ поэтому неприкосновенность всего, что только есть дѣйствительно добраго и полезнаго въ общественномъ благоустройствѣ, хотя бы это и не выходило непосредственно изъ ученія христіанскаго, а было выработано собственнымъ долговременнымъ трудомъ и усиленіемъ человѣка, при посредствѣ естественныхъ благодаренныхъ ему силъ, — ума, воли, совѣсти, по побужденію естественныхъ потребностей, — взаимной помощи, естественнаго влеченія къ сообществу съ подобными себѣ, и т. д. Но съ другой стороны, такъ какъ все естественное человѣческое всегда болѣе или менѣе односторонне и несовершенно, такъ какъ поэтому и всѣ общественныя человѣческія учрежденія никогда и ни въ какомъ случаѣ сами по себѣ не могутъ быть несомнѣнно вѣрнымъ средствомъ къ устроенію общественнаго благоденствія: то Апостолъ не ограничиваетъ свое наставленіе римскимъ христіанамъ заповѣдію соблюдать тѣ порядки, которые уже существовали и были учреждены языческимъ правительствомъ, но тотчасъ даетъ имъ высшую заповѣдь, которая только одна въ состояніи вдохнуть внутреннюю жизнь и силу во всѣ внѣшнія общественныя учрежденія и, какъ неизсякающій источникъ всякаго духовнаго и вещественнаго блага, какъ начало всегда живое и животворящее, постепенно вести ихъ къ большому и большому совершенству: *ни единому же ничимже должны быватье, точію еже любити*

друг друга. Въ изъясненіе второй заповѣди Апостоль говоритъ далѣе, что всѣ заповѣди закона Божія, какъ и гражданскаго, напримѣръ: не убій, не укради, не лже-свидѣтельствуй, сосредоточиваются въ одной заповѣди: *возлюбиши искреннюю твоею, якоже самъ себе.* Нѣтъ нужды изъяснять много, что заповѣдь Апостола равно и одинаково относится ко всѣмъ,—къ правительству также, какъ и къ народу, къ судящимъ, какъ и къ судимымъ, къ начальствующимъ, какъ и къ подчиненнымъ, такъ какъ законъ и правда равно и одинаково обязательны для всѣхъ. Если же Апостоль въ своемъ посланіи обращаетъ рѣчь свою исключительно къ подданнымъ, а не правительству; то здѣсь онъ сообразуется съ обстоятельствами времени и лицъ, такъ какъ пишетъ въ самомъ началѣ христіанства, къ подданнымъ правительства языческаго. Поэтому само собою очевидно, что для правительства истинно-христіанскаго слово Апостола безъ сомнѣнія должно имѣть такую же важность, значеніе и силу, какъ и для подданныхъ христіанъ.

Такимъ образомъ ученіе христіанское и въ общество гражданское вноситъ тоже начало жизни, которымъ оно одушевляетъ людей, какъ послѣдователей Іисуса Христа, какъ членовъ Его благодатнаго царства,—св. Церкви, царства мира и любви, согласія и единодушія. Любовь, какъ величайшую и совершеннѣйшую заповѣдь, какъ самое надежное средство управлять обществомъ и привязать къ себѣ сердца народа, оно внушаетъ всякому христіанскому правительству,—тѣмъ, которые имѣютъ право принимать отъ другихъ честь, урокъ, дань; любовь заповѣдуетъ оно и тѣмъ, которые должны воздавать честь, дань, и т. д.

Поэтому естественно, что любовь къ отечеству въ

жизни и дѣятельности истиннаго христіанина, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, какую бы общественную обязанность ни исправлялъ, имѣеть тѣже свойства, тотъ же характеръ, какимъ вообще отличается любовь истинно-христіанская. И если эта любовь есть любовь *всеобщая*, простирающаяся на всѣхъ людей безъ исключенія; то въ отношеніи къ отечеству она выражаетъ этотъ характеръ тѣмъ, что простирается на всѣхъ соотечественниковъ, безъ различія ихъ состоянія, званія, религіи, и т. п. Поэтому она и въ подданныхъ, провинявшихся духомъ истиннаго христіанства, выражается искреннею и нелицемѣрною привязанностію къ правительству, хотя бы и иновѣрному, и точнымъ исполненіемъ всѣхъ его предписаній и законовъ, согласныхъ съ закономъ Божиимъ и требованіями совѣсти. Съ другой стороны въ правительствѣ общества, одушевленномъ духомъ истиннаго христіанства, она выражается въ отношеніи къ религіи его подданныхъ—вѣротерпимостію, въ отношеніи къ ихъ матеріальному положенію — заботою о всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ ихъ быта и поощреніемъ всякаго добраго и полезнаго труда, въ отношеніи къ ихъ дѣйствительнымъ заслугамъ — особенными почестями и вниманіемъ, въ отношеніи къ образованію ихъ ума и сердца — покровительствомъ истинной мудрости и просвѣщенія, въ отношеніи къ различнымъ классамъ или сословіямъ въ государствѣ—устроеніемъ справедливыхъ и безобидныхъ отношеній между ними, въ отношеніи къ правосудію—судомъ безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ для всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, великихъ и сильныхъ, равно какъ малыхъ и слабыхъ. Словомъ: правительство истинно-христіанское всегда живетъ и дѣйствуетъ для

блага не нѣсколькихъ только лицъ, съ стѣсненіемъ и угнетеніемъ другихъ, но для блага всего народа, точно такъ, какъ и народъ, одушевленный духомъ христіанства, всегда бываетъ готовымъ служить своему правительству не по одному внѣшнему предписанію закона, но по свободному, искреннему желанію души и сердца.

Живительнаго начала любви христіанской не было и нѣтъ въ обществахъ древнихъ и нынѣшнихъ языческихъ. Поэтому самое-обыкновенное и почти повсюдное отношеніе древнихъ, какъ и нынѣшнихъ магометанскихъ и языческихъ правительствъ къ народу, это—большую частію духъ угрозы, насилія, духъ угнетенія и поработченія, — нетерпимость и гоненія въ отношеніи къ подданнымъ другихъ религій, расточительность и роскошь высшихъ правительственныхъ лицъ, живущая на счетъ сословій низшихъ, презрительный взглядъ на жизнь и честь людей незначительныхъ и бессильныхъ, нерадѣніе и равнодушіе въ отношеніи къ потребностямъ большинства народа, рабство, со всѣми его гибельными, нравственными и физическими, послѣдствіями, право сильного — главный и постоянный законъ жизни и дѣятельности всѣхъ и каждаго, лицепріятіе и лихоимство въ судопроизводствѣ, жестокость и безчеловѣчіе въ наказаніяхъ нерѣдко за самыя маловажныя преступленія. А при такомъ отсутствіи взаимной любви, довѣрія и уваженія между правительствомъ и народомъ, въ обществахъ языческихъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ два начала или побужденія къ исполненію общественныхъ обязанностей—или чувство страха предъ властію сильного, или жажда честолюбія, — завистливое желаніе раба—достигнуть, во что бы то ни стало, положенія и

состоянія своего господина. Но то и другое может ли быть прочнымъ, неизблемымъ основаніемъ общественнаго благоденствія? Исполняющій свой долгъ по страху, рабъ, работающій предъ очами господина, станетъ ли усердно трудиться тамъ, гдѣ никто его не видитъ, гдѣ ничто ему не угрожаетъ, гдѣ повѣтому для него не остается никакого побужденія къ полезному для своего отечества труду и дѣятельности? Точно такъ и движимый однимъ чувствомъ честолюбія, безъ сомнѣнія, не станетъ усердно трудиться тамъ, гдѣ не видитъ никакой пищи своему честолюбію. Кромѣ того, исторія тысячелѣтнимъ опытомъ доказываетъ намъ, какъ часто бываетъ губительно и разрушительно это начало дѣятельности въ отношеніи къ общественному благоденствію,—какъ часто честолюбивые люди бывали виновниками величайшихъ общественныхъ возмущеній и безпорядковъ, и, достигнувъ своихъ цѣлей, дѣлались самыми жестокими и безчеловѣчными притѣснителями своего же отечества, предметомъ ужаса и отвращенія для всѣхъ временъ и народовъ. И если честолюбіе можетъ совершать иногда дѣла полезныя и благотворныя для общества; то съ другой стороны несомнѣнно и то, что оно въ то же время всегда дѣйствуетъ и разрушительно на благоденствіе общественное и, созидая одно, разрушаетъ другое, нерѣдко болѣе важное и необходимое для благоденствія общества.

Такимъ образомъ естественная, чисто-человѣческая любовь къ отечеству, свойственная и язычникамъ, тѣмъ существенно отличается отъ христіанской любви къ отечеству, что въ ней всегда есть присутствіе другаго, враждебнаго общественному благоденствію начала, — эгоизма и самолюбія; есть всегда преобладающій взглядъ

на общество, какъ на средство жить съ большимъ или меньшимъ удобствомъ, выгодами и преимуществами для себя, но нѣтъ живаго и дѣятельнаго убѣжденія въ томъ, что и другіе имѣютъ столь же полное и неоспоримое право пользоваться трудами и дѣятельностію каждаго изъ членовъ общества, нѣтъ того самоотверженія, которое существенно отличаетъ какъ истинно-христіанскую любовь вообще, такъ и любовь къ отечеству, достойную истиннаго христіанина. Поэтому общество, не проникнутое живительнымъ началомъ божественной, христіанской любви, хотя бы въ тоже время цвѣтущее совѣсь, походитъ на машину, иногда искусно и красиво устроенную, но тѣмъ не менѣе бездушную, гдѣ каждая часть приводится въ движеніе вѣншиною, чуждою ей силой, — тогда какъ общество, проникнутое духомъ истиннаго христіанства, есть живое, сильное и здоровое тѣло, каждый членъ котораго, пользуясь дѣятельностію другихъ, въ тоже время и самъ служитъ ихъ развитію и укрѣпленію, и гдѣ всѣ члены, не смотря на всѣ внѣшнія и видимыя различія ихъ, бываютъ движимы единымъ духомъ, единою общею жизнью.

Конечно, говоря такимъ образомъ, мы въ нѣкоторомъ отношеніи изображаемъ только идеаль истинно-христіанскаго государства, и намъ могутъ сказать, что такого общества гражданскаго не было и нѣтъ на землѣ, что недостатки и пороки, свойственные обществамъ языческимъ и магометанскимъ, часто встрѣчаются и въ обществахъ христіанскихъ. Это справедливо; но тѣмъ не менѣе, если мы сравнимъ исторію языческихъ обществъ съ исторіей христіанскихъ, — то и самое бѣглое сравненіе покажетъ, что евангельское начало любви и милосердія никогда не оскудѣвало въ мірѣ христіанскомъ и,

не смотря на всё противодействіе ему, приносило свои плоды для благоденствія общественнаго. Таково, напри- мѣръ, уничтоженіе пытокъ въ судопроизводствѣ, этого отвратительнаго и жалкаго изобрѣтенія языческихъ пра- вительствъ; таково постоянное стремленіе всѣхъ хри- стианскихъ правительствъ устроить самый порядокъ су- допроизводства такъ, чтобы въ немъ по возможности не было не только произвола, лицепріятія и лихоимства, но и самыхъ поводовъ, самой возможности къ этимъ порокамъ; таково смягченіе наказаній даже за самыя тяжкія преступленія; такова заботливость о заключен- ныхъ въ темницы, старающаяся по возможности улуч- шить ихъ бѣдственное, нравственное и матеріальное, положеніе; таковы различныя благотворительныя учреж- денія, устроеныя христіанскими правительствами для страждущаго человѣчества, — больницы, дома для бѣд- ныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, и т. под. Всё эти явленія, возникшія въ мірѣ христіанскомъ, и почти вовсе неизвѣстныя и непримѣрныя у древнихъ, даже цивили- зованнѣйшихъ языческихъ народовъ, несомнѣнно убѣж- даютъ насъ въ томъ, что первая и главная причина ихъ — духъ Евангелія, духъ любви и милосердія.

Не трудно понять, каково бы должно быть взаимное отношеніе различныхъ классовъ или сословій, равно какъ и частныхъ лицъ въ государствѣ, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ духъ истиннаго христіанства. Истинно- христіанская любовь, какъ любовь простирающаяся на всѣхъ и cadaго, безъ различія состояній, аваній и со- словій, естественно должна здѣсь связывать одинъ классъ народа съ другимъ. А потому, здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста никакимъ эгоистическимъ, собственно со- словнымъ предразсудкамъ, по которымъ одно сословіе

враждуетъ противъ другаго и усиливается поставить себя въ отчужденіе и удаленіе отъ него въ жизни частной и общественной, по которымъ лица, принадлежащія къ сословіямъ высшимъ, часто смотрятъ на низшіе классы народа, какъ на существа обязанныя единственно служить ихъ потребностямъ, нисколько не считаютъ предосудительнымъ для себя жить только въ свое удовольствіе, не принося отъ себя ничего ни въ пользу блага общаго, ни въ пользу тѣхъ, трудами которыхъ живутъ, и, при взаимныхъ сношеніяхъ съ ними, часто безъ всякой нужды, стараются высказывать свои преимуществва—презрительнымъ и гордымъ обращеніемъ, тонкимъ или грубымъ высокомеріемъ. Далѣе, въ обществѣ, проникнутомъ духомъ истиннаго христіанства, нѣтъ и не должно быть мѣста никакой предосудительной *протекціи*, или покровительству лицъ недостойныхъ, со вредомъ для достойныхъ, основанному или на тѣхъ же сословныхъ предразсудкахъ, или на отношеніяхъ родства, дружбы, знакомства и т. д.; потому что покровительствовать такимъ людямъ, со вредомъ для достойныхъ и полезныхъ членовъ общества, значило бы приносить въ жертву своимъ личнымъ расчетамъ и отношеніямъ благо цѣлаго отечества. Наконецъ, въ обществѣ, проникнутомъ духомъ ученія Христова, не должна и не можетъ существовать праздность и *тунеядство*, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось,—въ видѣ ли безпутной роскоши и расточительности средствъ, собранныхъ трудами и усиліями другихъ, въ видѣ ли пренебреженія къ точному и строгому исполненію общественныхъ обязанностей, дающихъ извѣстныя средства жизни, въ видѣ ли бродяжничества и притворнаго нищенства, когда одни, имѣя возможность и силы, но не желая по-

лезнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, вмѣсто того выпрашиваютъ себѣ обманомъ пропитаніе у другихъ: такъ какъ дѣйствовать подобнымъ образомъ значило бы дѣйствовать по желаніямъ и расчетамъ самолюбивымъ и своекорыстнымъ, во вредъ благоденствію общественному.

Духъ христіанства, одушевляющій цѣлое общество и составляющій основу его жизни и характера, естественно долженъ проникать и во взаимныя отношенія однихъ христіанскихъ государствъ къ другимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ истинномъ христіанинѣ образовать извѣстный взглядъ на другія христіанскія государства и опредѣлять его отношенія и дѣятельность касательно иностранцевъ.

Духъ государствъ языческихъ,—духъ порабощенія и насилія съ одной стороны, духъ рабства—съ другой, господствовавшій въ ихъ внутренней жизни, проявился и въ ихъ внѣшнихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Отсюда въ нихъ господствовалъ дагѣе духъ завоеванія, и величайшею славою считалась слава завоевателя и порабощителя другихъ народовъ и царствъ, даже и въ томъ случаѣ, когда завоеванія были не возмездіемъ за какую либо политическую обиду, а предпринимались безъ всякаго повода и вызова со стороны другихъ народовъ. Не таково въ существѣ своемъ взаимное отношеніе христіанскихъ государствъ. Здѣсь высокая, божественная заповѣдь любви къ человѣчеству должна была установить братскія отношенія однихъ народовъ къ другимъ: не право сильного, но голосъ правды, взаимное, безобидное соглашеніе должно рѣшать ихъ взаимныя недоумѣнія. И если, наконецъ, какое бы то ни было христіанское правительство рѣшается употре-

бить силу оружія противъ другаго народа; то, дѣйстви въ духѣ истиннаго христіанства, оно безъ сомнѣнія употребить его единственно тогда, когда ясно видѣть и сознаеть справедливость своихъ неудовлетворенныхъ требованій. Не духъ насилія, но желаніе свое отечество и народъ сохранить отъ насилія побуждаютъ его рѣшиться на войну, которая во всякомъ случаѣ есть бичъ Божій, одно изъ тяжелыхъ наказаній—падшему человечеству, зло иногда неизбѣжное, но котораго по возможности нужно избѣгать какъ по любви къ человечеству вообще, такъ и по любви къ отечеству: потому что война, даже въ случаѣ побѣды и торжества, стѣбитъ крови и жизни многихъ тысячъ людей и истощаетъ средства внутренняго общественнаго благоденствія, которое всегда дороже внѣшняго блеска и славы.

Правда, исторія и христіанскихъ народовъ представляетъ намъ не мало примѣровъ жестокаго и насильственнаго порабоженія одного народа другимъ, притѣзаній сильнѣйшаго народа въ отношеніи къ слабѣйшему несправедливыхъ и недобросовѣстныхъ. Но за то во всѣхъ подобныхъ явленіяхъ хорошо понимающій духъ истиннаго христіанства легко видѣть и признаеть самолюбивый и своекорыстный, завоевательный духъ гордаго язычества. Какъ бы ни было, только и въ этомъ отношеніи, сравнивая исторію народовъ христіанскихъ съ исторіей языческихъ, мы ясно видимъ, что христіанство постепенно, болѣе и болѣе смягчало взаимныя отношенія народовъ. Самые войны, иногда бывавшія и между христіанскими правительствами, уже не сопровождаются тою жестокостію и безчеловѣчіемъ въ отношеніи къ плѣннымъ, какія мы видимъ у самыхъ образованнѣйшихъ народовъ язычества, напримѣръ; у гре-

ковъ и римлянъ, ни нападениемъ на мирныхъ и безоружныхъ гражданъ, ни тѣмъ взвѣскимъ и бессмысленнымъ разрушеніемъ городовъ и опустошеніемъ областей, которое такъ часто ознаменовывало сѣбѣ древнихъ языческихъ завоевателей. Духъ христіанской любви и милосердія научилъ людей въ самомъ непріятелѣ видѣть человѣка, уважать его достоинства, щадить его имущество и жизнь, коль скоро это возможно. Тамъ, гдѣ вѣдунали бы поступать претивнымъ образомъ, общій голосъ всего христіанскаго міра всегда готовъ произнести приговоръ, осуждающій такую бессмысленную языческую жестокость.

Такъ какъ христіанство имѣетъ цѣлю изъ всѣхъ народовъ образовать единое благодатное царство Іисуса Христа, всѣхъ собрать въ единое общество вѣрующихъ, соединенныхъ узами взаимной любви: то оно естественно располагаетъ одинъ народъ сближаться съ другимъ, и взаимно другъ другу передавать и сообщать все благодетельное и полезное, въ отношеніи ли собственно къ дѣламъ Вѣры, или въ отношеніи къ устроенію вѣщнаго, общественнаго быта человѣка. Поэтому и сношенія между народами христіанскими вообще чаще, постояннѣе, живѣе и дѣятельнѣе, нежели тамъ это было между древними языческими народами. Поэтому же и самыя источники общественнаго, матеріальнаго благоденствія чловѣка, напрымѣръ, торговли вѣщнаго и вытребнаго, промышленность, пути сообщенія, и т. п. болѣе развиты у народовъ христіанскихъ, нежели у древнихъ или языческихъ и магометанскихъ.

Отсюда не трудно понять, какъ должна обнаруживаться себе любовь къ своему отечеству въ каждомъ истинномъ христіанинѣ въ отношеніи къ лицамъ другихъ

гражданскихъ обществъ. Прежде всего она никогда и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ слѣпой, фанатической *ненависти* къ иноземцамъ, основанной единственно на томъ, что они или иновѣрцы, или держатся другихъ обычаевъ и порядковъ жизни, носятъ иную одежду, говорятъ инымъ языкомъ: такъ дѣйствовать не сообразно ни съ существомъ истинно-христіанской любви къ человѣчеству вообще, для которой *нѣтъ іудей, ни еллинъ* (Гал. 3, 28), ни съ существомъ истинно-христіанской любви къ отечеству. Истинный христіанинъ безъ сомнѣнія всегда будетъ изыскивать все благотворное и полезное для своего отечества, и потому будетъ перенимать его и у иностранцевъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь духовное или матеріальное благо, напр. наука, устройство различныхъ отраслей народнаго благоденствія, или вовсе не существуютъ въ его отечествѣ, или находятся въ слабomъ зародышѣ и требуютъ опытной и искусной руки какого либо иностранца для своего развитія и усовершенствованія. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ онъ естественно будетъ благотворить истинно полезному иностранцу, покровительствовать ему и дѣлать всякое добро, сколько по побужденію христіанской любви къ человѣчеству вообще, столько же и естественной каждому человѣку любви къ своему отечеству.

Чуждый слѣпой ненависти ко всему иноземному, истинный христіанинъ естественно бываетъ чуждъ и гордаго мнѣнія о своемъ отечествѣ, мнѣнія, по которому все отечественное представляется какъ бы нѣкоторымъ идеаломъ совершенства, послѣ котораго не нужно ничего ни заимствовать, ни усовершеншать и исправлять. Напротивъ, духъ христіанской любви естественно по-

буждаетъ его строго отличать въ отечественной жизни доброе отъ худаго, истинно-благотворное и полезное для его согражданъ отъ погибельнаго, зловреднаго и разрушительнаго. Поэтому онъ не можетъ оставаться холоднымъ и равнодушнымъ къ тѣмъ или другимъ недостаткамъ общественной жизни своего отечества, а напротивъ всѣми зависящими отъ него законными средствами, и словомъ и дѣломъ, будетъ содѣйствовать искорененію ихъ.

Съ другой стороны, истинный христіанинъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ смотрѣть презрительно на все отечественное, и напротивъ на все иностранное съ слѣпымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ. Онъ съ соболѣзнованіемъ и прискорбіемъ, какъ на людей, чуждыхъ духа истинно-христіанскаго, смотритъ на тѣхъ, которые рабски, не изучивъ и не узнавъ истинныхъ потребностей своего отечества, во всемъ послѣдуютъ иностранцамъ, перенимаютъ ихъ языкъ даже до забвенія своего собственнаго, ихъ образъ жизни — до крайняго презрѣнія къ своему отечественному, ихъ убѣжденія и мнѣнія — до попрація завѣтныхъ и священныхъ преданій родной стороны. Истинная, достойная христіанина любовь къ отечеству какъ во всемъ челоувѣчествѣ, такъ и въ каждомъ народѣ заботливо отличаетъ доброе отъ худаго, и потому естественно бываетъ чужда слѣпаго, рабскаго подражанія иноземному во всемъ безъ разбора. Поэтому и дѣятельность, основанная на истинно-христіанской любви къ отечеству, всегда способствуетъ развитію жизни общественной болѣе всего раскрытіемъ и уясненіемъ истинныхъ потребностей собственнаго отечества, а не опрометчивымъ и поспѣшнымъ заимствованіемъ чужаго. Она развиваетъ жизнь отече-

ства въ живомъ соприкосновеніи съ жизнію другихъ народовъ и всего человѣчества, но не разрушаетъ и не убиваетъ отечественной жизни, чтобы на мѣсть ея насадить иную, которая на чуждой почвѣ естественно можетъ принести плоды очень горькіе. Въ этомъ отношеніи истинно-христіанская любовь къ своему отечеству содѣйствуетъ развитію и сохраненію *народности*, — тѣхъ добрыхъ, коренныхъ свойствъ народа, которыя выработаны его собственною жизнію и которыя отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ народовъ, дѣлаютъ народомъ самостоятельнымъ не только въ политическомъ, но и въ духовно-нравственномъ смыслѣ.

●. *Надеждитъ.*

ОБЪ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ,

ПО ОПЫТУ ЖИЗНИ СВЯТАГО ІУСТИНА ФИЛОСОФА.

Настоящее время такъ ревностно и съ такимъ уси-
ліемъ стремится къ познаніямъ и мудрости теоретиче-
ской и практической. Тѣмъ нужнѣе имѣть вѣрное и ясное
понятіе объ этомъ предметѣ стремленія современнаго.

Святой Іустинъ философъ своею жизнію и дѣятель-
ностію подаетъ намъ мудрые уроки и наставленія о му-
дрости. Обратимъ вниманіе на эти уроки св. философа.

1. Изъ жизни и примѣра святаго философа видимъ
и научаемся во 1-хъ, что мудрость—великое благо.—
Святой философъ, съ юныхъ лѣтъ, имѣлъ пламенное
желаніе, неутомимое стремленіе къ пріобрѣтенію свѣ-
дѣній и мудрости, не щадилъ, въ этомъ подвигѣ, здо-
ровья и силъ, переходя отъ одной школы философіи къ
другой, ища истинныхъ свѣдѣній и мудрости. Стрем-
леніе—естественное, возвышенное, благородное! Искать
познаній, желать истины и мудрости — также есте-
ственно, сродно душѣ человѣка, какъ тѣлу алкать пи-
щи вещественной. Познанія — это пища высшая, бла-
городнѣйшая, невещественная. И подвигъ изысканія ис-
тины и мудрости — важный, достопочтенный подвигъ;
потому что истина и мудрость стѣять труда и усилен-
ныхъ стремленій.—Вотъ основаніе этой мысли. Первое,
высшее, верховное и источное благо — Господь Богъ

самосуцій и всесовершенный. Въ тваряхъ же разумныхъ благо есть то, что отражается въ нихъ отъ этого источника блага—Бога,—это образъ Божій, состоящій въ правдѣ и преподобіи истины (Еф. 4, 24), или яснѣе,—состоящій въ истинѣ, добротѣ и духовной красотѣ, влияющихъ Творцемъ въ нашу душу и впечатлѣнныхъ на ней: такъ какъ самъ Первообразъ—Творецъ нашъ есть высочайшая истина, добро и красота безконечная и невообразимая. Потому, истина есть одно изъ высочайшихъ благъ нашего духа, и потому достолюбезна и достожелаема сама по себѣ, безъ всякаго даже отношенія къ жизни и дѣятельности,—какъ свѣтлая черта въ насъ образа Божія.

Кромѣ того, истина, истекая отъ Бога, взаимно можетъ и вести насъ къ Богу, источнику истины. Положивъ въ душѣ нашей залогомъ истины, добра и красоты и стремленія высшія къ началу и полнотѣ этихъ залоговъ и стремленій, Господь, этими тремя стремленіями нашего духа, какъ бы вервями златыми, прикрѣпилъ насъ къ Себѣ, и хочетъ ближе и ближе привлечь, тѣснѣе и крѣпче привязать насъ къ Себѣ. Такъ св. Іустинъ-философъ, предавшись всею душою этому стремленію къ истинѣ, притекъ наконецъ къ самому ея началу—Богу и всецѣло соединился съ Нимъ.—А мудрость однородна съ истиною,—это, можно сказать, вѣнецъ, зрѣлый плодъ истины,—истина, приложенная къ жизни, направленная къ дѣламъ, стремящаяся перейти въ добро. Потому и она должна быть такъ же достойна уваженія, любви и исканія.

Прекрасна красота, прекрасно, достоуважаемо добро; не ниже ихъ, равно прекрасна, высока и мудрость или истина. Потому что въ первообразѣ и источникѣ ихъ—

Богъ—равно досточтимы—и Его истина или премудрость, и Его благодать, и Его красота Божественная.

Тѣмъ болѣе превознесена истина или мудрость надъ всѣми внѣшними благами и сокровищами міра. Мудрость—это сокровище, высшее всѣхъ сокровищъ земныхъ, и притомъ не истлѣвающее, не крадомое, неизживаемое; напротивъ, чѣмъ болѣе она изливается на другихъ, тѣмъ становится чище и обильнѣе.—Мудрость облагораживаетъ духъ, отвлекаетъ его отъ суеты житейскихъ, усмирняетъ человѣка въ счастіи, подаетъ отраду въ горестяхъ и злоключеніяхъ, юношамъ—она наставница воздержанія и цѣломудрія, старцамъ—утѣшеніе, бѣднымъ—богатство, богатымъ—украшеніе. Она юношу дѣлаетъ по уму равнымъ старцу. *Старость честна не многолюдна; ниже въ числѣ лѣтъ исчитается; съдана бо есть мудрость* (Прем. 4, 9).—Вотъ отзывъ о мудрости или похвала ей отъ мудрецовъ священныхъ: *блага мудрость паче силы, блага мудрость паче орудій ратныхъ* (Еккл. 9, 18). *Блаженъ, иже обрѣте премудрость.—Предсудихъ ю паче скиптровъ и престоловъ, и богатство ничтоже вмѣнилъ къ сравненію ея. Ниже уподобилъ ю камени драгоцѣнному, яко все злато предъ нею песокъ малый; и яко брѣнею предъ нею вмѣнилъ сребро. Паче здравія и красоты возлюбилъ ю, и предъизбралъ ю вмѣсто свѣти имѣти, яко не утасяемо есть блистаніе ея. Есть бо сія благолюбивѣе солнца: сего бо премѣняетъ ношь: премудрости же не одолѣетъ злоба.—Нарцы премудрость сестру тебѣ быти; утренней къ ней, и не утрудися. Владычество разумиваю благочинно будетъ. Множество премудрыхъ спасеніе міру* (Прем. 6, 26).—Нельзя, дерзко и богопротивно думать, что такой отзывъ о мудрости изъ устъ премудрыхъ—пристрастенъ: это—мудрецы богопросвѣщенные, чуждые всякихъ страстей и пристрастій.

2. Но такая достохвальная, достоуважаемая, достойная этой высокой чести мудрость — только истинная мудрость. А такого рода мудрость не может быть порождением и плодом одного ума человеческого естественного, поврежденного. Эту истину живым и убедительнейшим образом доказывает примѣръ св. Юстина—философа.—Чувствуя въ себѣ сильную жажду вѣдѣнія и мудрости, онъ переходилъ отъ одной школы философіи къ другой, и — не могъ утолить жажды своей, не могъ найти чистой истины и истинной мудрости, пока не обратился къ другому высшему источнику ея.—Эту истину о несовершенствѣ и даже положительной недостаточности мудрости ума человеческого также доказываетъ ученіе объ ученіяхъ философовъ, водившихся и водящихся только однимъ естественнымъ умомъ своихъ. Сколько заблужденій, сколько странностей, сколько лжей и запутанностей видимъ мы въ ихъ мудрованіяхъ, среди ихъ усиленныхъ и долговременныхъ поисковъ истины и мудрости?! Разсуждая о Богѣ, самые лучшіе изъ философовъ не сказали, что Онъ есть любовь и Творецъ; нѣкоторые, живя даже среди христіанства и принадлежа къ нему, по имени,—представляли не Бога творцомъ міра, а міръ или хаосъ первобытный—по ихъ понятію, вѣчный,—такимъ началомъ, изъ котораго развивается будто бы самъ Богъ. Странное и жалкое, нелѣпое мудрствованіе! Были даже такіе мудрователи, которые, разсуждая о мірѣ, о предметахъ насъ окружающихъ, говорили и доказывали, что вещей нѣтъ на самомъ дѣлѣ, что мы только воображаемъ, представляемъ ихъ существующими,—это только—образы мыслящей и вообразительной силы души нашей;—и объ этомъ писали книги, и этому учили другихъ.—

Разсуждая и говоря о человѣкѣ, особенно о цѣли и назначеніи жизни его, они имѣли неопредѣленныя, неясныя, сбивчивыя и невѣрныя понятія. Безсмертіе человѣка они или вовсе отвергали, или сомнѣвались въ немъ, или, — если и допускали будущую, вѣчную жизнь; то людей, отходящихъ въ нее, представляли какими-то только тѣнями слабыми, безжизненными, скитающимися въ какихъ-то, вымышленныхъ, поляхъ елисейскихъ. Или (еще лживѣе — страннѣе и униженнѣе для человѣка) — учили, что души людей, по смерти человѣка, переходятъ въ тѣла животныхъ, становятся ихъ душами и живутъ въ нихъ. Такъ, о предметахъ, самыхъ важныхъ и нужныхъ для человѣка, философская мудрость болѣе всего разсуждала невѣрно и заблуждалась. Если же иногда и говорила отчасти истину; то не была увѣрена въ этой истинѣ вполне и несомнѣнно, такъ что легко готова была предать ее сомнѣнію и вовсе отвергнуть. — *Помышленія человѣческая* то слишкомъ дерзки — усиливаются постигнуть непостижимое, что превышаетъ разумнѣе человѣческое; то — впадаютъ въ другую крайность — бываютъ *мнительны и бояливы*, по слову истины. — Да и не можно ожидать вполне вѣрной мудрости и чистой истины отъ человѣка падшаго, и находящагося внѣ состоянія возстановленія. Человѣкъ палъ, разбился, можно сказать, до полумертвости, — и повредился во всѣхъ силахъ своихъ, во всемъ существѣ; свѣтоносный образъ Вожій затмился въ умѣ его, какъ и во всей душѣ. Потому у падшаго, и не возстановленнаго человѣка, больнаго по всему существу своему, не можетъ быть и здраваго ума и здраваго смысла, въ полномъ смыслѣ этого слова; а потому и не можно ожидать отъ него всегда истинной мудрости и

чистой истины, утоляющей жажду любознания ума человеческого и вѣрно руководящей человека къ цѣли его.

3. Такая мудрость и истина обрѣтаются только при свѣтѣ и во свѣтѣ божественнаго откровенія небеснаго. И въ этомъ опять убѣждаетъ насъ примѣръ святаго философа Іустина. Томимый жаждою любви къ вѣдѣнію и мудрости, онъ, какъ уже сказали мы, переходилъ отъ одной школы философской къ другой, не находя истинной мудрости и удовлетворенія любознательному духу своему, пока наконецъ нашелъ искомую школу и перешелъ въ нее, — въ школу небеснаго ученія Христова, гдѣ обрѣлъ полное насыщеніе уму и всему внутреннему своему существу. Этому такъ должно и быть. Это — училище божественнаго ученія. Здѣсь — учитель самъ Богъ. *И будутъ*, сказано еще у Пророка, *все научити Богомъ*. И насъ, дѣйствительно, учитъ и учитъ самъ Богъ, сама Истина воплощенная, вся Пресвятая Троица. Потому и неудивительно, что у насъ дитя — младенецъ, изучающій катехизическое ученіе, знаетъ болѣе и вѣрнѣе о Богѣ и предметахъ духовныхъ, чѣмъ самый лучший изъ философовъ языческаго міра.

4. Но и эта истинная мудрость, почерпаемая нами изъ божественнаго откровенія, тогда только вполне благотворна и спасительна для насъ; когда она озаряетъ и руководитъ жизнь нашу, когда содержится не въ умѣ только, но проникаетъ и сердце наше и выражается въ нашихъ дѣлахъ. Живой примѣръ такой мудрости подаетъ намъ святой философъ Іустинъ, который мудрость свою такъ выражалъ въ жизни и дѣлахъ, что за истину подвизался *до крове*, и положилъ свой животъ, претерпѣвъ мученическую смерть. Онъ же подаетъ намъ

это важное наставленіе, что недостаточно имѣть только въ умѣ святая истины божественнаго откровенія; надобно еще, по слову Апостола, *обновляться духомъ самую ума*, имѣть разумъ *духовный*, смиренномудрый и благопокорливый Вѣрѣ и волѣ Божіей. Въ этомъ-то дѣятельномъ направленіи истины и обновленіи ума состоитъ собственно мудрость истинная, въ чемъ и поставляли любомудріе свое св. Философъ и всѣ святые отцы Церкви—истинные философы. Въ этомъ поставляютъ истинную мудрость и самъ Апостоль, который говоритъ: *кто премудръ и здовъ въ васт, да покажетъ отъ добраго житія* (Іак. 3, 13).

И въ этомъ-то отношеніи, въ разсужденіи т. е. приложенія истины къ самой жизни, и по слову Апостола и по свидѣтельству опыта, даже среди христіанства, существуютъ два рода мудрости.

Нсть сія премудрость, говоритъ апостоль Іаковъ о мудрости одного рода, *свыше нисходяща, но земна, душевна, бжсовска* (Іак. 3, 15).—*Земна*. Человѣкъ съ такою мудростію, хотя имѣеть истины небесныя, но нерѣдко *истину содержитъ въ неправдѣ*;—эти истины, относительно жизни, у него забыты и какъ бы заброшены. А на мѣсто ихъ возникаетъ у него другой образъ мыслей, по внушенію духа міра и мудрованію плоти или испорченной природы нашей. Такой человѣкъ не мыслить о горнемъ и небесномъ, живетъ такъ, какъ бы не было неба и вѣчности, ищетъ только земныхъ выгодъ и счастья временнаго. Онъ всею душою привязанъ къ землѣ, весь погруженъ въ одно земное, съ своею земною, мірскою премудростію житейскою, которая, между тѣмъ, почитается въ мірѣ великимъ благоразуміемъ или умнѣемъ жить.—Эта премудрость ду-

шевна, — въ противоположность духовной, божественной мудрости;—она изникаетъ изъ поврежденной, разтлѣнной природы нашей. Человѣкъ, этою мудростію водящійся, если и не впадаетъ въ грубые пороки, то предается порокамъ утонченнымъ и какъ бы очищеннымъ;—свободно водится разными страстями, хотя и облагороженными; все дѣлаетъ въ удовлетвореніе только себѣ—волямъ или желаніямъ сердца своего, а не волю Божіей,—угождаетъ ревностно себѣ, а не Богу,—ищетъ славы своей, все дѣлаетъ во славу свою, а не Божію, вопреки словъ Апостола: *вся во славу Божію творите*.—Эту премудрость, въ высшемъ ея развитіи и степени, Апостоль именуетъ *бисовскою* премудростію. Это—премудрость кичливая, движимая гордостію, завистію, мщеніемъ и злобою,—хитрая, лукавая и коварная. Водящіеся ею ищутъ только своего временнаго мірскаго блага, и для сего позволяютъ себѣ всѣ средства, безъ разбора, — любятъ созидать свое счастье на развалинахъ благополучія другихъ, на гибели ближнихъ.

Эта троякая премудрость есть, по слову Апостола, премудрость міра сего — т. е. людей, неводящихся духомъ ученія Христова. Она, по слову Божію, *будетъ предъ Богомъ* т. е. безуміе; она — *вражда на Бога*, — *за не закону Божію не покарается, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7). Эту премудрость, это мудрованіе плоти или разтлѣнной природы нашей нужно, по внушенію слова Божія и Церкви, отвергнуть, умертвить, о чемъ и молимъ мы Господа, *въ девятый часъ на крестъ смерть вкусившаго*, чтобы Онъ умертвилъ это гибельное *мудрованіе плоти нашей* (1).

(1) Пѣс. Цер.

Есть, по слову того же Апостола, другая, противоположная сей, и по происхожденію и по направленію и духу своему, премудрость, относительно дѣятельности и жизни. *Яже свыше премудрость*, говорит онъ, *первѣе убо чиста есть*,—чужда всякой примѣси лжи и заблужденій; потомъ же *мирна и кротка* (Іак. 3, 17), потому что не возмущается волненіемъ страстей, рвеніемъ гордости и гнѣва, — но какъ чистая вода въ чистомъ источникѣ, — такъ она сіяетъ въ свѣтломъ умѣ и чистомъ сердцѣ, въ которомъ отражается самъ Богъ. *Она благопокорлива*, по слову Апостола, — не только не отвергаетъ воли Божіей, ясно высказанной въ словѣ Его, но и испытуетъ ревностно и усердно, *что есть воля Божія*, и всячески старается угодить Господу Богу. — Она *исполнена милости и плодовъ благовѣ* (Іак. 3, 17). Ибо она вся обращена къ жизни, на дѣла благая.—Вотъ истинная, блаженнотворная мудрость.

5. Какъ стяжать эту спасительную мудрость, и созерцательную и дѣятельную?—Какія къ этому пособія и средства? Первое — нужно стараться, усердно стараться—истину прилагать къ жизни своей и выражать въ дѣлахъ. — Но главное, сильнѣйшее къ достиженію ея, средство—молитва и страхъ Божій. — *Отъ Господа всяка премудрость*. Потому у Него нужно и искать и просить ее. *Аще кто отъ васъ*, говоритъ апостолъ Іаковъ, *лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемль, и вспомошающаю, и дастся ему* (Іак. 1, 5). И Онъ подастъ ее просящимъ у Него и боящимся Его. Свидѣтель сему Соломонъ, преущедренный мудростію свыше. Почему страхъ Господень есть начало, источникъ истинной премудрости. Ибо *тайна Господня боящимся Его, и завѣтъ свойavitъ имъ*. Есть

особенное, чрезвычайное, тайнодѣйственное средство къ приобрѣтенію премудрости. О немъ сказано въ самомъ словѣ Божиемъ: *требующимъ ума рече: придите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже растворитъ вамъ.* Это—святое Причащеніе. Это брашно и питіе *обожаютъ душъ, умъ же питаютъ странно* (1), т. е. чудесно—непостижимо, по слову Церкви. Вообще, все истинно-благочестивое настроеніе духа и предрасположеніе на добрыя дѣла — весьма много способствуютъ къ *стяжанію мудрости истинной.* Какъ и почему? Истина или мудрость, какъ уже видѣли мы, достоуважаема и достойска и сама по себѣ, безъ всякихъ отношеній; но, за всѣмъ тѣмъ, она имѣетъ Богомъ установленную цѣль руководить насъ къ нашему назначенію,—вести насъ къ добродѣтели и благочестію;—истина должна какъ бы превратиться въ добро. Но, взаимно, благочестіе и добродѣтель ведутъ къ большей истинѣ и мудрости.—Благочестіе или истинная религіозность, какъ истинная, высшая, правильнѣйшая жизнь, благоустраиваетъ, очищаетъ и оживляетъ все наше существо, — а потому и умъ; оно дѣлаетъ его истинно здоровымъ и свѣтлымъ, способнымъ видѣть предметы, особенно нужные и важные изъ нихъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Благочестіе, чрезъ *помазаніе отъ Святаго*, первѣе и особенно просвѣщаетъ сердце человѣка; а отъ сего исходища жизни развиваетъ озареніе на умъ и самое лицо. И сія-то благочестивая наипаче *мудрость, просвѣтитъ лице человека* (Ек. 8, 1), какъ отзывается о ней одинъ изъ мудрецовъ священныхъ. Она просвѣщаетъ всего человѣка, и своимъ сіяніемъ какъ бы насквозь проникаетъ его,

(1) Мол. къ Прич.

самого его дѣлаетъ свѣтоноснымъ, какъ бы самымъ свѣтомъ. Не такова внѣшняя мудрость; не направленная къ дѣятельности и благочестію, она озаряетъ первѣе умъ, — и отсель низводитъ нѣкоторые лучи къ сердцу; такъ какъ она озаряетъ только поверхность, такъ сказать, только вершину человѣка. Но нерѣдко бываетъ, что этотъ блѣдный свѣтъ познаній мерцаетъ только въ умѣ; а сердце вовсе остается мрачнымъ и хладнымъ, безжизненнымъ, относительно предметовъ духовныхъ. Такъ, Апостолъ пишетъ посланіе къ высокообразованнымъ, просвѣщеннымъ народамъ древняго міра; но онъ говоритъ объ нихъ: *блсть иногда тьма, ныль же свѣтъ о Господь* (Еф. 5, 8); — значить, при всемъ славимомъ просвѣщеніи своемъ внѣшнемъ, они были мракомъ и тьмою; и свѣтомъ—свѣтлыми сдѣлались чрезъ духовное возрожденіе во Христѣ, чрезъ христіанскія таинства и благочестіе. Напротивъ и малочувствительный, или даже вовсе неученый, благочестивый простолюдинъ есть, можно сказать, мудрецъ великій и глубокій: знаетъ хотя немного, но за то не лживо и вѣрно знаетъ самое важное и нужное для спасенія,—правильно смотритъ на жизнь свою, ея назначеніе и на свое отношеніе къ Богу. Мысли его устремляются къ небу, а не погрязаютъ во временномъ и земномъ, виды и надежды его простираются въ вѣчность. Такъ,—благочестіе ведетъ къ истинѣ и мудрости.

Вообще, добродѣтельная жизнь предрасполагаетъ, дѣлаетъ насъ способными къ снисканію истины. И это зависитъ отъ взаимнаго сродства истины и добра. Истина естественно предрасполагаетъ къ добру; добро привлекаетъ къ себѣ истину. Благочестивыхъ людей *сама премудрость*, по слову Премудраго, *обходитъ ищущи*

(Прем. 6, 16), дабы вселиться и обитать въ нихъ; тогда какъ *въ злохудожну душу не видетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинильмъ грѣху* (Прем. 1, 4). Въ такихъ людей, если бы такъ сказать, и зашла какъ либо премудрость; то зло, рано или поздно, изгонитъ ее, и они много, если не вовсе, утратятъ ее. Опытъ свидѣтельствуеть, что никто изъ добродѣтельныхъ людей не только не отвергалъ небесныхъ истинъ, но и не сомнѣвался въ нихъ; напр., въ бытіи Бога, безсмертіи души, наградахъ и наказанійхъ вѣчныхъ; а впадали въ эту болѣзнь ума люди, преданные страстямъ и порокамъ. Вообще, страсти и похоти не только препятствуютъ пріобрѣтенію истины; но и пріобрѣтенную помрачаютъ и изгоняють. Какъ изъ нечистыхъ и гнилыхъ болотъ поднимающіяся густыя испаренія помрачаютъ горизонтъ и закрываютъ солнце: такъ и *пареніе похотей*, по слову Премудраго, *премъклетъ умъ нелюбивъ* (Прем. 4, 12), помрачаетъ умственный горизонтъ нашъ,—закрываетъ око ума—это солнце наше. И какъ дымъ прогоняетъ пчелъ; такъ смрадь похотей и страстей изгоняетъ мудрость небесную.

Итакъ, по примѣру святаго философа Іустина, нужно любить мудрость, но—мудрость истинную, пріобрѣтатъ свѣдѣнія истинныя, душеполезныя. Иначе — лучше не знать, нежели знать ложно; лучше быть въ невѣдѣніи, нежели въ заблужденіи. Потому что удобнѣе писать на бѣлой, чистой бумагѣ, чѣмъ на той, на которой надобно счистить прежде неправильно написанное. Лучше не идти, а стоять, нежели идти невѣрнымъ и ложнымъ путемъ. Благодареніе *Отцу свѣтовъ*—Богу,—мы находимся у самаго Источника истины—Его божественнаго откровенія. То, чего великіе философы древняго міра съ

усильнымъ трудомъ искали, и не находили, — мы обрѣтаемъ, и почерпаемъ легко и удобно; такъ что у насъ малолѣтнее дитя знаетъ о Богѣ болѣе, нежели славный философъ древности.

Но недовольно имѣть, хотя бы и истинную мудрость, только въ умѣ, — надобно, по примѣру Философа святаго, выражать ее въ жизни, въ добродѣтели или благочестіи. Прекрасна, важна и достоискама мудрость; но она не достигаетъ послѣдней своей цѣли и назначенія, безъ обращенія ея въ благочестію, которое, потому, и нужнѣе для насъ, и цѣннѣе ея, какъ съ большимъ подвигомъ и трудомъ приобрѣтаемое. Мудрость или вѣдѣніе можно удобно почерпнуть изъ многихъ книгъ, существующихъ въ мірѣ, въ которыхъ предшественники наши и современники заключили и заключаютъ познанія свои; *иши*, отъ лѣтъ древнихъ, *трудились*, а мы можемъ *сходить въ трудъ ихъ*, воспользоваться плодами трудовъ ихъ. Не такъ, далеко не такъ — относительно добродѣтели и благочестія. Если и на это, на дѣла благочестія, есть многіе примѣры въ жизни другихъ; то, подражая этимъ примѣрамъ, нужно намъ самимъ совершить то, что есть въ примѣрѣ, какъ бы повторить это, сдѣлать вновь, въ другой разъ. А это несравненно труднѣе, нежели усвоить знанія, другими приобрѣтенныя. Притомъ мудрость, безъ добродѣтели и благочестія, подвергнетъ большому осужденію. *Вдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть* (Лук. 4, 17). Такъ, — прекрасное дѣло приобрѣтать познанія, но — познанія истинныя; изъ нихъ извлекать сущность и ею питать духъ свой, изъ этой сущности вѣдѣній нужно образовать мудрость; мудрость же переводитъ въ благочестіе.

Всѣмъ намъ, и по примѣру св. Философа, и — особен-

но, по внушенію Апостола, благопотребно *исполняться во всякой премудрости и разумъ духовнымъ* (Кол. 1, 9). Впрочемъ, это умудреніе, составляющее долгъ и необходимость для тѣхъ, которые готовятся быть учителями другихъ, не составляетъ для всѣхъ и каждаго необходимости неминуемой. Необходимо, совершенно необходимо для всѣхъ и каждаго—благочестіе христіанское. А для этого немного нужно учености и познаній. Въ нашемъ русскомъ Сіонѣ—въ кіевопечерской лаврѣ почиваютъ нетлѣнные, Богомъ прославленные останки и людей *некнижныхъ*, неграмотныхъ, даже и отроковъ мало-смысленныхъ. Чтобы любить Бога, для этого не нужно обширныхъ познаній. А любовь къ Богу—главное наше дѣло и совершенство. И кто любитъ Бога и служить Ему свою жизнь; тотъ все духовное имѣетъ; у того есть и мудрость высокая. *Любленіе Господа*, по слову Писанія, *преславная премудрость* (Сир. 1, 13).

●

А. ●.

II.

РАЗБОРЪ СУЖДЕНІЙ

НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О НОЕВОМЪ ПОТОПѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА БОЖІЯ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ.

б) Окаменѣлыя остатки растений и животныхъ, встрѣчающіеся въ дилювіальныхъ наносахъ и пещерахъ того времени, принадлежать большею частію къ породамъ вымершимъ, не похожимъ на флору и фауну настоящаго, послѣпотопнаго или историческаго времени. Отсюда слѣдуетъ,—говорятъ геологи,—что всеобщее наводненіе на землѣ было геологическимъ переворотомъ, котораго не пережили допотопныя растенія и животныя никакимъ образомъ, и послѣ котораго началась новая эпоха съ новыми родами тварей, живущими нынѣ.

Мысль о рѣзкомъ различіи органическихъ остатковъ допотопнаго и ближайшаго къ потопу времени отъ существующихъ нынѣ глубоко вкоренилась въ умахъ многихъ и отличнѣйшихъ естествоиспытателей. Если послушать *Буккланда*, *Ассинца*, *д'Орбиньи* и другихъ, раздѣляющихъ ихъ убѣжденіе, напр. *Курца*, то ни одинъ видъ (*keine einzige Species*) флоры и фауны первобытнаго міра не перешелъ цѣлымъ въ міръ нашего историческаго времени; по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного

такого, который долженъ былъ бы съ достовѣрностію быть признанъ тождественнымъ (als identisch) съ нынѣ существующими породами (¹). Слѣдствія такого взгляда какъ въ отношеніи ко всему допотопному времени. такъ и къ эпохѣ всеобщаго наводненія, очевидно, будутъ подобны тѣмъ, которыя высказаны выше. Но совершенно не то заключеніе мы должны будемъ сдѣлать, если выслушаемъ другихъ, также знаменитыхъ естествоиспытателей. На основаніи словъ этихъ послѣднихъ о томъ же предметѣ надобно принять, что между современными потоку животными и растеніями сходныхъ и даже тождественныхъ съ породами, нынѣ существующими, не менѣе, какъ и сходныхъ съ породами, существовавшими прежде всеобщаго наводненія на землѣ. Такъ, англійскій геологъ *Лейль* (Lyell), частію на основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій, частію на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему изъ Италіи профессорами Bonelli, Guidotti и Costa, положительно утверждаетъ *тождество многихъ* третичныхъ и новѣйшихъ окаменѣлостей, изъ которыхъ подъ первыми разумѣются до-дилювіальныя, а подъ послѣдними послѣдилювіальныя. Тоже подтверждаетъ французскій геологъ *Дешай* (Deshayes), который сравнилъ болѣе 3,000 третичныхъ ископаемыхъ раковинъ почти съ 5,000, живущими нынѣ. Окончательный выводъ ихъ обоихъ состоитъ въ томъ, что изъ видовъ (species) животныхъ, встрѣчающихся въ нижнихъ третичныхъ лондонскихъ и

(¹) См. Kurz—Bibel und Astronomie. 1858. p. 412 и 440. Buckland—Geology and Mineralogy, въ ук. м. Agassiz—Poissons fossiles Tom. I. p. XXX, и Т. III. p. 1—52. Его же — Iconographie des coquilles tertiaires réputées identiques, 1845. A. d'Orbigny—Cours élémentaire de Paléontologie et de Geologie stratigraphiques, 1852. Т. 2. p. 697 etc.

парижскихъ пластахъ, почти $3\frac{1}{2}\%$ тождественны съ нынѣ живущими; изъ встрѣчающихся въ среднихъ третичныхъ формаціяхъ Лоары и Жиронды находится тождественныхъ почти 17% ; а изъ встрѣчающихся въ позднѣйшихъ формаціяхъ (къ которымъ относятся и дилювіальные наносы), лежащихъ иногда, напр., въ Сицилии, высоко надъ уровнемъ моря, находится тождественныхъ съ настоящими отъ 90% до 95% (1). Въ другихъ мѣстахъ Европы, именно въ Антверпенскихъ дилювіальныхъ наносахъ, по свидѣтельству того же *Лейля*, больше половины животныхъ окаменѣлостей сходны съ нынѣ живущими и притомъ принадлежатъ болѣею частію къ фаунѣ сѣверныхъ морей, хотя есть между ними нѣкоторыя породы и изъ Средиземнаго моря (2). Подобное же отношеніе между допотопными и нынѣшними животными въ Аральскихъ и Каспійскихъ дилювіальныхъ формаціяхъ засвидѣтельствовано *Мурчисономъ* (R. Murchison) и *Вернейлемъ* (Wegneil) (3). Въ наносахъ, изслѣдованныхъ на горахъ Гималайскихъ, отношеніе между тѣми и другими животными найдено отъ 25% до 100% (4). Въ Америкѣ, на долинахъ рѣки Миссисипи, лежатъ цѣлыя наносныя горы, часто возвышающіяся до 200 футовъ надъ сосѣдними дилювіальными равнинами, и состоятъ изъ глины съ вѣдренными въ нее окаменѣлостями животныхъ, принадлежащихъ частію къ вымершимъ породамъ мастодонта (Mastodon), мегалоникса (Megalonyx) и другихъ, частію къ породамъ Helix, Pupa, Succinea и Lymnea, которыя еще и теперь жи-

(1) См. *Keerl*-я: Der Mensch, das Ebenb. Gottes, pag. 596.

(2) *Lyell*—Principles of Geology, Том 1. pag. 236.

(3) *Lyell*—въ томъ же сочиненіи, Том 1. p. 239.

(4) *Lyell*—въ томъ же сочиненіи, Том. 1. p. 251.

вуть въ тамошнихъ лѣсахъ и болотахъ, какъ свидѣтельствуяють *Лейль* и *Леонардъ* (1). Тоже замѣчено при Женестро (*Genestro*) въ нью-іорскомъ штатѣ и въ долинахъ ніагарскихъ (2). Что касается остатковъ растеній, находимыхъ въ пластахъ додильювіальнаго времени, то сначала считали всѣ роды и виды ихъ совершенно отличными отъ существующихъ нынѣ; но потомъ на основаніи вѣрнѣйшихъ фактовъ принуждены были согласиться, что и между ними есть много родовъ, одинаковыхъ съ растеніями настоящаго времени. Такъ *Гёппертъ* (*Göppert*) въ своихъ изслѣдованіяхъ одной допотопной формаціи нашелъ $\frac{1}{10}$ части ископаемыхъ растеній тождественными съ настоящими. *Гееръ* (*O. Heer*) призналъ тождество многихъ растеній, находимыхъ въ третичныхъ формаціяхъ, съ нынѣшними (3). Изъ этихъ новѣйшихъ наблюденій, къ которымъ можно было бы прибавить множество другихъ подобныхъ, нельзя не убѣдиться въ справедливости того заключенія, что изъ животныхъ, современныхъ всеобщему на землѣ наводненію, многія сохранились и послѣ этой катастрофы до нашего времени. Если доселѣ еще не опредѣлена съ точностію пропорція одинаковыхъ родовъ растеній и животныхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ (4); то этимъ

(1) *Lyell* — въ томъ же сочиненіи, Том. 1. р. 160. *Leonhard* въ *Lehrbuch der Geognosie und Geologie*, pag. 159.

(2) *Lyell*—въ томъ же сочиненіи, Том. 1. pag. 192.

(3) См. *Bronn's, Leithea geogn.* Lief. 9 р. 66. Его же *Handbuch der Geschichte der Natur*. Abtheil. 2. pag. 769.

(4) Такъ *Bronn*, котораго таблицы ископаемыхъ животныхъ можно видѣть въ его *Handbuch der Gesch. der Natur*. Band. 3., полагаетъ число всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, нынѣ существующихъ, 1311 родовъ; изъ нихъ насчитываетъ такихъ родовъ, которые встрѣчаются и въ ископаемомъ состояніи, преимущественно въ дильювіальномъ періодѣ—263, т. е. $\frac{1}{5}$ части. Англійскій профессоръ *R. Owen* въ *History of British*

нисколько не ослабляется достоверность самых фактов природы, которые свидѣтельствуютъ въ пользу такого заключенія, и потому нѣкоторыми благомыслящими учеными оно вообще высказывается прямо и положительно. „Въ формахъ растений и животныхъ,—говоритъ *Керль*,—верхнихъ третичныхъ, пліоценовыхъ и плейстоценовыхъ или дилювіальныхъ формацій мы имѣемъ три признака, по которымъ они сходны съ живущими нынѣ: во-первыхъ, тотъ, что все органическое развитіе (*ganze organische Entwicklung*) включается въ эти формы; далѣе тотъ, что онѣ отличаются отъ послѣпотопныхъ только малыми разностями (*nur durch geringe Differenzen*), имѣютъ такой же характеръ, какъ типы животныхъ, еще и нынѣ встрѣчающихся въ сходныхъ странахъ, а немалое число ихъ и совершенно тождественны съ живущими нынѣ; и наконецъ они соотвѣтствуютъ климатическимъ отношеніямъ, которыя господствовали въ концѣ третичнаго періода въ первобытномъ мірѣ предъ потопомъ“ (1). А какъ скоро мы принимаемъ такое заключеніе, то необходимость требуетъ составить соотвѣтственный взглядъ и на самое наводненіе, которое служило столь важнымъ переходомъ отъ первобытнаго міра къ нашему. Оно было, какъ показываютъ несомнѣнные факты природы, разрушительно для царства растений и животныхъ, но не было всераз-

fossil mammalia, London 1844—1846 an., изъ 53 родовъ млекопитающихъ животныхъ, найденныхъ окаменѣлыми въ дилювіальныхъ паносахъ Великобританіи, признаетъ тождественными съ нынѣшними 26—27 родовъ, т. е. $\frac{1}{2}$ всего числа. Палеонтологъ Н. *Meuser* въ 1852 году изчислилъ 782 рода ископаемыхъ животныхъ млекопитающихъ, изъ которыхъ $\frac{4}{7}$ онъ признаетъ вымершими, а $\frac{1}{7}$ часть, именно 111 родовъ, еще живущими и нынѣ. См. *Keerl*-я въ указ. соч. pag. 604.

(1) *Keerl*, въ указ. сочин. pag. 629 и 630.

рушительно для нихъ; если же подъ именемъ геологическаго переворота обыкновенно разумѣтся такой, отъ котораго не оставалось въ живыхъ ни одного изъ прежнихъ существъ, и послѣ котораго появились новыя твари какимъ бы то ни было образомъ, то очевидно, что всеобщее на землѣ наводненіе не было геологическимъ переворотомъ, и слѣдовательно, какъ истребленіе многихъ органическихъ существъ въ дилювіальное время нашей планеты, такъ и продолженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ послѣ этого времени произошло не въ той мѣрѣ и не отъ тѣхъ причинъ, какъ воображаютъ несогласныя съ св. Писаніемъ геологи.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія о дилювіальномъ переворотѣ, при сравненіи органическихъ остатковъ тогдашняго времени съ нынѣшними, геологи указываютъ еще на то обстоятельство, что между животными и растениями, существующими нынѣ, есть много родовъ и видовъ, непохожихъ на всѣ роды и виды ископаемыхъ организмовъ. Если, — говорятъ они, — исчезнувшіе роды доказываютъ дѣйствительность разрушительнаго переворота, то нынѣшнимъ существованіемъ породъ новыхъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ, доказывается новое произведеніе земныхъ тварей въ извѣстное время ('). Для разъясненія такой загадки природы прежде всего замѣтимъ, что указаніе геологовъ, выведенное изъ нѣкоторыхъ породъ животныхъ и растений, въ общей сложности всѣхъ геологическихъ данныхъ, отнюдь не рѣшаетъ разбираемаго вопроса. Если несомнѣнно, что между всѣми существующими въ природѣ тварями есть породы сход-

(') Buckland, Agassiz, Wagner (во второмъ изданіи своего сочиненія), Kutz и другіе.

ныя и даже тождественныя въ допотопномъ и послѣпотопномъ мірѣ, то здѣсь остается неразрѣшеннымъ: какимъ образомъ однѣ изъ тварей пережили предполагаемый геологическій переворотъ, другія не пережили его, а третьи появились вновь послѣ него; и что это было за переворотъ, имѣвшій столь неопредѣленное вліяніе на жизнь земныхъ существъ? Притомъ, разсѣкая запутанный узелъ довольно неудачно, мнѣніе геологовъ принимаетъ въ основаніе такую мысль, которая, при обильнѣйшемъ обогащеніи науки фактами, оказывается болѣе и болѣе сомнительною, именно мысль о томъ, будто нѣкоторыя породы нынѣшнихъ тварей совершенно не похожи на всѣхъ ископаемыхъ, составляютъ нѣчто новое въ органическомъ мірѣ, и никакъ не могутъ быть производимы отъ древнихъ допотопныхъ породъ. Напротивъ, новѣйшія наблюденія и соображенія основательно ведутъ къ той мысли, что всѣ животныя и растенія настоящаго времени кореннымъ образомъ происходятъ отъ тѣхъ родовъ и видовъ, которыхъ существованіе молотъ геолога открываетъ въ осадочныхъ почвахъ и которыя перестали жить въ давно минувшее время (1). Оставляя въ сторонѣ всѣ древнѣйшія времена и подходя ближе къ нашему предмету, мы на основаніи новѣйшихъ же изслѣдованій должны принять за достовѣрное, что въ окаменѣлыхъ остаткахъ животныхъ, которыя относятся ко времени, непосредственно предшествующему потопной катастрофѣ и изъ которыхъ

(1) Англичанинъ *Дарвинъ* (*Darwin*) обстоятельно развилъ цѣлую теорію, въ основаніи которой лежитъ эта мысль. См. *On the Origin of Species*, by Ch. Darwin. London. 1859. На русскомъ языкѣ теорія его изложена въ «Библіотекѣ для Чтенія», за ноябрь и декабрь 1861 года, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Дарвинъ и его теорія образованія видовъ».

съ особенною обстоятельностью изслѣдованы млекопитающія и раковины, уже встрѣчаются всѣ роды, существовавшіе и существующіе послѣ потопа, такъ что въ этомъ отношеніи оба періода—до наводненія и послѣ наводненія—представляютъ какъбы одинъ непрерывный періодъ времени. Въ доказательство приведемъ слова знаменитѣйшаго геолога *Бронна*, который съ своей точки зрѣнія, но со всею правдивостію въ изложеніи фактовъ, говоритъ слѣдующее о ближайшемъ къ всемірному потопу времени: „еще прежде этого времени образовательная сила (*Schöpfungskraft*) совершенно заключила свою дѣятельность въ отношеніи къ физическимъ организмамъ; переходъ изъ третичнаго въ настоящее время такъ постепененъ, что, если не обращать вниманія на появленіе человѣка и послѣдовавшее ослабленіе образовательной силы, то можно принимать оба эти періода за одинъ періодъ, — настоящій за непосредственное продолженіе третичнаго періода; ибо только здѣсь, и ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ времени, пласты, непосредственно предшествующіе ихъ предѣлу (т. е. наводненію), представляютъ столь великое множество родовъ общихъ съ послѣдующимъ временемъ, что отношеніе этихъ родовъ восходитъ отъ 0,02 до 0,20, — 0,50, — 0,80, — 0,90, — 0,95 и т. д. (1). Правда, между животными и растениями, существующими нынѣ, находятъ нѣкоторыя специфическія отличія отъ допотопной фауны и флоры даже въ породахъ, существенно одинаковыхъ, и насчитываютъ много видовъ тварей, относящихся собственно къ послѣпо-

(1) *Bronn, Geschicht. der Nat. B. 3. Abth. 2. pag. 912.* Справ. *Wagner-a Geschicht der Urwelt, 1 Aufl. pag. 237 и 238. Keerl-я указ. сочин. стр. 626 и 627.*

топному времени; но, не говоря о томъ, что изслѣдованія геологіи еще далеко не закончены, и слѣдовательно каждый день можно ожидать открытія такихъ организмовъ, съ которыми всѣ настоящіе будутъ сходны, мы въ настоящемъ случаѣ считаемъ себя вправѣ спросить: опредѣлено ли кѣмъ-нибудь изъ естествоиспытателей вполне и окончательно отношеніе нынѣшней флоры и фауны къ допотопной и предпотопной? Изъ всѣхъ такого рода изслѣдованій достовѣрнымъ признано только то, что допотопная флора и фауна отличается отъ нынѣшней большимъ объемомъ и развитіемъ своихъ формъ и меньшею зависимостію отъ какой-нибудь мѣстности или отъ какого-нибудь климата земнаго шара. Но на основаніи этихъ разностей можно ли называть породы животныхъ и растений, существующихъ нынѣ, тварями новыми и совершенно не похожими на прежнихъ? Изъ естественной исторіи извѣстно, что одна и таже порода животныхъ, напр., быковъ, овецъ, собакъ, лошадей, кошекъ и пр., въ Европѣ имѣетъ одинъ цвѣтъ, одинъ ростъ и одинъ видъ нѣкоторыхъ членовъ, а въ Америкѣ получаетъ другой цвѣтъ, другой ростъ и другой видъ; въ Австраліи же получаетъ третій цвѣтъ, ростъ и видъ. Часто неопытный зритель не можетъ примѣтить сходства между субъектами одной и той же породы, обитающими въ разныхъ странахъ; но опытный естествоиспытатель, на основаніи существенныхъ признаковъ, не ошибется отнести ихъ къ одному и тому же роду животныхъ. Подобныя разности, только въ большей степени и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, замѣчаютъ и между органическими остатками допотопными и послѣпотопными. И какъ въ настоящее время замѣчаемыя разности одной и той же породы животныхъ

или растеній очевиднымъ образомъ объясняются различіемъ ихъ мѣстопребыванія, климата, почвы и проч., а не вліяніемъ какого-нибудь геологическаго переворота; такъ и разности между допотопными и послѣпотопными флорою и фауною справедливость требуетъ объяснить не какимъ-нибудь геологическимъ переворотомъ, а разительнымъ въ извѣстное время измѣненіемъ условій ихъ жизни, атмосферы, климата, пищи, .питья и другихъ потребностей живыхъ существъ. Ученый *Керль*, раскрывая такія же мысли, говоритъ: „послѣ всего этого мы не можемъ слишкомъ много удивляться разностямъ — впрочемъ иногда только весьма незначительнымъ (*nur sehr unbedeutenden*), — формъ состоящаго міра животныхъ и растеній отъ міра первобытнаго, но болѣе намъ слѣдовало бы удивляться, какимъ образомъ породы ихъ еще сохранились совершенно такими же при той великой перемѣнѣ, которую климатъ и вся поверхность земли испытали въ началѣ новаго періода міра“ (1). Подобнымъ образомъ говоритъ и извѣстный палеонтологъ *Броннъ*, склоняясь между прочимъ поставить и ископаемаго *Elephantum primigenitum*, котораго обыкновенно считаютъ въ числѣ вымершихъ допотопныхъ породъ, въ близкое сродство съ нынѣ живущимъ слономъ, на томъ основаніи, что различіе въ толстотѣ кожи или размѣрѣ зубовъ и въ другихъ частяхъ тѣла у скелета азіатскаго и ископаемыхъ слоновъ незначительно (2). А. *Гумбольтъ* о гигантскихъ формахъ организмовъ допотопнаго міра замѣчаетъ: „при помощи возвышеннѣйшей температуры образователь-

(1) *Keerl*, въ указ. сочин. на стран. 613.

(2) *Bronn-s*, Untersuchungen über die Entwicklungs-Gesetze der organischen Welt, pag. 223. Его же *Lethäa geogn. Lief. 11. pag. 815.*

ныя силы природы обнаруживали тогда свою энергію; величина и развитіе органовъ зависѣли отъ благопріятствующихъ климатическихъ условій. Такъ малая, но гибкая форма нашихъ ящерицъ расширяется на югѣ въ колоссальный и крѣпкій, какъ панцырь, остовъ страшныхъ крокодиловъ⁽¹⁾. Также и *Шубертъ* считаетъ великую перемѣну, которую при великой катастрофѣ испытала поверхность нашей земли и еще больше ея атмосфера, достаточною для того, чтобы объяснить разности видовъ и формъ, какія замѣчаются у животныхъ и растеній настоящихъ сравнительно съ жившими незадолго до великаго наводненія на земномъ шарѣ⁽²⁾.

И такъ разности животныхъ и растительныхъ организмовъ, существовавшихъ предъ потопомъ и существующихъ послѣ потопа, сводятся къ одному началу—къ разности климатическихъ условій ихъ жизни прежде и послѣ всемірнаго наводненія. Но эта самая перемѣна климатическихъ условій не есть ли, наконецъ, признакъ геологическаго переворота, бывшаго на землѣ въ то время? Дѣйствительно, геологи, придерживающіеся мысли о геологическомъ переворотѣ на землѣ во времена описываемаго въ Библии всемірнаго потопа, составили цѣлыя теоріи для объясненія, отчего именно это событіе соединено было съ разительною перемѣною физическихъ условій жизни, имѣвшею столь огромное вліяніе на органическій міръ животныхъ и растеній. Но всѣ подобныя теоріи оказываются крайне недостаточными и во многихъ отношеніяхъ неосновательными. Такъ, *одни* изъ естествоиспытателей объясняли

(1) *Humboldt-s*, Über die Entbindung des Wärmestoffs, и Über die Physiognomik der Gewächse, у *Keerl-а* въ указ. соч. стр. 613.

(2) *Schubert-s*, Weltgebäude et c. pag. 681.

значительное измѣненіе климатическихъ условій на земномъ шарѣ во время всеобщаго наводненія перемѣною въ направленіи земной оси, вслѣдствіе которой прежніе полюсы земли стали на линіи нынѣшняго экватора, а прежняя линія экватора стала проходить черезъ нынѣшніе полюсы (1). Но противъ такого предположенія можно особенно указать на два обстоятельства, которыя совершенно опровергаютъ его. Во первыхъ, если бы такое предположеніе было справедливо, то въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились прежніе полюсы, т. е. на нынѣшнемъ экваторѣ, должны были бы находиться слѣды полюсной стужи и не должны были бы въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаться остатки тропической флоры и фауны; между тѣмъ допотопные остатки такихъ животныхъ и растений встрѣчаются какъ въ Гренландіи, такъ и на островѣ Мадагаскарѣ, какъ въ лѣсахъ холодной сѣверной Америки, такъ и въ жаркихъ странахъ Парагвая, какъ въ сѣверной Сибири, такъ и въ южныхъ областяхъ Китая (2). Во вторыхъ, противъ этого предположенія свидѣтельствуетъ сжатость земнаго шара при настоящихъ полюсахъ, которая могла образоваться отъ обращенія его вокругъ своей оси только въ такое время мірозданія, когда самая земля находилась еще въ довольно жидкообразномъ состояніи, и которая, однажды образовавшись, не могла потомъ перемѣститься на другія точки отвердѣвшей планеты (3). *Другіе* естествоиспытатели думаютъ, что

(1) Напр., Fred. Klee въ сочиненіи: *Le déluge, considerations géologiques et historiques sur les derniers cataclysmes du globe*, Copeng. 1846.

(2) *Вопн* въ *Geschichte der Natur*. В. 3 Abth, 2 pag. 868.

(3) Сжатость земли при каждомъ полюсѣ—почти на 20 верстѣ, а при обоихъ вмѣстѣ почти на 40 верстѣ, именно на 39 верстѣ 472 саже-

при тогдашнемъ геологическомъ переворотѣ произошла перемѣна въ наклоненіи земнаго шара по отношенію къ солнцу, т. е. эклиптики къ экватору. Въ настоящее время эклиптика пересѣкаетъ экваторъ подъ острымъ угломъ въ 23° и $29'$; а прежде, — говорятъ эти естествоиспытатели, — эклиптика совпадала съ экваторомъ и оттого происходило совершенно другое распредѣленіе климатическихъ условій на земной поверхности (*). Но настоящее положеніе земли при обращеніи ея вокругъ солнца столь твердо по отношенію къ ея центральному свѣтилу и къ другимъ планетамъ нашей солнечной системы, что предполагаемое столь важное измѣненіе ея положенія оказывается совершенно неправдоподобнымъ по законамъ астрономическимъ. При томъ подобное измѣненіе взаимнаго отношенія двухъ линій—эклиптики и экватора, отнюдь недостаточно было бы для произведенія такой перемѣны въ климатическихъ условіяхъ на всемъ земномъ шарѣ, какое замѣчено со времени всемірнаго наводненія. „Совершенно или почти прямое положеніе земной оси въ отношеніи къ эклиптикѣ,—говоритъ одинъ ученый,—способствуя непрерывному дѣйствию косвенныхъ лучей солнца на полярныя страны, имѣло бы благоприятное вліяніе на ихъ климатъ; средніе градусы широты имѣли бы ночи въ двѣнадцать часовъ, смѣняющіяся днями также въ двѣнадцать часовъ, находясь постоянно въ такомъ же положеніи къ солнцу, въ какомъ они находятся нынѣ во время весенняго и осенняго равноденствія; при чемъ

имъ. Перемѣщеніе такихъ впадинъ съ одного мѣста на другое весьма невѣроятно.

(*) Н. Link въ сочиненіи: Die Urwelt und das Alterthum, erläutert durch die Naturkunde. В. 2. pag 8. Berlin. 1834.

средняя температура ихъ была бы только 6 градусо-
въ“ (1). Такая температура, если бы она когда-нибудь
и была возможна, никакъ не объяснила бы существо-
ванія тропическихъ животныхъ и растеній при полю-
сахъ. Третьи естествоиспытатели, приписывая вообще
всѣ геологическіе перевороты постепенному охлажденію
земнаго шара въ теченіе многихъ тысячелѣтій, припи-
сываютъ постепенному его охлажденію и то, что мало
по малу образовалась разнообразная температура на
нашей планетѣ отъ полюсовъ къ экватору, перестала
существовать одинаковая флора и фауна на всей зем-
ной поверхности и сдѣлалась зависимою отъ измѣнив-
шихся климатическихъ условій. Но такое предположе-
ніе опровергается фактами того же самаго міра иско-
паемыхъ животныхъ и растеній, для объясненія кото-
раго оно составлено. Охлажденіе атмосферы, проис-
шедшее во время дилювіального времени, какъ доказы-
ваютъ многочисленные случаи въ геологіи, было не по-
степенное, совершалось не *мало по малу* въ теченіе
цѣлыхъ тысячелѣтій, но совершилось весьма быстро и
какъ бы внезапно. До наступленія всеобщей катаст-
рофы въ указанное время средняя температура, господ-
ствовавшая въ полярныхъ странахъ, полагается въ 12—

(1) *Mädler* въ *Populär. Astronom.* pag. 26. На стран. 370, онъ гово-
ритъ еще: «по вычисленію *Бесселя* (*Bessel*) для того, чтобы измѣнить
положеніе земной оси на одну секунду = 1'', нужно было бы перестави-
тъ въ соответственномъ направленіи на четверть окружности зем-
наго шара массу въ 114 кубическихъ милей, напр. весь Гималайскій
хребтъ на сѣверъ Америки. Следовательно, настоящіе полюсы были
ими постоянно и останутся ими навсегда; никогда не могло и никогда
не можетъ положеніе полюсовъ находиться тамъ, гдѣ нынѣ экваторъ.
Никогда не могла и никогда не можетъ земная ось уклониться влѣво
на своемъ пути, т. е. линія экватора получить одинаковое направленіе
съ линіею эклиптики».

15 градусо́въ теплоты; а послѣ этой катастрофы она измѣнилась такъ, что самый грунтъ земли промерзъ на нѣсколько аршинъ въ глубину и не согрѣвается даже отъ лѣтнихъ лучей солнца, и притомъ измѣнилась быстро. Доказательствомъ тому служить между прочимъ фауна и флора, находимая въ дилювіальныхъ наносахъ нашей Сибири. Обильная растительность развивалась и гигантскіе мамонты жили прежде въ такихъ мѣстахъ сѣверной Сибири, въ которыхъ теперь они никакъ не могли бы существовать по условіямъ климата; потомъ, эти допотопныя животныя, бывъ застигнуты необычайною катастрофою, отчего могли остаться почти невредимыми въ теченіи тысячелѣтій, если не отъ пониженія температуры до точки замерзанія, совершившагося столь быстро, что они не успѣли разложиться на части и истлѣть (¹)? Столь внезапное и разительное пониженіе температуры никакъ не можетъ быть объяснено изъ геологическихъ причинъ разсматриваемаго нами предположенія, тѣмъ болѣе, что во время, послѣдующее за катастрофою, съ самаго покрытія полюсовъ льдомъ и высокихъ горъ снѣгомъ, температура земнаго шара и ея атмосферы нисколько не понизилась въ теченіи 4,000 лѣтъ, по несомнѣнному вычисленію *Лапласа* (Laplace). „Черезъ это, — замѣчаетъ одинъ ученѣйшій естествоиспытатель, — не только совершенно ниспровергается предположеніе о медленномъ

(¹) Нахожденіе въ сѣверной Сибири допотопныхъ растений и животныхъ объясняется нѣкоторыми иначе, именно занесеніемъ ихъ изъ странъ южныхъ. См. *Путешествіе на Сибирь и Востокъ Сибири А. Миддендорфа*, част. 1 отд. 21. *Орографія и Геогнозія*. С.П.Б. 1861. стр. 237—240, 270—273. Но высказанное нами соображеніе, не опровергнутое здѣсь, поддерживается лучшими авторитетами — *Овенломъ*, *Ричардсономъ*, *Бронномъ*, *Керлемъ* и другими.

охлажденіи нашей планеты, но и все учение о первоначально—газообразномъ ея состояніи и постепенномъ отвердѣніи теряетъ всякую точку опоры“ (1).

Если же ни одна изъ представляемыхъ геологами причинъ быстрой перемены климатическихъ условій на земномъ шарѣ послѣ всеобщаго наводненія, не можетъ быть признана достаточною для объясненія этого факта, который самъ по себѣ не подлежитъ сомнѣнію, то въ настоящемъ случаѣ, по здравому разсужденію, не остается ничего болѣе, какъ приписать случившуюся перемену этому самому наводненію. Извѣстно, что во времена допотопныя атмосфера, окружающая нашу землю, была отлична отъ настоящаго своего состоянія,—была болѣе насыщена кислородомъ, болѣе влажна и болѣе тепла. Отъ какихъ бы причинъ ни происходило такое состояніе воздуха въ мірѣ первобытномъ, но очевидно, что оно весьма много способствовало процвѣтанію жизни животной и растительной. Обиліе кислорода, главнаго.

(1) *Wagner, Geschichte der Urwelt, 2 Aufl. B. 1, pag. 93.* Приведемъ здѣсь еще мнѣніе *А. Гумбольдта*, выраженное въ сочиненіи: *Über die Endbindung des Wärmestoffs*. По мнѣнію его, «возвышенное состояніе температуры первобытнаго міра имѣло свое основаніе и свое происхожденіе въ кристаллизациі горъ или въ химико-электрическомъ процессѣ, произведемъ эти кристаллическія массы». Конечно, при кристаллизациі горныхъ породъ могло отдѣлиться огромное количество теплоты и произвести возвышеннѣйшую температуру во время и тотчасъ послѣ этого процесса; но спрашивается: какъ могла продолжаться такая температура по окончаніи этого процесса, о чемъ свидѣлствуютъ ископаемые остатки флоры и фауны послѣ міроздавія до потопа, и что было причиною быстрого пониженія температуры послѣ потопа? Слѣдовательно здѣсь задача не рѣшается. Еще не вѣроятнѣе мнѣніе физика *Пуассона* (*Poisson, Theorie mathém. de la chaleur, pag. 421*), будто температура земли, происходя отъ свѣта солнца и звѣздъ и атмосферной теплоты, измѣнилась оттого, что земля перешла въ другія, болѣе холодныя области пространства во вселенной, а прежде находилась въ болѣе теплыхъ.

элемента въ воздухѣ, поддерживающаго жизнь всѣхъ растений и животныхъ посредствомъ всасыванія его и выдыханія, способствовало къ обильнѣйшему размноженію видовъ тварей и къ гигантскому развитію формъ ихъ, какъ и видимъ мы въ ископаемыхъ допотопныхъ остаткахъ флоры и фауны. Большая влажность атмосферы, уменьшая ея плотность и давленіе на земную поверхность и увеличивая объемъ ея въ вышину, также благопріятствовала обильнѣйшей растительности и счастливѣйшему развитію живыхъ существъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышала теплѣе воздуха. Высшая степень теплоты на всемъ земномъ шарѣ, производя болѣе постоянное равновѣсіе въ воздушныхъ слояхъ, не допускала тѣхъ быстрыхъ теченій холоднаго воздуха на мѣсто теплаго и теплаго на мѣсто холоднаго, которыя нерѣдко вредятъ растеніямъ и животнымъ; а такъ какъ переменчивыхъ теченій воздуха тогда не могло быть въ такой мѣрѣ, въ какой они происходятъ въ настоящее время, то и температура каждой мѣстности и всей вообще земной поверхности не испытывала такой разительной переменны съ 30 градусовъ мороза на 30 градусовъ жара, какую часто она испытываетъ въ наши времена; слѣдовательно, и времена года, — весна, лѣто, зима и осень, — въ допотопномъ мірѣ если имѣли свои характеристическія особенности, то не могли отличаться одно отъ другаго такъ рѣзко, какъ отличаются они въ полярныхъ и умѣренныхъ поясахъ настоящаго времени и производятъ болѣе невыгодное, нежели выгодное дѣйствіе на растенія и животныхъ. Не мало и другихъ подобныхъ соображеній можно сдѣлать и на основаніи геологическихъ данныхъ сдѣлано естествоиспытателями о климатическихъ условіяхъ древ-

няго допотопнаго міра ⁽¹⁾; но все это быстро и разительно измѣнилось послѣ всеобщаго наводненія, котораго несомнѣнные слѣды неизгладимо остались на всемъ пространствѣ нашей планеты, — и измѣнилось не отъ чего иного, какъ отъ самаго этого наводненія. Необыкновенное количество воды, нахлынувшее на землю изъ водоёмовъ подземныхъ и надъоблачныхъ, легко могло измѣнить составъ воздуха и уменьшить живительный элементъ его — кислородъ — въ значительной степени. Одновременный напоръ необъятныхъ массъ воды съ противоположныхъ сторонъ атмосферы, снизу и сверху, необходимо долженъ былъ неестественнымъ образомъ сгустить воздухъ и лишить его прежней легкости, умѣренной влажности и благотворной теплоты, которыя и по окончаніи потопа, и по возвращеніи водъ въ свои вмѣстилища, могли не возстановиться, или, быть можетъ, уже не могли возстановиться въ прежней силѣ и прежней степени. Кромѣ того неестественное смѣшеніе водъ морскихъ-соленыхъ — съ рѣчными-прѣсными, множество разложеній и испареній новыхъ, не заражавшихъ воздуха прежде, не нормальное возбужденіе физическихъ дѣятелей на земномъ шарѣ. электричества.

(1) Доказательствъ такого состоянія допотопной атмосферы много: напр. а) то обстоятельство, что ископаемые остатки тропическихъ растений и животныхъ находятся во всѣхъ поясахъ земнаго шара, какъ умѣренныхъ, такъ и полярныхъ; б) на высокихъ горахъ, напр. на Альпахъ, на высотѣ 4,000 футовъ надъ поверхностію моря, гдѣ теперь уже лежатъ постоянныя снѣга, находятъ деревья и кустарники, которые прежде тамъ росли и достигали зрѣлости; в) въ стволахъ многихъ ископаемыхъ растений не замѣчается тѣхъ годовыхъ слоевъ, которые доказывали бы остановку ихъ растительности во время зимы и новое пробужденіе къ жизни весною, и пр. тому подобное. Срав. *Шуберта* сочиненіе: *Ansichten von der Nachtseite der Naturwissenschaft*, 1827. 3. Auflag. pag. 10 et caet.

магнетизма и пр., и множество других обстоятельств, точно неизвѣстныхъ, но вѣроятно сопровождавшихъ великое всемірное событіе, необходимо должны были имѣть громадное вліяніе сначала на климатическія условія послѣ-потопнаго міра, а потомъ немедленно на жизнь и тѣхъ тварей, которыя не были вдругъ истреблены потопомъ, какъ то: растеній, морскихъ и рѣчныхъ животныхъ,—и тѣхъ тварей изъ числа истребленныхъ потопомъ породъ, которыя, какъ доказываютъ факты самой естественной исторіи, сохранились какимъ-то образомъ до нашего времени. „Температура первобытнаго міра,—справедливо говорить ученый *Герль* послѣ изслѣдованій о климатическихъ условіяхъ этого міра,—была на всей землѣ выше, нежели теперь; атмосфера обладала несравненно ббльшею теплоемкостію (*Wärmesapazität*), и именно по этому тогда не могло происходить никакого разительнаго и сильнаго измѣненія температуры, пока продолжалось такое нормальное состояніе... Пониженіе температуры произошло отъ потопа (*durch die Sündfluth*). Когда вода изъ глубины и съ высоты нахлынула на землю, тогда свойство атмосферы должно было внезапно измѣниться. Источникъ теплоты земной,—солнце, которое дотолѣ изливало на землю свѣтлые и теплые лучи свои съ невозмутимую ясностію, внезапно скрылось за густымъ, чернымъ покрываломъ необыкновенныхъ массъ облаковъ и дождя, которыя покрывали небо въ теченіи цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Это событіе должно было произвести необычайное и неизчислимое вліяніе на условія земной теплоты и въ значительной степени охладить воздухъ на всей земной поверхности. Совершенно особеннымъ образомъ это обнаружилось при полюсахъ, гдѣ темпе-

ратура спустилась ниже нуля; потому что всё условія теплоты, которыя до сего мгновенія дѣйствовали тамъ въ столь значительной степени, внезапно прекратились. Такъ какъ измѣненіе температуры наступило столь же внезапно, какъ самый потопъ, то полюсы должны были тогда столь же скоро покрыться льдомъ“ (1).

Такимъ образомъ добросовѣстѣйшія изслѣдованія естествоиспытателей, касающіяся предпотопной флоры и фауны, приводятъ къ слѣдующему заключенію: во время, соотвѣтствующее бывшему на землѣ всеобщему наводненію, большая часть животныхъ и растений вымерла и истреблена такъ, какъ не случалось никогда ни прежде, ни послѣ; однако нѣкоторая часть ихъ осталась на землѣ и продолжаетъ свое существованіе до настоящаго времени; изъ оставшихся породъ флоры и фауны хотя есть отличныя отъ породъ допотопныхъ, но разность между тѣми и другими не такого рода.

(1) *Keerl*, въ указ. соч. стр. 654 и 655. Для нагляднѣйшаго удостовѣренія въ этомъ онъ приводитъ слѣдующій фактъ: по словамъ *Bugue* (Bouguer) температура на о. Квиту была постоянно и почти неизмѣнно между 10° — 18° по Реом. Но послѣ сильнаго землетрясенія 1797 года она измѣнилась такъ, что *А. Гумбольдтъ* нашелъ ее только между 4° — 10° . Если же одно землетрясеніе могло измѣнить теплоту тамошняго воздуха въ такой степени, то несравненно болѣе потопъ, эта страшная катастрофа, долженъ былъ произвести охлажденіе температуры на землѣ, и особенно при полюсахъ.—Также датскій геологъ *Клэ* (*Клэ*), въ своемъ специальномъ сочиненіи о потопѣ, произвольно приписывалъ его нарушенію первоначальнаго направленія земной оси и пространно описывая перемѣны, которыя должны были произойти отъ того, говорить: un déplacement de l'ax du globe, a été signalé par un changement de climat, par des soulèvements, des affaisements et des phénomènes volcaniques très violents, ainsi que par une inondation générale, le déluge, et caetera; и потому на основаніи многихъ геологическихъ соображеній доказываетъ, что это совершилось не болѣе, какъ въ одинъ годъ и отъ одной катастрофы—par une année et d'une seule catastrophe (*Le déluge* etc. pag. 136 и 331).

чтобы она не могла быть объяснена значительнымъ измѣненіемъ климатическихъ условій, происшедшимъ въ то же время; и наконецъ какъ истребленіе прежнихъ существъ земныхъ, такъ и перемена окружающей ихъ среды, не могутъ быть съ достовѣрностію объяснены никакою другою причиною, кромѣ того же самаго наводненія, какъ единственнаго и безпримѣрнаго въ естественной исторіи земли событія, положившаго великую грань между первобытнымъ и новымъ міромъ. Сближая такіе выводы съ буквальнымъ ученіемъ Слова Божія о Ноевомъ потопѣ, мы не можемъ не признать указываемаго природою единственнаго и безпримѣрнаго событія именно въ этомъ потопѣ, — тѣмъ болѣе, что указанія св. Писанія на нѣкоторыя обстоятельства, непосредственно предшествовавшія потопу и непосредственно послѣдовавшія за нимъ, представляютъ рѣшительное сходство съ выводами естествознанія, проливая съ своей стороны новый свѣтъ на загадки безмолвной природы. Такъ, при изображеніи всемірнаго потопа, св. Бытописатель положительно и ясно увѣряетъ насъ, что потопъ, по назначенію Божію, имѣлъ прямою цѣлю погубити *всяку плоть, въ нейже есть духъ жизни подъ небесемъ, и елика суть на земли* (Быт. 6, 17), и что дѣйствительно во время него и отъ него *умре всякая плоть движущаяся по земли, птице и скотоу и змрей, и всякій гадоу движущійся на земли, и всякій человекъ: и ася, елика имуть дыханіе жизни, и все, еже бѣ на суши, умре: и потребися всякое востаніе еже баше на лицѣ всея земли, отъ человека даже до скота и гадоу и птицъ небесныхъ, и потребишася отъ земли* (Быт. 7, 21—23). Что же удивительнаго, если въ то время вся земля покрылась трупами, которые потомъ сдѣлались опаменѣ-

лостями въ диллювіальныхъ наносахъ, образовавшихся тогда же? А принимая это за истину, мы никакъ не могли бы постигнуть и никакими научными изслѣдованіями дойти до того, почему нѣкоторыя земныя твари остались послѣ потопа и донынѣ продолжаютъ существовать, и притомъ съ такими родовыми и видовыми свойствами, которыя доказываютъ коренное сродство ихъ съ тварями допотопными, сотворенными во дни всеобщаго мірозданія, если бы слово Божіе къ сказанію своему не прибавило: *и оста Ное единъ и иже съ нимъ въ ковчегъ* (Быт. 7, 23), если бы оно же опять не объяснило, какъ по повелѣнію Божію праведный Ной съ дѣтьми своими, заблаговременно построивъ ковчегъ, собралъ въ него и сохранилъ въ немъ *отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ іадей, и отъ всѣхъ зѣрей, и отъ всѣхъ птицъ пернатыхъ и отъ всѣхъ іадовъ ползающихъ по земли, и отъ всякія плоти мужескій полъ и женскій, принятати съмя по всей земли* (Быт. 6, 19. 20. 7, 3. 8, 17). Слѣдовательно, сохраненіе земныхъ тварей во время всемірнаго наводненія было также дѣломъ милосердаго Бога, пощадившаго жизнь ихъ среди самаго грознаго наказанія! Впрочемъ, не смотря на особенную милость Божію къ тварямъ, сохранившимся среди великой катастрофы, и онѣ подверглись необходимымъ послѣдствіямъ всеобщей вары, которыя тотчасъ обнаружались неблагопріятною переменною окружающею ихъ атмосферы, климата, почвы и всѣхъ физическихъ условій земной жизни. Объ этомъ обстояествѣ Слово Божіе хотя не говоритъ прямо, но также сообщаетъ довольно ясныя и рѣшительныя указанія. При исчисленіи лѣтъ жизни древнихъ праотцевъ оно открываетъ намъ, что жизнь людей послѣ потопа вдругъ сократилась болѣе, нежели на 300

лѣтъ, и стала быстро сокращаться еще болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Послѣдній изъ допотопныхъ праотцевъ—Ной, переступившій грань первобытнаго и новаго міра, прожилъ всего 950 лѣтъ, подобно своимъ предкамъ; а сынъ его Симъ жилъ только 600 лѣтъ; прочіе же потомки жили еще менѣе и менѣе (Быт. 9. 29. 10. 10. 11). Причины такого явленія мы не знаемъ и не могло быть никакой другой, кромѣ разрушительнаго вліянія этого потопа на всѣ условія человѣческой жизни. Неблагопріятныя обстоятельства, открывшіяся вслѣдъ за потопомъ, были столь велики, что для поддержанія жизни людей сдѣлались даже недостаточными прежніе роды пищи, но необходима стала пища болѣе укрѣпляющая, которая самимъ Богомъ и указана была тогда въ первый разъ въ мясѣ животныхъ: *и всякое движущееся, еже есть живо, вамъ будетъ въ пищу: яко земліе травное дахъ вамъ все* (Быт. 9. 3). вмѣстѣ съ людьми, безъ всякаго сомнѣнія, испытали на себѣ разрушительную перемѣну окружающей среды и всѣ животныя, подлежащія тѣмъ же условіямъ жизни, и всѣ растенія, зависящія отъ этихъ условій еще болѣе (1). Вотъ един-

(1) Нѣкоторые толкователи (*Delitzsch in Genesis* II. 1. p. 269, *Deluc* и другіе) приводятъ слова Писанія, сказанныя Богомъ послѣ потопа: *во вся дни стлѣва и жатва, зима и зной, лѣто и весна, день и ночь не престанутъ* (Быт. 8, 22), въ показательство того, что по измѣненіи земной атмосферы всемірнымъ потопомъ въ первый разъ обозначились и времена года: весна, лѣто, осень и зима. Не простирая толкованія этихъ словъ такъ далеко, мы однако считаемъ весьма замѣчательнымъ, что именно по окончаніи потопа въ первый разъ упоминается въ св. Писаніи о различныхъ временахъ года, и вмѣстѣ съ ученымъ Керлемъ полагаемъ весьма естественнымъ и согласнымъ со всѣми данными, что такая перемѣна времени года, какая установилась со времени потопа, могла не быть въ первобытномъ мірѣ, и температура въ умѣренномъ поясѣ могла ивсегда не спускаться ниже точки замерзанія

ственный, объясняемый Словомъ Воинишъ, переворотъ на землѣ, который самъ въ себѣ не предполагаетъ никакихъ другихъ подобныхъ переворотовъ и котораго одного вполне достаточно для объясненія всѣхъ обстоятельствъ, усматриваемыхъ въ царствѣ растений и животныхъ во время бывшаго на землѣ всеобщаго наводненія!

Е. Левицкий.

(Продолженіе будетъ).

(Ein solcher Wechsel der Jahreszeiten, wie er seit der Sündfluth besteht, konnte in der Vorwelt nicht stattfinden, noch die Temperatur in der gemäßigten Zone jemals unter den Eispunkt herabsinken). См. Кессл-я указ. сочин. стр. 681.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ,
ОТЪ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ (1453 г.) ДО 1836 ГОДА,
ОТЪ ГЕОРГІЯ II (СХОЛАРИЯ) ДО ГРИГОРІЯ VI.

1637 г.

41) *Гавріиль II*, епископъ ганскій, безъ забранія и согласія архіереевъ, человекъ необразованный. Но архіереи чрезъ 12 дней низложили его и послали престоителемъ въ Прузу, по необходимости удовлетворив такимъ его назначеніемъ требованію грубыхъ его инокровителей. Впрочемъ несчастный Гавріиль чрезъ 2 года былъ повѣшенъ въ Прузѣ по клеветѣ одного еврея, будто онъ окрестилъ турка (а по другимъ іудея, сдѣлавшагося туркомъ.) Послѣ него на патриаршій престолъ возведенъ былъ

1637 г.

42) *Пареній IV*, митрополитъ Прузы. Во все время своего патриаршества онъ отличался добротой и благочестіемъ. Послѣ 3-хъ лѣтънаго съ 7 мѣсяцами краткаго управленія церковію, онъ отказался отъ патриаршества и снова былъ назначенъ престоителемъ Прузы по просьбѣ тамошнихъ христіанъ. Мѣсто его занялъ по соборному избранію

1660 г.

43) *Дионисій III*, митрополитъ ларисскій, родомъ съ острова Андроса. Онъ съ честью управлялъ церковію въ теченіе 5 лѣтъ и былъ извѣстенъ какъ человекъ строгій и дѣятельный. Потомъ вдругъ бѣжалъ, оставивъ престолъ. Тогда опять былъ вызванъ изъ Прузы

1665 г.

Парвеній IV, во второй разъ. Но чрезъ 3 года онъ правительствомъ сосланъ въ заточеніе на островъ Тенедось; вмѣсто него на престолъ возведенъ былъ

1668 г.

44) *Климентъ*, иконійскій митрополитъ. Но архіерей его не признавали, такъ какъ онъ былъ возведенъ на престолъ патриаршій насильно, противъ ихъ желанія, и престолъ константинопольскій оставался 3 мѣсяца и 20 дней безъ патриарха. Поэтому несчастный митрополитъ иконійскій снова былъ низложенъ правительствомъ, которое получило за это большія деньги, и вмѣсто него былъ возведенъ въ санъ патриарха

1669 г.

45) *Меводій III*, ираклійскій митрополитъ. Онъ чрезъ 2 года, отказавшись отъ патриаршества, бѣжалъ въ Венецію, и тамъ, по кончинѣ пастыря ея, Гавріила Физадельфійскаго, былъ сдѣланъ предстоятелемъ православной церкви. Преемникомъ его былъ

1671 г.

Парвеній IV, въ 3 разъ. Но чрезъ годъ онъ былъ сосланъ въ заточеніе на островъ Кипръ. И по единодушному избранію собора преемникомъ его назначенъ

1672 г.

46) *Діонисій IV*, также митрополитъ ларисскій, родомъ изъ Константинополя, по прозванію Музелімъ (*Μουσελίμης*), получившій это наименованіе отъ фамиліи, изъ которой происходилъ. При своемъ иностранномъ наименованіи (которое значитъ правитель), онъ имѣлъ душу и образованіе еллинское, благородный и православный образъ мыслей, зналъ особенно хорошо священное Писаніе, былъ жаркимъ ревнителемъ церковнаго благочинія, и училъ добродѣтели и словомъ и дѣломъ. Но зависть и невѣжество, находившія поддержку въ варварскомъ правительствѣ, не пощадили и такого человѣка! Черезъ годъ онъ былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе. Послѣ него начались болѣе частыя, нежели прежде, перемѣны патріарховъ. На престолъ, который не имѣлъ ни мірскаго блеска и власти, ни богатства, подобно папскому, но былъ обремененъ только множествомъ заботъ, большою бѣдностію и терпѣлъ страшныя угнетенія отъ турокъ, стали восходить люди по одному неразумному тщеславію! Отыскивались люди сколько недостойные, столько же и безразсудные, которые, производя волненіе въ церкви и лишая ее добрыхъ пастырей, бросались на эту достославную высоту единственно для общаго и собственнаго ихъ несчастія. Преемникомъ достойно уважаемаго Діонисія былъ

1673 г.

47) *Герасимъ II* Терновскій, человѣкъ незначительный. Послѣ того какъ Герасимъ былъ низложенъ, или самъ отказался отъ патріаршества чрезъ 2 года, преемникомъ его былъ

1673 г.

Парвеній IV, въ 4 разъ; когда чрезъ годъ онъ былъ низложенъ, преосвященные архіереи пригласили благочестиваго

1676 г.

Діонисій IV, во 2 разъ. Онъ патриаршествовалъ 3 года, и потомъ при содѣйствіи правительства его свергнулъ съ престола, и занялъ его, человекъ ничтожный

1679 г.

48) *Аванасій IV*, епископъ Редеста. Но митрополиты его не признали, такъ какъ онъ не былъ избранъ по общему приговору собора, какъ требовали церковныя правила, а взошелъ на престолъ самовластно. Турецкое правительство, взявши большія деньги, снова дозволило архіереямъ свободное избраніе. Тогда архіереи чрезъ 14 дней изгнали недостойнаго Аванасія и на его мѣсто избрали

1679 г.

49) *Іакова*, митрополита ларисскаго. Іаковъ чрезъ 3 года добровольно отказался и тогда снова вызванъ былъ знаменитый

1682 г.

Діонисій IV, въ 3 разъ. Но онъ пробылъ на кафедрѣ только 2 года и во время этого третьяго патриаршествованія; потомъ былъ низложенъ въ третій разъ, и послѣ него снова началъ патриаршествовать

1684 г.

Парвеній IV, въ 5-й и послѣдній разъ. Чрезъ годъ онъ отказался отъ патриаршества, и былъ назначенъ пред-

стоятелемъ митрополіи виддинской, а благочестивый Діонисій Музелімъ—предстоятелемъ митрополіи Халкидонской; на патриаршій же престолъ возведенъ былъ

1685 г.

Іаковъ ларисскій, во 2 разъ, и снова чрезъ годъ былъ низложенъ, а на мѣсто его вызванъ былъ изъ Халкидона

1686 г.

Діонисій IV, въ 4 разъ. Но хитрые друзья *Іакова* изгнали *Діонисія* чрезъ 2 мѣсяца. Онъ удалился въ Венгровлахію, а патриаршествовать снова сталъ

1686 г.

Іаковъ, въ 3 разъ, и оставался на кафедрѣ 4 года, послѣ чего, утомившись тернистымъ и многотруднымъ патриаршествованіемъ, отказался отъ нея (1). Преемникъ ему былъ уже готовъ

1690 г.

50) *Каллиникъ II*, митрополитъ Прузы. Несправедливо вытѣснивши изъ Адрианополя законнаго пастыря его *Неофита*, онъ поставилъ вмѣсто него *Климентъ*. Но *Неофитъ*, забывши, что за зло не слѣдуетъ воздавать зломъ, сталъ бороться съ *Каллиникомъ*, употреблять

(1) При немъ былъ низложенъ *Магометь IV* и умеръ братъ его (въ 1687 г.) *Солманъ II*. Два года спустя случилось (въ 1689 г.) въ Смирнѣ такое ужасное землетрясеніе, что прибрежная часть города была покрыта моремъ. Въ то же время скончался бывший въ Смирнѣ патриархъ іерусалимскій *Пансій*, погребенный подъ развалинами. Когда въ 1691 г. скончался *Мехметъ IV*; то преемникомъ его былъ братъ его *Ахметъ I*.

противъ него разными хитростями и наконецъ побѣдилъ его. Каллиникъ былъ низложенъ, а на патриаршій престолъ возшелъ самъ

1691 г.

51) *Неофитъ IV*, митрополитъ адрианопольскій. Но чрезъ 5 мѣсяцевъ, снова занялъ его мѣсто, употребивши съ этою цѣлю хитрость, соперникъ Неофита

1692 г.

Каллиникъ II, во 2-й разъ, и патриаршествовалъ 2 года. Когда въ 1693 году чрезъ Венгровлахію проходилъ визирь турецкій въ походъ противъ германцевъ; тогда господарь венгровлахійскій Константинъ Васаравасъ обратилъ его вниманіе на проживавшаго въ его владѣніи патриарха Діонисія Музелима, и успѣлъ убѣдить его, что онъ былъ несправедливо лишенъ каведры патриаршей. Вслѣдствіе сего, при содѣйствіи визира, вызванъ въ Константинополь

1693 г.

Діонисій IV, въ 5 и послѣдній разъ. Тотъ же самый визирь, по возвращеніи своемъ изъ похода, обманутый друзьями Каллиника, чрезъ 7 мѣсяцевъ выгналъ изъ патриарховъ благочестиваго и достойнаго уваженія Діонисія, который ошибся въ одномъ томъ, можетъ быть, что оставивши любезное уединеніе, протѣялъ его въ этотъ разъ на патриаршество, сдѣлавшееся уже игрушкою тиранновъ, и совершенно недостойно его мудрости и добродѣтели вступилъ въ соперничество съ Каллиникомъ! Діонисій снова бѣжалъ въ Венгровлахію, — и скончался въ Триестѣ. На престолъ снова возшелъ

1694 г.

Каллиникъ II, въ 3 разъ. Во время этого его патриаршествованія Меѳодій, прежде бывший епископъ ессалоникійскій, лишенный и епископи **Р** архіерейскаго сана за противозаконные поступки, и за дружбу съ западными, французскими патерами, подалъ великому визирю прошеніе, чтобы мѣстные епископы и митрополиты выбирались не патриархомъ и его синодомъ, а турецкимъ правительствомъ, которое можетъ продавать самимъ епископамъ епархіи, подобно тому, какъ продаетъ провинціи губернаторамъ, и получать за это съ епископовъ условную сумму въ пользу государственной казны. Предложеніе понравилось визирю и онъ думалъ было привести его въ дѣйствиіе. Патриархъ съ синодомъ, узнавши объ измѣнѣ, поднесли правительству большіе подарки и много денегъ, и такимъ образомъ остановили зло. Хотя этотъ взносъ былъ тяжелъ для церкви, по крайней мѣрѣ за патриархомъ и синодомъ новымъ указомъ подтверждено было издревле имъ принадлежавшее право избранія архіереевъ, а нечестивый Меѳодій былъ сосланъ въ заточеніе; Каллиникъ же оставался на престолѣ до конца своей жизни и былъ патриархомъ 8 лѣтъ ⁽¹⁾ (1694—1702).

„Постыдна и недостойна пастырей ихъ взаимная борьба изъ за пустой славы“. — справедливо восклицаетъ блаженный Мелетій аѳинскій.

Тоже повторяли и нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, вида, что въ продолженіе 77 лѣтъ (1622—1700) было почти 50 перемѣнъ патриаршихъ (именно 48), и что

(1) По смерти Ахмета II въ 1693 г., Султаномъ былъ сдѣланъ Мустафа II, сынъ Мехмета IV.

эти перемены происходили большею частью вследствие лихоимства правительства (1). Справедливое замѣчаніе, но не вѣрно его объясненіе! Всякій, слыша, что въ продолженіи 77 лѣтъ было 50 переменъ патриаршихъ, подумаетъ, что смѣнилось 50 различныхъ патриарховъ; тогда какъ въ самомъ дѣлѣ былъ только 21 патриархъ; изъ нихъ нѣкоторые были патриархами часто по 2, по 3, а нѣкоторые даже по 5 разъ. По исключеніи же изъ этого числа 4-хъ, немедленно низложенныхъ за то, что они были возведены въ патриархи безъ опредѣленія и согласія собора, и потому совершенно не патриарше-ствовавшихъ, которыхъ исторія перечисляетъ по однимъ только именамъ (2), останется только 17 патриарховъ, преемствовавшихъ другъ другу на самомъ дѣлѣ. Изъ нихъ должно исключить еще 8: 3 умершихъ (3) и 5, по своему желанію, отказавшихся отъ патриаршества (4), послѣ которыхъ необходимо должны были быть преемники. Затѣмъ всѣхъ, которые въ это время соперничали о патриаршей кафедрѣ, остается только 9. Если, наконецъ, изъ этого числа исключить тѣхъ, которые были избраны законнымъ образомъ, потомъ насильно сосланы въ заточеніе и снова были призываемы на патриаршій престолъ соборомъ (какъ, на примѣръ, Іоанникій въ 1-й и 2 разы, Іаковъ, Діонисій въ 4 разъ, и особенно знаменитый Дукарисъ, надъ которымъ повторилась та же исторія, какая случилась съ блаженнымъ Павломъ Исповѣдникомъ), то останется только 5 патриарховъ, въ собственномъ смыслѣ

(1) См. ст. 534, т. 8 исторіи человѣческихъ дѣяній ученаго Кума.

(2) 30, 41, 44 и 51.

(3) 35, 36 и 40.

(4) 198, 200 Патриархи. 31, 38, 43, 45 и 47.

искательныхъ и преступныхъ. Впрочемъ безразсудство и этихъ только лицъ устрашаетъ всякую православную душу! Какъ наплись архіереи, которые до такой степени были безумны, что отягощали и безъ того уже подавленную столькими несчастіями мать и питательницу церковь, и попирали божественные каноны, чтобы только восходить на патріаршій престолъ, и низходить съ него, престолъ высокій и достойный уваженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ многотрудный и многоскорбный, особенно въ эти времена, такъ что самый добродѣтельный и законный пастырь долженъ бы страшиться принять на себя управленіе имъ. Но изъ безразсудства ихъ вовсе не слѣдуетъ того, что прибавили потомъ упомянутые историки! „Кто перечтетъ эти 50 патріаршихъ перемѣнъ, искренно пожалѣетъ, до какой меркантильности дошелъ клиръ святой нашей церкви.“ Но если турецкое правительство, принявши отъ трапезунцевъ приношеніе, обратило его потомъ въ обязательную подать съ новопоставляемыхъ патріарховъ, то зачѣмъ называть ее подкупомъ? И чѣмъ виноваты платившіе противъ воли эту подать, установленную правительствомъ? Если же смѣнявшіе другъ друга, недостойные архіереи, ища патріаршества, увеличивали съ этою цѣлю сумму взноса, то зачѣмъ представлять весь остальной клиръ восточной церкви участникомъ въ ихъ дѣйствіяхъ? Если Кириллъ Контарисъ взошелъ на престолъ патріаршій, взнесши незаконную подать; чѣмъ виноваты прочіе 3 блаженнѣйшіе патріарха, и всѣ другіе истинные пастыри Церкви? Между многими недостойными не просіявали ли Лукарисы, Парвеніи Хіосскіе, благочестивые Музелимы? Смѣшивать эти повинныя лица съ виновными значитъ тоже, что челоуѣ-

ка праваго ставить на равнѣ съ беззаконнымъ; - тогда и Македоній и ариане и иконоборцы, бывшіе патриархами константинопольскими, ничѣмъ не будутъ отличаться отъ Нестаріевъ, Златоустовъ и другихъ древнихъ блаженныхъ патриарховъ. Но да не будетъ этого! Недостойнство нѣкоторыхъ пастырей иногда не шло на него ни апостольскаго, ни вселенскаго престола, ни иже восточной церкви; подобно тому, какъ злодѣянія Іуды или Ниподая антиохійскаго не освержили лица апостоловъ и апостольскихъ діаконовъ. Истинная причина тѣхъ перемѣнъ, о которой умолчали названные историки, ясна и очевидна! Люди тщеславныя, движимые собственными страстями, увлекаемые иновѣрными врагами восточной церкви, и (что всего хуже) поддерживаемые турецкимъ правительствомъ, а въ иной разъ и принуждаемые имъ, безразсудно устремлялись къ престолу, мазергая при этомъ другъ друга, и восходили на высоту святѣйшей каедры, съ которой спустя не много стремглавъ падали въ бездну погибели! Безславныя имена этихъ людей вносятся въ церковныя каталоги съ цѣлю вразумить и уцѣломудрить потомковъ! Опытъ и церковная исторія доказываютъ, что какъ скоро свѣтская власть вторгается въ область управленія церковнаго и поработачаетъ іерархію для своихъ цѣлей, въ такихъ обществахъ почти никогда не перестаютъ являться люди, которые, будучи облечены священнымъ саномъ, попираютъ божественныя каноны и святотатствуютъ, „повинуясь болѣе людямъ, чѣмъ Богу“. Но въ православной Церкви живетъ и блюдетъ ее вѣчный ея Женихъ, который всегда имѣетъ своихъ вѣрныхъ воиновъ и отдѣляетъ ихъ отъ отступниковъ! Но обратимся къ послѣдующему. По смерти Каллиника, преемникомъ его былъ

1702 г.

52) *Гавриил III*, митрополитъ халкидонскій, родомъ изъ Смирны, человекъ разумный, богобоязненный и весьма кроткій (1). Пять лѣтъ, а по другимъ четыре года онъ благочестиво и богоугодно патриаршествовалъ, и потомъ, впавши въ тяжкую болѣзнь, почилъ о Господѣ. Преемникомъ его былъ избранъ

1707 г.

53) *Несомитъ V*, митрополитъ вранлийскій, до своего посвященія пользовавшійся извѣстностію, какъ человекъ ученый; но возведеніе его на патриаршій престолъ было только номинальное. Недоброжелательные люди оклеветали его предъ турецкимъ правительствомъ въ измѣнѣ и предательствѣ. Вслѣдствіе сего не только не было утверждено правительствомъ его избраніе; но блаженный *Несомитъ* былъ сосланъ на галеры. На мѣсто его возведенъ

1707 г.

54) *Кириакъ*, митрополитъ кесарійскій, человекъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ враговъ его, неученый, неводержанный и сребролюбивый, но по болѣе справедливому мнѣнію большинства, по образу жизни умѣренный, строгій, и большой ревнитель древней простоты. Онъ увѣщивалъ не употреблять дорогихъ одеждъ и серебряныхъ сосудовъ, и побуждалъ клириковъ къ соотвѣтственной съ ихъ саномъ умѣренности и степенности.

(1) При немъ (въ 1703) по низверженіи Мустафы, на престолъ возшелъ братъ его Ахметъ III.

Посему представляясь человѣкомъ тяжелымъ, онъ былъ ненавидимъ, и обвиненный въ неспособности къ управленію патриархіею, чрезъ 2 года съ половиною былъ низложенъ, и сосланъ правительствомъ въ заточеніе на Святую гору. Въмѣсто него патриархомъ былъ избранъ

1710 г.

55) *Аванасій V*, митрополитъ адрианопольскій, родомъ критянинъ, человѣкъ благочестивый, ученый, хорошо владѣвшій греческимъ, латинскимъ и арабскимъ языками, и въ совершенствѣ знавшій церковное цѣннѣе. Занимаясь изученіемъ богословія и другихъ наукъ, онъ предпринялъ переводъ трехъ-язычнаго лексикона Минискіева, — дѣло весьма полезное для греческой филологіи. Но немногіе цѣнили его мудрость и благочестіе. По невѣжеству и зависти вознегодовали на него нѣкоторые архіереи, тяготившіеся сверхъ того строгостію его нравовъ (о чемъ блаженный много заботился). Поэтому онъ терпѣлъ тоже, что часто терпѣли люди образованные и добродѣтельные, но навлекшіе на себя ненависть людей сильныхъ, которые, закрывая глаза предъ свѣтомъ мудрости, любятъ мракъ невѣдѣнія, чтобы скрыть, что они и сами слѣпы и руководятъ тоже слѣпцовъ! Въ числѣ враговъ духовнаго образованія во времена невѣжества часто являлись и нѣкоторые полуобразованные духовные, которые съ негодованіемъ отворачивались отъ истинно образованныхъ людей, и обличали ихъ въ нечестіи и беззаконіи. Поэтому и мудрый Аванасій оклеветанъ былъ, какъ нововодитель въ догматическомъ ученіи, и какъ человѣкъ начитавшійся неправославныхъ иностранныхъ книгъ. Вслѣдствіе сего, едва пробывши патриархомъ 1 годъ и 4 мѣсяца, онъ

былъ низложенъ съ престола, хотя имѣлъ многихъ покровителей и защитниковъ. Преемникомъ его былъ

1712 г.

56) *Кирилл IV*, визическій митрополитъ, родомъ съ острова Лесбоса, человекъ владѣвшій эллинскимъ и богословскимъ образованіемъ и отличавшійся благочестивою и богобоязненною жизнію. Въ то время по случаю войны съ германцами визирь съ султаномъ жили въ Адрианополѣ. Поэтому здѣсь же по необходимости жилъ и патриархъ, съ состоявшими при немъ архіереями. Однажды визирь пригласилъ патриарха къ себѣ, спрашивалъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ (можетъ быть политическихъ), и потребовалъ отъ него увеличенія церковной подати. Раздосадованный отказомъ патриарха, онъ прогналъ его, потрясши своею чалмою головою. Приближенные къ патриарху лица, узнавши объ этомъ, убѣждали его прибѣгнуть къ придворнымъ и, при содѣйствіи ихъ, умиловить визиря. Но блаженный Кириллъ не захотѣлъ такъ сдѣлать, благородно предпочитая этому освобожденіе отъ многотруднаго предстоительства; а поэтому не много спустя онъ былъ низложенъ съ престола, пробывши богоугодно патриархомъ полтора года. Мѣсто его занялъ

1713 г.

Киприанъ, во 2-й разъ. Но чрезъ 4 мѣсяца онъ былъ низложенъ, потому что мужественно противостоялъ увеличенію ежегодной подати, котораго турецкое правительство потребовало и отъ него. Преемникомъ его былъ

1713 г.

57) *Косма III*, родомъ халкидонянинъ, человекъ дѣятельный и умный, но безпокойный и тщеславный. Онъ былъ сначала архіепископомъ синайскимъ, потомъ елладіанопольскимъ; затѣмъ онъ хищнически взоселъ на престолъ Александріи, еще при жизни ея патріарха. Преслѣдуемый клиромъ и народомъ Александріи, онъ пришелъ въ Константинополь и жилъ въ домѣ нѣкоего Іоанна, богатые родственники котораго, въ особенности зять Манолакъ, имѣли большую силу при дворѣ. Этотъ Манолакъ былъ глава цеха скорняковъ. У турокъ часто имѣли большой вѣсъ скорняки и другіе промышленники, и особенно мѣнялы. Въ награду за свои услуги они выпрашивали себѣ у придворныхъ содѣйствіи по дѣламъ, иногда и не совсѣмъ справедливымъ. Такъ и Манолакъ просилъ визиря утвердить Косму патріархомъ, предлагая за это увеличеніе подати, на которое не согласились низложенные патріархи Киприанъ и Кириллъ. Визирь приказалъ, а раболѣпствовавшіе предъ нимъ архіереи, бывшіе въ Константинополѣ, повиновались, и въ санѣ патріарха былъ утвержденъ недостойный Косма. Пробывши 2 года на патріаршествѣ, которымъ распорядились во время его управленія Манолакъ и его друзья, онъ справедливо былъ низложенъ архіереями, и отказавшись отъ патріаршества, опять удалился на Синайскую гору. Здѣсь онъ жилъ въ слезахъ и покаяніи до того времени, какъ снова многочисленными просьбами призванъ былъ на престолъ Александріи, гдѣ и скончался, пасши церковь богоугодно. А на престолѣ константинопольскомъ былъ утвержденъ

1715 г.

58) *Иеремія III*, митрополитъ кесарійскій, родомъ съ Патмоса. Арміерей забрали его на мѣсто Космы, но они принуждены были врачевать одно зло другимъ. Иеремія по жадности турецкаго правительства обѣщала двойную подать, и взнесъ ее за изгнаніе Космы и за освобожденіе церкви отъ его угнетеній. Иеремія снискалъ себѣ уваженіе благочестіемъ; онъ былъ знатокъ греческаго языка, хорошо изучилъ богословіе, углублялъ свой умъ въ божественное Писаніе и творенія святыхъ отцевъ, на основаніи которыхъ составлялъ церковныя поученія, училъ благочестію словами, и вѣсть велъ безпорочную, безукоризненную жизнь. При немъ (въ 1722 г.) прибыли въ Константинополь патриархи: александрійскій Аванасій и іерусалимскій Хрисанфъ; и составилъ соборъ, который снова обнаружилъ предъ православною Церковію нечестіе западной церкви, распространяемое въ Азіи и преимущественно въ Антиохіи миссіонерами римскими, которые, цѣлыми толпами проходя по городамъ и селеніямъ, не проповѣдывали Евангеліе туркамъ и іудеямъ, но старались совращать православныхъ, и дѣйствительно, особенно въ Антиохіи, раздачею денегъ, разрѣшеніемъ постовъ, часто и многихъ православныхъ христіанъ совращали съ узкаго пути спасенія на широкій путь погибели, какъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ скитающіеся лжеапостолы и учителя нечестія. Эти люди проповѣдывали, что также учить и великая церковь, и что она находится въ соединеніи съ римскою. Православные христіане приведены были этимъ въ большое смятеніе. Нечестивые лжеапостолы пользовались покровительствомъ правительства

вслѣдствіе ходатайства государственныхъ людей Европы. Поэтому патриархи были вынуждены заявить предъ всѣми православными постоянный и неизмѣнный духъ западной церкви. Такъ они и сдѣлали! Но возвратимся къ патриарху Іереміи. При его благоразуміи и дѣятельности, по приказанію султана возобновленъ былъ обветшавшій уже храмъ патриархіи (въ 1720 году), и вновь выстроены при немъ келліи и домъ для патриарха (эти зданія лежали въ развалинахъ послѣ пожара, бывшаго въ 1707 и 1710 годахъ). Такъ какъ при этихъ постройкахъ необходимы были издержки, и вслѣдствіе сего наложена была большая ежегодная подать; то Іеремія, потребовавшій отъ архіереевъ денежныхъ пожертвованій для облегченія нужды, показался для нихъ тяжелымъ и строгимъ. И вотъ сами безразсудные архіереи согласились не на облегченіе нуждъ патриархіи, а на низложеніе патриарха, какъ будто низложивши его, они устраняли вмѣстѣ съ тѣмъ и долгъ. Напротивъ къ прежнему долгу теперь присоединились издержки на утверженіе новаго патриарха. Не имѣя возможности легко низложить Іеремію, пользовавшагося уваженіемъ даже самихъ турокъ, они оклеветали его предъ султаномъ, будто онъ возбуждалъ письмами императора русскаго Петра Великаго идти войною противъ турецкой имперіи (тогда была уже объявлена война между русскими и турками). И поэтому патриархъ былъ заключенъ въ тюрьму съ опасностію жизни; но къ счастью по изслѣдованіи дѣла оказался невиннымъ и былъ только оптрафованъ 50,000 піастровъ. Такимъ образомъ корыстолюбіе пощадило его жизнь! Онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и снова оселся на патриархіи. Но послѣ сего постигло новое возмущеніе! Григорій Гика, господарь молдавскій, раз-

сердился на него за несогласіе на незаконный разводъ сестры своей и сталъ стараться объ изгнаніи Іереміи въ заточеніе (Гика зналъ, что патріархъ былъ оклеветанъ предъ правительствомъ), и дѣйствительно изгнали стража церковныхъ каноновъ Іеремію на Синайскую гору. Въмѣсто него, бывшаго патріархомъ 12 лѣтъ, по ходатайству господара, утвержденъ былъ въ санъ патріарха

1726 г.

59) *Каллиникъ III*, митрополитъ пражскій. Онъ до такой степени былъ взволнованъ радостнымъ извѣстіемъ объ избраніи его патріархомъ, что получивши такое извѣстіе, тотчасъ умеръ отъ апоплексіи. На мѣсто его былъ возведенъ

1726 г.

60) *Паисій II*, митрополитъ никомидійскій, человекъ хорошо образованный, кроткаго нрава и обходительный. Онъ издалъ соборное постановленіе, чтобы въ священныи санъ возводились только люди образованные и почтенные по жизни, и опредѣлилъ наказанія за нарушеніе этого постановленія. (Но такой порядокъ продолжался только въ теченіе немногаго времени, а потомъ возбудилъ въ людяхъ необразованныхъ сильную ненависть къ образованнымъ). Паисій издалъ также и православное исповѣданіе. Но спустя не много, онъ сдѣлался совершенно небрежнымъ и беспечнымъ въ отношеніи къ заботамъ о духовной жизни и богослуженіи. Люди, окружавшіе его, не соблюдали церковнаго благочестія. — Во дни его (въ 1730 г.) въ Константинополь возмущались противъ султана Ахмета III яны-

чары (1) и одна толпа ихъ, бросившись въ патриархію, требовала отъ патриарха большой суммы денегъ. Но такъ какъ Памсій отказался отъ выдачи ихъ, то варвары разрушили патриархію и, ворвавшись въ храмъ, изрубили въ куски священныя мощи, выжили святое муро, уничтожили перенесенныя изъ храма Всеблагенной хранившіяся еще тогда святаго иконы, попрали даже и самаго Божественнаго Агнца, хранимаго въ дароносицѣ, и надѣлали другихъ нечестій въ храмѣ Божиємъ! Виновникомъ всего этого сочли патриарха, который въ слѣдствіе ли смущенія, причиненнаго ужасомъ, по безопасности ли въ опасности, или даже, какъ говорятъ, по сребролюбію (а кто знаетъ, не въ слѣдствіе ли безденежья?) не удовлетворилъ требованію варварскаго любостыжанія. Поэтому возненавидѣнный Памсій лишенъ престола и сосланъ въ Кипръ, пробывъ патриархомъ 6 лѣтъ. Призванъ же снова

1732 г.

Иеремія III, во 2 разъ. Вскорѣ по возвращеніи съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. По облегченіи отъ него онъ управлялъ церковію 7 мѣсяцевъ, больной, потомъ отрекся и, удалившись на Авонскую гору, чрезъ нѣсколько времени умеръ. Въмѣсто его на престолъ вступилъ

1733 г.

61) *Серафимъ I*, митрополитъ никомидійскій, акарнавецъ, отличавшійся образованіемъ, кротостію и стро-

(1) Этотъ бунтъ называется бунтомъ Халиль-Патрона, какъ первого руководителя его. Тогда былъ низверженъ Ахметъ III и воцарился Мехметъ, или Магометъ V.

гою, монастырскою жизнью. Въ новый годъ (1734), когда патриархъ выходилъ изъ церкви, неизвестный человекъ, бросившись на него съ ножомъ, нанесъ ему рану, но не смертельную, какъ ему хотѣлось. Схваченный, злодѣй этотъ казненъ правительствомъ, а причина его безумнаго предпріятія осталась не известною. Въ то время, также какъ и въ послѣдствіи, часто армяне дѣлали попытки овладѣть святымъ гробомъ Спасителя и константинопольскою святынею Живоноснаго Источника.—Серафимъ мужественно воспротивился этому, не смотря на то, что сторону армянъ держалъ самъ визирь, но былъ низложенъ съ престола и сосланъ въ Ливносы, послѣ десятилѣтняго патриаршества, и перейдя оттуда на Святую гору, почилъ о Господѣ. Преемникомъ его былъ избранъ

1734 г.

62) *Неофитъ VI*, патмосецъ, человекъ простой и подчинявшійся вліянію другихъ. Поэтому онъ многимъ нравился, и пробылъ патриархомъ болѣе пяти лѣтъ. Его низвергъ съ кафедры давно домогавшійся ея

1740 г.

Павсій II, во второй разъ. Все вторичное патриаршество свое онъ провелъ въ приобрѣтеніи денегъ и лихоимствѣ. Возненавидѣнный всеми, онъ былъ сверженъ, патриаршествовавъ 1 годъ и 7 мѣсяцевъ; потомъ турками посаженъ въ тюрьму, изъ которой едва освобожденъ, заплативъ правительству 25 тысячъ піастровъ. Лишившись всего собраннаго имъ, онъ убѣжалъ въ Яссы. Преемникомъ его сдѣлался вызванный снова.

1742 г.

Неофитъ VI, во второй разъ. Но друзья Паксія, чрезъ одну знатную женщину Зою, имѣвшую доступъ къ женскому отдѣленію въ домѣ визиря, обѣщали послѣдному значительную сумму, и снова насильственно изгнанъ былъ Неофитъ, патріаршествовавъ 11 мѣсяцевъ, и сосланъ въ Патмосъ. На престолъ же снова возшелъ

1744 г.

Паксій II, въ третій разъ. Преслѣдуемый друзьями предшественника своего Неофита, онъ купилъ протекцію визиря, давъ ему множество денегъ и обѣщая еще больше въ послѣдствіи. Онъ льстилъ и знатнѣйшимъ изъ жившихъ въ Константинополѣ архіереевъ, и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые были въ родствѣ съ занимавшими въ то время разныя государственныя должности константинопольскіими греками или фанариотами. Въ числѣ ихъ были: Самуилъ, митрополитъ дерконскій (*ὁ Δερκεον*) (возвысивъ его митрополию, Паксій поставилъ ее непосредственно за халкидонскою) и митрополитъ ипекійскій, или пекійскій Іоанникій, также константинопольскій грекъ, который перемѣщенъ на митрополию халкидонскую, когда соборно изгнанъ былъ, по благословной причинѣ, прежній митрополитъ Халкидона Гавріилъ. Такъ какъ Паксій и этого Гавріила сдѣлалъ своимъ врагомъ и давно подозрѣвалъ также никомидійскаго митрополита Кирилла, какъ искателя патріаршаго престола, то онъ задумалъ безумное предпріятіе. Онъ предлагаетъ архіереямъ учредить между собою влѣтвенный союзъ, и они въ какомъ-то ослѣпленіи приняли его предложеніе. И вотъ въ день Пятидесятницы былъ поставленъ напой и на немъ посреди

церкви положено священное Евангеліе, а они произнесли великую клятву,—самъ патріархъ въ томъ, что онъ никогда, никакимъ образомъ не будетъ преслѣдовать никого изъ архіереевъ, находящихся въ Константинополѣ, а эти послѣдніе въ свою очередь въ томъ, что они никакимъ образомъ никогда не будутъ дѣлать навѣты патріарху! Но скоро послѣ того самъ патріархъ Паисій сталъ преслѣдовать епископа филиппопольскаго *Феоклита*; потомъ, не захотѣвъ уплатить правительству (опираясь, быть можетъ на клятвенный союзъ) годовой дани, онъ оставленъ былъ своими единомышленниками безпомощнымъ и по приказанію великаго визиря, заключенъ въ тюрьму, патріаршествовавъ 3 года и 6 мѣсяцевъ. На патріаршую же кафедру восшелъ прежній завистникъ и искатель ея

1748 г.

63) *Кирилл V*, митрополитъ никомидійскій, человекъ хотя и умный, но не благочестивый, высокомерный, расточительный и лицемерный. Найдя огромный общественный долгъ церкви, онъ увеличилъ его вдвое. И Паисій, освобожденный изъ тюрьмы, ссылается, а этотъ Кириллъ, по требованію, какъ говорятъ, в. визиря, прибавилъ и другую годовую подать, называемую данью ежегоднаго утвержденія (по турецки—мукареръ), и такимъ образомъ разбойнически угнеталъ церковь 2 года и 8 мѣсяцевъ. И, снова изгнавъ его, получаетъ патріаршество подобный ему

1751 г.

Паисій II, въ четвертый разъ. Но едва прошелъ 1 годъ, какъ, низвергнувъ его, сдѣлался патріархомъ

1732 г.

Кирилл V, во второй разъ. Вторичнаго патриаршества Кирилль достигъ слѣдующимъ образомъ. Въ епархіяхъ Никомидіи скитался нѣкто Авксентій, обманщикъ, выдававшій себя за монаха и за пустынника и чудотворца. Его-то послалъ Кирилль въ Константинополь и обманомъ сталъ тамъ проповѣдывать, какъ вдохновенный Богомъ, перекрещиваніе всѣхъ, обращающихся въ православіе изъ какой бы то ни было ереси, возбуждалъ народъ противъ патриарха Пація, какъ латиномысленнаго и армянина по вѣрѣ и одного только Кирилля провозглашалъ законнымъ и истиннымъ патриархомъ. Народъ взволновался и бросился въ патриархію, съ безчестіемъ изгналъ Пація, и ввелъ, съ дозволенія султана, Кирилля. Послѣ этого Авксентій и двое изъ его послѣдователей повѣшены правительствомъ, какъ возмутители общественнаго спокойствія, а Кирилль, едва успокоивъ гнѣвъ султана подаркомъ въ 250 тысячъ піастровъ, получилъ повелѣніе, въ силу котораго заставилъ ихъ принять новыя постановленія о перекрещиваніи. Но, какъ говорится, нѣтъ худа безъ добра, и „этотъ патриархъ Кирилль сдѣлалъ дѣло достохвальное, приносящее большую честь и ему и всему духовенству; именно, онъ учредилъ на Аѳонѣ, при общемъ содѣйствіи духовенства и мірянъ патриаршескую греческую школу (*γυμνάσιον*), пригласивъ туда учителемъ философіи ученаго и благочестиваго Евгенія Вулгариса, который содѣйствовалъ возрожденію наукъ въ Греціи своими переводами на греческій языкъ лучшихъ по тогдашнему времени руководствъ къ логицѣ, метафизикѣ, богословію и риторикѣ. Сначала присно-

набитый Евгений училъ въ Яннии, а оттуда перешелъ въ македонскій городъ Козану, и тамъ распространил образованіе въ народъ, въ тоже время готовилъ для него и будущихъ наставниковъ. Изъ Козаны онъ былъ приглашенъ на Афонъ, гдѣ нашелъ и сотрудника, наставника эллинской словесности приснопамятнаго Неофита Грамматика, саномъ іеродіакона, родомъ изъ Пелопоннеза, анатока эллинской словесности и многоученаго. Впрочемъ эта афонская школа существовала только пять лѣтъ (1753—1758). Потому она была уничтожена, потому что Неофитъ отказался отъ учительства, а Евгенийъ былъ приглашенъ въ константинопольское высшее училище. Но ученики Афонской школы разошлись во многія мѣста Греціи неугасимый свѣтъ ученія. А Кириллъ, патриаршествовавъ 5 лѣтъ, низложенъ съ престола и сосланъ на Афонскую гору, гдѣ богоугодно провелъ остатокъ жизни, безмолвствуя и умилостивляя Бога покаяніемъ (1). Преемникомъ же Кирилла былъ

1757 г.

64) *Каллиникъ IV*, митрополитъ проиавскій, родомъ ессалиецъ (изъ Загоры, что на Пилійской горѣ), мужъ обладавшій греческимъ образованіемъ, добраго нрава и вполне преданный церкви. Но друзья Кирилла и противъ него вооружили народъ, который почиталъ Кирилла, помня свидѣтельство о немъ Авксентія какъ о единомъ богоугодномъ. Между тѣмъ случилось и слѣдующее обстоятельство: Каллиникъ предложилъ архіереямъ вопросъ: не считаютъ ли они приличнымъ назначить

(1) При немъ умеръ Мехметъ или Магометъ V, и воцарился братъ его Османъ III (въ 1754 г.), умершій черезъ 2 года и 8 мѣсцевъ. Ему наследовалъ Мустафа III (въ 1757 г.).

для Петрова поста определенное число дней, такъ чтобы продолжительность этого поста, какъ и другихъ постовъ, была неизмѣнная и не зависѣла отъ переходнаго праздника Пасхи. Предложеніе патріарха однимъ отвергнуто, какъ совершенно бесполезное, а другіе и разгласили еще о немъ, какъ о безразсудномъ еретическомъ нововведеніи. Въ слѣдствіе этого патріархъ былъ обвиненъ въ ереси и однажды толпа народа бросилась на него при выходѣ изъ церкви, безчеловѣчно избива и изгнала изъ патріархіи. Немедленно послѣ этого Каллиникъ отрекся отъ престола, который занималъ 6 мѣсяцевъ и восемь дней и удалился на свою родину въ Загору, гдѣ жилъ, занимаясь науками, углубляясь въ божественныя писанія и составляя церковныя и историческія сочиненія, въ прозѣ и стихахъ. Между прочимъ, онъ написалъ и исторію бывшихъ до него по взятіи Константинополя патріарховъ, которая остается еще не изданною. Послѣ этого, по общему приговору, патріаршество принялъ

1757 г.

65) *Серафимъ* II, митрополитъ филиппопольскій, человекъ преданный церкви, но надменный. По этому-то его и возненавидѣли, и чрезъ три года онъ былъ изгнанъ на Афонъ. Оттуда въ послѣдствіи онъ отправился въ Россію, гдѣ получилъ большую честь и гостепріимство отъ Императрицы Елисаветы Петровны; умеръ и погребенъ близъ Кіева, въ которомъ жилъ. Преемникомъ ему избранъ

1760 г.

66) *Іоанникій* III, прежде бывшій митрополитъ ипекійскій, и потомъ халкидонскій, родомъ изъ Константи-

нополя, знатнаго происхожденія, человѣкъ умный и обходительный. Но тогдашнія политическія обстоятельства, беспорядокъ въ дѣлахъ церковныхъ, обычные раздоры архіереевъ и въ особенности чрезвычайно тягостные долги церкви дѣлали патріаршество въ высшей степени тяжелымъ. Поэтому Іоанникій черезъ четыре года отрекся и удалившись, покоемъ на островѣ Халки, гдѣ наконецъ отошелъ и ко Господу. На его мѣсто возведенъ избранный единогласно

1764 г.

67) *Самуилъ* I. знаменитый митрополитъ дерконскій, также родомъ изъ Константинополя и знатнаго происхожденія, свѣдущій въ богословіи, еллинской словесности и другихъ наукахъ, правдивый и благочестивый, отличавшійся государственною мудростію и опытностію, и хорошій администраторъ, который болѣе другихъ былъ способенъ привести въ нѣкоторую стройность запутанныя дѣла церкви. Немедленно по вступленіи на престолъ онъ сдѣлалъ слѣдующія достопамятныя распоряженія:

1. Уплатилъ изъ собственныхъ денегъ издержки на подать новой патріархіи, ни отъ кого не принявъ никакого денежнаго пособія.

2. Опредѣлилъ, дотолѣ неограниченную законами, власть патріарха, и съ его времени патріархи къ своимъ представленіямъ правительству и денежнымъ документамъ начали прилагать патріаршую печать, а печать эта была раздѣлена на четыре части, изъ которыхъ каждая хранилась у одного изъ четырехъ старѣйшихъ архіереевъ; въ патріархіи же оставался на сохраненіи средній столбикъ или ключъ печати.

Ч. I. Отд. II.

56

3. Опредѣлилъ восемь изъ старѣйшихъ архіереевъ непремѣнными членами синода, и ихъ называлъ геронтами, не устраняя изъ синода и другихъ архіереевъ, прїѣхавшихъ въ столицу; безъ единодушнаго согласія всѣхъ этихъ восьми архіереевъ или, по крайней мѣрѣ, большинства ихъ не рѣшалось ни одно церковное дѣло.

4. Для управленія церковными имуществами назначилъ четырехъ попечителей (*ἐπιτρόπος*), двоихъ изъ знатныхъ лицъ и двоихъ изъ купечества.

5. Постановилъ, чтобы ни перемена, ни выборъ патріарха не производились безъ согласія, по крайней мѣрѣ, восьми равносильныхъ геронтовъ, четырехъ попечителей и великаго логовета церкви. Все это было утверждено особымъ собственноручнымъ султанскимъ фирманомъ.

6. Сверхъ того онъ распредѣлилъ по епархіямъ въ соразмѣрности тяжкій долгъ кассы (великой церкви), который справедливо называетъ онъ въ окружномъ посланіи своемъ болѣе тяжкимъ, нежели египетскія пирамиды. Этотъ долгъ заносился въ книги подъ названіемъ дворцоваго долга каждой епархіи. Его обязаны были уплачивать мѣстные архіереи, которые и выдавали письменное обязательство, скрѣпленное печатью кассы и называемое также дворцовымъ обязательствомъ. Оттого-то съ тѣхъ поръ великая церковь и не признаетъ частныхъ долговъ ни одного архіерея, а (принимаетъ къ уплатѣ) одни тѣ долги, которые утверждены печатью (патріаршей) кассы.

7. Подчинилъ власти великой церкви бывшія тогда самостоятельными (автокефальными) архіепископіи ахридскую и пейійскую; онъ сдѣлалъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что люди, державшіеся

латинства и разнаго рода другія злоумышленныя лица. прокрадываясь въ эти епископіи изъ предѣловъ католической Европы, разсѣвали плевелы своихъ заблужденій. легко обманывая независимаго епископа, который часто ничего не сообщалъ объ этомъ великой церкви; а во-вторыхъ, и для того, чтобы и эти двѣ архіепископіи приняли участіе въ уплатѣ долга. и чтобы такимъ образомъ большому числу лицъ легче было поднести эту тяжелую ношу.

8. Разрѣшили издревле существовавшее сомнѣніе касательно одной изъ степеней брака, дозволивъ двумъ роднымъ братьямъ жениться на двухъ двоюродныхъ сестрахъ (1).

9. Остановилъ достигшее въ то время (въ 1766 г.) въ Хіосѣ высшей степени неистовство іезуитскихъ миссіонеровъ, которые, обходя островъ, какъ псы, искали. кого бы изъ наиболѣе простыхъ православныхъ обмануть,—и заманили посредствомъ денегъ и хитростей и нѣкоторыя чистыя души. Поѣтому приснопамятный Самуилъ испросилъ помощь отъ гражданской власти, послалъ съ повелѣніемъ султана ексарховъ и изгналъ миссіонерскихъ патеровъ. На время онъ заперъ и существовавшія въ Хіосѣ латинскія церкви, желая, чтобы православные не только не принимали впредь подобныхъ лже-апостоловъ, но и не дозволяли имъ совращать другихъ (2).

(1) Разрѣшеніе это сдѣлано не однимъ патріархомъ, который и не можетъ измѣнять древнія опредѣленія нашихъ отцовъ, но по предложенію патріарха оно сдѣлано всею восточною церковію посредствомъ церковнаго опредѣленія, подписаннаго и патріархами антиохійскимъ и іерусалимскимъ, проживавшими въ то время въ Константинополь.

(2) При нынѣшнемъ безразличіи въ дѣлахъ вѣры этотъ поступокъ можетъ показаться суровымъ, и однакожъ блаженный Самуилъ сдѣлалъ

10. Оказывалъ большое уваженіе людямъ образованнымъ, особенно Евгенію Булгарису, Никифору Θεοτοκίю, жившимъ тогда въ Константинополѣ. Такой-то порядокъ ввелъ въ церковь этотъ знаменитый патріархъ. Но порядокъ неприятенъ для людей взрослыхъ въ безпорядкѣ, а таковы, по несчастію, и были по большей части члены состоявшаго при немъ синода! И вотъ Самуилъ первый былъ лишенъ патріаршества на основаніи тѣхъ постановленій, которыя самъ онъ предложилъ касательно перемѣны патріарха, и изгнанъ, какъ человекъ тяжелый и излишне строгій. Въмѣсто его поставленъ

1768 г.

68) *Мелетій II*, митрополитъ ларисскій, родомъ изъ Тенедоса, человекъ образованный и разумный. Но и его лишило предсѣдательства неожиданное несчастіе. Какой то несчастный итальянецъ, одѣтый по турецки и выдававшій себя за врача, въ Адрианополѣ былъ схваченъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ (въ 1768 г. турками уже объявлена была война русскимъ). Когда на пыткѣ его спросили о сообщникахъ, онъ сказалъ, что ему знакомъ патріархъ. Когда его спросили, не принимаетъ ли участія и патріархъ въ дѣлѣ, для котораго онъ былъ посланъ, несчастный, надѣясь освобожденія отъ мученій, отвѣчалъ утвердительно. Онъ тотчасъ же былъ повѣшенъ, а патріархъ съ архидіакономъ Кирилломъ и экономомъ великой церкви были отведены въ тюрьму, называемую Печью. Экономъ умеръ подъ пыткой, а архидіаконъ пережилъ мученія.

не болѣе того, сколько сдѣлалъ Богочеловѣкъ Іисусъ, загнавъ бичомъ изъ храма продающихъ и купующихъ.

нося слѣды пытки на своей неподвижной правой рукѣ (этотъ самый Кириллъ сдѣлался въ послѣдствіи, — въ 1780 г., митрополитомъ писидійскимъ; онъ былъ ессалиецъ по происхожденію, человекъ извѣстнѣйшій, прожилъ до старости, и умеръ въ 1814 г. послѣ тридцатипятилѣтняго почти пастырства, оставивъ въ своей епархіи безпредѣльную любовь и вѣчную память какъ за другія свои святительскія добродѣтели, такъ въ особенности за свое просвѣщенное человеколюбіе и попеченіе о греческихъ училищахъ, больницахъ, учрежденныхъ во многихъ мѣстахъ). Наконецъ самъ патріархъ, послѣ многоразличныхъ мученій и строганій оказавшійся невиннымъ, освобожденъ отъ нихъ полумертвый и сосланъ (въ знакъ невинности) на свою родину Тенедось, ⁽¹⁾ и, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, переселился ко Господу. Онъ патріаршествовалъ едва 1 годъ. Преемствовалъ ему

1769 г.

69) *Теодосій II*, митрополитъ ессалоникскій, человекъ почтенный, преданный Церкви, ⁽²⁾, который послѣ праведнаго управленія предстоятельскойкою кафедрой въ теченіе 3 лѣтъ, отрекся, — и снова былъ вызванъ знаменитый

⁽¹⁾ Въ эту войну обезглавленъ султаномъ и великій драгоманъ Николай Суццо, вмѣстѣ съ господаремъ Молдавіи Іоанномъ Каллимахи (въ 1769 г.); оба оклеветаны были въ шпіонствѣ; черезъ 42 года (въ 1812 г.) казнены были также приспомятые Мурузи — Димитрій, великій драгоманъ, и Панагіотакисъ, братъ его, потому что миръ не былъ выгоденъ для турокъ, наневогшихъ въ войнѣ съ Россіею, продолжавшейся съ 1806—1812 г.

⁽²⁾ Когда поминалось имя его въ церкви, онъ со слезами на глазахъ восклицалъ: «Господи помилуй.»

1772 г.

Самуил I во второй разъ, и снова показался тяжелымъ и строгимъ, почему черезъ 1 годъ и 1 мѣсяцъ былъ свергнутъ и, удалившись на островъ Халки, поконилъ тамъ до конца своей жизни. Во время своего кратковременнаго, но полезнѣйшаго вторичнаго патриаршества онъ исходатайствовалъ у султана повелѣніе строго воспрещающее вмѣшательство гражданскихъ властей въ судебныя дѣла духовенства и въ дѣла о бракахъ, какъ подлежащія единственно власти патриарха. Изъ твореній этого приснопамятнаго патриарха напечатано одно только слово, но въ рукописяхъ осталось и много другихъ сочиненій, перешедшихъ къ его родственникамъ, а ими переданныхъ патриаршествовавшему въ 1809 г. Іереміи, для изданія. Впрочемъ они остались не изданными (*). Преемникомъ Самуила былъ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(*) См. Исторію новѣйшей греч. литературы Іакова Риза, стр. 176.

III.

ПИСЬМО О. ПРОТОИЕРЕЯ І. ВАСИЛЬЕВА КЪ Г. ГИЗО,

ЧЛЕНУ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ (').

М. г.! Въ своемъ новомъ сочиненіи: „Церковь и христіанское общество въ 1861 году“ вы не рѣшаетесь говорить о Церкви, къ которой я имѣю счастье принадлежать. Вы пишете: „въ число христіанскихъ церквей, которыми я занимаюсь, я не включаю церкви греческой;—я не знаю ее на столько, чтобы произнестъ рѣшительный судъ о настоящемъ ея положеніи и о ея будущности“ (стр. 94). Не удивляйтесь, если я выражу вамъ свою признательность за молчаніе, которое вы хотѣли сохранить относительно Церкви православной—греческой, какъ называете вы ее по обычаю, принятому на западѣ. Нѣтъ ничего логичнѣе, какъ молчать о предметѣ, котораго не знаешь; и однако ничто столь нерѣдко со стороны писателя, когда онъ встрѣчается на пути своемъ съ вопросомъ, который имѣетъ тѣсную связь съ предметомъ его изслѣдованій,—какъ это молчаніе. И чѣмъ меньше привыкъ я встрѣчать людей, на-

(') Переведено изъ «L'Union Chrétienne», — troisième année, N°s 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14.

столько скромныхъ, чтобы они признались въ своемъ незнаніи нашей церкви, тѣмъ болѣе удивляюсь я признанію вашему, особенно если представлю себѣ, что это признаніе сдѣлалъ человѣкъ краснорѣчивый, на серьезное слово котораго большое число людей смотритъ какъ на оракулъ.

Но если я благодаренъ вамъ за то, что вы не сказали ничего неточнаго о церкви восточной, то сколько бы я былъ благодаренъ вамъ, если бы вы составили истинное понятіе объ этой церкви и это понятіе сообщили своимъ читателямъ!

Вы, конечно, не раздѣляете того, сколько ошибочнаго, столькоже и оскорбительнаго мнѣнія, будто эта вѣтвь христіанства не заслуживаетъ того, чтобы обратить на нее вниманіе, и будто ея значеніе въ исторіи цивилизаціи всегда было ничтожно.

По происхожденію своему это — церковь древняя, а древность установленія—уже почтенный титулъ въ глазахъ всякаго почтеннаго человѣка. Вы знаете, что церковь восточная считаетъ столькоже вѣковъ своего существованія, сколько само христіанское общество. Если же она уже почтенна съ этой точки зрѣнія, то она особенно должна быть почтенна въ глазахъ всякаго христіанина, который смотритъ на столь высокое происхожденіе не просто, какъ на славное титуло,—но видитъ еще въ немъ доказательство, что она вѣрно сохранила слово и установленія Божественнаго Учителя.

Я далекъ отъ того, чтобы приписывать безусловную важность численности, особенно въ церквахъ христіанскихъ. Чтò бы ни говорила римская церковь, которая такъ высоко мечтаетъ о числѣ своихъ послѣдователей (хоть это — послѣдователи большею частію только по

имени), число никогда не было, по мысли христіанской, знакомъ истины. Но нельзя отвергать и того, чтобы число не было знакомъ важности установленія, чтобы оно не обнаруживало въ высшей степени жизни общественой; при этомъ-то условіи, оно заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманіе. И въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи къ древности происхожденія, — церковь католическая восточнаго обряда (*du rite oriental*) стоитъ изученія; она имѣетъ право на то, чтобы ея свидѣтельство было принято въ вопросахъ религіозныхъ, которые занимаютъ нынѣ міръ. Вы знаете, м. г., что число ея вѣрныхъ—80 милліоновъ.

Вы основательно, м. г., не занимаетесь разностями, существующими между христіанскими обществами; вы распредѣляете ихъ по началамъ тѣхъ установленій, которыя составляютъ основаніе ихъ существованія и по отличительнымъ чертамъ ихъ внѣшняго устройства. Изъ этого правила вы дѣлаете только одно исключеніе,—въ пользу церкви галликанской (стр. 96), которая, составляя вѣтвь церкви римской, всегда боролась за сохраненіе своей самостоятельности и первобытнаго устройства, которое было ея основаніемъ, которая и въ послѣднее время противится притязаніямъ римскаго двора.

Что касается протестантскихъ обществъ, то не перечисляя ихъ и не разсуждая объ ихъ разностяхъ, которыя однакожъ имѣютъ на столько важности, чтобы ихъ принимать въ расчетъ, вы видите въ нихъ одну церковь,—потому что всѣ они имѣютъ основаніемъ своимъ свободу испытанія въ противоположность папскому авторитету.

Эта классификація совершенно справедлива; но поз-

вольте назвать ее не полною. Существуетъ еще церковь христіанская, устроенная на началахъ отличныхъ отъ тѣхъ, которыя вы изчислили; она существенно отличается отъ двухъ учреждений, которыми ограничено ваше изслѣдованіе: это—церковь католическая восточнаго обряда.

Пропускъ, на который я хочу указать вамъ, тѣмъ болѣе важенъ и достоинъ сожалѣнія, что начала устройства этой Церкви даютъ готовое средство разрешить вопросъ, поднятый вами. Повѣрьте, м. г., что вѣдъ началъ нашей церкви этотъ важный вопросъ всегда будетъ задачею, неразрѣшимой для самыхъ ученыхъ соображеній.

Вы стали предъ лицомъ двухъ христіанскихъ учреждений, отдѣленныхъ между собою пропастью, которой вамъ невозможно засыпать. Католичество римское основано на началѣ безусловнаго авторитета: папа думаетъ, что этотъ авторитетъ воплощенъ въ его личности. Его только устами возвѣщается истина; его законы ведутъ путемъ добра, христіанской добродѣтели; онъ единственный пастырь; всѣ, не слушающіе его, не суть овцы Спасителя;—они не могутъ достигнуть спасенія. Вѣдъ папства нѣтъ истины, нѣтъ добродѣтели христіанской. нѣтъ спасенія: таково ученіе римское. Протестантство, напротивъ, основано на свободѣ: каждый освѣщается истиною посредствомъ изслѣдованія; совѣсть для каждаго въ частности есть руководительница въ дѣлѣ добродѣтели; каждый самъ совершаетъ свое спасеніе въ Іисусѣ Христѣ. Какъ согласить эти двѣ крайности?

Я согласенъ, что извѣстная сумма истинъ религиозныхъ составляютъ общее основаніе для обѣихъ церквей; что онѣ признаютъ однѣ и тѣже заповѣди Божіи:

но нужно допустить и то, что разности между ними гораздо многочисленнѣе; что въ глазахъ людей форма часто беретъ верхъ надъ содержаніемъ, которое она иногда существеннымъ образомъ измѣняетъ. Папа соглашается, что всякій путь ведетъ къ Риму, — но это еще далеко не значитъ, что всякій путь ведетъ къ спасенію. „Я одинъ, говоритъ онъ протестантамъ, въ качествѣ представителя Иисуса Христа, я одинъ распорядитель истины; принимайте ее съ благоговѣніемъ изъ моихъ устъ.“ „Позвольте, отвѣчаютъ тѣ: надобно изслѣдовать, основательны ли ваши притязанія.“ „Безъ изслѣдованій, отвѣчаетъ папа; вѣрьте мнѣ на слово, иначе вы еретики, возмутители; вы будете осуждены.“ „Но не вы ли скорѣе, говорятъ протестанты, представитель великой вавилонской блудницы, сидящей на семи холмахъ и разливающей на всѣ стороны ядъ заблужденія?“ „АнаѰема.“ восклицаетъ папа. Когда съ двухъ сторонъ употреблены такіа выходки, можно ли думать, что примиреніе между ними возможно?

Вы понимаете, м. г., также, какъ и я, антагонизмъ, который существуетъ между обѣими церквами; и оплакивая (стр. 7) нарушеніе единства церкви, не думаете, „чтобы было возможно соединеніе различныхъ обществъ христіанскихъ и религиозное единство міра христіанскаго. потому что это соединеніе не было бы ни истинно, ни твердо“. Вы такимъ образомъ допускаете, что обѣ церкви раздѣлены на всегда, и все таки вы увѣщаете членовъ ихъ соединить свои усилія на общую зациту! Вы закличете въ частности своихъ собратій по вѣрѣ, протестантовъ, помочь церкви римской въ кризисъ, которому она подверглась въ настоящее время.

Можетъ ли быть услышанъ вашъ призывъ? Можно

ли слѣдовать за вами по этому пути? Во имя чего, съ какою цѣлю, какими средствами протестанты могутъ способствовать защитѣ папства? Во имя любви, терпимости, состраданія? Но эти чувства, одушевляющія членовъ протестантской церкви, могутъ относиться только къ отдѣльнымъ лицамъ, но ни въ какомъ случаѣ не относятся къ учрежденіямъ и постановленіямъ: любовь къ ученію, которое считаешь ложнымъ — это оскорбленіе истины; терпимость къ учрежденію, которое считаешь несправедливымъ и вреднымъ, противно нравственности. Любовь и терпимость запрещаютъ употреблять средства насильственныя и хитрыя противъ убѣжденій, хотя бы и ложныхъ; но отсюда еще далеко до обязанности защищать то, что кажется противно истинѣ и справедливости.

Защищать интересы общіе значить ли то, что протестанты должны защищать папство? Вы утверждаете это, когда говорите: „нынѣ угрожаетъ общая опасность всѣмъ христіанскимъ церквамъ—и католическимъ и протестантскимъ; общія основанія ихъ вѣры сдѣлались предметомъ нападенія; онѣ имѣютъ одинаковые интересы къ защитѣ, одинъ и тотъ же долгъ, потому что онѣ равно должны погибнуть подъ развалинами зданія, въ которомъ они всѣ живутъ“. Если опасность, угрожающая совмѣстно христіанству и католичеству, такъ велика, такъ грозна, то надобно удивляться, м. г., равнодушію, которое замѣтно въ церквахъ протестантскихъ, и которое вы хотите уничтожить. Ни одна изъ вашихъ церквей не открыла еще, чтобы христіанство и папство основывались одно на другомъ; напротивъ всѣ гораздо болѣе расположены видѣть въ паденіи свѣтской папской власти событіе благоприятное для преобразованія церкви христіанской. Понятно ли такое ослѣпленіе, если,

какъ вы говорите, одни и тѣже интересы у христіанства и папства? Если бы это было такъ, то ужели бы замечали они слѣдовать вашему призыву, вашимъ увѣщаніямъ — идти на помощь свѣтской власти римскаго епископа? Ваши единовѣрцы, м. г., — я говорю это къ ихъ чести, — не были послѣдними въ битвѣ, когда врагъ угрожалъ основнымъ истинамъ христіанской вѣры; сочиненія неоспоримой учености были плодами ихъ борьбы за дѣло Иисуса Христа. Они не отступали предъ нескончаемою борьбою за это дѣло даже съ врагами, вышедшими изъ ихъ же среды, которые выводами неумолимой логики довели начало свободнаго изслѣдованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Они сражались съ врагами, которые нападали на нихъ подъ ихъ же знаменемъ; оружіе ихъ было такъ твердо, что сами католики не постыдились употребить его противъ своихъ собственныхъ враговъ. Борьба между Штраусомъ и нѣмецкими протестантскими богословами достаточно подтверждаетъ мои слова.

Учеными сочиненіями своими протестанты показали не одну только ревность къ защитѣ истинныхъ интересовъ христіанскихъ. Начала нравственныя и общественныя, проистекающія изъ христіанства, всегда находили въ нихъ защитниковъ. Права семейныя, нетерпимость съ насиліями, всегда ее сопровождающими, возбуждали между ними людей ревностныхъ, поборниковъ правды и любви. Безпристрастіе легче для нихъ, чѣмъ для членовъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, — именно вслѣдствіе свободнаго отношенія ихъ къ догматамъ. Такимъ образомъ они съ одинаковою добросовѣстностію порицають и инквизиторовъ и Кальвина-гонителя, законы нетерпимости римскіе и шведскіе; точно также они

отдаютъ должное уваженіе людямъ, проникнутымъ въ-рою, людямъ добрымъ, будь это католикъ, или протестантъ. Кто не помнитъ ихъ похвалъ архіепископу парижскому Аѳри. ихъ удивленія, ихъ благоговѣнія къ нему, когда этотъ прелатъ палъ жертвою своей любви?

Изъ этого я заключаю, что нельзя не удивляться равнодушію вашихъ единовѣрцевъ, если, какъ вы утверждаете, интересы христіанскіе введены въ борьбу, которую выдерживаетъ нынѣ папство.

Почему они не предугадываютъ опасности? Почему ихъ христіанская ревность остается въ бездѣйствіи, не смотря на вашъ краснорѣчивый призывъ?

Не значить ли это, что затрудненія и опасности церкви римской не имѣютъ той высокой важности, какую вы приписываете имъ? Не значить ли это, что протестанты поняли, что настоящая борьба папства не касается существенныхъ интересовъ ихъ церкви, какъ думаете и вы? Вы говорите: „затрудненія и опасности протестантской французской церкви (объ ней одной я буду говорить здѣсь)—другаго рода; объ ней не говорить, ее не подвергаютъ нареканіямъ въ повседневныхъ политическихъ преніяхъ; она не служитъ предметомъ нападеній со стороны свѣтской власти,—она не внушаетъ друзьямъ свободы никакой недоувѣрчивости къ себѣ. Но ея организація не совершенна; ей не достаетъ приличнаго, ея собственнаго, основаннаго на преданіи управленія. И вотъ среди живаго религіознаго движенія протестантство французское увидѣло, что оно не имѣетъ внутренней свободы, внутреннего авторитета, въ которыхъ оно имѣетъ нужду. Въра христіанская православная ожгла между протестантами и возбудила споры, которые называютъ расколъ. Это совмѣстное пробужденіе въры и

критическаго направленія протестантовъ совпадаетъ съ нападеніями, которыхъ предметомъ сдѣлалось христіанство. И въ этомъ столкновеніи протестантство рискуетъ видѣть свое дѣло обезображеннымъ и вмѣсто того, чтобы итти подъ знаменемъ свободы христіанской, — итти подъ знаменемъ скептицизма и равнодушія къ предметамъ вѣры“ (стр. 98).

Эти слова, столь горькія для церкви протестантской, показываютъ, что предметомъ занятій ея членовъ должно служить нѣчто другое, а не вопросъ о свѣтской власти папъ; что ея внутреннія затрудненія слишкомъ важны, чтобы ей заниматься затрудненіями церкви римской. Всегда великодушно помогать противнику; но не-благоразумно помогать врагу, который, не будучи признательнымъ за помощь, оказанную ему во время несчастія, тотчасъ же станетъ точить мечъ на своего благодѣтеля. А это именно и сдѣлаетъ папство въ отношеніи къ протестантству.

Вы думаете, м. г., что свобода и вслѣдствіе этого сила римской церкви интересуютъ все общество христіанское. Эта мысль была бы вѣрна, если бы римская церковь приняла себѣ за правило—давать участіе всему міру въ свободѣ, которую ей помогутъ возвратить; но опытъ показываетъ, что этого никогда не было, да никогда и не будетъ. Основываясь на своемъ авторитетѣ, который папство считаетъ божественнымъ и непогрѣшимымъ, папство видитъ въ свободѣ благо только свое и никакъ не благо общее; оно хочетъ его для себя, а не для другихъ; такъ что усиливать папство значитъ ослаблять протестантство; возвращать свободу папству значитъ ограничивать кругъ протестантской свободы. Я не думаю, м. г., чтобы подобныя жертвы могли быть

разумны, потому что онъ незаконны, когда есть убѣжденіе, что противникъ, которому помогаешь, не слѣдуетъ путемъ добра и истины. Но таково именно мнѣніе протестантовъ по отношенію къ папству.

Протестантство не есть ли протестъ противъ власти папской, какъ духовной, такъ и свѣтской? Поэтому протестантъ, который сохраняетъ свой истинный характеръ, смотреть и долженъ смотреть на папство, какъ на главный источникъ всѣхъ золъ въ мірѣ христіанскомъ; онъ долженъ бороться съ нимъ до послѣдней крайности и принимать за дѣйствіе Промысла все то, что направляется къ ослабленію его вліянія. Свѣтская власть, какъ всякой долженъ признать, составлять поддержку для власти духовной; потому протестантъ долженъ бороться съ тою и другою властію подъ однимъ именемъ. Невозможно, м. г., согласить двѣ вещи: протестовать противъ учрежденія и поддерживать его въ тоже время; развѣ только вопреки истинныхъ интересовъ истины и добра. Я не думаю, м. г., чтобы ваша цѣль была—вести своихъ единовѣрцевъ по пути, которымъ они, вѣроятно, откажутся идти.

Если бы разсужденія, которые я изложилъ предъ вами, м. г., принадлежали протестанту, то можно было бы приписать ихъ духу партіи, или предубѣжденію; но я не принадлежу ни къ протестантской, ни къ римской церкви: я имѣлъ уже счастье сказать вамъ, что я принадлежу къ церкви, которая, строго содеража все въ своемъ ученіи и устройствѣ, всегда умѣла настоящимъ образомъ цѣнить борьбу церквей западныхъ; итакъ я безпристрастно могу судить объ этомъ дѣлѣ.

До сего времени я изслѣдовалъ только второстепенную сторону поднятаго вами вопроса; вы позволите

миѣ слѣдовать за вами и въ разрѣшеніи этого вопроса, предлагаемомъ вами.

Основательно ли вы, м. г., утверждаете, что отличительный характеръ церкви римской—начало авторитета. Я покажу вамъ, что начало ея—начало господства, котораго не нужно смѣшивать съ авторитетомъ, такъ какъ оно есть злоупотребленіе его. Вы основательно же сказали, что начало церкви протестантской—свобода. Но при этой теоріи, которую вы представляете, не возможно принять ваше мнѣніе о существованіи смѣхъ двухъ противоположныхъ началъ въ двухъ отдѣльныхъ церквахъ, которыя вы усиливаетесь соединить въ одну церковь. Какъ допустить законность этихъ двухъ противоположныхъ началъ, и вѣрить въ тождество двухъ обществъ, раздѣленныхъ между собой тѣмъ, что положено въ самой основѣ ихъ существованія? Вы чувствуете невозможность согласить между собой эти два начала; и, отчаяваясь согласить эти двѣ крайности, прибѣгаете къ вымыслу общей христіанской церкви, которая совмѣщала бы въ себѣ всѣ частныя церкви. Но напрасно вы возобновляете эту отвлеченность, которую можно приложить къ христіанству, если разсматривать его, какъ чувство, и которая совершенно противоположна ему, если разсматривать его, какъ ученіе. Этотъ вымыслъ еще менѣе приложимъ къ христіанству, какъ собранію христіанъ. Это общее собраніе христіанъ образуетъ христіанство, но не церковь. Церковь—есть дѣйствительное общество, котораго существованіе уславливается опредѣленнымъ ученіемъ, особенною организаціею; члены ея знаютъ другъ друга; они находятся между собой въ отношеніяхъ вѣрованія и чувства; они стремятся къ одной общей цѣли, при общихъ

средствахъ. Кто имѣетъ притязаніе принадлежать къ христіанству вообще, тотъ на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ни къ какой церкви. Это — религіозный космополитъ; онъ думаетъ, что онъ вездѣ дома, а на самомъ дѣлѣ онъ не дома нигдѣ. Лишь только этотъ ко-чующій (nomade) религіознаго міра вступить съ дру-гими въ одинаковыя отношенія къ вѣрѣ и дѣятельности. какъ эти два христіанина образуютъ церковь, которая или будетъ отлична отъ всѣхъ прочихъ христіанскихъ обществъ, или же сольется съ однимъ изъ нихъ. Рели-гіозное разобщеніе еще болѣе невозможно, чѣмъ разо-бщеніе гражданское—общественное. Отвлеченное пред-ставленіе церкви есть ничто, если только оно не есть разобщеніе; а это послѣднее невозможно.

Если неоспоримо, съ точки зрѣнія гражданской, что человекъ созданъ для жизни общественной, то тѣмъ не менѣе неоспоримо, что онъ созданъ для жизни обще-ственной въ религіозномъ отношеніи, т. е. для того, чтобы онъ принадлежалъ къ какой нибудь церкви. Церковь есть общество, члены котораго исполняютъ взаимныя обязанности и управляются законами, опре-дѣляющими ихъ отношенія. Это общество можетъ тер-пѣть мнѣнія, которыя не противорѣчатъ его догматамъ; оно можетъ, въ жизни общественной, допускать раз-личныя степени и разнообразіе въ добрыхъ дѣлахъ; оно можетъ, въ области обрядности и дисциплины, дѣ-лать уступки мѣстнымъ обстоятельствамъ, частнымъ нуждамъ. Но оно никогда не позволитъ себѣ, подъ опа-сеніемъ собственнаго своего разрушенія, допустить и да и мнѣ въ дѣлѣ Вѣры, допустить въ своихъ основныхъ законахъ начала противоположныя и взаимно противо-рѣчащія. Если оно будетъ такъ дѣйствовать, то пор-

вется всякая связь между его членами, невозможно будет единство, основа его бытія; власть будетъ миеомъ; оно перестанетъ существовать; оно тотчасъ на самомъ себѣ почувствуетъ слово Спасителя: *вслкое царство, раздѣлившееся само на себя, падеть*. Такъ говорили — и совершенно логически — древніе отцы Церкви, которые видѣли единую, истинную Церковь Іисуса Христа видѣли только *секты*. Новѣйшая цивилизація ввела въ нравы терпимость и потому образъ выраженія обыкновенно нынѣ менѣе строгъ. Кромѣ церкви римской, которая имѣетъ свои причины не соотноситься съ результатами цивилизаціи, всѣ общества христіанскія взаимно даютъ одно другому имя церкви; но всѣ они сознаютъ, что есть только одна Церковь правильно, или канонически организованная, которая и есть истинная христіанская Церковь; они думаютъ, что всѣ тѣ церкви, которыя не находятся въ общеніи съ этою Церковію, болѣе или менѣе далеки отъ апостольскаго устройства и вѣрованія. Когда говорятъ: христіанство, то этимъ означаютъ всѣ вообще церкви христіанскія, т. е. всѣ тѣ, которыя вѣруютъ въ Іисуса Христа; но очевидно подъ этимъ не разумѣютъ общества, управляемого одинаковыми законами и соединеннаго единствомъ Вѣры. Итакъ всеобщая церковь — отвлеченное понятіе; его недостаточно, когда дѣло идетъ о разрѣшеніи практическихъ затрудненій, которыя волнуютъ міръ религіозный.

Въ виду двухъ церквей, римской и протестантской, взаимно отталкивающихъ одна другую, сколько вслѣдствіе противоположности ихъ началъ, столькоже и вслѣдствіе наследственной ненависти, вамъ показалось недостаточнымъ ваше изобрѣтеніе отвлеченной, всеобщей

церкви. Такимъ образомъ, отвергая возможность соединенія, вы все таки стараетесь дать имъ совѣтъ сближиться—дать взаимное обѣщаніе, что церковь римская допустить свободу, которой у ней нѣтъ, что церковь протестантская признаетъ отвергнутый ею авторитетъ (стр. 99). Это почти значить, что вы желаете видѣть существованіе отвлеченной церкви, которой идею вы составили. Къ несчастію, вы не указываете пути, который бы велъ къ желанному сближенію. Трудно противникамъ сдѣлать взаимныя уступки. Здѣсь нуженъ посредникъ, который бы пользовался довѣріемъ обѣихъ сторонъ и который бы постарался проавести сближеніе посредствомъ уступокъ разумныхъ и законныхъ, такихъ, которыя могли бы принять обѣ стороны.

Этого посредника, м. г., я вижу въ древности христіанской, въ устройствѣ первенствующей Церкви. Не говорите, что я предполагаю разрѣшить одно затрудненіе другимъ и что будетъ трудно одно неизвѣстное найти и разрѣшить посредствомъ другаго неизвѣстнаго. Начала, постановленія, духъ первенствующей Церкви такъ, какъ она существовала даже на Западѣ въ продолженіи очень многихъ вѣковъ, не такъ трудно открыть, какъ вы можете думать съ перваго раза. Ихъ можно найти, такъ сказать, съ перваго взгляда, когда будешь искать свѣта прямодушно и безъ предубѣжденій. Предубѣжденія, страсти, корысть преломляютъ лучи истины и препятствуютъ имъ освѣтить духъ нашъ: они порождаютъ тысячи противорѣчащихъ одна другой мелочей, порождаютъ тонкости и систематичныя теории, которыя искажаютъ истинныя начала, здравый смыслъ и исторію.

Первенствующая Церковь—фактъ; она принадлежитъ

исторіи; она обнаружила свое существованіе въ законахъ, въ своей общественной организаціи, въ своихъ вѣрованіяхъ; она оставила въ разныхъ мѣстахъ множество документовъ, которыхъ подлинность неоспорима; ее также легко узнать, какъ и общество французское въ самыя ближайшія историческія эпохи. Возвращеніе къ установленіямъ Церкви первенствующей есть условіе спасенія для западныхъ церквей. И кажется, что онѣ чувствуютъ это, хотя и смутно, потому что онѣ сдѣлали попытки въ этомъ родѣ, хотя и поверхностно.

Церковь римская старается возстановить древнюю архитектуру, древнее пѣніе, древнюю литургію, древніе обычаи: она такимъ образомъ старается облечь свою внѣшность древностію, или тѣмъ, что кажется древностію, хотя въ существѣ своего основанія придерживается новизны.

Церковь галликанская во всѣ времена показывала искреннюю любовь къ древности, и она сохранила драгоценныя ея остатки; но условія ея существованія въ нѣдрѣ церкви римской и политическія соображенія оставали усилія, которыя она дѣлала въ очень многихъ случаяхъ,—чтобы возвратиться къ установленіямъ Церкви первобытной. Въ церкви англиканской до настоящаго времени замѣтно счастливое движеніе—поворотъ къ установленіямъ древней Церкви. Таковъ и долженъ быть результатъ изученія, основаннаго на памятникахъ древней Церкви.

Сама протестантская церковь стремится пересоздать себя на древнихъ основаніяхъ; но она остановилась на эпохѣ ближайшей — своихъ великихъ реформаторовъ; она думаетъ, что можетъ проникнуть до древности апо-

стольской, не принимая въ соображеніе первыхъ вѣковъ, которые оставили намъ вѣрное и полное свидѣтельство о ней. Отыскивая духъ, жизнь, идею христіанской древности, церковь протестантская нисколько не цѣнитъ формы, внѣшняго развитія; а это дѣлаетъ предметъ изслѣдованій неуловимымъ. потому что духъ и жизнь открываются только въ дѣйствіи, составляющемъ ихъ форму.

Эти стремленія къ древнему устройству Церкви показываютъ, что церкви западныя, не смотря на ихъ разномысліе, чувствуютъ, что онѣ потеряли его и что не могутъ безнаказанно оставаться лишенными его. Въ самомъ дѣлѣ, первый и самый худшій результатъ этой потери состоитъ въ недостаткѣ гармоніи между началомъ авторитета и началомъ свободы, началами, которыя составляютъ существенное условіе всякаго нормальнаго существованія. Въ природѣ они уравниваютъ сжиманіе и расширеніе, движеніе и направленіе; въ человѣкѣ — истину съ убѣжденіями, законъ съ волей, совѣсть съ чувствомъ. Свобода и авторитетъ—это начала существенныя въ каждомъ обществѣ. Безъ авторитета не будетъ ни порядка, ни твердости; безъ свободы не будетъ жизни и усовершенствованія. Равновѣсіе между этими двумя началами дѣлаетъ жизнь правильною, прогрессъ — дѣйствительнымъ.

Христіанская Церковь, какъ общество и какъ образецъ всякаго общества, получила въ удѣлъ эту гармонію, которая есть результатъ нормальнаго дѣйствія авторитета и свободы. Основаніе ей положилъ ея Божественный Основатель. Сообщая людямъ истину, Онъ требуетъ свободнаго ея пріятія. Чтобы показать, сколь-

ко права на уваженіе имѣть данная имъ свобода, Онъ представилъ въ пользу истинъ, которыя Онъ возлюбилъ, доказательства, которыя дѣлаютъ эти истины достойными пріятія даже въ томъ, что есть въ нихъ божественнаго и непостижимаго.—Обязывая людей слѣдовать своимъ заповѣдамъ, Онъ самъ первый осуществилъ ихъ на дѣлѣ; ниспосылая, по своей благодати, сверхъестественную помощь слабости человѣческой, Онъ далъ этимъ человѣку средство возвратиться къ той первобытной свободѣ, которую онъ потерялъ, сдѣлавшись рабомъ грѣха; Онъ пустилъ также, чтобы человѣкъ могъ и противиться дѣйствию божественной помощи...

Въ жертвѣ искупленія мы видимъ высочайшій примѣръ того, какъ авторитетъ возстановляется при посредствѣ свободы, направляемой послушаніемъ. Спаситель, основатель Церкви, призываетъ всѣхъ людей участвовать въ этой жертвѣ; свой авторитетъ Онъ передалъ ученикамъ своимъ, которые и пользовались имъ въ обществѣ, образованномъ свободно и связанномъ единоплеменіемъ и любовью. Авторитетъ, дѣйствующій во имя Спасителя, есть бремя легкое, потому что источникъ его въ любви и самоотверженіи. Кромѣ этихъ качествъ, которыми отличается божественный авторитетъ, переданный апостоламъ, которыя составляютъ основаніе его, Божественный Учитель указалъ условія, при которыхъ предстоятели Его Церкви должны были имъ пользоваться. Чтобы этотъ авторитетъ принимали свободно, онъ долженъ основываться на преданіи и быть соборнымъ. Такимъ образомъ авторитетъ, вытекающій изъ преданія, и восходя посредствомъ его къ божественному источнику, облеченъ величественнымъ и непогрѣшимымъ характеромъ. Съ другой стороны, какъ автори-

тегъ соборный, онъ чуждъ всякаго частнаго интереса, несправедливости, господства. Самый свободный чело-вѣкъ можетъ сказать самъ себѣ: я могу подчиниться этому авторитету, потому что здѣсь повелѣваетъ Богъ; сторона человѣческая, которую я здѣсь вижу, не оскорбляетъ и не унижаетъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, произвола здѣсь не можетъ быть, и авторитетъ этотъ, въ существѣ своемъ, есть голосъ Церкви, которой я—живой и свободный членъ.

Въ силу этихъ намѣреній Воиникъ и имѣя въ виду развитіе и твердое положеніе Церкви въ будущемъ, апостолы пользовались авторитетомъ всѣхъ обща. Забываемъ, что и каждый изъ нихъ по своему духовному просвѣщенію и по своимъ сверхъестественнымъ дарованіямъ могъ быть руководителемъ всей Церкви. Но апостолы, вѣрные мысли Господа, рѣшали дѣла не только по взаимному согласію, но и по согласію со всѣми другими учениками Иисуса Христа, и они-то установили соборы, которые сдѣлались представителями соборной церковной власти. Отсюда основательно можно сказать, что устройство общества христіанскаго есть въ существѣ своемъ—соборное.

Первый соборъ, который держали апостолы въ Іерусалимѣ, покажетъ вамъ, м. г., справедливость предшествующихъ разсужденій объ образѣ проявленія авторитета въ первенствующей Церкви. Этотъ св. соборъ послужилъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ. На немъ дѣло шло, какъ вы знаете, о принятіи язычниковъ въ Церковь христіанскую. По этому предмету подняты были споры, сомнѣнія: неразумная равенность, гордость, прикрытая маской вѣрности древнему закону, возбудили смятеніе, которое

клонилось къ тому, чтобы отнять у христіанства его характеръ всеобщности и ограничить его тѣсными предѣлами іудейства. Авторитетъ одного апостола, хотя онъ былъ первый между апостолами, не разрѣшилъ этого вопроса. Ученіе другого апостола, особенное назначеніе котораго было—приводить въ Церковь Христову необрѣзанныхъ, показалось недостаточнымъ. А поднятый вопросъ занималъ всю Церковь; предрассудки и страсти затрудняли его разрѣшеніе. Тогда обратились къ авторитету всей Церкви; онъ-то и проевѣтилъ однихъ, заставилъ умолкнуть другихъ и умиротворилъ общество христіанское.

Въ своей „Исторіи цивилизаціи“ вы проповѣдуете теорію совершенно противоположную олицетворенію авторитета въ одномъ человѣкѣ,—вы говорите, что христіанская Церковь въ первую эпоху своего существованія была демократическою и что она приняла правленіе монархическое уже по прошествіи епископальнаго періода, который вы называете аристократическимъ. Это сравненіе управленія Церковію съ разными формами человѣческаго правленія очень ошибочно. Церковь отличается отъ обществъ по своему началу, по своей цѣли, по своему духу, по своимъ средствамъ. Ваше сравненіе кромѣ того заражено натурализмомъ, который раздѣляетъ, кажется, то мнѣніе, что церковный авторитетъ обязанъ происхожденіемъ своимъ человѣческому смыслу. Наконецъ исторія не подтверждаетъ вашей теоріи. Достаточно прочесть отрывокъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, въ которомъ говорится о соборѣ апостольскомъ, чтобы видѣть, что члены этого собора вовсе не были равны между собою, что были различные разряды между ними: сначала разрядъ апо-

столовъ, потомъ—священниковъ. или старцевъ, которые не были представителями вѣрныхъ, но засѣдали на соборѣ отъ ихъ имени—вслѣдствіе посвященія, полученнаго ими; наконецъ разрядъ самихъ вѣрныхъ, или *братій*, какъ говоритъ св. Писатель. Тѣже самые разряды упомянуты, какъ видите, и въ началѣ опредѣленія, составленнаго на соборѣ и посланнаго во всея Церкви. Если послѣдуемъ мы за соборою въ его разсужденіяхъ и обратимъ вниманіе на то, какое участіе принимаетъ каждый членъ въ рѣшеніи этого вопроса, то мы прежде всего отличимъ тѣхъ, которые ожидаютъ опредѣленія съ полною готовностію подчиниться авторитету; это большинство вѣрующіихъ. Другіе представляютъ свои мнѣнія и замѣчанія для проясненія вопроса, готовятъ такимъ образомъ матеріалъ для его рѣшенія; это сотрудники апостоловъ въ проповѣди евангелія, пресвитеры, или старцы, и безъ сомнѣнія также нѣкоторые вѣрующіе, отличившіеся духовными дарами, данными имъ Богомъ, или высотой своего характера, или ревностію; третіе, наконецъ, принимая въ соображеніе вѣру, хранимую въ обществѣ христіанскомъ, а также замѣчанія и мнѣнія принимавшихъ участіе въ преніи и проникнутыхъ тою же вѣрою, проносятъ судъ и постановляютъ рѣшеніе. Въ этомъ опредѣленіи, кромѣ того, видно новое начало; мы видимъ, что надъ всѣми земными началами паритъ невидимый дѣятель, Духъ Святой, который и кладетъ на новое опредѣленіе печать свѣта, силы, порядка, единства и мира.

Духъ Святой возводитъ опредѣленія, по видимому человѣческія, къ ихъ Божественному источнику и авторитету, дѣйствующій въ людяхъ, облачаетъ характе-

ромъ непогрѣшимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствіяхъ этого Божественнаго Дѣятеля видны дѣйствіе и авторитетъ Христа, который заслужилъ Церкви Святаго Духа и который передалъ апостоламъ свой авторитетъ, какъ слѣдствіе искупленія.

Авторитетъ церковный, если разсматривать его при свѣтѣ ученія евангельскаго и исторіи, въ началѣ не былъ ни демократическимъ, ни аристократическимъ, ни монархическимъ. Эти свойства, которыми вы обозначили его въ сочиненіи, всего болѣе содѣйствовавшемъ вашей литературной извѣстности, вовсе не приличны ему. Онъ божественъ самъ по себѣ и долженъ быть обнаруживаемъ соборнымъ образомъ, всѣми учителями Церкви, при содѣйствіи и отъ имени Церкви, — въ силу значенія, которое дѣлаетъ ихъ представителями Иисуса Христа. Одушевляющій Церковь, Духъ Святыи поддерживаетъ чрезъ него пастырей Церкви, которые не могутъ имѣть другаго притязанія, какъ только быть Его органами, Его служителями. Такимъ образомъ Церковь добровольно принимаетъ то, что опредѣляютъ ея пастыри, — потому что ихъ устами говорить этотъ самый авторитетъ.

Святыи апостолъ Павелъ сраниваетъ устройство Церкви съ устройствомъ тѣла человѣческаго; всѣ члены тѣла слѣдуютъ направленію, какое даетъ ему голова, т. е. побужденіямъ разума и воли; но эти послѣднія, въ свою очередь, принимаютъ въ расчетъ состояніе и назначеніе каждаго члена и не совершаютъ ничего безъ ихъ содѣйствія. Эта гармонія есть слѣдствіе единства жизни и направленія. Точно также и въ Церкви, которая устроена органически, авторитетъ чуждъ владычества, — повинненіе свободно отъ всякаго принужде-

нія; одинъ и тотъ же духъ одушевляетъ и пастырей и пасомыхъ.

Если ваша система о преемственныхъ перемѣнахъ управленія церковнаго справедлива,—то слѣды этихъ перемѣнъ видны были бы въ исторіи. Но, м. г., исторія первыхъ 8 вѣковъ оставила намъ значительныя свидѣтельства о томъ, что авторитетъ церковный всегда обнаруживался одинаково; что общія церковныя дѣла всегда опредѣлялись и рѣшались взаимнымъ содѣйствіемъ апостольскихъ преемниковъ,—т. е. епископами, при помощи пресвитеровъ, предъ лицомъ Церкви и съ согласія вѣрующихъ.

Правда, что когда число вѣрныхъ возросло, то не возможно стало имъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ Церкви; но ихъ представляло извѣстное число людей знаменитыхъ, особенно чиновники гражданскаго управленія и сами главы этого управленія. Отсюда произошли для императоровъ права—участвовать въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ.

Я счелъ долгомъ, м. г., довольно долго остановиться на разсужденіи о существѣ церковнаго авторитета потому, что вы говорили о немъ, не давши о немъ точнаго понятія. Вы оставили его въ состояніи отвлеченности, какъ и вашу идею объ общей церкви. Послѣ того, какъ я опредѣлилъ существо его, я хочу теперь показать вамъ, что церковь римская слишкомъ извратила его, измѣнивъ его на господство, и что церковь протестантская не приняла его въ расчетъ и слишкомъ поддалась духу свободы.

Въ теченіи первыхъ вѣковъ Церкви часто порицали основанный на преданіи и соборный авторитетъ Церкви и часто нападали на него. Если мы обратимся къ

источнику сопротивлений, обнаруживавшихся тогда, то мы увидимъ тоже самое чувство, которое прозавело первое возстаніе на Бога и которое было причиною перваго грѣха: это—гордость, которая побудила чело-вѣка сопротивляться Богу. Гордость ума побуждаетъ чело-вѣка становиться выше божественнаго откровенія, или по крайней мѣрѣ усвоить себѣ истолкованіе его; гордость сердца ведетъ къ господству и отрицанію любви; этотъ порокъ былъ источникомъ всѣхъ ересей и всѣхъ раздѣленій. Такъ судили объ этомъ апостолы, первые носители Божественнаго авторитета (2 Кор. 10, 5. 2 Петр. 2, 10). Къ гордости примѣшивались корысть и чувственность; впрочемъ на нихъ надобно смотрѣть, какъ на второстепенную причину раздѣленій, опустошавшихъ Церкви; если они не подчинялись влиянію болѣе могущественной страсти, то не могли произвестъ ничего сильнаго и твердаго, продолжительнаго.

Были, конечно, уклоненія въ слѣдствіе слабости ума чело-вѣческаго, который, по своей ограниченной природѣ, естественно способенъ къ безконечнымъ измѣненіямъ. Христіанскій авторитетъ всегда принималъ въ соображеніе это свойство, которое по отношенію къ уму чело-вѣческому есть необходимость его природы: онъ никогда не осуждалъ разномыслія въ предметахъ, кото-рыхъ Богъ не открылъ ясно и положительно. Законныя разномыслія, какова бы ни была ихъ важность, не про-исходятъ отъ гордости и возстанія на Бога, потому что они не противорѣчатъ Его слову, но суть слѣдствія дѣятельности разума, который не противоположенъ бо-жественному откровенію и преданіямъ, вѣрно соблюдае-мымъ Церковію. Любовь къ истинѣ возбуждаетъ эти разномыслія, и эта любовь, соединенная съ смиреніемъ

и благорасположенностию къ ближнимъ, вводитъ эти частныя мысли въ великій потокъ вселенскаго ученія.

Мнѣ кажется, м. г., что считая разнообразіе убѣждений условіемъ существованія людей на землѣ (стр. 9), вы слишкомъ мало принимаете въ расчетъ единство, которое составляетъ основаніе и законъ и мысли и жизни человѣческой. Согласіе этихъ двухъ законовъ видно сколько во внѣшней природѣ и въ нашихъ чувствахъ, столькоже и въ отправленіяхъ нашей познавательной и чувствовательной способностей.

Необходимый элементъ всякой жизни — разнообразіе составляетъ только случайную сторону ея и его источникъ заключается въ тѣхъ особенностяхъ, какія сообразуютъ обстоятельства времени, нравы, умственные успѣхи. Единство, напротивъ, есть основаніе дѣйствительности, твердости, порядка. Разномысліе, доведенное до крайности, есть отверженіе истины, убѣждений и душевнаго мира.

Если къ этимъ общимъ разсужденіямъ, что христіанство есть фактъ, прибавимъ, что его ученіе есть откровеніе, что Основатель Церкви имѣлъ въ виду единство, что Іисусъ Христосъ для достиженія единства далъ самыя дѣйствительныя средства,—что это единство существовало; то должно быть очевидно, что не нужно ни отвергать единства, ни отчаиваться въ его осуществленіи. Согласіе до извѣстной степени возможно даже въ предметахъ мірскихъ, въ наукахъ напр., въ жизни общественной; зачѣмъ же отрицать его возможность въ предметахъ болѣе важныхъ, въ предметахъ божественныхъ, въ христіанскихъ убѣжденіяхъ? Религіозныя и нравственныя начала владѣютъ надъ всѣмъ міромъ; первоначальныя стремленія нахо-

дятся въ существѣ всѣхъ душъ; силы человѣческія управляются одними и тѣми же законами. Зачѣмъ же отрицать безусловно согласіе, общность, единство? Если приложить скептицизмъ къ наукѣ, разумъ умретъ; если приложить его къ религиознымъ убѣжденіямъ, то опасность будетъ угрожать спасенію. Но начало разнообразія въ убѣжденіяхъ, если допустить его въ такомъ видѣ, какъ допустили вы, м. г., ведетъ къ скептицизму. Богъ есть начало единства, и чѣмъ больше приближаются къ Нему, тѣмъ легче единеніе; чѣмъ больше удаляются отъ Него, тѣмъ болѣе теряются въ разномысліи. Кажется, м. г., что вы считаете Церковь похожею на вавилонское столпотвореніе, между тѣмъ какъ одна вѣрно знаменуется Тайною Вечерію. Не нужно смѣшивать этихъ двухъ предметовъ. Первый выражаетъ смѣненіе гордости, которая искала единства самодѣльнаго, вѣшняго, принудительнаго, противнаго волѣ Божіей; второй,—показываетъ, распространяетъ и сохраняетъ единство божественное, дѣйствительное, свободное, при помощи законнаго и необходимаго разнообразія.

Изъ этого слѣдуетъ, что нужно допустить существованіе Церкви, какъ дѣйствительности, а не отвлеченнаго понятія, что откровенное ученіе есть догматъ, а не мнѣніе, что авторитетъ есть право, а не злоупотребленіе; но разнообразіе безъ единства разрушаетъ и Церковь и ученіе и авторитетъ. Вы, м. г., мнѣ кажется, допускаете и первое и третье положенія.

Нападенія, направленные противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ученія Церкви, противъ многихъ ея догматовъ, менѣе важны и менѣе опасны, чѣмъ нападенія, направленные противъ ея устройства. При помощи правилъ

ныхъ дѣйствій своего авторитета ей легко восторжес-
вовать надъ врагами ея ученія. Догматическія заблуж-
денія можно сравнить съ мѣстными болѣзнями; они ка-
саются только оконечностей, не касаясь общей эконо-
міи жизни; для излеченія ихъ можно даже отрубить
больной членъ. Не то бываетъ, когда смертоносное на-
чало охватываетъ весь организмъ; дѣйствіе его можетъ
быть медленно, но оно—смертельно. Точно тоже бы-
ваетъ, когда обезображено и ниспровергнуто устрой-
ство Церкви. Сохраненіе ученія находится въ опасно-
сти; это сокровище сохраняется точно при гармоніи
установленій; начало авторитета, сдвинутаго съ мѣста,
слабѣетъ.

Покушенія римскаго епископа сосредоточить въ себѣ
всю вселенскую Церковь, —особенно заключали въ себѣ
это опасное стремленіе къ разрушенію всего устрой-
ства Церкви. Съ цѣлю—воплотить въ одномъ себѣ авто-
ритетъ, онъ отвергъ соборный авторитетъ Церкви; стре-
мясь къ обладанію преданіемъ, онъ сдѣлалъ его подо-
зрительнымъ; сосредоточивая единство въ своемъ лицѣ,
онъ нанесъ смертельный ударъ свободѣ. Отсюда авто-
ритетъ сдѣлался властію, потомъ переродился въ гос-
подство и наконецъ превратился въ деспотизмъ. Рим-
скій епископъ дошелъ даже до такой мысли, что его
мнѣніе — догматъ и что его воля равносильна закону;
онъ сказалъ: „церковь—это я.“ Вслѣдствіе этого не толь-
ко міряне, но и епископомъ лишились всякаго вліянія на
жизнь и управленіе церкви и—всякаго въ этомъ участія.

Не вдругъ достигъ наша той стѣпани власти, господ-
ства, которые вы, м. г., кажетса смѣниваете съ авто-
ритетомъ. Попытки его были многочисленнымъ и разно-
образны. Предлогомъ къ господству онъ выставлялъ

сначала важность того города, гдѣ былъ престолъ его; онъ старался напомнить о св. апостолахъ, которые насадили здѣсь слово Евангелія; онъ стремился къ господству—сначала надъ частными церквами, чтобы мало по малу истребить соборный авторитетъ Церкви и присвоить его себѣ. Споры его съ церквами азійскими и африканскими могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго мною. Но въ это время понятіе объ истинномъ христіанскомъ авторитетѣ было такъ ясно, привязанность къ истинной христіанской свободѣ такъ велика, что всѣ части Церкви поднялись на защиту ихъ, и отступникъ долженъ былъ возвратиться къ порядку. Эпоха преслѣдованій не благопріятствовала созыванію вселенскихъ соборовъ; но ревность пастырей Церкви нашла возможными помѣстные соборы, которые и боролись со зломъ, грозившимъ той, или другой части Церкви и помогали ей въ ея нуждахъ. Когда опасность грозила всей Церкви, помѣстные соборы сообщали взаимно одинъ другому свои опредѣленія, и эти опредѣленія принимали характеръ всеобщности. Папа, какъ и всякій другой епископъ, подчинялся этому каноническому порядку, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы сказали выше, поддавался начинавшему возникать честолюбію, которое впрочемъ не имѣло тогда большихъ послѣдствій.

Мы приблизились къ эпохѣ, когда Церковь приобрѣла внѣшнюю свободу — эпохѣ вселенскихъ соборовъ. Мы замѣчаемъ здѣсь тѣже самыя попытки—со стороны римскаго епископа, — присвоить себѣ церковный авторитетъ — и тѣже самыя неудачи до того времени, пока онъ не разорвалъ связи съ вселенской Церковію.

Получивъ свободу съ начала 4 вѣка, Церковь выка-

Ч. I. Отд. III.

зала всѣ свои силы и ея авторитетъ проявился ясно. Въ продолженіи 5 вѣковъ, слѣдовавшихъ за временами гоненій, собирались соборы вселенскіе, которые совершенно организовали Церковь. Вы такъ знаете исторію, что я оскорбилъ бы васъ, если бы хоть одну минуту сталъ разсматривать мнѣнія новѣйшихъ римскихъ богослововъ, будто папа созывалъ вселенскіе соборы, будто онъ предсѣдательствовалъ на этихъ св. соборахъ или лично, или посредствомъ своихъ посланниковъ; будто папское утвержденіе давало каноническую силу соборамъ. Богословы церкви галликанской давно уже отдали справедливость этой ошибочной системѣ: достаточно поименовать Боссюета. Римскіе епископы такъ мало участвовали въ созваніи соборовъ, что нѣкоторые напр. изъ нихъ созывались даже безъ ихъ вѣдома; таковъ первый константинопольскій вселенскій соборъ. Другіе соборы извѣщали папъ о своемъ собраніи тогда уже, какъ они были собраны: таковъ пятый вселенскій соборъ. Наконецъ исторія свидѣтельствуетъ, что римскій епископъ принималъ меньше участія въ созваніи соборовъ, чѣмъ епископы восточные. Причина этого очень проста: нужды Церкви и ея опасности живѣе чувствовались въ Александріи и въ Константинополѣ, чѣмъ въ Римѣ. Заботясь ревностно о вліяніи на своихъ собратій, или лучше о подчиненіи ихъ, св. Левъ хотѣлъ собрать вселенскій соборъ въ Италіи и много настаивалъ на этомъ предъ императоромъ Θεодосіемъ; но его старанія остались тщетны. Въ другой разъ папа Вигилій, не соглашавшійся на необходимость собора вселенскаго, не хотѣлъ принимать въ немъ никакого участія; но хотя папа и противился, а все таки онъ принужденъ былъ присоединиться къ собору.

Вопреки римской теоріи о видимомъ, личномъ и неподвижномъ центрѣ Церкви, этотъ центръ обнаруживался по обстоятельствамъ то въ той, то въ другой части Церкви: онъ никогда не былъ ни личнымъ, ни неподвижнымъ. Церковь устроена по образу Божию; а Богъ не имѣеть центра, или лучше, Онъ—всеобщій центръ, соединяющій въ Себѣ точки всеобщаго круговращенія. Богъ можетъ дѣйствовать и являться, когда Ему угодно и гдѣ Ему угодно: точно также и Церковь проявляетъ свою власть свободно, въ данную минуту, въ мѣстѣ, которое кажется ей приличнымъ. Если обстоятельства обыкновенны, нормальны, существованіе духовнаго тѣла Христова, сила благодати Божіей, одушевляющая его, находятся, такъ сказать, въ скрытомъ положеніи; ея дѣйствіе не замѣтно и почти неуловимо; таковъ законъ правильной жизни. Но если одной изъ ея частей угрожаетъ опасность, если нужда съ какой нибудь стороны даетъ себя чувствовать, тогда ея силы сосредоточиваются; они обнаруживаются или для того, чтобы одолѣть препятствіе, или чтобы выдержать борьбу, или чтобы направлять движеніе. Эта подвижность церковной дѣятельности открывается со всею очевидностію въ различныхъ мѣстѣ, какія избираемы были вселенскими соборами для своего собранія: пастыри вселенской церкви собирались то въ Никеѣ, то въ Константинополѣ, то въ Ефесѣ, то въ Халкидонѣ. Она открывается также въ различныхъ лицѣ, двигавшихъ и руководившихъ соборами. Антиохія дала Евстаѳа, Александрія—Аванасія, или Кирилла, Нисса—Григорія, Кордова—Осію, Римъ—Льва, Константинополь—Анатолія, или Тарасія.—Духъ Божій, одушевлявшій Церковь, не стѣснялъ ея свободы; Онъ

сообщалъ свои дары тому, кому Ему было угодно и въ такой мѣрѣ, въ какой Ему было угодно.

Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что предсѣдательство папы, которымъ будто бы онъ былъ облеченъ на вселенскихъ соборахъ, — чистая выдумка. Да и могли ли папа предсѣдательствовать на соборахъ, когда его важность исчезала предъ равенствомъ голосовъ всѣхъ другихъ епископовъ, которые пользовались этимъ равенствомъ въ качествѣ апостольскихъ преемниковъ и свидѣтелей Вѣры, основанной на преданіи всѣхъ знаменитыхъ церквей. Наконецъ исторія совершенно отвергаетъ мысль, будто папы предсѣдательствовали на соборахъ.

Если знаніе актовъ вселенскихъ соборовъ важно для богослова, или для законовѣда, то оно не менѣе важно и для историка. Вы, вѣроятно, изслѣдовали, м. г., образъ соборныхъ засѣданій, духъ, который одушевлялъ ихъ, опредѣленія и правила, которыя составлены на нихъ; вы замѣтили также, что они ввѣряли церковный авторитетъ собору епископовъ, что не думали по-римски объ образѣ проявленія этого авторитета; что они предоставили большое поприще для свободы въ предметахъ сомнительныхъ, второстепенныхъ, ви́шнихъ.

Ваши занятія безъ сомнѣнія показали вамъ рядъ попытокъ, которыя дѣлали римскіе епископы, чтобы захватить въ свои руки власть надъ всею Церковію и лишить Церковь свободы, — начиная отъ высокоумныхъ словъ легатовъ св. Льва и — отказа Вигилія; видѣли вы и то, что ихъ покушенія падали предъ дѣйствительнымъ авторитетомъ Церкви и предъ свободою, которою пользовался каждый ся пастырь. Но я не могу при этомъ случаѣ удержаться, чтобы не при-

весть вамъ превосходныхъ словъ отцовъ ефесскаго собора патріарху антиохійскому, когда тотъ вмѣшивался въ права церкви кипрской: „да не преступаются правила отцовъ нашихъ; да не проникнетъ надменность мірской власти подъ покровомъ священнослуженія, и да не утратимъ мы мало по малу и незамѣтнымъ образомъ свободу, которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель людей, приобрѣлъ намъ цѣною своей крови“ (Прав. 8). Позвольте, м. г., напомнить вамъ также слова, съ которыми отцы собора карфагенскаго (426 г.) обратились къ папѣ Целестину, который покушался на свободу ихъ суда и съ этого цѣлю послалъ туда своего легата Фаустина: „соборъ никейскій нашелъ основательнымъ и справедливымъ, чтобы возникающія дѣла, какого бы рода они ни были, рѣшались на мѣстахъ, гдѣ они возбуждены; потому что отцы думали, что благодать Святаго Духа не чужда ни какой области, что она помогаетъ пастырямъ Христовымъ узнавать правду и проявлять ее вѣрно, и что особенно въ случаѣ недовольства опредѣленіемъ судей первыхъ, позволено каждому подавать аппелляцію собору провинціальному, или даже вселенскому. Найдется ли человѣкъ на столько простой, чтобы думать, что Господь нашъ помогать судить вѣрно *единственному* судѣ и чтобы Онъ отказалъ въ этомъ безчисленнымъ пастырямъ, собраннымъ на соборѣ? Мы не знаемъ ни одного опредѣленія ни на одномъ соборѣ отцовъ, которое было бы утверждено легатами, посланными отъ (a latere) вашего святѣйшества. Поэтому мы просимъ васъ не посылать съ извѣстными требованіями нѣкоторыхъ изъ вашихъ духовныхъ лицъ въ качествѣ *слѣдственныхъ судей* и не допускать этого, чтобы не показалось, что мы вводимъ въ Цер-

ковъ Христову притязанія мірскаго честолюбія⁴ (Pandect. can. Bevereg. tom. I. p. 765 и 768).

Въ послѣдствіи времени по причинѣ прирожденнаго духу человѣческому стремленія къ лучшему и вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ постановлены правила для улучшенія взаимныхъ отношеній и отправления дѣлъ церковныхъ. Мѣстныя церкви группировались около другихъ, болѣе видныхъ по своей географической, или гражданской важности. Обычай и практика предшествовали здѣсь закону. Соборы признали этотъ порядокъ, не возводя его къ праву божественному, а распредѣлили такъ по праву человѣческому, которое подлежитъ измѣненіямъ. Такъ какъ государство уважало Церковь и покровительствовало ей, то эта послѣдняя, въ признательность и въ интересахъ порядка, хотѣла стать въ соотвѣтствіе съ политическимъ раздѣленіемъ страны. 4-й вселенскій соборъ ясно сказалъ: „городъ, почтенный въ грамотахъ царскихъ именемъ митрополіи, долженъ пользоваться этою честью, и епископъ, управляющій имъ, пользуется правами, свойственными митрополиту“ (Прав. 12). Двадцать седьмое правило тогоже собора еще болѣе разширило это начало и утвердило его на будущее время: „если городу дана, или въ послѣдствіи дана будетъ власть царская, то округи церковныя должны быть въ соотвѣтствіи съ раздѣленіемъ гражданскимъ и политическимъ.“

Вслѣдствіе этого правила установлены были церковныя митрополіи, экзархатства и патріаршества, такъ сказать мѣстные центры для церковныхъ дѣлъ. Но все несправедливо видѣть здѣсь начало монархической формы въ церковномъ управленіи. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на тотъ родъ отношеній между пасты-

рями частныхъ церквей къ митрополитамъ и патриархамъ, который установленъ этимъ правиломъ, чтобы убѣдиться, что все это только форма, что единоличная власть совершенно исключается, что этотъ порядокъ установленъ былъ съ одною цѣлюю — дать каждому участіе въ управленіи Церковію. Митрополитъ ничего не могъ дѣлать безъ дѣйствительнаго содѣйствія своихъ со-епископовъ; законная аппелляція на его произволъ подавалась и собору частному и собору вселенскому. Власть никогда не была сосредоточена въ немъ; она всегда находилась въ соборномъ дѣйствіи всѣхъ епископовъ, представителей Церкви. Правда, епископы самыхъ важныхъ городовъ были какъ-бы инстанціей между соборами провинціальными и соборами вселенскими; таковы: римскій епископъ въ силу третьяго канона сардикійскаго собора и епископъ константинопольскій въ силу четвертаго правила халкидонскаго собора; они пользовались этимъ преимуществомъ; но эти же правила ясно говорятъ, что посредничество этихъ епископовъ условливалось личными ихъ качествами и что эта власть вовсе не составляетъ положительнаго права, основаннаго на авторитетѣ, которымъ они были облечены. Такимъ образомъ свобода была сохранена вполне. Чтобы намъ опять не возвращаться къ этому, — повторимъ еще: такъ какъ высшая власть сосредоточена на вселенскомъ соборѣ, предъ которымъ всѣ — низшіе, то свобода и авторитетъ Церкви остаются неприкосновенны. Чтобы видѣть, какъ разнорѣчащіе голоса были приводимы къ согласію, нужно припомнить тѣ отлученія и осужденія, которымъ подвергались самые могущественные патриархи со стороны вселенскихъ соборовъ. Не смотря на всю хитрость защитниковъ чрез-

вычайныхъ преимуществъ папскихъ, исторія показыва-
етъ намъ, что многіе папы осуждены вселенскими со-
борами, и одинъ изъ лучшихъ папъ питалъ такое ува-
женіе къ опредѣленіямъ соборнымъ, что сравнивалъ ихъ
съ Евангеліемъ (См. Oeuvres de S. Gregoire le Grand
et l'Hist. Eccl. de Fleury, liv. XXXV. с. XIII).

И однакожь эти-то почести патриаршескія и служили
точкой отправленія и средствомъ для развитія неогра-
ниченной власти въ Церкви.

И восточные патриархи подвержены были страсти
честолюбія, но частыя сношенія всѣхъ епископовъ меж-
ду собою, уваженіе къ соборнымъ правиламъ, какое
всегда питалъ востокъ, представляли непреодолимые
препятствія ихъ господству. Такимъ образомъ мы ви-
димъ слѣды ихъ покушеній на свободу и авторитетъ
Церкви только въ пустыхъ титулахъ нѣкоторыхъ патри-
арховъ. Такъ патриархъ константинопольскій до настоя-
щаго времени носить титулъ вселенскаго, — александ-
рійскій—титулъ судіи вселенскаго; но все это и огра-
ничивается только словами.

Патриархъ римскій не удовольствовался этими титула-
ми: при постоянной твердости и при помощи обстоя-
тельствъ онъ достигъ владычества надъ тою частію Цер-
кви, гдѣ онъ пользовался своими патриаршескими пре-
имуществами.

Кромѣ непоколебимаго постоянства, какое обнаружи-
вали римскіе епископы въ дѣлѣ присвоенія власти въ
Церкви христіанской,—перемѣнѣ патриаршескихъ поче-
стей на господство помогли еще очень многія обстоя-
тельства. Если греки, столь ревностно заботившіеся о
своей независимости, такъ высоко мечтали о древней
столицѣ міра, что назвали восточную столицу римской

имперіи *людымъ* Римомъ, то какое суевѣрное уваженіе должны были питать къ ней народы западные, полные воспоминаній о геройскихъ подвигахъ римлянъ? Хотя это уваженіе и не спасло Римъ ни отъ униженія, ни отъ завоеваній въ эпоху великаго движенія народовъ сѣвера,—но перемѣны вѣчнаго города не могли изхитить у него ореола, украшавшаго его чело. Онъ былъ идоломъ развѣнчаннымъ и брошеннымъ въ грязь, но которому все еще покланялись.

Если Римъ языческій оставался въ воображеніи новѣйшихъ народовъ не болѣе, какъ славнымъ воспоминаніемъ, то Римъ христіанскій приобрѣлъ дѣйствительное значеніе. Послѣ того, какъ Константинополь сдѣлался столицей имперіи, римскіе епископы сдѣлались лицами политическими, совѣтниками кесарей, хранителями ихъ власти, посредниками между восточными императорами и ихъ итальянскими подданными; наконецъ покровителями вѣчнаго города, предстателями за него предъ дикими завоевателями. Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ слабѣла на западѣ власть императора, видимо возрастало могущество римскаго епископа. Папы первыхъ семи вѣковъ смотрѣли на это исключительное положеніе болѣе, какъ на тяжесть, не извлекая изъ него никакой пользы для честолюбивыхъ видовъ. Исторія сохранила ихъ жалобы на это. Не смотря на то, значеніе это, обязанное своимъ происхожденіемъ обстоятельствамъ, очень много содѣйствовало увеличенію ихъ духовной власти. Міръ вообще не умѣлъ еще отличать различныхъ родовъ власти, онъ не возводилъ ея къ источнику и могъ смѣшивать власть въ самой себѣ съ ея проявленіемъ.

Другое обстоятельство, еще болѣе и прямѣе содѣй-

ствовавшее увеличенію могущества папскаго, было то, что во многих странахъ западной Европы, вѣра христіанская была насаждена, или возстановлена папскими миссіонерами. Этимъ способомъ церковь, которая, на западѣ, могла хвалиться своимъ апостольскимъ происхожденіемъ и которой это титуло давало уже высокое значеніе, увеличилась еще болѣе посредствомъ своихъ миссій. Епископъ римскій, первый пастырь на западѣ, приобрѣлъ очевидныя права на отчество въ Вѣрѣ, истинно сдѣлался папой, или отцомъ по преимуществу для церквей, которыя ему обязаны были своимъ существованіемъ. Мы не похвалили бы римскаго епископа, если бы онъ ко всему западу обратился съ словами ап. Павла къ коринѳянамъ: *еще и мнози пастуки имате о Христь, но не мнози отцы; о Христь бо Исусъ благовѣствованіемъ азъ вы родиасъ* (1 Кор. 4, 15). Такія слова въ устахъ папы были бы слишкомъ преувеличены, потому что очень многія страны западной Европы имѣли первыми проповѣдниками Евангелія миссіонеровъ восточныхъ. Но немногія церкви помнили свое восточное происхожденіе, кромѣ впрочемъ церкви въ Великобританіи, которая съумѣла противопоставить свои первоначальныя преданія преданіямъ Рима, принесеннымъ туда Августиномъ младшимъ. Итакъ можно сказать, что на Римъ смотрѣли вообще, какъ на источникъ христіанства для запада. Но, права отчества равноцѣнны истинному авторитету, и еще болѣе въ духовномъ отношеніи, чѣмъ въ порядкѣ природы.

Въ теченіи четвертаго и пятаго вѣковъ непосредственныя сношенія епископовъ африканскихъ, испанскихъ, галльскихъ съ епископами восточными были довольно часты. Первые пастыри частію добровольно,

частью вследствие гонений и ссылки взаимно посѣщали другъ друга. Насиліе, которое обнаруживали извѣстные императоры противъ лучшихъ епископовъ, служило, въ путяхъ Промысла, благомъ для Церкви. Такъ ссылка св. Аванасія была полезна для запада, а ссылка св. Иларія—для востока. Легко замѣтить также въ исторіи, что число западныхъ епископовъ было значительнѣе на соборахъ въ четвертомъ вѣкѣ, чѣмъ въ слѣдующіе вѣка, въ теченіи которыхъ папа сдѣлался представителемъ западной церкви, — частью лично, частью чрезъ своихъ легатовъ. Римская исторія распалась въ слѣдствіе набѣговъ сѣверныхъ народовъ; восточные императоры, не смотря на ихъ притязанія, не имѣли никакого значенія въ глазахъ новыхъ націй, образовавшихся на западѣ; сношенія между епископами новыхъ церквей и восточными сдѣлались почти невозможны; тогда-то установился на западѣ обычай обращаться къ востоку черезъ папу, и чрезъ негоже получать и опредѣленія соборовъ, на которыхъ они не могли болѣе заѣзжать, и свѣдѣнія о христіанскомъ востокѣ. Уступая необходимости и надѣясь на папу, какъ на отца, западные епископы мало по малу отказывались отъ своей епископской инициативы въ пользу своего патріарха, и подпадали подъ его опеку, какъ будто бы они были или не совершеннолѣтніе или малоспособные. Такимъ образомъ патріархъ запада сдѣлался духовнымъ главой этой страны. Съ теченіемъ времени исчезла память о видоизмѣненіяхъ, которыя прошла эта власть. А люди, интересовавшіеся сохраненіемъ такого порядка вещей, скоро возвели его въ систему, въ ученіе, въ членъ Вѣры.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, папа былъ

еще въ общеніи съ христіанскимъ востокомъ, который смотрѣлъ на него, какъ на одного изъ патріарховъ — въ отношеніи къ дисциплинѣ, и какъ на епископа, равнаго всякому другому христіанскому епископу, въ отношеніи къ божественному авторитету. Какъ патріархъ, онъ былъ однимъ изъ пяти каноническихъ центровъ Церкви; какъ учитель, онъ былъ простымъ членомъ собора епископовъ. Это положеніе не могло продолжаться долго. Привыкнуши къ верховной власти въ своемъ патріархатѣ, папа хотѣлъ имѣть такую же власть и надъ другими патріархами, надъ всею Церковію. Будучи не въ состояніи ниспровергнуть преграды древняго, основаннаго на преданіи, соборнаго авторитета, который противопоставлялъ ему востокъ, онъ разорвалъ съ нимъ связь, отдѣлился отъ него и высокомерно сказалъ, что восточные — схизматики, такъ какъ они отказались признать его божественный авторитетъ.

Между тѣмъ епископы западнаго патріархата могли вспомнить о своихъ свободныхъ и братскихъ отношеніяхъ къ пастырямъ христіанскаго востока; они привыкли къ извѣстнымъ обычаямъ въ своихъ каноническихъ разсужденіяхъ; они сохранили нѣкоторые остатки коллегіальнаго, или соборнаго управленія и не позволяли лишиться себя ихъ. Папство поняло это, и потому оно уважало соборъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, но въ тоже самое время оно старалось сосредоточить весь авторитетъ въ папѣ. Съ этою цѣлію изобрѣли ложныя декретаціи; искажали тексты св. Писанія такъ, чтобы они подтверждали ученіе о власти папъ, и употребляли методъ толкованія, который привелъ, путемъ всѣхъ ересей, къ рационализму, т. е. къ толкованію отдѣльному, личному и чисто фантастическому.

Чтобы сохранить внѣшній видъ власти соборной, папство созывало соборы и украсило большую часть этихъ соборовъ именемъ вселенскихъ. Но оно присвоило себѣ всю власть въ созваніи ихъ, въ разсужденіи на нихъ и въ утверженіи ихъ опредѣленій; оно такимъ образомъ сдѣлало соборы чистой насмѣшкой, возвысивши надъ всѣми членами авторитетъ папы. Ихъ значеніе стало не болѣе, какъ значеніе совѣтниковъ, богослововъ. Исторія большей части западныхъ соборовъ свидѣтельствуетъ, что они именно были таковы. Если нѣкоторые изъ нихъ хотѣли проявить какую нибудь власть, показывали какое нибудь желаніе независимости, папы тотчасъ же произносили противъ нихъ запрещеніе, утверждая, что безъ нихъ эти соборы не могли быть истинными соборами. Епископы такимъ образомъ стали тѣмъ же для папъ, чѣмъ былъ сенатъ подъ владычествомъ римскихъ императоровъ, самыхъ самовластныхъ и всесильныхъ.

Такимъ образомъ ученіе о непогрѣшимости римскаго епископа, по моему мнѣнію, строго-логично. Глава Церкви по праву божественному, созывающій и распускающій соборы по своей волѣ, управляющій самовластно, не можетъ, не долженъ не быть непогрѣшимымъ; внѣ его нѣтъ ни Вѣры, ни опоры для совѣсти. Если же допустить божественную власть папства, то нужно допустить родъ личнаго вдохновенія, дѣйствіе котораго совершается независимо отъ нравственнаго характера лица; нужно папу сдѣлать Каиафою, который пророчествуетъ, самъ о томъ не догадываясь, даже тогда, когда дѣлаетъ зло. Это и есть то фаталистическое вдохновеніе, которое называютъ опредѣленіемъ *ex cathedra*.

Къ указаннымъ нами обстоятельствамъ мы можемъ

присоединить и другія, которыя особенно содѣйствовали распространенію ложныхъ идей о духовной власти папѣ.

Римскіе епископы поставили, во всѣхъ частяхъ западной церкви, кардиналовъ, имѣвшихъ свои выгоды поддерживать могущество, въ которомъ они очень много участвовали, и которое осыпало ихъ почестями; они поставили новыя епископіи, новыя приматства, которыя щедро надѣлили своими милостями; они пустили въ ходъ всѣ средства, внушаемая корыстью и гордостью, чтобы все множество духовныхъ лицъ привязать къ себѣ неразрывными узами; они наводнили міръ безчисленнымъ множествомъ монаховъ, которые зависѣли только отъ нихъ и которые отъ ихъ каедры получали привилегіи вмѣстѣ съ доктриною; они при всякомъ обстоятельстве прибѣгали къ свѣтской власти и искусно пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы заставить государей дѣйствовать сообща съ ними, — поддерживать и увеличивать ихъ могущество. Вотъ средства, при помощи которыхъ утвердилось на западѣ ученіе о папской власти. Время отъ времени возвышались независимые голоса, чтобы возстановить истинное ученіе; но они производили только слабый отголосокъ во всеобщемъ настроеніи раболѣпства. Ко всѣмъ этимъ средствамъ папство присоединило еще свѣтскую власть, царское достоинство, которое составляетъ не поддержку законнаго авторитета, какъ думаете вы, а скорѣе защиту неправильно восхищеннаго владычества.

Если я хорошо понялъ главную причину, по которой вы желали бы сохранить папѣ свѣтскую власть, она состоитъ въ томъ, что власть эта есть могущественная, чтобы не сказать — единственная поддержка духовной власти римскаго епископа. Если бы я имѣлъ

счастіе убѣдить васъ въ незаконности этой послѣдней власти, то я показалъ бы вамъ, что не нужно желать ея поддержки. Но какъ я не знаю, убѣдили ли васъ въ этомъ мои предшествующія разсужденія, то я буду опровергать тѣ основанія, которыя, по вашему взгляду, говорятъ въ пользу свѣтской власти папы. Она полезна, говорите вы, съ религіозной точки зрѣнія. Позвольте мнѣ постановить вопросъ иначе: согласна ли съ ученіемъ Евангелія свѣтская власть папская? Смѣшеніе двухъ властей духовной и свѣтской не противно ли слову Господа? Можно ли называть полезными вещи, которыя ни нравственны, ни законны! А между тѣмъ легко доказать вамъ, что соединеніе двухъ властей въ одномъ лицѣ запрещено словомъ Божиимъ и что оно поѣтому противоположно волѣ Того, отъ котораго исходитъ всякая законная власть.

Ветхозавѣтные патриархи, правда, по распоряженію самаго Бога, сосредоточивали въ себѣ двѣ власти; но это нисколько не ослабляетъ нашего положенія. Въ первоначальную эпоху, нужды жизни общественной не были ясно опредѣлены; общество было только семействомъ и всѣ нужды этого ограниченнаго общества группировались около религіозной мысли; слѣдовательно въ немъ нельзя было различать власти духовной и свѣтской. На дѣлѣ эта послѣдняя тогда и не существовала. Каждое семейство признавало права только въ своей главѣ,—и всѣ обязанности проистекали изъ правъ отчества, правъ естественныхъ и не подлежащихъ пререканію, правъ, которыя, при всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ, дошли и до настоящаго времени и которыя составляютъ еще весьма твердое основаніе для политическихъ обществъ, организованныхъ лучше другихъ. Когда жизнь

общественная заступила мѣсто жизни патриархальной, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась двѣ различныя власти. Когда Богъ посредствомъ Моисея далъ избранному своему народу законы, онъ избралъ первосвященникомъ Аарона, а не Моисея. Послѣдній, не смотря на свое божественное посольство, обязанности священническія предоставилъ первому. Чтобы удалить всякое смѣшеніе двухъ властей, Господь назначилъ два различныхъ колѣна, изъ коихъ должны происходить священники и цари. Цари должны происходить изъ колѣна Иудина, тогда какъ колѣно Левіино имѣло преимущество священнической власти. Замѣтимъ, что колѣно Левіино, обязанное учить закону и отправлять богослуженіе при храмѣ, не получило во владѣніе ни одной части земли израильской, которая могла бы дать мѣсто образованію свѣтской левитской власти.

Съ теченіемъ времени различіе между свѣтской и духовной властію обозначилось еще яснѣе. Царь считается между простыми вѣрующими, — онъ не касается ковчега Завета, не входитъ во Святая Святыхъ. Если нѣкоторые израильскіе цари принимали дѣятельное участіе въ наученіи откровенію и устройствѣ обрядности, то это было не вслѣдствіе обязанности ихъ, но въ силу особеннаго, сверхъестественнаго, пророческаго званія; такое религіозное призваніе имѣли Давидъ и Соломонъ; но это отличіе не давало имъ истинной церковной власти. Извѣстно, что Богъ не допустилъ Давиду строить храмъ, потому что этотъ царь велъ много войнъ и пролилъ много крови, частію изъ обязанности защищать своихъ подданныхъ, частію вслѣдствіе паденій, — къ которымъ давало поводъ величіе царя, какъ напр. кровь мужа Вирсавіи. Значить обя-

занность, вслѣдствіе которой государи долины иногда проливать кровь, дѣлаетъ несомвѣстными въ одномъ лицѣ первосвященство и царское достоинство. Правда, мы можемъ указать на первосвященниковъ, которые занимались политическими дѣлами іудеевъ и которые оставили знаменитое имя въ Иерусалимѣ: таковы Іисусъ, Симонъ и даже простой священникъ — Ездра. На это скажемъ сначала то, что несправедливо было бы думать, что духовные вожди націи совершенно изъяты отъ обязанностей, налагаемыхъ любовью къ отечеству. Замѣтимъ кромѣ того, что только въ исключительныхъ случаяхъ и вслѣдствіе необычайныхъ обстоятельствъ ветхозавѣтныя священныя лица пользуются двумя верховными властями, и что утверждаетъ ихъ въ этомъ или особенное откровеніе воли Божіей, или прямое избраніе народа іудейскаго. Но въ вопросѣ, которымъ мы занимаемся, дѣло идетъ не объ исключеніи, а о началѣ, правилѣ общемъ, состояніи нормальномъ. А съ этой точки зрѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію различіе между духовной и свѣтской властію въ ветхомъ Завѣтѣ. Если мы примемъ въ соображеніе особенную организацію іудейскаго народа, его особенную религіозную цѣль, вслѣдствіе которой первосвященникамъ ближе было бы управлять имъ, — то дѣло, на которое я счелъ полезнымъ обратить ваше вниманіе, получаетъ особенную силу. Долго было бы изчислять всѣ распоряженія, какія сдѣлалъ Богъ для того, чтобы не смѣшивалась власть духовная съ свѣтской; но есть такія, которыя сами собою указываютъ на это — таково установленіе года гражданскаго, различнаго отъ года религіознаго; таково установленіе двойскаго рода монеты, — которая употреблялась

въ общежитіи и — которая была въ церковномъ употребленіи.

Между тѣмъ, какъ въ нѣдрѣ народа, особенно руководимаго Богомъ, существовало раздѣленіе между властію духовною и свѣтскою, — въ нѣдрѣ язычества въ тоже время видимо царствуетъ плачевное смѣшеніе той и другой власти. Гражданскіе начальники приписывали себѣ значеніе религиозное, а первосвященники имѣли въ рукахъ власть гражданскую.

Христіанство еще съ большею ясностію и твердостію утвердило ученіе и практику ветхозавѣтныхъ касательно раздѣленія той и другой власти. Власть политическая, на сколько она служитъ началомъ общественнаго порядка, и власть религиозная, — обѣ имѣютъ божественное происхожденіе; но пользованіе ими должно быть отдѣльно и не можетъ быть сосредоточено въ одномъ лицѣ. Отсюда начала ихъ разграничены опредѣленнымъ образомъ. Нужно ли припоминать здѣсь слова божественной мудрости: *воздадите кесарева кесареви и Божія Богуви*? Нужно ли говорить о свидѣтельствѣ Иисуса Христа въ пользу власти Пилата, на которую Онъ смотрѣлъ, какъ на исходящую свыше? Нужно ли припоминать Его покорность гражданскому управленію во всемъ, что касалось его законныхъ правъ, включая сюда и платежъ податей? Все это, м. г., должно быть вамъ извѣстно. Необходимо ли говорить объ отказѣ Сына Божія принять царское достоинство, которымъ народъ хотѣлъ облечь Его? Нужно ли припоминать слова Его, что царство Его не отъ міра сего, — запрещеніе ученикамъ быть властителями, какъ государи и князья? Эти первоначальныя истины не могутъ быть неизвѣстны вамъ. Вы знаете также изъ писаній апо-

столовъ, что они остались вѣрны ученію и примѣру своего Божественнаго Учителя. Они учили, что власть гражданская исходитъ отъ Бога, они проповѣдывали искреннюю покорность государямъ и свои слова подтверждали собственнымъ примѣромъ. Съ другой стороны апостолы учили, что ихъ посольство исходитъ отъ Бога, независимо отъ власти гражданской; они отклонялись отъ всякаго свѣтскаго управленія и заповѣдали своимъ преемникамъ идти по ихъ стопамъ, руководясь въ этомъ случаѣ тѣмъ, что власть свѣтская и духовная несовмѣстимы въ одномъ лицѣ. Замѣтимъ еще, что это ученіе, подтвержденное примѣромъ апостоловъ, проповѣдывали тѣ изъ нихъ, на которыхъ думаютъ основать свѣтскую власть папы, въ частности—святыи апостолъ Петръ.

Пастыри первыхъ вѣковъ христіанства остались вѣрны этому ученію. Безъ сомнѣнія въ вашихъ глазахъ, м. г., опредѣленія соборовъ имѣютъ авторитетъ только человѣческій; но по крайней мѣрѣ вы не отрицаете, что они имѣютъ большую силу, какъ историческое свидѣтельство. Но здѣсь мы находимъ запрещеніе пастырямъ Церкви заниматься гражданскимъ управленіемъ подъ опасеніемъ отлученія (1). И не угроза эта, но вѣрность ученію апостольскому препятствовала епископамъ первыхъ вѣковъ восхищать свѣтскую власть. Повинуясь государямъ, уважая ихъ власть, какъ исходящую отъ Бога, признавая, что они имѣютъ участіе во внѣшнемъ управленіи Церковію, преемники апостоловъ въ тоже время сохраняли свою духовную независимость, свой авторитетъ надъ членами Церкви, включая сюда и го-

(1) Прав. апост. XVII, XXXIII. 4-го Всел. Соб. Пр. XII.

сударей. Я могу указать вамъ на такого епископа римскаго, который просилъ византійскихъ императоровъ созвать соборъ; на такого, который просилъ о поддержаніи внѣшняго порядка церкви, о защитѣ своихъ преслѣдуемыхъ собратій и о побужденіи ихъ исполнять опредѣленія соборовъ. Я могу указать и на такихъ, которые у тѣхъ же императоровъ просили себѣ почетныхъ титуловъ, даже титула — вселенскаго.

Съ другой стороны мнѣ легко указать на такого патріарха константинопольскаго, который защищалъ власть церковную противъ вмѣшательства свѣтской власти, на епископа кесарійскаго или миланскаго, который истину и твердость апостольскую противопоставилъ внѣшней силѣ. Чтобы избѣжать длинноты, и по уваженію къ вашей исторической славѣ, я не хочу входить въ подробности, которыя вы знаете, и выставлять предъ вами совершенно извѣстныя вамъ свидѣтельства. Я выпишу здѣсь только слова папы Геласія о несомѣстности той и другой власти въ одномъ лицѣ, потому что въ этихъ словахъ вполнѣ выражается божественное преданіе: „я вѣрую, говорилъ этотъ папа, что прежде пришествія Іисуса Христа нѣкоторые лица, въ прообразъ Христа, были въ одно и тоже время царями и священниками, напр. Мелхиседекъ; *этому подражалъ и демонъ*, такъ что императоры языческіе принимали имя верховнаго первосвященника. Но по пришествіи Того, Кто есть истинный царь и вмѣстѣ первосвященникъ, императоръ не носить болѣе имени первосвященника и *первосвященникъ не имѣетъ царскаго достоинства*. Богъ, зная слабость человѣческую, и желая спасти своихъ посредствомъ смиренія, *отдѣлилъ одну власть отъ другой*; такъ, что христіанскіе императоры

имѣютъ нужду въ первосвященникахъ въ томъ, что касается жизни вѣчной, и *первосвященники слѣдуютъ приказаніямъ императоровъ въ предметахъ временныхъ*, и это для того, чтобы служащій Богу *не занимался дѣлами мірскими* и чтобы управляющій дѣлами мірскими не управлялъ дѣлами божественными. Такимъ образомъ каждый чинъ разграниченъ и каждая обязанность проявляется въ приличныхъ ей дѣйствіяхъ“ (1).

Вотъ, м. г., краткое изложеніе христіанскаго ученія о власти духовной и свѣтской; такъ понимали его въ теченіи первыхъ семи вѣковъ. Итакъ если вы говорите, что соединеніе двухъ властей въ лицѣ папы полезно, то я отвѣчаю вамъ, что оно противно откровенной истинѣ. Если вы скажете, что новые папы прекрасно дѣлаютъ, вводя это смѣшеніе въ церковь, я говорю вамъ, что Иисусъ Христосъ, апостолы и древніе папы осудили это; если вы скажете: римская церковь приняла это ученіе, я отвѣчу вамъ: церковь вселенская не принимаетъ его. Между истинной и пользой, между Иисусомъ Христомъ и папой, между Церковью чистой, сильной, первенствующей, вселенской, и между церковію измененной, падающей, колеблемой, мѣстной, не можетъ быть сомнительнаго выбора.

Представленные вамъ мною соображенія достаточны для рѣшенія всего возраженія о сохраненіи свѣтской власти папской. Но я могу доказать вамъ, что свѣтская власть папства не была полезна для Церкви; она могла, можетъ быть, имѣть на время нѣкоторыя хорошія послѣдствія для общества; но сама по себѣ она была вредна столькоже Церкви, сколько и обществу.

(1) Gélase, pape, Tracté de l'Anathème.

Во второй половинѣ 8 вѣка папы, по щедрости Пипина и Карла великаго, сдѣлались ленными государями очень многихъ городовъ Итали. Не смѣшивайте, м. г., этого господства съ верховною властію, какаѣ установилась послѣ. Съ этого-то господства нужно начать, чтобы показать происхожденіе свѣтской власти римскихъ епископовъ. Нужно сказать, что вслѣдствіе этой власти, римская церковь тѣсно связана съ организациею земной, подверженной переменамъ. Чтоже? Увеличила ли она силу и достоинство церкви римской? Да, — вы утверждаете это, м. г. Но мы спросимъ васъ, какимъ образомъ матерія можетъ имѣть силу укрѣплять духъ? По какому соображенію то, что подвержено переменамъ, разрушенію, можетъ дѣлать твердымъ то, что утверждается на вѣчныхъ и неразрушимыхъ основаніяхъ? По какому извращенію логики, элементъ ограничивающій служить къ большей независимости, элементъ унижающій можетъ способствовать возвышенію и увеличенію достоинства? Думаете ли вы, что, если драгоценный металлъ смѣшать съ грубымъ, то первый сдѣлается болѣе благороднымъ? Думаете ли, что золотая статуя будетъ болѣе красива, если придѣлать къ ней глиняныя ноги? Элементъ земной и свѣтскій, воспринятый церковію римскою, долженъ породить въ ея нѣдрѣ ослабленіе и разложеніе, дѣйствіе которыхъ можетъ быть медленно, но послѣдствія несомнѣнны. Въмѣсто того, чтобы служить пособіемъ для духовной власти, свѣтская власть сама должна обращаться къ этой послѣдней, чтобы та служила ей поддержкой и охраняла ее. Это видѣли мы и прежде не разъ; этоже самое увидимъ сейчасъ. Слабый самъ по себѣ, свѣтскій элементъ можетъ только ослаблять христіанскій элементъ

палства, то измѣняя цѣль его — часто небесную, то употребляя вмѣсто его часто духовныя средства, свои матеріальныя; то увеличивая заботы духовныя, и безъ того уже огромныя, еще большія заботами о дѣлахъ мірскихъ. Если бы папство захотѣло быть искреннимъ; то оно призналось бы, что ему слишкомъ часто приходится духовное приносить въ жертву мірскому; употребляетъ хитрость и насиліе подъ предлогомъ блага Церкви, — призналось бы, что царское достоинство папъ вредитъ ихъ вѣрѣ, смиренію, любви, чистотѣ ихъ нравовъ; призналось бы, что папы дозволяли себѣ дѣйствія не совмѣстныя съ пастырскою обязанностию: войны, смертныя казни, расчеты слишкомъ мірскіе въ ихъ администраціи. Папы, занятые заботами правительственными и свѣтской администраціей, не находили времени посвятить себя нуждамъ церкви; связанные обычаями, одержимые страхомъ, озабоченные интересами, они не сохранили независимости духа и дѣйствій. Если бы папы вздумали оспаривать это, вся исторія предстала бы передъ ними, чтобы обличить ихъ и заставить молчать.

Какъ только матеріальными средствами хотѣтъ защищать ученіе и учрежденіе духовное, то перестаютъ вѣрить въ силу вѣры, побѣдившей міръ, въ силу смиренія, посрамившаго человѣческую гордость и мудрость, въ жертву и мученичество, распространившія и утвердившія христіанство. Происходя отъ слабости вѣры, отъ недостатка увѣренности во внутренней силѣ Церкви, сила матеріальная, которую представляютъ намъ поддержкою, увеличиваетъ эту слабость, задерживая и усыпляя внутреннюю дѣятельность. Съ другой стороны исторія говоритъ намъ, что царское достоинство рим-

скаго первосвященника, защита его матеріальными средствами никогда не могли спасти его отъ насилія, или вѣнскихъ вліяній. Папскія владѣнія никогда не были настолько обширны, настолько сильны, настолько хорошо организованы, чтобы доставить папѣ независимость, въ пользу которой было столько толковъ. Гораздо чаще они вызывали нападенія со стороны болѣе могущественныхъ государей. Не были ли они такимъ мѣстомъ, гдѣ постоянно разрѣшались споры соперниковъ за вліяніе? Сколько разъ въ средніе вѣка области римскія были опустошены! Сколько папъ изгнано изъ Рима и низложено или иностранными завоевателями или друзьями народнаго господства, которое такъ долго было сильно въ Римѣ!

Я очень сомнѣваюсь, м. г., чтобы вы могли представить хотя одинъ фактъ, когда матеріальная сила римскаго первосвященника могла защитить его противъ различныхъ нападений. Борьба, которую онъ выдерживалъ много разъ, и въ которой никогда не имѣлъ успѣха, служила только къ возвышенію папскаго характера, кротости и смиренія, этого исповѣдническаго и мученическаго вѣнца, который для Церкви есть истинное начало жизни. Посмотрите, м. г., кто были враги первосвященника - царя, которые нападали на его господство: еретики ли, невѣрующіе ли? Нѣтъ, это были католики. Нападенія этихъ враговъ были ли направлены на вѣру, или на вещественныя права церкви? Нѣтъ, большая часть ихъ сражалась изъ за политическихъ притязаній папы, такъ что эта внутренняя война происходила въ нѣдрѣ церкви католической—война чисто политическая, прикрывавшаяся только болѣе или менѣе религіозною вѣнщиною. Прибавьте къ этимъ

войнамъ безпорядки, революціи, борьбу между партіями, которая происходила въ самомъ ядрѣ областей перво-священника, и вы должны будете признать, что папская власть, вмѣсто того, чтобы обезпечивать и поддерживать власть духовную, ослабила и обезобразила ее.

Итакъ не свѣтская власть послужила духовной, — напротивъ, духовная послушала свѣтской. Не корона поддержала митру, а митра дала папѣ тройную корону. Исторія показываетъ, что папы по ослѣпленію много разъ увеличивали, вновь завоевывали и защищали свѣтскія владѣнія св. престола. Такимъ образомъ Вѣра и Церковь, вмѣсто того, чтобы быть цѣлю, дѣлались средствомъ. Если бы я говорилъ съ человѣкомъ менѣе свѣдущимъ въ исторіи, то я привелъ бы здѣсь свидѣтельство, въ доказательство того, что папы часто средствами духовными пріобрѣтали выгоды временныя, — что они заставляли служить дѣламъ политическимъ алаемъ, индиректы и другія церковныя оружія. Это извращеніе нормальнаго порядка вещей было роковымъ для церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, какъ поражали свѣтскую власть, удары падали на духовную; каждый разъ, какъ хотѣли ослабить и лишить довѣрія церковь, обнаруживали недостатки папскаго управленія, такъ какъ оно ввело въ церковь множество злоупотребленій и безразличности, страшную картину которыхъ мы могли бы представить, пользуясь выраженіями писателей самыхъ благочестивыхъ и самыхъ авторитетныхъ на Западѣ.

Свѣтскую власть папства можно сравнить съ пятою Ахиллеса; та и другая удобопоражаемы. Это смѣшеніе двухъ властей лишило римскаго епископа довѣрія и привязанности вѣрныхъ церквей латинской и было отчасти

причиной невѣрія и противохристіанской ненависти, какія мы встрѣчаемъ въ западной Европѣ. Начинаютъ съ того, что нападаютъ на злоупотребленія папъ, и кончаютъ тѣмъ, что возстаютъ противъ всѣхъ законныхъ правъ; хотятъ уничтожить наросты, — и принимаютъ рѣшительныя мѣры и портятъ существенныя органы жизни. Говоря проще, нападаютъ на римскій дворъ, и кончаютъ тѣмъ, что отвергаютъ самое епископство и религію.

Въ наше время свѣтскимъ владѣніямъ папы придаю значение неприкосновенности, что впрочемъ не есть слѣдствіе матеріальной важности этого государства, а слѣдствіе новой политики и новаго устройства цивилизованной Европы. Мы не можемъ оцѣнить этого порядка вещей, не входя въ земную политику, для насъ недоступную; мы можемъ утвердить только то, что, благодаря этому порядку вещей, епископъ римскій сдѣлался законнымъ государемъ римскихъ областей. Но замѣтимъ кѣстати, что эта временная выгода совпадаетъ съ потерей духовной власти надъ значительною частію Европы, сдѣлавшейся протестантскою и съ постоянно усиливающимся возмущеніемъ со стороны тѣхъ, которые не имѣютъ другой вѣры, кромѣ индифферентизма, или которые напрасно носятъ титул римскихъ католиковъ. Эти послѣдніе не обращаютъ вниманія на папство, и если не прибѣгаютъ противъ него къ матеріальнымъ средствамъ, такъ это отъ того, что они не имѣютъ никакого уваженія къ духовному могуществу и не обращаютъ вниманія ни на его ученіе, ни на его анаэмы.

Этотъ краткій очеркъ и эти бѣглыя соображенія достаточно показываютъ, что свѣтская власть папы, вмѣ-

сто того, чтобы служить поддержкой власти духовной, способствуетъ ей разстройству и ослабленію, что, вмѣсто обезпеченія ея независимости, связываетъ ее, и что вмѣсто возвышенія ея достоинства, только унижаетъ это достоинство. Признайтесь, м. г., что истина и святость, которыя, по ученію Богочеловѣка, составляютъ единственный источникъ свободы, много потерпѣли отъ смѣшенія двухъ властей въ одномъ лицѣ.

Способствовала ли свѣтская власть римскаго перво-священника поддержанію гражданской власти въ христіанской Европѣ? Вы утверждаете это, м. г., въ своемъ послѣднемъ сочиненіи; но ваше мнѣніе, позвольте сказать, не согласно ни съ исторіей, ни съ логикой христіанской.

По ученію ультрамонтанскому и по вашему, м. г., царское достоинство папы есть средство, подножіе для его духовной власти. Кромѣ философской несообразности, которая проиходитъ отъ подчиненія одного начала другому, не слишкомъ ли предосудителенъ этотъ порядокъ вещей для власти политической и гражданской? Не извращаетъ ли онъ, слѣдовательно, общественный бытъ челоуѣчества? Чтобы власть могла проявляться нормальнымъ образомъ, чтобы она была дѣйствительна и благотворна, нужно, чтобы она пользовалась независимостію, достоинствомъ и свободой. Безъ этого она не можетъ быть уважаема, она не имѣетъ моральной силы, составляющей ея природу. Но ученіе римское испровергаетъ эти условія существованія гражданской власти, подчиняя ее власти папской. Не говорите мнѣ, м. г., что власть папская не разрушаетъ гражданскій порядокъ, что это исключительный случай только въ Церковной Области и единственно въ лицѣ римскаго нервосвящен-

ника. Эта мысль не может уже быть справедлива, потому что такое начало вредно и такой порядок возмутителен. Но папа и приверженцы его свѣтской власти болѣе логичны: власти политической и гражданской, будь это въ Римѣ, или въ другомъ мѣстѣ, они даютъ одну и ту же роль подчиненную, служебную, страдательную. Въ средніе вѣка изъ ученіе приложено было къ практикѣ; въ новѣйшія времена оно сдѣлалось неприменимо къ практикѣ;—но это произошло не отъ недостатка сторонниковъ этого ученія,—они въ полной мѣрѣ остались привязанными къ нему. Мы видѣли, что эти притязанія яено высказывались во всѣ времена. Такимъ образомъ вслѣдствіе необходимыхъ логическихъ выводовъ, вслѣдствіе преданія и обычая, зараженные при этомъ честолюбіемъ, ультрамонтаны смотрятъ на государей всего міра, какъ на вассаловъ и слугъ папы. Первосвященникъ-царь, по ихъ понятію, подчиненъ первосвященнику—папѣ; такимъ образомъ и всѣ государи, равные первому, должны быть подчинены второму. Последъ этого можно ли сказать, что свѣтская власть папская поддерживаетъ, возвышаетъ и обезпечиваетъ всякую власть въ мірѣ? Не противно ли это истинѣ? Не нужно ли скорѣе сказать, что свѣтская власть римскаго епископа унижаетъ, попираетъ въ грязь всякую политическую и гражданскую власть, что она отнимаетъ у ней всякое достоинство, всякую свободу и силу? Вѣтъ послѣдствія ученія богослововъ римскихъ.

Различныя отношенія папства къ государямъ можно раздѣлить на три періода. Сначала папы господствуютъ надъ государями, потомъ государи освобождаются изъ подъ папской опеки; потомъ власть тѣхъ и другихъ ослабляется и падаетъ въ слѣдствіе ихъ борьбы, въ 16

вѣкъ. Въ продолженіи перваго періода, эпохи невѣжества и предрасудковъ, папы широко пользуются и злоупотребляють своимъ вліяніемъ на политическихъ дѣятелей: они требуютъ отъ государей полнаго подчиненія себѣ и, если тѣ хотятъ противиться, освобождаютъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность; они налагають чрезвычайное покаяніе и подвергаютъ другимъ, не меньшимъ наказаніямъ; произносятъ анаемы и интердикты, собирають подати и субсидіи всякаго рода въ пользу римскаго двора; возбуждаютъ ссоры и войны между государями; вотъ общій характеръ дѣйствій первосвященника - царя противъ его братьевъ по царскому достоинству. Благопріятствуетъ ли все это поддержкѣ и достоинству гражданской власти?

Не отвергая этихъ печальныхъ дѣйствій, вы хотите найти въ нихъ добрую сторону; вы хотите возложить отвѣтственность за нихъ на государей, думая, что папы поступали такъ для защиты угнетенныхъ народовъ; папа, по вашему взгляду, былъ только судья, которому могли они жаловаться на неправосудіе своихъ государей. Это предположеніе, очень благопріятное для папъ, было бы истинно, если бы въ то время, о которомъ мы говоримъ, существовали народы, — въ томъ смыслѣ, какой мы нынѣ даемъ этому слову, т. е. общества, сознающія свои права, свои нужды, имѣющія извѣстную силу; но ничего такого тогда не было. Ваша теорія была бы сколько нибудь вѣроятна, если бы навлекшіе на себя гнѣвъ папы, безапелляціоннаго судіи, всегда были тираннами народовъ, — если бы покровительствуемые первосвященниками римскими, были всегда друзьями народовъ. Но можно ли утверждать это предъ лицомъ исторіи? Ваше предположеніе имѣло бы

нѣкоторое основаніе, если бы въ мнѣшыхъ судахъ между государями и народами, папы всегда поступали по духу справедливости, безъ всякаго политическаго, или этно-стическаго расчета. Но не поступали ли они совершенно иначе? Историческія доказательства на то, что сказано мною выше, должны быть очень извѣстны вамъ, и потому я окончу свои замѣтки, которыя рѣшился сдѣлать вамъ. Въ самомъ дѣлѣ, м. г., всѣ эти дѣйствія папъ относительно народовъ и государей возбуждали ли уваженіе къ власти, возвышали ли, укрѣпляли ли ее, скрѣпляли ли искреннія отношенія между народами и государями?

Приобрѣтеніемъ свѣтскихъ владѣній папы подавали примѣръ епископамъ различныхъ странъ запада поступать, какъ поступали сами они. Таковъ необходимый порядокъ дѣлъ. По этому и видимъ въ исторіи большое число владѣній, подчиненныхъ епископамъ. Не ослабилъ ли этотъ церковный феодализмъ власти и порядка, — посредствомъ войнъ, какія введены были имъ, посредствомъ смуть и крайностей, которыхъ онъ былъ виною? Безъ преувеличенія можно сказать, что религіозный элементъ, который здѣсь вмѣшивался, находился въ самомъ превратномъ и гибельномъ положеніи; всѣ князья-приматы, князья-епископы поддерживали свою свѣтскую власть на томъ же основаніи, какъ и папа свое царское достоинство; по ихъ понятію, духовная власть ихъ имѣла нужду въ такомъ обезпеченіи. Однимъ словомъ, каждый прелатъ былъ маленькій папа, имѣющій двѣ власти. Благодаря Бога, этотъ порядокъ вещей навсегда остается только въ горькомъ воспоминаніи, и вы, конечно, не жалѣете объ этомъ. О деревѣ вы можете судить по его плодамъ. Лишенные свѣтской власти, епископы пе-

рестали производить гражданскіе безпорядки, и однакожь не потеряли своей независимости. Если вы возразите мнѣ, что своей независимостію они обязаны свѣтской власти папы,—то это значитъ сказать, что вѣра, твердость, свобода поддерживаются только внѣшними обстоятельствами, матеріальными средствами, богатствомъ, почестями. По этому пути мы дойдемъ до обоженія матеріи. Но подобнаго направленія нельзя предполагать въ человѣкѣ съ высокимъ духомъ и съ христіанскимъ сердцемъ.

Я не спорю, что папство до настоящаго времени служило искусственнымъ центромъ и внѣшнею поддержкою для западной церкви; но я не могу допустить, чтобы это было благомъ для гражданской власти и общественнаго мира. Смѣшеніе двухъ властей въ лицѣ римскаго епископа обязывало другихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ поддерживать ту и другую власть. Но не случается ли часто такъ, что интересы извѣстной католической латинской страны могутъ быть не согласны съ свѣтскими интересами римскаго правительства, или даже противоположны имъ? Въ этомъ случаѣ клиръ не поддерживаетъ ли часто сторону Рима, гдѣ всякому дѣлу даютъ религіозный характеръ? Не можетъ ли онъ такимъ образомъ объявить себя противъ интересовъ своего отечества, и противъ видовъ своего правительства? Подобное столкновение можетъ быть источникомъ смуты, можетъ колебать чувства и долгъ утвержденной клятвою вѣрности государю и любви къ отечеству. Когда религіозное чувство и ложныя тревоги касательно опасностей, коимъ подвергается вѣра, становятся могущественнымъ двигателемъ, тогда гражданская власть замедляется въ своихъ дѣйствіяхъ, ослабляется въ сво-

емъ вліяніи и подрывается въ самомъ своемъ основаніи. Признайтесь, м. г., что все это не выдумка, что все это повторялось часто и причиняло значительный вредъ гражданскому правительству.

Я вовсе не думаю, что вѣру нужно приносить въ жертву требованіямъ гражданской власти; но духъ и ученіе христіанское требуютъ отъ насъ не революціоннаго, а страдательнаго сопротивленія. Тѣрпѣніе, самопожертвованіе, мученичество—вотъ христіанская независимость. Такъ ли думаютъ ультрамонтаны?

Время неограниченнаго владычества папъ надъ государями прошло. Въ послѣдніе вѣка государи рѣшились противиться римскому двору и привести его къ болѣе скромному образу дѣйствованія. Въ борьбѣ съ римскимъ дворомъ государи часто преступали границы умѣренности и справедливости,—это предосудительно для ихъ власти, потому что всякое несправедливое и насильственное дѣло падаетъ на того, кто совершаетъ его, особенно, если страдаетъ религія. Въ этомъ столкновеніи между папами и государями народы, смотря по ихъ интересамъ и идеямъ, принимали сторону то папъ, — то — государей. Обѣ спорящія стороны часто обращались прямо къ народу и такимъ образомъ дѣлали его судьей въ своихъ спорахъ. Часто видя несправедливость обѣихъ сторонъ, народъ осуждалъ тѣхъ и другихъ, и такъ какъ всякая власть есть ярмо, онъ и пользовался этими обстоятельствами, чтобы освободиться отъ нея. Не отрицая другихъ причинъ, свѣтскія притязанія папъ и ихъ споры съ государями были одной изъ главныхъ причинъ путаницы идей и ослабленія, какое власть потерпѣла на западѣ.

Вы, м. г., всѣми мѣрами силитесь защитить папство

въ томъ видѣ, какъ существовало оно въ средніе вѣка; какъ на твердыя доказательства, вы указываете на древность и продолжительность этого учрежденія. Вѣка, по вашему взгляду, создали и поддерживали дѣло папства, вмѣстѣ съ системою, которая служитъ основаніемъ папства и которая составляетъ предметъ моихъ замѣтокъ. Думаете ли вы, м. г., что *сдѣланное* вѣками не можетъ быть *передѣламо* ими? Не уничтожаетъ ли время всего того, что обязано ему своимъ существованіемъ? Повѣрьте, что только вѣчныя начала не подлежатъ его разрушительному вліянію. Измѣненія въ папской власти, различные возрасты, которые она прошла, заставляютъ думать, что наступитъ часъ ея паденія, что для ней настанетъ возрастъ дряхлости. Дошедши до этого возраста, она меньше будетъ бояться внѣшнихъ нападеній, чѣмъ этого внутренняго истощанія, естественнаго упадка силъ, который граничитъ съ смертію. Случается видѣть часто людей, которые, страдая органами дыханія, воображаютъ, что имъ недостаетъ воздуха, тогда какъ они погружены въ волны воздуха такъ же, какъ и другіе люди. Таково же и папство духовное, сдѣлавшее свое дѣло и не имѣющее основы для дальнѣйшаго существованія. Оно внѣ самого себя силится найти начало своего изнеможенія,— жизнь окружаетъ его, но оно не можетъ уже участвовать въ жизни. Ему грозитъ смерть,—ему нужно разстаться съ этимъ міромъ. Если вы не вѣрите, что духовное папство дойдетъ до этой крайности, то вы—въ заблужденіи.

Вы совершенно одобряете, м. г., слова Одилона Баро, который сказалъ о папствѣ: „нужно, чтобы двѣ власти соединены были въ римскомъ государствѣ, для

того, чтобы имъ отдѣлиться при концѣ міра“. Это значило бы думать, что та и другая власть были соединены отъ начала эры христіанской до конца 8 вѣка, — эпохи, когда явилась свѣтская власть епископа римскаго; это значило бы думать, что ученіе и духъ христіанскіе не имѣютъ столько ясности и силы, чтобы отворотить смѣшеніе, котораго вы основательно боитесь.

Но исторія и Евангеліе говорятъ намъ противное. Я имѣлъ уже счастье доказывать вамъ, м. г., что христіанство, безъ всякаго изключенія въ пользу римскаго епископа, осуждаетъ смѣшеніе двухъ властей; какимъ же образомъ нарушеніе первоначальныхъ христіанскихъ законовъ можетъ быть полезно для него? Какимъ образомъ худой примѣръ можетъ служить поддержкой началу? Св. апост. Павелъ съ силою возстаетъ противъ подобной системы и противъ тѣхъ, которые приписывали ему ее: „не дѣлать ли намъ зло, чтобы изъ того доброе вышло? Такъ какъ нѣкоторые злословятъ, и говорятъ, будто мы такъ учимъ: праведенъ судъ на таковыхъ“ (Рим. 3, 8).

Позвольте теперь высказать мнѣ свое мнѣніе о протестантствѣ. По моему взгляду, это—противоположность папству, хотя по всей справедливости папство дало ему начало. Папизмъ — преувеличеніе начала авторитета; протестантство—преувеличеніе начала свободы. Первое впало въ абсолютизмъ, второе—въ своевольство. Сражаясь противъ папы, который олицетворилъ въ себѣ власть церковную, реформаторы лишили церковь всякаго авторитета. Въ подражаніе епископу римскому, каждый протестантъ олицетворилъ авторитетъ въ себѣ самомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что папа хочетъ, чтобы его авторитетъ былъ правиломъ для всего міра,

тогда какъ протестантъ поставляетъ его правиломъ для себя одного. Отдѣлившись отъ авторитета соборнаго и основаннаго на преданіи, который былъ правиломъ для Церкви первенствующей, протестантство необходимо пошло къ индивидуализму, который имѣлъ слѣдствіемъ рационализмъ, т. е. отрицаніе сверхъестественнаго, потому что авторитетъ Библии, на который постоянно указываютъ, нельзя назвать единственнымъ, если каждый имѣетъ право изъяснить ее, какъ ему покажется лучше, т. е. извлекать изъ ней то, что ему угодно. Такимъ образомъ, строго говоря, протестанты не составляютъ церкви, потому что не могутъ имѣть общей вѣры. Протестанты принадлежатъ къ христіанству, къ числу христіанъ, если угодно, но не къ церкви, потому что церковь есть общество, а каждое общество имѣетъ собственную свою жизнь, которая, какъ жизнь особная, не измѣняетъ своей сущности въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ и всегда сохраняетъ сознаніе своей индивидуальности. Возможно-ли будетъ человѣку, потерявшему это сознаніе, возстановить свое прошедшее при помощи изысканій историческихъ или генеалогическихъ? Протестанты не могутъ утвердить религіозную жизнь свою на прошедшемъ и приобщиться къ Церкви первенствующей однимъ изученіемъ св. Писанія. Когда дѣло идетъ о религіи откровенной, испытаніе, анализъ, умозаключеніе ведутъ только къ разрушенію и разъединенію, а не къ созиданію и единству. Такимъ образомъ протестантство дойдетъ до крайнихъ слѣдствій отрицанія; оно должно логически сдѣлать это, если не приметъ авторитета Церкви вселенской, выражающагося на вселенскихъ соборахъ, которые были до уклоненія римской церкви. Въ подчиненіи этому авто

ритету заключается спасеніе всего міра; здѣсь находится разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые такъ сильно волнують умы.

Чтобы доставить міру нравственному и религіозному твердость и ясность, чтобы возстановить нормальное его состояніе, чего такъ сильно желаютъ, нужно удалить всѣ чуждые элементы, производящіе броженіе; нужно расчѣпать всѣ облака, которыя могли бы пресѣкать истинный свѣтъ; нужно допустить, чтобы сокъ доходилъ до вѣтвей. Говоря просто, нужно, чтобы церковь римская признала, что въ главѣ ея двѣ власти — свѣтская и духовная — отдѣльны, чтобы возстановила христіанскій авторитетъ догматическій и дисциплинарный на истинномъ, божественномъ и непоколебимомъ основаніи, т. е. чтобы признала свое законное существованіе въ Церкви, какъ въ тѣлѣ, единственный Глава котораго есть Іисусъ Христосъ; нужно, чтобы она подчинилась авторитету *сборному и основанному на преданіи*, который проявляется чрезъ епископовъ въ единеніи съ вѣрными.

Я предчувствую, м. г., что вы боитесь увидѣть, если это будетъ такъ, что авторитетъ духовный уничтожится вслѣдствіе отсутствія централизаціи. Этотъ страхъ внушенъ вамъ удивленіемъ, какое чувствуете вы къ папству, какъ хранителю авторитета, и прискорбными явленіями, какія породило протестантство, вслѣдствіе безначалія, которое вы видите въ нѣдрѣ его. Евангеліе и исторія уничтожаютъ вашу боязнь; самыя уроки современной исторіи могутъ успокоить васъ совершенно.

Въ настоящее время легче, чѣмъ когда-нибудь, проявленіе соборнаго авторитета епископовъ всей церкви, — авторитета, неоспоримо божественнаго и совершенно

разумнаго. Мы живемъ въ такое время, когда дѣла совершаются общими силами, почти во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ области наукъ и промышленности. Международныя преграды уничтожены; истинная свобода, справедливость и взаимное уваженіе—рѣшенные вопросы. Если соборы возможны были во времена преслѣдованій, если они часто были собираемы въ продолженіи первыхъ восьми вѣковъ христіанства, то тѣмъ болѣе нынѣ они могутъ быть центромъ христіанскаго авторитета. Высказываясь посредствомъ своего естественнаго органа, Церковь будетъ внушать къ себѣ уваженіе, заблужденія не будутъ болѣе страшны, личность будетъ совмѣщена съ духомъ *каволическимъ*, злоупотребленія не будутъ имѣть мѣста, эгоизмъ и интересы не будутъ имѣть сильнаго вліянія предъ лицомъ вселенства, уклоненія нѣкоторыхъ найдутъ исправленіе на соборѣ.

На какихъ основаніяхъ установятся отношенія между Церковью и государствомъ? Какимъ образомъ разрѣшится проблема эта, на которую смотрять, какъ почти на неразрѣшимую? Если взойти къ началу, то трудности этого вопроса тотчасъ же уничтожатся: можно видѣть, что споры между Церковью и государствомъ, столькоже частые, какъ и предосудительные какъ для той, такъ и для другаго, происходятъ только отъ ошибочнаго, ненормальнаго устройства западной церкви. Эта церковь слишкомъ много имѣетъ матеріальныхъ элементовъ,—она предположила себѣ слишкомъ земную цѣль, такъ что необходимо часто сталкивается съ государствомъ: отсюда формула, употребляемая противъ ультрамонтанства: „церковь есть государство въ государствахъ“. Эта формула не имѣетъ смысла, если прило-

жить ее къ Церкви, устроенной по плану ея Божественнаго Основателя. По этому плану каждый вѣрный есть членъ церкви Божіей и въ тоже время членъ гражданскаго общества. На языкѣ св. Писанія, семейство христіанское есть семейная церковь, городъ, состоящій изъ вѣрныхъ, есть церковь города, — область, если разсматривать ее съ религіозной точки зрѣнія, — областная церковь.

Если теперь спросить, — принадлежитъ ли человекъ церкви, или государству?—отвѣтъ простой, — онъ принадлежитъ той и другому, смотря потому, на какую сторону его существованія смотрѣть. Какъ существо духовное, какъ чадо Божіе, онъ членъ Церкви Божіей; какъ существо общежительное, живущее въ извѣстной области земли, онъ — членъ государства. Что касается семейства, оно также элементъ государства, маленькое государство, если смотрѣть на земное его существованіе; оно въ тоже время часть Церкви, оно небольшая церковь, если смотрѣть на него со стороны Вѣры, средствъ къ вѣчному спасенію и его отношеній къ Богу. Тоже самое различіе примѣнимо и ко всякой странѣ.

Жители христіанской страны, по единству учреждений, законовъ, правъ и взаимныхъ обязанностей, образуютъ общество,—въ отношеніи религіозномъ они соединены Вѣрою, церковной дисциплиной и взаимною любовію. Каждый, по этимъ двумъ сторонамъ своего существованія, подчиняется правильной организаціи и особому авторитету. Эти два авторитета, различные по ихъ началу, цѣли и средствамъ, проявляются отдѣльно, встрѣчаясь только въ предметахъ второстепенныхъ. На этой почвѣ борьба часто неизбежна, но ни-

когда не опасна, — потому что тутъ никогда не бываетъ вопроса о существенныхъ основаніяхъ государства и Церкви. Случается, что смѣшанные ихъ вопросы представляютъ въ себѣ охрану для обѣихъ сторонъ, которая ограничиваетъ движенія, могущія зайти слишкомъ далеко, и, какъ духовный термометръ, указываетъ степень жара борьбы. Въ этой борьбѣ между Церковію и государствомъ возможны два случая, — или авторитетъ Церкви присвоиваетъ себѣ свѣтскую власть, или чаще государство стремится завладѣть почвой церковной. Первый случай, часто повторяющійся въ церкви, если она имѣетъ матеріальную организацію, не страшень для церкви, если она сохранила свое истинное устройство, т. е. то, о которомъ я говорилъ выше. Она не имѣетъ тогда ни точки отправления, ни поддержки, ни средства, ни цѣлостности. Когда частная церковь осмѣлится выйти изъ духовныхъ предѣловъ, другія церкви, ея сестры, движимыя желаніемъ сохранить древнее устройство, заставляютъ ее признать порядокъ; ихъ братскія увѣщанія, ихъ безкорыстные совѣты будутъ гораздо действительнѣе приказаній, исходящихъ отъ измышленнаго центра церкви. Если будетъ имѣть мѣсто другой случай, т. е. если государство будетъ угнетать церковь, если его угнетеніе сдѣлается гоненіемъ насильственнымъ, кровавымъ, то оно будетъ рисковать само погибнуть и сокрушиться о божественный камень, имѣющій божественную силу; — духъ христіанскій, добродѣтель, мученичество, поддерживаемыя силою Побѣдившаго своею смертію міръ, останутся непобѣдимы. Наконецъ, преслѣдуемые жители страны встрѣтятъ въ своихъ братьяхъ, жителяхъ другихъ областей, поддержку, симпатію, воодушевленіе, молитвы за себя, — и преслѣдо-

ватели отступать предъ этой силой вѣры, любви и единенія, которое противопоставить имъ Церковь. Эта взаимная помощь не будетъ ли болѣе полезна для церкви и менѣе подозрительна, чѣмъ поддержка мнимой главы церкви, — какова бы ни была эта глава?

Кромѣ того угнетеніе со стороны государства состоитъ обыкновенно въ насиліи и въ препятствіи проявленію авторитета въ частной церкви. Это неудобство можетъ быть только временнымъ и мѣстнымъ. Вся церковь въ совокупности, поддержанная всѣми членами своими, тотчасъ найдетъ себѣ опору въ своей благотворной дѣятельности, выраженной въ любви и смиреніи. Кромѣ того, по какому побужденію, въ какомъ интересѣ государство будетъ угнетать мѣстную церковь, если она такова, какова она должна быть? Эти столкновенія возможны только, когда смѣшиваютъ церковь съ клиромъ и отдѣляютъ его отъ вѣрующаго народа, когда на государство смотрятъ какъ на правительство, взятое отдѣльно отъ націи. Но смотрите на церковь и государство, какъ должно, т. е. какъ на общество, составляющее одно съ тѣми, которые имѣютъ авторитетъ, и вы увидите, что борьба невозможна между тою и другою. Зачѣмъ нація, проникнутая чувствованіемъ христіанскимъ, возстанетъ противъ своего христіанскаго чувства, которое есть духовная жизнь, доколѣ оно не обезображено элементомъ чуждымъ, измѣняющимъ его сущность? Церковь есть общество, гдѣ носители духовнаго авторитета составляютъ одно съ вѣрными; Церковь есть общество, гдѣ управители суть одно съ управляемыми, которые въ тоже время — чада Церкви. Какъ понять, при этомъ истинномъ правилѣ, угнетеніе націи Церковію и на оборотъ, когда они одно и то-

же общество, разсматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, и противоположнаго между ними нѣтъ ничего?

Но предположимъ невозможное, — что правители всѣхъ націй сдѣлаются враждебны христіанству, что въ этомъ будутъ помогать имъ націи; тогда это будетъ знакомъ конца временъ; человѣчество, враждебное истинѣ и купленію, достигло конца своего земнаго назначенія. Церковь, имѣющая продолжаться до конца вѣка, прекратитъ свое дѣло и свое существованіе. Системы и соображенія, безсильныя и всегда къ поддержанію и огражденію цѣлости Вѣры и Церкви, еще меньше будутъ имѣть силы тогда, потому что Церковь безъ Вѣры — трупъ. Живая Вѣра поддерживаетъ Церковь; Вѣра, проникающая общество гражданское, ставитъ его въ согласіе съ Церковію.

— Можетъ быть, вы скажете, м. г., что Церковь такъ, какъ я понимаю ее, — утопія. Вы заблуждаетесь; — она существовала въ теченіи первыхъ вѣковъ христіанства; она существуетъ и доселѣ. Эту Церковь, сохранившую первобытное и божественное устройство, вы называете вмѣстѣ съ западомъ — *иреческою*; истинное имя ея: *Церковь православная католическая*. Вы сознаетесь, что не изучали, не знаете ея. Очень жаль, м. г., она стоитъ вашего вниманія, вашего изученія. Изучайте ее серьезно; не останавливайтесь на внѣшности, проникните въ ея ученіе, ея начала, учрежденія и духъ. Я убѣжденъ, что въ этой вѣтви христіанства, вы найдете неизмѣнность догмата безъ отрицанія правъ разума, найдете здѣсь формальное различеніе началъ и властей, какъ основаніе порядка религіознаго и гражданскаго, найдете истинный христіанскій духъ, духъ любви и смиренія,

удивительно приспособленный къ успѣхамъ цивилизаціи во всемъ томъ, что она имѣетъ въ себѣ истиннаго и существеннаго. Я надѣюсь, м. г., что послѣ серьезнаго изученія этой Церкви, вы представите разрѣшеніе трудностей, которыми занятъ міръ, иное, чѣмъ какое представили въ своемъ сочиненіи: „Церковь и христіанское общество въ 1861 году“.

Если, не смотря на мои замѣтки, вы останетесь при своемъ мнѣніи, то я припишу это самому себѣ; я буду думать, что мои объясненія недовольно ясны, что я не умѣлъ представить ихъ во всей силѣ, — но мои положенія не будутъ отъ того менѣе достовѣрны. Умъ такой высокій, какъ вашъ, самъ дополнитъ то, что въ этомъ письмѣ было темнаго и несовершеннаго.

Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ высокомъ къ вамъ уваженіи.

Преподобный П. Васильевъ.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСНОВѢДАНІЯ.

— Государь Императоръ, по поводу окончанія сроковъ пребыванію въ С.Петербургѣ преосвященныхъ: архіепископа херсонскаго *Димитрія* и епископа калужскаго *Григорія*, Высочайше повелѣть соизволилъ на мѣсто ихъ вызвать, для присутствованія въ Св. Синодѣ, срокомъ на одинъ годъ, пр. архіепископовъ: рижскаго *Платона* и могилевскаго *Васелія*, а пр. архіепископу тверскому *Филовою* отсрочить пребываніе въ С.Петербургѣ еще на одинъ годъ.

— Государь Императоръ въ 8-й день апрѣля соизволилъ пожаловать алмазные знаки ордена св. ап. Андрея Первозваннаго митрополиту литовскому *Иосифу*, и таковыя же знаки ордена св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго архіепископу камчатскому *Инокентію*, и сопричислить къ орденамъ: св. Владимира 2-й ст.: архіепископа херсонскаго *Димитрія* и епископа калужскаго *Григорія*; св. Анны 1-й ст. епископа новониргородскаго *Антонія*; св. Владимира 3-й ст. епископа мингрельскаго *Геронтія* и викарія с.петербургской епархіи, епископа ревельскаго *Леонтія*.

— Государь Императоръ, въ 19 день мая, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о бытій епископу екатеринбургскому *Варлааму*

епископомъ оренбургскимъ и уральскимъ; а на вакансію викарія пермской епархіи, епископа екатеринбургскаго, Всемилостивѣйше соизволилъ утвердить настоятеля бурковскаго рождество-богородичнаго монастыря, ректора вишиневской семинаріи архимандрита *Митрофана*.

— Государь Императоръ Всемилостивѣще изволилъ сопричислить священника церкви при Императорской академіи художествъ *Илью Денисова* къ ордену св. Анны 3-й ст.; наградить священника московскаго придворнаго верховсвасскаго собора *Александра Некрасова* бархатною фиолетовою камиллавою, почетнаго блюстителя по хозяйственной части казанскаго училища двѣиць духовнаго званія, потомственнаго почетнаго гражданина *Петра Крупеникова* золотою медалью съ надписью „за усердіе,“ для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ; пожаловать протоіерею церкви при с. петербургскомъ театральномъ училищѣ *Михаилу Боголюбову* золотой наперсный крестъ съ камнями, и діакону церкви при академіи художествъ *Владиміру Постникову* подарокъ изъ кабинета.

— Государь Императоръ, въ 7-й день минувшаго апрѣля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Св. Синода касательно обращенія богадѣльни, существующей въ г. Каширѣ при владбищенской церкви, въ общежитіе, подъ наименованіемъ каширской никитской общины; въ 28-й день минувшаго марта — объ устройствѣ православной церкви въ Женевѣ.

— Государь Императоръ въ 5 день февраля Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода, 1/31 декабря 1861 года, чтобы впредь: 1) празднованіе рожденій и тезоименитствъ членовъ Императорскаго Дома, кромѣ двѣи собственно Императорскихъ и Государя Наслѣдника Цесаревича, совершаемо было

въ ближайшіе воскресные дни; 2) въ сіи дни невозбранно погребеніе усопшихъ, и 3) прекращено было празднованіе дней побѣдъ, кромѣ дня побѣды подъ Полтавою, въ который молебное пѣніе должно быть совершаемо по прежнему.

— Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующее опредѣленіе относительно порядка приготовленія иновѣрцевъ нехристіанъ къ принятію православной Вѣры и относительно совершенія надъ ними таинства, по обряду ея, таинства св. крещенія: 1) въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ стат. св. зак., постановить: 1) надъ малолѣтними евреями, магометанами и язычниками, не достигшими 14 лѣтнаго возраста, совершается таинство св. крещенія по обряду православной Вѣры не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія Святейшаго Синода. 2) Надъ иновѣрцами, достигшими уже 14 лѣтнаго возраста, таинство св. крещенія можетъ быть совершаемо и безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ, если будетъ съ совершенною достовѣрностію приведено въ извѣстность, что сами обращающіеся желаютъ и требуютъ присоединенія къ Церкви православной и что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія о ея догматахъ и ученіи. 3) Не достигшіе совершеннолѣтія, т. е. 20 лѣтъ съ годовъ, иновѣрцы, которые готовятся къ св. крещенію по обряду Церкви православной, наставляются во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ Вѣры въ теченіе 6 мѣсяцевъ; для наставленія же иновѣрцевъ совершеннолѣтнихъ оставляется въ своей силѣ древній 40 дневный срокъ, съ допуще-

ніемъ, впрочемъ, какъ прежде, и теперь, и болѣе краткаго, по нуждѣ и смотря по успѣхамъ наставляемаго. Примѣчаніе. Установленный въ сей статьѣ 6-ти мѣсячный для несовершеннолѣтнихъ иновѣрцевъ срокъ не долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ срока непреодолемаго; при семъ должны быть принимаемы въ соображеніе какъ понятія, такъ и степень убѣжденія обращающагося. 4) Опасно болѣе иновѣрцы всякаго возраста могутъ, по желанію ихъ, быть крещены безъ промедленія, съ соблюденіемъ установленныхъ Церковію правилъ и съ тѣмъ: во 1-хъ, чтобы къ крещенію такихъ лицъ было приступаемо не прежде, какъ по надлежащемъ, совершенно надежномъ удостовѣреніи, что они находятся не въ состояніи безпамятства, лишающаго ихъ возможности выразить съ сознаніемъ и разумѣніемъ свою волю; во 2-хъ, чтобы о совершеніи таковаго крещенія по нуждѣ было безотлагательно доносимо епархіальному начальству, и въ 3-хъ, чтобы новокрещенаго въ такихъ обстоятельствахъ, буди онъ выздоровѣть, епархіальное начальство поручало благонадежному духовному лицу для назиданія и утвержденія въ христіанствѣ. 5) Обрядъ св. крещенія долженъ быть совершаемъ надъ иновѣрцемъ въ церкви (за исключеніемъ случаевъ болѣзни иновѣрца) и всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей или ближайшаго мѣстнаго начальства. Прежде начатія сего священнаго обряда, какъ священнослужители, долженствующіе совершить оный, такъ и мѣстное начальство, обязанное присутствовать при ономъ, должно тщательно удостовѣряться, что иновѣрецъ принимаетъ св. крещеніе добровольно и съ должнымъ разумѣніемъ и безъ сего убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не совершается и не допу-

скается крещенія. По совершеніи сего церковнаго обряда, присутствовавшій при ономъ ближайшій мѣстный начальникъ обязанъ засвидѣтельствовать собственноручно совершеніе обряда крещенія въ метрической книгѣ.

6) Въ тѣхъ случаяхъ, когда иновѣрцы нехристіанскаго исповѣданія, принявшіе христіанскую Вѣру, семьями или отдѣльно, должны оставить прежнюю свою осѣдность среди бывшихъ единовѣрцевъ ихъ и водвориться въ городахъ или селеніяхъ между христіанами, имъ опредѣляется, изъ казны, въ пособіе при переселеніи и новомъ водвореніи: евреямъ, каждому безъ различія пола, отъ 15 до 30 р. сер., а дѣтямъ въ половину, камыкамъ же простолюдинамъ, имѣющимъ семейства, по 15, а холостымъ по 8 р. 7). Въмѣсто содержащагося въ пунктѣ 3, ст. 166, улож. о наказ. (св. зак. 1857 г. т. XV, кн. 1) правила постановить, что наказаніе, опредѣленное въ законѣ за какое либо преступленіе или проступокъ, можетъ не только быть уменьшаемо въ мѣрѣ, но даже смягчаемо и въ степени и въ самомъ родѣ онаго, когда иновѣрецъ нехристіанскаго исповѣданія, во время слѣдствія или суда, приметъ православную или другую терпимую и признаваемую законной въ имперіи христіанскую вѣру.“

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода ^{29 марта} ~~6 апреля~~ 1862 года положено удостоить: А) *возведенія въ санъ архимандрита* по епархіямъ: *киевской*: іеромонаха Мелетія, *минской*: игумена Самуила, игумена Модеста, *воронежской*: игумена Амвросія, *вологодской*: игумена Арсенія. *Въ санъ игумена по грузинскому викариату*: іеромонаха Дороев; по *архангельской* епархіи: іеромонаха Нектарія. *Въ санъ протоіеря по епархіи главною священника гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ*: священника Василія Воанесен-

скаго; по *подомству главному священника армии и флота*: священника и благочиннаго Антонія Гурскаго, священника и благочиннаго Данила Попруженко, священника и благочиннаго Феодора Антоіева, священника Александра Крутлевскаго, священника Феодора Пенинскаго, священника и благочиннаго Павла Алхимовича, священника Андрея Сенаторскаго; по епархіямъ: *киевской*: священника и благочиннаго Феодора Мысловскаго и священниковъ Максима Левицкаго и Андрея Стефановскаго; *с. петербургской*: священниковъ: Тимофея Валдайскаго, Іоанна Іоаннова, Петра Георгіевскаго, Іоанна Коченовскаго, Василя Войтковскаго, Іоанна Гиляровскаго, Василя Гречулевича; *иркутской*: священника Василя Карташева; *екатеринославской*: священника и благочиннаго Георгія Васильева; *смоленской*: священника Василя Кутузова; *волюдской*: священника Феодора Забѣдина; *вятской*: священниковъ Василя Шутова и Михаила Зубарева; *архангельской*: священника Алексія Васильева; *костромской*: священниковъ Павла Островскаго и Іакова Калистова; *томской*: священниковъ: Симеона Чикаревскаго и Іоанна Новосѣдскаго; *орловской*: священника Матѳея Васильева; *пензинской*: священника Иларіона Масловскаго; *саратовской*: священника Василя Жукова; *Б) награжденія налицею*: по *подомству главному священника гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ*: протоіеря Іоанна Пѣвницкаго; по епархіямъ: *с. петербургской*: іеромонаха Аполлинарія; *тобольской*: протоіеря и благочиннаго Василя Дергачева, протоіеря Стефана Знаменскаго, протоіеря и благочиннаго Николая Кайданова; *донской*: протоіеря Василя Куфаева; *таурической*: игумена Евгенія, іеромонаха Михаила и игумена Паренія; *воронежской*: прото-

іерея и благочиннаго Александра Бумина. *Набреденіи-
комъ по ведомству московскаго Святѣйшаго Синода кон-
торы*; іеромонаха Михаила, іеромонаха Моисея, іеро-
монаха Иринея, *группы и меретинской конторы*: священ-
ника и благочиннаго Максима Сапежкова, священни-
ковъ Іова Колыкова, Іакова Апостолова, Іоанна Пол-
чанинова, Арсенія Отлобина, Василия Кедрова, Іоан-
на Сиротина, Гавріила Дроздова, Захарія Доброволь-
скаго, Неофита Палладина, Николая Благодорова и
Павла Глухарена; *главнаго священника арміи и флотовъ*:
священниковъ: Петра Балакина, Іоанна Незлобивскаго,
Аркадія Пузанова, Петра Петрусеннова и Николая Ка-
занскаго; по епархіямъ: с. *пешербургской*: священника
Владимира Ладислава; *казанской*: священника Іоанна
Грекова; *подольской*: священниковъ Михаила Космодами-
анскаго и Василия Утретскаго; *персонской*: священника
Емельяна Кузубскаго; *курской*: священника Павла Ко-
ренскаго; по *Грузіи*: іеромонаха Софронія; по *алонецкой*
епархіи: священника и благочиннаго Петра Баженова,
священника Адриана Благовѣщенскаго, священника Про-
хора Карцова, священника Іоанна Лебедева, священни-
ка Іакова Михайлова, священника и благочиннаго
Петра Николаевскаго, священника Матвея Попова, свя-
щенника Тимофея Явсемскаго. В) *Благовосенія Ся-
тѣйшаго Синода. По ведомству московской Святѣйша-
го Синода конторы*; іеромонаховъ: Ардалиона, Мака-
рія, Иларія, Николая; по *ведомству главнаго священника
гвардейскаго и флиадерскаго корпусовъ*: протоіерея Васи-
лія Шитова; *главнаго священника арміи и флотовъ*: свя-
щенниковъ: Іоанна Паславскаго, Евгенія Федюшина, Іо-
анна Прощаницкаго, Іосифа Ковалева, Іоанна Славин-
скаго, Іакова Фидины, Іеромонаха Фотина; по епархі-

Ч. I. Отд. III.

ТМТ:

Алексія Содалева; *с. петербургской*: священниковъ: Петра Гіацинтова, Іоанна Василіева, Іоанна Перетерскаго, Петра Петропавловскаго, Константина Стефановича, Александра Верекундова, Владиміра Смирницкаго, протоіерея Василя Лаврова, діакона Александра Лебедева, священниковъ: Козьму Соколова, Александра Покровскаго, Ілію Денисова, Михаила Розанова, Іоанна Соболева; *московской*: протоіереевъ: Петра Покровскаго, Петра Терновскаго, Платона Капустина, священниковъ: Стефана Бѣлявинова, Виталія Лебедева, Іосифа Долгополова, іероманаха Варсонофія; по *Грузіи*: протоіерея Іоанна Баскарова, іеромонаха и благочиннаго Григорія, священниковъ: Виссаріава Самодалова, Константина Берзенова; по епархіямъ: *казанской*: игуменью Досѣею, священниковъ: Андрея Троицкаго и Іоанна Спасскаго; *тобольской*: іеромонаха Нифонта, священниковъ: Евгенія Рѣщивова, благочиннаго Дмитрія Сребренникова, Феодора Соколова, Іоанна Тихомирова; *павловской*: священника Михаила Горснаго; *ярославской*: священника Павла Попова; *рязанской*: протоіерея Николая Страхова, іеромонаха Самуила, іеромонаха Виталія, священника Александра Кочурова; *тверской*: священника Петра Тихомирова; *версонской*: священниковъ: Ільію Павловскаго, Іакова Денова, Симеона Козачинскаго, Феодосія Пухальскаго, Фортуната Пухальскаго, Андрея Каминскаго, Дія Дорошкевича, Сампсона Зимовьева, Дометія Остапова, Николая Игнатьева, Іоанна Стойкова, Василя Скалозубова, Іакова Лихогорова; *сарматовской*: священниковъ: Владиміра Зябловскаго, Кассіана Синеуцакаго, Александра Струковскаго, Александра Чамова; *таврической*: архимандрита Никона, протоіерея Александра Бершадскаго, іеромонаха Варлаама, іеромонаха Макарія, священниковъ: Дмитрія Черниева, Ни-

ту Добровольскаго; *мемлевской*: священника Василия Судинскаго; *недольской*: протоіерей Іуліана Лотоцкаго, протоіерей и благочиннаго Іакова Хвѣлевскаго, священниковъ: Данила Васильевскаго, Петра Подгурекаго, Северіана Дожевскаго, Іоанна Заблondaго; *кишевской*: священниковъ Савву Твардіевича, Милаша Киріянова, Савву Кономова, Леона Аевіева, Симеона Ісакова, Ілію Брадова, Іоанна Натца, Іоанна Гросуко, Василия Генецкаго, игумена Серафима, діакона Николая Нелцана; *иркутской*: священника Григорія Литвинцева; *ряжской*: священниковъ: Михаила Маленна, Василия Окнова; *домской*: священника Александра Топорскаго; *екатерининской*: протоіерей Іоанна Острогорскаго, священниковъ: Захарію Писменцаго, благочиннаго Іоанна Житецкаго, Петра Іванова; *смоленской*: священниковъ: Іоанна Вишневецкаго, Тимофея Галецкина, Іакова Кандилянскаго, Дмитрія Чаусова, Андрея Солнцева; *нижегородской*: игуменію Евпраксию, священниковъ: Іоанна Добролюбова, Андрея Румянцова, благочиннаго Евлампія Свѣтолидова, благочиннаго Павла Спераяскаго; *курской*: священника Евгенія Моисеева; *ладимірской*: игуменію Евросимию; священниковъ: Никиту Омоторовскаго, Василия Соловьева; *амтской*: священниковъ: Андрея Кузнецкаго, Ігнатія Курбановскаго, Симеона Сычугова; *архангелской*: священника Александра Денежникова; *костремской*: протоіерей Елисея Аристовъ, священника Петра Вессловскаго; *тамбовской*: іеромонаха Аркадія, протоіерей и благочиннаго Михаила Грибановскаго, священниковъ: Василия Адамова, Іоанна Карасевскаго, Евграфа Ковалю, Тихана Івиневаго, Александра Соловьева, Филиппа Свѣгурова, Эдновія Ландышева, благочиннаго Петра Нарарьева, благочиннаго Василия Конобѣрскаго, Іоаннъ Камонскаго, Стефана Кроткова;

владимирской: священника и благочиннаго Игнатия Рудни-
 ва, священника Симеона Никольскаго, игумена Псково-
 сопска, протоіерея и благочиннаго Александра Широва;
 лужецкой: священника и благочиннаго Густава Долго-
 ва; сольмоной: священника Николая Левитскаго; смоль-
 ской: священника Павли Дербскаго; саратовской: свя-
 щенника и благочиннаго Дмитрія Орлова; священни-
 ка Сергія Чупаевского; саратовской: протоіерей и бла-
 гочиннаго Іоанна Шерещкаго; протоіерей Василий Оне-
 ндова, іеромонахъ Леонидъ, протоіерей Михаилъ Треть-
 нецкаго; священниковъ: Михаилъ Макаровскаго, Алек-
 сандра Ивсаревскаго, Романа Касьянова; благочинна-
 го Григорія Пономарева; благочиннаго Михаила Влече-
 ва, Михаила Рубинскаго, Василия Тарановскаго, Алексея
 Яблуневскаго, Александра Рудинскаго, Дмитрія Поньва;
 самарской: священника Евгения Тычинина, игумену
 Маргариту; уфимскій: священниковъ: Василий Елизаро-
 ва, Николай Левинаго, Іоанна Ясенова, Алексея Ни-
 литскаго, Стефана Константиновскаго, Александра Спир-
 овскаго, Михаила Овчаровскаго, Андрей Пятковска-
 го, Виктора Всеволодскаго, Павли Шмелкина, Сеодора
 Игумнова, Григорія Образцова, Павла Неворова, Кон-
 стантина Орлова, Павла Инфантьева, Іоанна Дмитріева;
 киевской: священника и благочиннаго Симеона Мише-
 ляде. Г) Разрешеніи неслити преломленіи ишрѣба
 для предмета чинахъ кхъ крѣвѣ по пендѣнскѣ снѣрѣк: про-
 тоіерея и благочиннаго Андрей Архангелскаго.

— Определеніемъ Св. Синода постановлено: проводить
 благословеніе: отъ 29 марта — почетному члену Библіотеки по
 хозяйственной части при екатеринбургскомъ духовномъ
 училищѣ, екатеринбургскому купцу колѣборщи священ-
 нику Михаилу Нурову, за померзловскіи въ пользу
 означеннаго училища на сумму 410 руб., отъ 18 апрѣ-

за благотворительному купеческому обществу Евлампію Телетину; за устройство для 32 сиротъ учениковъ екате-ринбургскаго духовнаго училища сумонникъ владѣль-цевою въ 115 р. 70 к.; отъ 4 мая — почетнымъ бла-госчитателямъ по хозяйственной части: при 1-мъ орловскомъ духовномъ училищѣ — потомственному почетному пра-вдину; орловскому купцу Алексѣю Парамичину, за про-изведенныя имъ на свой счетъ необходимыя поправки и улучшения въ училищныхъ здавіяхъ, на сумму до 100 р., и при ливенскомъ училищѣ — потомственному почет-ному гражданину ливенскому купцу Холину; за пожерт-вованіе въ пользу сего училища 250 р.; при казакской семинаріи еискому 1 гильдіи купцу Александру Леонидову за труды и пожертвованія въ пользу означенной семина-ріи; каргопольскому 3 гильдіи купцу Евлампію Терентье-ву; за пожертвованія его въ пользу 16 бѣдныхъ учени-ковъ каргопольскаго духовнаго училища; инспектору рязанскаго духовнаго училища іеромонаху Владимиру, за пожертвованіе въ библиотеку училища 135 книгъ.

— Определеніемъ Св. Синода положено преподать благословеніе: отъ ^{25. марта} _{11 мая} наказному атаману войска дон-скаго, съ другими добродетельцами, полковникамъ Петру Янову и Алексѣю Марглынову, корнету Петру Янову, хорунжему Якову Вазерскому, дочери полков-ника Елисаветѣ Вагаджинѣ — Тамшевой, женѣ ротми-стра Еленѣ Сарниновой, казаку Ивану Ковалеву и раз-нымъ лицамъ, приглашеннымъ къ пожертвованіямъ свя-щенникомъ Василиемъ Часовниковымъ, за сдѣланныя ими въ пользу церкви донской епархіи благочестивыя приношенія; отъ ^{20. апреля} _{11 мая} помѣщикамъ: полковнику Сер-гѣю Веревкину и штабъ-ротмистру Николаю Топорни-ву, коллежскому регистратору Константину Осерову, вдовѣ дворянствыни статскаго советника Александрѣ

Рогачевой, дворянкамъ: Барварѣ Зиновьевой, Александрѣ Бычковой, Клавдіи Ногашевой и Натальѣ Дмитріевой, коллежской регистраторшѣ Катеринѣ Лебедевой, купцамъ симбирскимъ: Василью Чебоксарову, Петру Конурину, Сергѣю Халкову, Александру Гончарову, Александру Ражеву, Федору Краснилкоу, Ивану Данилову, Ивану Бабушкину, Ивану Свѣчникову и Алексѣю Кирпичникову и сызранскому — Алексѣю Ледневу; симбирскимъ мѣщанамъ: Павлу Грѣневу и Ильѣ Прокопьеву и мѣщанкѣ Аннѣ Зетовой, крестьянкамъ: Панской слободы симбирскаго уѣзда Гавриилу Маслокову, деревни Камышенки сентилеевскаго уѣзда Федоту Герасимову и села Старыхъ Айбесъ буинскаго уѣзда временно обязанному крестьянину г-жи Бахметовой Семену Кустарникову, старостамъ церквей: введенской села Лобаскъовъ ардатовскаго уѣзда крестьянину Никифору Иванову и спаской, Красногорской слободы крестьянину Аванасію Тезикову, прихожанамъ церквей: сентилеевской соборной покровской, троицкой села Рѣщевки озерокъ симбирскаго уѣзда, николаевской села Кильдюшева тогожъ уѣзда, троицкой села Суринскаго сентилеевскаго уѣзда, николаевской села Напольнаго алатырскаго уѣзда и преображенской села Куреней буинскаго уѣзда Парасковѣ Прокопьевой, и благотворителямъ, пожертвовавшимъ въ церкви; а) всѣхсвятскую г. Симбирска въ 50 руб. священныя облаченія на жертвенникъ и ризничныя принадлежности; б) христорождественскую села Цыльны 300 руб., в) троицкую села Кременога симбирскаго уѣзда разныя вещи; г) сызранскую соборную казанскую 70 аршинъ бѣлаго газету на устройство священныихъ облаченій и ризицы; д) сызранскую ильинскую 30 аршинъ голубаго бархату на ризы и стихарь, ж. е) николаевскую села средней Туармы карсунскаго уѣзда 200 руб.

— Святѣйшій Синодъ, усматривая изъ донесенія преосвященнаго саратовскаго Евсемя, что духовенствомъ саратовской епархіи на религіозное образованіе народа обращено истинно пастырское вниманіе, что усердіемъ и пожертвованіями этого духовенства въ теченіе одного года открыто болѣе 500 народныхъ училищъ, и что начало и успѣшное веденіе настоящаго дѣла, по всей справедливости, должно отнести къ заботливости и распорядительности преосвященнаго,—опредѣленіемъ 13-го марта сего года положилъ: объявить ему, преосвященному, за такую заботливость о саратовской паствѣ, совершенную признательность Святѣйшаго Синода, а лицамъ болѣе другихъ отличающимся усердіемъ и похвальною дѣятельностію въ дѣлѣ народнаго образованія—протоіереямъ: Іоанну Покровскому и Михаилу Воронцову, священникамъ: Сергію Чумаевскому, Петру Меликову, Іоанну Волконскому, Марку Новопавловскому, Игнатію Митякину, Константину Парнасову, Георгію Воронцову и Димтрію Бакурскому, вдовѣ діакона—Маріи Прудентовой и дочери пономаря — дѣвицѣ Маріи Ливановой—преподать благословеніе Святѣйшаго Синода.

— Св. Синодъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, положилъ предписать указами преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они непосредственно отъ себя и чрезъ вѣренное имъ духовенство, приглашали извѣстныхъ имъ ревнителей благолѣпія храмовъ Божіихъ къ посильнымъ пожертвованіямъ на построеніе православныхъ церквей, для прибывшихъ въ 1861 году изъ за границы и водворенныхъ въ таврической губерніи славянъ, съ тѣмъ, чтобы приношенія, какія на сей предметъ будутъ собраны, доставляемы были, чрезъ епархіальныя начальства, въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ,

для передачи въ вѣдѣніе г. министра государственныхъ имуществъ. Декабря 30 дня 1861 года.

— Св. Синодъ, принимая въ соображеніе, что проповѣди духовенства могутъ оказать благотворное вліяніе на мирный и правильный ходъ крестьянскаго дѣла, и что просмотръ сихъ проповѣдей мѣстнымъ епископомъ составляетъ вполне достаточное за нихъ ручательство, опредѣляетъ: предписать циркулярными указами преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они, по усмотрѣнію своему, разрѣшали печатаніе проповѣдей въ губернскихъ вѣдомостяхъ, по ходатайствамъ о томъ мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ. Февраля 28 дня 1862 г.

— Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 4 мая положено: 3 гильди купца Степана Мазанова опредѣлить почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при поволжской семинаріи.

— По распоряженію господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 5-го мая: инспекторъ боровичскаго духовнаго училища коллежскій ассесоръ Николаевскій и помощникъ инспектора московскаго синодальнаго хора дѣвчичъ Александръ Невоструевъ переименованы — первый на вакансію смотрителя боровичскаго училища, а второй учителемъ въ костромскую семинарію; смотритель суздальскаго духовнаго училища коллежскій секретарь Веселовскій уволенъ отъ службы по прошенію; 9-го мая: учитель калужскаго духовнаго училища губернской секретарь Воскресенскій переименованъ на должность инспектора и учителя въ боровское духовное училище; — бакалавръ московской духовной академіи Михаилъ Сабуровъ уволенъ отъ должности по прошенію.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1862 ГОДЪ.

I.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Стран.

О радостяхъ и удовольствіяхъ	3	— 26
Слово, говоренное по освященіи церкви во имя пр. Сергія, радонежскаго чудотворца, устроенной въ зданіи арестантской исправительной роты въ Ярославѣ, 10 декабря 1861 года.	123	— 128
О любви къ человѣчеству въ отношеніи къ современнымъ потребностямъ жизни	277—297.	573—588. 719—736
О прощеніи обидъ	298	— 312
О явленіи Бога Моисею на Хоривѣ	443	— 462
Объ истинной мудрости, по опыту жизни св. Іустина Философа	737	— 750

II.

УЧЕНО-БОГОСЛОВСКІЯ ИССЛѢДОВАНІЯ.

Лжеисидоровскія декреталіи и ихъ значеніе въ исторіи развитія папской системы.	27	— 86
Взглядъ на характеръ и направленіе западныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій	129	— 151
Историческое обозрѣніе символовъ, бывшихъ въ Церкви до никейскаго собора.	152—184.	463—514
Преподобный Максимъ Грекъ, исповѣдникъ просвѣщенія въ XVI вѣкѣ	313	— 386
О коренныхъ свойствахъ и истинномъ значеніи Церкви Христовой	515	— 530

- Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о Ное-
вомъ потопѣ сравнительно съ ученіемъ слова Божія объ
этомъ предметѣ 589—608. 751—774
- Историческій списокъ константинопольскихъ патріарховъ
отъ взятія Константинополя турками до 1836 г. 609—652. 775—804

III.

СОВРЕМЕННОЕ СБОРЪНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ И ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Испѣленія, совершившіяся въ Задонскомъ монастырѣ при
открытіи мощей святителя Тихона, епископа воронежскаго
и елецкаго 87—95. 185—198. 557—570. 696—701
- Замѣтки по дѣлу о народомъ образованіи 96—107
- Новыя стремленія папы къ утвержденію власти его надъ
восточною церковію. 108—113
- Начальственнымъ распоряженіемъ по вѣдомству православнаго
исповѣданія 114—118. 273—276. 441—442. 571—572. 702—711. 873—886
- Русское православное духовенство, объявленія противъ не-
го и его цивилизаторская дѣятельность: современныя за-
мѣтки 199—268. 664—695
- Письма православнаго путешественника о церковномъ
состояніи запада. 387—399
- Выписки изъ миссіонерскихъ журналовъ азіатской ду-
ховной миссіи 400—426. 544—556
- Списокъ школъ грамотности для простаго народа, откры-
тыхъ главнымъ образомъ духовенствомъ православнымъ въ
48 епарціяхъ: нѣсколько замѣтокъ, относящихся къ дѣлу
народнаго образованія и приглашеніе къ пожертвованіямъ
въ пользу народнаго образованія 427—441
- Нѣсколько словъ объ отношеніи естественныхъ наукъ къ
Вѣрѣ, по поводу появленія «Естественной Исторіи Агассида» 531—543
- О значеніи греческаго перевода ветхаго Заветъ LXX тол-
ковниковъ, по отзыву одного изъ членовъ англиканской церкви 653—663
- Письмо о протоіерея І. Васильева къ г. Гизо, члену фран-
цузской академіи. 805—872
- Воззваніе къ благотворителямъ 119—122
- Объявленіе академической конференціи 269—272
- Отъ правленія академіи 712—713
- О пожертвованіяхъ на улучшеніе быта православныхъ
поклонниковъ въ Палестинѣ 714—718

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

3 2044 105 195 234

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>